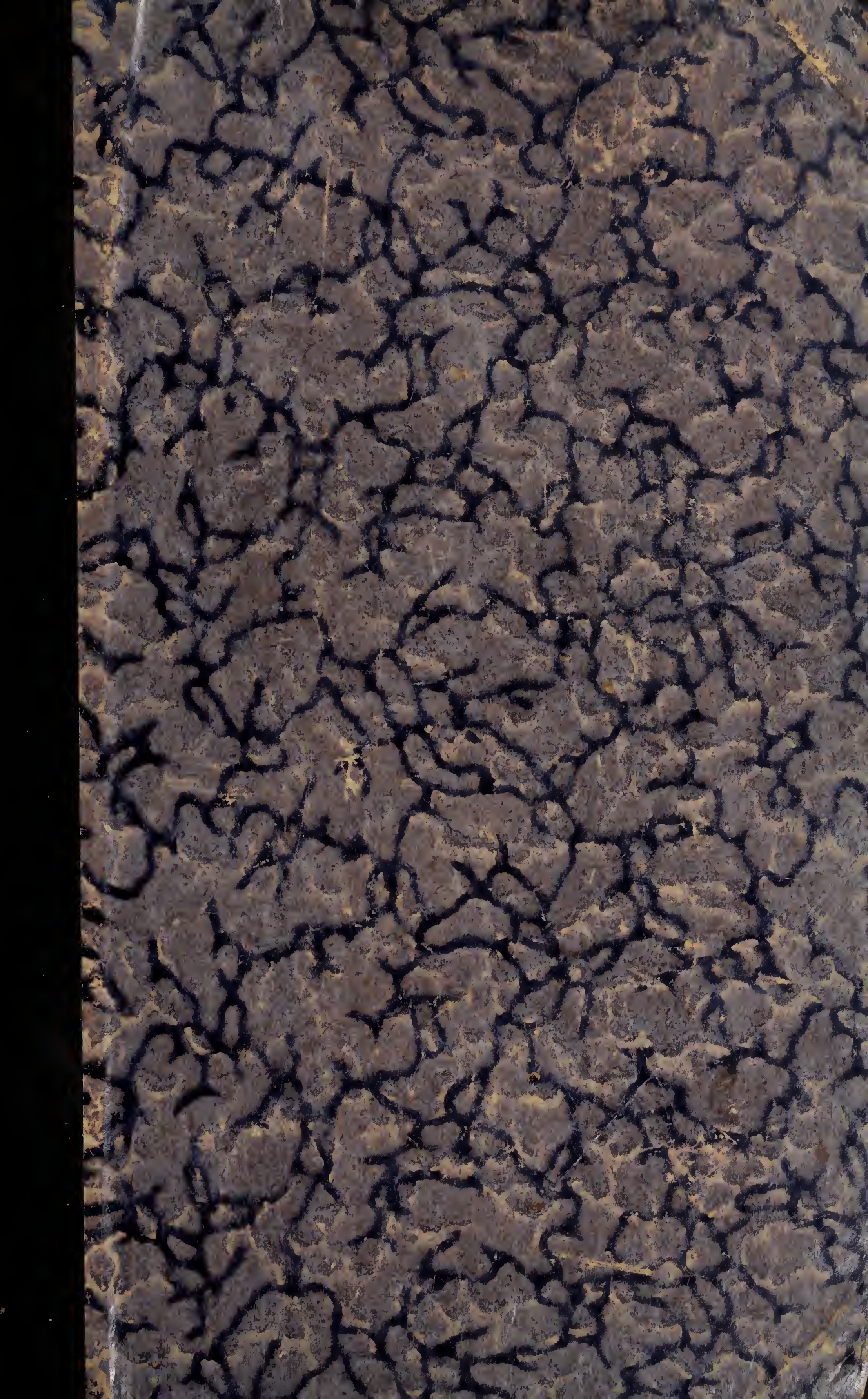
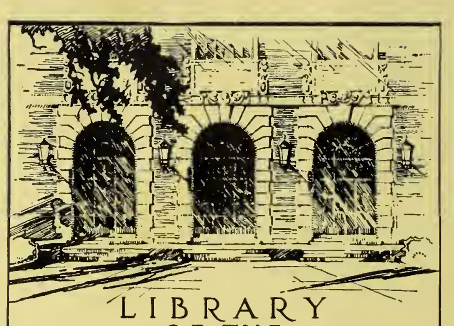
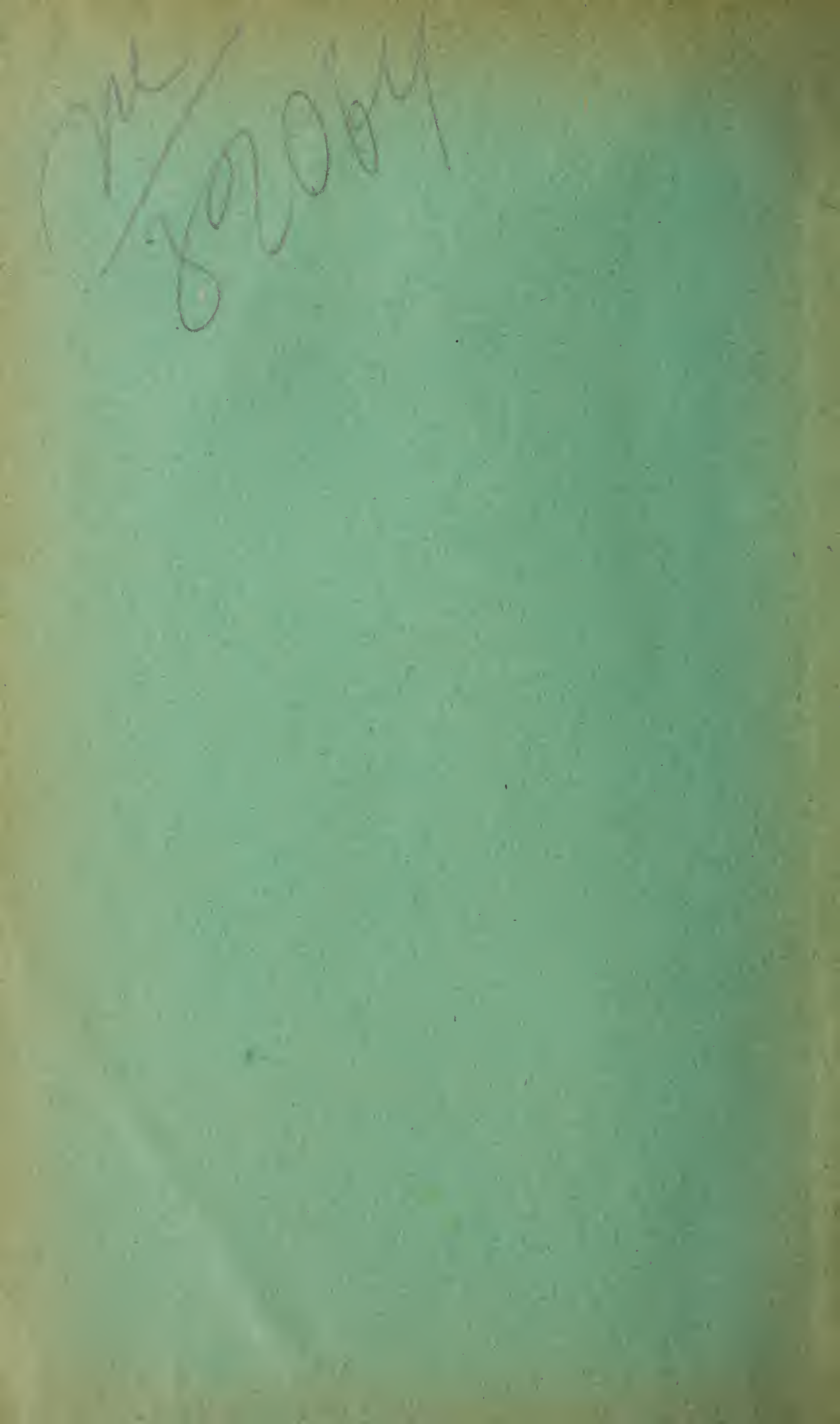






РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

ОКТЯБРЬ.

МОСКВА.
Типо-литогр. Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°, Пимен. ул., собств. домъ.
1899.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

КНИГА X.

МОСКВА.

1899.

Москва, типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°.
Пименовская улица, собствен. домъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВѢЧНЫЙ ГОРОДЪ *).

(Итоги пережитаго).

III.

Въ стѣнахъ Рима и внѣ ихъ.

Новая тяга въ вѣчный городъ къ осени 1897 г.—Подготовка въ Петербургѣ и Б.-Баденѣ.—Въ ожиданіи „настроенія“.—Прославленныя панорамы Рима.—Нѣсколько изреченій.—Гарибальди на высотахъ Яникула.—Объѣздъ города внутри стѣнъ.—Ворота и урочища.—Ядро Рима.—Новые кварталы.—Римъ „итальянцевъ“.—„Fuori le mura“.—Аппіевы дороги.—Римская „Кампанья“.—Какъ на нее смотрѣли до XIX-го вѣка? — *Castelli Romani*.—Вилла Адріана.—Тиволи.—На Альбанскихъ высотахъ.—Озера.—Память о творцѣ „Мертвыхъ душъ“.—*Фраскати*.—Монастырь *Гро́тта-Ферра́та*.—Городскія виллы.—Сады *Доріа Памфили*.—Прощаніе съ весеннимъ Римомъ.

Когда, съ мая 1896 года, мною заново овладѣло желаніе непремѣнно пожить въ Римѣ еще разъ—послѣ поѣздокъ 1870 и 1874 годовъ—меня смущала, по временамъ, мысль, что тамъ ждетъ меня, быть можетъ, то чувство, которое приходится часто испытывать на склонѣ лѣтъ... Не окажется вдругъ того подъема, какой даетъ молодость, и «вѣчный городъ» будетъ, пожалуй, мертвенно глядѣть на тебя. Протянулась вся зима. Я началъ готовиться къ своей поѣздкѣ въ Петербургѣ; больше однако для дополнительной темы, связанной съ Римомъ: разспрашивалъ стариковъ-писателей и справлялся у всѣхъ, кто могъ мнѣ поразсказать о русскихъ, живавшихъ въ Римѣ за цѣлые полвѣка.

Но для личныхъ испытаній, для того какъ я самъ найду Римъ, я еще не настраивалъ себя. И только лѣтомъ 1897 года я обратился опять къ вѣчному городу памятью и воображеніемъ. Было бы обидно, если бы внутренній интересъ совсѣмъ замеръ. Этого однако не случилось.

---

*) *Русская Мысль*, кн. VII, 99 г.

У меня нашлась, въ старыхъ книгахъ, красная книжка—неизбѣжный и достопочтенный *Бэдекеръ*—тотъ самый экземпляръ, который я купилъ въ Ниццѣ, въ 1870 году, наканунѣ отъѣзда въ Италію. Онъ былъ изданъ въ 1869 году; стало-быть, составленъ тридцать лѣтъ назадъ. Въ Баденъ-Баденѣ купилъ я послѣднее изданіе, 1896 года, и началъ ихъ свѣрять.

И съ каждымъ днемъ все сильнѣе Римъ—самъ по себѣ, какъ огромный собирательный памятникъ человѣческихъ судебъ—притягивалъ меня къ себѣ. То, что я видѣлъ въ 1870 году, было уже слишкомъ далеко; а въ 1874 году жизнь больного не позволяла ничему отдаваться такъ, какъ бы я хотѣлъ. Тутъ же я почувствовалъ, что попаду въ стѣны Рима съ обновленной душой...

Держа передъ собою, каждый день, маленькую схематическую карту еще стараго, папскаго Рима, раздѣленную на клѣточки, я съ особеннымъ удовольствіемъ сознавалъ, что многое, очень многое совсѣмъ вылетѣло изъ памяти, что побывалъ я въ тѣ разы далеко не вездѣ. И вся топографія Рима сдѣлалась, на особый ладъ, завлекательной. Хотѣлось посѣтить каждое урочище, въѣхать и выѣхать изъ каждыхъ воротъ городской стѣны, знать всякій старинный палаццо и всякую замѣчательную церковь...

Такого чувства у меня положительно не было, когда я впервые попалъ въ Римъ. Для этого надо пожить на свѣтѣ. Годà,—я это испыталъ теперь—дѣлаютъ васъ гораздо чутче ко многому, въ жизни и творчествѣ. Молодой человѣкъ не можетъ такъ всецѣло воспринимать, потому что слишкомъ торопится жить и полонъ еще разныхъ личныхъ мотивовъ, мѣшающихъ уходить во что либо съ забвеніемъ своего «я».

Въ такомъ настроеніи и поѣхалъ я въ Италію. За цѣлый мѣсяцъ, проведенный сначала во Флоренціи, гдѣ я освѣжалъ свои былыя впечатлѣнія, это настроеніе оставалось нетронутымъ и даже наростало.

Ровно перваго октября, по русскому счету, въ яркій полдень, скорый поѣздъ, идущій отъ Флоренціи до Рима всего шесть часовъ, высадилъ меня подъ своды станціи на площади «Пятисотъ».

Такъ же, какъ и въ хмурое ноябрьское утро 1870 года, когда я впервые попалъ въ Римъ, высились передо мною развалины Термъ Діоклетіана. Но вся площадь и цѣлая часть города вокругъ станціи теперь неузнаваемы. На этихъ высотахъ Виминàла, Квиринала и Пинчіо и разросся новый Римъ.

Тутъ вы ждете, вѣроятно, отъ меня обязательныхъ воздыханій о папскомъ старомъ Римѣ? И ихъ не будетъ. То, что металось въ

глаза новаго—огромные отели, многоэтажные дома, скверы, трамъ, прямыя, широкія улицы съ электрическими фонарями—нисколько не мѣшали мнѣ почувствовать себя все въ томъ же Римѣ. И этотъ нарядный кварталъ, со всѣмъ своимъ налетомъ европеизма, дѣлалъ еще дороже то, что древній и папскій Римъ хранили въ своихъ стѣнахъ, и что останется на вѣка и будетъ охраняемо тѣми самыми «итальянцами», которыхъ такъ походя бранятъ всѣ—и римляне, и иностранцы.

Еще въ Петербургѣ, въ началѣ 1897 года я разспрашивалъ у старожила Рима П. М. Ковалевскаго, знающаго его съ 50-хъ годовъ, какой кварталъ считать теперь самымъ здоровымъ. Онъ назвалъ мнѣ: «Quartiere Ludovisi» и совѣтовалъ остановиться въ новомъ отелѣ *Эденъ*, который онъ называлъ «Paradis», напирая на то, что въ этой гостиницѣ коридоры и лѣстницы зимой отапливаются.

Гдѣ прежде шли пустыри и раскинуты были угодья виллы Людовизи, теперь цѣлая шахматная доска улицъ, и главная изъ нихъ «Ludovisi—Buon Compagni», широкая и уже совсѣмъ почти обстроенная, идетъ внизъ не очень крутымъ спускомъ къ высотамъ Монте-Пинчіо. Отъ прежняго парка фамиліи Людовизи остались только два сада. Стариннаго маленькаго Казино съ головой Юноны уже нѣтъ, а высится на спускѣ по *Via-Veneto* новый палаццо фамиліи Піомбино, представляющей собой соединенные роды Людовизи и Буонъ-Компаньи.

Свѣтъ обливалъ рядъ новыхъ громадныхъ домовъ, по дорогѣ къ отелю Эденъ, стоящему на самомъ углу у подъема къ *Porta-Pinciana*, наискосокъ отъ извѣстной *Villa-Malta*, гдѣ бывалъ еще Гёте и гдѣ теперь возвышаются палаты русскихъ баръ, графовъ Б—скихъ.

Меня потянуло, сейчасъ же послѣ завтрака, на улицу, точно я боялся, что вотъ что-нибудь помѣшаетъ мнѣ въ первый же день налюбоваться Римомъ. Тянуло туда—на высоты Палатина, а главное на террасу церкви *S. Pietro in Montorio*,—пройти черезъ то, что̀ охватило героя романа «Римъ». За это надо поблагодарить Золя: онъ сумѣлъ—вѣроятно, и не во мнѣ одномъ—воскресить жажду впечатлѣній, черезъ которыя и онъ самъ проходилъ въ первые часы, проведенные въ Римѣ.

Но я сначала очутился у Форума,—что-то такое пересилило... Времени было еще довольно до захода солнца. Показались справа изъ той улицы, по которой везъ меня извозчикъ, желтые мраморы у подножія Капитолія—три колонны храма Веспасіана, грузная ар-

ка Септимія Севѣра, и вотъ мы на проѣздѣ между двумя впадинами Форума.

Нѣтъ, въ 1870 году я не испытывалъ ничего подобнаго! А позднѣе, двадцать четыре года назадъ, не могъ изъ-за нездоровья искать по Риму душевнаго подъема...

Форумъ остался въ моей памяти довольно отчетливо, но безъ красокъ, не живой, а окаменѣлый, и главное—совсѣмъ сѣрый, безъ колорита и свѣтотѣни. Онъ не показался мнѣ теперь такимъ узкимъ и тѣснымъ, какъ когда-то, вѣроятно, оттого, что я уже не предъявлялъ ему никакихъ ненужныхъ запросовъ.

Мой извозчикъ повернулъ на ту сторону, вдоль *Via delle Grazie*.

Я поспѣшилъ на высоты Яникула.

«Лучшая ли это панорама Рима», спросятъ меня? Она прославлена и моимъ знаменитымъ собратомъ. Не знаю. Есть нѣсколько пунктовъ, съ которыхъ кругозоръ шире. Кто хочетъ лазать на куполъ св. Петра или на мавзолей Адріана—*Castel S. Angelo*, тотъ, конечно, будетъ имѣть передъ собою всю равнину Римской Кампаньи, съ семью холмами. И съ другой прославленной террасы, на возвышеніи, гдѣ только часть города лежитъ подъ вами, прекрасный видъ,—это съ площадки Монте - Пинчіо. И еще съ другой вышки, менѣе извѣстной, передъ *Palazzo Caffarelli*, гдѣ помѣщается нѣмецкое посольство. Или изъ сада Мальтійской виллы надъ Тибромъ... Мало ли откуда!

Но дѣло не въ этомъ, а въ вашемъ собственномъ *настроеніи*, въ вашемъ желаніи смотрѣть и воспринимать въ себя то обаяніе, какое даетъ масса зданій, составляющихъ ядро города,—когда вы себя подготовили къ такимъ зрѣлищамъ, когда вы можете называть мысленно многіе изъ этихъ памятниковъ, куполовъ, колоколенъ, фасадовъ, садовъ, мостовъ, подъемовъ и спусковъ.

Не безусловная красота вида съ любой изъ этихъ вышекъ дѣйствуетъ на васъ, а то, что это—*Римъ*, вѣковѣчный пріемникъ самой могучей и продолжительной человѣческой культуры, на матерпкѣ Европы. Вы не можете отрѣшиться отъ того, что въ васъ самихъ уже созданъ этотъ Римъ: какую игру идей и образовъ, какое сочетаніе душевныхъ элементовъ!... Вотъ главный источникъ впечатлѣній...

И я радовался тому, что заново воспринималъ Римъ, что мнѣ особенно отрадно было, стоя тутъ на террасѣ *S.-Pietro in Montorio*, искать глазами тотъ или иной пунктъ, узнавать церкви, соображать, что вонъ тотъ фасадъ принадлежитъ такому-то строенію, а та глыба, темнѣющая вдали—такія-то развалины античнаго Рима.

Повѣрьте, это всегда будетъ нѣчто самое привлекательное и возвышающее вашъ духъ... Именно — *возвышающее*, а не гнетущее. По крайней мѣрѣ, я испытывалъ это все время, до послѣднихъ дней моего житья въ Римѣ, т.-е. почти полгода.

Писатели съ громкимъ именемъ, съ талантомъ и стилемъ любили вдаваться въ элегическую фразеологію. Припомните хоть два изреченія двухъ французовъ, такъ несходныхъ между собою—Шатобріана и Бэля-Стендаля. Одинъ былъ вѣрующій романтикъ, другой—скептикъ и эпикуреецъ.

Вотъ знаменитыя слова Шатобріана:

«Rome! C'est le plus grand appui aux lassitudes de l'âme».

Это, быть можетъ, и вѣрно, но Римъ даетъ поддержку не однимъ только «утомленіямъ» души. Онъ замолаживаетъ васъ, позволяетъ переживать душой точно цѣлый милліонъ существованій, а это не одно и то же.

Восклицаніе Бэля фразисто, хотя и звучитъ красиво: «Tout est décadence ici, tout est souvenir, tout est mort».

Это, пожалуй, и такъ въ извѣстномъ смыслѣ; но что же изъ того? И распаденіе, и память прошлаго, и повсюдная смерть облечены въ такой покровъ, въ который вы сами облекаетесь,—не какъ въ саванъ, а какъ въ освѣжающую пелену...

Гораздо глубже, правдивѣе и проще чувствовалъ Гёте, когда написалъ, подъ 26 декабря 1786 г. слѣдующія слова:

«Rom ist *eine Welt*, und man braucht Jahre, um sich nur erst drinnen Gewahr zu werden».

Отовсюду, съ каждаго возвышеннаго пункта, Римъ, и въ яркое солнце, и подъ смягченнымъ свѣтомъ, плѣняетъ васъ своимъ окрашиваніемъ. Онъ какъ бы розовый, розовѣе Флоренціи. А Парижъ сравнительно съ нимъ—совсѣмъ сѣрый, почти грифельный.

Эта окраска всего, что̀ камень—а Римъ весь каменный—особенно оттѣняетъ и синеву неба. На ней и дымчатый флёръ воздушной дали получаетъ розоватый оттѣнокъ.

Ко мнѣ начали приставать продавцы альбомовъ и дешевыхъ мозаикъ, коверкая англійскія и нѣмецкія слова; а я все стоялъ, глядя справа клѣву, на разставленную панораму скученныхъ внизу зданій. Тибра не видать и обѣ прирѣчныя части города сливаются въ одну, уходя въ ширь и въ даль, покрываютъ стародавніе холмы на пространствѣ въ двѣ трети всего жилого Рима. А тамъ, правѣе, въ голубоватой дымкѣ, шли низины римской Кампаньи, до полоски моря. Лѣвѣе выдѣлялись по небу нѣжныя очертанія Албанскихъ горъ...

Мнѣ сдавалось, что я тутъ въ первый разъ въ жизни. И это болѣе чѣмъ вѣроятно. Зимой 1870 года я врядъ ли попадалъ сюда. У меня не осталось въ памяти ни крутого подъема къ церкви *S. Pietro in Montorio*, ни ея фасада. А въ тѣ мѣсяцы 1876 года, когда я страдалъ маляріей, я только по пріѣздѣ бывалъ по ту сторону рѣки, въ Ватиканѣ, да разъ доѣзжалъ до виллы «Фарнезина». Трастèвере пугало меня...

Теперь при «итальянцахъ» всѣ эти высоты превратились въ прекрасную прогулку. Вы ѣдете, или идете, дальше, въ сторону Петра, и справа и слѣва передъ вами открывается кругозоръ. Тамъ ряды фасадовъ, куполовъ, башенъ и колоколенъ; здѣсь, влѣво, лощина и, дальше, невысокіе холмы, а поближе—сады Ватикана. По обрыву, который смотритъ на зарѣчный городъ, не доѣзжая виллы Ланте, передъ вами въ воздухѣ вздымается легкая, очень высоко поставленная конная статуя.

Это—Гарибальди! Ее отовсюду видно, куда бы вы ни поѣхали, со всѣхъ холмовъ вѣчнаго города, и съ низинъ, и съ подъемовъ, и за стѣнами по направленію къ горамъ, изъ Фраскати, Альбано, отовсюду. Народный герой сидитъ на конѣ въ свободной позѣ, съ накинутымъ на плечи пледомъ, въ своей легендарной шапочкѣ, и смотритъ влѣво, на куполъ Петра. Въ этой посадкѣ, въ этомъ взглядѣ—глубокій символъ.

Подойдите къ подножію памятника и посмотрите оттуда на Римъ. Вы поймете тогда не головой только, а всей душой вашей, могутъ ли тѣ, кто въ сентябрѣ 1870 года бралъ Римъ, отдать его обратно папѣ? Этотъ памятникъ—самый смѣлый вызовъ, брошенный Ватикану. И до тѣхъ поръ, пока онъ стоитъ тутъ, на прогулкѣ Яникула, около виллы Ланте, освободительный духъ лучшихъ сыновъ вѣка не уступитъ средневѣковому абсолютизму, чѣмъ бы онъ ни прикрывался.

Спускался я въ сторону Петра и долго еще не могъ оторваться отъ стройной статуи съ небольшой головой, въ шапочкѣ—бойца за свободу, который воззрился въ куполъ и въ тотъ каменный ящикъ, что̀ примостился къ Петру, гдѣ живетъ римскій первосвященникъ.

Трастèвере потянулось мимо меня вплоть до площади Петра. Она открылась предо мною какъ нѣчто давно знакомое. Въ такой прочности впечатлѣній есть тоже нѣчто отрадное. Глядишь на фонтаны, на порталъ собора, на коллонаду Бернини, на подъѣздъ, куда хаживалъ въ музей и залы Ватикана, и мысленно говоришь: «до скораго свиданія».

Въ глубинѣ площади, вдоль дома, смотрящаго прямо на Петра,

уже не прежнія лавчонки и остеріи, а ресторанъ съ навѣсомъ надъ тротуаромъ и рядомъ столовъ, по-парижски. Ближе желтѣютъ вагоны конки, освѣжающія брызги фонтановъ долетаютъ до васъ.

По набережной замокъ св. Ангела высится передъ вами съ той же вѣковой несокрушимостью императорскаго мавзолея. И смотритъ онъ на новые мосты, на свѣжую обшивку рѣки, на все, что сдѣлано въ послѣднюю четверть вѣка. Дальше въ *Prati-Castello* поднялись ряды каменныхъ ящиковъ. Тутъ готовился къ жизни цѣлый городъ, и когда строительная горячка оборвалась и наступилъ крахъ, этотъ новоявленный городъ застылъ, недостроенный, съ домами безъ крышъ, съ голыми стѣнами, выведенными насколько хватало денегъ, съ населеніемъ пришлаго, трудового люда, оставшагося совсѣмъ безъ заработка.

Но все-таки это кадры будущихъ прекрасныхъ кварталовъ. До итальянцевъ *Prati Castello* тянулись безлюдные и безполезные, покрытые кое-какими огородами и виноградниками. Теперь они уже не превратятся больше въ пустыню. Даже «Новая Церковь» во имя угодника папы, св. Іоакима, достраивается тутъ же, въ этой части города. А когда громадное зданіе министерства юстиціи будетъ докончено, вся набережная туда, дальше, до новаго моста Маргариты, оживится. Да и теперь Тибръ вставленъ въ другія рамки. Нѣтъ уже и въ поминѣ прежней, быть можетъ, живописной грязи и запущенности.

Черезъ мостъ Маргариты вы попадете на *Piazza del Popolo*. На ней все по-старому и передъ вами выступаютъ подъемы *Monte Pincio* съ тѣми же скульптурными орнаментами, а направо—два купола одноформенныхъ церквей, открывающихъ въѣздъ на Корсо.

Это былъ мой первый *конецъ* по Риму. Такихъ сдѣлалъ я сотни, въ теченіе цѣлаго почти полугодія, во всѣхъ направленіяхъ, внутри стѣнъ. Весь октябрь я жилъ на воздухѣ цѣлыми днями. Надо было воспользоваться чудесной, чисто-лѣтней погодой. И вотъ мой совѣтъ каждому, кто соберется провести «сезонъ» въ Римѣ до ранней весны: не откладывать до февраля или марта поѣздокъ за городъ, а дѣлать ихъ осенью, въ октябрѣ или началѣ ноября. Можетъ случиться, что въ февралѣ пойдутъ дожди и трудно будетъ выбрать ясный день съ прочной погодой для выѣзда въ пригородныя мѣста: Фраскати, Альбано, Тиволи, Остію, Порто д'Анціо, или подальше, въ Витербо и Субіако.

Первыя три-четыре недѣли я распредѣлялъ свой день такъ: утромъ посѣщеніе памятниковъ и музеевъ, послѣ завтрака—концы по городу, а когда ѣздилъ «fuori le mura», то дѣлалъ это съ утра;

послѣ обѣда—вечернія прогулки по нѣкоторымъ пунктамъ Рима, зрѣлища, кафе. Знакомства я нарочно откладывалъ до ноября и въ первыя недѣли дѣлалъ исключенія только для нѣкоторыхъ русскихъ художниковъ.

Римъ, *въ своей совокупности*, привлекалъ меня съ неослабѣвающимъ интересомъ. Хотѣлось исходить и изъѣздить его, чтобы получить полное *чувство цѣлаго*, прежде чѣмъ останавливаться надъ отдѣльными произведеніями искусства, надъ творческими памятниками древности, средневѣковья и Ренессанса.

Спросите бывалаго туриста, хорошо знающаго Парижъ: что для него въ этой «столицѣ міра» остается самымъ привлекательнымъ? Онъ навѣрно отвѣтитъ: «оживленіе на бульварахъ» и въ Елисейскихъ поляхъ. Покойный М. Е. Салтыковъ, когда я живалъ съ нимъ въ одно время въ Парижѣ, въ маѣ или сентябрѣ, вообще тяготился тамошней жизнью и обыкновенно ворчалъ на все, но когда, въ теплый вечеръ, попадетъ онъ, бывало, на бульваръ, особенно въ болѣе поздніе часы послѣ театровъ, лицо его сейчасъ же прояснится, и онъ непремѣнно скажетъ:

— Вотъ это славно! Изъ-за этого только и стòитъ ѣздить въ Парижъ.

Въ Римѣ нѣтъ ничего похожаго на красивое оживленіе ночного Парижа или въ тѣ часы, когда изъ Булонскаго лѣса катятся къ Тріумфальной аркѣ тысячи экипажей, а пестрая, веселая толпа плыветъ по обѣимъ сторонамъ аллеи. Но и въ «вѣчномъ городѣ» самое прочное и поднимающее духъ впечатлѣніе доставляютъ вамъ прогулки и поѣздки во всѣ концы, различные пункты, откуда открываются панорамы его урочищъ съ древними развалинами и со всѣмъ тѣмъ, что христіанскій Римъ создалъ въ камнѣ. Это ни съ чѣмъ не сравнимо и никогда не можетъ пріѣсться, если только вы хоть сколько-нибудь готовили свое воображеніе и внутреннее чувство къ такимъ настроеніямъ. Прежде, въ оба моихъ первыхъ пріѣзда, я былъ равнодушнѣе потому именно, что не достаточно готовилъ себя къ Риму. Лѣтомъ 1897 года, вплоть до октября, въ Германіи и во Флоренціи всѣ мои досуги шли на чтеніе, не только на чтеніе монографій описательнаго характера съ археологической подкладкой (и ими пренебрегать не слѣдуетъ), а также на освѣженіе въ своей памяти того, что даетъ лучшее средство: проникать въ духъ древней жизни, чѣмъ Римъ наполнялъ свое всемірное существованіе какъ разъ въ ту эпоху (отъ конца республики до упадка имперіи), отъ которой сохранилось всего больше письменныхъ памятниковъ всякаго рода. Я перечитывалъ или заново читалъ Ци-

церона, Сенеку, Тацита, Светонія, сатириковъ Плавта, Теренція, Виргилія, пѣвца загородныхъ тихихъ радостей, доставляемыхъ жизнью въ поляхъ Лаціума.

Когда голова полна образами, чувствами, событіями, подвигами, пороками и вкусами тѣхъ людей, которые все это создавали, каждый пунктъ Рима получаетъ для васъ особое обаяніе. Безъ такого психическаго грунта уйдетъ половина душевнаго удовлетворенія. Останется только внѣшній интересъ, красивость или внушительность размѣровъ, и все это въ зависимости отъ личнаго вкуса и минутнаго расположенія.

Стѣны Рима сохранившіяся по всей окружности и теперешняго города, со своими воротами, если ихъ не одинъ разъ объѣздить, помогаютъ вамъ *закруглять* ваше знаніе о Римѣ. Начните съ сѣвера, съ *Porta del Popolo*, и всѣ урочища Рима откроются со своими характерными особенностями, холмами и лощинами, спусками и подъемами, съ античной древностью и христіанской культурой, стародавнимъ бытомъ и новѣйшими формами городского комфорта. За *Porta Pinciana* разстилается, идя книзу, вилла Боргезе, куда публика стремится слишкомъ мало, забывая, что это прекраснѣйшая, единственная въ своемъ родѣ, римская прогулка. По сю сторону стѣны, отъ *Porta Salara* и *Porta Pia* (сдѣлавшаяся легендарной для всякаго итальянскаго патріота послѣ 1870 года) расположились новые кварталы на прежнихъ пустыряхъ. Тутъ и *campo Militare*, и вся мѣстность, окружающая первый Діоклетіанъ. Оттуда идутъ внизъ новыя артеріи города—*via Cavour* и *via Nazionale*, а ближе къ стѣнамъ, по направленію къ *Porta S. Lorenzo* и *Porta Maggiore*, цѣлая шахматная доска новыхъ широкихъ, прекрасно обстроенныхъ улицъ, на прежнихъ пустопорожнихъ мѣстахъ. Между *Porta Maggiore* и *S. Giovanni* залегло урочище въ видѣ поляны, съ открытымъ видомъ на даль Кампаньи и горъ. И обѣ древнія церкви: *Santa Croce in Gerusalemme* и Латеранскій соборъ замыкаютъ собой это пространство. Вы ѣдете дальше по малолюднымъ и малозастроеннымъ отлогостямъ Целія до *Porta S. Sebastiano*, откуда за стѣной идетъ античная дорога *via Appia vecchia*. И опять пустыри, виноградники, подъемы и спуски въ окрестностяхъ термъ Каракаллы и дальше по волнистымъ склонамъ Авентина съ его вышками, мимо кургана Тестаччіо, по ту сторону *Porta S. Paoulo*, куда теперь идетъ электрическій трамъ, также какъ и къ Латеранскому собору.

Вотъ мы и уперлись въ Тибръ, а на другомъ берегу и, гораздо выше, выступитъ опять стѣна съ *Porta Portese*, и мѣстность бу-

детъ круто подниматься на высоты Яникула. За *Porta S. Pancrazio* зеленѣетъ вилла Доріа Памфили. А по сю сторону стѣны, на высотахъ,—та прогулка, гдѣ я былъ въ первый день, а внизу Трастевере, вдоль рѣки, загибающей круто вправо. Стѣна съ двумя воротами дѣлаетъ острый уголъ позади Петра и огибаетъ владѣнія «св. отца», гдѣ значится опять двое воротъ — вплоть до зàмка св. Ангела. А дальше уже нѣтъ стѣны и начинаются кварталы новаго зарѣчнаго города до моста Маргариты.

Какъ видите, ядро Рима и при «итальянцахъ» осталось то же самое. Измѣнилось только направленіе нѣкоторыхъ артерій городской жизни. Сдѣлали это, главнымъ образомъ, двѣ улицы: *via Cavour* и *via Nazionale.* Новые кварталы и въ зарѣчной части, и по лѣвому берегу Тибра, и вокругъ главнаго вокзала покрыли пустопорожнія мѣста, но ничего не замаскировали и никакихъ цѣнныхъ остатковъ старины не обидѣли.

Возгласы туристовъ и римлянъ, вздыхающихъ по старымъ порядкамъ—будто Римъ потерялъ для любителей и знатоковъ половину своей прежней чарующей физіономіи—до крайности преувеличены. Если вамъ не нравятся новые кварталы, не ходите въ нихъ. Вы и теперь можете прожить не то что два - три мѣсяца, а всю вашу жизнь, не выѣзжая изъ того Рима, гдѣ все по-старому, т.-е. то, что было своеобразнаго и живописнаго до 1870 года. Надо, прежде всего, спрашивать: что было когда-то на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ теперь огромные дома и цѣлыя улицы, застроенныя по новому плану? Это были пустыри, огороды, иногда виноградники и сады. Если не считать угодій прежней виллы Людовизи, врядъ ли найдется другое урочище, которое потеряло свою живописность отъ новыхъ построекъ. Но какое же количество квадратныхъ десятинъ найдете вы и теперь въ нѣкоторыхъ частяхъ Рима совершенно незастроенными? Все пространство ниже Целія, весь Авентинъ съ своими пологостями лощинъ и подъемовъ, мѣстность около Тестаччіо, широкая полоса вдоль стѣнъ отъ Авентина мимо воротъ Санъ-Себастіано до Санъ-Джіованни и дальше—все это еще «урочища» въ полномъ смыслѣ, т.-е. земли подъ огородами, садами, виноградниками, или залежи и пустыри.

Центръ города до сихъ поръ въ старомъ Римѣ, между Тибромъ, Монте Пинчіо, Квириналомъ, Виминаломъ, Эсквилиномъ и Паллатиномъ и сохранилъ почти нетронутой свою физіономію. Тутъ всѣ старыя улицы, площади, перекрестки, церкви, по которымъ вы будете оріентироваться,—стоятъ недвижно или идутъ все въ тѣхъ же направленіяхъ. И теперь Корсо—все та же соединительная линія

между *Piazza del Popolo* и *Piazza di Vennezia;* и самая оживленная, узкая улица *via del Tritone*, и вся старая, населенная и набитая церквами и дряхлыми зданіями часть вокругъ Пантеона, и тѣ мелкія артеріи, что тянутся отъ Корсо къ рѣкѣ и мостамъ въ одну сторону, и къ *Piazza di Spagna*—въ другую. Какъ было тридцать лѣтъ назадъ, такъ и сегодня *Piazza di Spagna*—центръ жизни туристовъ, съ своей пестрой колоритностью, лѣстницей, фонтаномъ, башнями, церквями—*Santa Trinità dé Monti* и тяжелымъ бурокраснымъ корпусомъ Пропаганды.

Говорить ли о тѣхъ прославленныхъ пунктахъ Рима, куда каждый иностранецъ идетъ или ѣдетъ на поклоненіе? Капитолій, Палатинъ, Колизей, Форумъ, Термы Діоклетіана и Каракаллы, храмы Весты и Минервы, Форумъ Траяна, театръ Марцелла, арка Октавіи и т. д., и т. д.,—всѣ эти мѣста не пострадали нимало. Напротивъ, позднѣйшія работы по раскопкамъ и реставраціямъ даютъ теперь гораздо большую возможность знакомиться съ тѣмъ, чѣмъ могли быть тѣ или иные развалины и обломки.

Если слушать всѣхъ недовольныхъ, то надо, пожалуй, раздѣлять сѣтованія тѣхъ, кто вздыхаетъ о томъ времени, когда Форумъ представлялъ изъ себя «Campo vacciono»—былъ засыпанъ до краевъ и на немъ росли деревья и зеленѣлъ дернъ. Но теперешній видъ придали Форуму археологи еще и до итальянцевъ, и я его нашелъ такимъ же, всего два мѣсяца спустя послѣ взятія Рима въ сентябрѣ 1870 года.

Мало того, что въ теперешнемъ Римѣ есть огромныя полосы земли совсѣмъ незастроенныя, но и тѣ характерные пункты, гдѣ городскіе виды окружены почти деревенскимъ просторомъ, все еще налицо. Когда вы пойдете или поѣдете въ тотъ кварталъ, гдѣ было прежде еврейское гетто (и до сихъ поръ еще полный евреевъ), то около *Piazza Montanara* съ народнымъ рынкомъ, куда собирается и масса сельскаго люда по извѣстнымъ днямъ, отъ руинъ арки Октавіи сейчасъ же откроется передъ вами пустырь вплоть до Тибра. А вдаль на противоположномъ, нагорномъ берегу высятся кипарисы и пиніи монастыря и Мальтійской виллы. Тутъ же сохранился старый кварталъ на островкѣ, образуемомъ рѣкою, а дальше въ Затиборьѣ идутъ народныя улицы *Lungara* и *Lungaretta* вплоть до *Borgo S. Spirito* съ внутренними воротами.

И въ такъ называемой *Citta Leonina*,—все по старому, о Ватиканѣ и говорить смѣшно! Если тамъ завелось что-нибудь новое внутри строеній, въ саду, по части свѣтскихъ построекъ, то все это сдѣлано по повелѣнію «державнаго узника»; а итальянцы, про-

бравшіеся когда-то въ брешь около *Porta Pia*, въ этомъ нимало не виноваты.

Словомъ, любителю Рима можно на полномъ раздольѣ вбирать въ себя все неизмѣнно крупное, внушительное, красивое, своеобразное, что̀ представляется ему во всѣхъ концахъ Рима, въ центрѣ и на окраинахъ.

Не только въ первыя недѣли, но и позднѣе, даже когда вы уже хорошо узнали Римъ и станете прощаться съ нимъ, пріятнѣе и цѣннѣе всего: пользоваться общимъ видомъ, схватывать очертанія и колоритъ, освѣщеніе и свѣтотѣни, перспективу и цѣлыя картины, гдѣ бы это ни было, въ стѣнахъ Рима или внѣ ихъ, на Капитоліи, или передъ Колизеемъ, на Яникулѣ, или на какой-нибудь площадкѣ передъ остатками древняго храма, среди домишекъ и бытовыхъ сценъ народной бѣдноты.

Ловить минуту, пользоваться настроеніемъ, смотря по тому, что его вызываетъ въ томъ или иномъ пунктѣ, это лучше, чѣмъ добиваться непремѣнно извѣстнаго впечатлѣнія заранѣе; подыскивать эффекты, ожидать ихъ, какъ дѣлаютъ туристы, заказывая себѣ лунныя ночи въ Колизеѣ или при освѣщеніи бенгальскимъ огнемъ по двѣ лиры за входъ.

Надо много ходить и ѣздить по Риму, не пренебрегая никакими его углами и сохранять въ себѣ способность отзываться на тысячу неожиданныхъ оттѣнковъ, которые дадутся не сразу и зависятъ отъ вашего внутренняго чувства.

Можно и въ *новомъ* Римѣ находить много красиваго, стоющаго болѣе сочувственнаго вниманія. И при дневномъ свѣтѣ, и ночью съ электричествомъ, которымъ освѣщены разныя улицы, площади и проѣзды, есть пункты, созданные уже «итальянцами», какихъ прежде не было. Они каждаго непредубѣжденнаго иностранца заставятъ полюбоваться. На томъ, напримѣръ, мѣстѣ, гдѣ *Via Nazionale* сливается съ улицей идущей отъ Квиринала и гдѣ высится стѣна виллы Альдебрандина, все наполовину новое. И этотъ перекрестокъ даже и по новымъ постройкамъ красивъ, —красивъ не банально, а въ стилѣ. Точно также и северъ позади Квиринала, съ монументальной лѣстницей внизъ къ *Via Nazionale* и зданіемъ художественной выставки. Или та улица, что круто спускается къ церкви *S. Nicolo Tolentino*. Ночью, залитая электрическимъ свѣтомъ съ своими грандіозными новыми домами, она особенно красива; или площадка предъ Грандъ Отелемъ, или обширная площадь Виктора Эммануила и еще много пунктовъ, гдѣ и у *новаго* Рима больше архитектурнаго пошиба, чѣмъ у Парижа, Лондона и даже

вѣны. Итальянцы до сихъ поръ умѣютъ и обыкновеннымъ доходнымъ домамъ придавать стиль, напоминающій старинный палаццо, а не выводить вдоль улицъ стѣны ящиковъ, съ казарменными фасадами, или кирпичныхъ сараевъ, продырявленныхъ тремя рядами оконъ, какъ въ Лондонѣ. Да и самыя старыя улицы и площади, Корсо, Тритоне, площадь у Пантеона *Piazza del Popolo, Piazza di Vennezia* ночью чрезвычайно выигрываютъ отъ электрическаго свѣта.

Площадь Барберини съ фонтаномъ Тритона выступаетъ въ этомъ свѣтѣ особенно живописно, да и днемъ она нисколько не попорчена тѣмъ, что въ глубинѣ ея около террасы стараго палаццо (на которой когда-то любилъ сидѣть Гоголь), выросъ новый домъ въ старинномъ стилѣ, гдѣ помѣщается отель Бристоль; прежде тутъ стояли лачуги и подъемъ на террасу шелъ мимо всякой дряни. А налѣво бульваръ, носящій имя *Via Veneto*, мимо монастыря капуцинъ, сохраняетъ тѣ же очертанія; но онъ заново отдѣланъ, и на подъемѣ вправо красуется совсѣмъ новое палаццо Піомбино на перекресткѣ, откуда вы попадаете на улицу Людовизи.

И въ другомъ направленіи старинная улица *Sistina*, идущая отъ площадки передъ церковью *S. Trinita dé Monti*, съ ея продолженіемъ (которая прежде, когда тамъ жилъ Гоголь, называлась *via Felice*) приводитъ къ улицѣ «Четырехъ Фонтановъ», къ Эсквилину и подножію холма, гдѣ стоитъ *S. Maria Maggiore*. Тутъ опять старый Римъ перемѣшанъ съ новымъ и вовсе не въ ущербъ тому, что было прежде. По другую сторону *S. Maria Maggiore* площадь обставлена прекрасными домами, а дальше новая же улица Карла Альберта ведетъ къ площади Виктора Эммануила, а потомъ къ тому урочищу, гдѣ стоятъ Санта Кроче и Латеранскій соборъ.

Недовольные обновленіемъ Рима находятъ, что и за стѣнами— «fuori le mura» многія мѣстности испорчены ненужнымъ строительствомъ, которое не такъ давно кончилось всеобщимъ крахомъ и оставило по себѣ слѣды въ видѣ огромныхъ запущенныхъ домовъ съ нищенскимъ населеніемъ.

Дѣйствительно, за воротами Санъ Лоренцо и Санъ Себастіана вы найдете такіе кварталы; но все, что за стѣнами было истинно римскаго, еще стоитъ на своихъ мѣстахъ: и церкви, и виллы, и мосты, и акведуки, и могильные памятники. Да и въ чертѣ города такія виллы, какъ Маттеи или вилла Мальтійскихъ рыцарей, сохраняются неприкосновенно. Въ нихъ до сихъ поръ вы находите все по-старому: аллеи, лужайки, скульптурныя украшенія, лавры и пиніи, пальмы и вѣчно зеленые дубы съ тѣмъ стилемъ садо-

вой архитектуры, какой отличаетъ итальянскіе вкусы XVI и XVII вѣковъ.

«Fuori le Mura» и такой прелестный памятникъ, какъ вилла Альбани за *Porta Salara* поддерживается фамиліей Торлони. Прежде, даже и въ первые года по взятіи Рима итальянцами входъ туда былъ свободенъ по извѣстнымъ днямъ. Я и посѣщалъ ее тогда, т.-е. въ 1870 и 1874 годахъ. Теперь въ нее очень трудно проникнуть. Но нельзя же винить нынѣшнее правительство въ томъ, что неримскіе нобили стали менѣе гостепріимны. И вилла Альбани, какъ и музеи Піомбино (бывшіе Людовизи) и Торлонья почти что недоступны публикѣ. Теперь вы по дорогѣ отъ *Porta Salara* можете только въ ворота оглядѣть кусокъ виллы Альбани. Я бывалъ тамъ нѣсколько разъ въ оба первые мои пріѣзда. Ни на какой виллѣ вы не найдете такого изящнаго культа античной красоты, какъ въ этомъ загородномъ пріютѣ знаменитаго кардинала, любителя древности, и его ученаго библіотекаря и хранителя Винкельмана, жившаго у него секретаремъ.

За стѣнами—не во всѣ стороны открывается просторъ. Изъ такихъ воротъ, какъ *Porta del Popolo*, или *Salara*, или *Pia*, вы ѣдете по предмѣстью, заставленному домами. Прежде они были помельче и погрязнѣе, теперь выше и почище; но дорога одинаково лишена всякой красоты. Когда же вы, миновавъ *Porta del Popolo* и заѣхавъ на милую по своему стилю виллу папы Юлія, пойдете или поѣдете дальше къ *Ponte Molle*, откуда передъ вами откроется классическій римскій видъ, напоминающій пейзажъ Клода Лоррена, умѣвшаго схватывать колоритъ и настроенія этихъ мѣстностей.

Надъ *Ponte Molle*—черезъ него, до введенія желѣзныхъ дорогъ, въѣзжали къ Римъ всѣ знатные иностранцы, писавшіе о вѣчномъ городѣ—полотно шоссе идетъ въ гору. Налѣво высится извѣстный трактирчикъ, до сихъ поръ любимый художниками. Оттуда виденъ куполъ Петра; слѣва—высоты Монте Пинчіо, правѣе Монте Маріо съ бастіономъ и вилла Мадама, памятникъ конца XV вѣка, очень стильный въ своей запущенности.

Пейзажъ не заключаетъ въ себѣ, повидимому, никакихъ особенныхъ красотъ. Но почему же онъ дѣйствуетъ на вашу душу? Потому что онъ полонъ для васъ образовъ, будитъ думы о великомъ прошломъ и въ своей простотѣ и даже бѣдности дышитъ чѣмъ-то величаво-задумчивымъ. Небо и воздухъ набрасываютъ особый колеръ на ближніе холмы и дальнія горы. Одинокая пинія, кипарисы на подъемѣ, здѣсь и тамъ, извилины Тибра, обросшіе

мхомъ деревенскій домъ, часть стѣны, а противъ васъ—розоватое каменное море, Римъ и бѣлѣющая въ синемъ небѣ чашка Петра.

Только около вѣчнаго города находите вы это сліяніе некрикливыхъ эффектовъ, быть можетъ, единственное сочетаніе линій и красокъ природы съ человѣческимъ творчествомъ на фонѣ уходящихъ въ глубь вѣковъ.

Вѣдь и по другую сторону Рима, когда вы черезъ Porta *S. Giovanni* или *S. Sebastiano* попадаете на античную, новую или старую Аппіеву дорогу, пейзажъ не богатый самъ по себѣ...

Вообразите, что вы ѣдете по шоссе вдоль однообразной, слегка волнистой мѣстности, гдѣ тянутся пустыри и пожелтѣлыя пастбища. Не правда ли, вы бы ничего не испытывали, кромѣ однообразія и скуки? Что же придаетъ этому пути и всему окрестному «agro romano» его обаянія? Остатки древности, скажете вы, этотъ рядъ могилъ, саркофаговъ, могилъ, обломковъ... Безъ сомнѣнія, но не одно это. Двѣ - три подробности, безъ которыхъ обаяніе панорамы исчезло бы сейчасъ же: античный віадукъ, идущій издалека, съ его полуразрушенными арками, и слѣва синева горъ. Все вмѣстѣ вызываетъ въ васъ самихъ творческое настроеніе...

«Fuori le Mura!...» въ этомъ звукѣ лежитъ что-то подмывательное и бодрящее, а вѣдь оно значитъ: туда, гдѣ разстилаются пустыри и болота, въ царство малярія, въ мѣста, уподобляемыя на библейскомъ языкѣ: «мерзости запустѣнія».

Стояло радостное октябрьское утро. Такія въ окрестностяхъ Москвы бываютъ въ маѣ или въ самомъ началѣ сентября. Я условился съ извозчикомъ нашего перекрестка, бойкимъ, полнымъ человѣчкомъ, по имени Карло, кореннымъ римляниномъ, но, съ особымъ выраженіемъ, добавлялъ онъ: «испанской крови». Его лошадка, бѣлая съ темными крапинами (чубарая, какъ у насъ называютъ), старая и очень добрая, покатила внизъ съ Монте Пинчіо черезъ весь городъ къ Порта С.-Себастіано.

Мы сторговались на цѣлый день: продѣлать всю *Via Appia vecchia* вплоть до могильной башни Цециліи Метеллы и дальше на нѣсколько верстъ, а на обратномъ пути переѣхать поля и попасть на *Via nuova*, ведущую къ Порта С.-Джіованни для возвращенія домой.

Въ моей памяти отъ прежняго житья въ Римѣ *Via Appia* сохранилась довольно смутно. Тогда врядъ ли я доѣзжалъ дальше катакомбъ въ первое мое пребываніе въ Римѣ, а во второе житье по болѣзни и совсѣмъ почти не ѣздилъ за черту города.

И въ головѣ моей стало проноситься то, что было пущено болѣе чуткими иностранцами о римской Кампаньѣ. Шатобріанъ удержалъ за собою славу перваго по времени писателя, сумѣвшаго отыскать величіе и красу въ пустыряхъ и болотахъ, окружающихъ вѣчный городъ.

Тогда онъ былъ молодъ (въ 1804 г.) и его знаменитое описаніе римской Кампаньи вылилось у него въ письмѣ къ пріятелю искренно, безъ напыщенныхъ фразъ и умышленнаго франтовства.

«Vous croyez peut être, mon cher ami,—говоритъ онъ въ этомъ письмѣ, — d'après cette description (письмо начинается картиной мертвенности и запустѣнія) qu'il n'y a rien de plus affreux que les Campagnes romaines? Vous vous trompez beaucoup, elles ont une inconcevable grandeur; on est toujours prêt en les regardant à s'écrier avec Virgile:

«Salve, magna parens frugum, Saturnia tellus,
Magna virum».

Si vous les voyez en économiste, elles vous désoleront; si vous les contemplez en artiste, en poète et même en philosophe *vous ne voudriez, peut être, pas qu'elles fussent autres*».

Это вѣрно! И онъ сумѣлъ первый отмѣтить всѣ оттѣнки свѣта на этихъ волнистыхъ равнинахъ, схватить все обаяніе ихъ колорита и дальнихъ горизонтовъ.

Послѣ Шатобріана другіе только повторяли его: г-жа Сталь, Ламартинъ, даже скептическій Бэль Стендаль пустившійся на этотъ разъ въ лиризмъ «J'ai eu, — разсказываетъ онъ, — trois heures de l'émotion la plus singulière: *le respect y entrait pour beaucoup*».

Почтительное чувство, это вѣрно, проникаетъ въ васъ опять-таки отъ тѣхъ идей и образовъ, какіе вызываетъ въ васъ прошлое Рима.

И другъ свободы, французъ Кинѐ находитъ въ самыхъ очертаніяхъ этого грунта: «une sorte d'analogie avec les magestés des formes romaines». И восторженный романтикъ Мишлé восклицаетъ: «au milieu de cette grandeur et de cette désolation la contrée conserve un caractère singulièrement imposant et grandiose».

Но другой романтикъ, Жоржъ Зандъ, гораздо позднѣе, не нашла въ римской Кампаньѣ ничего привлекательнаго, вопреки своему прославленному чутью къ природѣ и ея красотамъ. «La campagne de Rome si vantée,—пишетъ она съ полною откровенностью,— est en effet d'une *immensité* singulière (?), mais si nue, si platte,

si déserte, si monotone, si triste; des lieues de pays en prairies, dans tous les sens, qu'il y a de quoi se brûler le peu de cervelle, qu'on a conservé après avoir vu la ville». Это уже слишкомъ трезво и разсудочно для такой души, которая жила въ Жоржъ-Зандъ, и все-таки тутъ вкралось преувеличеніе. Какая же тутъ immensité singulière, когда все то «agro romano», отъ горъ до моря, идетъ на нѣсколько десятковъ верстъ не больше.

И вѣская, звонкая и содержательная проза Тэна раздавалась въ моей головѣ. У него картина реальная, безъ всякой меланхоліи и красивой реторики, но полная своеобычной образности. Припомню хоть этотъ кусокъ описанія:

«A perte de vue, de toutes parts, la *solitude ondule* en collines d'une bizarrerie monotone, et l'on cherche longtemps en soi-même à quelles formes connues ces formes étranges peuvent se rappeler».

И онъ сравниваетъ эту волнистую землю съ громаднымъ кладбищемъ, гдѣ похоронены разрушенные города. Но и Тэнъ отдаетъ нѣкоторую стилистическую дань духу своего родного языка въ слѣдующей тирадѣ: «Quand on contemple le cercle *immense* de l'horizon peuplé tout entier par les entassements de collines et par le pêle-mêle des creux funéraires, on sent tomber sur son coeur *un découragement sans éspérance*». Эта фраза мало похожа на него: «immensité» этихъ пустырей сводится къ довольно мелкой пустыши, если ее поставить рядомъ съ дѣйствительно *безконечными* великорусскими, украинскими и новороссійскими степями и нивами.

Такой же ученый, какъ Тэнъ, но менѣе талантливый, какъ писатель, профессоръ и академикъ Гастонъ Буассье, въ своей книгѣ *Promenades archéologiques,* написанной лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, чувствуетъ себя въ римской Кампаньѣ какъ истый почитатель древней жизни и говоритъ:

«Je ne connais pas de lieu au monde, où l'on ne se laisse plus entraîner à ses pensées (это глубоко вѣрно!), *où l'on échappe mieux à son temps* (и это также!), où selon la belle expression de Tite Live il soit plus aise à l'âme de se faire antique et de devenir contemporain des monuments qu'on contemple».

Олимпіецъ Гёте въ первое свое пребываніе въ Римѣ, когда велъ переписку съ друзьями въ видѣ дневника, кажется, не объѣзжалъ римской Кампаньи съ цѣлью набираться ощущеній, идей и образовъ. Но подъ 25 января 1787 года и онъ говоритъ о положеніи Рима среди пустыря, который при Ромулѣ и Ремѣ былъ, конечно, еще болѣе дикимъ и нездоровымъ:

«... Hirten und *Gesindel* haben sich hier zuerst eine Stätte bereitet, ein paar rüstige Jünglinge haben auf dem Hügel den Grund zu Palästen der Herren der Welt gelegt». И немного дальше въ томъ же письмѣ: «Ich kenne noch venig von der Gegen aber ich binn überzeugt, *kein* Ort der ältern Völker lag *so schlecht,* als Rom».

Тутъ нѣтъ и намека на тѣ настроенія и оцѣнки, какія въ XIX вѣкѣ стали какъ бы обязательными у каждаго, кто писалъ о пустыряхъ, окружавшихъ Римъ съ самыхъ первыхъ дней его бытія.

И оцѣнки новѣйшихъ географовъ и экономистовъ припоминались мнѣ: описанія Элизè Реклю, полныя сочувствія тому несчастному люду, который долженъ дышать болотными испареніями, и той запущенности болѣе здоровыхъ луговинъ близъ Рима, гдѣ когда-то красовались роскошные сады загородныхъ домовъ римскихъ патриціевъ, а послѣ нашествія варваровъ все замерло, превратилось въ необитаемыя пустоши и попало въ руки духовенства и римскаго дворянства, запустившаго всѣ эти угодья въ конецъ.

И странный вопросъ покойнаго Лавеле приходилъ на память, когда онъ, говоря объ *agro romano,* какъ экономистъ, о тѣхъ работахъ, какія при итальянскомъ правительствѣ продолжаются и теперь, спрашивалъ съ игривостью сомнительнаго вкуса насчетъ лихорадки:

«Cependant après tout, est-il désirable, que la malaria disparaisse? N'est-ce pas un bonheur pour l'Italie que sa capitale soit inhabitable pendant une partie de l'année?»

Мы не раздѣляли этого смѣлаго мнѣнія — ни я, ни мой извозчикъ Карлъ, когда, указывая вправо отъ дороги, въ сторону моря, съ оживленной миной своего смуглаго лица вздыхалъ о тѣхъ болотистыхъ низинахъ, гдѣ пастухи, гуртовщики и жнецы не выходятъ изъ маляріи.

Но печальныя мысли бѣжали отъ меня... Надо мною высился лазурный сводъ. Лучи радостнаго непалящаго солнца мягко золотили все вокругъ. Было такъ тепло, что пришлось скинуть съ себя лѣтнее пальто. Чубарая лошадка Карла весело бѣжала, потряхивая умной головой съ челкой, украшенной перомъ фазана. Ея хозяинъ то и дѣло оборачивался на козлахъ и музыкально выкрикивалъ мѣста, мимо которыхъ мы поѣхали за Порто Санъ-Себастіано.

— Domine, quo vadis!—вкусно выговорилъ онъ и ткнулъ въ воздухѣ бичомъ, показывая церквушку по лѣвую руку отъ дороги.

Это «Камо грядеши» звучало такъ современно теперь, послѣ романа Сенкевича, и наивная католическая легенда представлялась

воображенію въ лицахъ: старый апостолъ съ ученикомъ и навстрѣчу ему учитель въ бѣломъ хитонѣ и съ сіяніемъ вокругъ...

Миновали мы и катакомбы Калликста. Впереди уже виднѣлась церковь св. Севастьяна, одна изъ семи старѣйшихъ въ Римѣ, съ самыми обширными катакомбами, куда я и раньше спускался.

Мистическаго настроенія не давали мнѣ эти воспоминанія о первыхъ вѣкахъ христіанскаго благочестія. Не смущало теперь и то, что говорилось и писалось когда-то о маляріи римской Кампаньи. Болота и зловѣщія низины тамъ далеко, вправо къ морю. Вблизи кругомъ шли по обѣ руки выгоны съ желтоватой травой, сухіе, волнистые подъемы и спуски. И вправо, и влѣво, когда строенія перестали загораживать видъ, глазъ свободно уходилъ во всѣ концы, любуясь и остатками античной жизни вдоль дороги, и небомъ, и воздухомъ, и буроватыми арками Клавдіева водопровода, и даже одинокими стогами потемнѣлаго сѣна или свѣтло-дымчатымъ абрисомъ вола съ дугообразными рогами, задумчиво лежащаго близъ изгороди.

На этой «царицѣ дорогъ», которой считается теперь болѣе двухъ тысячъ двухсотъ лѣтъ, широкіе, булыжные камни, здѣсь, и тамъ лежатъ на тѣхъ же мѣстахъ, какъ и триста лѣтъ до Р. Х. Здѣсь порицатели *новаго* Рима могутъ успокоиться. Никакихъ нѣтъ по сторонамъ построекъ, нарушающихъ стиль картины. Только въ началѣ древній путь переѣхало полотно желѣзной дороги. Но какъ же быть? Въ свое время и эта *Via Appia* съ ея каменной мостовой, а еще болѣе віадукъ, проводившій воду въ Римъ, были также новшествами.

Настроеніе держалось въ душѣ совсѣмъ не меланхолическое,— не кладбищенское, сказалъ бы мой покойный собратъ Помяловскій,—напротивъ. Давно я еще не переживалъ такого бодрящаго чувства, проникнутаго совершеннымъ отрѣшеніемъ отъ всего, что копошится внутри личнаго и помѣшало бы отдаваться чему-то единственному въ своемъ родѣ... Да и въ пейзажѣ не было ничего ни печальнаго, ни сумрачнаго. Слѣва, немного взадъ, глядѣли на насъ Сабинскія горы, а дальше, въ томъ же направленіи, Альбанскія.

Карлъ помахивалъ бичомъ и, поворачиваясь ко мнѣ, выкрикивалъ все такъ же вкусно:

— Frascati!... Monte Caro! Marino, Albano, Castel-Gondolfo!...

Я еще тогда не былъ въ горахъ, но зналъ, что скоро попаду туда. Сквозь голубую дымку, облекавшую бархатистыя отлогости горъ, прорѣзывались розоватыя пятна каменныхъ домовъ. Одно изъ

мѣстечекъ *Rocca di Papa*—залегло во впадинѣ между двумя склонами у подножія самой высокой Голой горы.

Мы обгоняли вьючныхъ осликовъ, крестьянскія одноколки, иногда гуртовщика, похожаго на русскаго мужика, на такой же мохнатой лошади, въ глубокомъ сѣдлѣ, въ зипунѣ изъ чернаго сукна и въ поярковой высокой шляпѣ, напоминающей «гречушникъ» нашихъ нижегородцевъ.

Обгоняли насъ и форестьеры, разумѣется, англичане. Если ужъ что нарушаетъ обаяніе этой дороги, то, конечно, всесвѣтный туристъ, сдѣлавшій изъ Рима постоянную ярмарку обязательнаго осматриванья всего, что значится въ гидахъ.

Даже пара англійскихъ пасторовъ съ необычайно некрасивыми женами не лишила меня ясности духа. Мы гуськомъ доѣхали до гробницы Цециліи Метеллы и дальше до *Casale Rotondo,* древняя гробница, на которой выросла средневѣковая башня.

У Золя въ его романѣ надгробный памятникъ жены молодого Красса, этой ничѣмъ не прославившей себя въ исторіи Цециліи Метеллы, и вся Аппіева дорога выходитъ, какъ вы припомните, очень колоритно; все это написано горячо и съ хорошимъ лирическимъ подъемомъ. Но вѣрна ли нота и тотъ ли именно колоритъ слѣдовало пустить? Придираться я не хочу; но и въ этомъ описаніи, и во множествѣ другихъ, вы, поживя въ Римѣ, находите слишкомъ очевидную *подвинченность*. Это—и то, и не то. Для того, чтобы дать вамъ предвкусіе,—оно прекрасно. Такой пошибъ письма заохотитъ васъ, что̀ и произошло со мною при первомъ чтеніи романа *Rome*. При повѣркѣ вы желали бы больше простоты, строгости или мягкости линій, меньшаго натиска обобщеній и выводовъ—«разводовъ», сказалъ бы иной русскій человѣкъ. Это слишкомъ ярко, хотя и одушевлено вѣрнымъ чувствомъ и будитъ въ душѣ читателя много образовъ и колоритныхъ мыслей.

Круглой башнѣ Цециліи Метеллы съ придѣланными къ ней въ варварскую эпоху зубцами по верхней обшивкѣ, особенно посчастливилось и раньше появленія книги французскаго романиста. Возьмите любой пейзажъ, акварель или почтовую карточку съ *Via Appia*—непремѣнно могила Цециліи Метеллы слѣва, на подъемѣ дороги и немного ближе къ зрителю кусокъ луга съ одинокимъ стогомъ сѣна. Правда, въ этомъ, слишкомъ крупномъ для женщины монументѣ есть что-то сильное, законченное и ясное, чисто-римское... Но сколько же вы—на нѣсколько верстъ слѣва и справа и на старой Аппіевой дорогѣ, и на новой — видите могильныхъ изваяній, колоннъ, капителій, фигуръ, которыя гово-

рятъ вамъ больше, чѣмъ этотъ бастіонъ. Они васъ держатъ въ воздухѣ грандіозныхъ воспоминаній и заново живутъ въ самой своей смерти, въ самомъ своемъ разрушеніи.

И тутъ еще разъ надо помянуть добрымъ словомъ тѣхъ «итальянцевъ», которые и по древнимъ дорогамъ, и вездѣ въ стѣнахъ Рима, и въ его окрестностяхъ такъ благоговѣйно ограждаютъ всѣ останки древности.

Между усыпальницей Цециліи и Casale Rotondo мой Карлъ предложилъ мнѣ закусить въ остеріи, расписанной поблеклыми фресками, вродѣ какого-то заброшеннаго казино, гдѣ беременная баба съ толстымъ шерстянымъ платкомъ на головѣ, сложеннымъ въ видѣ подушки, угостила насъ мѣстнымъ краснымъ винцомъ и до-нельзя соленымъ овечьимъ сыромъ.

Перебрались мы полевымъ проселкомъ на *Via Latina* и дальше на новую Аппіеву дорогу, а около часа дня подъѣхали къ остеріи, гдѣ пара англиканскихъ пасторовъ со своими женами уже сидѣли надъ блюдомъ *спагетти* — римскіе макароны вродѣ крупнаго вермишеля съ соусомъ изъ помидоровъ. Хозяинъ и его старуха жена, съ загорѣлымъ строгимъ профилемъ, накормили меня не плохо и бѣлое винцо изъ *Castelli Romani* дѣйствовало освѣжительно. Взбирался я потомъ и на холмъ близъ гробницы, откуда добывали капители саркофага Александра Севера. Видъ на всю окрестность считается особенно красивымъ. Арки Клавдіева акведука подступаютъ ближе къ дорогѣ. Солнце все такъ же грѣло и розоватыя пятна «римскихъ зáмковъ» отчетливѣе сквозили въ нѣжно-голубой, дымковатой дали.

Не вылѣзайте безпрестанно изъ коляски, какъ только попадутся склепъ или обломки. Археологіей вы займитесь въ другое время, если хотите и въ два, и въ три пріема, но не разбрасывайте вашихъ впечатлѣній, сохраните цѣльность картины, смотрите по сторонамъ и вдаль, дышите и предавайтесь думамъ, какихъ ни одна другая дорога не навѣетъ на васъ.

Безпрестанно стали попадаться намъ двухколесныя телѣги, очень высокія, окрашенныя въ ярко-голубой цвѣтъ, съ сидѣньемъ, покрытымъ такой же голубой кибиткой изъ холстины. Лошадь вся убрана сѣтками и цвѣтными помпонами. Это — винодѣлы изъ Марино и Альбано или ихъ «батраки» возвращаются изъ города съ бочонками. И непремѣнно такой маринецъ и альбанецъ храпитъ, сидя въ своей кибиткѣ. Мой извозчикъ, подмигивая, укажетъ на него бичомъ и непремѣнно прибавитъ:

— Налижется въ Римѣ, вытянетъ пять-шесть литровъ и всю

дорогу продрыхнетъ. Случается, что грохнется о дорогу, да такъ и не встанетъ. Спасаютъ ихъ лошади. Довезетъ до дому сохранно! Первые пьянчуги въ мірѣ!

Не даромъ Кастелли Романи славятся своимъ виномъ. Весь Римъ, преисполненный шинками, пьетъ ихъ почти исключительно. У Карла блеснули глаза, когда онъ сталъ расхваливать бѣлое Фраскати и красное Марини. Онъ предложилъ мнѣ — благо крюкъ маленькій — заѣхать освѣжиться стаканомъ *aqua Santa,* минеральной воды около дороги между *Via Appia nuova* и древней *Strada Militare*—въ овражкѣ, съ открытымъ портикомъ, куда мой возница спускался, принесъ мнѣ стаканъ воды, а самъ выпилъ цѣлыхъ три, похваливая эту дѣйствительно вкусную и въ Римѣ очень популярную воду.

Вся эта первая прогулка въ *Fuori le mura* оставила по себѣ ясный радостный слѣдъ. И когда мы стали приближаться къ Порта Санъ-Джіованни при яркомъ закатѣ, я повторялъ все изреченіе романиста Стэндаля: «Tout est souvenir ici, tout est décadence, tout est mort», и мое настроеніе никакъ не могло признать его вѣрнымъ: souvenir—да, но «décadence» и «mort» имѣютъ въ себѣ на этихъ древнихъ путяхъ нѣчто необычайно бодрящее.

— А вотъ тутъ было послѣднее покушеніе на короля,—показалъ мнѣ рукой Карлъ на канаву около шоссе, ведущаго къ скаковому гипподрому.

Мѣсто смотрѣло уже по-новому, съ чахлыми деревцами аллеей. Это—едва ли не единственный диссонансъ, отзывающійся банальными окрестностями любого города у насъ или за границей.

«Dietro le mura»—въ каменной оградѣ Рима оставалось еще слишкомъ много такого, куда тянуло заново, такъ что прошло больше четырехъ мѣсяцевъ, прежде чѣмъ я собрался въ Альбано, а потомъ во Фраскати, откуда аббатъ Пьеръ, въ романѣ Золя, пріѣхалъ въ обществѣ того деревенскаго «курато», который везъ отравленныя фиги кардиналу Бокканера. Для экскурсій въ римскомъ сезонѣ времени не мало. Въ октябрѣ и до конца ноября стоятъ ясные и теплые дни. Задаются цѣлыя недѣли въ декабрѣ и январѣ съ хорошимъ освѣщеніемъ, но свѣжія и съ днями недостаточно длинными. Надо пользоваться до наступленія весны всѣми такими поворотами къ мягкой погодѣ, а тамъ къ февралю пойдутъ дожди, потянутся сырые дни съ мистралемъ или растлѣвающимъ удушливымъ широкко.

Вотъ и со мной случилось такъ, что я въ февралѣ не могъ выбрать совсѣмъ хорошаго дня для поѣздокъ въ Фраскати и Альбано;

но въ Тиволи я вырвался изъ Рима еще осенью и въ чудесную, теплую, почти жаркую погоду. Но я не знаю, что лучше для посѣщенія горныхъ мѣстностей: осень или ранняя весна. Осенью все еще въ густой зелени, зато со второй половины марта воздухъ живительнѣе и прозрачнѣе, колоритъ горъ нѣжнѣе, пахнетъ свѣжею травой; только прорѣзываются въ ней полевые цвѣты...

Для прогулокъ въ Тиволи и, по пути, на виллу Адріано, хорошій осенній день, пожалуй, выгоднѣе. И здѣсь, — на виллѣ, — и тамъ, въ чудной котловинѣ, надъ которой примостилось Тиволи, для такихъ картинъ нужна самая богатая рама.

Въ Тиволи возили, въ Гоголевское время, веттурины, а теперь вы можете попадать двумя способами по рельсамъ въ разныхъ направленіяхъ: желѣзною дорогой изъ центральной станціи или же по «паровой конкѣ», какъ у насъ принято говорить вопреки всякому смыслу. Этотъ *трамъ* идетъ отъ особой станціи за Порто Санъ-Лоренцо и пролагаетъ себѣ путь по римской Кампаньѣ съ другой стороны. Вы потеряете больше времени; зато вагончикъ, — весь въ окнахъ спереди и сзади,—позволяетъ оглядывать дорогу во всѣ стороны, и поѣздъ не идетъ такъ скоро. Потянутся холмистые пустыри съ кое-какими остатками старины, и только могильный памятникъ семейства *Плавтіевъ* вродѣ того, какой воздвигли надъ тѣломъ Цециліи Метеллы, накладываетъ античный мазокъ на эту неприглядную низину. Тутъ Жоржъ-Зандъ, отправляясь въ 1858 г. въ Тиволи, была права въ своихъ обличеньяхъ римской Кампаньи. Но тотчасъ же она добавляетъ:

«Mais! mais quand on est sorti de cette immensité (?) platte, quand on arrive aux pieds des montagnes, c'est autre chose. *On entre dans le paradis*, dans le troizième ciel. C'est là, que nous sommes»...

«Рай» этотъ на оцѣнку знаменитой писательницы и есть Тиволи.

Въ него вы не сразу попадаете, если захотите сначала осмотрѣть виллу Адріано. Трамъ высадитъ васъ у маленькой остеріи. Тутъ, навѣрное, ждутъ васъ извозчичьи коляски и въ пять минутъ вы можете доѣхать до виллы. Я пошелъ пѣшкомъ въ обществѣ молодого англичанина, археолога-художника, и до одного изъ слѣдующихъ поѣздовъ успѣлъ съ помощью кустода продѣлать все пространство, которое занимала когда-то грандіозная и роскошнѣйшая загородная усадьба Цезаря—эстета и чувственника, знатока широкой жизни, который могъ съ полнымъ правомъ сказать о себѣ, что

онъ испыталъ все, что доставляетъ всесильному повелителю его положеніе.

Отъ кустода нигдѣ нельзя уйти! Зато онъ избавляетъ васъ отъ попутнаго чтенія вашей красной книжки. Надо раньше освѣжить свою память, всего лучше прочесть передъ поѣздкой главу объ Адріановой виллѣ въ книгѣ академика Гастона Пуассье *Promenades archéologiques*.

О памятникахъ и остаткахъ античной жизни и творчества говорю я въ особой главѣ. Здѣсь—одни лишь итоги и впечатлѣнія отъ прогулокъ по Риму и его ближайшимъ окрестностямъ. Адріанова вилла настраиваетъ вродѣ того, какъ Помпеи. Но здѣсь все было грандіознѣе, все преисполнено было роскошной художественной отдѣлки. Самое положеніе виллы, не такое живописное, какъ высоты Тиволи, отъ котораго рукой подать; но даете ходъ вашему воображенію, и передъ вами предстанетъ нѣчто вами никогда и нигдѣ не виданное по сочетанію природы съ искусствомъ. Это волнистое урочище было покрыто растительностью великолѣпныхъ садовъ, а въ тѣни магнолій, зеленыхъ дубовъ, кипарисовъ, кедровъ выступали мраморные чертоги, портики, цѣлыя базилики, нимфеи (водоемы), театры, стадіи для ристаній, блестѣли разноцвѣтною мозаикой и позолотой. Бѣломраморныя статуи выглядывали изъ нишъ и изъ-подъ купъ деревьевъ десятками, сотнями...

Такъ уже никто и никогда не будетъ услаждать свою жизнь, какъ римскіе владыки и ихъ любимцы. Ихъ тянуло всего больше сюда, въ этотъ *Tibur*, еще съ эпохи Августа, на его высоты и отлогости горъ, гдѣ сикулы заложили свой городъ раньше Рима, если вѣрить преданію. И въ самомъ дѣлѣ, Тиволи (имя опошленное увеселительными заведеніями по Европѣ), блещетъ до сихъ поръ своею красивостью. Жоржъ-Зандъ, пожалуй, права, находя, что природа въ Тиволи съ его окрестною панорамой: не столько «прекрасная», сколько «красивая» («La nature y est belle, *surtout jolie*»). Она находитъ также, что «C'est tout petit», съ чѣмъ нельзя согласиться ни для Тиволи, ни для Альбано, ни для Фраскати. Конечно, это не альпійскіе виды Тироля и Швейцаріи, но нельзя сказать, что котловина Тиволи съ ея водопадами «мила» — и только. Это красиво, безъ слащавости и безъ всякаго мрачнаго величія. Это— «рай, по свидѣтельскому показанію самой Жоржъ-Зандъ, и рай съ памятниками древнихъ искусствъ, тутъ же на самомъ открытомъ пунктѣ надъ котловиной, въ видѣ подлиннаго храма Весты. И котловина съ каскадами, и всѣ террасы, по которымъ подни-

мается городокъ, при яркомъ освѣщеніи, тѣшатъ взглядъ, смѣются и приглашаютъ подъ тѣнь своихъ виллъ и садовъ.

Если вы попадете завтракать въ Café Restaurant des Cascades (какъ значится на вывѣскѣ), гдѣ такъ пріятно сидѣть на воздухѣ подъ развѣсистыми деревьями, васъ непремѣнно изловятъ, предложивъ спуститься внизъ, на самое дно того ущелья, куда слетаются серебристыя струи водопадовъ. Не дѣлайте этого. Вы только изустанете. Возьмите извозчика и объѣзжайте кругомъ всю котловину. Это — прелестнѣйшая прогулка. Вы увидите панораму Тиволи со всѣхъ сторонъ: дорога огибаетъ высоты подковой.

Трудно вѣрить, когда ѣдишь тутъ, что васъ отдѣляетъ отъ Рима скучная, вызженная степь безъ малѣйшей отрады для глазъ. И самый городокъ, по своему положенію и стилю построекъ, подходитъ къ живописности пейзажа. Улицы узки, съ горы на гору, съ высокими, темно-бурыми домами. Но новѣйшая культура даетъ о себѣ знать: электрическіе фонари, пестрыя афиши и яркія рекламы на стѣнахъ. Всего чаще попадается огненнаго цвѣта реклама романа Золя *Parigi,* отъ газеты *Tribuna*, гдѣ онъ сталъ появляться одновременно съ парижскимъ изданіемъ въ переводѣ.

И тотчасъ послѣ такой архисовременной ноты вы вступите въ тишину и прохладу виллы Дэсте и тамъ окунетесь въ прелестный стиль Ренессанса, начала XVI вѣка, будете ходить по этимъ заламъ и галлереямъ съ художественными фресками и любоваться съ террасы сада на панораму, которая покажется вамъ еще красивѣе, все съ новыми оттѣнками, которые навѣваютъ формы и колоритъ самой виллы.

Трамъ возьметъ васъ обратно и вы угодите домой еще къ обѣду.

Поѣздку въ горы, гдѣ пріютились Фраскати и Альбано, я оставилъ до ранней весны, когда буду прощаться съ вѣчнымъ городомъ.

Въ числѣ моихъ знакомыхъ нашелся въ Римѣ молодй словесникъ, коренной римлянинъ родомъ, знатокъ быта и языка трастеверинцевъ: того, что называется здѣсь: «il romanesko», сонетовъ Белли, поэта, писавшаго на этомъ нарѣчіи, и всей литературы о римскомъ плебсѣ. Въ послѣдній мѣсяцъ моего житья въ Римѣ, мы видались по два, по три раза въ недѣлю. Это были бесѣды по опредѣленной программѣ, родъ лекцій, къ которымъ онъ готовился. Нѣкоторыя происходили у меня въ отелѣ, а другія во время прогулокъ по разнымъ концамъ и урочищамъ Рима. Для загородныхъ

экскурсій мы брали воскресенье, вполнѣ свободный день для моего чичероне, по профессіи учителя гимназіи со степенью доктора «in lettere».

Въ Альбано и дальше мы поѣхали раннимъ утромъ. Долго ждали мы ясной погоды, и я сталъ уже сомнѣваться, удастся ли мнѣ побывать въ горахъ до отъѣзда изъ Рима.

Изъ оконъ вагона, подъ лучами ранняго солнца, глядѣлъ я на Альбанское озеро, когда-то кратеръ вулкана. Оно лежало внизу, обставленное кругомъ отлогостями котловины, съ розовато-сизымъ колеромъ подъ чистымъ темно-голубымъ небомъ. Его краситъ куполъ церкви въ Кастель-Гондольфи. Въ Альбано мы сдѣлали привалъ. Линейка довезла насъ до Дженцано, а оттуда пѣшкомъ мы двинулись вокругъ озерка Неми, такого же упраздненнаго вулканическаго кратера, какъ и озеро Альбано. Дорога идетъ, огибая озерко справа влѣво, до городка Неми, гдѣ, набравшись аппетита, всего вкуснѣе сдѣлать второй привалъ и позавтракать въ недурномъ трактирчикѣ, хозяинъ котораго ни болѣе, ни менѣе какъ «signor sindaco», т.-е. городской голова, этой муниципіи. За завтракомъ была встрѣча съ однимъ берлинскимъ гехеймъ-ратомъ, страстнымъ любителемъ Италіи, и оживленная бесѣда о всѣхъ красивыхъ мѣстахъ въ римскихъ окрестностяхъ. Въ Неми мой докторъ словесности добылъ мнѣ ослика, а самъ, какъ неутомимый ходокъ, пошелъ пѣшкомъ, и мы по плоскимъ высотамъ, «скрозь», какъ говоритъ народъ, черезъ поросли и овражки, добрались до Кастель-Гондольфо, осмотрѣли папскій загородный домъ и пѣшкомъ по красивой дорогѣ, обсаженной деревьями, не теряющими круглый годъ своей зелени, дошли безъ утомленія до Марино. Тамъ мы успѣли побродить по городку; приглядывались къ мѣстнымъ типамъ на улицахъ и въ остеріяхъ, въ такихъ остеріяхъ, гдѣ продаютъ за два сольда полълитра вина, которое въ Римѣ стоитъ шесть и семь сольдо.

Дожидаясь подъ вечеръ поѣзда желѣзной дороги въ дымномъ, закоптѣломъ кафе со сводами, полномъ мелкихъ торговцевъ и солдатъ, игравшихъ въ карты и домино, я вспоминалъ разсказъ Гоголя: какъ онъ въ такомъ же вотъ кабачкѣ, среди шума и гама, между Альбано и Дженцано, вдругъ почувствовалъ приливъ творчества и написалъ, не отрываясь, цѣлую сцену для *Мертвыхъ душъ*.

На такую прогулку и паромъ, и на спинѣ библейскаго животнаго, и пѣшкомъ довольно одного дня. Вечеромъ, и не поздно, вы будете дома. И когда вы подведете итогъ тому, что вы видѣли, вы врядъ ли станете восторгаться, потому что не встрѣтили никакихъ

особенныхъ «чудесъ» природы и необычайныхъ картинъ ея. Но тамъ, изъ Альбано въ Дженцано, и къ Неми, и къ Кастель-Гондольфо, всего больше на первомъ перевалѣ, передъ вами открывалась плѣнительная, римская даль,—та античная пустыня, которая идетъ до самаго моря, отливающаго оттуда перламутровою полосой.

Съ другимъ спеціалистомъ,—молодымъ русскимъ археологомъ, уже нѣсколько лѣтъ работавшимъ въ Римѣ,—собрались мы въ Фраскати и Гротта-Феррата. Это было почти наканунѣ моего прощанья съ Римомъ. День не простоялъ весь ясный и теплый; но мы успѣли съѣздить изъ Фраскати въ Гротта-Феррата, въ монастырь съ греческой школой и библіотекой, гдѣ хранится не мало цѣнныхъ рукописей. Монахи, всѣ почти итальянцы родомъ, служатъ по греческому обряду нашу обѣдню, и мы какъ разъ попали къ тому моменту обѣдни, когда царскія врата стоятъ закрытыми и съ затянутою завѣсой.

Этотъ когда-то совсѣмъ греческій монастырь все больше и больше облатинивался, иконостасы снимались, а стѣны расписывали чисто-католическими фресками художники съ именемъ, въ томъ числѣ и Доминикино.

Папа Левъ XIII, мечтая о соединеніи церквей, сталъ сочувственно относиться къ возстановленію греческаго обряда, гдѣ онъ былъ запущенъ или совсѣмъ оставленъ. И въ монастырской церкви Гротта-Феррата главный алтарь закрытъ уже иконостасомъ, а боковыя капеллы остаются еще открытыми. Обѣдню служатъ исключительно по-гречески, хотя монахи, даже и библіотекари, знаютъ этотъ языкъ плоховато и говорятъ между собою только по-итальянски.

Фраскати,—лѣтомъ и раннею осенью,—бываетъ полонъ римлянъ, переѣзжающихъ туда на дачу. Старинныя виллы титулованныхъ фамилій занимаютъ цѣлыя угодья. Я нашелъ Тиволи красивѣе, а съ высотъ Альбано видъ на римскую Кампанью такой, какого вы не найдете съ высотъ Фраскати. Любителя древности ждетъ здѣсь зато цѣлый рядъ урочищъ, повитыхъ историческими именами или событіями, вплоть до развалинъ Тускулума.

Оставалось всего нѣсколько дней до отъѣзда изъ Рима. Послѣ хмурой и сырой погоды солнце стало нагрѣвать съ утра, на мою послѣднюю недѣлю пришлись концы по городу, особенно на тѣ виллы, куда еще не привелось заглянуть.

Такою, совсѣмъ послѣднею прогулкой вышло посѣщеніе виллы Доріа-Памфили, куда доступъ бывалъ всего два раза въ недѣлю или непремѣнно въ двуконномъ экипажѣ. Но обѣжать этотъ поборъ

легко. Вы берете простой фіакръ по часамъ и доѣзжаете до Порта Санъ-Панкраціо, а потомъ и до воротъ виллы, куда входите пѣшкомъ.

Раннею весной паркъ этой виллы, съ вѣчно зелеными аллеями, купами деревьевъ и луговинами со множествомъ полевыхъ цвѣтовъ, чаруетъ васъ просторомъ, воздухомъ и видами.

Это—отраднѣйшій оазисъ. Тутъ еще привольнѣе, чѣмъ на виллѣ Боргезе, и вся пышность римской барской жизни прежняго времени встаетъ передъ вами не какъ блѣдная капля или поблеклая фреска, а въ подлинныхъ формахъ и краскахъ.

И въ послѣдній разъ попалъ я оттуда на вышку, гдѣ легендарный герой, сидя на своемъ бронзовомъ конѣ, смотритъ со спокойнымъ мужествомъ на шапку Петра.

П. Боборыкинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВСТРѢЧА *).

Романъ.

X.

Сергѣй еще за утреннимъ чаемъ напомнилъ Надѣ:

— Ты не забыла? Мы сегодня ѣдемъ...

— Я помню!—отвѣтила Надя и въ ея глазахъ было такое выраженіе, какъ будто ей предстоитъ сдѣлать что-то противъ воли, по принужденію.

Сергѣй замѣтилъ это, но не возбудилъ объ этомъ вопроса. Онъ зналъ, что у Нади есть эта черта: какая-то нравственная неподвижность, особаго рода консерватизмъ. Все новое было до извѣстной степени ея врагомъ. Ко всему новому она относилась недовѣрчиво. Но это лишь до тѣхъ поръ, пока не знакомилась съ нимъ ближе. Но затѣмъ, если что-нибудь на нее импонировало, если ей приходилась по душѣ хоть одна малѣйшая черточка, она тотчасъ вся переходила на ту сторону и становилась энтузіасткой.

Сергѣй разсчитывалъ на это и здѣсь. Онъ не могъ допустить мысли, что Лавинская произведетъ на сестру отрицательное впечатлѣніе.

— Ты сегодня куда-нибудь ѣдешь?—спросила Надю Ольга Андреевна, видя, что она къ завтраку вошла одѣтая не по-домашнему.

— Мы съ Сергѣемъ сегодня дѣлаемъ визитъ Лавинской! — отвѣтила Надя.

— Лавинской? Почему это вдругъ?

— Но вѣдь мы были у нихъ на вечерѣ!—сказалъ Сергѣй.— Кажется, нѣтъ причины ограничивать этимъ знакомство...

— Я ничего не говорю противъ!—промолвила Ольга Андреевна, но тонъ у нея былъ не достаточно твердый.

---

*) *Русская Мысль*, кн. IX, 99 г.

Она не могла сказать съ увѣренностью, что имѣетъ что-нибудь противъ близкаго знакомства съ дочерью Лавинскаго. Но она не была достаточно увѣрена и въ томъ, что стоитъ за это знакомство. Тому, что говорили про эту дѣвушку, она не вѣрила. Она очень хорошо знала, что чѣмъ больше человѣкъ выдается изъ толпы, чѣмъ онъ интереснѣе, тѣмъ сильнѣе цѣпляется за него клевета. Клевета—это постоянное и естественное занятіе пустого общества, жизнь котораго не наполнена никакими интересами, клеветать имъ нужно во что бы то ни стало.

Про дочь Лавинскаго говорили очень дурно. Но въ свое время и про Ольгу Андреевну говорили ей самое дурное. Правда, она была замужемъ и клевета для нея не такъ была опасна. Всѣ друзья ея мужа были ея любовниками. Про отношенія ея съ Виговскимъ былъ сочиненъ цѣлый романъ и находились люди, которые пробовали «открывать» глаза Валерьяну Петровичу. Но вѣдь этого ничего не было и не могло быть при ея взглядахъ на жизнь, при ея отношеніи къ мужу.

И она знала цѣну этимъ достовѣрнымъ разсказамъ. Но все же отъ нихъ, помимо ея воли, оставалось впечатлѣніе, она не могла относиться къ Лавинской, о которой говорили слишкомъ много, такъ, какъ относилась бы къ любой дѣвушкѣ, о которой никогда ничего не слышала.

Она ни за что не сказала бы своей дочери: нѣтъ, не ѣзди, не води знакомства съ этой дѣвушкой. Но она подумала: «а что, если половина того, что говорятъ, правда?» И эта мысль отразилась въ ея тонѣ.

Сергѣй замѣтилъ это. Не въ первый разъ уже онъ чувствовалъ въ ея голосѣ «нѣчто», какой-то придатокъ, когда рѣчь заходила о Лавинской. У него всякій разъ являлось желаніе допросить ее. Но его останавливала мысль: «значитъ, я не вѣрю *ей*, я, который такъ краснорѣчиво увѣрялъ ее въ противномъ?» И онъ отвергалъ свое намѣреніе.

Но Надя не хотѣла оставить безъ разъясненія эту недоговоренность въ отвѣтѣ матери. Послѣ завтрака, уже совсѣмъ готовая выйти изъ дому, въ шляпѣ и въ мѣховомъ жакетѣ, она зашла на минутку къ Ольгѣ Андреевнѣ.

— Мама, ты, правда, ничего не имѣешь противъ моего визита?—спросила она.

— А почему ты думаешь, что я могу быть противъ?—промолвила Ольга Андреевна.

— Такъ, мнѣ показалось...

— Это—ошибка. Поѣзжай, пожалуйста!

Но Надя не убѣдилась. Сомнѣніе и на этотъ разъ слышалось въ голосѣ Ольги Андреевны. Но она больше не допрашивала.

Коляска, запряженная парой своихъ лошадей, была для нихъ сюрпризомъ. Они собирались ѣхать въ извозчичьихъ саняхъ. Но за завтракомъ присутствовалъ Валерьянъ Петровичъ. Узнавъ, что дѣти собираются къ Лавинскимъ, онъ самъ приказалъ подать имъ экипажъ. На это у него были свои резоны. Этого требовало его положеніе и щепетильныя отношенія его къ Лавинскому.

Погода была крайне неопредѣленная. На улицѣ попадались и сани, и дрожки. И на тѣхъ, и на другихъ было ѣхать неудобно. Снѣгъ, еще вчера крѣпко скованный морозомъ, сегодня разрыхлился и на половину растаялъ. Кучеръ ѣхалъ осторожно и они довольно долго пробирались къ Гагаринской улицѣ. Наконецъ, они остановились у подъѣзда Лавинскихъ.

Швейцаръ сообщилъ имъ, что самъ Лавинскій куда-то выѣхалъ, но барыня и барышня дома. Они поднялись во второй этажъ. Здѣсь ихъ безъ доклада попросили войти. Въ гостиной имъ пришлось прождать минуты двѣ. Затѣмъ вышла мадамъ Лавинская, которую они оба сразу узнали.

— Мнѣ очень пріятно получше съ вами познакомиться,—чрезвычайно привѣтливо и, какъ показалось имъ, сердечно промолвила она, пожимая имъ руки и сопровождая свою рѣчь красивой, привлекательной улыбкой, вызывающей симпатію и довѣріе.—Къ сожалѣнію, мнѣ не пришлось сблизиться съ вашей мамой, которую я искренно уважаю. Она почти не выѣзжаетъ, а я большую часть жизни принуждена проводить на югѣ Франціи. Мои нервы не выносятъ петербургскаго сумрака. Очень ужъ здѣсь все строго—и небо, и люди...—Она обратилась къ Надѣ и смутила ее:—Мнѣ еще ни разу не удалось хорошо разсмотрѣть васъ и я никакъ не ожидала, что вы такая очаровательная...

Надя не знала, что отвѣтить на эту внезапную любезность. На щекахъ ея выступилъ легкій румянецъ, отчего она сдѣлалась еще лучше. Мадамъ Лавинская не была поклонницей блѣдныхъ лицъ и, совершенно искренно признавая лицо Нади красивымъ и оригинальнымъ, въ душѣ прибавила, что ему именно недостаетъ нѣкоторой окраски.

— Я знаю,—продолжала она,—что вы не мои гости. Но Denise немного замѣшкалась, она сейчасъ выйдетъ и тогда я не стану вамъ мѣшать...

Потомъ она сдѣлала нѣсколько вопросовъ о здоровьи Ольги Ан-

древны. Когда вопросъ касался ея, всегда прежде всего спрашивали о здоровьи. У нея была репутація вѣчно хворающей. Это было справедливо, но Ольга Андреевна, кромѣ того, и злоупотребляла своей репутаціей. Она объявляла себя больной всякій разъ, когда ей не хотѣлось куда-нибудь ѣхать. За ней признавали это право.

— А вотъ и моя дочь! — сказала хозяйка, когда на порогѣ появилась Діонисія Александровна. — Ты сама виновата, Denise, давъ мнѣ слишкомъ достаточно времени, чтобы надоѣсть твоимъ гостямъ.

Она ушла. Діонисія Александровна протянула руку Сергѣю, потомъ сѣла очень близко къ Надѣ, взяла ея руку и долгимъ, ласковымъ взглядомъ посмотрѣла на нее.

— Я вамъ благодарна... если вы пріѣхали добровольно! — сказала она съ улыбкой.

— А какъ же иначе? — спросила Надя.

— Я боюсь, что тутъ было немножко братскаго насилія!...

Надя на этотъ разъ сильно покраснѣла. А Сергѣй смотрѣлъ на нее и думалъ: «не могу себѣ представить, что можетъ сказать Надя въ этомъ случаѣ».

— Это почти правда! — сказала Надя.

И теперь ужъ онъ смотрѣлъ на обѣихъ. Онъ въ душѣ поздравлялъ Надю. Ея отвѣтъ не походилъ на тѣ обычныя любезности, которыя мало знакомыя люди лицемѣрно говорятъ другъ другу.

Его занималъ теперь вопросъ, какъ отнесется къ этой прямотѣ Діонисія Александровна. Въ его глазахъ это былъ пробный камень для обѣихъ.

— Ну, да! — сказала она, попрежнему глядя ей въ лицо, но безъ улыбки, серьезнымъ, внимательнымъ взглядомъ. — Это такъ и должно быть. Я нахожусь между двумя мнѣніями. Всѣ думаютъ обо мнѣ слишкомъ дурно, а вашъ братъ слишкомъ хорошо. Я думаю, что правда лежитъ посрединѣ и что вы, если захотите, найдете ее. Насколько я знаю васъ со словъ Сергѣя Валерьяновича, мы съ вами — разныя... Но тѣмъ лучше. Можетъ быть, мы найдемъ другъ въ другѣ то, чего каждой изъ насъ не хватаетъ...

Надя довольно смутно слушала то, что она ей говорила. Ее приковывали къ себѣ ея глаза, въ которыхъ, какъ ей казалось, было что-то такое, чего она не видала въ глазахъ другихъ людей. Что-то печальное, можетъ быть, даже трагическое, свѣтилось гдѣ-то въ глубинѣ этихъ глазъ и проглядывало сквозь улыбку, которой она сопровождала свои слова, и въ то же время было въ этихъ глазахъ что-то рѣшительное и сильное.

И она думала о томъ, что, быть можетъ, въ основѣ жизни этой

молодой, прекрасной, цвѣтущей здоровьемъ дѣвушки лежитъ страданіе. И когда ей приходила на умъ домашняя обстановка, въ которой выросла и продолжала жить эта дѣвушка, у нея являлось чувство глубокой жалости къ ней. Вотъ сейчасъ здѣсь была ея мать, которая сказала имъ нѣсколько любезныхъ словъ. Но до какой степени въ тонѣ ея звучало, что она далека отъ этого дома и отъ этой дѣвушки, которую она называетъ дочерью!

Все это въ нѣсколько мгновеній передумала и пережила Надя, и изъ всего этого образовалось новое чувство, которое она не привезла съ собой изъ дому, но которое уже связало ее съ Диной. «Что̀ бы ни говорили про нее и пусть половина и даже все это—правда, но никто изъ тѣхъ, кто дурно говоритъ про нее, не испыталъ того, что она; у всѣхъ есть—свой домъ, своя семья, матери, отцы, и у меня все это есть, а у нея никогда не было... И требовать, чтобъ она была такая, какъ я, я не имѣю права... Такъ подумала Надя, и ей вдругъ захотѣлось разогнать тяжелое впечатлѣніе отъ своихъ, хотя и правдивыхъ, но горькихъ словъ. Она взяла руку дѣвушки, тихонько пожала ее и сказала:

— Вы меня не совсѣмъ правильно поняли. Сергѣй много говорилъ мнѣ про вашу обаятельность, и я васъ боялась...

— Сергѣй Валерьяновичъ дѣлаетъ мнѣ дурную славу...

— Но онъ правъ!—промолвила Надя.—У васъ такіе глаза, что васъ нельзя не полюбить...

Сергѣй тихонько зааплодировалъ.

— Браво, Надя! Это все, чего я хотѣлъ! Вѣдь трое лучше, чѣмъ двое, если они съ вами согласны. И вотъ теперь насъ трое!...

— Но еще далеко до того, чтобы мы были во всемъ согласны!—сказала Дина.

— Не такъ далеко, какъ вы думаете. Надо только, чтобы всѣ мы всегда и во всемъ громко говорили другъ другу правду. Уже это одно даетъ намъ такія преимущества, какихъ ни у кого нѣтъ, потому что всѣ тутъ, даже самые лучшіе люди—и тѣ лгутъ другъ другу... изъ осторожности, изъ деликатности, изъ доброты... А вѣдь это все равно!

Вдругъ Дина быстро повернула голову въ сторону Сергѣя, внимательно посмотрѣла на него и промолвила:

— А у васъ никогда не было такой правды, которую сказать такъ трудно... что почти невозможно?

— Такой правды не должно быть!—очень убѣжденно отвѣтилъ Сергѣй.

— Я знаю, что не должно быть!—промолвила Лавинская и на

нѣсколько секундъ закрыла глаза, потомъ широко раскрыла ихъ, какъ бы очнувшись, улыбнулась и прибавила голосомъ болѣе твердымъ и простымъ:—Конечно, не должно быть...

Надя была наблюдательнѣе, чѣмъ Сергѣй. Отъ нея не ускользнули всѣ эти колебанія въ ея голосѣ, паузы, недостаточно объяснимыя повторенія. «Правда, которую почти невозможно сказать». У нея есть такая правда, навѣрно есть, иначе она не смотрѣла бы такимъ страннымъ взглядомъ. И эта правда доставляетъ ей мученія.

И тѣ сомнѣнія, которыя колебали ея душу еще дома, когда Сергѣй говорилъ съ нею о Лавинской, овладѣли ею съ новою силой. Но—странное дѣло!—они теперь не вызывали въ ней враждебнаго чувства къ этой дѣвушкѣ, а, напротивъ, больше привлекали къ ней. Тогда рѣчь шла о дурныхъ толкахъ, но она не видѣла передъ собой живого человѣка. Она могла представлять себѣ Лавинскую какъ избалованную свѣтскую дѣвушку, которая, сбившись съ прямого пути и будучи въ то же время умной и ловкой, старается замаскировать свою настоящую жизнь оргинальностью и смѣлостью взглядовъ. Она знала вкусы Сергѣя, знала, что ничѣмъ такъ нельзя привлечь его, какъ оригинальною мыслью, не похожей на тѣ, которыми живутъ всѣ, смѣлостью и прямотой. И она такъ и объясняла себѣ эту слишкомъ быструю побѣду Лавинской надъ нимъ.

Но теперь она почувствовала, что если у Лавинской и есть «правда, которую сказать почти невозможно», то-есть если въ толкахъ о ней не все выдумано, то эта правда составляетъ драму ея жизни. Надя не поняла это, а только почувствовала своими тонкими нервами. И Лавинская представилась ей совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ.

— Нѣтъ, не то,—подъ вліяніемъ зародившейся къ ней симпатіи, болѣе искреннимъ тономъ, чѣмъ она говорила въ этомъ домѣ до сихъ поръ, сказала Надя:—не то... Это вѣрно, что такой правды не должно быть. Но нужна увѣренность, что всякую правду сумѣютъ понять, какъ слѣдуетъ, и перенести...

— Вотъ это такъ! Это такъ!—поспѣшно согласилась Лавинская.—Когда такая увѣренность есть, дѣйствительно, нѣтъ такой правды, которой нельзя было бы сказать.

— Но зато бываетъ такая правда,—прибавила Надя,—которая, именно оттого, что ее нельзя сказать, можетъ задушить человѣка...

— Это ужасно!—тихимъ голосомъ, какъ бы невольно, произнесла Лавинская, и лицо ея стало блѣднѣе прежняго,—ужасно!

Надя теперь ужъ навѣрно знала, что такая правда у нея есть.

Полуслова и недомолвки, то, что не было высказано, а только почувствовалось обѣими, какъ-то необыкновенно, неожиданно быстро сблизило ихъ. Надя почувствовала около себя скрытое страданіе. Дина чутьемъ поняла, что она это чувствуетъ. Тонкіе нервы ея замѣтили въ Надѣ этотъ неуловимый переходъ отъ недовѣрія, съ которымъ она вошла въ этотъ домъ, къ безотчетной симпатіи, и это была почва для ихъ сближенія.

Потомъ они еще довольно долго говорили о разныхъ пустякахъ. Стаховы просидѣли часа два у Лавинскихъ. Сергѣй вспомнилъ о Меркуевѣ и, передавъ Діонисіи Александровнѣ свой послѣдній разговоръ съ нимъ, полушутя просилъ у нея протекціи для своего товарища.

— А вы думаете, что такую предусмотрительность надо поощрять?—спросила Лавинская.

— Вообще нѣтъ, но Меркуеву слѣдуетъ сдѣлать исключеніе ради его искренней глупости!—сказалъ Сергѣй,—я это очень цѣню въ немъ. Вы не можете себѣ представить, съ какимъ чистымъ сердцемъ онъ обо всемъ этомъ хлопочетъ. Вѣдь будь онъ похитрѣе, онъ сказалъ бы мнѣ, что вашъ домъ внушаетъ ему неукротимое чувство уваженія и что это чувство есть единственная причина его домогательства. Онъ постарался бы прикрыть свои истинные планы. Но онъ объ этомъ и не думаетъ. Онъ твердо убѣжденъ, что дѣло его правое, что въ этомъ именно и состоитъ долгъ порядочнаго человѣка—приготовить наиболѣе легкій путь для своей карьеры.

— Вы горячо хлопочете за него, Сергѣй Валерьяновичъ! Но вы забываете объ одномъ...—Она на секунду замялась, потомъ продолжала сильно пониженнымъ голосомъ:—онъ хочетъ быть принятымъ въ нашемъ домѣ. Но что такое этотъ домъ? Гдѣ онъ? Если бы рѣчь шла о вашей семьѣ, это было бы что-то опредѣленное, но у насъ... Мать скоро уѣдетъ, отецъ такъ поглощенъ дѣлами, что, когда бываетъ дома, за обѣдомъ или такъ, онъ, кажется, ничего и никого не замѣчаетъ... Остаюсь я. Нашъ домъ—это я. Но я не управляю никакимъ департаментомъ, и онъ со мной напрасно потратитъ свое время. Впрочемъ, если вы такъ ужъ цѣните его глупость, пришлите его какъ-нибудь. Я постараюсь, чтобъ онъ былъ принятъ... Господа, и вамъ не стыдно такъ скоро оставлять меня одну?—прибавила она, замѣтивъ, что Надя, а вслѣдъ за нею и Сергѣй, поднялись съ своихъ мѣстъ.

— Мы не предупредили дома, что будемъ такъ долго. Тамъ будутъ недоумѣвать и безпокоиться!—отвѣтила Надя и протянула ей руку.

Лавинская взяла ея руку и крѣпко пожала ее, и обѣ онѣ въ этотъ моментъ яснѣе прежняго почувствовали, что уже близки другъ другу.

— Намъ надо поскорѣе повидаться, правда?—сказала Лавинская, не выпуская ея руки.

— Пріѣзжайте ко мнѣ, я буду ждать васъ!—отвѣтила Надя.

Сергѣй тоже простился съ нею. Они вышли на лѣстницу. Когда спускались съ лѣстницы и одѣвались, Сергѣй молчалъ, но когда только сѣли въ экипажъ, онъ разразился восклицаніями бурнаго восторга.

— Это все, что мнѣ было нужно: чтобъ ты разглядѣла ее поближе!—говорилъ онъ.—Вѣдь правда, никакъ нельзя ее не полюбить?

— Да, я ее полюбила,—отвѣтила Надя,—но я увѣрена, что у меня это произошло совсѣмъ не такъ, какъ у тебя!

— Но какъ бы это ни произошло, все равно, я торжествую!

— Неужели ты не чувствуешь, что у нея есть какая-то глубокая драма?

— Драма?—съ изумленіемъ спросилъ Сергѣй.

— Да, я готова поклясться, что это такъ, драма, отъ которой она страдаетъ и только изъ гордости дѣлаетъ веселое лицо...

— Конечно, она должна страдать оттого, что у нея нѣтъ семьи, въ домѣ всѣ врозь...

— Нѣтъ, не это. Объ этомъ она говоритъ. Но есть у нея «правда, которую сказать такъ трудно, что почти невозможно...» Развѣ ты не замѣтилъ, съ какими глазами она произнесла эти слова?

— Да, что-то было...

— Что-то было! Вотъ какъ мы съ тобой разно смотримъ и разно видимъ! Я видѣла только это и для меня это было не «что-то», а самое важное. Я, можетъ быть, за это ее полюбила... А ты... ты смотришь на нее и думаешь, какъ она прекрасна, какъ обаятельна! И не видѣлъ главнаго.

— Но что же это, Надя?

— Какъ я могу знать это? Я не могу знать, пока она не скажетъ. Мы можемъ знать это только отъ нея. Ни отъ кого другого мы не примемъ. А сказать она можетъ только тогда, когда мы докажемъ ей, что можемъ понять и перенести...

— Но какъ это доказать?

— Никакъ. Это само собой докажется и безъ усилій. Если мы сдѣлаемъ усилія, то никогда не докажется... Вотъ я все больше и больше начинаю понимать разницу между твоей и моей душой и,

какъ я думаю, между душой мужчины и женщины. Вы думаете, что все можно доказать умомъ, какъ теорему въ геометріи... И вы только тому и вѣрите, что доказано умомъ. А мы, особенно въ людскихъ отношеніяхъ, улавливаемъ правду, сами не знаемъ какъ... Какимъ-то шестымъ чувствомъ, источникъ котораго намъ самимъ неизвѣстенъ. И этому чувству мы вѣримъ больше, чѣмъ уму... Тебѣ хочется узнать ея «правду», мнѣ тоже; но ей еще сильнѣе хочется разсказать ее намъ, потому что она ее душитъ. Можетъ быть, только для этого она ищетъ нашей дружбы... И ужъ повѣрь, что какъ только она почувствуетъ, что можно разсказать, то сейчасъ же разскажетъ.

Они подъѣзжали къ дому. У каждаго въ душѣ были совсѣмъ разныя ощущенія. Надя чувствовала какую-то важность сдѣланнаго шага. Дина со своей таинственной «правдой» заняла ее всю, и она знала, что рано или поздно Дина разскажетъ ей, именно ей. Въ душѣ ея было столько искренности по отношенію къ этой дѣвушкѣ, что долгое недовѣріе съ ея стороны казалось ей невозможнымъ. Еслибъ та «правда» была не у Дины, а у нея, у Нади, она, можетъ быть, довѣрилась бы ей сегодня, сейчасъ.

Сергѣй испытывалъ глубокое смущеніе. Чутье сестры казалось ему правдивымъ, онъ всегда вѣрилъ ему. И теперь, припомнивъ всѣ мелкія подробности разговора, онъ приходилъ къ заключенію, что Надя права. У Дины есть какая-то правда, которая терзаетъ ее и которую она не можетъ разсказать. Но какъ же онъ проглядѣлъ это? Какъ онъ, несмотря на такія исключительныя условія его встрѣчи съ нею, не разглядѣлъ то, что важнѣе всего? Значитъ, Надя права, утверждая, что у нихъ, у мужчинъ, нѣтъ чутья, этого шестого чувства, которое такъ необходимо въ отношеніяхъ съ людьми...

И его мучило и это, и нетерпѣніе узнать мучительную правду Дины. Но больше всего смущало его сознаніе, что онъ, значитъ, не сумѣлъ внушить этой дѣвушкѣ полнаго довѣрія. Между ними стояло нѣчто, мѣшавшее ей сказать «правду».

И онъ вошелъ въ домъ свой съ нахмуреннымъ лицомъ и прошелъ прямо въ свою комнату. А Надя зашла къ матери, она знала, что ей зададутъ нѣкоторые вопросы.

Она вошла въ будуаръ въ шляпкѣ и въ перчаткахъ. Ольга Андреевна была не одна. У нея сидѣла Варвара Васильевна. Повидимому, у нихъ былъ оживленный разговоръ, который онѣ, съ ея приходомъ, прервали. Лица у обоихъ были озабоченныя.

— Вы больше никуда не заѣзжали?—спросила Ольга Андреевна.

— Нѣтъ, мы все время были тамъ!—отвѣтила Надя.—А что, тебѣ показалось долго?

— Да, для перваго визита довольно долго. Впрочемъ, это не имѣетъ значенія. Должно быть, вы понравились другъ другу?

— Кажется. По крайней мѣрѣ, мнѣ она показалась гораздо лучше, чѣмъ мое представленіе о ней...

— Это рѣдко случается. Обыкновенно бываетъ наоборотъ!—сказала Варвара Васильевна.

— Мадамъ Лавинская вышла къ вамъ?—спросила Ольга Андреевна.

— Да, она показала намъ себя... на короткое время. Была очень любезна и спрашивала о твоемъ здоровьѣ.

— Ахъ, объ этомъ всегда всѣ спрашиваютъ. Дѣловыхъ людей спрашиваютъ о дѣлахъ, а меня о здоровьѣ... Ну, поди, сними шляпу. Сергѣй вернулся съ тобой? Въ кабинетъ не ходите... Тамъ отецъ занятъ съ Григоріемъ Петровичемъ.

Надя чуть-чуть вопросительно посмотрѣла на нее и на Варвару Васильевну. Во всемъ этомъ ей показалось что-то необычное. И ихъ неспокойныя, озабоченныя лица, и видимое желаніе продолжать прерванный разговоръ, и притомъ съ глазу на глазъ, и то обстоятельство, что отецъ *занятъ* съ дядей Гришей, и такъ занятъ, что предупреждаютъ, чтобъ къ нимъ не входили...

Она вышла изъ будуара съ неспокойной душой. Она прошла къ себѣ. Проходя черезъ маленькую гостиную, она мелькомъ заглянула въ комнату брата. Сергѣй сидѣлъ въ креслѣ передъ столомъ въ задумчивой позѣ.

Всѣмъ какъ-то не по себѣ сегодня въ этомъ домѣ. Надя сняла въ своей комнатѣ шляпу и перчатки и вошла къ Сергѣю.

— Объясни, пожалуйста...—съ видимымъ волненіемъ произнесла она,—у мамы таинственный разговоръ съ Варварой Васильевной... Я помѣшала имъ, мнѣ посовѣтовали уйти и снять шляпу... Отецъ *занятъ* въ кабинетѣ съ дядей Гришей и туда нельзя входить...

— Отецъ съ дядей Гришей?—спросилъ Сергѣй, поднявъ голову.—Да, имъ давно пора переговорить.

— О чемъ?

— Развѣ ты не замѣтила, что съ пріѣздомъ дяди Гриши отецъ перемѣнился? Вся его словоохотливость пропала... Онъ точно сдерживаетъ себя или стыдится говорить лишнія слова (а вѣдь это его слабость!), онъ угрюмъ, смущается, часто вздыхаетъ... Я думаю, что онъ чувствуетъ себя виноватымъ передъ дядей Григоріемъ Пе-

тровичемъ... И ему надо объясниться. Я хотѣлъ бы невидимкой присутствовать при ихъ разговорѣ... Навѣрно, тамъ будетъ высказано много правды... Но какъ ты думаешь, еслибъ я прямо вошелъ къ нимъ и сказалъ: я хочу слышать васъ, вашъ разговоръ?... Я думаю, они замолкли бы, отецъ... отецъ въ особенности... Слишкомъ много на свѣтѣ правды, которую громко сказать такъ трудно, что почти невозможно!

— Это оттого, что люди не умѣютъ ни сказать, ни выслушать правду!—сказала Надя.

— И еще оттого, что люди, скрывая правду, воображаютъ, что никто не подозрѣваетъ ея существованія... Они не знаютъ, что въ то время, какъ они стараются подальше запрятать ее, другіе изнемогаютъ въ стремленіи узнать ее.

— Ты говоришь объ отцѣ?—пытливо спросила Надя.

— Объ отцѣ и другихъ.

Надя поняла, что онъ больше всего думаетъ о невысказанной правдѣ Діонисіи Александровны.

XI.

Въ будуарѣ между дамами дѣйствительно происходилъ нѣсколько странный разговоръ. Дамы сидѣли на своихъ мѣстахъ спокойно, говорили тихими голосами, безъ жестовъ и со стороны могло показаться, что предметъ разговора очень мало интересуетъ обѣихъ.

Но глаза замѣняли и повышенія голоса, и жесты, и всѣ тѣ движенія, какія онѣ могли сдѣлать. Глаза у обѣихъ были оживленны, постоянно мѣняли выраженія, подчеркивали слова. Рѣчь шла о предметѣ, обѣимъ имъ одинаково хорошо извѣстномъ. Часто произносились имена то Валерьяна Петровича, то Григорія Петровича. Изъ двухъ одинъ игралъ роль какъ бы подсудимаго и это былъ Валерьянъ Петровичъ. И какъ это ни странно, обвинителемъ являлась Ольга Андреевна, а Варвара Васильевна была горячимъ защитникомъ. Въ домѣ не произошло никакого замѣтнаго внѣшняго факта, который могъ бы сосредоточить ихъ вниманіе на этой темѣ. Валерьянъ Петровичъ въ послѣдніе дни, со времени пріѣзда брата, видимо томился какою-то внутреннею борьбой. Это видѣли всѣ. Это отражалось на его поведеніи. Онъ былъ молчаливъ, что шло въ разрѣзъ съ его характеромъ. За обѣдомъ онъ, пріѣхавъ со службы, обыкновенно говорилъ очень много. Теперь, въ присутствіи Григорія Петровича, онъ точно стѣснялся, какъ стѣсняются при постороннихъ. Но Григорій Петровичъ не былъ посторонній. И, значитъ, это было что то другое.

Сегодня тоже ничего не случилось. Валерьянъ Петровичъ за завтракомъ казался озабоченнымъ. Потомъ въ кабинетѣ онъ долго ходилъ. Григорій Петровичъ сидѣлъ съ дамами. Затѣмъ ему понадобилось что-то записать, онъ поднялся и пошелъ въ кабинетъ. Онъ ушелъ на минуту, но не вернулся. Дверь въ кабинетѣ осторожно притворилась, и онъ тамъ остался вмѣстѣ съ Валерьяномъ Петровичемъ.

И какъ-то разомъ, и Ольга Андреевна, и Варвара Васильевна почувствовали, что тамъ, въ кабинетѣ, происходитъ не простой разговоръ на случайно подвернувшуюся тему, а объясненіе, и сейчасъ же сами пришли къ этой темѣ.

— Тяжело сводить счеты, когда остались старые неоплатные долги!—сказала Ольга Андреевна, не обращаясь прямо къ Варварѣ Васильевнѣ.

Варвара Васильевна знала ея взглядъ на отношенія братьевъ въ прошломъ. Взглядъ этотъ былъ суровый. Ольга Андреевна никогда не подсказывала мужу того или другого образа дѣйствій. Онъ опирался на соображеніяхъ, которыя считалъ важными; она не считала себя вправѣ врываться въ его планы. Притомъ же все это имѣло значеніе въ ея глазахъ не столько по результатамъ, сколько по побужденіямъ. И она думала, что если бы Валерьянъ Петровичъ, внявъ ея совѣтамъ, поступилъ бы иначе, это не имѣло бы цѣны. Онъ сдѣлалъ бы это ради нея, но его взглядъ остался бы тѣмъ же. Это было бы принужденіе, котораго она никогда ни въ чемъ не признавала.

Важно было то, что съ тѣхъ поръ, какъ произошли тѣ обстоятельства, она чувствовала, что уже не можетъ попрежнему уважать мужа. Она признавала его почтенныя качества,—человѣка, сдѣлавшаго блестящую карьеру единственно благодаря своимъ способностямъ и работѣ, безъ всякаго вмѣшательства посторонняго вліянія, но то безпредѣльное довѣріе къ мужу, которое составляло прежде основу ихъ отношеній, поколебалось. Отношенія не испортились,—но, можетъ быть, лишь благодаря тому, что Ольга Андреевна никогда не позволила себѣ высказать свой взглядъ на дѣло. Она только какъ-то «отстранилась» и предоставила ему идти своимъ путемъ. Онъ былъ неправъ,—такъ думала Ольга Андреевна,—но какое право имѣетъ говорить ему горькія истины она, полжизни проведшая во всякаго рода недомоганіяхъ и потому считавшая себя ни на что не годной и безполезной? И что прибавится добраго оттого, что она выскажетъ ему свой взглядъ? Она откроетъ ему глаза? Боже мой! Да развѣ они у него закрыты? Онъ слишкомъ

уменъ, чтобы быть слѣпымъ и не понимать значенія своихъ дѣйствій. Говорить ему горькія истины—значитъ твердить ему то, что онъ знаетъ и отъ чего, можетъ быть, и даже навѣрно, ему и безъ того больно.

— Григорій Петровичъ умѣетъ самое тяжелое сдѣлать легкимъ!—замѣтила Варвара Васильевна.—Притомъ, сколько я знаю, онъ умѣетъ во всемъ найти хорошую сторону...

— О, да! Вы оба слишкомъ снисходительны къ людямъ, я знаю...

— Отъ этого, Ольга Андреевна, до сихъ поръ не произошло вреда ни намъ, ни другимъ... Какъ не быть снисходительной къ людямъ? Чѣмъ больше живешь, тѣмъ яснѣе видишь, какъ мало они зависятъ отъ самихъ себя, отъ своей воли, отъ своихъ нравственныхъ правилъ... Валерьянъ Петровичъ тогда переживалъ самый важный моментъ своей жизни. Передъ нимъ раскрывалось блестящее будущее, ради котораго онъ уже такъ много сдѣлалъ усилій и, замѣтьте это, принесъ много священныхъ жертвъ. Одинъ неудачный шагъ—и все это оказалось бы напраснымъ... Случись это теперь, когда онъ уже сталъ твердой ногой на непоколебимой почвѣ,—я увѣрена, что онъ поступилъ бы мужественно!

Варвара Васильевна обладала рѣдкой способностью становиться на точку зрѣнія того, кого она защищала, и тогда казалось, что она раздѣляетъ и одобряетъ его мнѣнія и поступки. Это, разумѣется, далеко не всегда было такъ и не такъ было въ настоящемъ случаѣ. Но она считала, что когда судятъ человѣка, нельзя быть справедливымъ, не побывавъ у него въ душѣ. Оттого она всегда оказывалась снисходительнымъ судьей.

Съ Ольгой Андреевной онѣ были знакомы въ школѣ, но только знакомы, а не дружны, потому что Варвара Васильевна была на три класса младше Ольги Андреевны. А послѣ школы совсѣмъ разошлись, чтобы потомъ встрѣтиться случайно. Ольга Андреевна не интересовалась ею, не слѣдила за ея жизнью и черезъ много лѣтъ, когда онѣ встрѣтились, можетъ быть, даже не узнала бы ее, еслибъ встрѣтила на улицѣ, но онѣ встрѣтились не на улицѣ.

Это было много лѣтъ тому назадъ, въ провинціальномъ городѣ, гдѣ Валерьянъ Петровичъ тогда былъ на службѣ. Дѣти были еще очень малы и доставляли Ольгѣ Андреевнѣ много хлопотъ. Плохое здоровье, хотя еще не проявившееся ни въ какой опредѣленной формѣ, уже и тогда давало себя знать. Она любила дѣтей и ей хотѣлось быть добросовѣстной по отношенію къ нимъ.

Она не хотѣла довѣрить ихъ нянькамъ и всякаго рода постороннимъ людямъ. Но малѣйшая возня утомляла ее.

Въ это время однажды явилась къ ней дама, которую съ перваго взгляда она не узнала. Молодое лицо ея было очень строго, въ глазахъ выражалось что-то замкнутое, спрятанное глубоко. И странно было видѣть у молодой женщины множество сѣдыхъ волосъ.

— Меня трудно узнать!—сказала она Ольгѣ Андреевнѣ,—я измѣнилась. Но еще мѣсяцъ тому назадъ вы узнали бы меня съ перваго взгляда...

Она назвала себя, она напомнила объ ученицѣ четвертаго класса, когда Ольга Андреевна была въ седьмомъ. Тогда ея фамилія была Мартова, а теперь была другая — Вершилова. Ольга Андреевна вспомнила и заинтересовалась. Воображеніе сейчасъ же нарисовало ей семейную драму. Но она не разспрашивала.

— Я была бы очень счастлива, еслибъ вамъ понадобились мои услуги!—сказала Вершилова.—Я хотѣла бы остаться съ вашими дѣтьми и посвятить имъ жизнь... У меня своихъ нѣтъ.

Конечно, Ольга Андреевна и не подумала тогда о томъ, чтобы принять ея слова буквально. Ей даже не понравилась такая преувеличенная манера выраженія. Впослѣдствіи она узнала, что Варвара Васильевна никогда не преувеличиваетъ, и что тогда она была именно въ такомъ состояніи, что ей лично своя жизнь не была нужна и ей хотѣлось отдать ее кому-нибудь.

Но это потомъ. А теперь Ольга Андреевна только приняла во вниманіе «драму» и попросила ее остаться. Но очень скоро она убѣдилась, что слова Вершиловой не были фразой. Она дѣйствительно вся отдалась дѣтямъ, и Ольга Андреевна мало-по-малу передала ей всѣ свои обязанности, оставивъ за собою только права.

Когда онѣ сошлись ближе, когда Варвара Васильевна сдѣлалась въ домѣ Стаховыхъ совсѣмъ своимъ человѣкомъ, Ольга Андреевна— и только она до тѣхъ поръ, пока не выросли дѣти—узнала исторію Варвары Васильевны.

Исторія эта была проста. Послѣ школы она встрѣтила человѣка, котораго полюбила. Это былъ Вершиловъ, молодой человѣкъ, лѣтъ тридцати, красивый, умница, обладавшій всѣми качествами, чтобы сразу привлекать къ себѣ людей. Въ Петербургѣ онъ былъ гостемъ, а постоянно жилъ въ своемъ небольшомъ имѣніи Тульской губерніи. Варвара Васильевна далеко не была красавицей, но ее легко было отличить въ толпѣ, благодаря ея замѣчательно открытому лицу съ выраженіемъ прямоты въ умныхъ свѣтлыхъ глазахъ

и удивительно стройной фигурѣ. Вершиловъ полюбилъ ее такъ же искренно и сильно, какъ и она его, они скоро женились и уѣхали въ деревню.

Здѣсь все шло хорошо, за исключеніемъ того, что у нихъ не было дѣтей. Но черезъ нѣсколько лѣтъ случилось нѣчто, чему самъ Вершиловъ, можетъ быть, не придавалъ большого значенія.

Онъ служилъ по земству, часто уѣзжалъ въ городъ и проживалъ тамъ по недѣлямъ. И однажды, вернувшись домой, онъ признался Варварѣ Васильевнѣ въ маленькомъ увлеченіи, которое кончилось маленькой измѣной. Въ то время, когда онъ говорилъ ей это, у него уже все прошло и онъ съ чистымъ сердцемъ приносилъ ей покаяніе.

И онъ, конечно, не ждалъ того, что вышло изъ этого. На другой день утромъ Варвары Васильевны уже не было въ домѣ. Онъ нашелъ въ ея комнатѣ письмо, въ которомъ она просила его не добиваться ея возвращенія, такъ какъ оно, все равно, невозможно. «Сердце, въ которомъ хоть одинъ день, часъ, минуту, другой образъ занималъ мое мѣсто, уже—не мое и никогда не можетъ быть моимъ. Я ухожу не врагомъ, но я не могу оставаться и другомъ. Дальнѣйшая жизнь вмѣстѣ была бы непрерывнымъ напраснымъ усиліемъ, она только нравственно утомляла бы насъ и каждый день приносила бы намъ горечь. Я знаю, что большинство женщинъ и женъ смотрятъ на это проще и легче, но я такъ не могу».

Вершиловъ былъ въ отчаяньи, дѣлалъ попытки, выражалъ готовность на всякія возмездія и жертвы, но это ни къ чему не привело. Онъ умолялъ по крайней мѣрѣ позволить ему дѣлиться съ нею своими средствами, но она и на это не соглашалась и оставалась у Стаховыхъ.

Когда Сергѣй и Надя выросли, однажды, среди задушевной бесѣды, Варвара Васильевна познакомила ихъ съ исторіей своей жизни, и ея разсказъ произвелъ на нихъ глубокое впечатлѣніе и, можетъ быть, заронилъ въ ихъ души основу ихъ взгляда на любовь.

Въ то время, какъ въ будуарѣ происходилъ разговоръ вполголоса между Ольгой Андреевной и Варварой Васильевной, въ комнатѣ Сергѣя братъ и сестра точно вторили имъ. Но здѣсь не было такого внѣшняго спокойствія, какъ въ будуарѣ. Сергѣй то вставалъ и ходилъ по комнатѣ, то садился, то опять вскакивалъ.

— Это нельзя... На это никто не имѣетъ права!—съ горячимъ убѣжденіемъ говорила Надя:—есть тайна запертой двери. Никто не имѣетъ права насильно врываться въ душу другого. А запертая дверь, это—запертая душа...

— Ты права, ты права!...—съ волненіемъ воскликнулъ Сергѣй.—Но если у меня украли что-то дорогое, что-то священное для меня и унесли и заперли за собою дверь, неужели и тогда я не имѣю права стучаться въ эту дверь?

— Это совсѣмъ не то...

— Нѣтъ, это совсѣмъ то, Надя! Я хочу знать правду этихъ странныхъ отношеній между моимъ отцомъ и дядей. Пойми ты, что эти отношенія—основа всего, они освѣтятъ передо мной все то, что меня мучаетъ. Почему? Какимъ образомъ мой отецъ, во всемъ остальномъ благородный, добрый ко всѣмъ другимъ, часто жертвующій для другихъ своимъ покоемъ и добромъ,—какимъ образомъ онъ могъ такъ малодушно поступить съ братомъ, котораго любитъ, дѣйствительно любитъ?...

— Ты не узнаешь того, чего они тебѣ не захотятъ сказать...

— Почему они не захотятъ сказать мнѣ? Вѣдь я не буду врываться, я не стану требовать... Я просто войду... Войду и останусь съ ними...

И онъ поднялся съ явнымъ намѣреніемъ выйти изъ комнаты. Надя испуганно посмотрѣла на него.

— Ты рѣшился?—спросила она.

— Да, я пойду, Надя,—рѣшительно сказалъ Сергѣй.—Можетъ быть, это безуміе, но я боюсь, что во второй разъ оно уже не придетъ, и мы всю жизнь будемъ бродить въ темнотѣ...

— Какъ хочешь... я съ тобой не согласна!—промолвила Надя, съ видомъ человѣка, потерявшаго надежду убѣдить.

— Я пойду!—повторилъ Сергѣй и вышелъ изъ комнаты. Онъ шелъ по узкому коридору сдержанными шагами, а когда проходилъ черезъ столовую, еще больше смягчилъ ихъ. Ему было извѣстно, что въ будуарѣ чутко прислушиваются ко всему, что происходитъ въ домѣ, и онъ боялся, чтобъ не услышали его шаги, не поняли его намѣреніе и не остановили его какимъ-нибудь вопросомъ.

Войдя въ гостиную, онъ остановился и взглянулъ на обѣ двери—направо и налѣво. Дверь налѣво вела въ будуаръ. Она была притворена. По ту сторону ея раздавались тихіе женскіе голоса. Направо была дверь въ кабинетъ. Она тоже была притворена. Оттуда слышались мягкіе шаги по ковру и сдержанный голосъ отца. Никакихъ нюансовъ нельзя было разобрать, они скрадывались стѣнами. Да, Сергѣй и не думалъ прислушиваться. Онъ не позволилъ бы себѣ присутствовать тайно при чужомъ разговорѣ. Онъ сперва закрылъ бы уши.

На цыпочкахъ, чтобъ его шаги не были слышны въ будуарѣ, онъ подошелъ къ двери кабинета и, съ сильно бьющимся сердцемъ, положилъ руку на ручку двери и нажалъ ее. Это было предупрежденіе.-Онъ нарочно не отворилъ дверь сразу.

Валерьянъ Петровичъ быстро подошелъ къ двери, отворилъ ее и, увидавъ Сергѣя, слегка отодвинулся.

— Зачѣмъ ты? Тебѣ что-нибудь нужно?—спросилъ онъ, строго нахмуривъ брови.

— Да, мнѣ нужно...—отвѣтилъ Сергѣй.

— А нельзя ли послѣ, немного погодя?...

— Нѣтъ... мнѣ надо теперь...

— Теперь? непремѣнно сейчасъ?

— Да... мнѣ надо сейчасъ...

Валерьянъ Петровичъ съ досадой пожалъ плечами.—Войди!

Сергѣй вошелъ въ кабинетъ и осторожно притворилъ за собою дверь. Онъ все еще принималъ мѣры къ тому, чтобы дамы не узнали объ его рѣшительномъ шагѣ. Валерьянъ Петровичъ отошелъ къ окну, а дядя Гриша сидѣлъ на диванѣ, слегка подавшись корпусомъ впередъ и положивъ руки себѣ на колѣни.

— Если тебѣ что-нибудь надо, такъ говори, Сергѣй... Мы здѣсь заняты!...—промолвилъ Валерьянъ Петровичъ.

— Нѣтъ, папа... я... я хочу остаться здѣсь... — съ преувеличенной твердостью сказалъ Сергѣй.

— Какъ остаться?... зачѣмъ?

— Я хочу быть съ вами и слышать...

— Что?

— Слышать то, что вы говорите...

— Этого не нужно... это нельзя...

— Почему нельзя, папа? Развѣ вы говорите что-нибудь дурное? Развѣ я не членъ вашей семьи, не близкій вамъ человѣкъ?

— Ахъ, Боже мой!—воскликнулъ Валерьянъ Петровичъ, и только теперь Сергѣй, взглянувъ на него, замѣтилъ, что у него было необычно-блѣдное лицо, съ кое-гдѣ выступавшими красными пятнами, чтò было признакомъ страшнаго волненія, и на мгновеніе у него явилось раскаяніе въ томъ, что онъ сдѣлалъ. Но въ ту же минуту онъ овладѣлъ собой и назвалъ свое мимолетное чувство малодушіемъ.

Онъ продолжалъ съ новой, еще ярче выраженной твердостью:

— Я не знаю, почему это можетъ васъ стѣснять... И я не понимаю, зачѣмъ держать меня въ слѣпотѣ... Я знаю, о чемъ у васъ разговоръ... Вы ни о чемъ другомъ не можете говорить... И если это

то, что меня заставляетъ страдать, то вы даже не правы затворять передо мной дверь...

Григорій Петровичъ слегка перемѣнилъ позу и посмотрѣлъ на Сергѣя своимъ добрымъ, свѣтлымъ взглядомъ.

— Эхъ, право!—сказалъ онъ:—я не знаю, зачѣмъ твой отецъ вздумалъ тревожить тѣни далекаго прошлаго... Ихъ не надо было трогать...

— Затѣмъ, что онѣ не даютъ мнѣ спокойно жить!...—промолвилъ Валерьянъ Петровичъ и этимъ какъ бы призналъ присутствіе здѣсь Сергѣя.

— Какъ и мнѣ тоже!...—почти невольно откликнулся Сергѣй и сѣлъ на другомъ краю дивана, на которомъ сидѣлъ Григорій Петровичъ.

Валерьянъ Петровичъ быстро и тяжело зашагалъ по комнатѣ.—

— Да,—говорилъ онъ, не обращаясь ни къ брату, ни къ Сергѣю,—когда тебя судитъ только собственная совѣсть, съ этимъ еще можно справиться. Но когда судьями надъ твоей жизнью выступаютъ собственныя дѣти, тогда чаша переполняется и уже терпѣть больше нельзя...

И вдругъ онъ остановился передъ Сергѣемъ и посмотрѣлъ на него въ упоръ.

— Что ты хочешь знать? Скажи это разъ навсегда, потому что твой тонъ, твои полуслова, твои взгляды давно уже переворачиваютъ во мнѣ душу...

— Вы знаете это, папа... Разъ дядя Гриша здѣсь, то... это понятно —отвѣтилъ Сергѣй.

— А, да... Я знаю... Но зачѣмъ тебѣ забираться такъ глубоко въ мою душу?

— Постой, Валерьянъ, постой! Ты не правъ!—съ обычною мягкостью промолвилъ Григорій Петровичъ:—Сергѣй находится въ томъ неумолимомъ возрастѣ, когда формируется міросозерцаніе, когда въ душѣ зарождаются тысячи вопросовъ, требующихъ отвѣтовъ сейчасъ, немедленно, и отвѣтовъ прямыхъ, всеразрѣшающихъ. И, разъ у него явились мучительныя сомнѣнія, мы съ тобой не имѣемъ права опускать предъ ними завѣсу...

— Я знаю это, знаю... Но мнѣ тяжело... Я не могу объяснить ему это...

— Я говорю, что это дѣло прошлое. Въ прошломъ были причины, я ихъ понимаю. Я тогда понималъ и ты могъ видѣть это изъ моего отношенія къ дому... Это я говорю, но онъ этого не знаетъ. Онъ имѣетъ право думать хуже, чѣмъ есть въ дѣйствительности...

Въ этомъ всегда была опасная сторона завѣсъ, которыя опускаютъ надъ горькой истиной...

— Такъ значитъ, по-твоему, я долженъ объяснять сыну моему то, до чего онъ, при малѣйшей нравственной деликатности, давно могъ бы додуматься самъ?... Хорошо, хорошо!... Я не говорю, что я былъ правъ... о, далеко нѣтъ! Противъ своихъ принциповъ, противъ чистой отвлеченной правды, я былъ неправъ, а больше всего я былъ неправъ противъ тебя, братъ, и противъ твоей несчастной жены... Но еслибъ я былъ одинъ, еслибъ у меня не было дѣтей, будущность которыхъ лежала на моей отвѣтственности, которыя потомъ, когда выростутъ, спросятъ меня: какое ты имѣлъ право испортить нашу жизнь...

Сергѣй движеніемъ руки остановилъ его и энергично покачалъ головой.

— Вы не имѣли права такъ думать! Вы не имѣли права опираться на это, папа! Вы были слишкомъ дурного мнѣнія о вашихъ дѣтяхъ... Вы, очевидно, презирали ихъ...

— Ты говоришь это?—воскликнулъ Валерьянъ Петровичъ.

— Да, да, да! Намъ—мнѣ по крайней мѣрѣ—ни на что не нужна та будущность, которую вы приготовили для меня такимъ путемъ... Я предпочелъ бы всякую другую, только бы между нами не стояло это... эти тѣни, какъ говоритъ дядя...

— Да, хорошо говорить тебѣ, когда эта будущность сдѣлана и уже въ твоихъ рукахъ...

— Я не воспользуюсь ею такъ, какъ вы думали!—воскликнулъ Сергѣй и поднялся.

— То-есть именно какъ?

— Я никакъ не воспользуюсь ею.

— Сергѣй! ты слишкомъ молодъ, чтобы говорить такъ увѣренно!

— Ахъ, папа! Я не такъ молодъ, какъ вы думаете! Намъ слишкомъ многое мѣшаетъ быть молодыми... Право, я не хочу обвинять васъ... И мнѣ хотѣлось бы сказать вамъ, что я вамъ благодаренъ... Но я не чувствую въ себѣ силы высказать вамъ благодарность за ту жертву вашей совѣсти и вашимъ принципамъ, которую вы принесли для меня...

— Да, вотъ что! Вотъ что! — какъ бы про себя молвилъ Валерьянъ Петровичъ и, подойдя къ креслу, опустился въ него и замолкъ.

Сергѣй сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ двери, на секунду оста-

новился, какъ бы желая что-то сказать, но не сказалъ ни слова и вышелъ изъ кабинета.

Страшная тяжесть сдавила ему грудь, и онъ теперь уже не зналъ, поступилъ ли онъ справедливо или безчеловѣчно.

Но онъ зналъ, что послѣ этого объясненія жизнь его должна перемѣниться.

XII.

Надя, взволнованная, безпокойная, оставалась въ маленькой гостиной все время, пока Сергѣй отсутствовалъ. Она часто подходила къ двери, которая вела въ коридоръ, и внимательно и тревожно прислушивалась. Она боялась всего и ждала самаго худшаго.

Вотъ съ шумомъ растворится дверь изъ кабинета, выбѣжитъ оттуда отецъ или Сергѣй, раздадутся крики, которые всполошатъ мать и Варвару Васильевну, и весь домъ поднимется на ноги...

Но ничего этого не случилось. Все оставалось попрежнему. Въ будуарѣ дамы вполголоса вели свой мирный споръ, въ кабинетѣ говорили тихо. А вотъ и шаги Сергѣя. Она пріотворила дверь. Свѣтъ лампы, горѣвшей въ маленькой гостиной, упалъ на его лицо, и она увидала это лицо, — суровое, блѣдное, какимъ никогда еще не видала его.

Сергѣй вошелъ и, тяжело опустившись на диванъ, провелъ ладонью по лбу и закрылъ глаза.

— Что у васъ произошло? — спросила его Надя.

— Погоди... Дай прійти въ себя! — отвѣтилъ Сергѣй.

Надя посмотрѣла на него и покачала головой.

— Ты разучился быть сдержаннымъ, Сергѣй! — съ укоромъ сказала она.

— О, да, да! Но если мы всегда будемъ только сдерживать себя и молчать, то будутъ имѣть право считать насъ единомышленниками и союзниками... Нѣтъ, это принимаетъ такіе размѣры, что пора поставить черту...

— Что ты тамъ сказалъ?

— Я долженъ разсказать тебѣ это, потому что безъ полномочій говорилъ за себя, и за тебя...

— Ты знаешь, что я думаю такъ же, какъ и ты, но...

— Но предпочитаешь молчать?...

— Не всегда мы имѣемъ право говорить!

— Слушай, Надя! — промолвилъ Сергѣй и посмотрѣлъ на нее воспаленными глазами. — Мы съ тобой много думали и говорили о

той лжи, которая насъ окружаетъ, которую мы видимъ на каждомъ шагу. Въ этомъ мы не были оригинальны! Милліоны людей дѣлаютъ то же. Всѣ легко видятъ чужую ложь и всѣ въ нашемъ возрастѣ возмущаются противъ нея. Но говорятъ о ней тихонько, въ своей средѣ, между собой. Не смѣютъ говорить громко, потому что связаны разными условіями. Того они слишкомъ любятъ, другого слишкомъ уважаютъ, третьяго боятся. И такъ это возмущеніе потихоньку въ нихъ замираетъ, ничего изъ него не выходитъ и сами они, по мѣрѣ вступленія въ болѣе почтенный возрастъ, понемногу начинаютъ лгать... Вотъ это и есть именно то, чего не должно быть. Почему я оскорблю любимаго или уважаемаго человѣка, если скажу ему правду, то-есть то, что я считаю правдой? А можетъ быть то, что я считаю правдой, вовсе не правда, и мнѣ это докажутъ? Но они не доказываютъ, они падаютъ въ кресло и говорятъ жалкія слова. Значитъ, моя правда есть дѣйствительно правда...

— Что ты сказалъ тамъ, Сергѣй?

— Я не знаю, что они говорили до меня, но когда я вошелъ, отецъ, очевидно, достигъ уже самаго главнаго. И вотъ, желая оправдать себя въ самомъ главномъ, онъ сослался на насъ... Онъ сдѣлалъ это для насъ... Онъ поступилъ бы иначе, еслибъ не было насъ...

— И что же? Что же?

— Какъ что? Я сказалъ, что намъ этого не нужно. Что если, путемъ малодушія, хотѣли сохранить для насъ извѣстную будущность, то мы,—или, по крайней мѣрѣ, я,—этой будущностью не воспользуемся...

— О, Сергѣй!...

— Я сказалъ это съ глубокимъ убѣжденіемъ, Надя! Я могу поручиться за свои слова. Я дѣйствительно не воспользуюсь тѣми шансами, которые вытекаютъ изъ высокаго положенія моего отца. Я сказалъ правду...

— Что же это значитъ?

— Это значитъ, что я буду устраивать свою жизнь самостоятельно, собственными усиліями.

— Что ты будешь дѣлать?

— Я не знаю! Русская земля велика, въ ней найдутся для меня работа и хлѣбъ, чтобы прокормить меня... Я кончу университетъ и воспользуюсь своими знаніями такъ, какъ будто я пришелъ съ улицы, а не изъ дома столь значительнаго человѣка, какъ мой отецъ. О, я знаю, что передо мной разстилается торная дорожка, что мнѣ будетъ всячески облегченъ путь къ скорому льготному про-

хожденію службы, что мнѣ въ нѣсколько мѣсяцевъ дастся въ руки то благо, изъ-за котораго другой, быть можетъ достойнѣе меня, будетъ надрываться годы... Но я ничего этого не возьму, я ничѣмъ не воспользуюсь изъ того, что мнѣ приготовили помимо моего желанія...

— Ахъ, Сергѣй... Ты правъ... Конечно, ты правъ! Но подумалъ ли ты о томъ, что изъ всего этого произойдетъ? Во что превратится нашъ домъ?

— Надя! Я никогда не понималъ этой твоей предусмотрительности. Одно изъ двухъ: или говорить правду, или лгать! Я сказалъ себѣ: не лгать никогда и ни въ чемъ! Но какъ же ты хочешь, чтобъ я, рѣшившись не лгать никогда и ни въ чемъ, старался сохранить мирное теченіе жизни въ нашемъ домѣ, оберегать его благополучіе, когда это благополучіе все цѣликомъ построено на лжи?

— Сергѣй!...

— Опять этотъ страхъ передъ словами! Ну, да, на лжи, на лжи! Мы знаемъ убѣжденія нашего отца изъ его словъ. Мы часто слышали ихъ, когда онъ говорилъ съ нами, до насъ долетали отзвуки рѣчей его въ обществѣ Стрижевыхъ, Виговскихъ и другихъ. Но, скажи пожалуйста, отецъ могъ бы сдѣлать такую карьеру, какую онъ сдѣлалъ, еслибъ онъ всегда и при всѣхъ случаяхъ громко высказывалъ свои убѣжденія? Нѣтъ. Значитъ, эта карьера, его блестящее положеніе — построены на обманѣ. Онъ гдѣ-то кого-то обманываетъ и, притомъ, въ теченіе всей жизни, каждый день, на каждомъ шагу, во всѣхъ дѣлахъ, малыхъ и большихъ; кто-то имѣетъ ложное представленіе о его взглядахъ на вещи. Вѣдь нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, имѣть двойной комплектъ убѣжденій, одинъ — для дома и для интимныхъ друзей, для частной жизни, а другой — для службы... И въ дѣлѣ дяди Гриши вѣдь все сводится къ тому же. Я бы ничего не сказалъ, еслибъ услышалъ отъ отца такую рѣчь: я не одобрялъ и не одобряю образа мыслей и дѣйствій брата Григорія и потому я ничего не хотѣлъ для него сдѣлать. Сообразно моимъ убѣжденіямъ, онъ заслужилъ то, что получилъ. Это было бы не по-братски, но тутъ была бы правда. Но на дѣлѣ было не такъ. Были приняты всѣ мѣры, чтобы кто-то думалъ, что онъ не одобряетъ, но въ дѣйствительности онъ сочувствовалъ... Вотъ чего я не признаю: лицемѣрія, которое господствуетъ во всемъ... Но ты знаешь, Надя, я никогда не навязываю другимъ своихъ взглядовъ. Я думаю такъ, отецъ думаетъ иначе. Онъ имѣетъ право думать такъ, какъ находитъ справедливымъ. Разно думая, я могъ бы уважать и любить его. Я могъ бы любить его даже тогда, когда уви-

далъ противорѣчія въ его дѣйствіяхъ. Но когда человѣкъ, видя себя въ необходимости оправдать эти противорѣчія, притягиваетъ меня и говоритъ, что онъ это сдѣлалъ для моего блага, я говорю ему прямо: я не хотѣлъ и не хочу этого блага. И это все, что я сказалъ отцу...

Надя слушала его, но вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно прислушивалась, не произошло ли въ квартирѣ чего-нибудь неожиданнаго. Ей все казалось, что дѣло не можетъ тѣмъ кончиться, что отецъ выйдетъ изъ кабинета и заговоритъ съ матерью о томъ, что произошло. Будутъ громко обсуждать, со стороны отца посыплются укоры, жалобы, миръ будетъ нарушенъ.

Но не было слышно ничего такого, что предвѣщало бы такую бурю. Въ будуарѣ и въ кабинетѣ было попрежнему тихо. Замѣтно стемнѣло. Въ квартирѣ зажгли огни. Иванъ накрывалъ столъ къ обѣду.

Надя замѣтила это и подумала: «Что же это будетъ за обѣдъ?»

Но въ это время ей показалось, что кто-то вышелъ изъ кабинета. Она сдѣлала брату знакъ молчанія и вышла въ столовую. Здѣсь она убѣдилась, что изъ кабинета вышелъ Григорій Петровичъ. Онъ направился прямо въ будуаръ. Надя, влекомая неудержимымъ желаніемъ поскорѣе узнать, во что разыгралась исторія, пошла туда же.

Когда она вошла, Григорій Петровичъ сидѣлъ уже на стулѣ и мирно бесѣдовалъ съ дамами. Надя остановилась на порогѣ и прислушалась. Они говорили о пьесѣ, которая шла сегодня въ Александринскомъ театрѣ. У Григорія Петровича былъ билетъ, который ему съ трудомъ удалось достать.

«Какъ? Значитъ, ничего? Все сошло на нѣтъ? — подумала Надя.—Или Сергѣй преувеличилъ? Или его недостаточно поняли?»

Она всматривалась въ лицо Григорія Петровича, стараясь найти въ немъ отвѣтъ на свои вопросы. Оно было, какъ всегда, оживленно, но складки на лбу обозначались яснѣе обыкновеннаго.

Когда Григорій Петровичъ замѣтилъ ее, то посмотрѣлъ на нее долгимъ, вопросительнымъ взглядомъ. Онъ какъ бы спрашивалъ ее, знаетъ ли она и что думаетъ?

Послѣ этого взгляда Надя поняла, что Сергѣй ничего не преувеличилъ, что его слова произвели сильное впечатлѣніе на отца, но что не хотѣли тревожить Ольгу Андреевну, которая отъ всякой тревоги начинала разомъ ощущать всѣ свои болѣзни. «Но какъ же обѣдъ? — думала Надя. — Неужели отецъ сумѣетъ выдержать себя въ продолженіе всего обѣда и не разразится? Но если даже отецъ

выдержитъ, Сергѣй выдастъ себя. Когда онъ такъ настроенъ, когда въ его головѣ сидитъ какая-нибудь мысль, онъ проявляетъ ее во всѣхъ своихъ движеніяхъ».

И на эти вопросы скоро получился отвѣтъ. Варвара Васильевна вспомнила, что въ сущности пора обѣдать.

— Ахъ, да! — сказалъ Григорій Петровичъ, — я ничего не имѣлъ бы противъ... Вѣдь мнѣ надо поѣхать въ театръ. А Валерьянъ сегодня не обѣдаетъ съ нами!... — какъ бы вскользь прибавилъ онъ.

— Почему это? — спросила Ольга Андреевна.

— Онъ обѣдаетъ въ клубѣ. Тамъ кого-то чествуютъ.

— Какъ странно! Онъ за завтракомъ говорилъ, что обѣдаетъ дома.

— Да, онъ забылъ объ этомъ обѣдѣ и только что вспомнилъ.

Въ самомъ дѣлѣ, Ивана спѣшно позвали въ кабинетъ и приказали подать одѣться. Минутъ черезъ десять Валерьянъ Петровичъ зашелъ на минуту въ будуаръ, поцѣловалъ руку у Ольги Андреевны и мимоходомъ сказалъ:

— Боюсь, какъ бы не опоздать на этотъ обѣдъ, о которомъ я совсѣмъ забылъ!

Онъ поспѣшно ушелъ и затѣмъ уѣхалъ изъ дому. На немъ былъ фракъ безъ звѣзды и никакого ордена.

Надя вернулась къ себѣ. Сергѣй уже шагалъ по своему кабинету. Надя вошла къ нему.

— Сейчасъ будемъ обѣдать. Отецъ уѣхалъ въ клубъ...—сказала она.

— И тутъ малодушіе! — промолвилъ Сергѣй.

— Но это къ лучшему! — сказала Надя.

— Да, въ интересахъ общаго благополучія, конечно, но не въ интересахъ установленія разумныхъ и правдивыхъ отношеній...

— Ты удивительно воинственно настроенъ!

— А ты—какая-то сестра милосердія. Всѣмъ бы хотѣла перевязать раны...

— Развѣ это такъ ужъ дурно?—съ усмѣшкой спросила Надя.

— Вовсе не дурно. Но съ однѣми перевязками далеко не уѣдешь. Надо, чтобы кто-нибудь боролся...

— Ну, вотъ, ты борись, а я буду перевязывать раны.

Позвали обѣдать. Сергѣй все время угрюмо молчалъ, а Григорій Петровичъ, наоборотъ, слишкомъ много говорилъ, гораздо больше обыкновеннаго. И темы его были все какія-то отдаленныя. Онъ говорилъ о своихъ мѣстахъ, описывалъ людей, съ которыми живетъ.

Конечно, онъ боялся, чтобы не проскользнуло какое-нибудь лишнее слово. Онъ часто посматривалъ на Сергѣя и Надю.

Послѣ обѣда онъ, совсѣмъ уже собравшись идти въ театръ, зашелъ къ Сергѣю.

— Намъ бы съ тобой какъ-нибудь поболтать! Хорошо бы! — сказалъ онъ.

— Да, я очень хотѣлъ бы поговорить съ вами! — съ живостью отозвался Сергѣй.

— Вотъ и хорошо. Когда же? Завтра, что ли?

— А сегодня никакъ нельзя?

— Да вѣдь я въ театръ иду. Развѣ ужъ пожертвовать этимъ?

— Нѣтъ, зачѣмъ же? Я тоже пойду съ вами, а потомъ зайдемъ куда-нибудь выпить по чашкѣ кофе и поговоримъ.

— А билетъ? Теперь не достанешь...

— Я у барышника куплю. А не будетъ, постою гдѣ-нибудь въ проходѣ. .

— Ну, если это дѣлается, такъ пойдемъ. Я самъ хотѣлъ бы поскорѣе это сдѣлать.

Сергѣй быстро одѣлся и пошелъ съ нимъ. Онъ простился только съ Надей, попросивъ ее сказать матери и Варварѣ Васильевнѣ, что ушелъ въ театръ съ дядей Гришей и что, можетъ быть, вернется поздно. Надя не слышала ихъ разговора и ей показалось это загадочнымъ.

Сергѣй безъ труда досталъ у барышника билетъ, заплативъ за него не слишкомъ дорого. Ему пришлось сидѣть въ четвертомъ ряду, тогда какъ Григорій Петровичъ помѣстился въ мѣстахъ за креслами.

Сергѣй видѣлъ уже эту пьесу и она ему не нравилась. Но онъ рѣшилъ добросовѣстно просидѣть четыре акта. Предстоящій разговоръ съ дядей Григоріемъ Петровичемъ сильно занималъ его. Въ сущности, онъ до сихъ поръ не зналъ достовѣрно, какъ самъ дядя на все это смотритъ.

Послѣ перваго акта, который казался ему скучнымъ, онъ не вышелъ. Онъ видѣлъ, какъ Григорій Петровичъ ушелъ въ коридоръ. Онъ поднялся, пропустилъ всѣхъ, кто хотѣлъ выйти, и затѣмъ, ставъ спиной къ занавѣсу, началъ разсматривать публику. Справа онъ не нашелъ ни души знакомой, но затѣмъ взглядъ его съ величайшимъ любопытствомъ остановился на одной изъ ложъ бенуара съ правой стороны. Ложа была плохо освѣщена. Онъ ясно видѣлъ только коробку конфетъ, лежавшую на барьерѣ, и даму, сидѣвшую

впереди и внимательно смотрѣвшую въ бинокль куда-то наверхъ. Другіе или вышли, или скрылись въ глубинѣ ложи.

Лицо дамы, одѣтой чрезвычайно просто, даже бѣдно, въ шерстяное черное платье, показалось ему знакомымъ, но бинокль, приставленный къ глазамъ, мѣшалъ ему точно вспомнить, кто она. Но вотъ она опустила бинокль и повернула голову по направленію къ глубинѣ ложи. Сергѣй выпрямился и съ изумленіемъ поднялъ плечи. Это была Вѣра Михайловна Увальева. У Сергѣя сейчасъ же мелькнуло въ головѣ, что съ нею должна быть и Дина, и на мгновеніе непріятное чувство охватило его. Про эту женщину онъ не зналъ ничего дурного, но ему не нравилось, что Дина ѣздитъ въ сопровожденіи ея. Однако, онъ успокоился, когда увидѣлъ, что въ глубинѣ ложи движутся еще двѣ знакомыхъ фигуры. «Значитъ, онѣ не вдвоемъ!»—подумалъ онъ и сейчасъ же упрекнулъ себя за подозрительность дурного тона. Затѣмъ обѣ фигуры придвинулись къ барьеру, и онъ совершенно явственно узналъ въ одной изъ нихъ мадамъ Лавинскую, а въ другой—Дину.

Днемъ она ничего не сказала имъ о театрѣ, значитъ, это вышло безъ приготовленій. У него явилось движеніе пойти въ ложу, но антрактъ близился къ концу, музыканты уже играли. Это было безполезно.

Обѣ Лавинскія были одѣты просто. Очевидно, мадамъ Лавинская считала, что Александринскій театръ не стôитъ дорогихъ туалетовъ. Темныя цвѣта ихъ платьевъ вполнѣ гармонировали съ темнотой въ ложѣ.

У Дины были скучающіе глаза. Зрѣлище, какъ казалось, не слишкомъ занимало ее. Она взяла бинокль у Увальевой и сдѣлала бѣглый осмотръ театральной залы, но Сергѣя не замѣтила. Поднялся занавѣсъ, въ ложѣ усѣлись по мѣстамъ, Сергѣй тоже сѣлъ на свое мѣсто. Но если первый актъ онъ прослушалъ вяло и апатично, то теперь испытывалъ нетерпѣніе и все время злился на артистовъ за то, что они, какъ ему казалось, тянутъ и слишкомъ долго разсказываютъ совершенно неинтересныя вещи.

Однако, и этотъ актъ кончился. Сергѣй тотчасъ же вышелъ изъ своего ряда, наступая на ноги сосѣдямъ, и быстро пошелъ къ выходу. Здѣсь онъ встрѣтилъ Григорія Петровича, который взялъ его подъ руку.

— Хорошо играютъ петербургскіе артисты!—воскликнулъ Григорій Петровичъ, и по глазамъ его было видно, что онъ находится подъ сильнымъ впечатлѣніемъ игры актеровъ.—Что касается пьесы, то я могъ бы сильно поспорить съ авторомъ...

И у него было явное намѣреніе завязать разговоръ по поводу пьесы. Сергѣй почувствовалъ это и рѣшилъ во-время остановить его.

— Я, дядя, увидѣлъ здѣсь, въ театрѣ, знакомыхъ и хочу зайти къ нимъ въ ложу!—сказалъ онъ.

— А, ну, иди, пожалуйста... Кто же это?

— Это семейство Лавинскихъ.

— Ахъ, это тѣ, къ которымъ ты сегодня съ Надей ѣздилъ съ долгимъ визитомъ?

— Тѣ самыя.

— Тамъ, кажется, есть интересная молодая дѣвушка? Она-то тебя и влечетъ?

— Да, дядя.

— Это естественно. Такъ ты торопись.

Онъ отпустилъ Сергѣя, который направился прямо къ ложѣ. Дверь была полуотворена, но онъ все-таки постучалъ и потомъ вошелъ. Первое, что онъ увидѣлъ, была Увальева, которая сидѣла на своемъ прежнемъ мѣстѣ. Увидѣвъ его, она сдѣлала большіе глаза и какъ будто даже смѣшалась. Очевидно, она не знала о томъ, что Стаховъ бываетъ въ домѣ Лавинскихъ и, можетъ быть, ей Богъ знаетъ что представилось.

Но лицо ея приняло выраженіе успокоенія, когда госпожа Лавинская, увидавъ вошедшаго Стахова, чрезвычайно любезно улыбнулась ему и протянула руку.

— Какъ? Вы въ театрѣ? И ваша сестра?—спросила она.

— Нѣтъ, я одинъ. Я случайно!—отвѣтилъ Сергѣй и обратился къ Діонисіи Александровнѣ:—Я никакъ не думалъ, что увижу васъ сегодня еще разъ!

— Я тоже!—отвѣтила Діонисія Александровна, видимо обрадовавшаяся встрѣчѣ съ нимъ.

— Намъ прислали билетъ во время обѣда!—объяснила госпожа Лавинская.

— А я пріѣхалъ совсѣмъ безъ билета и купилъ его у барышника.

— Какое роковое совпаденіе!—промолвила Діонисія Александровна, смѣясь, и прибавила:—Но это очень хорошо, потому что вы проводите меня въ фойэ.

— Не правда ли? — промолвила съ улыбкой госпожа Лавинская.—Я лѣнива и, къ тому же, не люблю толкаться въ публикѣ. Вы не знакомы съ нашею родственницей? Вѣра Михайловна, это Стаховъ, Сергѣй Валерьяновичъ!...

Сергѣй, на мгновеніе смутившись, быстро оправился и поклонился Вѣрѣ Михайловнѣ, которая отвѣтила ему тѣмъ же.

— Такъ пойдемте!—сказалъ Сергѣй, обращаясь къ Діонисіи Александровнѣ, которая во время сцены представленія со странною усмѣшкой смотрѣла въ публику.—Здѣсь короткіе антракты.

— Я готова!—отвѣтила Дина, и они вышли.—Я очень рада, что вы насъ отыскали!—говорила Дина, когда они подымались по лѣстницѣ въ бельэтажъ.—Вы знаете, я только тогда съ удовольствіемъ смотрю на сцену, когда могу каждую минуту дѣлиться съ кѣмъ-нибудь впечатлѣніями... Но моя мать совсѣмъ не интересуется театромъ. Она приноситъ себя въ жертву...

— Для кого?—спросилъ Сергѣ.

— Она думаетъ, что для меня, но, въ сущности, если не для себя самой, то не знаю, для кого. У насъ такой режимъ,—продолжала Діонисія Александровна, когда они тихо двигались въ толпѣ по тѣсному фойэ Александринскаго театра. — Моя мать считаетъ своимъ долгомъ вывезти меня по одному разу во всѣ тѣ мѣста, гдѣ насъ вмѣстѣ можетъ видѣть публика. Мы поочередно бываемъ въ каждомъ театрѣ. Сюда обыкновенно ѣздимъ на первое представленіе, но какъ-то ни разу не удалось достать ложу. И вы не можете себѣ представить, какъ она вамъ благодарна за то, что вы оказались сегодня въ театрѣ и увидали насъ. Она уже приходила въ уныніе, что никто изъ знающихъ насъ не увидитъ насъ. Тогда этотъ нашъ выѣздъ былъ бы затраченъ даромъ. Теперь вы увидали, пріѣдете домой и скажете: Лавинская была въ театрѣ съ дочерью. Ваши скажутъ кому-нибудь другому и станетъ извѣстно, что она исполняла свои материнскія обязанности въ Александринскомъ театрѣ. Потомъ тоже въ другихъ театрахъ, въ симфоническомъ концертѣ, гдѣ-нибудь на балу... И все это наскоро, второпяхъ, чтобъ, исполнивъ такъ странно понимаемыя материнскія обязанности, съ чистою совѣстью уѣхать на Ривьеру. Слушайте, вамъ, можетъ быть, все это не интересно?

— Ради Бога, никогда этого не спрашивайте. Мнѣ интересно все, что васъ касается!—воскликнулъ Стаховъ.

— Я напала на васъ и говорила вамъ все это залпомъ, потому что все это меня бѣситъ и выводитъ изъ себя... Мнѣ хочется какъ-нибудь разомъ все это разбить... Всѣ эти хитросплетенія, которыя люди навязали себѣ единственно ради того, чтобы кто-то думалъ о нихъ такъ, а не иначе, не такъ, какъ есть, а такъ, какъ этого желали бы другіе... И вы увидите: въ половинѣ одиннадцатаго въ ложѣ покажется мой отецъ и высидитъ одинъ актъ. Онъ будетъ

сидѣть съ полузакрытыми глазами и будетъ думать въ это время о своихъ многочисленныхъ дѣлахъ. Но его присутствіе необходимо тоже для того, чтобы всѣ принимали насъ за необыкновенно счастливую семью... О, все это меня бѣситъ, бѣситъ, бѣситъ!...

— Слушайте, Дина! Мы сегодня съ вами встрѣтились, очевидно, не случайно! — сказалъ Стаховъ. — Я пережилъ нынче вродѣ того, что вы сейчасъ переживаете. И, можетъ быть, никто въ цѣломъ мірѣ не хочетъ такъ, какъ я, разбить хитросплетенія, о которыхъ вы говорите... Разница только та, что я сегодня началъ...

— Что вы начали?

— Началъ разбивать... У меня сегодня была такая сцена съ отцомъ... Но нѣтъ, вы ничего не поймете, потому что вы не знаете сути нашихъ отношеній. У меня не то, что у васъ, но все равно, все сводится ко лжи... И здѣсь говорить негдѣ... И уже зовутъ въ театръ. Намъ надо много, много говорить, Дина!

— А ваша сестра? Она не здѣсь? Я ее полюбила!...—сказала Діонисія Александровна.

— И она васъ, но...

— Что же—но?—спросила Діонисія Александровна послѣ того, какъ онъ запнулся.

— Нѣтъ, это *но* ничего не отнимаетъ отъ полюбила!—сказалъ Стаховъ. — Она просто полюбила васъ. Но она сдѣлала еще свое наблюденіе, и я боюсь, что она права.

— Вы, конечно, сейчасъ же скажете, что̀ это?

— Она изъ чего-то заключила или, какъ она говоритъ, почувствовала, что у васъ есть именно та правда, о которой вы говорили сегодня днемъ,—правда, которую сказать такъ трудно, что почти невозможно...

Діонисія Александровна вдругъ остановилась. Сергѣй взглянулъ на нее и замѣтилъ, что щеки ея слегка поблѣднѣли, а глаза загорались какимъ-то страннымъ блескомъ.

— Ваша сестра это почувствовала?—спросила она.

— Да. И я не спрошу у васъ, права ли она...

— Да, не надо спрашивать...

Они оба замолчали. Потомъ она обернулась и замѣтила, что вся публика ушла въ театръ.

— Я совсѣмъ забыла о своихъ обязанностяхъ! — съ горечью усмѣхнувшись, сказала Дина.—Поторопимся.

Они быстро пошли внизъ. Сергѣй довелъ ее до ложи. Здѣсь она обернулась, подала ему руку и сказала:

— Я подумаю, когда намъ поговорить, и позову васъ. А если

будетъ не трудно, зайдите въ ложу еще разъ. Впрочемъ,—прибавила она, подумавъ,—нѣтъ, лучше не заходите...

Сергѣй пошелъ на свое мѣсто. До сихъ поръ онъ чувствовалъ себя разстроеннымъ, а теперь, послѣ этой искренней, неудержимой жалобы, ему казалось, что въ душѣ его подымается буря. Онъ совсѣмъ не глядѣлъ на сцену и не слышалъ ни слова изъ того, что говорили актеры. Онъ думалъ теперь не о себѣ. То, что онъ переживалъ и съ чѣмъ боролся, показалось ему такимъ незначительнымъ въ сравненіи съ тѣмъ, что испытываетъ эта дѣвушка. Если можно назвать горемъ его положеніе, то это горе слишкомъ счастливо обставлено. У него есть семья. Несмотря ни на что, все-таки онъ долженъ признать, что отецъ его любитъ и онъ самъ питаетъ къ нему хорошія чувства; у него есть мать, противъ которой онъ не можетъ сказать ни слова. У него есть такіе друзья, какъ Варвара Васильевна и Надя...

А она совсѣмъ одиночка. Ея отецъ живетъ, какъ машина, весь погруженный въ дѣла, въ добываніе большихъ средствъ,—для кого? Для чего? Въ этомъ добываніи, которое уже, можетъ быть, сдѣлалось его стихіей, онъ, должно быть, никогда и не задается этими вопросами. Ея мать — эгоистка, лишенная, притомъ, мужества прямо и смѣло обнажить свой эгоизмъ передъ свѣтомъ и приносящая этому свѣту жертвы въ видѣ пріѣздовъ на два мѣсяца въ Петербургъ и выѣздовъ съ дочерью въ мѣста, гдѣ есть люди, могущіе это замѣтить и поставить ей на счетъ. И между ними двумя, чужими другъ другу, но связанными случайностью, она — совсѣмъ одна.

И въ добавокъ къ этому, у нея еще на душѣ лежитъ камень,— правда, которую трудно сказать и которая можетъ задушить... Да, конечно, его бѣда, въ сравненіи съ ея горемъ, кажется чѣмъ-то теоретическимъ, выдуманнымъ и незначительнымъ.

Послѣ третьяго акта Сергѣй вышелъ, чтобы пройтись съ Григоріемъ Петровичемъ, который, очевидно, въ театрѣ не встрѣтилъ никого изъ своихъ знакомыхъ и въ антрактахъ бродилъ одиноко.

Мимоходомъ онъ бросилъ взглядъ въ бенуаръ. Тамъ дѣйствительно уже возсѣдалъ Лавинскій, на видномъ мѣстѣ, съ лицомъ до послѣдней степени безразличнымъ и холоднымъ. У нихъ, очевидно, все дѣлалось по разъ принятому порядку и все это какъ будто для Дины, которая отъ этого страдала. Рѣшительно жизнь полна необъяснимыхъ нелѣпостей, которыя никому не прибавляютъ счастья, но которыя люди выполняютъ добросовѣстно, какъ старательные актеры, усердно играющіе противныя имъ роли.

— Куда-жъ мы съ тобой зайдемъ, мой славный юноша?—спро-

силъ, взявъ его подъ руку, Григорій Петровичъ, котораго игра петербургскихъ актеровъ, видимо, привела въ отличное настроеніе. За обѣдомъ, послѣ разговора въ кабинетѣ, онъ былъ въ гораздо худшемъ.

— Все равно. Въ любомъ ресторанѣ найдется отдѣльная комната!—сказалъ Сергѣй.

— Ладно. Я отдамся на твою волю. Я въ ресторанахъ петербургскихъ не знатокъ...

— Я ихъ хорошо знаю!—отвѣтилъ Сергѣй.

— Ну, что же ты скажешь про пьесу? Она недурна, но фальшива...

— Если говорить правду, дядя, сегодня я ее не слушалъ... Мнѣ было не до нея...

— Ты такъ впечатлителенъ? Ну, знаешь, это и хорошо, и нехорошо...

— Какъ же это вмѣстѣ?

— Хорошо потому, что ужасно быть бревномъ. А я въ этотъ свой пріѣздъ въ Петербургъ какъ-то слишкомъ много встрѣтилъ бревенъ. А худо потому, что чрезмѣрная впечатлительность иногда можетъ помѣшать быть справедливымъ.

— Неужели надо искать середину?

— Нѣтъ, не середину. Это — старая аксіома нравственныхъ лѣнтяевъ, будто истина всегда находится въ срединѣ. Имъ просто лѣнь разыскать настоящую точку. Она находится гдѣ-нибудь между крайностями, и въ этомъ-то и вся суть, чтобъ отыскать ее. Но никогда или очень рѣдко она бываетъ въ крайнихъ точкахъ.

— Трудное это искусство!—чуть-чуть иронически замѣтилъ Сергѣй.

— Въ твоемъ возрастѣ оно облегчается свѣжимъ и тонкимъ чутьемъ... А что, эта дѣвушка, съ которой ты ходилъ въ антрактѣ, такъ же интересна, какъ красива?

— Да, но она еще больше несчастна!

— Да, я слышалъ. У нея странная семья... Впрочемъ, теперь трудно сыскать семью, которая не казалась бы странной.

— Въ самомъ дѣлѣ? Я не настолько знаю жизнь... Вы говорите: теперь? А прежде было не такъ?

— Ну, братъ, придется намъ отложить этотъ разговоръ къ чашкѣ кофе... Уже музыка играетъ.

Они вернулись въ театръ. Послѣ четвертаго дѣйствія Стаховъ, проходя мимо бенуара, издали кивнулъ головой Діонисіи Александровнѣ, которая стояла уже въ шубѣ, ожидая другихъ.

XIII.

Стаховъ не зналъ плохихъ ресторановъ. Его кружокъ, состоявшій изъ людей обезпеченныхъ, посѣщалъ только дорогіе. Онъ и повелъ Григорія Петровича на Конюшенную, гдѣ онъ одно время былъ частымъ посѣтителемъ.

Когда они подошли къ ресторану, Григорій Петровичъ запротестовалъ.

— Что ты, милый мой? Здѣсь мы должны будемъ оставить по цѣлому состоянію.

— Это преувеличенно, дядя! Притомъ же у меня есть деньги, которыя мнѣ ни на что не нужны!

— Значитъ, ты меня угощать хочешь? Ладно. А я, признаться, въ годы моего студенчества выше Палкина никогда не подымался, и то въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ.

Они зашли въ ресторанъ, и Сергѣй, какъ человѣкъ, хорошо знающій мѣсто, тотчасъ же повернулъ въ какой-то узкій коридоръ и отыскалъ небольшой отдѣльный кабинетъ. Бритый слуга-татаринъ призналъ въ немъ знакомаго гостя и поздоровался съ нимъ. Сергѣй заказалъ ему закуску, два горячихъ блюда и выбралъ довольно дорогое вино.

— Кто же изъ насъ обладаетъ такимъ аппетитомъ?—спросилъ Григорій Петровичъ, глядя на его распоряженіе.

— Это косвенная плата за право спокойно сидѣть и бесѣдовать съ увѣренностью, что никто не помѣшаетъ!—отвѣтилъ Сергѣй.—Да, дядя, такъ я возвращаюсь къ прерванному разговору: прежде, я говорю, развѣ было не такъ? Прежде такія вотъ странныя семьи, гдѣ все идетъ врозь, были исключеніями?

— Я думаю, что да! Я не настолько ужъ человѣкъ прежняго времени, чтобы говорить съ увѣренностью очевидца, но все же и на моихъ глазахъ разладъ сдѣлалъ большіе успѣхи.

— Почему же это?

— Прогрессъ, прогрессъ, мой милый!

— Какъ? Это прогрессъ? Разладъ въ семьяхъ—это прогрессъ?

— Несомнѣнно. Я не говорю, что это—пріятное явленіе, но я и не настолько моралистъ, чтобы приписывать это растлѣнію нравовъ, порчѣ общества и призывать къ покаянію или возвращенію назадъ. Прогрессъ неумолимъ. Онъ разрушаетъ то, что устарѣло и не годится для времени.

— По-вашему семья уже не годится для нашего времени?

— Я не иду такъ далеко. Не «годится» имѣетъ право сказать

только тотъ, кто можетъ указать на то, что годится. Но очевидно, что форма семьи, какая досталась намъ отъ патріархальнаго прошлаго, уже не вполнѣ удовлетворяетъ требованіямъ современныхъ людей. Въ этой формѣ есть что-то такое, что требуетъ поправки. Отсюда и внутренній разладъ. Это надо пережить. Кончится тѣмъ, что поправка сдѣлается сама собой, какъ бы ее ни отдаляли.

— А до тѣхъ поръ въ каждой семьѣ должны быть неизбѣжныя жертвы этого разлада, вотъ какъ въ семьѣ Лавинскихъ—дочь?

— Я думаю,—отвѣтилъ Григорій Петровичъ, (я объ этомъ много размышлялъ),—что семья—прекрасное учрежденіе и она могла бы еще очень долго удовлетворять людей (я не могу ручаться за пять столѣтій впередъ), если бы въ ней стороны были гарантированы отъ злоупотребленій. Если бы семья была основана на строгомъ разграниченіи правъ и обязанностей и стороны такъ же добросовѣстно исполняли эти обязанности и пользовались правами, какъ дѣлаютъ это хорошіе граждане въ общественной жизни, то лучшаго нельзя было бы и желать. Въ прежнее время это замѣнялось властью мужа, которая легко возстановляла всякое нарушеніе равновѣсія, но теперь власть мужа уже потеряла смыслъ и осталась только въ писанномъ законѣ. А между тѣмъ семьи составляютъ люди съ разными характерами и наклонностями, и кто чуть посильнѣе, тотъ сейчасъ же норовитъ отнять у другого часть его правъ и навалить на него часть своихъ обязанностей. Во всякой семьѣ кто-нибудь изъ двухъ непремѣнно злоупотребляетъ и изъ этого начинается разладъ, а если есть третье лицо, то оно неминуемо страдаетъ. Вотъ въ этой семьѣ Лавинскихъ злоупотребляетъ жена. Она отказалась отъ своихъ главныхъ обязанностей, сваливъ ихъ на мужа, у котораго и своихъ слишкомъ много и притомъ лишивъ его присущихъ ему правъ... Страдаетъ дочь. Ну, мы оставимъ эту тему, потому что у насъ есть своя. Я хотѣлъ только спросить у тебя вотъ что: сегодняшній твой шагъ по отношенію къ отцу что это: результатъ настроенія, рефлексъ, вспышка, или вытекло изъ твоего образа мыслей, изъ склада твоей души? Я хочу знать, чтобъ опредѣлить степень серьезности этого шага, а значитъ, и тѣхъ послѣдствій, какія изъ него могутъ получиться.

— Да, дядя, это результатъ моихъ постоянныхъ мучительныхъ мыслей,—отвѣтилъ Сергѣй,—и это только малая часть того, что накопилось у меня въ душѣ... Я мучаюсь, я не знаю, какъ объяснить это противорѣчіе между словомъ и дѣломъ, между фразой и карьерой... Я мучаюсь потому, что, вы знаете, я люблю отца и,—можетъ быть, этого вы не знаете,—я такъ вѣрилъ ему и въ него,

въ каждое его слово... И вдругъ, однажды, не знаю почему, я почувствовалъ фальшь... и потомъ ужъ не могъ отдѣлаться отъ этого. Я началъ присматриваться, прислушиваться, и я увидалъ, что не одинъ отецъ, но и тѣ люди, которыхъ онъ считаетъ друзьями, точно также играютъ хорошими словами... когда они собираются; эти слова сыплются съ такою щедростью, что кажется, вотъ они встанутъ и пойдутъ совершать подвиги... Они сдѣлали себѣ какой-то спортъ изъ хорошихъ словъ. Они перебрасываются ими, какъ мячами, а потомъ, достаточно наигравшись, идутъ и живутъ по-прежнему, какъ разъ въ противность этимъ словамъ... Но потомъ, дядя, въ моей памяти стали возникать смутныя воспоминанія о томъ времени, когда вы съ вашей женой уѣзжали. И моя память приносила мнѣ такіе факты, отъ которыхъ мнѣ становилось жутко... Я прошу васъ, разскажите мнѣ, какъ это было, и объясните, почему это такъ могло быть?

— Если это такъ волнуетъ тебя, хотя я самъ для себя, давно все объяснилъ и позабылъ... Валерьянъ тогда преувеличилъ опасность для себя отъ вмѣшательства въ мое дѣло. Онъ не хочетъ сознаться въ этомъ, но я думаю, что онъ считалъ меня дѣйствительно виноватымъ, тогда какъ я былъ совершенно невиненъ. Только обстоятельства такъ сложились, что я не могъ доказать этого, и въ этомъ, разумѣется, никто не виноватъ. Конечно, еслибъ онъ вмѣшался, то ему повѣрили бы. Но повторяю тебѣ, я глубоко убѣжденъ, что онъ самъ не вѣрилъ въ мою невинность и это помѣшало ему вмѣшаться.

— Дядя, я не о томъ говорю. Пусть онъ не вѣрилъ и не могъ вмѣшаться. Пусть онъ даже не хотѣлъ, я не считаю себя вправѣ судить его поступка. Но я помню, какъ васъ принимали съ чернаго хода, какъ осторожно произносили ваше имя.

— Ахъ, дружище! Если допустить предположеніе, что онъ считалъ меня виновнымъ, то ему надо было выбрать одно изъ двухъ: или отстаивать свое положеніе, или пренебречь всѣмъ... И я тебѣ долженъ сказать, что я понималъ его тогда.

— Вы одобряли его образъ дѣйствій?

— Я говорю, что я понималъ его. Я находилъ его логичнымъ.

— И вы на его мѣстѣ поступили бы такъ же?

— На его мѣстѣ—да; но дѣло въ томъ, что я не могъ бы быть на его мѣстѣ. Вотъ въ этомъ и все дѣло. Я не могъ бы потратить столько упорной энергіи, чтобы добиться намѣченнаго положенія. Мы съ тобой знаемъ Валерьяна. Мы знаемъ, какого образа мыслей онъ былъ всегда въ глубинѣ души. Я могу засвидѣтельствовать

передъ тобой, что онъ въ молодые годы такъ же мыслилъ и притомъ очень искренно. Такъ подумай, какую онъ долженъ былъ выдерживать борьбу съ самимъ собой и притомъ на каждомъ шагу, завоевывая себѣ служебное положеніе! Такихъ людей, какъ Валерьянъ, невѣрно судятъ. Ихъ называютъ фразёрами и они дѣйствительно фразёры, но только не тогда, когда говорятъ хорошія слова. Хорошія слова они говорятъ искренно, съ неподдѣльнымъ чувствомъ, потому что эта сфера, въ которой они желали бы быть, но куда ихъ грѣхи не пускаютъ. Развѣ грѣшникъ, явно стремящійся къ аду, не любитъ рая? Наоборотъ, онъ ему грезится больше, чѣмъ праведнику, и если онъ, вися надъ бездной тартара, будетъ воздѣвать руки къ небу, то это далеко не будетъ лицемѣріе... Фразёры они скорѣе тамъ, гдѣ они противъ своихъ убѣжденій дѣйствуютъ. Постой. Я знаю, что ты хочешь возразить. Ты хочешь сказать: но человѣкъ, дѣйствующій противъ своихъ убѣжденій... и такъ дальше. Но я и не говорю, что его за это слѣдуетъ гладить по головкѣ. Я говорю только, что онъ былъ тогда логиченъ. Разъ онъ ступилъ на этотъ многотрудный путь, разъ онъ потратилъ на это много энергіи и уже видалъ раскрывающійся передъ нимъ широкій горизонтъ, онъ долженъ былъ желать во что бы то ни стало удержать за собой позицію.

— Но онъ любилъ васъ, какъ же онъ могъ допустить, чтобы вы страдали?

— Любилъ. Но не слѣдуетъ на любовь взваливать такъ много. Вѣдь это я напуталъ, а не онъ, почему же онъ долженъ нести наказаніе за мои дѣйствія? Притомъ замѣть: я терялъ въ сущности немного, а онъ могъ потерять все и большое все, на которое онъ убилъ лучшіе годы. Нѣтъ, онъ былъ логиченъ, я понималъ его вполнѣ и его тогдашній образъ дѣйствій я принималъ, какъ должное. Я никогда не питалъ противъ него злобы за это. У меня всегда былъ нѣкоторый холодокъ въ сердцѣ по отношенію къ нему, но это совсѣмъ по-другому. Мы разошлись съ нимъ въ путяхъ своихъ. Но вѣдь каждый воленъ идти путемъ своимъ, какой ему нравится.

— Позвольте, дядя, вы говорите, что онъ терялъ все, а вы почти ничего. Но вѣдь вы,—простите, что я прикасаюсь къ вашей ранѣ—вы, благодаря этой перемѣнѣ, потеряли горячо любимую жену.

— Нѣтъ, мой другъ, нѣтъ... Не взводи такого тяжкаго обвиненія на твоего отца. Моя жена не отъ перемѣны умерла. Здѣсь она, можетъ быть, прожила бы нѣсколькими мѣсяцами больше. Она умерла потому, что такіе люди не могутъ долго жить на землѣ...

Иногда къ намъ, на сѣверъ, привозятъ красивыхъ птицъ изъ тропическихъ странъ, но онѣ не живутъ долго, сѣверный климатъ ихъ губитъ. Нѣтъ, Раичка не могла жить на землѣ. Она была дитя своего времени. Теперь ужъ нѣтъ такихъ... Тогда по всей Русской землѣ носились благодатныя вѣянія, милліоны запросовъ подымались точно изъ нѣдръ земли и призывали къ себѣ живыхъ душъ, и живыя души откликались, прислушивались, рвались къ нимъ всѣмъ своимъ существомъ и недоумѣвали, не знали, куда, въ какую сторону двинуться, что̀ важнѣе всего, чему отдать себя и откуда набрать силъ, чтобъ охватить все разомъ, и разрывались на части... Теперь, говорю я, такихъ душъ нѣтъ и не можетъ быть, потому что теперь уже узнали, что̀ важнѣе всего и чему надо отдать себя: себѣ самому, собственному благу.. И теперь спокойно живется на свѣтѣ. Раичка была слабое существо и потому сердце ея скоро перегорѣло отъ наполнявшаго его энтузіазма... И хорошо, что она умерла тогда, потому что, поживи она еще нѣсколько лѣтъ, она умерла бы отъ изумленія—какъ все вдругъ перемѣнилось.

И опять Сергѣй увидѣлъ, что какъ только Григорій Петровичъ заговорилъ о своей покойной женѣ, глаза его загорѣлись такимъ свѣтлымъ, счастливымъ огнемъ, какъ будто смерть никогда не разлучала ихъ.

— Теперь вотъ что, милый мой племянникъ, — продолжалъ Григорій Петровичъ, мы подходимъ—я не скажу къ самому главному,—но къ ближайшей причинѣ нашего разговора. Я тебѣ скажу: ты въ одно и то же время окончательно плѣнилъ мое сердце благородствомъ твоихъ взглядовъ и удивилъ своею несправедливостью.

— Несправедливостью?—съ изумленіемъ воскликнулъ Сергѣй.

— Да, несправедливостью. И эта несправедливость произошла отъ твоей молодости. Ты хочешь, но еще не умѣешь найти ту точку, гдѣ помѣщается истина, и потому всегда помѣщаешь ее въ самой крайней точкѣ, гдѣ она всего виднѣе. Для правильной оцѣнки человѣческихъ поступковъ надо научиться одному очень трудному искусству: переселяться въ шкуру того, кого мы судимъ, становиться на его мѣсто и нѣкоторое время смотрѣть на его дѣйствія съ этого мѣста. Стань же на мѣсто твоего отца, на то мѣсто, гдѣ онъ былъ тогда, побудь въ его положеніи и спроси себя: такой человѣкъ, какъ онъ, всю жизнь, думавшій о благополучіи своей семьи, человѣкъ, такъ сказать, добросовѣстный по отношенію къ своей семьѣ, могъ ли бы не подумать о ней въ такую минуту, когда по его мнѣнію, онъ или пріобрѣталъ для нея многое, или терялъ для

нея все? Несомнѣнно, онъ долженъ былъ поставить себѣ этотъ вопросъ: да, это мой братъ, котораго я люблю. Мнѣ хочется для него сдѣлать все. И еслибъ я былъ одинъ, я, можетъ быть, и сдѣлалъ бы все, не боясь никакого риска. Но я не одинъ, у меня двое дѣтей. Жена не считается, потому что я могу съ нею посовѣтоваться, но дѣти еще малы и потомъ, когда они выростутъ и узнаютъ о томъ, что я для нихъ потерялъ, они могутъ обвинить меня въ недостаточномъ вниманіи къ ихъ судьбѣ.

— Позвольте, дядя,—перебилъ его Сергѣй,—такъ никто не имѣетъ права разсуждать ни за себя, ни за другихъ.

— Дѣло не въ правѣ, а въ томъ, что такъ разсуждать въ его положеніи было естественно и онъ говоритъ, что такъ разсуждалъ, и ты въ лицо ему бросаешь подозрѣніе, что это простая отговорка, произвольная ссылка ради самооправданія.

— Я этого не хотѣлъ сказать.

— Не хотѣлъ, а сказалъ.

— Я хотѣлъ сказать только, что насъ, еще младенцевъ, уже считали недоброкачественными людьми, если за нашъ счетъ сдѣлали такую неправду, и что этого нашимъ именемъ не имѣли права дѣлать... Мы охотно перенесли бы худшую долю.

— Нѣтъ, нѣтъ, это все не то, все не то... Я понимаю твои чувства, но надо имѣть снисхожденіе къ людямъ. Нельзя бить человѣка въ самое больное мѣсто, нельзя вонзать ножъ въ зіяющую рану. А ты сдѣлалъ это. Ты пришелъ какъ разъ въ ту минуту, когда эта рана открылась, когда онъ мучился передо мной воспоминаніями о своемъ грѣхѣ и каялся, а я всѣми силами старался найти для него утѣшеніе... И вотъ въ эту минуту ты бросилъ ему въ лицо обвиненіе... Ты понимаешь ли, о чемъ я говорю?

— Я понимаю, дядя. Но я былъ искрененъ. Я дѣйствительно рѣшился отказаться отъ всѣхъ преимуществъ, какія можетъ мнѣ дать положеніе моего отца.

— Это твое право. Но ты долженъ это сдѣлать такъ, чтобъ онъ не чувствовалъ боли отъ этого. Ты долженъ такъ сдѣлать. Онъ думалъ до сихъ поръ: да, я часто поступалъ неправильно, я жилъ несогласно съ моими убѣжденіями; но я хотѣлъ охранить мою семью отъ внѣшнихъ и внутреннихъ невзгодъ и думалъ, что достигъ этого; но вотъ оказывается, что я ошибся. Изъ нѣдръ моей семьи подымается обвинительный голосъ противъ меня... Значитъ, въ семьѣ моей разладъ; значитъ, мои мучительныя сдѣлки съ совѣстью были напрасны... Знай, Сергѣй, это я говорю тебѣ послѣ цѣлой жизни, въ которой было много поучительнаго,—знай, что девяносто

девять изо ста грѣховъ людямъ надо прощать и обыкновенно всѣ такъ и дѣлаютъ,—всѣ безсознательно прощаютъ другъ другу слабости и несправедливости, потому что иначе пришлось бы осуждать и казнить людей на каждомъ шагу... Впрочемъ, лучше кончимъ нашъ разговоръ. Я вижу, что я не убѣдилъ тебя и что горячность твоя, которую я уважаю, мѣшаетъ мнѣ убѣдить тебя...

— Да, дядя, вы меня не убѣдили!—признался Сергѣй.

— Что же, ты хочешь казнить своего отца?

— Напротивъ. Я хочу извиниться передъ нимъ. Но все-таки я... я поступлю по-своему. Я постараюсь сдѣлать это такъ, чтобы никому не было больно. Въ этомъ я согласенъ съ вами...

— Но это все, о чемъ я хлопочу!... Плати-ка и пойдемъ по домамъ. Я все-таки очень радъ, что мы немного познакомились сегодня. Я вижу, что ты славный малый, но у тебя еще слишкомъ непочатая душа. Это оттого, что ты еще мало страдалъ. Чѣмъ больше страдаешь, тѣмъ ближе и ближе приходишь къ единственной правильной догмѣ: снисхожденію къ людямъ! Эти слабыя существа, къ которымъ принадлежимъ и мы съ тобой, на каждомъ шагу нуждаются въ снисхожденіи. Безъ него было бы совсѣмъ несносно жить въ человѣческомъ обществѣ...

Сергѣй расплатился, и они вышли на улицу. Здѣсь Сергѣй почти умышленно сталъ увѣрять, что ему ближе налѣво, тогда какъ Григорію Петровичу надо было идти по Невскому, и они разошлись.

Это странное движеніе въ первую минуту ему самому было непонятно, и когда онъ остался одинъ и началъ думать объ этомъ, то не безъ чувства разочарованія спросилъ себя: неужели мы съ нимъ враждебны?

Онъ началъ анализировать,—занятіе, которому онъ такъ хорошо научился въ послѣднее время. Въ чемъ дѣло? Съ Григоріемъ Петровичемъ они говорили мирно. Онъ призналъ его чувство правильнымъ, мысли даже благородными. Что же это? Онъ не согласился съ нимъ по нѣкоторымъ пунктамъ, но развѣ можно требовать, чтобы люди были во всемъ согласны?

«Снисхожденіе... Снисхожденіе!» Вотъ моментъ, съ котораго начался его поворотъ противъ дяди Григорія Петровича. Снисхожденіе! Онъ чувствовалъ, что въ этомъ основа ихъ разногласія и что, идя отъ этой точки въ разныя стороны, они разойдутся очень далеко. Изъ ста грѣховъ людямъ надо прощать девяносто девять и такъ дѣлаютъ всѣ по отношенію другъ къ другу...

Ну, да, такъ дѣлаютъ, такъ дѣлали всегда, но значитъ ли это, что такъ и надо дѣлать? Благодаря этому снисхожденію, люди сами

на каждомъ шагу лицемѣрятъ и лгутъ и признаютъ это право за другими, и жизнь превращается въ какой-то водоворотъ взаимной лжи, такъ что въ ней не разберешь, кто виноватъ и кто правъ, кого надо уважать и кого презирать. Благодаря этому «снисхожденію» люди умудряются жить на свѣтѣ съ двумя образами мыслей, съ двумя нравственными кодексами, изъ которыхъ одинъ служитъ имъ съ утра до пяти часовъ дня, въ тѣ часы, когда они носятъ вицъ-мундиръ, а другой—послѣ пяти часовъ, весь вечеръ. Благодаря этому снисхожденію, можетъ существовать и всѣми признаваться такой союзъ, какъ семья Лавинскихъ, въ которомъ мужъ механически исполняетъ всѣ обязанности, жена пользуется всѣми правами, и они другъ другу чужіе, а между ними стоитъ молодая дѣвушка — одинокая, брошенная на свой личный произволъ среди большого дома, къ которой они обращаются только какъ къ орудію для того, чтобъ обмануть свѣтъ... Вотъ что такое это снисхожденіе, которое рекомендуетъ ему дядя, какъ основное правило для руководства въ жизни.

Онъ прожилъ жизнь, въ которой, какъ онъ самъ говорилъ, было много поучительнаго. И что же онъ вынесъ изъ этой поучительной жизни? Снисхожденіе! Онъ признаетъ, что человѣческое общество плохо, но не находитъ ничего другого, кромѣ снисхожденія. Но что же это за выводъ? Это значитъ, что жизнь плоха, построена на лжи, на лицемѣріи, на двоедушіи и корысти, но передъ этимъ слѣдуетъ спасовать, сложить руки, предоставить ей оставаться такою и мало-по-малу самому начать лгать, лицемѣрить и двоедушничать.

Чтобы придти къ такому выводу, не стоило проживать жизнь, въ которой много было поучительнаго. И Сергѣй шелъ домой, съ чувствомъ сожалѣнія по поводу того, что этотъ разговоръ съ Григоріемъ Петровичемъ состоялся. Одно только, что вынесъ онъ изъ этого разговора положительнаго, это—признаніе, что онъ не имѣлъ права бросить въ лицо отцу такое жестокое обвиненіе. Отецъ понялъ его невѣрно. Онъ не хотѣлъ заподозрить его искренность. Но тѣмъ хуже, онъ, значитъ, не ясно выразилъ свою мысль и долженъ это поправить. Онъ не хочетъ дѣлать отцу больно. Онъ вообще не хочетъ никому навязывать своихъ взглядовъ и чувствъ и передѣлывать кого бы то ни было на свой ладъ. Онъ только хочетъ самъ дѣлать по-своему, жить безъ лжи и безъ малѣйшаго снисхожденія ко лжи.

Теперь и Варвара Васильевна какъ-то иначе освѣтилась въ его глазахъ. Онъ понялъ ея тѣсную дружбу съ Григоріемъ Петровичемъ. Они сошлись на «снисхожденіи», и правда, она ко всему

снисходительна, всему находитъ оправданіе и извиненіе. Ея жизнь тоже была поучительна и тоже научила ее только снисхожденію.

Но что такое это снисхожденіе, какъ не апатія, отказъ отъ всякой попытки приблизиться къ лучшему, отрицаніе идеала? Все сводится къ одному. Только одни, снисходя къ другимъ и къ себѣ, дѣлаютъ свои дѣла и достигаютъ своихъ цѣлей, а другіе—сохраняютъ свою чистоту въ бездѣйствіи и снисходятъ къ нимъ...

Но нѣтъ борьбы, никто не хочетъ вести ее и все остается постарому. И будутъ проходить годы, десятки лѣтъ, можетъ быть, вѣка, а люди будутъ продолжать запутываться въ лицемѣріи и взаимной лжи.

Сергѣй пришелъ домой въ половинѣ второго и былъ очень удивленъ, когда узналъ, что Варвара Васильевна и Надя еще не ложились спать. Обѣ онѣ сидѣли въ маленькой гостиной. Варвара Васильевна что-то читала, Надя пересматривала какіе-то клочки писанныхъ нотъ.

— Вы не спите?—съ удивленіемъ произнесъ Сергѣй, садясь въ кресло.

— Мы тебя ждали!—отвѣтила Варвара Васильевна.

— Зачѣмъ я вамъ?

— Да вѣдь у тебя былъ разговоръ съ Григоріемъ Петровичемъ,—сказала Варвара Васильевна. Я давно ждала, когда же вы пожелаете, наконецъ, узнать другъ друга поближе...

— Да, мы немного познакомились... — неохотно замѣтилъ Сергѣй.

— Ну, и что же? Надѣюсь, вы сошлись?

Сергѣй отрицательно покачалъ головой.

— Н-нѣтъ! Скорѣе разошлись, хотя очень мирно.

— Въ самомъ дѣлѣ?—воскликнула Надя.—Ты говоришь правду?

— Да, по крайней мѣрѣ, въ главномъ мы расходимся. Григорій Петровичъ требуетъ снисхожденія ко всѣмъ. А я полагаю, что тогда не стоитъ ни думать, ни чувствовать. И это уже не значитъ—жить, а значитъ — на все махнуть рукой. Что-жъ въ самомъ дѣлѣ? Снисходи и только. Закрой глаза и заранѣе ко всему снисходи и всѣ гадости объясняй слабостью человѣческой. Тогда, не успѣешь оглянуться, какъ и самъ начнешь дѣлать гадости, а другіе будутъ къ тебѣ снисходить...

— Ты нынче очень строгъ!—замѣтила Варвара Васильевна.

— Да, а жизнь еще строже. Вотъ я въ театрѣ видѣлъ сегодня мадмуазель Лавинскую, которую показывали публикѣ въ семейномъ антуражѣ. Хотятъ зачѣмъ-то увѣрить публику, что эта дѣ-

вушка очень счастлива; не сдѣлать ее счастливой, а только увѣрить въ этомъ другихъ. Другимъ до этого, конечно, нѣтъ никакого дѣла, но ради этого мадамъ Лавинская безпокоитъ себя, пріѣзжаетъ изъ Ниццы и страдаетъ здѣсь два мѣсяца въ году...

— Ты ее видѣлъ? Діонисію Александровну?—съ живостью спросила Надя.

— Да. Она спрашивала про тебя и сказала, что она тебя полюбила.

— Я жалѣю, что не была въ театрѣ.

— Какъ вы, однако, скоро сошлись!—замѣтила Варвара Васильевна не безъ укора.

— Мы потому скоро сошлись, что у насъ есть общій интересъ!—сказалъ Сергѣй.

— Какой же это?

— Защищаться отъ общей лжи, къ участію въ которой, въ виду наступленія совершеннаго возраста, насъ привлекаютъ. Странно это устроено! Пока мы дѣти, насъ на каждомъ шагу обманываютъ, стараясь почему-то представить передъ нами жизнь въ видѣ счастливой Аркадіи. Когда мы выросли, отъ насъ требуютъ, чтобы мы преклонялись передъ ложью и сами лгали такъ же, какъ они...

Онъ говорилъ это желчно, почти злобно, и Варвара Васильевна спрашивала себя: что съ нимъ? Какую метаморфозу переживаетъ онъ? На нее онъ смотрѣлъ недружелюбно, онъ, который всегда преклонялся передъ каждымъ ея словомъ... Что-то и здѣсь порвалось, въ этомъ маленькомъ дружествѣ четырехъ комнатъ, и здѣсь скоро рухнетъ согласіе, державшееся такъ долго.

Первый разъ въ жизни они разошлись по своимъ комнатамъ съ недовѣріемъ другъ къ другу.

XIV.

Въ домѣ Лавинскихъ уже начались негласныя приготовленія къ отъѣзду за границу. Уѣзжать собиралась только хозяйка дома, но это естественно отражалось на всѣхъ остальныхъ.

Уже около двухъ мѣсяцевъ госпожа Лавинская приносила себя въ жертву материнскимъ обязанностямъ. Обольстительная женщина, хотя и не блещущая молодостью, тамъ, на южномъ берегу, она здѣсь довольствовалась ролью заботливой матери. Правда, эту роль она исполняла какъ плохая актриса, притомъ не твердо выучившая ее, но это зависѣло не отъ нежеланія, а единственно отъ неопытности.

Женой Лавинскаго она сдѣлалась не по любви, а случайно послѣ нѣсколькихъ встрѣчъ въ обществѣ и послѣ того, какъ было признано, что это вполнѣ подходящая партія. Лавинскій подходилъ къ ней потому, что онъ тогда уже стоялъ на прекрасной дорогѣ, а она къ нему потому, что у ея родныхъ были прекрасныя связи, которыя ему пригодились.

Года три эта молодая семья имѣла такой видъ, какъ будто изъ нея образуется нѣчто прочное и долговѣчное. Но это происходило не оттого, что между ними явилось какое-нибудь чувство, а единственно потому, что оба были еще новы другъ для друга. Въ это время родилась Дина. Затѣмъ наступило полное равнодушіе. И опять-таки не было для него никакихъ роковыхъ причинъ. По возрасту они подходили другъ къ другу, ни у него, ни у нея не произошло никакой встрѣчи. Просто они никогда не питали другъ къ другу никакой привязанности, и когда новизна исчезла, они перестали интересовать другъ друга.

Госпожа Лавинская не была подготовлена къ материнскимъ обязанностямъ и потому Дина съ перваго дня своего появленія на свѣтъ была сдана на руки вспомогательнымъ органамъ, которые мѣнялись сообразно ея возрасту: сперва кормилица, потомъ нянька, потомъ бонна, затѣмъ гувернантка. Дѣвочка никогда не играла роли въ ея планахъ, она считала себя свободной отъ всякихъ заботъ о ней. Она видѣла, что безъ ея заботъ дѣвочка растетъ, здорова, учится и отлично ведетъ себя, и полагала, что этого вполнѣ достаточно.

Супруги, еще искавшіе разнообразія вмѣстѣ, совершили двѣ-три поѣздки за границу. Послѣ этого госпожа Лавинская начала скучать въ Петербургѣ, который сталъ казаться ей мизернымъ въ сравненіи съ Европой, а затѣмъ скоро обнаружилось, что русскій климатъ ей вреденъ и началось ея ежегодное эмигрированіе на югъ Франціи. Сперва она уѣзжала мѣсяца на три, но тамъ заводились знакомства и связи, сезонъ расширялся и послѣдніе годы, когда дочь стала подрастать, она уже въ Петербургъ являлась въ качествѣ кратковременной гостьи.

Лавинскій какъ будто даже не замѣчалъ этой перемѣны въ своемъ домѣ. Съ одной стороны онъ съ какой-то свирѣпой настойчивостью дѣлалъ карьеру, съ другой — вслѣдствіе увеличившихся расходовъ, онъ погрузился въ десятокъ «вспомогательныхъ дѣлъ», и время его было все занято.

Былъ ли это деревянный человѣкъ, не нуждавшійся въ привязанностяхъ, или у него были другія привязанности, этого никто

достовѣрно не зналъ. Лавинскій былъ человѣкъ необщительный, замкнутый, хотя любезный и обязательный. Если и были привязанности, то онъ хорошо скрывалъ ихъ, можетъ быть, находя, что въ его положеніи они неудобны.

Во всякомъ случаѣ онъ молчаливо признавалъ за женой право жить внѣ дома и безпрекословно оплачивалъ ея дорогую жизнь.

Одно время между ними являлся вопросъ о дочери. Между тысячью дѣлъ, Лавинскому пришла въ голову мысль, что, можетъ быть, ей южный климатъ былъ бы полезенъ, тѣмъ больше, что дѣвочка, хотя и не болѣла, не производила впечатлѣнія очень здороваго ребенка.

Но передъ нимъ было выставлено очень вѣское возраженіе. Госпожа Лавинская не хотѣла, чтобы ея дочь усвоила международные вкусы и симпатіи. Нѣтъ ничего противнѣе этихъ дѣвицъ, не принадлежащихъ ни къ какой національности. Она хочетъ, чтобы ея дочь любила свою родину и была русская.

Лавинскій, не имѣвшій времени основательно обсуждать ея доводы, наскоро призналъ ихъ важными, и этотъ вопросъ больше не поднимался.

Дина, впрочемъ, нисколько не мѣшала ему. Онъ видѣлъ, что воспитаніе ея идетъ какъ слѣдуетъ, у нея есть гувернантка, она учится, читаетъ, умнѣетъ, потомъ, въ послѣдніе годы, появляется въ обществѣ и даже вызываетъ общее одобреніе. Словомъ, все идетъ отлично. Семейное положеніе не доставляетъ ему никакихъ хлопотъ.

Только въ этотъ пріѣздъ, впрочемъ, совершенно случайно, ему пришла мысль о томъ, что, можетъ быть, не мѣшало бы Динѣ прожить зиму-другую въ тепломъ климатѣ. И онъ высказалъ эту мысль за завтракомъ, въ присутствіи дочери. Можетъ быть, это было неосторожно, можетъ быть, лучше было бы этотъ вопросъ выяснить наединѣ съ женой.

Это случилось на другой день послѣ того, какъ они встрѣтили Сергѣя Стахова въ Александринскомъ театрѣ. Лавинскій выразилъ свою мысль точно и ясно, какъ онъ привыкъ выражать свои мысли. Онъ сказалъ:

— Разъ Denise кончила ученье и ничѣмъ здѣсь не связана, я не вижу никакихъ препятствій къ тому, чтобъ она провела одну или двѣ зимы за границей. У нея вотъ и щеки блѣдныя. Тамошній климатъ окрасилъ бы ихъ.

Госпожа Лавинская не сразу отвѣтила. Можетъ быть, это оттого, что она никакъ не ожидала такого предложенія, т.-е. она во-

обще не ожидала отъ мужа никакого предложенія. А можетъ быть и потому, что не все было противъ этого. Она подумала, прежде чѣмъ сказать:

— Я думаю, что Denise теперь въ такомъ возрастѣ, когда опасно порывать уже завязанныя связи и заводить новыя. Ни тѣ, ни другія не будутъ прочны... Я знаю дѣвушекъ съ блестящимъ положеніемъ, которыя, благодаря такой несвоевременной перемѣнѣ, не могли сдѣлать порядочной партіи...

— Словомъ, вы противъ этого? — спросилъ Лавинскій тономъ человѣка, уже готоваго взять обратно свое предложеніе.

— Нѣтъ, но только развѣ на короткое время. Мѣсяцъ, шесть недѣль...

Въ это время оба супруга повернули лица въ сторону дочери, мнѣнія которой они позабыли спросить. Блѣдныя щеки Діонисіи Александровны покрылись румянцемъ, въ глазахъ горѣлъ недружелюбный огонь, губы ея вздрагивали.

— Если я имѣю право высказать свое мнѣніе,—прерывистымъ голосомъ сказала она,—то... я не поѣду туда ни на одинъ день!...

Это было неожиданно. Не то было удивительно, что она не хочетъ ѣхать за границу,—это дѣло вкуса,—а этотъ тонъ. Ни отецъ, ни мать не подозрѣвали, что у нея можетъ быть такой тонъ. Въ ихъ глазахъ она была приличной, воспитанной дѣвушкой, умѣющей хорошо держать себя въ обществѣ. Она даже казалась слишкомъ холодной и сдержанной. И почему такой пламенный тонъ, когда рѣчь идетъ о такой простой вещи, какъ поѣздка за границу?

— Но повѣрь, Denise, что никто и не подумалъ бы везти тебя противъ твоего желанія! — со скрытымъ удивленіемъ въ голосѣ сказала госпожа Лавинская.

— Противъ моего желанія?... Да, да... Конечно! Это такъ!...

Если бы кто-нибудь внимательно слѣдилъ за выраженіемъ лица Діонисіи Александровны, то онъ былъ бы пораженъ той моментальной перемѣной, какая произошла въ немъ. «Противъ моего желанія?» —спросила она, и глаза ея горѣли и, казалось, она разразится сейчасъ цѣлымъ потокомъ рѣчей, полныхъ огненнаго негодованія. И вдругъ точно что̀ остановило ее. Она сильно прикусила губы, взглянула исподлобья на отца, на мать и совсѣмъ другимъ тономъ почти пробормотала послѣднія слова: «Да, да... конечно. Это такъ!»

Она и сама уже чувствовала, что потокъ жалобъ и укоровъ, которыя она такъ долго носила въ себѣ, подступаетъ, и вотъ она не выдержитъ и вся выльется въ неудержимомъ протестѣ. Но вдругъ она взглянула на тѣхъ, передъ кѣмъ хотѣла протестовать, и ка-

кимъ-то холодомъ повѣяло на нее отъ обоихъ. Она со страшною ясностью почувствовала, что ни отецъ, ни мать не поймутъ ея жалобы, что ея слова не дойдутъ до ихъ сердца... Еслибъ они были способны понять, то поняли бы давно и безъ словъ. И она страшнымъ усиліемъ воли заставила себя остановиться.

Но она уже не чувствовала себя въ силахъ оставаться здѣсь и, несмотря на то, что завтракъ былъ не конченъ, она поднялась и ушла въ свою комнату.

Но все уже было сдѣлано для того, чтобы пробудить вниманіе въ отцѣ и въ матери.

— Что съ нею?—спросилъ Лавинскій, ничего не понявшій изъ происшедшаго.

Госпожа Лавинская тоньше чувствовала и, кромѣ того, отъ ея вниманія не ускользнули нѣкоторые взгляды и перемѣны выраженія лица у дочери. Она видѣла ее скучающею вездѣ, куда ее возили, она слышала тщательно скрываемую холодность ея тона и она понимала то недовольство, которое зарождалось и росло въ душѣ ея дочери. Она могла бы вполнѣ правильно объяснить его, но это было бы очень тяжело, а она не выносила малѣйшаго затрудненія. Поэтому она, почти сознательно, позволяла этимъ своимъ наблюденіямъ проходить мимо ея души.

Режимъ, который она установила для себя, былъ слишкомъ давній для того, чтобы мѣнять его ради чего бы то ни было. И все равно она не желала лишать себя ни одного изъ удобствъ, съ которыми ей жилось такъ хорошо.

Но послѣ этого эпизода надо было нѣсколько подольше остановиться на угрожающихъ симптомахъ, которые она замѣтила въ психологіи дочери.

Однако, она вовсе не была склонна открывать глаза мужу. Еслибъ она его хорошо знала, то поняла бы, что въ этомъ нѣтъ никакой опасности, что ея открытіе не способно произвести значительнаго безпорядка въ его душѣ. Но она его совсѣмъ не знала. Теперь онъ былъ для нея такимъ же случайнымъ и чужимъ человѣкомъ, какъ тогда, когда она сдѣлалась его женой.

И она сказала ему не то, что думала:

— Критическій возрастъ! Вы и не замѣчаете, что Denise влюблена.

— Denise? Я, конечно, тутъ не вижу ничего удивительнаго... Но въ кого же?

— Молодой Стаховъ, студентъ, въ послѣднее время сталъ встрѣчаться съ нею...

— Стаховъ?

— Да, онъ былъ у насъ на вечерѣ, и она оказала ему исключительное вниманіе. Затѣмъ онъ сдѣлалъ ей съ своей сестрой визитъ, который оказался слишкомъ продолжителенъ для свѣтскаго визита... Затѣмъ въ тотъ же день, то-есть вчера, какъ будто случайно, онъ оказался въ театрѣ, и они такъ заболтались въ фойэ, что опоздали къ дѣйствію...

— Если Стаховъ, то въ этомъ я не вижу ничего тревожнаго. Положеніе его отца открываетъ ему хорошую служебную карьеру. Онъ, кажется, кончаетъ университетъ?

— Да, кажется.

— Если вы правы, то противъ Стахова я ничего не имѣю...

— Я тоже ничего не говорю противъ. Я только говорю, что эта вспышка объясняется очень просто. Она влюблена и, понятно, ей никуда не хочется ѣхать отсюда. Петербургскій климатъ для нея милѣе всякаго другого...

Такимъ образомъ и вспышка была объяснена, и инцидентъ исчерпанъ.

Прійдя въ свою комнату, Діонисія Александровна очень скоро овладѣла собой и похвалила себя за то, что вò-время удержала свой порывъ. О, къ чему бы это послужило? Еслибъ они могли что-нибудь для нея сдѣлать... Но они не могутъ. Они уже слишкомъ привыкли каждый къ своему эгоизму. Нѣтъ, это ни къ чему не повело бы. Она жалѣла теперь даже о томъ, что не выдержала до конца и ушла въ срединѣ завтрака. И это уже значитъ впускать ихъ въ ту интимную область, въ которой они ничего не могутъ понять.

И зачѣмъ? У нея есть близкіе люди. Какъ это произошло, что люди, которыхъ она недавно только узнала, стали ей близкими, надъ этимъ вопросомъ она не задумывалась. Развѣ это не все равно? Стали близки, она это чувствуетъ. Вотъ два человѣка, съ которыми она сейчасъ разсталась: она знаетъ ихъ съ того момента, какъ стала сознавать себя. Они ей близки по положенію, по крови, они ей отецъ и мать. Но какъ они далеки отъ нея! Какой она чувствуетъ себя чужой по отношенію къ нимъ! Время ничего не значитъ. Точно также ничего не значитъ количество свиданій и сказанныхъ словъ. Общность между людьми чувствуется во взглядахъ, въ голосѣ, въ пожатіи рукъ. Иногда одинъ взглядъ сближаетъ людей на всю жизнь. Такъ было съ Надей Стаховой, которую она знаетъ еще меньше, чѣмъ Сергѣя, а уже можетъ довѣриться ей больше, чѣмъ ему.

И именно въ эти минуты одиночества, которое было тѣмъ гор-

ше, что тутъ, близко отъ нея, были отецъ и мать, положеніе которыхъ давало право всѣмъ считать ее счастливой, ей захотѣлось поскорѣе увидать Надю Стахову. Почему именно ее, почему не Сергѣя, не обоихъ вмѣстѣ? Она этого не могла бы объяснить себѣ. Но ей чувствовалось, что это свиданіе способно принести ей какое-то страшно-важное облегченіе.

Она сѣла къ столу и написала:

«Милая Надежда Валерьяновна! Мнѣ нужно повидать васъ, какъ трудно больному бываетъ необходимо видѣть доктора, хотя бы только для того, чтобъ онъ сказалъ ему нѣсколько успокоительныхъ словъ. Еслибъ я знала навѣрное, что вы въ такомъ-то часу будете дома и настолько свободны, чтобы мы провели вдвоемъ полчаса, я пріѣхала бы къ вамъ. Подумайте сами, какъ бы это устроить. Мнѣ очень тяжело и я знаю, что съ вами станетъ легче. Ваша Діонисія Лавинская».

Она позвала горничную и попросила ее отдать письмо посыльному. И письмо пришло и попало въ руки Нади въ два часа, когда всѣ послѣ завтрака разошлись по своимъ комнатамъ. Сергѣй никуда не выходилъ сегодня. Къ завтраку онъ вышелъ, узнавши, что отецъ раньше уѣхалъ на службу. Онъ все никакъ не могъ найти форму, чтобы сдѣлать ему свое заявленіе.

Въ душѣ его что-то противилось этому. Ему казалось, что въ этомъ будетъ что-то не вполнѣ искреннее, и онъ безсознательно откладывалъ это.

Между тѣмъ, повидимому, это было необходимо для внутренняго мира въ ихъ домѣ. Ни мать, ни Варвара Васильевна не знали о сценѣ, происшедшей въ кабинетѣ. Но Валерьянъ Петровичъ, очевидно, придавалъ ей большое значеніе, если ужъ второй день подъ разными предлогами избѣгалъ появляться за общимъ столомъ. Для Сергѣя было ясно, что вчерашній обѣдъ въ клубѣ былъ выдуманъ и что сегодня ему вовсе не было надобности торопиться на службу.

«Я никому не имѣю права причинять боль,—думалъ Сергѣй,—а въ особенности матери, которая, если узнаетъ, сильно огорчится. Внѣшній миръ въ домѣ—это такъ важно для ея хрупкаго существованія. Я это сдѣлаю, но вмѣстѣ съ тѣмъ я сдѣлаю насиліе надъ собой!»

Онъ рѣшилъ не выходить сегодня изъ дома, дождаться отца, когда онъ пріѣдетъ со службы, пойти въ кабинетъ, когда онъ будетъ переодѣваться, и просто выразить ему свое сожалѣніе по поводу своей рѣзкости. Какъ это будетъ принято, ужъ это не его дѣло.

Надя прочитала письмо и перевела свой взглядъ на брата. Они были вдвоемъ въ комнатѣ Сергѣя. Сергѣй видѣлъ въ ея рукахъ письмо, но ни на минуту ему не пришло въ голову, что оно можетъ быть отъ Дины.

— Я получила письмо отъ Діонисіи Александровны — сказала ему Надя.

— Отъ нея? — съ изумленіемъ спросилъ Сергѣй.

— Ты изумленъ?

Да, въ самомъ дѣлѣ, почему онъ такъ изумился этому? Это и ему самому казалось страннымъ. Вѣдь онъ однажды получилъ отъ нея записку. Почему Надя не могла получить?

Но вѣдь вчера онъ видѣлъ ее въ театрѣ, и она обѣщала найти время, чтобъ имъ было удобно поговорить, а сегодня она пишетъ не ему, а Надѣ. Это просто. Онъ или Надя—не все ли равно? Почему же у него явилось непріятное чувство? Что же это? Ревность? — съ усмѣшкой подумалъ онъ. — Ревность къ Надѣ! Какіе пустяки! Нѣтъ, это просто досада, что у нея есть дѣло не къ нему, а къ другому.

— Но что она пишетъ? — спросилъ онъ, не отвѣчая на ея вопросъ.

— Вотъ, прочитай!

Сергѣй взялъ письмо и прочиталъ. Чувство недовольства съ новой силой охватило его. Въ трудную минуту жизни она зоветъ не его, а Надю. Но съ нимъ она больше знакома, чѣмъ съ Надей...

Это недовольство не относилось къ Динѣ. Это было недовольство самимъ собой. Значитъ, онъ не сумѣлъ внушить ей такого довѣрія, какое Надя вызвала въ ней въ одно свиданіе...

— Знаешь что?—сказала Надя.— Я думаю, что тутъ играетъ нѣкоторую роль та правда, которая ее тяготитъ...

— Ты думаешь, что она хочетъ разсказать тебѣ? — спросилъ Сергѣй.

— Я не знаю. Но можетъ быть, если ей тяжело...

— Почему же тебѣ, а не мнѣ или обоимъ вмѣстѣ?

— Мало ли что можетъ быть! Есть вещи, которыя можно разсказать только женщинѣ...

— Надя! Надя! Что ты говоришь? Это изъ области сплетенъ и разговоровъ...

— Я ничего не говорю, я только гадаю. А ты дурно дѣлаешь, что сердишься и не довѣряешь. Она относится къ тебѣ искренно. Она и мнѣ довѣряетъ только черезъ тебя... Я думаю, что лучше всего мнѣ поѣхать къ ней... Какъ ты думаешь?

— Я предлагаю вотъ что!—промолвилъ Сергѣй съ видомъ просвѣтлѣнія, какъ будто слова Нади излѣчили его отъ сомнѣній.— Ты попроси запрячь въ сани гнѣдого. Заѣзжай къ ней и поѣзжайте вы за городъ... Дорога отличная. Но мнѣ скажите, гдѣ будете, и я васъ найду!...

Надя отрицательно покачала головой.

— Нѣтъ, Сергѣй! Почемъ мы знаемъ, что у нея? Можетъ быть что-нибудь такое, что совсѣмъ не подходитъ къ partie de plaisir. Я поѣду въ саняхъ, но тамъ увижу, удобно ли звать ее кататься...

— Во всякомъ случаѣ, если вы поѣдете, то держитесь Каменноостровскаго проспекта. Я, можетъ быть, тамъ буду...

— Хорошо. Такъ ты попроси приготовить сани...

Надя торопливо одѣлась и зашла къ Ольгѣ Андреевнѣ.

— Ты выходишь?—спросила ее Ольга Андреевна.

— Да, мнѣ нужно заѣхать къ Лавинской. Она зоветъ на минуту...—отвѣтила Надя.

— А вы хорошо сошлись съ нею!... Не правда ли?

— Да, она такъ симпатична. И я увѣрена, мама, что про нее все лгутъ.

— Я всегда такъ думаю, когда о комъ-нибудь говорятъ дурно!—отвѣтила Ольга Андреевна.

Надя поцѣловала мать и вышла изъ квартиры.

XV.

Появленіе Нади въ домѣ Лавинскихъ не вызвало никакого удивленія. Это случилось такъ скоро послѣ ухода изъ-за стола Діонисіи Александровны, что мысль о томъ, что ее позвали, не могла прійти никому въ голову.

Завтракъ только что кончился, Лавинскій, который всегда торопился, уже уѣхалъ, но госпожа Лавинская еще не встала изъ-за стола.

— Ахъ, это вы!—чрезвычайно ласково встрѣтила она Надю.— Denise, должно быть, у себя... Она, кажется, не совсѣмъ здорова, но васъ навѣрно приметъ... Проведи Надежду Валерьяновну къ Denise!—сказала она горничной.

Горничная, та самая, которая относила посыльному письмо и умѣвшая молчать обо всемъ, что писалось Диной, проводила Надю и по дорогѣ, когда онѣ скрылись изъ виду госпожи Лавинской, сказала:

— Барышня очень вамъ будутъ рады. Они просили письмо отнести какъ можно скорѣй.

Черезъ нѣсколько секундъ Надя постучала въ затворенную дверь.

— Это барышня Стахова!—пояснила горничная.

— Это я!—прибавила отъ себя Надя.

Дверь быстро распахнулась, и Дина, взволнованная, порывистая, схватила Надю за руку и привлекла къ себѣ:

— Какая вы чудная! Вы такъ поспѣшили! Благодарю, благодарю... Вы милая!—радостно восклицала она.

Горничная притворила дверь и ушла.

— Что у васъ случилось?—спросила Надя.—У васъ такіе неспокойные глаза!

— Ахъ, я довольна, что ничего не случилось... Я сдѣлала усиліе, чтобы ничего не случилось. Но я уже была готова сказать имъ все...

— Кому? Что?—спросила Надя.

Дина разсмѣялась.

— Ахъ, да. Вы ничего не понимаете... Я точно сама съ собой говорю. Садитесь! Сядемте вотъ здѣсь на диванѣ, мнѣ не хочется выпускать вашу руку... Вы дѣйствительно врачъ, нѣтъ, вы сестра милосердія... Какъ странно,—продолжала она, усадивъ Надю на диванѣ и усѣвшись сама близко къ ней,—какъ странно, что въ такомъ домѣ, гдѣ всѣ кажутся довольными и счастливыми, и у нихъ есть все, чтобы быть довольными и счастливыми, и вдругъ требуется милосердіе!... Да, такъ вы не понимаете, кому и что? Отцу и матери! Видите ли, Надежда Валерьяновна... Можно—Надя?

— Еще бы!

— Видите ли, Надя, у насъ такъ сложилась жизнь, что если бы я высказала имъ все, то это было бы ужасно! Вы понимаете—все, такъ ужъ дѣйствительно все отъ начала до конца, ничего не пропуская... И когда я сдержала себя, я похвалила себя за это, какъ за хорошую побѣду... Ахъ, моя жизнь не похожа на вашу! Она не похожа ни на чью! Въ ней страшно много дурного... отвратительнаго!

Она вздрогнула, и брови ея сурово нахмурились, точно какое-то воспоминаніе омрачило ея душу.

— Что у васъ можетъ быть такого? Ничего!—съ улыбкой сказала Надя.

— Да, я знаю, что я ни за что не отвѣчаю изъ того, что было, но все же... Боже мой! Мнѣ кажется, что я никогда не была ребенкомъ!... Въ десять лѣтъ я знала такія вещи, такія вещи, которыхъ навѣрно вы не знаете теперь... У меня была гувернантка

нѣмка. Она всегда все объясняла мнѣ. Она, не знаю зачѣмъ, постоянно говорила со мной о мужчинахъ, о томъ, чѣмъ они отличаются отъ женщинъ... Отчего бываютъ дѣти... И всегда, всегда возвращалась къ этому... Это были ея любимыя темы... Я не знаю, было ли это помѣшательство или она такъ была развращена... Но никто никогда не усомнился въ ея пригодности къ воспитательскимъ обязанностямъ... Отецъ взялъ ее ко мнѣ потому, что у нея были блестящія рекомендаціи отъ какой-то графини и отъ какой-то княгини... О, она знала все, все, что дѣлается на свѣтѣ, и я тоже знала все... Когда пріѣзжалъ къ отцу кто-нибудь по дѣламъ, она сейчасъ же говорила мнѣ: это такой-то. Онъ женатъ, у него четверо дѣтей, но онъ содержитъ двухъ женщинъ. Ихъ зовутъ такъ-то. Одна сперва была на содержаніи у такого-то, потомъ у такого-то. И такъ дальше!... Безконечны были ея разсказы, и мое воображеніе было все поглощено эпизодами такого свойства. Если мы шли по улицѣ и ѣхала въ коляскѣ какая-нибудь дама,—она знала о ней все, и я тотчасъ узнавала, что ее содержитъ такой-то. Она показывала мнѣ другихъ, бѣдныхъ, которыхъ никто не содержитъ, но которыя ходятъ ночью по улицамъ... Какъ онѣ живутъ, какъ болѣютъ... Міръ представлялся мнѣ тогда чѣмъ-то вродѣ Содома... Вотъ что̀ такое было мое дѣтство... Потомъ у меня была англичанка—добродѣтельное, но глупое созданіе. Она была всего только двѣ недѣли. Она возмутилась моими познаніями, но вмѣсто того, чтобы заняться моей душой, вычистить ее, отскаблить отъ нея всю грязь, она просто, подъ предлогомъ болѣзни, отказалась отъ мѣста. Она боялась, чтобы мою умственную извращенность не приписали ей. А отцу она ничего не сказала, изъ боязни, чтобы не вышелъ скандалъ... Послѣ нея я попала въ руки къ француженкѣ. Все это дѣлалось какъ-то случайно... Отецъ жаловался кому-нибудь изъ знакомыхъ, что у него нѣтъ въ домѣ гувернантки; если мать была дома, она дѣлала то же... Кто-нибудь рекомендовалъ—и вотъ въ домѣ новый человѣкъ. Это была красивая женщина, съ глубокими темными глазами, съ кучей вьющихся волосъ на головѣ. Ей было лѣтъ за тридцать и позади—очень бурное и очень разнообразное прошлое... Она была чудно сложена: она любила раздѣваться донага и, стоя передъ зеркаломъ, разсматривать и показывать мнѣ свои красивыя формы... О, я, конечно, скоро узнала во всѣхъ подробностяхъ всю ея жизнь. Она пріѣхала въ Петербургъ изъ Парижа. Тамъ у нея были большія связи съ художниками и писателями. Она называла имена, которыя тогда мнѣ ничего не говорили, но теперь я припоминаю... Да, это были на-

стоящія имена, не выдуманныя. Что она тамъ дѣлала, какія у нея были отношенія, я ничего не могла понять, но знаю, что въ Парижѣ она сдѣлалась невозможною. Ей удалось совершить такое неприличіе, которое даже тамъ удивило... И вотъ она здѣсь... Кто-то рекомендовалъ ее, и ей стали довѣрять воспитаніе дѣтей. Вы изумлены, Надя? Клянусь вамъ, что все это правда, ужасная правда, но правда... Я была не первая ея воспитанница. Въ Петербургѣ она жила уже второй годъ и у нея были знакомства. Она учила меня какимъ-то двусмысленнымъ куплетамъ, которые поются въ Парижѣ въ кафешантанѣ; я отлично умѣла ихъ пѣть. Но было еще худшее. Она ходила къ своимъ знакомымъ и всегда брала меня съ собой. Она должна была это дѣлать, потому что я была на ея полномъ попеченіи. Никого болѣе не было со мной... Ея знакомые были люди разныхъ круговъ. Помню, одинъ былъ офицеръ, уже не молодой. Другой, напротивъ, очень молоденькій, кажется, лицеистъ... Третій... не помню всѣхъ... Но что они дѣлали съ нею! Она садилась къ нимъ на колѣни... Они разстегивали ей платье... они обращались съ нею какъ хотѣли... Про меня она говорила: о, она все понимаетъ! Но я ничего не понимала, я только все знала... Ахъ, Надя! Какъ я сохранила свою душу среди всей этой жизни! Но самое худшее было впереди... Къ ней приходилъ какой-то подозрительный человѣкъ. Ему было лѣтъ сорокъ, весь какой-то полинялый, облѣзлый, противный. Говорилъ всегда по-французски, отлично говорилъ, но онъ не былъ французъ. Онъ какими-то скверными глазами смотрѣлъ на меня. Онъ былъ очень богатъ. Его пальцы сверкали отъ бриллiантовъ и разныхъ камней. Мнѣ было уже около четырнадцати лѣтъ, и я начала развиваться. И вотъ однажды мы съ ней гуляли. Она сказала, что нужно зайти на минуту къ знакомымъ. Я привыкла къ этому, и мы зашли. Небольшая комната и изъ нея притворенная дверь въ другую. Никого нѣтъ. Она мнѣ сказала: вы посидите минуту... я сейчасъ приду. И ушла. И вотъ что произошло, Надя... Изъ двери, которая вела въ другую комнату, появился этотъ негодяй, этотъ, который бывалъ у нея... Боже мой, уже этого одного было достаточно! Онъ подошелъ ко мнѣ и началъ говорить какія-то любезности... Потомъ взялъ за руку и сказалъ, что хочетъ показать мнѣ свою квартиру... На меня нашло какое-то онѣмѣніе. Я дрожала отъ негодованія, но у меня какъ-то не было воли сопротивляться. Дойдя до двери, онъ вдругъ охватилъ мою талію и... Тутъ я поняла, что у него есть какія-то дикія намѣренія... Я вырвалась отъ него и оттолкнула его... У меня въ памяти все это такъ ясно... Какъ онъ

бѣжалъ за мной, ловилъ меня, точно мы играли въ прятки... Это была дикая сцена. Я вскакивала на кресло, на диванъ, на столъ, я кричала... Но окна были заперты и двери, должно быть, тоже... онъ не боялся. Онъ поймалъ меня и началъ говорить какія-то успокоительныя слова, что-то предлагать мнѣ... Я билась въ его рукахъ, я собирала всѣ свои силы и, наконецъ, я схватила его обѣими руками за горло и впилась въ него со всей силой, какая только у меня нашлась. Я задушила бы его, еслибъ въ этотъ моментъ не вошла моя француженка.

— Она вошла?—съ выраженіемъ ужаса спросила Надя.

— Она вошла и изобразила на лицѣ изумленіе и негодованіе, стала кричать на него, взяла меня за руку, оттолкнула его... Но все это было дѣланное,—я видѣла, я понимала... Она хотѣла продать меня и, должно быть, очень дорого, если она рѣшилась на это. У меня кружилась голова и темнѣло въ глазахъ. Я не помню, какъ мы вышли на лѣстницу... Я слышала, какъ она называла его негодяемъ, говорила, что не думала, не ждала, но я уже не вѣрила ей. Когда мы вышли на улицу, я остановилась, вырвала отъ нея мою руку и сказала: мадемуазель, бѣгите сейчасъ домой, забирайте свои вещи и уходите... Она что-то возражала, но я такъ рѣшительно повторила ей свое приказаніе... Да, это было приказаніе. Я сказала, что если она сейчасъ не уйдетъ отъ меня, или если я ее застану дома, то сейчасъ же это будетъ извѣстно отцу. Должно быть, хороша я была въ эту минуту... Должно быть, она видѣла, что я ни передъ чѣмъ не остановлюсь, потому что она взяла извозчика и помчалась домой. Я шла одна въ первый разъ въ жизни. Уже спускались сумерки. Я дрожала отъ страха и отъ всего, что произошло. Но я шла медленно, желая дать ей возможность убраться... Я не нашла ее въ домѣ и съ тѣхъ поръ я не встрѣчала ее. Вотъ что я пережила, Надя!... Вотъ то, чего я до сихъ поръ никому не разсказала и вотъ разсказала вамъ... Говорите теперь, что вы обо мнѣ будете думать и какъ смотрѣть на меня.

— Бѣдняжка вы, бѣдняжка!—дрожащимъ голосомъ промолвила Надя и подняла на нее глаза, полные слезъ.

— Милая!... Я не ошиблась, когда сразу полюбила васъ!—воскликнула Дина, крѣпко сжимая ея руку.—Только слушайте, Надя. Это все было, но если вы слышали про меня что-нибудь другое дурное, это ужъ ложь. Послѣ этого у меня не было гувернантокъ. Отецъ настаивалъ, но я наотрѣзъ отказалась. Со мной совершился какой-то переворотъ. Я вдругъ стала сознатель-

но относиться къ жизни, во все вникать, все обсуждать и все одна, все сама съ собой. Скоро меня начали вывозить въ свѣтъ, я встрѣчала много людей, которые были со мной и любезны, и добры, многіе, о, очень многіе ухаживали за мной, было даже сдѣлано нѣсколько предложеній, но... но мнѣ всѣ люди казались негодяями, я не вѣрила ни одному ихъ слову... Мое одиночество иногда становилось мнѣ мучительнымъ. Иногда я набрасывалась на книги и прочитывала ихъ десятками... Иногда я дѣлала эксцентричности, которыя давали поводъ создавать обо мнѣ гнусныя легенды... Но все равно, меня не покидала томящая, давящая тоска. Послѣ всего того, что я видѣла, испытала и знаю, люди должны были казаться мнѣ такими дрянными существами. Вашъ братъ былъ единственный человѣкъ, который произвелъ на меня хорошее впечатлѣніе и которому мнѣ захотѣлось вѣрить... Но, конечно, я ни за что не рѣшилась бы разсказать ему все это. Это можетъ понять только женская душа... Я знаю, онъ не отвернулся бы отъ меня. но я стала бы ему непріятна.

— Я думаю, но не знаю навѣрно, что вы ошибаетесь! — задумчиво сказала Надя.

— Да... Може быть и не такъ... У него хорошее сердце.

— Онъ васъ очень любитъ. Онъ ревнуетъ васъ даже ко мнѣ!... Онъ благоговѣетъ передъ вами!

— Вотъ его-то и ужасно! Это сдѣлаетъ его слишкомъ строгимъ ко мнѣ!

— Нѣтъ, нѣтъ, онъ строгъ къ себѣ и ко всѣмъ на свѣтѣ... О, даже слишкомъ строгъ, но къ вамъ онъ не можетъ быть строгъ.

— Боже, какъ мнѣ стало теперь легко!—воскликнула Діонисія Александровна, встала съ своего мѣста, взяла обѣ руки Нади и остановилась передъ нею и смотрѣла на нее такимъ счастливымъ взглядомъ, какъ будто забыла уже все, что̀ только что разсказала ей.—Это ужасно знать про себя дурное одной!... Мнѣ казалось, что оно съ каждымъ годомъ, а въ послѣднее время съ каждымъ днемъ вырастаетъ въ моей душѣ... Въ иныя минуты я казалась себѣ какой-то зачумленной!... Но развѣ я виновата? А теперь, когда вы знаете, я точно сняла съ себя половину ноши и отдала вамъ. Да, но вы теперь видите, Надя, что еслибъ я заговорила съ ними объ этомъ, то я должна была бы все это сказать имъ, я должна была бы кричать имъ объ ихъ небрежности по отношенію ко мнѣ... И вѣдь они ничего не поняли бы... Они обезпокоились бы и стали бы спрашивать о томъ, не знаетъ ли объ этомъ кто-

нибудь посторонній, не можетъ ли это сдѣлаться гласнымъ... О, у нихъ души устроены совсѣмъ не такъ, какъ у насъ.

— Онѣ были устроены такъ же,—задумчиво сказала Надя,— но жизнь перестроила ихъ... Ахъ, я видѣла, какъ жизнь перестраиваетъ души людей... Я это вижу близко, каждый день.

— Жизнь—страшная вещь, Надя, если вѣрить тому, что мы видимъ!—промолвила Діонисія Александровна.—Какъ-то странно становится при мысли, что и мы будемъ жить, какъ другіе, и съ нами она сдѣлаетъ, что захочетъ.

— Не надо жить, какъ другіе... Надо жить по-своему!

— Но какъ?

— Не знаю, какъ... Чтобы во всемъ—въ каждомъ шагѣ, въ каждомъ взглядѣ была правда!...

— О, теперь ужъ у меня нѣтъ правды, которой нельзя сказать!—воскликнула Діонисія Александровна. Только... Вѣдь насъ не двое, а трое... Сергѣю Валерьяновичу я не сумѣю разсказать это... Я боюсь этого...

— Я разскажу ему, когда увижу, что онъ способенъ понять, какъ слѣдуетъ. Вы позволяете?

— О, еще бы! Я ничего такъ не хочу, какъ того, чтобы между нами тремя не было никакой тайны, чтобы все было ясно, чтобы мы жили какъ подъ стеклянной крышкой...

Только теперь Надя вспомнила о проектѣ Сергѣя встрѣтиться на Каменноостровскомъ проспектѣ. Она такъ была поглощена исповѣдью своего новаго друга, что забыла обо всемъ на свѣтѣ. Она сообщила Діонисіи Александровнѣ.

— Такъ отлично! Намъ теперь какъ разъ въ пору прокатиться. У меня все прошло. Я такъ спокойна, такъ дивно настроена... Поѣдемте, если вамъ не будетъ поздно! Я вѣдь и то задержала васъ!

— Нѣтъ, я совсѣмъ свободна. Я всегда свободна. Это мое занятіе!—сказала Надя.

Они вышли въ переднюю, одѣлись, сказали горничной, что хотятъ прокатиться, и сошли внизъ.

Когда они усѣлись въ просторныя удобныя сани, Надя сказала кучеру, чтобы ѣхалъ на Каменноостровскій. Въ холодномъ воздухѣ было тихо. Кучеръ поѣхалъ по набережной, потомъ по льду черезъ Неву. Діонисія Александровна по дорогѣ разсказала еще Надѣ сцену за завтракомъ.

— У насъ въ домѣ теперь тоже неладно!—сообщила со своей стороны Надя:—Сергѣй далеко не такъ владѣетъ собой, какъ вы...

Вчера онъ сказалъ отцу нѣсколько словъ, которыхъ по моему не долженъ говорить...

— Онъ мнѣ говорилъ, что ведетъ борьбу, но съ кѣмъ и противъ чего, этого я не знаю!...—сказала Дина.

— Ахъ, у насъ совсѣмъ другое. Мы не можемъ пожаловаться на недостатокъ вниманія и заботливости. Насъ всегда любили и ни на минуту не оставляли безъ присмотра. Но люди прежняго склада... я не знаю... они какъ-то иначе относились къ жизни. Насъ обвиняютъ все въ томъ, что мы молчимъ, не возмущаемся громко, когда видимъ какое - нибудь зло. И это правда, мы возмущаемся втихомолку, но дѣйствительно возмущаемся, и намъ кажется, что чѣмъ меньше словъ, тѣмъ лучше. А они какъ-то любятъ говорить много и громко,—говорятъ, а сами дѣлаютъ то же... Вотъ это противорѣчіе между словами и дѣлами выводитъ изъ себя Сергѣя. Онъ не можетъ видѣть этого въ отцѣ, это понятно... Но все же нельзя быть такимъ безпощаднымъ...

Діонисія Александровна слушала внимательно, но при этомъ чувствовала, что это—что-то отдаленное отъ нея, какая-то такая область, съ которой умъ ея никогда не соприкасался. Люди, у которыхъ есть семья, которыхъ любили, о которыхъ заботятся, которыхъ никогда не оставляли на произволъ судьбы... и они недовольны, они борются. Нѣтъ, она ничего въ этомъ не понимаетъ.

Свѣжій морозный вѣтеръ дулъ ей въ лицо и ей это было пріятно. Она слушала Надю, кивала головой, но не старалась вникнуть въ сущность ея разсказа. Ей было сегодня легко, и она дорожила этимъ настроеніемъ, какъ бы боялась какъ-нибудь нечаянно утратить его. «Потомъ, потомъ она все мнѣ разскажетъ, и я все пойму»... говорила она себѣ. Послѣ многихъ дней одинокаго переживанія всего того, что таилось въ ея душѣ, сегодня былъ первый день, когда она приподняла завѣсу и другой вѣрный человѣкъ вошелъ въ ея внутренній міръ, вошелъ, увидѣлъ и не отвернулся, а пожалъ руку и призналъ ее. Это былъ ея праздникъ.

Сани быстро мчались по Каменноостровскому проспекту. Прохожіе были рѣдки, извозчики попадались еще рѣже. Дорога была прекрасная.

Уже подъѣзжая къ концу улицы, они увидали, что навстрѣчу имъ несутся элегантныя извозчичьи сани.

— Это Сергѣй! Навѣрно это онъ!—сказала Надя.

И черезъ минуту сани остановились. Сергѣй выскочилъ изъ нихъ и подбѣжалъ къ нимъ.—Я уже полтора часа здѣсь ѣзжу и ужъ потерялъ надежду!—воскликнулъ онъ, здороваясь съ ними.

— Пересаживайтесь къ намъ!—сказала Дина,—и поѣдемте вмѣстѣ!

Сани Стаховыхъ были просторны, въ нихъ можно было помѣститься втроемъ. Сергѣй отпустилъ извозчика, сѣлъ къ нимъ, и они поѣхали на Острова.

Сергѣй смотрѣлъ на своихъ спутницъ и видѣлъ, что обѣ онѣ глядятъ весело. Въ особенности у Діонисіи Александровны былъ праздничный видъ. Она много говорила и звонко смѣялась.

— Я вижу, что трудно-больной уже выздоровѣлъ!—сказалъ Сергѣй.

— Послѣ того, какъ искусный врачъ удачно произвелъ операцію!...—весело отвѣтила Дина и многозначительно взглянула на Надю.

— А развѣ была операція?—спросилъ Сергѣй.

— О, да! И теперь все какъ рукой сняло!—промолвила Діонисія Александровна.—А вы, кажется, сердились на меня?

— Сердился... нѣтъ, скорѣе недоумѣвалъ... А если и сердился, то развѣ на себя.

— На себя? За что?

— За то, что не сумѣлъ внушить полнаго довѣрія...

— О, это неправда! Я питаю къ вамъ полное довѣріе.

— Почему же вы позвали только Надю?

— Это—свойство болѣзни... У васъ нѣтъ лѣкарства, которое здѣсь было нужно...

— Какое?

— Снисхожденіе!...

— Снисхожденіе? И вы говорите о немъ? Вчера, послѣ того, какъ мы съ вами разстались, я до двухъ часовъ ночи слушалъ лекцію о снисхожденіи...

— Ну, вотъ видите, я говорю, что его у васъ нѣтъ!

— Но я увѣренъ, что вы въ немъ не нуждаетесь?

— Спросите объ этомъ вашу сестру!

— Я думаю, что нужно много снисхожденія, но только не къ вамъ, а къ другимъ, съ кѣмъ связана ваша жизнь!—съ убѣжденіемъ сказала Надя.

— Видите! Я былъ правъ! А вы... вы не были правы!—промолвилъ Сергѣй.

— Это мы увидимъ впослѣдствіи!—сказала Діонисія Александровна.—А теперь давайте говорить о чемъ-нибудь другомъ.

И они говорили обо всемъ, кромѣ того, что интересовало Сергѣя. Уже стемнѣло, когда они возвратились въ городъ. На Гага-

ринской сани остановились, и Діонисія Александровна вышла изъ нихъ.

— Это лучшій день въ моей жизни!—промолвила она, пожимая имъ руки.

Въ это время у подъѣзда остановилась карета, изъ которой вышла госпожа Лавинская. Она тотчасъ же узнала Стаховыхъ и кивнула имъ головой.

— Вы катались?—видимо изъ любезности спросила она:—сегодня чудная погода!

Она вмѣстѣ съ дочерью вошла въ подъѣздъ, а Стаховы поѣхали домой.

— Что у нея случилось? Что было у васъ? О чемъ вы говорили?—съ страстнымъ нетерпѣніемъ спрашивалъ Сергѣй, когда они остались вдвоемъ въ саняхъ.

— Я могу тебѣ только сказать, Сергѣй, что она была очень несчастна и наше горе... если только можно назвать это горемъ... въ сравненіи съ тѣмъ, что она пережила,—переживала во время всего своего дѣтства и теперь переживаетъ,—ничтожный уколъ булавки...

— Но ты мнѣ разскажешь?

— О, да, конечно, Сергѣй, но не сейчасъ, не сегодня, не завтра... я сама еще должна къ этому привыкнуть, оно должно сдѣлаться моимъ... Ты обѣщай мнѣ, Сергѣй, вѣрить, что ни она, ни я ничего не хотимъ отъ тебя скрывать, но чтобы разсказать тебѣ, нужно настроеніе, нуженъ моментъ. Ты обѣщаешь?

— Я обѣщаю, но я буду страдать отъ нетерпѣнія...

— Ничего, пострадай немного... Ты сегодня будешь видѣться съ отцомъ?

— Да, если онъ дома... Я это сдѣлаю.

— Это необходимо, Сергѣй!

— Я знаю. Я уже на это рѣшился. Я вижу, что безъ отступленій нельзя прожить на свѣтѣ.

Они пріѣхали домой за полчаса до обѣда.

XVI.

Сергѣй зашелъ на минутку къ себѣ и тотчасъ же направился въ кабинетъ отца.

И Валерьянъ Петровичъ желалъ переговорить съ сыномъ. Пріѣхавъ со службы, онъ тотчасъ же спросилъ, дома ли Сергѣй. Ему сказали, что онъ ушелъ. Послѣ этого онъ два раза зво-

нилъ, призывалъ Ивана въ кабинетъ и спрашивалъ, не вернулся ли Сергѣй.

Онъ дѣйствительно чувствовалъ рѣшительную потребность переговорить съ Сергѣемъ. Послѣ вчерашней рѣзкой выходки онъ не былъ въ состояніи встрѣчаться съ нимъ въ присутствіи другихъ членовъ семейства. Еслибъ Сергѣй былъ мальчикъ, онъ не придалъ бы значенія его словамъ. Но онъ былъ уже мужчина. Онъ кончалъ университетскій курсъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ будетъ гражданиномъ. Съ нимъ уже нельзя не считаться. Въ томъ, что онъ говоритъ, надо допустить обдуманность. Несомнѣнно, что онъ можетъ и долженъ отвѣчать за свои слова. И у него такой видъ былъ во всѣ эти послѣдніе мѣсяцы, какъ у человѣка, который слишкомъ много задумывается надъ вопросами жизни. Онъ, очевидно, переживаетъ кризисъ. Съ этимъ надо обращаться осторожно. Но изъ этого не слѣдуетъ, что можно позволить бросать отцу въ лицо такія тяжкія обвиненія.

И онъ ходилъ по кабинету неспокойными шагами, въ ожиданіи, когда ему доложатъ, что Сергѣй пришелъ.

Но никто не пришелъ доложить ему. Дверь растворилась, и передъ нимъ стоялъ самъ Сергѣй. Ему никто не сказалъ, что Валерьянъ Петровичъ нѣсколько разъ спрашивалъ его.

— А, ты, наконецъ, пришелъ!—промолвилъ Валерьянъ Петровичъ остановившись.

— Развѣ вы спрашивали меня?—спросилъ Сергѣй, въ свою очередь остановившись передъ нимъ.

— Да, я хотѣлъ тебя видѣть. Притвори, пожалуйста, двери.

Сергѣй вернулся къ двери и притворилъ ее. Такое прозаическое начало разговора какъ-то вдругъ охладило его, и ему ужъ казалось, что онъ ничего не сумѣетъ сказать отцу.

— Садись, поговоримъ спокойно, насколько это возможно!—сказалъ Валерьянъ Петровичъ, самъ продолжая однакожъ ходить.—Ты понимаешь, что вчерашнія твои слова должны были глубоко задѣть меня!...

— Я именно затѣмъ и пришелъ, чтобы... извиниться передъ вами!—промолвилъ Сергѣй и уже послѣ этихъ словъ почувствовалъ, что положеніе его облегчилось.

— Это хорошо!... Но извиниться мало. Надо объясниться...

— Я готовъ!—отвѣтилъ Сергѣй и сѣлъ на диванъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ сидѣлъ онъ вчера.

— Еслибъ я имѣлъ основаніе думать, что вчерашнее замѣчаніе нежданно сорвалось у тебя съ языка, я, быть можетъ, объяснилъ

бы его горячностью. Но, къ сожалѣнію, я наблюдалъ у тебя такіе симптомы, которые показываютъ, что это настроеніе у тебя постоянное и слова эти покоятся на довольно твердой почвѣ...

— Это вѣрно!—сказалъ Сергѣй, посмотрѣвъ ему прямо въ глаза.—Я не хочу обидѣть васъ, но долженъ сказать прямо, что въ послѣднее время всѣ мои мысли направлены въ эту сторону. Я вижу вопіющія противорѣчія въ вашей жизни, въ жизни самаго близкаго мнѣ человѣка, и не могу разобраться въ нихъ...

— Въ такихъ случаяхъ,—разумѣется, при условіи, что между людьми существуетъ довѣріе,—приходятъ и просятъ объяснить...

— Я не думалъ, что это поддастся объясненію.

— Поддастся. Все поддается объясненію... Надо только умѣть спокойно и безбоязненно идти до конца. Скажи пожалуйста, ты наблюдалъ, чтобы твой отецъ былъ корыстенъ, гонялся за прибылями, за деньгами, накоплялъ сокровища, сберегалъ ихъ,—словомъ, имѣлъ пристрастіе къ деньгамъ?

— Нѣтъ, я этого никогда не думалъ!—отвѣтилъ Сергѣй.

— То-есть не наблюдалъ или лучше сказать—наблюдалъ, что этого нѣтъ?

— Да. Это вѣрно.

— Скажи мнѣ далѣе: видѣлъ ли ты когда-нибудь, чтобы твой отецъ радовался тѣмъ благамъ, которыми обладаетъ, чтобы онъ наслаждался ими, смаковалъ ихъ, извлекалъ изъ нихъ для себя особое удовольствіе? Не видѣлъ ли ты, наоборотъ, что твой отецъ въ сущности пользуется этими благами въ весьма скромной мѣрѣ, что онъ живетъ, главнымъ образомъ, между своимъ кабинетомъ и службой, не увлекается веселой свѣтской жизнью, на вечерахъ бываетъ только по принужденію, въ силу свѣтскихъ отношеній, въ театрѣ—два раза въ годъ, не собираетъ у себя веселаго общества, отказываетъ себѣ даже въ такомъ невинномъ и полезномъ удовольствіи, какъ поѣздка за границу...

— Все это совершенно вѣрно!—согласился Сергѣй.

— Ну, да,—продолжалъ Валерьянъ Петровичъ,—значитъ, это установлено, что отецъ твой не привязанъ къ земнымъ благамъ, не придаетъ имъ значенія, цѣнилъ ихъ лишь постольку, поскольку они могутъ поддержать существованіе. И еслибъ онъ, положимъ, зарабатывалъ всего только, скажемъ, двѣ или три тысячи въ годъ, то его личныя потребности были бы совершенно удовлетворены. Не такъ ли?

— Я уже сказалъ, что все это такъ!

— Я хочу установить это вотъ для чего: ясно, что еслибъ

отецъ твой имѣлъ въ виду только себя, то онъ удовольствовался бы весьма скромною долей. Если же онъ потянулся за бо̀льшимъ и дѣлалъ цѣлый рядъ, непрерывный рядъ усилій, чтобы добиться бо̀льшаго, то это значитъ, что имъ руководили не личныя, а другія побужденія. Не такъ ли? Если онъ самъ сокровищъ не собираетъ и не любитъ собирать ихъ, если онъ самъ за удовольствіями жизни не гоняется и на нихъ не тратится, то ясно, что сокровища нужны были ему для чего-то другого и удовольствій онъ добивался для другихъ, а не для себя.

— Я этого ничего не отрицаю, папа! — сказалъ Сергѣй, понимая уже вполнѣ планъ его аргументаціи и видя, что пока ему не привели ни одного новаго довода.

— Погоди. Я еще хочу спросить тебя: наблюдалъ ли ты, чтобъ отецъ твой, достигшій въ настоящее время извѣстнаго значительнаго положенія, такъ сказать, величался этимъ своимъ положеніемъ, выставлялъ его на видъ и старался использовать тотъ внѣшній почетъ, который сопряженъ съ этимъ положеніемъ? Я думаю, и тутъ, наоборотъ, ты долженъ былъ видѣть, что отецъ твой всячески избѣгаетъ выставлять напоказъ признаки своихъ преимуществъ, что эти признаки какъ бы обременяютъ его и что онъ всегда бываетъ радъ и счастливъ, когда можетъ принять внѣшній видъ обыкновеннаго гражданина...

— Да, да... — нетерпѣливо сказалъ Сергѣй. — Все это такъ, папа, но...

— Твое «но» будетъ впереди! А теперь дай мнѣ твердо установить почву для нашего объясненія. Если ты это признаешь, то долженъ, какъ слѣдствіе, признать и то, что отецъ твой, значитъ, не зараженъ тщеславіемъ, а отсюда вывесть, что, когда онъ дѣлалъ свою карьеру и добивался извѣстнаго положенія, то имъ руководило не тщеславіе, а что-то другое. Вѣдь это ясно?

— Ясно.

— Итакъ, ни корыстолюбіе, ни любовь къ удовольствіямъ, ни тщеславіе. Что же? Чтобъ отвѣтить на этотъ вопросъ, я долженъ вернуться къ далекому прошлому. Было время, когда я былъ такимъ же вотъ молодымъ человѣкомъ, какъ ты; и такъ же вотъ, какъ ты, кончалъ университетъ. Не знаю, каковы твои идеалы, потому что ты ихъ мнѣ никогда не высказывалъ, ты только смотрѣлъ на меня исподлобья и твой взглядъ всегда мнѣ говорилъ: это не такъ! А какъ, по-твоему, такъ, этого ты никогда не говорилъ. Но у меня тогда были самые свѣтлые идеалы: служеніе народу въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова! Служеніе народу всѣми своими ум-

ственными и нравственными силами, до послѣдней капли крови!... Ты усмѣхаешься? Ты хочешь сказать, что это весьма неопредѣленно?...

— Да, это очень неопредѣленный идеалъ! Подъ него можно подвести все, что угодно! И мы это видимъ на каждомъ шагу, папа! Что только не называютъ служеніемъ народу?!...

— Ты правъ! Но въ то время эти слова, эта формула имѣла опредѣленное значеніе. О, слишкомъ опредѣленное! Я скажу—даже слишкомъ узкое. Во всякомъ случаѣ, я признаю, что тогдашнее значеніе этихъ словъ отнюдь не согласовалось съ дѣланіемъ служебной карьеры, полученіемъ чиновъ, орденовъ и окладовъ. Теперь, на склонѣ лѣтъ, я долженъ сказать, что можно служить, получать чины и ордена и въ то же время и этимъ самымъ служить и народу... Не такъ ли?

Сергѣй кивнулъ головой и сказалъ:

— Въ принципѣ одно другому не противорѣчитъ...

— Да, именно въ принципѣ. Есть люди, ставящіе своею цѣлью служеніе народу, и если они на этой службѣ получаютъ чины и ордена, то это нисколько не уменьшаетъ полезности ихъ службы. Но есть другіе, которые цѣлью ставятъ полученіе чиновъ и отличій... Ну, тутъ ужъ служеніе народу едва ли совпадетъ случайно... Но я не объ этомъ. Я говорю, что въ то время я весь пылалъ стремленіемъ къ этому идеалу, который былъ для меня чѣмъ-то весьма опредѣленнымъ. Клянусь тебѣ, я не думалъ ни о какой карьерѣ. Я хотѣлъ служить народу даромъ, не разсчитывая получить отъ него какое-либо вознагражденіе. И, поступая на службу, я не имѣлъ въ виду никакой карьеры. Я былъ далекъ отъ какого бы то ни было плана. Меня интересовала работа въ новыхъ тогда судахъ, я вѣрилъ въ ея плодотворность и я жаждалъ работы, вотъ и все...

Валерьянъ Петровичъ говорилъ нѣсколько приподнятымъ тономъ, хорошо знакомымъ Сергѣю, и голосъ его мало-по-малу пріобрѣталъ ту благородную вибрацію, которая являлась всегда, когда онъ вспоминалъ о «томъ времени».

— Какъ же все это вышло, папа?—спросилъ Сергѣй.—Вѣдь вышло какъ будто не совсѣмъ такъ...

— А вотъ послушай, какъ все это вышло. Я женился. Ты, конечно, знаешь, что женился я по любви, а я прибавлю, что по самой искренней, глубокой любви. Явился на свѣтъ ты, потомъ Надя, и мать твоя, послѣ этихъ двухъ подвиговъ, оказалась совсѣмъ слабымъ существомъ, не подготовленнымъ для борьбы, какою мы ее

видимъ и теперь. Итакъ, вмѣсто меня одного, насъ оказалось четверо. Я не знаю, какъ это тебѣ объяснить: это не подчиняется логикѣ ума, это—логика чувства,—но это такъ бываетъ всегда, что когда у человѣка на рукахъ нѣсколько любимыхъ существъ и, притомъ, совершенно слабыхъ, его, такъ сказать, общественныя и гражданскія чувства сами собой блѣднѣютъ и уступаютъ мѣсто личнымъ. Его вѣрованія, убѣжденія, идеалы остаются тѣ же, но въ жизни на первый планъ необходимо выступаетъ защита интересовъ этихъ слабыхъ существъ, которыя у него на рукахъ. Это можно до извѣстной степени объяснить. Я стою между двухъ долговъ: съ одной стороны—народъ, которому я хочу служить, съ другой—моя семья, которая нуждается въ моей защитѣ. И вотъ предстоитъ сдѣлать извѣстный шагъ. Служба народу требуетъ отъ меня этого шага. Но, съ другой стороны, если я его сдѣлаю, то эти слабыя милыя мнѣ существа лишатся нѣкоторыхъ удобствъ, которыя имъ необходимы и безъ которыхъ они будутъ страдать. И я разсуждаю: у народа много слугъ, я самъ знаю такихъ-то и такихъ-то, которые жертвуютъ для него своими силами, но есть тысячи, которыхъ я не знаю. У меня же нѣтъ никого, кромѣ меня. Оттого, что я лишу народъ своихъ услугъ, онъ мало потеряетъ, онъ потеряетъ милліонную долю того, что у него есть; но если я лишу своей заботы мою семью, она потеряетъ все. Слушай же. И, кромѣ того, если говорить откровенно,—народъ для меня нѣчто любимое, такъ сказать, въ идеалѣ, но реально отдаленное, а семья моя—она тутъ передо мной, живая, со всѣми своими горестями и радостями и любимая животною, эгоистическою любовью, т.-е. самою сильной, дѣятельной и настойчивой. И вотъ—одинъ шагъ, одна уступка, одно колебаніе... Потомъ другое, потомъ третье... И смотришь, человѣкъ зашелъ уже далеко... Можетъ быть, даже слишкомъ далеко, но все равно — идти назадъ не такъ легко, какъ это кажется. Потребности семьи расширяются потихоньку, незамѣтно, люди привыкаютъ къ удобствамъ, и иногда для нихъ лишеніе излишняго удобства бываетъ тяжелѣе, чѣмъ для другого—предмета первой необходимости. Постой... Ты хочешь сдѣлать мнѣ вчерашнее возраженіе. Ты хочешь сказать, что ты, твоя сестра, можетъ быть, охотно перенесли бы худшую долю, только бы не видѣть меня въ роли человѣка, не исполнившаго свой долгъ...

— Да, я это подумалъ, папа!

— Но вотъ, видишь ли, въ чемъ дѣло: еслибъ я руководился холоднымъ, спокойнымъ разсчетомъ, быть можетъ, я и додумался бы до этого; но вѣдь я руководился слѣпою любовью къ вамъ. Пой-

ми ты, что я былъ только честно думающимъ человѣкомъ, но я не былъ героемъ. Я не былъ въ силахъ для чего бы то ни было, для какихъ бы то ни было высокихъ цѣлей, дать отрубить палецъ у тебя, у твоей матери, у твоей сестры... И, притомъ, я не могъ предвидѣть, что вы выростете съ такими запросами, съ такими требованіями. Много ли васъ такихъ? Клянусь честью, большинство нынѣшнихъ дѣтей ничего не требуютъ отъ своихъ отцовъ, какъ только наибольшихъ средствъ, наилучшихъ путей для устройства жизни. А почему я могъ знать, что, сдѣлавшись взрослымъ, ты не скажешь мнѣ: отецъ, ты не имѣлъ права жертвовать для чего бы то ни было моею жизнью! Ты виновникъ моей жизни, поэтому твой долгъ былъ сдѣлать все, что было въ твоихъ силахъ... А ты безразсудно выпустилъ изъ рукъ то-то и это... Вѣдь могло быть и такъ! Согласись, что могло быть и такъ!

— Этого вы не должны были принимать въ разсчетъ!

— Но я принималъ! Я принималъ,—что ты со мной подѣлаешь? Я, можетъ быть, не долженъ былъ такъ дѣлать, но я такъ дѣлалъ... Я говорю къ тому, что можно забраковать всю мою жизнь, можно сказать, что я былъ слабъ, что у меня не хватало выдержки, послѣдовательности, но ты не имѣешь права заподозрить мою искренность...

— Я именно въ этомъ и прошу у васъ извиненія!—сказалъ Сергѣй и поднялся. Ему какъ-то грустно и тяжело стало послѣ всего того, что онъ выслушалъ отъ отца. Несомнѣнно, Валерьянъ Петровичъ имѣлъ серьезное и строго обдуманное намѣреніе освѣтить передъ сыномъ свою жизнь и примирить его съ собой. И онъ, вѣроятно, былъ увѣренъ, что приводитъ въ высшей степени дѣйствительные доводы. Но у Сергѣя было такое чувство, что въ ушахъ его звучатъ слова, слова и слова, тѣ самыя слова, которыя онъ такъ часто слышалъ,—точно онъ говорилъ въ судѣ какое-нибудь резюме по раньше намѣченной программѣ или произносилъ защиту по назначенію суда, добросовѣстно, толково, но безъ искренности, безъ горячаго убѣжденія.

Сергѣй былъ только удовлетворенъ самъ собою, то-есть тѣмъ, что онъ исполнилъ этотъ тяжелый долгъ, принесъ отцу извиненіе въ своей рѣзкости. И онъ теперь видитъ, что это была безполезная рѣзкость, такъ какъ отецъ не разглядѣлъ въ ней ничего, кромѣ обиды, а когда онъ услышалъ съ его стороны слова извиненія, то, повидимому, совсѣмъ успокоился.

И его теперь охватилъ страхъ при мысли, что отецъ еще долго будетъ приводить свои доводы, воображая, что въ нихъ есть что-то

очень убѣдительное, и не подозрѣвая, что это не болѣе, какъ затасканныя уловки, на которыя опирались и опираются всѣ.

И, чтобъ остановить этотъ потокъ ненужныхъ рѣчей, Сергѣй всталъ, давая этимъ понять, что объясненіе считаетъ конченнымъ и даже, если угодно, предоставляетъ считать себя убѣжденнымъ.

— Погоди, однако, я хотѣлъ тебя спросить...—остановилъ его Валерьянъ Петровичъ.

Сергѣй, сдѣлавшій уже шагъ къ двери, остановился.

— Я хотѣлъ спросить тебя: вотъ ты бросилъ мнѣ вчера строгое, неумѣстное осужденіе. Но ты сдѣлалъ это во имя чего-нибудь положительнаго, во имя какого-нибудь идеала? Скажи же, пожалуйста, что представляетъ изъ себя твой идеалъ? Какія твои вѣрованія? Твоя программа, съ которой ты вступаешь въ жизнь?

— Я вамъ на это отвѣчу, папа, по всей вѣроятности, не такъ, какъ вы ждете!—отвѣтилъ Сергѣй.—Вы ждете, что я начну послѣдовательно излагать вамъ свою программу... Вы такъ и выразились: программа! Но у меня ея нѣтъ... И я думаю, что у человѣка моихъ лѣтъ, еще не знающаго жизни, еще только начинающаго знакомиться съ нею, и не можетъ быть *своей* программы... А съ чужихъ словъ или изъ книгъ, хотя бы и самыхъ умныхъ, не хочу брать ее... Вотъ почему, можетъ быть, я и молчу такъ много, за что вы всегда укоряете меня... Я еще только ощупью знакомлюсь съ жизнью и не берусь судить о томъ, чего не знаю. Но что у меня есть своего, живущаго въ душѣ,—это твердое рѣшеніе во всѣ мои отношенія съ людьми, во всѣ мои столкновенія съ жизнью вносить правду! Правда во всемъ и ни въ чемъ лжи!... Чтобы мои слова были во всемъ согласны съ моими дѣлами! Чтобы ни въ одномъ моемъ дѣйствіи не было ни тѣни двоедушія и лицемѣрія. Пусть худыя слова превратятся въ худыя дѣла, все же это лучше, чѣмъ худыя дѣла послѣ хорошихъ словъ... Вотъ за что я ручаюсь, и если я когда-нибудь создамъ себѣ программу, то она будетъ основана на этомъ... Правда, во всемъ правда и только правда!...

— Гм... Да! Что-жъ, это хорошо! Но въ твои годы можно бы имѣть что-нибудь болѣе содержательное...

— Я имѣю только это!

Валерьянъ Петровичъ больше не сказалъ ни слова. Сергѣй тоже считалъ, что высказалъ все, что̀ надо. Безъ сомнѣнія, еслибъ онъ видѣлъ въ рѣчахъ отца больше искренности, больше желанія правдиво объяснить ихъ отношенія, онъ говорилъ бы иначе. На большомъ письменномъ столѣ лежала длинная тетрадь въ синей канцелярской обложкѣ. Сергѣй все время посматривалъ на нее. Эта

тетрадь была очень хорошо ему знакома. Нѣсколько недѣль тому назадъ онъ дрожащими руками перелистывалъ ее, горячо спорилъ о ней съ Надей. Это былъ формуляръ Валерьяна Петровича, который онъ, по минованіи надобности, забылъ отослать, куда слѣдуетъ. И былъ моментъ, когда Сергѣю хотѣлось перевести разговоръ на эту тетрадь и спросить отца о многомъ, что тамъ было записано, но довольный, увѣренный и спокойный тонъ Валерьяна Петровича отбилъ у него охоту.

Онъ вышелъ изъ кабинета. Надя, встрѣтившая его въ столовой и мелькомъ взглянувшая на него, тотчасъ поняла и то, что онъ ушелъ отъ отца неудовлетворенный, и то, что объясненіе кончилось мирно.

А черезъ нѣсколько минутъ всѣ собрались въ столовой къ обѣду. Валерьянъ Петровичъ занималъ свое обычное мѣсто и сразу же, своимъ всегдашнимъ тономъ, началъ разсказывать длинную исторію о бывшемъ надняхъ столкновеніи двухъ сановниковъ, о которомъ говорилъ весь чиновный Петербургъ. Онъ говорилъ съ юморомъ, смѣялся самъ и смѣшилъ другихъ и вообще у него былъ видъ человѣка, вполнѣ довольнаго собой.

И. Потапенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОЗДНЯЯ ЖЕНИТЬБА *).

Романъ.

Рафаэль - Бори.

(Переводъ съ французскаго).

V.

— Марешаль женится!

— Я вчера узналъ.

— А я уже два дня знаю.

Такую сенсаціонную новость первою сообщали другъ другу знакомые при встрѣчѣ. Объ этомъ бракѣ толковалъ, судилъ и рядилъ «весь Парижъ», это всюду толкущееся сборище людей, неопредѣлимое, сложное и измѣнчивое до безконечности, верхній слой котораго находится на неизмѣримой высотѣ, а низы копошатся въ уличной грязи, доходя до настоящаго художника, истиннаго ученаго, творящаго науку, и спускаясь до плутоватаго финансиста и публичной кокотки.

Однимъ изъ первыхъ узналъ объ этой новости и пустился ее разносить Нирсель, всѣхъ болѣе болтавшій объ «удачахъ» Марешаля. На бульварахъ, въ кофейныхъ, въ пріемныхъ редакцій онъ безпрерывно разсуждалъ на эту тему.

— Я же говорилъ вамъ, что ему во всемъ удача, даже въ любви, такъ какъ,—не знаю, извѣстно ли вамъ,—это бракъ по любви.

— Говорятъ такъ,—отвѣчалъ случайный собесѣдникъ.

— Говорятъ!—кипятился Нирсель,—чего тамъ говорятъ, когда это совершенно вѣрно, насущая правда! Я отлично знаю его невѣсту! Восхитительная женщина и... сложена удивительно,- добавлялъ онъ со скверною улыбкой.

— А?

---

*) *Русская Мысль,* кн. IX, 1899 г.

— И тотъ же Марешаль,—продолжалъ онъ,—проповѣдывалъ въ своей пресловутой книжонкѣ, что никогда не слѣдуетъ жениться на молодой женщинѣ, если самъ уже не молодъ.

— Но, вѣдь, онъ то еще молодъ,—возражали Нирселю.

— Кто молодъ? Марешаль? Да ему давнымъ-давно перевалило за пятьдесятъ!

— Вотъ хватили!

— Я же вамъ говорю. Мнѣ-то можете повѣрить! Очень удобно проповѣдывать мораль людямъ, когда самому нѣтъ до нея дѣла. Какъ бы ни было,—заканчивалъ онъ въ видѣ неизбѣжнаго вывода,—во всемъ везетъ этому проклятому Марешалю.

Подъ личиной добродушія и шутливости Нирсель скрывалъ самую низменную и затаенную зависть къ Марешалю, которому не могъ простить его успѣхи, славу и, въ особенности, «куши», получаемые имъ, тогда какъ себя онъ воображалъ великимъ поэтомъ и до пятидесяти лѣтъ не создалъ ничего, кромѣ слишкомъ «игривыхъ» сказокъ, и кое-какъ умудрялся заполучить нѣсколько тысяче-франковыхъ билетовъ въ годъ.

Несмотря на это, онъ напечаталъ статью, въ которой выше всякой мѣры превозносилъ «могучій талантъ» Марешаля, утверждая, что онъ «заслуживаетъ величайшихъ благополучій въ мірѣ».

Въ этомъ онъ слѣдовалъ, впрочемъ, лишь примѣру своихъ собратій, хроникеровъ, наперерывъ восхвалявшихъ Марешаля и «почитавшихъ за честь принести ему свои поздравленія и наилучшія пожеланія». Иные шли еще дальше. Въ довольно приличной и деликатной формѣ они изображали всю привлекательность Марсели, представляли ее достойною подругой славнаго писателя, чарующею своею дивною красотой, блестящимъ умомъ, сердцемъ, преисполненнымъ ангельской доброты».

Въ первый разъ, когда она появилась въ театрѣ подъ руку съ женихомъ, въ бархатномъ платьѣ, шедшемъ къ ней безподобно, всѣ взоры обратились къ ней, ни одна детонирующая нота не нарушила вызваннаго ею восторга. Даже женщины, столь строгія въ своихъ сужденіяхъ и рѣдко безпристрастныя, отдавали должное ея красотѣ, которую мужчины находили божественною.

Никогда въ жизни Марешаль не былъ такъ счастливъ, такъ оживленъ и молодъ. Онъ цѣлые дни проводилъ съ Марселью въ магазинахъ, выбирая ей матеріи на платья, въ постоянной заботѣ о томъ, чтобы сдѣлать ее еще красивѣе, чѣмъ она была.

Лормонъ сердечно радовался счастью своихъ друзей. Когда Брюно сообщилъ ему о предстоящемъ замужествѣ своей дочери, Лор-

монъ не обмолвился ни однимъ возраженіемъ, которыми не поскупился для Марешаля, и просто сказалъ:

— Я зналъ объ этомъ.

Когда же Брюно спросилъ, считаетъ ли онъ Марешаля хорошимъ мужемъ для Марсели, Лормонъ отвѣтилъ:

— Безъ всякаго сомнѣнія.

И теперь, видя, какъ довольна Марсель, какъ счастлива, замѣчая ея взгляды, полные любви и нѣжности, обращенные на жениха, онъ самъ упрекалъ себя за свой скептицизмъ и за попытку отклонить Марешаля отъ женитьбы.—«Жакъ отлично дѣлаетъ, что женится,—разсуждалъ Лормонъ.—Она его любитъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, и основанія нѣтъ опасаться за его счастье».—Порою, однако, взгляды медика брали верхъ. Убѣжденный матеріалистъ, Лормонъ прежде всего обращался къ природѣ, и глубокое знаніе ея законовъ выясняло ему все, что есть противнаго природѣ въ такомъ бракѣ.

«Природа,—думалъ онъ въ тѣ минуты,—имѣетъ свои незыблемые законы, противъ которыхъ можно бороться лишь нѣкоторое время, воображать, что они побѣждены, но которые на самомъ дѣлѣ не терпятъ сопротивленія и все одолѣваютъ въ концѣ концовъ. Ихъ сила неизмѣримо превосходнѣе всѣхъ нашихъ соображеній. Она одна и по-истинѣ разумна».

Но, когда эти мысли осаждали его, онъ старался отогнать ихъ прочь, сердился на себя, ругалъ «свою проклятую медицину, сдѣлавшую его неподатливымъ и узкимъ наблюдателемъ, неспособнымъ проникать въ тайны, неуловимо сложныя, скрытыя въ глубинѣ человѣческой души и недоступныя непосредственному изслѣдованію».

«Надо превратиться въ идеалиста,—говорилъ онъ себѣ,—это все же лучшее средство спокойно наслаждаться настоящимъ, не стараясь заглядывать въ будущее, котораго мы, все равно, никогда не угадаемъ!»

И онъ сопровождалъ Марешаля и Марсель во всѣхъ ихъ мыканіяхъ по Парижу, очень серьезно пускался въ безконечные дебаты о цвѣтѣ драпировокъ для гостиной, толковалъ съ мастерами о стилѣ мебели, подходящемъ къ той или иной комнатѣ, по соображенію съ ея «функціями» и съ ея «соціальнымъ назначеніемъ». Онъ соперничалъ съ Марешалемъ въ силѣ фантазіи и умѣнья, и Марсель, смѣясь, говорила ему нерѣдко:

— Милый мой Лормонъ, вы хлопочете объ украшеніи нашего жилища больше, чѣмъ Жакъ!

— Исполняю свою обязанность,—отвѣчалъ онъ весело.—Мой другъ женится, я долженъ приготовить ему гнѣздо и озабоченъ тѣмъ, чтобы оно было роскошно и прекрасно.

Всѣ приготовленія были окончены. Квартира Брюно оказывалась слишкомъ тѣсною, Марешаль выразилъ желаніе, чтобы балъ, предположенный въ день подписанія брачнаго контракта, состоялся у него. Брюно возражалъ, что по обычаю такъ не водится.

— А очень мнѣ нужны твои обычаи!—воскликнулъ Лормонъ.—Главное дѣло въ томъ, чтобы задать такой балъ, о которомъ газеты говорили бы цѣлый мѣсяцъ, по крайней мѣрѣ. Не каждый же день женится знаменитый писатель! Балъ будетъ у «насъ», не такъ ли, мадамъ Марешаль?—обратился онъ къ Марсели.

— Мнѣ бы очень хотѣлось,—отвѣтила она.

— Слышалъ, Огюстъ?—продолжалъ Лормонъ.—Марсель такъ хочетъ, Марешаль хочетъ, я хочу. Насъ трое противъ одного: большинство на нашей сторонѣ... Тебѣ остается подчиниться нашему рѣшенію, какъ подобаетъ меньшинству во всякомъ «правильно установленномъ конституціонномъ собраніи».

Брюно уступилъ.

Балъ былъ въ полномъ разгарѣ. Многочисленные гости усердно танцовали. Салонъ былъ отдѣланъ великолѣпно и съ рѣдкимъ изяществомъ. Драпировки, обивка мебели, рамы зеркалъ, все было изъ бѣлаго бархата съ серебромъ. Голубой свѣтъ цвѣтныхъ лампочекъ большой электрической люстры превосходно гармонировалъ съ этою бѣлизной.

Марсель, обворожительная въ бѣломъ шелковомъ платьѣ съ небольшимъ вырѣзомъ, просто причесанная, едва успѣвала протанцовать со всѣми, приглашавшими ее. Марешаль, почти совсѣмъ не танцовавшій, стоялъ въ сторонѣ, окруженный друзьями. Разговоры, какъ и полагается въ такихъ случаяхъ, велись главнымъ образомъ о прелестяхъ супружеской жизни. И, странное дѣло, всѣ эти люди, женатые по любви, большею частью, говорили съ восторгомъ о бракѣ, хотя весьма немногіе изъ нихъ нашли въ супружествѣ то, чего ожидали. Въ настоящую минуту они забывали про свое теперешнее существованіе, про мелкія семейныя непріятности, про слишкомъ большіе расходы при недостаточныхъ средствахъ, про ссоры съ женами, вѣрными или нѣтъ, смотря по обстоятельствамъ... Всѣ обращались мысленно къ тому волшебному дню, который оставался въ ихъ памяти необыкновенно блестящимъ, когда они, молодые, богатые надеждами и иллюзіями, вступали въ жизнь подъ руку съ очаровательными и страстно любимыми подругами.

Марешаль принималъ слабое участіе въ этихъ разговорахъ, касавшихся воспоминаній. Они раздражали его и даже до нѣкоторой степени злили. «Какъ смѣютъ,—думалъ онъ,—эти люди сравнивать свои женитьбы съ моею! Развѣ ихъ жены могли когда-нибудь выдержать сравненіе съ Марселью? Такой, какъ она, не существуетъ другой на свѣтѣ!»

Онъ такъ былъ счастливъ, такъ очарованъ своею невѣстой, что не сознавалъ всей странности такой мысли.

Чтобъ отдѣлаться отъ пріятелей, онъ сослался на необходимость пройти зачѣмъ-то въ свой кабинетъ.

— Черезъ минуту я опять съ вами,—сказалъ онъ.

— Иди, иди, не стѣсняйся!

Большой столъ посрединѣ комнаты былъ заваленъ телеграммами и визитными карточками тѣхъ, кто не могъ почему-либо явиться лично его поздравить.

Марешаль прочитывалъ машинально имена; вдругъ его взглядъ упалъ на газету, положенную, очевидно, съ умысломъ на чернильницу. Онъ взялъ развернутый листъ и тотчасъ же увидалъ, что нѣсколько строкъ подчеркнуто краснымъ карандашомъ.

— Это еще что за штука?—проговорилъ онъ и, прочитавши отмѣченное, страшно поблѣднѣлъ.

— О, какая мерзость!

Онъ быстро подошелъ къ окну и распахнулъ его настежь. Онъ едва переводилъ дыханіе, дрожа и жадно глотая холодный воздухъ. Потомъ Марешаль подошелъ къ столу, прочелъ еще разъ газету и швырнулъ ее на столъ.

Въ столь сильно взволновавшей его замѣткѣ было напечатано:

«Отъ всего сердца дружески поздравляя нашего славнаго писателя, г. Жака Марешаля, обладающаго такимъ огромнымъ и своеобразнымъ талантомъ, искренно и горячо желая ему счастья, мы не можемъ воздержаться и не отмѣтить, что своею женитьбой г. Марешаль самымъ положительнымъ образомъ подрываетъ значеніе своего знаменитаго романа *Пропасть*. Въ этомъ произведеніи, какъ читатели, конечно, знаютъ г. Марешаль утверждаетъ, будто человѣкъ, достигшій извѣстнаго возраста, не долженъ никогда жениться на женщинѣ, слишкомъ молодой для него, и будто въ такомъ случаѣ совершенно неизбѣжно несчастье, т.-е. измѣна со стороны жены. Мы твердо надѣемся, что бракъ г. Марешаля съ дѣвицею Марсель Брюно будетъ наисчастливѣйшимъ, какой только можно себѣ вообразить, и что, убѣжденный собственнымъ опытомъ, онъ

въ слѣдующемъ своемъ произведеніи найдетъ возможнымъ развить передъ нами противоположный тезисъ».

Сомнѣнія и колебанія снова охватили его съ громадною, неодолимою силой.

О, какъ онъ былъ золъ на автора этой замѣтки! Какъ онъ проклиналъ его за то, что тотъ разбудилъ внутренній голосъ, предупреждавшій его объ опасности, но замолкнувшій передъ его болѣе или менѣе хитрыми доводами въ доказательство того, что онъ ошибся, что принятое имъ за непреложный законъ таковымъ не было или, по крайней мѣрѣ, допускало множество исключеній. Ему удалось заглушить этотъ голосъ, заставить его умолкнуть. Онъ отдался весь своему теперешнему счастью, какъ вдругъ какой-то негодяй,—несомнѣнно, негодяй! —влилъ смертельнаго яда въ дивный кубокъ, изъ котораго онъ упивался блаженствомъ.

Въ дверь тихо постучали.

— Кто тамъ?

— Я.

Марешаль узналъ голосъ Лормона.

— Войди!

— Я тебя искалъ, — сказалъ Лормонъ. — Что ты тутъ дѣлаешь?.. Твое мѣсто тамъ, въ салонѣ. Гости могутъ остаться недовольны твоимъ отсутствіемъ.

— Гости! Очень мнѣ нужны, эти гости!

— Не особенно любезно...

— А провались они!

Лормонъ посмотрѣлъ на него удивленно.

— Что случилось, Жакъ?

Марешаль не отвѣтилъ.

— Если я лишній, скажи. Я не обижусь...

Онъ направился къ двери, Марешаль остановилъ его.

— Вотъ, прочти.

И, поднявши газету, онъ подалъ ее Лормону.

Докторъ быстро прочелъ замѣтку и спросилъ:

— Гдѣ ты взялъ эту газету?

— Здѣсь, на столѣ.

— Кто же ее могъ подсунуть?

— Нирсель, навѣрное. Это его штуки. Онъ меня ненавидитъ. Я это знаю, хотя онъ никогда не осмѣливался выказывать этого. Только онъ одинъ способенъ на подобную низость.

— Что не мѣшаетъ ему курить твои сигары и пить твое шампанское...

— Все по той же причинѣ. Этимъ способомъ онъ вводитъ меня тоже въ убытокъ.

— Я очень жалѣю, что онъ не подписалъ свою гадость. Плохо бы ему пришлось, могу въ томъ завѣрить.

— А! Дѣло тутъ вовсе не въ Нирселѣ,—живо сказалъ Марешаль.—Что онъ дрянной человѣкъ, это всѣмъ извѣстно. Ни передъ какою подлостью онъ не остановится. И если бы дѣло шло только объ его мерзости, я не обратилъ бы на нее вниманія.

— Да, вѣдь, это же и есть мерзость.

— Ты ошибаешься!

— Какъ такъ?

— Да, Клодъ, ошибаешься. Нирсель сказалъ правду. Это печально, тяжело сознаться въ томъ, но это вѣрно. Я, несомнѣнно, самъ себѣ противорѣчу. Написавшему четыреста страницъ, чтобъ указать пропасть другимъ, надлежитъ, по меньшей мѣрѣ, не попадать въ нее самому.

И, поднявшись съ мѣста, Марешаль повторилъ глухимъ голосомъ:

— Да, Нирсель правъ!

— Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! — воскликнулъ Лормонъ. — Въ твоей книгѣ мужъ обманутъ, тогда какъ ты никогда не можешь быть обманутъ. Слѣдовательно, нельзя и приравнивать его къ тебѣ.

Марешаль остановился передъ Лормономъ и посмотрѣлъ на него въ упоръ.

— Видишь ли, Клодъ, ты говоришь неискренно...

— Увѣряю тебя...

— Нѣтъ,—повторилъ Марешаль,—ты не все говоришь!

— Чѣмъ же убѣдить тебя, что ты ошибаешься?

— Напрасный трудъ! И, если хочешь, я докажу это.

— Докажи.

Марешаль заговорилъ, налегая на каждое слово:

— Если, на самомъ дѣлѣ, ты не раздѣляешь мнѣнія Нирселя; если думаешь, что положеніе, въ которое я поставилъ свои дѣйствующія лица, существенно отличается отъ того, въ какомъ находимся мы, Марсель и я,—однимъ словомъ, если ты убѣжденъ въ томъ, что меня не постигнетъ участь моего героя, то чѣмъ ты объяснишь всѣ возраженія, которыя ты мнѣ дѣлалъ, когда я пришелъ сказать тебѣ, что я люблю Марсель и хочу на ней жениться? Припомни, другъ, сцену, происходившую въ твоей комнатѣ нѣсколько мѣсяцевъ назадъ. Не ты ли кричалъ мнѣ: «Берегись, берегись!»

Лорманъ смутился.

Что могъ онъ возразить? Онъ, разумѣется, не забылъ того утра, ни тогдашней сцены, ни того, что говорилъ въ ту минуту и что повторилъ бы при такихъ же обстоятельствахъ. Но теперь, когда все было кончено, когда Марешаль былъ почти женатъ, былъ ли какой-нибудь смыслъ отстаивать свое мнѣніе, какъ бы справедливо оно ни было? Нельзя же человѣку, сдѣлавшему, чего измѣнить уже нѣтъ средствъ, заявить, что онъ поступилъ худо. Да и на что это нужно? Для доказательства, развѣ, что его мнѣнія не измѣнились и что онъ готовъ ихъ опять отстаивать? Это было чудовищно эгоистично. Напротивъ, онъ обязанъ былъ безпрестанно повторять Марешалю, что женитьба его—дѣло вполнѣ естественное и разумное, что въ будущемъ его счастью не грозитъ ни малѣйшая опасность... Такова обязанность истиннаго друга, хотя бы его стали обвинять въ вопіющей непослѣдовательности.

Онъ заговорилъ:

— И не доказалъ ты ровно ничего, мой милый Жакъ! Мои слова, про которыя ты сейчасъ вспоминалъ, находятся, повидимому, въ противорѣчіи съ тѣмъ, что я теперь утверждаю. Это такъ. Но я полагаю, что честный человѣкъ всегда открыто сознается въ своей ошибкѣ...

— Въ ошибкѣ?

— Подумавши хорошенько, я увидалъ, что ошибся.

Марешаль взглянулъ на него украдкой.

«Искренно ли онъ это говоритъ?»—подумалъ онъ.

Лормонъ продолжалъ:

— Если въ твоемъ романѣ все правдиво, если въ немъ вѣрно изображена дѣйствительность, то онъ все-таки очень немногое доказываетъ. Твой герой былъ обманутъ, но ты-то никогда обманутъ не будешь, клянусь тебѣ въ томъ!

— Почему?

— По той простой причинѣ, что Марсель не способна ни измѣнить тебѣ, ни покинуть тебя.

— Въ этомъ я убѣжденъ.

— Такъ въ чемъ же дѣло?

— Нѣтъ, она никогда мнѣ не измѣнитъ, — говорилъ Марешаль.—Она не будетъ срамить моего имени по квартирамъ холостяковъ и по меблированнымъ комнатамъ. И никогда не будетъ она невѣрною женой въ грубомъ и скверномъ смыслѣ слова!... Но развѣ въ этомъ и все?

— Я не понимаю...

— Но развѣ не обманывая меня, не дѣлая меня тѣмъ забав-

нымъ и жалкимъ существомъ, которое называютъ обманутымъ мужемъ, она не можетъ рано или поздно...

Марешаль не договорилъ. Онъ хотѣлъ сказать: «Развѣ не можетъ она полюбить другого любовью чистой и честной?... Я не буду смѣшнымъ, это правда, но все-таки я погибну». Этого онъ не посмѣлъ вымолвить. Онъ поднялъ газету, заперъ ее въ письменный столъ и сказалъ почти ласкающимъ голосомъ:

— Глупы мы оба, милый мой Клодъ! Какой-то болванъ написалъ дрянь, и это даетъ намъ поводъ къ безконечнымъ спорамъ. Сущая безсмыслица!

Лормонъ, довольный видимымъ спокойствіемъ Марешаля, поспѣшилъ отвѣтить:

— Совершенно вѣрно!

— Пойдемъ въ салонъ.

— И прекрасно.

У двери они встрѣтили Нирселя, который крикнулъ Марешалю:

— Любезный другъ, надо отдать тебѣ справедливость, ты все устраиваешь на славу!...

— Вы тоже!—оборвалъ его Лормонъ.

— Что вы этимъ хотите сказать?—спросилъ поэтъ.

— Оставь его, прошу,—тихо сказалъ Марешаль Лормону и громко Нирселю:

— Надѣюсь, ты сдѣлаешь честь моему шампанскому?

— Непремѣнно, непремѣнно... Твое пойло обворожительно.

— Тѣмъ лучше. А меня извини, я вижу, что мадмуазель Брюно дѣлаетъ мнѣ знакъ подойти къ ней.

— Иди, мой другъ, иди... Твоя невѣста обворожительна...

— Какъ мое шампанское?—разсмѣялся Марешаль.

— Больше, больше! Она божественна!

И онъ направился снова въ буфетъ, единственное мѣсто, гдѣ чувствовалъ себя вполнѣ довольнымъ.

Марешаль подошелъ къ Марсели въ то время, какъ она собиралась подать руку незначительному молодому человѣку, давно ангажировавшему ее на польку.

— Прошу извинить, мсьё,—сказала она своему кавалеру.

Онъ казался раздосадованнымъ и, поклонившись, проговорилъ:

— Вы позволите мнѣ еще разъ подойти, мадемуазель?

— Конечно.

— Моя очередь не пропадетъ?—спросилъ онъ опасливо.

— Нѣтъ, мсьё, этого не бойтесь.

Молодой человѣкъ отошелъ съ опечаленнымъ лицомъ.

— Зачѣмъ ты прогнала его?—сказалъ Марешаль.—Ты его огорчила.

— Я протанцую съ нимъ, немного погодя... Мнѣ позволено, надѣюсь, пройтись подъ руку съ моимъ женихомъ, съ моимъ возлюбленнымъ... Дозволяется это, учитель, скажи?—проговорила она, бросая влюбленный взглядъ на Марешаля.

— Да, моя дорогая.

Марсель взяла его подъ руку.

— Я сержусь.

— Сердишься... за что?

— Какъ за что! Вечеръ кончается, и ты въ третій разъ, только въ третій,—я считала,—подходишь ко мнѣ!

— Но, моя радость, ты любишь танцовать, я и не мѣшалъ тебѣ.

— Еще больше я люблю быть съ тобою!

— Будемъ великодушны, моя милая Марсель! Со мною ты будешь всю жизнь... слѣдовательно можешь, не стѣсняясь, пожертвовать нѣсколько минутъ твоимъ обожателямъ.

— О, обожателямъ! Черезчуръ лестно!...

— Нисколько, я правду говорю.

— Положимъ... А ты не любезенъ!... Покидаешь меня... уже!—сказала она, премило надувая губки.

— Я не покидаю тебя, не покину никогда!—отвѣтилъ Марешаль шутливымъ тономъ, изъ-за котораго внимательный наблюдатель разслышалъ бы нѣчто серьезное, почти грустное. И мысленно Марешаль добавилъ:—«Тогда какъ ты!...»

— Я увѣрена въ этомъ!—сказала Марсель, пожимая его руку.

— Ты счастлива?—спросилъ Марешаль.

— Очень счастлива! Мнѣ кажется, ни одна женщина не была такъ счастлива, какъ я.

— Вотъ твой танцоръ возвращается.

— О, несносный!

— Протанцуй съ нимъ, милая!

— До свиданія, мой обожаемый учитель!

— До свиданія, моя возлюбленная царица!

Марешаль смотрѣлъ вслѣдъ Марсели, удалявшейся подъ руку со своимъ кавалеромъ, и думалъ: «Наступитъ день, быть можетъ, когда она уже не будетъ моею и другому скажетъ: «Мой обожаемый...»—а я сдѣлаюсь для нея такимъ же «несноснымъ», какъ этотъ молодой человѣкъ!»

И эта мысль преслѣдовала его неотвязно. Онъ жалъ руки пріятелямъ, отвѣчалъ на вопросы, принималъ участіе во всякихъ раз

говорахъ, но дѣлалъ это машинально, почти безсознательно,—дождаться не могъ, когда этотъ балъ кончится.

Проводивши послѣдняго гостя, онъ сказалъ Брюно:

— Мнѣ нужно поговорить минуты двѣ съ Марселью... Позволяешь?

— Разумѣется.

Марешаль провелъ молодую дѣвушку въ свой кабинетъ, усадилъ ее въ кресло и принялся ходить по комнатѣ. Марсель слѣдила за нимъ глазами, недоумѣвая, о чемъ онъ хочетъ съ нею говорить.

Наконецъ, онъ сказалъ:

— Слушай, моя дорогая! Ты знаешь, что я тебя боготворю, что, кромѣ тебя, твоей любви, для меня ничего не существуетъ на свѣтѣ и никогда не будетъ существовать!... Ты моя жизнь!

Она взяла его за руку, нѣжно привлекая къ себѣ, и отвѣтила:

— Я это знаю, мой обожаемый Жакъ, и сказать на это могу лишь одно, что ты для меня всего дороже на свѣтѣ!...

— Помни, что я люблю тебя очень давно. Прежде чѣмъ любить тебя, какъ женщину, я тебя любилъ, какъ мое дитя. Я зналъ тебя со дня твоего рожденія, слѣдилъ шагъ за шагомъ за твоимъ развитіемъ, физическимъ и умственнымъ...

— Да, да, — говорила она, лаская руки Марешаля.

Онъ продолжалъ:

— Теперь ты моя невѣста, черезъ нѣсколько дней будешь моею женой. Какъ до сихъ поръ, всѣ мои мысли будутъ принадлежать тебѣ. Я отдамъ тебѣ все мое сердце, всю душу мою... Я окружу тебя самою пламенною нѣжностью, безконечною заботливостью...

— Я въ этомъ увѣрена!

— И еслибъ за то я обратился къ тебѣ съ просьбой, исполнила ли бы ты ее?

— Навѣрное!

— Даже если...

Онъ умолкъ и принялся опять ходить. Онъ, видимо, колебался, не рѣшаясь высказать свою мысль. Его губы слегка вздрагивали, движенія были нервны.

Марсель сказала:

— Ты никогда не попросишь о томъ, чего я не могла бы или не хотѣла сдѣлать для тебя...

Марешаль остановился и проговорилъ:

— Мои слова удивятъ тебя, покажутся тебѣ, быть можетъ, обидными... Прости меня... Знай, что я не въ силахъ поступить иначе. Я слишкомъ сильно страдаю отъ молчанья...

— Говори же, мой милый, умоляю тебя! — воскликнула Марсель. — Я не хочу, чтобы ты страдалъ!... Въ чемъ дѣло?

— Дѣло въ твоемъ обѣщаніи или вѣрнѣе—въ клятвѣ.

— Даю и обѣщаніе, и клятву!

— Нѣтъ, нѣтъ, сперва выслушай меня.

— Я слушаю.

— Обѣщай мнѣ, поклянись, что если когда-нибудь ты перестанешь любить меня, если другой займетъ въ твоемъ сердцѣ то мѣсто, которое ты мнѣ отдала, ты этого отъ меня не скроешь...

— О!

Онъ продолжалъ:

— Поклянись, что ты не останешься моею женой ни одного дня, ни одного часа съ той минуты, какъ твое сердце не будетъ принадлежать мнѣ.

Марсель встала.

— Жакъ!

— Поклянись въ томъ! — повторилъ Марешаль.

Она не могла выговорить ни слова. Ея губы были судорожно сжаты, лицо — мертвенно блѣдно, глаза сверкали страннымъ блескомъ.

— Поклясться тебѣ въ этомъ! — воскликнула она.— Сегодня! Въ этотъ радостный день!

— Да.

И, послѣ короткаго молчанія, онъ добавилъ:

— Ты еще не жена мнѣ... ты свободна.

— Клясться въ томъ...—ея голосъ прерывался рыданіями.— Вѣдь, это кощунство противъ нашей любви! Развѣ чей-нибудь образъ сможетъ замѣнить твой въ моемъ сердцѣ? Въ тотъ день, когда оно перестанетъ биться для тебя, меня не будетъ на свѣтѣ!

Она привлекла Марешаля и нѣжно обняла его.

— Я буду любить тебя всю мою жизнь, милый, дорогой мой! Могу ли я полюбить другого, твоя Марсель, которую ты возвысилъ до себя, которой далъ свое славное, великое имя? Какъ пришло это тебѣ въ голову? Это было бы страшное несчастье, чудовищная неблагодарность... Никогда этого не случится, никогда!

Марешаль тихо высвободился изъ ея объятій.

— Я вѣрю тебѣ... — началъ онъ.

Она прервала его тономъ упрека:

— О, мой Жакъ, ты вѣришь только... Ты не убѣжденъ.

— Нѣтъ, я убѣжденъ... я убѣжденъ въ томъ, что ты всю жизнь будешь мнѣ вѣрною подругой, будешь любить меня всегда...

Но никто не можетъ предсказать будущее, въ особенности же—поручиться за него. Все случается, даже вещи самыя неожиданныя, самыя невѣроятныя... Но если бы такое страшное несчастье обрушилось на насъ, еслибъ исчезла твоя любовь ко мнѣ... я хотѣлъ бы узнать объ этомъ!

Она не отвѣчала и, склонивши голову на руки, плакала.

Марешаль опустился на колѣни.

— Я причиняю тебѣ страданія... Я жестокъ!...

Марсель обхватила голову своего жениха и покрыла ее поцѣлуями.

Марешаль колебался, онъ не предвидѣлъ этихъ слезъ. Но онъ хотѣлъ дойти до конца и сказалъ:

— Прости меня! Не отказывай мнѣ, умоляю тебя... Поклянись, что ничего не скроешь отъ меня... во имя нашей любви!

Марсель встала. Ея глаза были сухи, ея лицо, все еще блѣдное, было спокойно. Она положила руку на голову Марешаля, остававшагося на колѣняхъ, и проговорила твердымъ голосомъ:

— Клянусь тебѣ!

VI.

Въ своемъ хорошенькомъ дачномъ домѣ Марешаль писалъ статью, обѣщанную имъ редактору газеты *Tout-Paris*. Марсель, лежа на большомъ низкомъ диванѣ, смотрѣла на работающаго мужа. Она была вся въ черномъ, въ траурѣ по отцѣ, умершемъ полгода назадъ.

Тишина прерывалась изрѣдка нѣсколькими фразами, которыми обмѣнивались супруги.

— Ты здорова, милая?

— Да, мой Жакъ.

— Ты что дѣлаешь?

— Смотрю на тебя.

— Хорошее занятіе!... Лормонъ обѣщалъ, кажется, завтракать съ нами?—спросилъ Марешаль, кончившій свою статью.

— Да, мой другъ.

— Запаздываетъ нашъ Эскулапъ... Уже безъ четверти двѣнадцать, и мой желудокъ начинаетъ жаловаться...

— Лормонъ сказалъ мнѣ, что пріѣдетъ съ первымъ поѣздомъ, покончивши въ больницѣ. Въ которомъ часу они тамъ кончаютъ?

— Милая моя, ты задаешь вопросъ, находящійся внѣ моей компетенціи. Медики большіе охотники болтать безъ конца у по-

стели больного. Они называютъ это «серьезнымъ изслѣдованіемъ субъекта».

Раздался звонокъ.

— А вотъ и Лормонъ.

Увидя входящаго доктора, Марешаль сказалъ:

— Хорошо, что ты явился.

— Почему?

— Потому, что, запоздавши минутъ на десять, остался бы безъ завтрака.

— Быть не можетъ!

— Смѣю въ томъ завѣрить. Такъ уже рѣшено было съ согласія мадамъ Марешаль.

— Вретъ? — обратился Лормонъ къ Марсели.

— Не совсѣмъ, — отвѣтила она, улыбаясь, — передаетъ лишь неточно.

— Пускаетесь въ дипломатію, сударыня, — разсмѣялся Лормонъ.

— Нельзя безъ этого.

Слуга доложилъ, что завтракъ поданъ. Они перешли въ столовую, и, садясь за столъ, Марешаль спросилъ Лормона:

— Что новаго?

— Мой визитъ былъ очень печальный.

— Почему?

— Этими днями доставленъ бѣдняга, засадившій себѣ въ легкое пулю изъ револьвера. Пулю извлечь не могли, началось весьма серьезное воспаленіе; тогда обратились ко мнѣ.

— И вы какого мнѣнія? — спросила Марсель.

— Не очень утѣшительнаго... Опасаюсь, что раненый не проживетъ сутокъ.

— Молодой? — спросилъ Марешаль.

— Тридцать лѣтъ.

— О, несчастный! — воскликнула Марсель.

На ея рѣсницахъ блеснули слезы.

Марешаль замѣтилъ тяжелое впечатлѣніе, произведенное на Марсель словами доктора, и сказалъ:

— Э, Боже мой! Если оплакивать всѣхъ самоубійцъ, такъ этому конца не будетъ. Такіе казусы случаются каждый день... Я воображаю, сколько ихъ перебываетъ у тебя въ рукахъ, — обратился онъ къ Лормону.

— Увы! слишкомъ много. Мы-то къ этому уже привыкли.

— Если этотъ случай поразилъ васъ, стало-быть онъ представляетъ что-нибудь особенное? — спросила Марсель.

— Такъ оно и есть.

— Пари держу, изъ-за любви! — сказалъ Марешаль.

— Нѣтъ, Жакъ, — отвѣтилъ Лормонъ.

— Изъ-за чего же?

— А! вотъ тѣмъ-то и прискорбенъ случай съ этимъ несчастнымъ. Онъ пытался покончить съ собою потому, что не могъ добиться извѣстности. Онъ — поэтъ.

— Какъ же это? — воскликнула Марсель. — Если у него былъ талантъ, то это не особенно трудно.

— Вы ошибаетесь, — живо возразилъ Лормонъ. — Я не знаю, есть талантъ или нѣтъ у этого поэта. Дежурный ординаторъ говорилъ мнѣ, что читалъ нѣкоторыя изъ его стихотвореній и, по его мнѣнію, они далеко не заурядныя. Какъ бы то ни было, вотъ въ двухъ словахъ его исторія: онъ былъ надзирателемъ въ какой-то провинціальной школѣ. Понадѣявшись на свой талантъ и увлекаясь надеждами, онъ явился въ Парижъ. Онъ вообразилъ, по своей наивности, что стóитъ только предложить свои стихи какому-нибудь крупному журналу, чтобы блистательно дебютировать. А отъ этого одинъ шагъ до воздушныхъ зàмковъ и очаровательныхъ мечтаній. Прошло три года, а онъ все не причемъ. Къ кому и куда онъ ни обращался, нигдѣ ни отклика. Тогда, доведенный до отчаянія, истомленный борьбою, нищетой, всякими страданіями, онъ рѣшилъ покончить съ собой. И я весьма опасаюсь, какъ уже говорилъ, что онъ достигъ цѣли...

Лормонъ смолкъ и, немного погодя, сказалъ:

— Кто отдается литературѣ, тому необходимо, во что бы то ни стало, добиться успѣха, не то онъ погибъ неизбѣжно. Я говорю, разумѣется, лишь о томъ, кто сознаетъ въ себѣ священный огонь... Этакое собачье занятіе! сущій адъ!

— Жакъ добился, однако, — замѣтила Марсель.

— Что же это доказываетъ? — воскликнулъ Лормонъ. — Вы полагаете, быть можетъ, что въ то же время не было другихъ писателей, равныхъ ему по таланту и оставшихся совершенно неизвѣстными? Спросите у него самого.

Онъ обратился къ Марешалю:

— Помнишь бѣднягу Дуле?

— Еще бы не помнить!

— Кажется, былъ талантливъ?

— Болѣе, чѣмъ мы всѣ, — отвѣтилъ Марешаль, задумавшись.

— И это не помѣшало ему, однако, спиться съ круга и умереть чуть не на улицѣ.

— Почему же онъ ничего не достигъ?—спросила Марсель.

— А потому, что былъ бѣденъ... такъ бѣденъ, что, приходя къ нему, одинъ изъ насъ приносилъ хлѣбъ, другой—бифштексы, третій—углей, чтобъ ихъ жарить... Такъ вотъ этотъ Дуле написалъ превосходный романъ, приводившій насъ всѣхъ въ восторгъ. Но написать было недостаточно, надо было издать его... А издатель—звѣрь рѣдкій, изловить его чертовски трудно. Дуле искалъ годами, изъ силъ выбился... Потомъ съ отчаянія, потерявши всякую надежду, зашелъ въ кабакъ и напился пьянъ...

— Но, вѣдь, Жакъ былъ тоже бѣденъ,—возражала Марсель.

— Вѣрно; но ему выпало на долю рѣдкое счастье найти издателя, его съ первыхъ же шаговъ пустили въ ходъ... Это дѣло случая и только!

— Именно!—подтвердилъ Марешаль.

— И я,—продолжалъ Лормонъ,—каждый день благодарю Бога за то, что Онъ не создалъ меня литераторомъ. На всѣхъ поприщахъ борьба тяжела, жестока даже, но въ нашемъ дѣлѣ, если человѣкъ занимается серьезно, если на немъ не лежитъ бремя семьи и онъ можетъ, слѣдовательно, довольствоваться малымъ, онъ, въ концѣ концовъ, достигнетъ чего-нибудь. Тогда какъ что же мы видимъ въ литературѣ на каждомъ шагу? Талантливые люди работаютъ, терпятъ годами нужду и считаютъ себя счастливыми, когда черезъ десять-двадцать лѣтъ имъ удается обезпечить себѣ кусокъ хлѣба. И рядомъ съ этими настоящими художниками слова, бодрыми тружениками, пробираются мелкіе людишки, сущія ничтожества, во всю жизнь не создавшіе ничего оригинальнаго, въ чьихъ книгахъ и пьесахъ нѣтъ ни одной идеи, сколько-нибудь новой и оригинальной,—людишки, повторяющіе то, что сказано раньше ихъ и много лучше, выжимающіе изъ своихъ скудныхъ мозговъ жалкія, никому не нужныя уродства. И такіе-то молодцы отхватываютъ себѣ всѣ почести и залѣзаютъ, наконецъ, въ академію, въ эту кунсткамеру антиковъ, которая заперла свои двери передъ Бальзакомъ и едва согласилась открыть ихъ для Виктора Гюго... Какъ же смѣть говорить о справедливости!... Нѣтъ ея въ этомъ прогнившемъ мірѣ, въ которомъ мы имѣемъ несчастье жить... Я предпочелъ бы переселиться на луну.

— При условіи, чтобы на лунѣ жилось лучше,—отвѣтилъ Марешаль, смѣясь, на длинную тираду своего друга.

— Краснорѣчивы же вы,—сказала Марсель.

— О, это—не краснорѣчіе, это—злость!

— И злись себѣ,—проговорилъ Марешаль.—Какъ ни разноси этотъ міръ, ты его не передѣлаешь.

— А передѣлать все-таки необходимо,—возразилъ Лормонъ.

— А пока, мой милый, будемъ пользоваться настоящимъ, благо оно намъ улыбается,—сказалъ Марешаль.—Ты останешься у насъ до завтра?

— Да.

— Не пройдемся ли по саду?

— Съ удовольствіемъ.

Они направились въ садъ, и разговоръ перемѣнился. Марешаль разсказывалъ какой-то забавный случай, съ однимъ извѣстнымъ репортеромъ, когда появился слуга.

— Что нужно?—спросилъ Марешаль.

— Какой-то молодой человѣкъ поручилъ мнѣ передать вамъ письмо и ждетъ отвѣта.

— Вы знаете этого господина?

— Нѣтъ, никогда не видалъ.

— Можете идти.

Марешаль распечаталъ письмо и, просмотрѣвши его, сказалъ:

— Довольно странно.

— Что такое?—спросила Марсель.

— Вотъ прочтите.

Письмо было такого содержанія:

«Мосье!

«Мое имя вамъ неизвѣстно, я не былъ вамъ представленъ и являюсь безъ всякой рекомендаціи. Слѣдовательно, вы можете отнестись ко мнѣ, какъ къ навязчивому и нахальному человѣку. Если я позволяю себѣ просить васъ о нѣсколькихъ минутахъ разговора, то лишь потому, что вы на себѣ испытали нужду и неизвѣстность и, слѣдовательно, отлично поймете положеніе дебютанта. Я не говорю вамъ, что я непризнанный геній, не говорю даже, что у меня есть талантъ. Я прошу только, соблаговолите прочесть принесенную мною рукопись и скажите о ней откровенно ваше мнѣніе.

Жоржъ Далленъ, улица Брэда, 9».

— Не правда ли, оригинально?—сказалъ Марешаль.

Лормонъ спросилъ:

— Что же ты отвѣтишь?

— Отвѣчу просто, что не знаю его и не имѣю ни малѣйшаго желанія знакомиться.

— Отвѣтишь невѣжливо,—замѣтила Марсель.

— Не стану я, однако, читать всего, что мнѣ присылаютъ. На это ушло бы все мое время... Подумать страшно, сколько теперь развелось всякаго рода писакъ.

— Мнѣ кажется, ты не вправѣ такъ судить о человѣкѣ, не прочитавши ни одной его строчки.

— Я не о немъ и говорю, а вообще.

И онъ добавилъ:

— Къ тому же мнѣ въ высшей степени не нравятся такіе пріемы. Неизвѣстенъ онъ, пусть постарается сдѣлаться извѣстнымъ!... Но нельзя приставать къ людямъ, нисколько имъ не интересующимся. Это смѣшно и непристойно!

Лормонъ проронилъ негромко:

— И ты когда-то дѣлалъ то же самое.

Марешаль чуть замѣтно покраснѣлъ.

— Что же изъ этого слѣдуетъ? Да, и я дѣлалъ, и тѣ, къ кому я обращался, смотрѣли на меня, навѣрное, какъ на нахала.

— И были неправы,—сказалъ Лормонъ.

— Я на этотъ счетъ другого мнѣнія,—возразилъ Марешаль.

Марсель слушала мужа и испытывала смутное недовольство. Ей непонятно было, почему онъ, неизмѣнно добрый и великодушный съ пріятелями, всегда готовый помочь въ нуждѣ, разсѣять отчаяніе, относится такъ нехорошо къ незнакомому. Вдругъ она вспомнила печальную исторію, разсказанную Лормономъ за завтракомъ. Что если этотъ молодой человѣкъ покончитъ, какъ тотъ? Что если его обращеніе къ Марешалю—послѣдняя попытка доведеннаго до крайности человѣка!

Она поблѣднѣла и проговорила дрожащимъ голосомъ:

— Милый Жакъ, я прошу тебя принять этого господина.

— Вотъ фантазія!

— Вспомни несчастнаго, умирающаго теперь въ больницѣ!

— Какого несчастнаго?

— О, Боже мой! Ты уже забылъ разсказъ Лормона!

— А! вотъ что.

— Если этотъ господинъ въ такомъ же положеніи?

Марешаль разсмѣялся.

— Ахъ, милая! Ты думаешь, кажется что всѣ дебютанты кончаютъ самоубійствомъ!

— Я не говорю этого.

— Если бы такъ было, перевелись бы всѣ писатели. А въ нихъ, слава Бога, недостатка не замѣчается.

— Все равно, я была бы очень счастлива, если бы ты не отказывалъ ему такъ грубо, не читая рукописи.

— Я поставилъ себѣ за правило не отвѣчать ни на какія просьбы неизвѣстныхъ мнѣ людей.

— Хорошее правило,—сказалъ Лормонъ насмѣшливо.

— Эхъ, милый мой эскулапъ,—воскликнулъ Марешаль,—твоя насмѣшка не совсѣмъ у мѣста!... Если бы ты былъ писателемъ, и къ тебѣ каждый день приставали со всякими просьбами, ты заговорилъ бы другое и поступалъ, какъ всѣ поступаютъ.

— Не знаю!

Марсель сказала:

— Твое правило, можетъ быть, хорошо... Спорить не стану, но прошу тебя отступить отъ него на этотъ разъ.

— Не вижу къ тому никакого основанія.

— Какой ты странный,—прервала его Марсель.—Тебѣ все хочется какихъ-то основаній... Сдѣлай это для меня!...

— Но вѣдь ты его не знаешь, какъ и я. Почему же ты за него просишь?

— Мнѣ жаль его.

— Результатъ разсказовъ Лормона.

— Можетъ быть, но мнѣ было бы жаль отправить молодого человѣка, не поговоривъ съ нимъ.

— Ты значитъ настаиваешь, чтобъ я съ нимъ поговорилъ?

— Непремѣнно... Если онъ талантливъ, и ты дашь ему возможность завоевать славу, составить себѣ репутацію, развѣ тебѣ самому это не доставитъ удовольствія?

— На этотъ счетъ можешь быть покойна, дорогая. Онъ, навѣрно, ничѣмъ не лучше остальныхъ бумагомарателей: таланты на улицѣ не валяются. Да-съ!

— Увидимъ!

— Хорошо! Я приму его, но исключительно, чтобы доставить тебѣ удовольствіе.

— Мерси!

— Твое великодушіе отъ этого ничего не теряетъ,—проворчалъ Лормонъ.

— Я попрошу его придти завтра.

— Какъ, не сейчасъ?—вскричала Марсель.

— Нѣтъ, нѣтъ. Не оставлю же я васъ, ради этого господина.

— Ты забываешь,—сказала Марсель, что онъ, можетъ быть, не богатъ.

— Весьма вѣроятно,—прибавилъ Лормонъ.

— И что у него не всегда могутъ случиться деньги на желѣзнодорожный билетъ.

— Не говоря объ этомъ, можетъ быть, онъ службой зарабатываетъ кусокъ хлѣба и свободенъ только въ праздникъ,—сказалъ Лормонъ.

— Правда,—согласился Марешаль.

Марсель, видя, что мужъ колеблется и готовъ сдаться, поспѣшно прибавила:

— Иди, другъ мой! Только четверть часика, а сколько радости молодому человѣку... Не отсылай его.

— Чортъ знаетъ, что такое!—вскричалъ Марешаль.—Уѣзжаешь изъ Парижа отъ назойливыхъ посѣтителей, а они и здѣсь лѣзутъ къ тебѣ... Право, остается только поселиться на необитаемомъ островѣ!

— Въ самомъ дѣлѣ?—серьезно спросилъ Лормонъ.—А кто будетъ читать твои романы? У дикихъ женщинъ, если тамъ таковыя окажутся, сердца очень нечувствительныя; а кромѣ того, дѣло существенное, онѣ не знаютъ французскаго языка.

Марешаль разсмѣялся.

— Иду, иду.

Марсель поцѣловала мужа.

— Я тебя очень люблю.

— За это?

— Да... Я знаю, что ты добръ, и не люблю, когда прикидываешься злымъ.

— Сейчасъ вернусь,—сказалъ Марешаль, направляясь къ дому.

— Не стѣсняйся, располагай своимъ временемъ,—закричалъ ему вслѣдъ Лормонъ.

— А главное—будь съ нимъ любезенъ,—прибавила Марсель.

Марешаль позвонилъ слугѣ.

— Попросите сюда пріѣзжаго.

Дверь отворилась, и въ комнату вошелъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати пяти-тридцати, высокій, широкоплечій, нѣсколько сутулый, съ полнымъ, широкимъ лицомъ, обрамленнымъ золотисто-бѣлой бородкой клинушкомъ. Болѣе темные волосы на головѣ раздѣлены были боковымъ проборомъ; свѣтло-голубые, умные глаза смѣло смотрѣли сквозь pince-nez, увѣренно сидѣвшій на прямомъ, толстомъ носу.

Онъ остановился на порогѣ и раскланялся.

— Господинъ Жоржъ Далленъ?

— Да, — отвѣтилъ незнакомецъ, нѣсколько взволнованнымъ голосомъ.

— Садитесь, пожалуйста, — сказалъ Марешаль, указывая на стулъ возлѣ письменнаго стола.

Далленъ сѣлъ, положилъ на колѣни свертокъ, который держалъ раньше въ рукахъ, и застылъ на мѣстѣ. Марешаль украдкой разсматривалъ его.

«Не изъ смѣлыхъ», — подумалъ онъ.

— Вы желали меня видѣть? — спросилъ онъ громко.

— Да.

— Чѣмъ могу вамъ служить?

Далленъ поднялъ глаза на Марешаля.

— Позвольте мнѣ прежде всего извиниться. Мой поступокъ могъ показаться вамъ (онъ искалъ слова)... страннымъ.

«Еще бы!» — хотѣлъ отвѣтить Марешаль, но удержался.

— Васъ должно было удивить, — продолжалъ Далленъ, — что совершенно незнакомый человѣкъ осмѣливается явиться къ вамъ безъ какой-либо рекомендаціи или поддержки.

— Совсѣмъ нѣтъ! — сказалъ Марешаль равнодушнымъ тономъ, который не могъ ввести Даллена въ заблужденіе.

— Извините меня, пожалуйста. Мое поведеніе должно казаться вамъ слишкомъ смѣлымъ. Но отчаяніе побудило меня сдѣлать послѣднюю попытку.

— Въ чемъ дѣло?

— Боюсь надоѣсть вамъ, — сказалъ смущенно Жоржъ.

— Ничуть... говорите откровенно, — сказалъ Марешаль, начавшій заинтересовываться незванымъ гостемъ.

— Я новичекъ и бѣденъ.

— Чѣмъ вы занимаетесь?

— Я учитель въ коллежѣ.

— Сколько получаете?

— Девятьсотъ франковъ въ годъ.

— И на эти-то средства вы живете?

— Я зарабатываю еще столько же частными уроками.

— Вы бакалавръ?

— Нѣтъ. Я окончилъ лицей.

— Степень, повидимому, приноситъ вамъ мало доходовъ, — сказалъ Марешаль, улыбаясь.

— Она даетъ мнѣ кусокъ хлѣба, и то хорошо.

— Вы не требовательны.

— Въ высокой степени.

Марешаль снова поглядѣлъ на собесѣдника и подумалъ: «Несомнѣнно, интересный субъектъ».

— Вы занимаетесь литературой?—спросилъ онъ.

— Усиленно.

— Ради удовольствія?

Лицо Даллена поблѣднѣло, глаза зажглись пламеннымъ блескомъ.

— Нѣтъ. Это жизнь моя!—сказалъ онъ съ жаромъ.

— И вы рѣшились отдаться ей всецѣло?

— Душой и тѣломъ!

— Вамъ, конечно, извѣстны трудности, препятствія, иногда почти непреоборимыя...

— Я знаю ихъ, потому что они уже возставали передо мною

— И вы ихъ не боитесь?

— Или они меня сломятъ, или я ихъ!

— Вотъ какъ!—сказалъ Марешаль, пораженный дрожащимъ голосомъ, въ которомъ слышалась воля и несокрушимая энергія.

Онъ прибавилъ:

— Простите нескромность. Въ чемъ источникъ вашей энергіи?

— Въ чемъ?—прервалъ живо Далленъ, но онъ въ смущеніи остановился.

— Мой вопросъ, можетъ быть, оскорбилъ васъ? Тогда извините.

— Ничуть, но... я никогда не лгалъ, не хотѣлъ бы и теперь лгать.

— Васъ никто не заставляетъ.

— Дѣло въ томъ, что если я искренно разскажу, что думаю, вы сочтете меня за фата и фанфарона.

— Ничуть! Никогда не стану я такъ поспѣшно судить о человѣкѣ, котораго вижу въ первый разъ.

— Значитъ, я могу говорить откровенно?

— Прошу васъ.

— Вы спрашиваете, откуда я черпаю энергію, которую вы во мнѣ замѣтили. Вотъ откуда: изъ непоколебимаго убѣжденія, что я чего-нибудь стою; изъ твердой увѣренности, что небольшое количество написаннаго мною не ниже произведеній многихъ знаменитостей.

— Да, вы откровенны... Но вы можете заблуждаться.

— Не думаю.

— Мнѣ интересно было бы знать, какъ пришли вы къ такому заключенію?

— Очень просто, съ помощью сравненія.

— И вы нашли, что ваши произведенія неизмѣримо выше всего написаннаго знаменитостями?!..—сказалъ съ легкою ироніей Марешаль.

— Я этого не говорилъ,—возразилъ глухимъ голосомъ Далленъ, и щеки его покрылись яркимъ румянцемъ.

Марешаль раскаялся въ насмѣшкѣ: «Я дѣлаю подлость»,—подумалъ онъ. Затѣмъ, протягивая руку Даллену, сказалъ:—Извините, я пошутилъ.

— Ничего,—сказалъ Далленъ, едва касаясь протянутой руки.

— Я хотѣлъ сказать,—продолжалъ Марешаль, что трудно, даже почти невозможно быть безпристрастнымъ судьею самого себя.

— А сужденія постороннихъ всегда безпристрастны?

— По большей части!

— Къ сожалѣнію, исторія искусства даетъ намъ безчисленное количество примѣровъ, доказывающихъ обратное!

Возраженіе, сдѣланное съ жаромъ и необычайною живостью, пріятно поразило Марешаля: «Независимый умъ,—сказалъ онъ про себя, нелегко поддающійся установившимся взглядамъ... это личность, или я попался впросакъ».

— Вы, можетъ быть, правы, мой юный другъ!

Эпитетъ вырвался у него почти противъ воли: незнакомецъ, котораго онъ не хотѣлъ принимать, завоевывалъ его симпатіи, и Марешаль былъ доволенъ, что послѣдовалъ совѣту жены.

— Наконецъ, вы согласитесь, можетъ быть, что когда человѣкъ написалъ пьесу, не похожую на тѣ, которыми угощаютъ ежедневно публику, нашелъ оригинальный сюжетъ, нарисовалъ жизненную картину не тѣми красками, какія принято употреблять, вы согласитесь, что онъ имѣетъ право предполагать въ себѣ, если не талантъ, то по меньшей мѣрѣ, простите за выраженіе, не пустую утробу?

— Несомнѣнно... Но оставимъ, если позволите, общія разсужденія и возвратимся къ вамъ... Что вы пишете?

— Драматическія произведенія.

— Убѣжденъ былъ.

— Почему?

— Потому что съ этого начинаютъ всѣ новички. Театръ влечетъ ихъ обстановкой, блескомъ, легкимъ успѣхомъ, опьяняющими апплодисментами.

Далленъ молчалъ.

— Развѣ я не правъ?—спросилъ Марешаль.

— Не отрицаю, что это справедливо по отношенію ко многимъ писателямъ, но...

— Но не къ вамъ?

— Да.

— Вы чувствуете въ себѣ особенное призваніе къ драматическому искусству?

— Болѣе, чѣмъ призваніе—страсть!—отвѣтилъ Далленъ.

И снова глаза его сверкнули поверхъ pince-nez.

— Я не хочу скрывать отъ васъ, насколько избранный вами путь загроможденъ.

— Знаю.

— Но если ужъ неотразимая сила влечетъ васъ къ театру, не мнѣ отвращать васъ.—Вы принесли мнѣ пьесу?

— Да.

— Согласны оставить ее у меня?

— Конечно.

Далленъ всталъ, подалъ Марешалю свой манускриптъ и не садился болѣе.

— Садитесь же.

— Я боюсь злоупотреблять вашею любезностью.

— Ни мало.

— Кромѣ того, сестра моя съ нетерпѣніемъ ждетъ результата моей поѣздки.

— Въ такомъ случаѣ не смѣю васъ удерживать. Можете быть увѣрены, что я прочту вашу пьесу съ полнымъ вниманіемъ и отнесусь къ ней, какъ вы желали, безпристрастно,—прибавилъ онъ, улыбаясь.

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь.

— Какъ только прочту, напишу вамъ и назначу свиданіе. Когда вы свободны?

— Преимущественно по праздникамъ.

— Хорошо, я вамъ напишу.

— Благодарю васъ.

Марешаль продолжалъ:

— Не сомнѣвайтесь... Если бы вы не заинтересовали меня, я не обѣщалъ бы вамъ отвѣтить. Говорю вамъ совершенно искренно, что вы мнѣ симпатичны; и я желалъ бы что-нибудь для васъ сдѣлать.

Далленъ, растерянный, съ нѣсколько затуманенными глазами, протянулъ Марешалю руку.

— Никогда не забуду вашего пріема. Если мнѣ удастся выбраться изъ мрака, то вамъ буду я этимъ обязанъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! вы будете обязаны исключительно своему таланту. Я тутъ не при чемъ,—отвѣтилъ Марешаль, тронутый словами Даллена. Итакъ, до скораго свиданія.

— До скораго и еще разъ благодарю отъ всего сердца.

Когда Марешаль сошелъ въ садъ, Лормонъ сказалъ ему:

— Ты что-то долго заболтался съ незнакомцемъ.

— Онъ меня очень заинтересовалъ,—отвѣтилъ Марешаль.

— Чѣмъ?—спросила Марсель.

— Разговоромъ, конечно! Этотъ человѣкъ намѣтилъ себѣ путь и, несмотря ни на что, твердымъ шагомъ пойдетъ по нему.

— Ты, значитъ, не жалѣешь, что послѣдовалъ совѣту жены?—спросила Марсель.

— Не только не жалѣю, но отъ души благодарю тебя! Если этотъ юноша дѣйствительно чего-нибудь стоитъ и мнѣ удастся его выдвинуть, честь добраго дѣла будетъ принадлежать тебѣ.

— Каковъ онъ? — спросила Марсель.

— О, женщины! — воскликнулъ Лормонъ. — Какъ онѣ любопытны! Имъ прежде всего скажи, красивъ ли онъ, какъ Адонисъ, или безобразенъ, какъ я...

— Вы унижаете себя, другъ мой!

— Онъ говоритъ такъ, чтобъ услыхать комплиментъ,—замѣтилъ Марешаль.

Потомъ, обращаясь къ женѣ:

— Онъ... да вонъ, смотри!

И жестомъ показалъ на Даллена, переходившаго черезъ дорогу. Въ этотъ моментъ молодой человѣкъ оглянулся и, увидя Марешаля, приподнялъ шляпу и раскланялся.

— Красивый малый, — сказалъ Лормонъ.

— А тебѣ нравится? — спросилъ Марешаль жену.

— Да... онъ хорошъ! — отвѣтила Марсель. Затѣмъ прибавила: — Онъ тебѣ оставилъ что-нибудь?

— Драму въ четырехъ дѣйствіяхъ.

— Ты прочтешь ее?

— Сегодня вечеромъ или самое позднее завтра утромъ.

— Ты восхитителенъ!

VII.

Сидя въ вагонѣ на пути къ Парижу и глядя на бѣгущій мимо однообразный пейзажъ предмѣстья, Жоржъ думалъ о только что сдѣланномъ посѣщеніи.

Вчера, только вчера рѣшилъ онъ посѣтить Марешаля, уступая усиленнымъ настояніямъ сестры.

Когда онъ, утомленный бѣготнею по урокамъ, возвратился въ ихъ маленькую квартирку, Бланшъ сказала:

— Итакъ, Жоржъ, ты все еще въ уныніи?

— Какого чорта быть мнѣ веселымъ?

— Надо быть веселымъ пока молодъ, пока есть мечты и надежды.

— Не это даетъ веселіе.

— А особенно, когда есть талантъ и блестящее будущее.

— Еще бы! — отвѣтилъ онъ съ горечью.

— Не хочешь меня слушаться, а между тѣмъ все бы пошло прекрасно.

— Какимъ образомъ?

— Самъ знаешь.

— А! отправиться къ твоему Марешалю?

— Да.

— Онъ не пуститъ меня дальше передней, твой знаменитый Марешаль.

— Никогда!

— Ты изумляешь меня, право! — вскричалъ раздраженно Жоржъ.

— Я убѣждена, что онъ тебя приметъ.

— Вѣдь ты его не знаешь, даже по наружности!

— Правда,—сказала Бланшъ кротко.—Но мнѣ нѣтъ надобности знать его, чтобы быть твердо увѣренной, что онъ человѣкъ сердечный и великодушный.

— Нѣтъ, это ужъ слишкомъ!

— Да, братишка, m-r Марешаль человѣкъ добрый и великодушный, на этомъ я энергично настаиваю.

— Я не утверждаю противнаго... я ничего не утверждаю... И тебѣ лучше всего было бы слѣдовать моему примѣру. Откуда ты знаешь объ его характерѣ, добротѣ или злости, скажи на милость?

— Изъ его книгъ.

— Вѣрное средство узнать человѣка!

— А чѣмъ не вѣрное?

— Душа моя, коварнѣе и лживѣе книгъ нѣтъ ничего на свѣтѣ. Хороши бы мы были, если бы вздумали по пламеннымъ призывамъ любви и справедливости заключать о чувствахъ поэта!

Бланшъ сдѣлала нетерпѣливый жестъ.

— Ты думаешь иначе? Однако это очевидно. Я могу назвать

тебѣ десятки поэтовъ, которые воспѣвали самые возвышенные и чистые предметы, въ жизни же были низкими, скаредными, хищными, развращенными людьми.

— Все это вполнѣ возможно; но что касается m-r Марешаля, даю голову на отсѣченіе, что онъ прекрасный человѣкъ!

— Однако, не дорожишь ты своей головой.

— Наоборотъ, страшно дорожу! Я упорно настаиваю на своемъ, такъ какъ убѣждена, что достаточно прочесть одинъ его романъ, чтобъ узнать, что̀ это за человѣкъ. Въ немъ нельзя ошибиться: невозможно вложить въ книгу столько теплоты и сердечности, когда ими не обладаешь; фантазія имѣетъ свои предѣлы.

— Чего же ты наконецъ хочешь?

— Я тебѣ тысячу разъ говорила.

— Но я не знаю даже, гдѣ онъ живетъ.

— Вотъ такъ забота!—весело вскричала Бланшъ, довольная, что достигла цѣли.—Зато я знаю.

— Какимъ образомъ?

— Очень просто... Такъ какъ я вбила себѣ въ голову...

— Сѣла на своего конька!

— Допустимъ, что сѣла на конька... Итакъ, чтобы знать адресъ m-r Марешаля, я каждый день заглядывала въ *Весь Парижъ* и мѣсяцъ тому назадъ тамъ было объявлено, что m-r Марешаль выѣхалъ на лѣто въ Maisons-Laffitte, собственная дача.

— Maisons-Laffitte, превосходно! Но улица, номеръ дома?

— Дитятко мое, ты хочешь увильнуть, только и всего! Ты прекрасно знаешь, что достаточно назвать имя m-r Марешаля, и всякій укажетъ его домъ.

— Такъ ли это?

— Попробуй. Завтра воскресенье, ты свободенъ...

— У меня нѣтъ денегъ.

— У меня есть... Я давно отложила на эту поѣздку прелестную, блестящую, серебряную монету.

И она вынула изъ ящика письменнаго стола новую пятифранковую монету.

Жоржъ смутился и со слезами на глазахъ поцѣловалъ сестру.

— Не знаю, добръ ли твой Марешаль, но ты несомнѣнно добра,—сказалъ онъ.

— Значитъ, ѣдешь?

— Хорошо!

— Наконецъ-то. Чтобы достигнуть такого результата, надо было спорить, почти ссориться цѣлыми мѣсяцами.

Жоржъ молчалъ.

— Ну, о чемъ еще задумался?—спросила Бланшъ.

— Не знаю, какимъ образомъ я ему представлюсь?

— Пошлешь съ лакеемъ карточку.

— Она ему ничего не скажетъ.

— Правда.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ раздумья Бланшъ рѣшила:

— Вели передать письмо, въ которомъ изложи цѣль своего посѣщенія.

— Это мысль. Я его сейчасъ же напишу.

Взявъ листъ почтовой бумаги, Жакъ набросалъ тѣ самыя строчки, которыя такъ дурно настроили Марешаля. Прочитавъ письмо, Бланшъ замѣтила:

— Сухо, Жоржъ, и даже нѣсколько сурово.

— Тѣмъ лучше. Его дѣло принять меня или нѣтъ. Мнѣ противны банальныя формулы: «соблаговолите», «будьте добры» и т. п.

— Ты могъ бы, однако, смягчить выраженія.

— Нѣтъ, нѣтъ! Будь, что будетъ!

Бланшъ сочла благоразумнымъ не настаивать болѣе, боясь, чтобы онъ не измѣнилъ своего рѣшенія.

— Что ты свезешь ему?—спросила она.

— Драму «Простаки». Она переписана?

— Давнымъ-давно.

— Какъ ты думаешь, понравится она Марешалю?

— Убѣждена!

Онъ улыбнулся.

— Удивительно, какъ ты во всемъ убѣждена, даже въ самомъ невѣроятномъ.

— Увидишь самъ, чтò тебѣ скажетъ m-r Марешаль.

— Успокойся, ничего не выйдетъ.

— А если онъ тебя приметъ?

— Я расцѣлую тебя!

На слѣдующій день Жакъ поднялся рано, тщательнѣе, чѣмъ обыкновенно, одѣлся и поймалъ себя на усиленномъ стараніи провести проборъ прямо.

«Я нѣсколько смахиваю на молодую мѣщаночку, ожидающую посѣщенія претендента, давно и тщетно желаннаго», — подумалъ онъ.

За завтракомъ онъ былъ молчаливъ и едва дотрогивался до кушаній.

— Кушай,—говорила Бланшъ.

— Ѣмъ, ѣмъ,—отвѣчалъ онъ, но тарелка оставалась полной.

Часы пробили часъ.

Жоржъ всталъ.

— Пора.

Надѣвая шляпу, онъ протянулъ сестрѣ руку.

— Желаю успѣха, братишка! Желаю успѣха, дитятко!—съ дрожью въ голосѣ произнесла Бланшъ.—Ты пріѣдешь прямо домой?

— Конечно.

— Не можете ли сказать, гдѣ живетъ m-r Марешаль?

— Вонъ тамъ, на концѣ улицы... двухъэтажный домъ.

Онъ робко позвонилъ.

— Что угодно?—спросилъ лакей, презрительно оглядывая скромный костюмъ посѣтителя.

— Здѣсь живетъ m-r Марешаль?

— Здѣсь.

— Потрудитесь передать письмо...

— Нуженъ отвѣтъ?

— Да.

— Сейчасъ доложу.

И вотъ его провели въ маленькую пріемную, очень скромно меблированную, съ огромными окнами въ садъ. Онъ не рѣшается поднять глазъ. Сердце отчаянно бьется; онъ смущенъ, взволнованъ. «Примутъ или вѣжливо выпроводятъ?» Время тянется безконечно медленно; ему кажется, что онъ уже цѣлую вѣчность сидитъ здѣсь. «Не примутъ», твердитъ онъ. При этой мысли краска стыда и обиды заливаетъ его лицо. Онъ жалѣетъ, что пришелъ, желалъ бы не быть здѣсь... подымается и дѣлаетъ нѣсколько шаговъ по направленію къ двери. Да, уйти, бѣжать отсюда! Ужасное ожиданіе! Еслибъ онъ зналъ раньше! Онъ старается убѣдить себя: «отнести письмо и вернуться надо время. Марешаль, можетъ быть, занятъ!» Ничего не помогаетъ! Жакъ чувствуетъ себя неловко, мучительно неловко! Ахъ, еслибъ можно было вырваться изъ этой гостиной, гдѣ чувствуешь себя какъ въ тюрьмѣ! Но какъ? Наконецъ, его могутъ увидѣть. Что тогда подумаютъ? Примутъ за человѣка съ неблаговидными намѣреніями. Предположенія одни другихъ нелѣпѣе появляются въ возбужденномъ мозгу, бьютъ по натянутымъ нервамъ. Онъ сердится на Бланшъ за совѣтъ ѣхать къ Марешалю, сердится на себя, что поддался сестрѣ.

— Не угодно ли пожаловать?

Онъ вскакиваетъ. Вѣрно ли онъ разслышалъ? Онъ не смѣетъ идти, стоитъ въ нерѣшимости.

— М-r Марешаль просятъ васъ, сударь, пожаловать къ нимъ въ кабинетъ,—повторяетъ лакей.

Нѣтъ, онъ не ошибся! Его принимаютъ. Онъ чувствуетъ приливъ радости; но мысль, что черезъ минуту онъ предстанетъ передъ великимъ писателемъ, человѣкомъ, который можетъ рѣшить его участь, снова смущаетъ его; дрожь, которой онъ не можетъ преодолѣть, пробѣгаетъ по всѣмъ членамъ и по безкровнымъ губамъ.

Какой вѣжливый, холодный пріемъ, леденящій кровь и парализующій рѣчь. Но вотъ Марешаль становится привѣтливѣе... Жоржъ переживаетъ въ умѣ всѣ перипетіи своего визита, возстановляетъ въ памяти тяжелыя минуты ожиданія и успокоительное впечатлѣніе отъѣзда.

Какая привѣтливая улыбка сіяла на лицѣ Марешаля. Сколько доброты звучало въ его голосѣ!

— Сенъ-Лазаръ,—прокричалъ кондукторъ.

Жоржъ вышелъ изъ вагона и направился въ Амстердамскую улицу.

Онъ шелъ медленно и все время думалъ о Марешалѣ. Онъ вспомнилъ его фразу: «Говорю вамъ совершенно искренно, что вы мнѣ симпатичны, и я желалъ бы что-нибудь для васъ сдѣлать».

О, Марешаль говорилъ искренно, совершенно искренно! И почему бы ему не быть искреннимъ? Развѣ онъ зналъ Жака и имѣлъ основанія щадить его? Конечно, нѣтъ... Нѣтъ, нѣтъ, съ его стороны было бы дурно сомнѣваться въ добрыхъ намѣреніяхъ Марешаля. Значитъ...

Жоржъ посмотрѣлъ на часы: было около шести.

— Я-то разгуливаю, а бѣдная Бланшъ меня дожидается. Однако я порядочный эгоистъ!

Онъ ускорилъ шаги.

— Ну?

— Принялъ.

— Правда?

— Видишь, со мной нѣтъ рукописи.

Бланшъ бросилась брату на шею.

— Какъ я рада, какъ я рада!

Затѣмъ прибавила:

— Кто былъ правъ? Только подумать, что я изо-дня въ день

приставала къ тебѣ: «Иди къ m-r Марешалю, иди къ m-r Марешалю!...» Скажи по совѣсти, я тебѣ порядкомъ надоѣдала?

— Надо сознаться.

— Теперь, когда все кончено, я не сержусь на тебя. Но, по правдѣ сказать, ты ужасно злилъ меня.

— Злилъ? Чѣмъ это?

— Какъ чѣмъ? Еще спрашиваешь! Я думала: чортъ возьми, мальчикъ ломаетъ себѣ голову, чтобы выйти изъ тяжелаго положенія; измышляетъ проекты одинъ другого нелѣпѣе, одинъ другого страннѣе... Потому что, милый Жоржъ, ты долженъ извинить меня, но твои проекты были порядкомъ нелѣпы!

— Очень вѣроятно.

— Онъ волнуется, отчаивается, нервничаетъ, думала я, худѣетъ и блѣднѣетъ, какъ аскетъ...

— Ну, для аскета я слишкомъ толстъ,—возразилъ Жоржъ.

— Между тѣмъ передъ нимъ прямая дорога, вѣрное средство.

— Ты преувеличиваешь!

— Прошу господина Жоржа Далленъ помолчать и выслушать почтительно и благоговѣйно сестру,—сказала Бланшъ серьезнымъ тономъ.

— Честь имѣю слушаться, сударыня. Продолжайте!

— Да-съ, милостивый государь,—продолжала Бланшъ, смѣясь,—вы должны помолчать! Это единственное, что вамъ теперь разрѣшено! Вспомни свои дерзкіе отвѣты, сомнѣнія, безконечныя колебанія: «Нѣтъ, я не пойду къ твоему Марешалю! Онъ не лучше другихъ. Онъ хорошъ только въ книгахъ!» Что, милостивый государь, вы этого не забыли?

— Пощадите, сударыня!

— Кто изъ насъ двоихъ былъ правъ? Ты или я?

— Очевидно, ты.

— Не говорила ли я тебѣ, что Марешаль тебя приметъ?

— Говорила.

— И онъ тебя принялъ?

— Нѣтъ.

— Какъ, нѣтъ?

— Чортъ возьми, что-жъ тебѣ еще отвѣчать? Я сказалъ тебѣ, разъ навсегда, что онъ меня принялъ.

— Ага, сердишься! А я смѣюсь надъ тобой. Торжествую, торжествую!—кричала она, кружась по комнатѣ.

— Ты съ ума сходишь, право!—сказалъ Жоржъ.

— Ну, и прекрасно. Схожу съ ума отъ радости и счастія! Теперь проси у меня прощенія.

— Въ чемъ?

— Не противорѣчь. О, непокорный братъ! Проси прощенья въ томъ, что не послушалъ меня раньше.

— Согласенъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Не такъ. Повторяй за мной: «Сударыня, сестрица, уважаемая и любимая, вашъ братъ, извѣстный упрямецъ, униженно проситъ у васъ прощенія въ томъ, что не слѣдовалъ вашимъ совѣтамъ, исходившимъ отъ лица умнаго и разсудительнаго».

Жоржъ слово за слово повторилъ рѣчь сестры.

— Превосходно!—вскричала Бланшъ.—Кающійся, грѣхи твои прощены!

— Уфъ!

— Теперь обѣдать и ты разскажешь мнѣ свой визитъ въ мельчайшихъ подробностяхъ.

— Во всѣхъ?

— Непремѣнно. Пощады не будетъ. Надѣюсь, это-то я заслужила?

— Несомнѣнно!

Столъ былъ накрытъ. Бланшъ принесла супъ и, наливъ тарелку брату, сказала:

— Я вся слухъ.

— Охъ, нѣтъ, Бланшъ, дай поѣсть... я голоденъ какъ волкъ!

— Посмотрите, пожалуйста, на этого гнуснаго эгоиста, на этого до отвращенія практическаго человѣка. У него ѣда на первомъ планѣ.

— Я разсказалъ тебѣ главное. А затѣмъ осмѣливаюсь почтительно напомнить... (надѣюсь, ты отдашь справедливость моему стилю).

— Положимъ.

— Итакъ, осмѣливаюсь почтительно напомнить, что я очень плохо завтракалъ, сдѣлалъ изрядный конецъ и что моимъ нервамъ досталась чертовская трепка; все это истощаетъ желудокъ. Вотъ три причины, достаточно объясняющія мой голодъ.

— Ты правъ. Кушай, дитятко, кушай... Я подожду.

— А ты?

— Я? Да я, кажется, ужъ поѣла...

— Обманываешь! Ѣшь со мной, или я ни до чего не дотронусь.

— Хорошо.

И усѣвшись другъ противъ друга, они принялись съ аппети-

томъ поглощать дорогія, лакомыя блюда, которыя были приготовлены Бланшъ спеціально ради торжественнаго дня.

Молодые люди представляли прелестную картину: одинъ свѣтлый блондинъ, съ широкимъ лицомъ, дышащимъ молодостію и счастіемъ, другая—брюнетка, съ овальнымъ лицомъ, тонкими, хотя и неправильными чертами, на которыхъ жизнь оставила неизгладимые слѣды, съ большими глубокими глазами, грустно глядящими изъ-за длинныхъ рѣсницъ.

Когда подали кофе, Бланшъ сказала:

— Ну-съ, начинай разсказывать... Во-первыхъ, каковъ онъ!

— Видный мужчина.

— Молодъ?

— Не совсѣмъ, волосы почти сѣдые.

— Это ничего не доказываетъ: можно быть сѣдымъ въ двадцать лѣтъ.

— Но Марешалю не двадцать.

— Почемъ ты знаешь?

— Дорогая моя, его первая книга вышла до войны: сосчитай.

— Разсказывай о визитѣ.

Жоржъ разсказалъ сестрѣ, какъ былъ принятъ Марешалемъ, передалъ весь разговоръ и обѣщаніе писателя внимательно прочесть его драму и назначить свиданіе.

Бланшъ слушала съ серьезнымъ, но счастливымъ лицомъ, прерывая брата по временамъ восклицаніями:

— Видишь! Я была увѣрена!

— Вотъ и все,—сказалъ Жоржъ.

— Ты ничего не пропустилъ?

— Ничего.

— Навѣрно?

— Навѣрно!

— Онъ не сказалъ, когда напишетъ?

— Онъ не назначилъ дня, но я надѣюсь, что отвѣтъ не замедлитъ... Черезъ недѣлю или двѣ...

— Нѣтъ, раньше!

— Сомнѣваюсь.

— Будь увѣренъ!

— Ты забываешь, Бланшъ, что у Марешаля не одно дѣло.

— Ты рѣшительно неисправимъ! У тебя всегда находятся доводы противъ меня.

— Я считаю свои доводы основательными.

— Ошибаешься, ошибаешься! Вѣдь, онъ сказалъ, что ты ему симпатиченъ?

— Что-жъ изъ этого?

— Ну-съ, такъ какъ ты ему симпатиченъ, онъ поспѣшитъ узнать, что ты написалъ, и зная, что ты съ нетерпѣніемъ ждешь его рѣшенія, на время отложитъ другія дѣла и поскорѣе отвѣтитъ.

— Вотъ и прекрасно.

— До сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, предчувствія меня не обманывали. Увидишь, что и на этотъ разъ я восторжествую.

— И будешь увѣнчана лаврами!... А пока я иду спать.

— Еще нѣтъ десяти.

— Усталъ, нынѣшній день меня порядкомъ измучилъ.

— Хорошо. Когда тебя завтра будить?

— Оставь меня поспать: у меня нѣтъ утромъ уроковъ.

Онъ всталъ и зажегъ свѣчу.

— Покойной ночи, сестричка.

— Покойной ночи, дитятко!

Жоржъ вошелъ въ свою комнату и, не раздѣваясь, бросился на постель. Усталость была предлогомъ, чтобы остаться одному и мечтать. У него были шансы выдти изъ мрака: и какъ?—съ блескомъ, посредствомъ пьесы!

Не нынче - завтра Жоржъ Далленъ, до сихъ поръ затертый въ сѣрой толпѣ, станетъ знаменитостью! Его имя не будетъ пустымъ звукомъ! Онъ пріобрѣтетъ славу, богатство... Что—тогда?

Прежде всего броситъ коллежъ и всѣ уроки, примется аккуратно работать, расширитъ свое литературное образованіе...

Можно будетъ читать все вновь появляющееся. О, какое счастье, какое счастье!

А Бланшъ?

Онъ вспомнилъ ея простую, печальную исторію.

Семнадцати лѣтъ она влюбилась въ молодого актера, дебютировавшаго въ Одеонѣ. Даллены были честные буржуа, боготворившіе дочь; но предубѣжденіе противъ всего, что имѣло отношеніе къ искусству, взяло верхъ надъ любовью къ собственному ребенку. Когда Бланшъ посвятила ихъ въ свою тайну, они категорически заявили, что никогда не допустятъ въ свою «честную семью» ея возлюбленнаго и не дадутъ своего согласія на бракъ. Ни слезы, ни мольбы молодой дѣвушки не сломили ихъ упрямства. Тогда Бланшъ, боготворившая своего Поля, приняла послѣднее рѣшеніе: бѣжала изъ дому. Убитые горемъ родители, боясь скандала, не рѣшились ее разыскивать. Прошелъ годъ.

Однажды, когда семья садилась за столъ, унылая и безмолвная, какъ всегда со времени отъѣзда «малютки», въ прихожей позвонили. Жоржъ пошелъ отпереть. Передъ нимъ стояла Бланшъ. Она была блѣдна до прозрачности, что особенно оттѣнялось черными волосами.

Не говоря ни слова, она почти безъ чувствъ упала на руки матери и, всхлипывая, разсказала, что произошло въ теченіе этого года, такъ весело начавшагося. Поль былъ отъ нея безъ ума; она жила счастливо, надѣясь, что родители примирятся съ положеніемъ дѣлъ.

Однажды въ холодный, сырой вечеръ Поль отправился въ театръ. Онъ возвратился со спектакля раньше обыкновеннаго, жалуясь на недомоганіе. Наутро онъ не могъ подняться съ постели. Острое воспаленіе легкихъ въ три дня унесло молодого человѣка.

Два года спустя Бланшъ и Жоржъ осиротѣли. Сначала умерла мать; старикъ, неутѣшный послѣ смерти жены, вскорѣ послѣдовалъ за ней. Жоржу было шестнадцать, Бланшъ — девятнадцать. Съ наслѣдствомъ было нетрудно разобраться. Всѣ сбереженія состояли изъ нѣсколькихъ стофранковыхъ билетовъ. Бланшъ продала бо̀льшую часть мебели, оставивъ самое необходимое, сколотила маленькій капиталецъ и принялась искать уроковъ музыки. Уроки дали ей возможность прокормить себя и брата. Съ этихъ поръ она посвятила жизнь ему, обожаемому брату. Всѣ мечты перенеслись на него, и когда Жоржъ полушутя, полусерьезно говорилъ ей:

— Бланшъ, ты думаешь только обо мнѣ.

— О комъ же мнѣ думать, — отвѣчала она.

— О себѣ, чортъ возьми! Ты молода, красива, можешь выйти замужъ.

— Никогда!

— А если полюбишь?

— Я никого не любила, кромѣ Поля: это — моя первая и послѣдняя любовь.

— Какъ можно говорить такъ въ молодые годы?!

— Я не молода... А главное — не въ этомъ дѣло.

— Въ чемъ же?

— Въ томъ, что есть женщины, которыя могутъ любить два-три раза съ одинаковою страстью, зато есть и такія, которыя любятъ разъ въ жизни... Я принадлежу къ числу послѣднихъ.

Когда Жоржъ написалъ первое серьезное произведеніе, юношескіе грѣхи въ счетъ не шли, Бланшъ предсказала ему блестящую

будущность, и, несмотря на всѣ неудачи, хранила непоколебимую увѣренность.

Жоржъ, перебирая въ умѣ свое прошлое, такъ тѣсно и неразрывно связанное съ Бланшъ, чувствовалъ, какъ росла его привязанность къ нѣжной, самоотверженной сестрѣ. Онъ не остановится ни передъ какой жертвой, чтобы сдѣлать ее счастливой. Съ грустью думалъ онъ, что Бланшъ не хочетъ выходить замужъ. «А какою прекрасною женой могла бы она быть!»—думалъ онъ.

И по ассоціаціи идей при словѣ «жена» передъ нимъ всталъ образъ той, которую онъ видѣлъ около Марешаля. Она была очень молода и очень красива. Возможно ли, что это его жена? Ее можно скорѣе принять за дочь. Онъ вспомнилъ, что два-три года тому назадъ читалъ въ газетахъ объявленіе о свадьбѣ Марешаля. «Какъ могла она выйти почти за старика? Неужто изъ разсчета? Газетныя хроники утверждали противное; но хроникерамъ не всегда можно вѣрить. Во всякомъ случаѣ, она не должна быть счастлива».

Онъ оборвалъ себя замѣчаніемъ: «Я уже начинаю интересоваться женщиной, которая едва мелькнула передо мной, и вмѣшиваться въ дѣла, которыя меня совсѣмъ не касаются».

Онъ раздѣлся, легъ въ постель и немедленно заснулъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ДУЭЛЬ.

(Повѣсть).

I.

Александръ Ивановичъ Петрунинъ, подпоручикъ **—скаго пѣхотнаго полка вернулся въ свою маленькую комнатку, которую нанималъ отъ жильцовъ, послѣ только что окончившагося засѣданія офицерскаго суда чести, на которомъ обсуждался его проступокъ. Итакъ, дуэль. Въ его ушахъ еще раздавался монотонно-торжественный голосъ предсѣдателя, подполковника Долгушина, который находилъ въ происшедшемъ между подпоручиками Петрунинымъ и Фогелемъ нарушеніе основныхъ традицій офицерской чести и чести мундира. Онъ требовалъ, согласно закона, назначенія между ними поединка, какъ единственнаго средства возстановить нарушенное и дать возможность одному или обоимъ виновникамъ остаться въ полку. Въ случаѣ отказа отъ дуэли они должны будутъ выйти изъ полка.

— Дуэль, тѣмъ лучше!—подумалъ снова Петрунинъ, сбрасывая съ себя мундиръ и надѣвая принесенную денщикомъ тужурку.—Онъ никому не позволитъ назвать себя подлецомъ. Право, еслибъ этотъ несчастный случай произошелъ не при свидѣтеляхъ и не пришлось бы поэтому просить о назначеніи офицерскаго суда для разрѣшенія дуэли, онъ самъ бы вызвалъ его, самъ просилъ бы о назначеніи суда. Фогель не мерзавецъ, но тѣмъ хуже для него, если онъ не понялъ шутки и нанесъ ему оскорбленіе при всѣхъ. Онъ всегда говорилъ, что Фогель глупъ. Посмотримъ, какъ онъ будетъ держать себя тамъ, у барьера, черезъ два дня... Сегодня на судѣ онъ повернулся къ нему спиною... Положительно Фогель самъ виноватъ, и не его вина, если этотъ дуракъ будетъ убитъ... А если я?—родился невольный вопросъ.

— Все равно, не выходить же мнѣ изъ полка по милости этого Фогеля... Вотъ еще! Честь дороже жизни!

Петрунинъ выслалъ денщика и нервно прошелся нѣсколько разъ по своей комнаткѣ. За стѣной слышалось однообразное тиканье хозяйскихъ часовъ, стучала швейная машинка; съ улицы черезъ двойныя рамы доносился глухой шумъ колесъ. Все жило своею обычной, спокойно-суетливою жизнью, и только на сердцѣ Петрунина не было спокойно, хотя онъ и храбрился, поддерживая въ себѣ раздраженіе на Фогеля и искусственную возбужденность. На самомъ дѣлѣ онъ съ того памятнаго вечера, когда взволнованный и покраснѣвшій Фогель, въ упоръ взглянувшій на него изъ-подъ очковъ своими близорукими глазами, назвалъ его подлецомъ при восьми офицерахъ въ столовой собранія, съ того самаго вечера у него не пропадала надежда, что дуэль какъ-нибудь не состоится, хотя онъ и понималъ, что эта надежда безплодна. Онъ старался заглушить ее, но она снова воскресала, и онъ боялся сознаться, что именно этой-то надеждѣ и обязанъ тѣмъ, что не заболѣлъ, не уѣхалъ куда-нибудь, что вообще прожилъ эти четыре долгіе дня до суда и остался физически здоровымъ.

Петрунинъ не былъ трусомъ; онъ способенъ былъ, пожалуй, даже бравировать своею храбростью, и въ характерѣ его была черта нахальства и желанія ѣдко подсмѣяться надъ другимъ, но эта, именно эта дуэль вызывала въ немъ совсѣмъ иныя чувства. Будь еще на мѣстѣ Фогеля другой офицеръ, можетъ быть, и не шевелилось бы въ немъ это чувство, пока онъ не увидѣлъ бы трупа или крови, и осязательно не понялъ бы всю противочеловѣчность своего поступка. Но этотъ Фогель... Онъ глупъ, и поэтому онъ позволилъ себѣ по отношенію къ нему, Фогелю, довольно дерзкую насмѣшку... Но онъ прожилъ вмѣстѣ съ Фогелемъ десять долгихъ лѣтъ школьной жизни и два года офицерской... Его всегда какъ будто удивленное лицо съ близорукими глазами знакомо ему, какъ лицо родного человѣка. Помнитъ онъ и прогулки съ нимъ по длиннымъ коридорамъ училища въ свободное отъ уроковъ время, съ безконечными разговорами о скорой новой жизни, жизни офицеромъ.

Фогель былъ всегда наивенъ, всегда былъ идеалистомъ и мечтателемъ, а у него уже въ то время проявлялась его насмѣшливость. Онъ и тогда позволялъ себѣ насмѣшки надъ Фогелемъ, даже самъ прозвалъ его «птицей», переведя его нѣмецкую фамилію, и смѣялся вмѣстѣ съ другими надъ «птицей», потому что это прозвище дѣйствительно шло къ Фогелю. Но всѣ тѣ насмѣшки носили дружественный характеръ и не могли мѣшать ихъ отношеніямъ.

Они уже вышли въ одинъ полкъ и поселились на одной квартирѣ, гдѣ и прожили вмѣстѣ до того рокового дня, четверо сутокъ тому назадъ.

И вдругъ дуэль. Онъ снова увидитъ передъ собою удивленное лицо «птицы» съ очками на близорукихъ глазахъ, увидитъ мишенью своего пистолета... Еще вчера Петрунинъ подумалъ объ этомъ съ ужасомъ, но сегодня, послѣ суда, гдѣ пришлось объяснять происшедшее и объяснять, невольно оправдывая себя, онъ опять почувствовалъ къ Фогелю такую же вражду, такой же хищный гнѣвъ, какъ въ ту несчастную минуту.

На этой квартирѣ онъ всего четыре дня. Переѣхалъ онъ сейчасъ же послѣ исторіи съ Фогелемъ. Тотъ остался на старой квартирѣ. Петрунину казалось, что и денщикъ его, хохолъ Филиппенко, недоволенъ внутренно за этотъ переѣздъ. Ему пришлось разстаться съ денщикомъ Фогеля, своимъ землякомъ.

— Жили, кажется, хорошо, дружно,—чудится Петрунину въ его угрюмыхъ глазахъ, которыми онъ старается не смотрѣть на барина,—и вдругъ все врозь, оттого, что господа поссорились. Эхъ, нехорошо это.

— А если бы онъ все зналъ?—подумалъ вдругъ Петрунинъ,—что бы онъ сказалъ тогда? И вдругъ его заинтересовало, что̀ можетъ подумать простой солдатъ, денщикъ, объ его дуэли съ Фогелемъ?

Онъ хотѣлъ было уже позвать Филиппенка, но раздумалъ и махнулъ рукою.

— Зачѣмъ? Не все ли равно? Все равно завтра, послѣзавтра самъ узнаетъ, въ ротѣ или въ собраніи скажутъ. А тамъ...

Петрунинъ сдѣлалъ рѣзкій поворотъ и присѣлъ къ своему небольшому письменному столику.

— Этакъ съ ума сойдешь,—подумалъ онъ, стискивая руками горячую голову. Надо думать о другомъ. Какіе, напримѣръ, пистолеты лучше? Кухенрейтера, или старые кавалерійскіе? И не лучше ли взять револьверы Смита и Вессона? Я хорошо стрѣляю изъ револьвера, а Фогель... Опять! — раздраженно подумалъ онъ, но взглядъ его упалъ въ это время на большой кабинетный портретъ, который стоялъ на столѣ рядомъ съ чернильницею. На немъ были сняты онъ съ «птицею» нѣсколько дней спустя послѣ производства въ офицеры. Онъ въ кителѣ, опирающійся на шашку. Въ его позѣ замѣтна нѣкоторая рисовка. «Птица» для чего-то въ кавказской мохнатой буркѣ, но лицо все то же наивно-удивленное.

Петрунинъ схватилъ карточку и бросилъ ее въ ящикъ стола.

— Какъ это я не замѣтилъ ее въ эти четыре дня?—подумалъ онъ,—все какъ нарочно!

А мысль продолжала работать въ томъ же направленіи, напрягая память, вызывая все такъ недавно прошедшее. Вспоминаются Петрунину родители Фогеля, къ которымъ тотъ возилъ его послѣ выпуска. Фогель былъ младшій сынъ. Его мать добрая, сморщенная старушка въ чепцѣ, рыдающая отъ счастья, видя своего Васю въ офицерскомъ мундирѣ, его сѣденькій отецъ, обрусѣвшій нѣмецъ докторъ, подсмѣивающійся надъ женою, а самъ, потихоньку смахивающій слезинки и горячо пожимающій руки сыну. Тогда его ошеломило это проявленіе радости, это счастье родительской и сыновней любви. Петрунинъ рано остался сиротою и не помнилъ ни отца, ни матери. Семья дяди, куда онъ попалъ послѣ смерти родителей, и гдѣ прожилъ до поступленія въ корпусъ, мало баловала его родственными чувствами. Онъ выросъ безъ любви, и это не мало способствовало развитію въ немъ насмѣшливости и ожесточенія сердца, отъ природы добраго.

— Радъ видѣть тебя офицеромъ,—сказалъ ему дядя.—Смотри, не дѣлай долговъ!

И это все.

Онъ шутливо говорилъ тогда Фогелю, что папенька съ маменькою готовы, кажется, запеленать его, и носить на рукахъ, но даже себѣ не хотѣлъ сознаться, что завидуетъ ему. Потомъ они уѣхали вмѣстѣ съ Фогелемъ въ городъ, гдѣ стоялъ ихъ полкъ, и зажили вмѣстѣ; и онъ, Петрунинъ, получалъ всегда поклоны отъ стариковъ Фогель въ еженедѣльныхъ письмахъ.

— Что-то скажутъ они, когда узнаютъ про дуэль?—подумалъ онъ, отрываясь отъ нити своихъ воспоминаній. Но сейчасъ же снова задумался.

Однажды «птица» явился домой особенно сіяющимъ.

— Я люблю,—сказалъ онъ,—послушай, что это за прелесть!

«Птица» по натурѣ своей не могъ скрывать ничего, что волновало его такъ или иначе.

— Любишь? — насмѣшливо спросилъ его Петрунинъ:—вотъ какъ!... Кто же она, царица твоего сердца?

— Нѣтъ, это дѣйствительно замѣчательная дѣвушка,—взволнованно заговорилъ Фогель, не замѣтивъ тона насмѣшки, сквозившей въ словахъ товарища. Если бы ты видѣлъ, какъ она ухаживаетъ за своими сестренками и братишками.

— Бонны никогда не были въ моемъ вкусѣ. Еще бонны француженки туда сюда,—продолжалъ Петрунинъ.

Но «птица» былъ совершенно неспособенъ замѣчать язвительности товарища и радостно повѣствовалъ:

— Простенькая... Не то что наши кисейныя барышни... И добрая вѣрно. А глаза совсѣмъ дѣтскіе, большіе-пребольшіе и, знаешь, свѣтится въ нихъ что-то такое. Душа глядитъ. Здоровается совсѣмъ по мужски... Нѣтъ, я тебѣ ужъ все скажу: помнишь, ты спрашивалъ какъ-то, гдѣ я пропадаю по вечерамъ? Такъ это я къ нимъ ходилъ, къ Ельшовымъ; это ея фамилія. Отецъ учитель здѣшней гимназіи, и тоже очень славный. Онъ историкъ. Познакомился я съ ними и съ ней осенью, когда искалъ, куда помѣстить на квартиру двоюроднаго брата моего, гимназиста.

Фогель проговорилъ все это залпомъ, въ упоръ глядя на Петрунина счастливыми близорукими глазами. Также въ упоръ смотрѣлъ онъ и потомъ, послѣ того... случая; только глаза его были серьезные, удивленные и злые.

Петрунинъ непріятно поморщился, но продолжалъ вспоминать, точно анализируя себя, желая прійти до рѣшенія развязки.

— Да ты предложеніе сдѣлалъ, что ли?—спросилъ онъ, наконецъ.

— Предложеніе?—удивился «птица»;—нѣтъ, предложенія я не дѣлалъ. Развѣ это можно такъ скоро? Я еще не знаю, что бы она отвѣтила мнѣ на предложеніе... Мнѣ пока хорошо и такъ.

— Ходитъ «птичка» весело по тропинкѣ бѣдствій!—пропѣлъ Петрунинъ.

— Ну, да, бѣдствій! Какія тамъ бѣдствія? Здѣсь братъ, счастье, а не бѣдствіе! Да знаешь, что: хочешь, я сведу тебя къ Ельшовымъ, хоть завтра? Ты самъ увидишь ее, и я увѣренъ, что она тебѣ понравится. А о тебѣ тамъ всѣ знаютъ и очень будутъ рады!

— Значитъ, ты успѣлъ уже наговорить про меня!—сказалъ Петрунинъ, чувствуя, однако, что его самолюбіе задѣто въ пріятную сторону.

На другой день онъ ее дѣйствительно увидѣлъ. Она была невысокая блондинка, съ слегка курносымъ носикомъ и тяжелою косою. Глаза у ней были огромные, синіе, полузакрытые длинными рѣсницами. Но что особенно поразило въ ней Петрунина, это какое-то неуловимое сходство въ физіономіяхъ ея съ Фогелемъ. У нихъ было что-то общее.

— Ольга Семеновна, вотъ товарищъ мой, Александръ Ивановичъ Петрунинъ, о которомъ вы слышали отъ меня!—весело представилъ его ей Фогель.

— Здравствуйте!—серьезно сказала она, протягивая ему руку.

— Какіе у нея длинные пальцы,—подумалъ онъ,—она навѣрное хорошо играетъ.

— Я много слышала о васъ отъ Василія Павловича,—сказала она,—вѣдь это вы прозвали его въ училищѣ «птицей?»

— А онъ успѣлъ уже вамъ пожаловаться?—улыбнулся Петрунинъ.

Но она возразила серьезно:

— Онъ не жаловался, да, я думаю, онъ и не сталъ бы жаловаться... Вѣдь это шутка.

Но Петрунину невольно показалось, что ей непріятно, что онъ прозвалъ такъ Фогеля. Это вызвало въ немъ легкое раздраженіе на Фогеля и заставило его цѣлый вечеръ ловить того на словахъ и стрѣлять въ него насмѣшками, хотя и въ дружеской формѣ... Познакомился тогда Петрунинъ и съ Семеномъ Поліевктовичемъ и Маріей Александровной Ельшовыми, родителями Ольги Семеновны, которые произвели на него впечатлѣніе тихихъ и довольныхъ мѣщанъ, ушедшихъ въ спокойное наслажденіе своимъ маленькимъ счастьемъ.

Его просили бывать. Онъ благодарилъ.

— Странный вы! — сказала ему на прощанье Ольга Семеновна. — Вы какъ-то... не свой.

— То-есть какъ это не свой? — удивился Петрунинъ.

— Такъ, просто... Точно вы напускаете на себя всю эту твердость и язвительность... Вѣдь на самомъ дѣлѣ вы добрый. Гораздо добрѣе, чѣмъ вы сами думаете.

— Даже добрѣе Фогеля?—усмѣхнулся Петрунинъ.—«Птица» прославился въ училищѣ своей добротой. Онъ отдавалъ свои булки одному служителю, у котораго была куча дѣтей, а самъ ѣлъ черный хлѣбъ. Имя этого служителя было Илья. Мы смѣялись въ училищѣ по этому поводу и называли «птицу» тѣмъ библейскимъ ворономъ, который носилъ пищу пророку Иліи...

— Ахъ, перестань, пожалуйста! — смущенно и вмѣстѣ съ тѣмъ раздраженно сказалъ Фогель. — Кажется, это не къ мѣсту.

— Тутъ ничего нѣтъ смѣшного,— серьезно вымолвила она.— Послѣ этого я только больше буду уважать Василія Павловича.

«Сдѣлайте одолженіе! — язвительно подумалъ Петрунинъ.— Развѣ я запрещаю?...»

Однако по дорогѣ домой маленькое разногласіе это было забыто Фогелемъ, и онъ началъ приставать къ Петрунину высказать свое мнѣніе объ Ольгѣ Семеновнѣ.

— Какое же мнѣніе тебѣ нужно?—жестко спросилъ его Петру-

нинъ. — Ты хочешь, можетъ-быть, чтобъ я разобралъ ее по статьямъ, какъ лошадь или корову, или оцѣнилъ ея умъ и нравственныя качества, которыхъ я не знаю?... Изволь: она курноса.

Но Фогель уже впалъ въ свою обычную апатію, изъ которой его трудно было вывести даже насмѣшками.

— Я зналъ, то-есть я понялъ теперь, — сказалъ онъ, — что ты никогда не оцѣнишь Ольги Семеновны. Напрасно я водилъ тебя туда!

— Я и самъ сожалѣю объ этомъ! — жестко отвѣтилъ ему Петрунинъ, хотя чувствовалъ и думалъ совсѣмъ другое. Наоборотъ, онъ съ удовольствіемъ провелъ вечеръ у Ельшовыхъ, а Ольга Семеновна даже понравилась ему. Понравилась своей дѣтски-солидной серьезностью, своей наружностью, понравилась простотою. «Я такихъ еще не видалъ, — думалъ онъ о ней. — Взять хоть бы моихъ двоюродныхъ сестеръ. «Словечка въ простотѣ не скажутъ, все съ ужимкой!» Она должна была понравиться Фогелю...»

На этой мысли онъ остановился.

Пріятели разстались въ этотъ вечеръ холодно, разойдясь каждый въ свою комнату, и нѣсколько дней между ними были натянутыя отношенія.

Потомъ все это сгладилось. Петрунинъ даже самъ напросился разъ къ Ельшовымъ, къ которымъ собирался Фогель. Такъ прошла зима. Петрунинъ сблизился съ Ельшовыми, бывалъ у нихъ иногда даже одинъ, когда Фогель находился въ караулѣ или былъ дежурнымъ по полку, сдѣлался своимъ человѣкомъ. Перестала стѣсняться съ нимъ и Ольга Семеновна, которая стала относиться къ нему дружественно. Про любовь Фогеля къ ней онъ зналъ; ему не нужно было быть слишкомъ тонкимъ наблюдателемъ, чтобъ опредѣлить ея чувство. Она тоже любила Фогеля. Онъ одинъ постороннимъ наблюдателемъ присутствовалъ на этой зарѣ просыпающагося чувства и, — странное дѣло, — въ немъ начинала шевелиться глухая зависть къ Фогелю, хотя онъ и сознавалъ, что не любитъ Ольги Семеновны, а она только ему нравится. И вотъ въ немъ опять мало-по-малу пробуждалась его страсть насмѣхаться, уснувшая было подъ вліяніемъ тѣхъ спокойныхъ отношеній, которыя господствовали въ семьѣ Ельшовыхъ.

Между нимъ и Ольгою Семеновною произошло даже разъ объясненіе по поводу его нападеній на Фогеля, и успокоителемъ въ этомъ непріятномъ случаѣ явился самъ Фогель.

Послѣ того онъ нѣсколько недѣль не ходилъ къ Ельшовымъ и, когда его спросилъ объ этомъ Фогель, онъ сознался, что не хочетъ идти, потому что у него непріятный характеръ.

— Ну, вотъ пустяки! — успокоилъ его добродушный «птица». — Тамъ всѣ спрашиваютъ о тебѣ!

— И она спрашиваетъ? — усмѣхнулся Петрунинъ.

— И она.

Тогда онъ пошелъ.

Прошло лѣто, настала опять зима, а въ отношеніяхъ Фогеля къ Ольгѣ Семеновнѣ не было никакой перемѣны. Петрунина начинала даже злить такая медленность, что онъ неоднократно высказывалъ своему пріятелю.

— Я устраиваю реверсъ, — отвѣтилъ ему разъ Фогель. — Не могу же я дѣлать предложеніе, когда у меня не обезпеченъ реверсъ. У ней ничего нѣтъ.

— А вдругъ она тебѣ откажетъ? — насмѣшливо спросилъ Петрунинъ.—Или ты уже дѣлалъ ей предложеніе? Впрочемъ, реверсъ можетъ пригодиться для другого случая...

— Она не откажетъ,—убѣжденно отвѣтилъ Фогель.—Я знаю это, хотя и не дѣлалъ еще предложенія.

— Удивительные вы люди! — со злостью пожалъ плечами Петрунинъ. — Я бы высохъ отъ такой любви.

— Всякому свое! — спокойно отвѣтилъ Фогель.

А Петрунинъ ушелъ взбѣшенный, чувствуя, что положительно не можетъ хладнокровно смотрѣть на Фогеля и разговаривать съ нимъ.

Однажды они оба обѣдали въ собраніи. За длиннымъ столомъ сидѣло еще нѣсколько человѣкъ офицеровъ. Разговоръ шелъ о предполагавшихся зимнихъ маневрахъ.

Петрунинъ выпилъ двѣ рюмки коньяку. Вино ударило ему въ голову,—онъ никогда почти не пилъ.

— Пойдемъ поиграемъ на билліардѣ?—предложилъ онъ Фогелю.

— Ты знаешь, что я терпѣть не могу этой игры, — возразилъ Фогель.

— Но почему же? Сыграемъ только одну партію. Я дамъ тебѣ двадцать очковъ впередъ.

— Я сказалъ, что не буду,—заупрямился Фогель.—Я нахожу глупымъ бить палками по столу цѣлые часы...

— А я нахожу глупымъ по цѣлымъ годамъ вздыхать въ лицо дѣвчонкѣ и не осмѣливаться пикнуть ей слова!—несдержанно воскликнулъ взбѣшенный Петрунинъ.

Обѣдавшіе офицеры обернулись въ ихъ сторону.

Фогель поднялся весь блѣдный, въ упоръ смотря на Петрунина близорукими глазами.

Что то ужасное произошло въ эту минуту, чего нельзя вспомнить или заставить испытать вновь.

— Вы подлецъ! — рѣзко и отчетливо проговорилъ Фогель.— Я васъ презираю!

Онъ бросился на Фогеля, но его схватили, удержали... А Фогель стоялъ блѣдный, но спокойный, скрестивъ на груди руки. Положительно онъ велъ себя по-мужски и благородно, а онъ, Петрунинъ, волновался какъ мальчишка.

И вотъ дуэль.

Петрунинъ снова всталъ и заходилъ по комнатѣ. У него начинало колоть въ виски,—признакъ усиливающагося нервнаго разстройства. Вдругъ онъ почувствовалъ, что онъ не можетъ быть одинъ, что его давитъ одиночество, какъ осужденнаго на казнь преступника. А развѣ онъ самъ не осужденъ? Хуже, чѣмъ на казнь, онъ долженъ быть одновременно и преступникомъ, и палачомъ, жертвой и убійцей,—убійцей невиннаго человѣка. Однако, онъ на судѣ не сознналъ своей вины и во всемъ винилъ Фогеля, а теперь его собственная вина ясна ему, какъ день Божій. И вотъ Петрунину страстно захотѣлось скорѣе прочь изъ этой душной комнаты, въ которой такъ мало воздуху, къ живымъ, здоровымъ и не осужденнымъ людямъ, слиться съ ними, отдохнуть душевно, забыться на время отъ ужаснаго кроваваго кошмара, который медленно наползалъ на него, неотвратимый и неизбѣжный.

— Филиппенко,—крикнулъ онъ,—шинель!

Мрачная фигура денщика съ шинелью и шапкой быстро явилась на зовъ.

— Я поздно вернусь, — сказалъ ему Петрунинъ. — Если кто-нибудь будетъ спрашивать, пусть оставитъ записку.

— Слушаю, ваше благородіе! — мрачно отвѣтилъ денщикъ.

Петрунинъ по черной лѣстницѣ вышелъ на улицу и въ дверяхъ встрѣтилъ денщика Фогеля, Пинчука. Онъ непріятно поморщился.

— Ты чего тутъ шляешься?--строго спросилъ онъ.—«А чѣмъ онъ виноватъ?»—мелькнула мысль.

— Здравія желаю, ваше благородіе!—весело осклабился Пинчукъ. Онъ всегда былъ веселъ, въ противоположность мрачному Филиппенку.—Такъ что къ Филиппенку, ваше благородіе. Баринъ ушедши, сказали, что поздно вернутся, такъ я сюда. Тамъ кухарка сосѣдняя доглядитъ квартиру,—успокоительно прибавилъ онъ, привыкнувъ считать и Петрунина хозяиномъ.

— А куда ушелъ подпоручикъ? — спросилъ Петрунинъ, хотя отлично зналъ, гдѣ можетъ быть теперь Фогель.

— У господъ Ельшовыхъ!—бойко отвѣтилъ Пинчукъ.—А позавчера барышня у насъ съ папашей ихнимъ были, потому что баринъ записку имъ со мной посылали.

— Что же баринъ... — началъ было Петрунинъ, но вдругъ круто повернулся и пошелъ по тротуару, оставивъ открывшаго ротъ, удивленнаго Пинчука.

II.

Петрунинъ безцѣльно пошелъ по тротуару, чувствуя, что ему надо физически устать и освѣжиться, чтобы разсѣяться и облегчить свое душевное состояніе. Морозный воздухъ, въ которомъ слышалось уже легкое вѣяніе весны, подѣйствовалъ на него ободряюще. Онъ прошелъ двѣ или три улицы, съ удовольствіемъ смотря на магазины, на снующихъ пѣшеходовъ, прислушиваясь къ гулу толпы, хлопанью дверями магазиновъ, звонкамъ конки, окрикамъ кучеровъ. Его точно охватывала уличная жизнь и суетня, дѣйствуя на него успокоительно, заставляя забыться и забыть.

Онъ даже остановился на нѣкоторое время сперва у огромной витрины туалетнаго магазина, въ которой на зеркальныхъ полкахъ была наставлена масса ни на что не нужныхъ вещей, вродѣ куколъ, статуэтокъ, коробочекъ, флаконовъ. Какъ-то онъ смѣялся, говоря Фогелю, у этой же самой витрины, что современную публику прельщаютъ и обманываютъ ими, какъ австралійскихъ или африканскихъ дикарей разноцвѣтными стеклышками и бусами. Потомъ онъ простоялъ долго у окна художественнаго магазина, зашелъ въ ресторанъ, гдѣ выпилъ рюмку водки и спросилъ себѣ позавтракать.

Вино подѣйствовало на него успокоивающе, и онъ вышелъ снова на улицу въ значительной степени бодрѣе, чѣмъ былъ, когда вышелъ изъ дому.

«Не зайти ли мнѣ къ Михаилу Дмитріевичу?—подумалъ онъ, и тутъ же рѣшилъ утвердительно:—Зайду».

Михаилъ Дмитріевичъ Столынскій былъ ротный командиръ Петрунина. Старый служака, начавшій службу юнкеромъ и черезъ двадцать пять лѣтъ дотянувшій до капитанскаго чина, Михаилъ Дмитріевичъ отличался слабостью къ своимъ субалтернъ-офицерамъ. Онъ всячески старался оправдать передъ грознымъ начальствомъ, батальоннымъ или командиромъ полка, ихъ проступки, вродѣ неаккуратнаго посѣщенія занятій въ ротѣ, самовольнаго отсутствія съ дежурства и тому подобнаго. Молодежь стремилась къ нему въ роту и любила его. Петрунинъ зналъ, что Михаилъ Дмитріевичъ искренно огорченъ его дуэлью, и рѣшилъ зайти къ нему.

Онъ пошелъ пѣшкомъ, хотя Михаилъ Дмитріевичъ жилъ далеко, ближе къ концу города. Ему хотѣлось сильно устать; онъ чувствовалъ, что это для него безусловно необходимо; все это время его мучила безсонница по ночамъ.

Когда онъ проходилъ мимо питейнаго заведенія, надъ дверями котораго была привѣшена огромная красная вывѣска съ фонаремъ, его чуть не сбили съ ногъ выскочившіе оттуда два пьяные, всклоченные мастеровые. Онъ брезгливо посторонился, а мастеровые принялись кататься по улицѣ, крича и колотя одинъ другого. Лицо одного изъ нихъ было окровавлено.

— Ты ругаться, ругаться, негодная тварь!—сопѣлъ одинъ изъ нихъ, болѣе сильный, и повалилъ наконецъ своего противника, немилосердно колотя его по лицу, по которому и такъ текла кровь.

Къ нимъ, подавая тревожные свистки, со всѣхъ ногъ бѣжалъ полицейскій.

— Поединокъ,—брезгливо подумалъ Петрунинъ;—а вотъ вѣдь имъ запрещаютъ драться!...—и вдругъ онъ вспомнилъ о своей дуэли.

Противное сходство между обоими этими случаями его поразило.

— Я, кажется, даже выпилъ передъ этимъ,—морща лобъ подумалъ онъ.—Какая однако мерзость съ моей стороны!

И вдругъ онъ остановился пораженный.

— Не произнесъ ли я самъ себѣ осужденія?—подумалъ онъ,— не долженъ ли я пойти сейчасъ же къ Фогелю, извиниться передъ нимъ, а потомъ поѣхать къ командиру полка и отказаться отъ дуэли?—и внутренній голосъ говорилъ ему, что онъ долженъ это сдѣлать.—Что же, я выйду изъ полка,—продолжалъ думать онъ, трогаясь съ мѣста.—Экая важность! Военная служба будетъ для меня, положимъ, закрыта, но развѣ я не могу поступить куда-нибудь на службу, или, наконецъ, выдержать экзаменъ въ любое спеціальное училище... Мнѣ двадцать пять лѣтъ, родныхъ близкихъ я не имѣю. А у Фогеля отецъ, мать, Ольга Семеновна...— подсказалъ все тотъ же внутренній голосъ.

Но вдругъ Петрунину представилось строгое лицо командира полка и его сухой начальническій голосъ:

— Мнѣ очень жаль, поручикъ Петрунинъ, но я вынужденъ, согласно опредѣленія офицерскаго суда, представить васъ къ увольненію въ запасъ арміи!

А потомъ сожалительно-насмѣшливыя лица товарищей офицеровъ, которыя будутъ выражать одно—трусъ!

— Можетъ быть, отвернутся даже, руки никто не подастъ,— подумалъ Петрунинъ,—сознаніе мое въ винѣ назовутъ подлостью, маскированіемъ трусости благородствомъ. Фу, какъ гадко!

Но онъ уже чувствовалъ, что никогда не поѣдетъ ни къ Фогелю, ни къ полковому командиру, а предпочтетъ выйти съ оружіемъ въ рукѣ противъ человѣка, котораго называлъ когда-то другомъ, котораго оскорбилъ первый, предпочтетъ выйти, самъ возмущаясь внутренно своею слабостью.

Онъ попытался было увѣрить себя, что виноватъ Фогель, а онъ невинная жертва, которая не по своей волѣ должна подчиниться неотвратимымъ обстоятельствамъ, но изъ этого ничего не вышло.

Петрунинъ вспомнилъ, какъ на судѣ онъ искренно негодовалъ на Фогеля и обвинялъ его. Кто знаетъ, не почувствуетъ ли онъ и на «полѣ чести» опять такого же негодованія и не пошлетъ ли пулю въ грудь бывшаго друга, вполнѣ увѣренный въ справедливости своего дѣйствія?

Мало ли что можетъ произойти съ нимъ въ минуту дуэли? Мало ли что можетъ заставить совершить его внезапно вспыхнувшее чувство личной безопасности?

— Нѣтъ, не думать, не думать!—съ отчаяніемъ прошепталъ онъ, ускоряя шаги, точно торопясь убѣжать отъ неотвязчивыхъ мыслей.

Кто-то задержалъ его за руку. Петрунинъ остановился и поднялъ изумленно голову, увидѣвъ улыбающагося Семена Поліевктовича.

Если бъ ему сказали, что онъ встрѣтитъ Ельшова, онъ не повѣрилъ бы этому. И вдругъ онъ стоитъ передъ нимъ и улыбается. Петрунинъ не могъ произнести ни слова.

— Куда это вы?—спросилъ Семенъ Поліевктовичъ, пожимая ему руку.—Не къ намъ ли? У насъ обѣдаетъ сегодня Василій Павловичъ.

— Не знаетъ, скрыли!—подумалъ Петрунинъ, почувствовавъ радость при этой мысли.—Лучше пусть узнаетъ послѣ, а не теперь.

— Смотрю, перегоняетъ офицеръ,—продолжалъ тѣмъ же тономъ Семенъ Поліевктовичъ,—а это вы... Задумались... Что же, пойдемте вмѣстѣ къ намъ, я изъ гимназіи тащусь.

Петрунинъ смутился.

— Нѣтъ, я не могу сегодня, Семенъ Поліевктовичъ,—какъ-нибудь послѣ, въ другой разъ...

— Въ другой разъ своимъ чередомъ можно будетъ, а теперь

пойдемте!—не унимался Ельшовъ.—Какъ разъ кстати будетъ. Сегодня вечеромъ у меня кое-кто соберется; молодежь, студенты, гимназисты... Идемте-ка, право...

Если бъ онъ зналъ, какъ былъ противенъ онъ въ эту минуту Петрунину!

— Сказать, что ли, ему все?—подумалъ тотъ, болѣзненно морща лобъ.

— Я не могу идти къ вамъ, Семенъ Поліевктовичъ!—сказалъ онъ, наконецъ.—Совсѣмъ не могу больше бывать.

— Но почему, почему?—растерялся тотъ отъ неожиданности.

— Узнаете послѣ, я не могу вамъ пока разсказывать... Простите и прощайте, Семенъ Поліевктовичъ!

И притронувшись къ козырьку фуражки, онъ быстро сталъ переходить улицу, оставивъ почтеннаго педагога въ страшномъ смущеніи.

— Еще этого не доставало!—думалъ въ это время Петрунинъ.—Теперь встрѣтить бы Ольгу Семеновну да Фогеля... Впрочемъ, они теперь обѣдаютъ, или собираются обѣдать и ожидаютъ почтеннаго папашу. Воображаю, какъ они будутъ удивлены, когда онъ разскажетъ имъ о нашей встрѣчѣ.

Онъ взялъ извозчика и поѣхалъ къ Михаилу Дмитріевичу.

Михаилъ Дмитріевичъ Столынскій жилъ почти на окраинѣ города, въ двухъэтажномъ деревянномъ домикѣ, въ которомъ занималъ верхъ.

— Тише здѣсь жить,—говорилъ онъ знакомымъ,—въ городѣ живу постоянно, а вотъ не могу привыкнуть къ шуму... А у насъ переулокъ-то не мощеный.

Михаилъ Дмитріевичъ тщательно скрывалъ, что живетъ тамъ собственно изъ экономіи. Онъ былъ женатъ и имѣлъ четверыхъ дѣтей.

Уже смеркалось и въ окнахъ домовъ зажигались огни, когда Петрунинъ подъѣхалъ къ домику Михаила Дмитріевича и расплатился съ извозчикомъ.

— Господа дома?—спросилъ онъ денщика, распахнувшаго передъ нимъ дверь.

— Дома, ваше бл-діе, пожалуйте!—весело осклабился тотъ, узнавъ Петрунина, и принялся стаскивать съ него пальто.—Чай пьютъ, только-что откушали!

Петрунинъ вошелъ въ столовую, гдѣ за небольшимъ круглымъ столомъ сидѣло семейство Столынскихъ и братъ жены Столынскаго, Николай Петровичъ Грабовъ. Съ нимъ Петрунинъ былъ знакомъ

недавно, но фамилію его зналъ давно, встрѣчая во многихъ газетахъ и журналахъ. Грабовъ былъ недурной беллетристъ и сотрудничалъ во многихъ изданіяхъ.

Петрунина встрѣтили веселыми возгласами, но отъ глазъ его не скрылось нѣкоторое смущеніе хозяйки и растерянная улыбка самого Михаила Дмитріевича. Одинъ Грабовъ остался спокойнымъ.

Петрунинъ не догадался, а скорѣе почувствовалъ,—что сейчасъ только говорили о немъ, и приходъ его вышелъ въ данную минуту совсѣмъ некстати. Почему иначе такъ пристально и любопытно разглядывалъ бы его Грабовъ, съ легкой усмѣшкой на выразительномъ чахоточномъ лицѣ.

Грабовъ былъ раздражителенъ, какъ и всѣ чахоточные, и Петрунинъ остерегался съ нимъ спорить, и вообще неохотно разговаривалъ, но теперь сказалъ:

— Николай Петровичъ смотритъ на меня—точно я выходецъ съ того свѣта.

— А почему же мнѣ не смотрѣть на васъ? — сейчасъ же огрызнулся Грабовъ.

— Ну, ну, Коля!—поспѣшила успокоить своего раздражительнаго братца Анна Петровна.

Петрунина усадили. Анна Петровна налила ему чаю.

— Ну-съ, дорогой Александръ Ивановичъ, такъ какъ же?—нерѣшительно и неопредѣленно спросилъ его Столынскій, едва успѣвшій овладѣть собою.

— Что «такъ какъ же», Михаилъ Дмитріевичъ?—не понялъ тотъ.

— Ну, то-есть, какъ себя чувствуете, и все такое...

Напрасно я пришелъ,—мелькнуло въ головѣ Петрунина;—я только смутилъ ихъ. Вѣдь я теперь, пока, все равно, что отверженный, да еще, пожалуй, меня же и виноватымъ считаютъ.

Но онъ самъ теперь чувствовалъ, что виноватъ онъ.

— Я прекрасно себя чувствую,—сказалъ онъ сухо.

— Сегодня судъ у васъ былъ?—вздохнула Анна Петровна.—Это такъ ужасно... Я бы умерла на вашемъ мѣстѣ.

— Я тебѣ, Анюта, ничего больше не буду говорить!—покраснѣлъ Михаилъ Дмитріевичъ.—Ну, развѣ можно?

— Миша, тутъ же все свои!—воскликнула Анна Петровна.—Я бы уничтожила эти дуэли!

Петрунинъ молча пожалъ плечами. Теперь онъ не сомнѣвался, что говорили о немъ.

— Я не во-время пришелъ,—сказалъ онъ, усмѣхнувшись,—вѣдь вы говорили обо мнѣ, не правда ли?

— О васъ,—сказалъ Грабовъ, пристально взглянувъ на него.—Вы что-нибудь противъ этого имѣете?

— Имѣю,—сказалъ Петрунинъ жестко.—Вы, какъ штатскій, не могли слышать о дуэли, пока она не совершилась!

— Это уже я виноватъ,—покраснѣлъ Михаилъ Дмитріевичъ,—сказалъ женѣ, а она разболтала. Вы ужъ извините, Александръ Ивановичъ! Кромѣ того Коля далъ слово, что будетъ молчать, пока дуэль не совершится.

— Далъ и сожалѣю,—сказалъ Грабовъ.—Такіе случаи было бы лучше оглашать, пока они еще не совершились, чтобы предупредить, пока еще не поздно, вооружить общественное мнѣніе. Вѣдь вы, молодой человѣкъ, не только офицеръ, вы членъ общества, а общественное мнѣніе противъ дуэли, слышите ли вы?

— Я, Михаилъ Дмитріевичъ, не въ претензіи на васъ,—отвѣтилъ Петрунинъ,—что же касается Николая Петровича, то я съ нимъ совершенно не согласенъ. Я не допускаю общество мѣшаться въ мои дѣла, какъ офицера.

— Какъ это не допускать?—вскипѣлъ Грабовъ.—Что это за военный сепаратизмъ. Вы не каста, ваши интересы связаны съ интересами всего общества. Право сильнаго, право кулака давно уже прошло, а вѣдь именно этому времени обязаны своимъ происхожденіемъ дуэли. Надо быть слѣпцомъ, чтобы не видѣть, какое это зло. Благодаря ему, благодаря этимъ ложнымъ взглядамъ, мы лишились двухъ нашихъ великихъ поэтовъ. Вѣдь не увѣрите же вы меня, что дуэли добро?

И онъ уставился на Петрунина, точно тотъ собирается его увѣрять въ этомъ.

— Коля, Коля!—проговорила Анна Петровна.

Михаилъ Дмитріевичъ, весь красный, собралъ нѣсколько хлѣбныхъ крошекъ и каталъ изъ нихъ двумя пальцами шарикъ, весь углубившись въ это занятіе.

— Кто же вамъ сказалъ, что я считаю дуэли добромъ?—тихо спросилъ Петрунинъ.—Онѣ зло, но зло необходимое, какъ и война необходимое зло. Всѣ кричатъ о мирѣ, и всѣ воюютъ. Всѣ говорятъ противъ дуэлей, и всѣ принимаютъ вызовы,—конечно, я не считаю рѣдкихъ исключеній... Я увѣренъ, что если бы васъ оскорбили, вы бы сами вызвали или приняли вызовъ.

— Я? Да сохрани меня Богъ!—воскликнулъ Грабовъ.—Пусть десять тысячъ герольдовъ съ барабаннымъ боемъ объявили бы на площадяхъ всей Россійской имперіи, что я трусъ, мнѣ рѣшительно

все равно. Вѣдь я не собираюсь въ полководцы освобождать Кастилію и уважаю судъ, дѣло котораго разбирать оскорбленія.

— Ловлю васъ на словѣ,—произнесъ Петрунинъ,—вы не собираетесь въ Кастилію, но я офицеръ и, можетъ быть, когда-нибудь пойду осаждать... Что же касается суда, представьте себѣ двухъ офицеровъ, рѣшающихъ свой споръ объ оскорбленіи у мирового въ обществѣ кухарокъ и дворниковъ.

— Зачѣмъ же у мирового? Вѣдь у васъ есть свой судъ чести. Наконецъ, можно обращаться къ третейскому суду!—волновался Грабовъ.

— А ваше право, общества, мѣшаться въ дѣла офицеровъ?—насмѣшливо сказалъ Петрунинъ.

— Нѣтъ, это ты, Коля, не того,—вмѣшался, наконецъ, и Михаилъ Дмитріевичъ, бросившій свой шарикъ,—вѣдь дуэли разрѣшены намъ по суду только для того... для поднятія въ арміи духа, что ли...

— Я не вѣрю этому,—рѣзко сказалъ Грабовъ.—Ты, Миша, лучше не спорь со мною. А вамъ, Александръ Ивановичъ, скажу, что общество и не мѣшалось бы тогда въ ваши дѣла, еслибъ они стояли правильно...

Онъ замолчалъ, нервно разглаживая свои усы.

Анна Петровна встала, чтобы отвести въ дѣтскую дѣтей, на самомъ же дѣлѣ она просто чувствовала себя неловко и спасалась бѣгствомъ.

— Вѣдь вотъ... вы позволите мнѣ говорить съ вами вполнѣ откровенно?—спросилъ Грабовъ Петрунина, помолчавъ.

— Говорите,—отвѣтилъ тотъ, машинально взглянувъ на дверь, въ которую вышла Анна Петровна.

— Вѣдь вотъ,—продолжалъ Грабовъ,—вы собираетесь выходить на дуэль съ товарищемъ, съ другомъ даже, съ которымъ вмѣстѣ выросли, учились. Вы подвергаете опасности и свою, и его жизнь, а изъ-за чего, смѣю васъ спросить? Какое вы или кто другой имѣетъ на это право? Да и ваша-то собственная жизнь, строго говоря, не вамъ принадлежитъ... Что вы сдѣлали до сихъ поръ? Вѣдь ничего? А вы должны будете что-нибудь сдѣлать, иначе я не понимаю жизни. Вѣдь вы не дождевой червякъ, да и у того есть своя цѣль. А у васъ что? Наконецъ, зачѣмъ вы причиняете горе и своимъ роднымъ, и роднымъ вашего товарища?

— У меня нѣтъ родныхъ,—глухо отвѣтилъ Петрунинъ.—Слушайте, Николай Петровичъ, оставимъ, пожалуйста, этотъ разговоръ. Мнѣ и безъ того невесело.

Послѣдняя фраза какъ-то невольно, сама собою, вырвалась у него.

— Да, братъ, замолчи, пожалуйста!—сказалъ и Михаилъ Дмитріевичъ.

Но Грабовъ не обратилъ на эти слова никакого вниманія.

— Вамъ невесело, а знаете почему,—воскликнулъ онъ возбужденно,—потому, что вы сами сознаете свою неправоту, я хотѣлъ сказать вообще неправоту этого дѣла передъ нравственными человѣческими законами. Отступленіе отъ этихъ законовъ человѣку болѣе или менѣе нравственному и чуткому всегда тяжело. Александръ Ивановичъ, дорогой, да плюньте вы на всѣ эти традиціи, откажитесь отъ дуэли... Вы вѣдь сами внутренно противъ нея... Откажитесь!...

— Не могу,—глухо отвѣтилъ Петрунинъ.

Грабовъ опять обозлился. Губы его искривились отъ болѣзненной усмѣшки.

— Не можете, потому что жидки на расправу,—прошипѣлъ онъ.—Ложное самолюбіе и всѣ эти «традиціи» заѣли. А вотъ невиннаго человѣка убить самому или его заставить васъ убить, это вы можете!...

— Господинъ Грабовъ!—блѣднѣя, воскликнулъ Петрунинъ.

Михаилъ Дмитріевичъ вскочилъ съ своего мѣста и принялся успокоивать обоихъ.

Грабовъ большими глотками пилъ остывшій чай.

Петрунинъ поднялся.

— Я ухожу, Михаилъ Дмитріевичъ,—сказалъ онъ.—До свиданія!

Михаилъ Дмитріевичъ растерялся, но потомъ крѣпко пожалъ руку Петрунина и проводилъ его въ переднюю. Грабовъ остался одинъ въ столовой.

— Александръ Ивановичъ, голубчикъ, — умоляюще сказалъ Петрунину въ передней Михаилъ Дмитріевичъ,—вы не сердитесь, дорогой... Человѣкъ онъ болѣзненный, а любви въ немъ къ людямъ много... вѣдь онъ три четверти своего заработка на бѣдныхъ тратитъ...

— Я не сержусь, Михаилъ Дмитріевичъ,—отвѣтилъ Петрунинъ,—только скажите ему, чтобъ онъ молчалъ пока, не болталъ.

— Будьте покойны, будьте покойны, а я завтра самъ забѣгу къ вамъ. Вѣдь вы дома будете?

— Вѣроятно,—сказалъ Петрунинъ.—Ну, до свиданія Михаилъ Дмитріевичъ.

Онъ вышелъ на улицу.

«А вѣдь не просилъ остаться! — мелькнула вдругъ у него мысль.—Значитъ, я теперь вездѣ лишній, непріятный... Точно отъ прокаженнаго всѣ сторонятся. Даже Михаилъ Дмитріевичъ, добрѣйшій Михаилъ Дмитріевичъ и тотъ какъ-то ежится!...»

Уйти къ себѣ, запереться въ своей норѣ, не показываться никому!

Онъ медленно пошелъ по тротуару, по бокамъ котораго мерцали рѣдкіе керосиновые фонари, какъ вдругъ услыхалъ за собою поспѣшные шаги и чье-то прерывистое дыханіе.

Онъ обернулся и увидѣлъ Грабова. Тотъ его догонялъ.

— Александръ Ивановичъ,—проговорилъ онъ запыхавшимся голосомъ, дружески беря его подъ руку,—простите меня, я погорячился немного, но такой ужъ у меня проклятый характеръ.

Кашель прервалъ его слова.

— Я ничего не имѣю противъ васъ, Николай Петровичъ!

— Благодарю... Александръ Ивановичъ,—началъ Грабовъ мягкимъ, задушевнымъ голосомъ, Петрунинъ никогда не слышалъ, чтобы Грабовъ говорилъ такъ,—я вотъ только что сказалъ, что внутренно вы противъ дуэли. Скажите мнѣ теперь откровенно, какъ другу, правда ли это? Я почти вдвое старше васъ и, повѣрьте, искренно расположенъ къ вамъ.

Петрунинъ молчалъ. Оба они шли по пустынному тротуару рука объ руку, какъ старинные пріятели.

— Правда,—сказалъ, наконецъ, Петрунинъ тихо,—но что же я могу сдѣлать?

— Не что вы можете, а что вы должны сдѣлать, голубчикъ, Александръ Ивановичъ! — мягко воскликнулъ Грабовъ, — именно, что должны... А должны вы завтра утромъ поѣхать къ командиру полка, или къ кому тамъ слѣдуетъ, и заявить свой отказъ отъ дуэли. Вотъ и все!

— Но знаете ли вы чему я тогда подвергнусь?

— Знаю, все знаю... Но стыдъ этотъ будетъ ложнымъ. Какое вамъ дѣло до мнѣнія другихъ, если ваше собственное *я* будетъ спокойно! А мѣсто вамъ сейчасъ же будетъ. Я въ хорошихъ отношеніяхъ съ редакторомъ-издателемъ здѣшней газеты, а онъ вліятеленъ въ чиновничьемъ мірѣ, вамъ сейчасъ же дадутъ мѣсто...

— Николай Петровичъ, — проговорилъ Петрунинъ, — когда я шелъ къ Столынскимъ, я думалъ о томъ же, что вы мнѣ сейчасъ сказали.

— И что же?

— Не могу!

Это «не могу» вырвалось у него какимъ-то стономъ.

— Это послѣднее ваше слово?—спросилъ Грабовъ.

— Послѣднее и рѣшительное...

Грабовъ остановился и опустилъ руку.

— Такъ знайте же, Александръ Ивановичъ,—грустно сказалъ онъ,—что эта дуэль будетъ гнуснѣйшей изъ всѣхъ видовъ дуэли... Здѣсь, въ вашемъ случаѣ, нѣтъ даже ослѣпленія и бѣшенства, которыя, какъ состояніе аффекта, могутъ еще съ одной стороны извинить дуэль. Вы выходите по принужденію, сами внутренно протестуя... Это казнь, это убійство... Римскіе гладіаторы вы, что ли? Впрочемъ, мнѣ кажется почему-то, что вы еще одумаетесь... Прощайте!

Онъ крѣпко пожалъ ему руку и пошелъ назадъ. Скоро его высокая фигура скрылась въ ночномъ сумракѣ.

А Петрунинъ отрицательно покачалъ головою ему вслѣдъ.

III.

На другой день Петрунинъ проснулся поздно и тупымъ взглядомъ осмотрѣлся кругомъ. На столѣ стоялъ давно остывшій самоваръ, принесенный Филиппенкомъ, и лежалъ свѣжій номеръ газеты. За стѣною также какъ и вчера раздавалось тиканье хозяйскихъ часовъ и сквозь окна доносился уличный гулъ.

Вчера онъ почему-то попалъ въ концѣ-концовъ въ театръ, гдѣ просидѣлъ всю пьесу, не замѣчая актеровъ, не зная, что они играютъ, безучастнымъ выраженіемъ лица привлекая къ себѣ вниманіе сосѣдей.

Онъ чувствовалъ себя какимъ-то соннымъ, разбитымъ, но спокойнымъ. Точно этотъ крѣпкій сонъ, которымъ онъ проспалъ всю ночь, усыпилъ всѣ его волненія вчерашняго дня.

Онъ медленно сталъ припоминать все, что случилось съ нимъ вчера. Вспомнилъ про судъ, про Столынскихъ, про Грабова, про театръ.

«А хорошій этотъ Грабовъ,—думалъ онъ,—какъ жаль, что мнѣ такъ поздно пришлось его узнать...»

И онъ вздрогнулъ.

— Поздно! Да вѣдь это завтра! Завтра въ восемь часовъ! Сегодня къ нему должны заѣхать секунданты. Ему остается всего часовъ двадцать, девятнадцать свободы, считая ночь. Нельзя терять времени!

Онъ быстро сталъ одѣваться, приказавъ явившемуся Филиппенку подогрѣть самоваръ.

— Барышня къ вамъ какая-то приходила!—угрюмо доложилъ ему Филиппенко, подавая подогрѣтый самоваръ.

— Какая барышня?—удивился Петрунинъ.—Когда?

— Какъ вы спали, ваше благородіе.

— Что же ты не спросилъ, кто она?

— Спрашивалъ, такъ они сказали, что вы сами изволите узнать...

И Филиппенко угрюмо отвернулся въ уголъ.

— Они сказали, что придутъ черезъ часъ,—продолжалъ онъ,—должно, скоро будутъ.

«Кто бы это могла быть?—удивленно думалъ Петрунинъ. Женщины къ нему не ходили.—Неужели же это Ольга Семеновна?»

Онъ поблѣднѣлъ при этой мысли.

«Нѣтъ, не можетъ быть, чтобъ это была она. Фогель не скажетъ ей самъ, развѣ его заставили... Конечно, заставили. Вѣдь онъ писалъ ей,—вспомнилъ онъ слова Пинчука.—А потомъ эта его встрѣча съ Семеномъ Поліевктовичемъ. Значитъ, это приходила она. А цѣль ея посѣщенія ясна».

«Нужно уйти и какъ можно скорѣе,—подумалъ онъ, начиная волноваться,—и сказать Филиппенку, что меня не будетъ дома до глубокой ночи. Это самое лучшее. Я не вынесу встрѣчи съ нею».

— Филиппенко!—позвалъ онъ, чтобъ отдать это приказаніе.

Но въ эту минуту дверь изъ прихожей открылась, въ ней показалась голова Филиппенка, онъ пропускалъ впередъ женскую фигуру, лицо которой было густо закрыто бѣлой вуалью.

Фигура рѣшительно вошла къ нему въ комнату и приподняла вуаль.

— Ольга Семеновна!—проговорилъ пораженный Петрунинъ, поднимаясь со стула.

Онъ весь похолодѣлъ.

— Да, это я!—проговорила она грустнымъ голосомъ,—вы не ожидали меня увидѣть? Тѣмъ лучше. Я нарочно выбрала раннее время и не сказала своей фамиліи вашему денщику, чтобы вы не могли помѣшать мнѣ придти къ вамъ, или уйти самимъ. Я думаю, что вы не захотѣли бы теперь встрѣтиться со мною. Я все знаю.

— Вы все знаете?—машинально произнесъ онъ.

— Да. Василій Павловичъ скрывалъ сначала отъ меня вашъ... ваши дѣла, поправилась она, но я сразу замѣтила, что онъ въ большомъ волненіи; онъ даже былъ боленъ. Онъ мнѣ сказалъ сна-

чала, что вы просто поссорились. Но вчера вы встрѣтились съ папой, и я окончательно догадалась, что между вами не простая ссора. Я заставила Василія Павловича сказать все... И не стыдно вамъ, Александръ Ивановичъ!

Голосъ ея оборвался на этой фразѣ, и подбородокъ дрогнулъ, какъ у дѣтей, собирающихся плакать. Но она сейчасъ же оправилась. Только ея большіе, синіе, печальные глаза грустно смотрѣли на Петрунина, и на рѣсницахъ повисли двѣ слезинки.

Петрунинъ молчалъ, опустивъ голову.

Она продолжала.

— Я не сержусь, что вы назвали меня дѣвчонкой; пусть я буду дѣвчонка, но зачѣмъ же эта... эта дуэль? Вѣдь всѣ скажутъ, что она изъ-за меня. А я сама готова умереть, лишь бы ея не было.

— Ольга Семеновна,—хрипло выговорилъ онъ.

Но она не дала ему говорить.

— Вѣдь онъ вашъ другъ былъ,—взволнованно проговорила она;—вы сами это мнѣ высказывали. Вы знаете, что у него отецъ и мать, знаете, что... что...

Она не могла докончить, но онъ понялъ, что̀ она хотѣла сказать. Она любила Фогеля.

— Ольга Семеновна,—сказалъ онъ,—вы мучаете и себя, и меня... Я догадался, что это вы приходили, и хотѣлъ убѣжать, но не успѣлъ. Зачѣмъ было намъ видѣться? Я сознаюсь, что я поступилъ нехорошо,—нѣтъ, больше,—что я негодяй, что я виноватъ и передъ вами и передъ Фогелемъ, но ничего нельзя поправить. Это неизбѣжно.

— Неизбѣжнаго ничего нѣтъ, пока это въ вашихъ рукахъ,—горячо воскликнула она.—Вы должны отказаться отъ дуэли. Я не прошу васъ, я требую этого, слышите ли, Александръ Ивановичъ, требую! Я имѣю на это право! Я всегда считала, что вы лучше, чѣмъ кажетесь, что въ васъ есть порядочность. Оправдайте же мои мысли, помиритесь съ Фогелемъ!

— Я готовъ даже просить у него прощенія, но послѣ дуэли!—вымолвилъ съ трудомъ Петрунинъ.

Она всплеснула руками.

— Такъ вы не послушаетесь меня? Вы не откажетесь?

— Ольга Семеновна!...

— Такъ знайте же, жестокій человѣкъ, что я поѣду сейчасъ къ генералъ-губернатору, къ командующему войсками, ко всѣмъ, кого можно просить... Боже мой!

Она порывисто сняла съ себя вуальку и спрятала ее въ карманъ кофточки.

— Вы скомпрометируете этимъ и себя, и Фогеля,—проговорилъ Петрунинъ;—скажутъ, что онъ послалъ васъ...

— Но что-же мнѣ дѣлать, что?—воскликнула она.—Просить васъ? Но, къ сожалѣнію, я обманулась въ васъ. Я только теперь вижу, какой вы человѣкъ. О, зачѣмъ я просила Василія Павловича привести васъ къ намъ! Боже мой! Я сама, сама виновата!

Она не могла болѣе сдерживаться. Слезы потекли по ея щекамъ.

— Выпейте воды, успокойтесь!—растерянно лепеталъ Петрунинъ, подавая ей на блюдцѣ стаканъ съ водой. Она слегка оттолкнула его руку.

— Я унижаюсь, я плачу передъ вами!—проговорила она, захлебываясь слезами.—Вамъ мало этого? Такъ смотрите же, я на колѣняхъ васъ прошу!

Она хотѣла опуститься на колѣни, но онъ бросился къ ней и трясущимися руками усадилъ ее обратно въ кресло.

— Что вы, Ольга Семеновна,—воскликнулъ онъ, поблѣднѣвъ еще болѣе.—Я не могу этого допустить. Не мучайте вы ни себя, ни меня Бога ради!—вырвалось у него.—Я не могу отказаться отъ дуэли, и не откажусь. Но я даю вамъ честное слово, что Фогель останется живъ. Слышите ли? Живъ останется.

Она отняла руки отъ своего смоченнаго слезами лица и взглянула на Петрунина.

— Этого мало,—сказала она слабымъ голосомъ, но въ глазахъ блеснулъ лучъ надежды, и онъ замѣтилъ это.—Этого мало... Зачѣмъ же вы хотѣли, чтобы дуэль состоялась, чтобы Василій Павловичъ стрѣлялъ въ васъ? А если онъ попадетъ?... Вѣдь онъ будетъ убійца...

— Убійство на дуэли не считается убійствомъ,—сказалъ Петрунинъ.—А если онъ убьетъ меня, тѣмъ лучше.—Онъ грустно усмѣхнулся.

— Не говорите этого!—воскликнула она съ ужасомъ.—Я не хочу, чтобы на рукахъ Василія Павловича была кровь!

— Выпейте воды, и постарайтесь успокоиться!—снова предложилъ Петрунинъ, настойчиво подавая ей стаканъ.

Она взяла и отпила нѣсколько глотковъ. Стаканъ прыгалъ въ ея рукѣ и звенѣлъ объ зубы.

— Не говорите о вашемъ посѣщеніи Фогелю,—сказалъ Петрунинъ,—этого не нужно дѣлать!

Она молча кивнула головой.

Въ прихожей брякнулъ колокольчикъ.

— Боже мой!—вскочила съ кресла Ольга Семеновна;—это къ вамъ? Мнѣ нужно уйти...

— Да, это секунданты,—сказалъ Петрунинъ,—я жду ихъ сегодня. Мои секунданты. Вы можете выйти чернымъ ходомъ вотъ въ эти двери. Выходите скорѣй, сейчасъ Филиппенко ихъ впуститъ...

Она быстро прошла черезъ комнату и, распахнувъ указанную дверь, произнесла умоляюще:

— Александръ Ивановичъ, откажитесь, пока не поздно!

— Поздно, Ольга Семеновна,—сказалъ онъ спокойно,—но слово свое я сдержу: Фогель будетъ живъ.

— Прощайте!—вздохнувъ, проговорила она и закрыла за собою дверь.

Она простилась, разсталась навѣки. Со сколькими людьми приходилось прощаться навѣки Петрунину, но это прощаніе заставило сжаться его сердце.

— Дурное предчувствіе!—подумалъ онъ.

А въ это время къ нему, звеня шпорами, входили его секунданты, адъютантъ, поручикъ Бычковскій, и жолнерный офицеръ поручикъ Красновъ.

— Э! да онъ прекрасно себя чувствуетъ!—весело проговорилъ Бычковскій, потирая свои покраснѣвшія отъ мороза руки и здороваясь съ Петрунинымъ.—Такъ и слѣдуетъ. Совсѣмъ молодцомъ!

— Прекрасно, прекрасно!—сказалъ и Красновъ, подавая Петрунину руку. Блѣдность маленькая, да это ничего. Стаканчикъ коньяку, и все какъ рукой сниметъ. Только помните, не ѣшьте ничего передъ дуэлью. Раны въ животъ, говорятъ, поддаются успѣшному лѣченію только при абсолютной пустотѣ въ пищеварительныхъ органахъ въ моментъ ихъ нанесенія.

— Да, да, это необходимо!—подтвердилъ Бычковскій.

— Садитесь, господа,—пригласилъ ихъ Петрунинъ;—чаю не хотите ли?

Но отъ чая они отказались.

— Завтракать пора!—сказалъ Бычковскій, а онъ насъ чаемъ угощаетъ. Мы пріѣхали, собственно говоря, за вами. Поѣдемте въ ресторанъ завтракать, потомъ махнемъ къ Camille, а въ двѣнадцать часовъ ночи домой и спать. Непремѣнно спать. Завтра надо имѣть твердую руку, чтобы спокойно держать пистолетъ. Помните только, цѣльтесь въ ноги, такой выстрѣлъ всего вѣрнѣе; непремѣнно попадете!

— И это говоритъ товарищъ про товарища!—съ непріятнымъ чувствомъ подумалъ Петрунинъ.

— Завтракать, господа, я согласенъ,—проговорилъ Петрунинъ,—но не лучше ли здѣсь прежде поговорить о дуэли. На чемъ согласились вы съ секундантами Фогеля?

— Да въ ресторанѣ разскажемъ! — воскликнулъ Красновъ. Петрунинъ поморщился.

— Я попросилъ бы здѣсь, Дмитрій Дмитріевичъ!

Красновъ переглянулся съ Бычковскимъ и сказалъ:

— Ну, хорошо, можно и здѣсь.

И онъ принялся объяснять, что они условились съ секундантами Фогеля на слѣдующемъ:

Дуэль состоится завтра утромъ въ девять часовъ за стрѣлковыми валами на лагерномъ полѣ. На мѣстѣ нужно быть къ восьми. Барьеры противниковъ будутъ находиться на разстояніи одинъ отъ другого на двадцать пять шаговъ, но ихъ поставятъ отъ барьеровъ на десять шаговъ. По счету «три» они начнутъ сходиться и остановятся у барьеровъ. Стрѣлять одновременно.

— А какіе пистолеты?—спросилъ Петрунинъ.

— Старые кавалерійскіе,—отвѣтилъ Бычковскій, что-то пристально разглядывавшій подъ кресломъ.—А!—сказалъ онъ удивленно, вытаскивая изъ-подъ кресла шашкой женскую перчатку. Вѣрнѣйшій залогъ успѣха, Александръ Ивановичъ! Ахъ вы скромникъ! Скажите, кто васъ посѣщаетъ?

— Это, должно быть, хозяйки,—сказалъ немного сконфуженный Петрунинъ. Онъ понялъ, что перчатку забыла Ольга Семеновна.

Но Красновъ и Бычковскій принялись смѣяться. Они отлично знаютъ, что хозяйки не носятъ дома перчатокъ. Бычковскій привязалъ даже перчатку къ темляку своей шашки и увѣрялъ, что спрячетъ ее на память, такъ какъ это залогъ благополучнаго исхода завтрашняго дня.

— Счастливая ручка обронила эту перчатку! — восклицалъ онъ.

Черезъ нѣсколько минутъ они мчались въ ресторанъ, откуда уже вечеромъ перебрались къ Camille, дамѣ полусвѣта, особенно популярной въ ихъ полку. Она даже говорила «нашъ полкъ», «наши офицеры» и т. п.

О дуэли она уже знала.

— Петенька, Петрунчикъ,— щебетала она Петрунину;—ты не бойся, ты подстрѣлишь его, нѣмчика, я тебя увѣряю!

А Бычковскій разсказывалъ ей исторію съ перчаткой.

Camille дѣлала видъ, что сердится и ревнуетъ, и грозила Петрунину пальцемъ.

Выпитое вино заставило кружиться голову Петрунина; ему были противны и Camille, и Красновъ, и Бычковскій, и онъ самъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ какое-то жгучее острое чувство поднималось къ горлу, и Петрунинъ едва сдерживался, чтобы не разрыдаться.

Къ двѣнадцати часамъ, секунданты завезли Петрунина домой; онъ, не раздѣваясь, повалился на постель и тотчасъ же заснулъ какъ убитый.

IV.

Въ семь часовъ утра Красновъ съ Бычковскимъ уже поднимались снова по лѣстницѣ въ квартиру Петрунина. Красновъ серьезный и торжественный несъ подъ мышкою длинный полированный ящикъ, въ которомъ были пистолеты.

На верху, на площадкѣ, Филиппенко чистилъ сапоги Петрунина и недружелюбно взглянулъ на входившихъ, хотя поднялся имъ навстрѣчу и вытянулъ руки по швамъ, съ сапогомъ въ одной и щеткой въ другой.

Онъ зналъ уже, что баринъ будетъ стрѣляться съ поручикомъ Фогелемъ. Эта вѣсть распространилась изъ столовыхъ офицерскихъ квартиръ въ кухни, оттуда разошлась по ротамъ, и не только въ казармахъ, но и въ городѣ многіе говорили, что въ **—скомъ полку предстоитъ дуэль.

Филиппенко сердился и никакъ не могъ понять, почему это командиръ полка дозволилъ одному офицеру стрѣлять въ другого и въ свою очередь рисковать быть подстрѣленнымъ.

— Коли бъ на войнѣ, да поручикъ Фогель турокъ былъ, вотъ это я понимаю,—философствовалъ онъ въ ротной казармѣ.—А то свой въ своего! У насъ на деревнѣ на что уже въ праздники дерутся, а до этого не доходило, сохрани Боже!

Онъ даже разругался съ своимъ другомъ Пинчукомъ, находя невозможнымъ сохранять съ нимъ хорошія отношенія въ такое время.

— Разбуди барина! — приказалъ ему Красновъ повелительно.—А впрочемъ нѣтъ, не надо: мы сами его разбудимъ.

Они прошли въ комнату и принялись расталкивать Петрунина.

— Какъ! Что?—изумленно выговорилъ онъ, садясь на постели и открывая глаза.—Неужели пора?

— Да, пора, — отвѣтилъ Бычковскій,— собирайтесь. Да вы, батюшка, и не раздѣвались со вчерашняго дня? Это скверно.

Петрунинъ всталъ и, потягиваясь, прошелся по комнатѣ.

— А какъ себя чувствуете?—спросилъ Красновъ.

— Ничего, — отвѣтилъ Петрунинъ. Онъ дѣйствительно чувствовалъ внутри какую-то пустоту, но безъ всякаго волненія. Немного тяжела была голова. Вчерашній хмѣль не вышелъ, несмотря на то, что Петрунинъ спалъ какъ убитый.

— Облейте голову холодною водой,—посовѣтовалъ ему Красновъ,—и примите на всякій случай валеріановыхъ капель. Помните, подъ дуломъ пистолета главное—спокойствіе.

— А, мнѣ все равно! — махнулъ рукою Петрунинъ. — Право, меня это не интересуетъ!

Секунданты пожали плечами.

Петрунинъ быстро умылся, перемѣнилъ рубашку, надѣлъ сюртукъ и сказалъ:

— Я готовъ, господа!

— Такъ ѣдемъ!—произнесъ Красновъ.—Лошади у крыльца.

Они стали спускаться съ лѣстницы. Петрунинъ шелъ за ними. Ощущеніе спокойствія и какой-то безразличности не проходило въ немъ, и онъ былъ радъ этому чувству, особенно послѣ бурно пережитой недѣли. «Слава Богу, кончится вся эта канитель,—думалъ онъ.—Если убьетъ меня Фогель, тѣмъ лучше.

Онъ не зналъ, почему это будетъ лучше, да врядъ ли и могъ знать. Пережитыя волненія заставили говорить въ немъ этому чувству, пока еще были свѣжи въ душѣ слѣды этихъ волненій, и могъ ли онъ знать, что любовь къ жизни вспыхнетъ съ новою силой въ его молодомъ организмѣ, когда время сгладитъ эти слѣды.

У выхода на улицу онъ увидѣлъ Филиппенка.

— Ну, Филиппенко, до свиданья,—сказалъ онъ,—въ случаѣ, если я не вернусь, такъ поручикъ Красновъ распорядится съ вещами. Онъ вынулъ изъ кошелька десятирублевую ассигнацію и подалъ ее Филиппенка.

— Это, братъ, тебѣ за службу.

Филиппенко сумрачно взялъ деньги и пробурчалъ невнятную благодарность. Вдругъ что-то дрогнуло въ его лицѣ, и онъ съ плачемъ бросился вверхъ по лѣстницѣ.

— Что вы тамъ дѣлаете! — крикнулъ Петрунину Красновъ, уже сидящій въ коляскѣ.—Идите, садитесь!

— Иду!—отвѣтилъ Петрунинъ, выходя на улицу . . . . .

. . . .

Утро было прекрасное, безоблачное, настоящее весеннее. Обширное лагерное поле было совсѣмъ безъ снѣга; только въ ложе-

ментахъ и рвахъ около стрѣлковыхъ валовъ былъ снѣгъ, но сами валы длинною желтою полосой тянулись и сверкали на солнцѣ.

Петрунинъ и его секунданты издали еще увидали коляску Фогеля и расхаживающихъ около нея людей.

— Они уже тамъ, — сказалъ Красновъ, и велѣлъ кучеру погонять.

Коляска быстро покатилась по влажному дерну, оставляя глубокія черныя колеины колесъ. Черезъ нѣсколько минутъ они были на мѣстѣ.

Петрунинъ увидѣлъ Фогеля. Тотъ стоялъ и разговаривалъ съ докторомъ. Лицо его было блѣдно. У Петрунина кольнуло въ сердцѣ, но сейчасъ же прежняя апатія овладѣла имъ снова. Скорѣй бы ужъ только!

Петрунинъ издали раскланялся съ секундантами Фогеля и съ докторомъ, а Фогель повернулся къ нему спиной.

«Вотъ теперь подойти бы и попросить у него извиненія»,—подумалъ Петрунинъ, зная, что не сдѣлаетъ этого.

Онъ закурилъ папиросу и сталъ смотрѣть на Фогеля.

«Вѣдь вотъ совсѣмъ старый, хорошій «птица»,—думалъ онъ,— не перемѣнился за это время (какъ будто онъ могъ перемѣниться), и вдругъ онъ смертельный врагъ. Да полно, не сонъ ли это?»

Но онъ самъ улыбнулся надъ своимъ «ребячествомъ», какъ называлъ мысленно свои думы.

Къ нему подошелъ докторъ, добродушный Алексѣй Виталіевичъ Понурскій, служившій въ **—скомъ полку уже лѣтъ двѣнадцать.

— Стрѣляйте-ка, батенька, лучше въ воздухъ,—сказалъ онъ, полушутливо, полусерьезно, но въ словахъ его сквозило сожалѣніе.—Охота вамъ другъ другу дырочки дѣлать! Я вотъ и Василію Павловичу то же совѣтовалъ.

— А я, Алексѣй Виталіевичъ, вторично прошу не обращаться къ господамъ дуэлистамъ съ подобными замѣчаніями!—сухо отвѣтилъ ему высокій худой офицеръ Корицкій, секундантъ Фогеля.

«И разговаривать даже не позволяется!» — подумалъ Петрунинъ, и сказалъ громко, чтобы позлить Корицкаго, желчнаго педанта, котораго онъ терпѣть не могъ.

— Отчего же это, поручикъ? Мнѣ, наоборотъ, очень нравится предложеніе доктора.

— Тогда можно и дуэли не начинать,—прошипѣлъ Корицкій.— Здѣсь не мѣсто разыгрывать комедіи!

— Я попросилъ бы господъ секундантовъ не мѣшать! — ска-

залъ Фогель, продолжавшій стоять спиною къ Петрунину, и того поразилъ особенный, незнакомый звукъ въ тонѣ его голоса.

Докторъ отошелъ. Секунданты принялись отмѣривать шаги. Кучеровъ прогнали за валы, но они, оставивъ лошадей, влѣзли на гребни, чтобы смотрѣть оттуда, какъ господа будутъ палить другъ въ друга.

Наконецъ шаги отмѣрены, барьеры обозначены воткнутыми въ землю шашками.

— Господа-противники, прошу васъ на мѣста!—сухо приглашаетъ Корицкій.

Петрунину дали пистолетъ. Онъ даже не провѣрилъ, заряженъ ли онъ.

Петрунинъ поднялъ голову и прямо передъ собою увидѣлъ блѣдное лицо Фогеля. Взгляды ихъ встрѣтились. Петрунину показалось, что въ лицѣ Фогеля что-то дрогнуло, и онъ поспѣшно отвелъ глаза. А у самого сердце забилось часто-часто и въ колѣняхъ почувствовалась легкая слабость.

Впереди, въ десяти шагахъ, качается блестящее лезвіе шашки. Это его рубиконъ, граница между жизнью и смертью.

«Два», слышитъ онъ сухую команду Корицкаго.

Въ сторонѣ Бычковскій машетъ ему ободрительно найденною вчера въ его комнатѣ перчаткой Ольги Семеновны.

Онъ помнитъ, онъ сдержитъ свое слово.

«Она точно нарочно забыла ее!»—мелькаетъ въ головѣ мысль. А впереди Фогеля нѣтъ: туманъ какой-то качается тамъ вмѣсто него. Рука плотно обхватываетъ полированную ручку пистолета, а указательный палецъ ласкаетъ собачку.

Въ какую сторону лучше выстрѣлить?

— Три!—раздается команда.

Теперь онъ видитъ Фогеля; тотъ идетъ на него, держа пистолетъ въ уровень глазъ.

«Цѣлится!» — мелькнула мысль въ головѣ Петрунина, и онъ пошелъ, не поднимая своего пистолета.

Только одна мысль, какъ гвоздемъ, долбила ему мозгъ:

«Скорѣй бы, скорѣй!»

— Цѣльтесь же, цѣльтесь!—кричитъ ему кто-то.

Голосъ какой-то странный, незнакомый.

Не все ли ему равно? Пусть кричитъ.

Вотъ и шашка, рубиконъ. Онъ остановился и поднялъ пистолетъ. Надо же играть комедію, мелькаетъ мысль, какъ сказалъ Ко-

рицкій. Впрочемъ, онъ, кажется, не то сказалъ. Онъ сказалъ, что здѣсь не мѣсто для комедій. Не все ли равно? Жизнь, смерть...

Что-то громко хлопнуло и мимо уха Петрунина съ визгомъ прорѣзало воздухъ.

«Чуть-чуть!—подумалъ Петрунинъ, почувствовавъ, что оглохъ на это ухо, и въ немъ стоитъ звонъ.—На поларшина»...

Фогель стоитъ передъ нимъ, въ двадцати пяти шагахъ; пистолетъ у него опущенъ, изъ дула вьется синяя струйка порохового дыма и плыветъ въ воздухѣ.

— Стрѣляйте же!—кричатъ ему.

— Стрѣлять? Съ какой стати?—подумалъ онъ.—А если я не хочу? — вдругъ громко произнесъ онъ, даже не обернувшись въ сторону этихъ криковъ.—Если я сознаюсь, что виноватъ былъ я, и попрошу у поручика Фогеля извиненія?

— Извольте стрѣлять!—слышитъ онъ чей-то странно спокойный голосъ.

Это говоритъ Фогель.

— Господа, да что у насъ тутъ, бойня, что ли?—раздается протестующій крикъ.

Кричитъ докторъ, возбужденный, красный, безъ фуражки, которую онъ въ волненіи стащилъ съ головы и, самъ того не замѣчая, бросилъ на землю.

Корицкій что-то скрипитъ, но его никто не слушаетъ.

Петрунинъ отшвырнулъ въ сторону свой пистолетъ, и смертоносное оружіе, кувыркаясь, шлепнулось на мокрый дернъ. Въ нѣсколько шаговъ онъ очутился рядомъ съ Фогелемъ.

— Вася, простишь ли?—шепчетъ онъ дрогнувшимъ голосомъ.

Но того руки уже на его плечахъ, а близорукіе глаза рядомъ съ его лицомъ, и вмѣсто стального взгляда на нихъ блестятъ слезы.

— Ура! — раздается вдругъ около нихъ. Это кричатъ секунданты, но кричатъ они такъ заразительно, что даже кучера на гребнѣ стрѣлковаго вала присоединяются къ ихъ крику и машутъ въ воздухѣ шапками.

А утро такое славное, теплое, весеннее, голубое...

— Господа, дуэль кончена, противники помирились! — сухо возглашаетъ педантъ Корицкій.

Но это всѣ знаютъ, всѣ привѣтствуютъ и безъ того, и больше всѣхъ чувствуетъ это докторъ. Онъ радостно потираетъ коротенькія ручки и не перестаетъ восклицать:

— Почаще бы такъ кончались дуэли, почаще!

Ив. Митропольскій.

---

*
* *

Свѣтитъ ли солнце на небѣ ликующемъ,
Ярки ли краски весеннихъ картинъ,
Осень томитъ ли напѣвомъ тоскующимъ,
Кто-то мнѣ голосомъ, душу волнующимъ,
Шепчетъ: ты всюду одинъ.

Грёзой душа ль убаюкана нѣжною,
Скорбь ли порывамъ ея властелинъ,
Сердце ль волнуется страстью мятежною,
Кто-то мнѣ шепчетъ съ тоской безнадежною:
Всюду одинъ!

Тщетны и призрачны всѣ упованія,—
Въ сонмѣ печальныхъ житейскихъ годинъ,
Бродятъ унылой толпою созданія—
Люди—рабы, но среди міросзданія
Каждый—одинъ!

Д. Ратгаузъ.

КРЕСТОНОСЦЫ*).

Историческій романъ Генрика Сенкевича.

Переводъ съ польскаго.

III.

Збышко не могъ нагнать своего оруженосца, потому что тотъ ѣхалъ днемъ и ночью, оставляя себѣ время только на отдыхъ, потребный лошадямъ. Себя самого Глава не щадилъ и не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на лѣта и слабость Зигфрида. Старый крестоносецъ страдалъ жестоко, тѣмъ болѣе, что Мацько передъ тѣмъ сильно помялъ ему кости. Но больше всего ему доставляли мученія комары, въ страшномъ количествѣ роящіеся въ сыромъ лѣсу, а отогнать ихъ онъ не могъ никакимъ образомъ, потому что руки его были связаны, а ноги прикрѣплены къ брюху лошади. Правда, оруженосецъ не подвергалъ его никакимъ терзаніямъ, но не проявлялъ и ни малѣйшаго состраданія, а руки ему развязывалъ только на постоѣ. «Ѣшь, волчья морда, чтобъ я могъ довезти тебя живымъ Спыховскому пану». Таковы были слова, которыми онъ поощрялъ къ ѣдѣ стараго крестоносца. Въ началѣ путешествія Зигфриду пришла мысль уморить себя голодомъ, но когда онъ услышалъ, что ему будутъ разжимать ножемъ зубы и насильно пропихивать пищу въ горло, то предпочелъ уступить, чтобы не допустить поношенія своего монашескаго и рыцарскаго достоинства. А чехъ во что бы то ни стало хотѣлъ прибыть въ Спыховъ раньше «господина», чтобы избавить отъ стыда свою возлюбленную паненку. Простой, но умный и не лишенный благородныхъ чувствъ шляхтичъ отлично понималъ, что для Ягенки было бы унизительно, еслибъ она оказалась въ Спыховѣ вмѣстѣ съ Данусей. «Полоцкому епископу мож-

---

*) *Русская Мысль,* кн. IX, 1899 г.

но будетъ сказать (думалъ онъ), что старый панъ изъ Богданьца, какъ ея опекунъ, взялъ ее съ собою по своимъ разсчетамъ. А потомъ, когда разгласится, что она находится подъ покровительствомъ епископа и что кромѣ Згожелицъ ей перейдетъ еще наслѣдство и отъ аббата, тогда на ней не стыдно будетъ жениться и воеводскому сыну». Эта мысль услаждала ему труды путешествія, хотя онъ зналъ, что счастливая новость, которую онъ везетъ въ Спыховъ, для его паненки будетъ, тѣмъ не менѣе, приговоромъ, обрекающимъ ее на несчастія.

Но часто передъ его глазами представала и румяная какъ яблоко Сецеховна. Тогда, насколько дозволяла дорога, онъ пришпоривалъ коня, потому что его такъ и тянуло въ Спыховъ.

Они ѣхали по едва замѣтнымъ тропинкамъ, вѣрнѣе сказать—по полному бездорожью, напрямикъ черезъ лѣсъ. Чехъ зналъ только одно, что, направляясь къ юго-западу, можно добраться до Мазовіи, а тогда уже дѣло пойдетъ на ладъ. Днемъ онъ руководствовался солнцемъ, а когда переѣздъ затягивался до ночи, то звѣздами. Разстилавшейся передъ ними пущи, казалось, не было ни границъ, ни конца. И дни, и ночи приходилось проводить среди сумрачнаго тумана. Глава не разъ думалъ, что молодой рыцарь не привезетъ жену живою черезъ это ужасное безлюдье, гдѣ пищи нельзя было достать никакой, гдѣ по ночамъ лошадей нужно было охранять отъ волковъ и медвѣдей, а днемъ давать дорогу стадамъ зубровъ и туровъ, гдѣ страшные кабаны точили свои кривые клыки о коренья сосенъ и гдѣ если не застрѣлишь изъ лука какой-нибудь дичины, то придется цѣлый день остаться безъ ѣды.

«Что же будетъ съ измученной женщиной, которая и такъ еле дышитъ!»—думалъ Глава.

Приходилось имъ не разъ объѣзжать широкія трясины или глубокіе овраги, на днѣ которыхъ шумѣли потоки, вздувавшіеся отъ весеннихъ дождей. Не было недостатка и въ озерахъ, гдѣ, при заходѣ солнца плескались цѣлыя стада лосей или оленей. Порою замѣчался дымъ, знаменующій присутствіе людей. Нѣсколько разъ Глава приближался къ такимъ лѣснымъ посёлкамъ, но навстрѣчу къ нему высыпалъ народъ дикій, въ звѣриныхъ шкурахъ, надѣтыхъ прямо на голое тѣло, вооруженный кистенями и луками и такъ грозно поглядывающій изъ-подъ шапки волосъ, свалявшихся въ колтунъ, что спутники чеха принимали ихъ за оборотней. Нужно было пользоваться первой минутой смущенія, въ которое приводилъ ихъ видъ рыцарей и удаляться какъ можно скорѣй.

Тѣмъ не менѣе за чехомъ два раза свистѣли дротики, а вслѣдъ

за нимъ несся крикъ: «Вокили!» (нѣмцы). Онъ предпочиталъ лучше бѣжать, чѣмъ объяснять свое положеніе. И лишь, спустя нѣсколько дней, онъ могъ сдѣлать предположеніе, что уже переѣхалъ границу, но спросить объ этомъ было не у кого и только лишь отъ переселенцевъ, говорящихъ по-польски онъ узналъ, что, наконецъ, вступилъ въ предѣлы мазовецкихъ земель.

Тамъ дѣло шло легче, хотя и вся восточпая Мазовія еще шумѣла сплошной пущей. И безлюдье было почти такое же, но гдѣ попадалось поселеніе, обитатель ея являлся не такимъ дикимъ, можетъ быть потому, что не питался вѣчной ненавистью, а можетъ быть потому, что чехъ говорилъ съ нимъ понятнымъ для него языкомъ. Бѣда бывала только съ непомѣрнымъ любопытствомъ этихъ людей, которые тѣсною толпой окружали всадниковъ и забрасывали ихъ вопросами, а узнавъ, что они везутъ плѣнника - крестоносца, начинали просить:

— Подарите его намъ, господинъ, мы ужъ его обдѣлаемъ!

Они просили такъ настойчиво, что чехъ порою сердился, порою объяснялъ имъ, что это княжескій плѣнникъ. Тогда просители тотчасъ же отступали. Позже, въ краю уже болѣе населенномъ, съ шляхтой дѣло такъ легко не кончалось. Тамъ повсемѣстно кипѣла ненависть къ крестоносцамъ, еще жива была память о предательскомъ похищеніи князя, котораго крестоносцы схватили среди полнаго мира подъ Злоторыей и держали какъ плѣнника. Правда, тамъ не хотѣли уже «обдѣлывать» Зигфрида, но то одинъ неукротимый шляхтичъ, то другой говорили: «развяжите его, я дамъ ему оружіе и, перейдя свою границу, вызову его на смертный поединокъ». Такимъ людямъ чехъ долженъ былъ вбивать въ голову, что первое право на месть принадлежитъ несчастному владѣльцу Спыхова и что нельзя у него отнимать этого права.

Но все-таки путешествіе по населенному краю было легче, существовали кое-какія дороги, лошадей можно было всегда кормить овсомъ или ячменемъ. И чехъ ѣхалъ спѣшно, не останавливаясь нигдѣ и за десять дней до праздника Божьяго Тѣла прибылъ въ Спыховъ.

Пріѣхалъ онъ вечеромъ, какъ въ тотъ разъ, когда Мацько прислалъ его изъ Щитна съ извѣстіемъ о своемъ отъѣздѣ въ Жмудь, и такъ же, какъ въ тотъ разъ, къ нему выбѣжала Ягенка, а онъ палъ къ ея ногамъ и не могъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ выговорить ни одного слова. Но Ягенка подняла его и тотчасъ же потащила на верхъ, чтобы не разспрашивать при людяхъ.

— Какія новости? — спросила она, дрожа отъ нетерпѣнія и едва переводя духъ,—живы, здоровы?

— Живы, здоровы!

— А она нашлась?

— Нашлась. Мы отбили ее.

— Слава Господу Іисусу Христу!

Но, несмотря на эти слова, лицо ея окаменѣло, всѣ ея надежды сразу разсыпались въ прахъ.

Тѣмъ не менѣе, силы не покинули ее, она не потеряла сознанія, а вскорѣ совсѣмъ овладѣла собою и начала разспрашивать

— Когда они будутъ здѣсь?

— Черезъ нѣсколько дней. Для больной такая дорога тяжела.

— Она больна?

— Измучена Отъ мученій у нея помутился разумъ.

— Іисусе милостивый!

Наступило короткое молчаніе, только слегка поблѣднѣвшія губы Ягенки шевелились, какъ при молитвѣ.

— Она не опамятовалась при Збышкѣ?

— Можетъ быть и опамятовалась, да я-то не знаю. Я выѣхалъ тотчасъ же, чтобъ сообщить вамъ новое извѣстіе, прежде чѣмъ они прибудутъ сюда.

— Да наградитъ тебя Богъ. Разсказывай, какъ все было.

Чехъ въ краткихъ словахъ разсказалъ, какъ они отбили Данусю и взяли въ плѣнъ гиганта Арнольда вмѣстѣ съ Зигфридомъ. Онъ сообщилъ также, что Зигфрида онъ привезъ съ собою, потому что молодой рыцарь хотѣлъ отдать его въ подарокъ и подвергнуть мести Юранда.

— Теперь мнѣ нужно пойти къ Юранду, — сказала Ягенка, когда чехъ кончилъ.

И она ушла, но Глава одинъ оставался не долго, потому что изъ-за перегородки выбѣжала Сецеховна. Онъ, потому ли, что впалъ въ безпамятство отъ длинной дороги и неимовѣрныхъ трудностей, потому ли, что тосковалъ по ней и забылся при ея видѣ, схватилъ ее, прижалъ къ груди и началъ осыпать поцѣлуями ея глаза, щеки, губы, точно какъ будто бы давно уже сказалъ ей все, что говорится дѣвушкѣ передъ такимъ дѣяніемъ.

Можетъ быть, онъ дѣйствительно все это высказалъ ей въ душѣ, во время дороги, потому что теперь цѣловалъ и цѣловалъ ее безъ конца, прижималъ къ себѣ съ такою силой, что у нея захватывало духъ. Она же не защищалась, сначала отъ недоумѣнія, а потомъ отъ слабости и упала бы наземь, еслибъ ея под-

держивали не такія крѣпкія руки. Къ счастью, все это продолжалось не особенно долго, потому что на лѣстницѣ послышались шаги, и чрезъ минуту въ комнату вошелъ ксендзъ Калебъ.

Глава и Сецеховна отскочили другъ отъ друга, а ксёндзъ началъ осыпать чеха вопросами, на которые тотъ едва могъ отвѣчать, да и то задыхающимся голосомъ. Ксёндзъ приписывалъ это утомленію, но когда услыхалъ подтвержденіе извѣстія, что Дануся дѣйствительно найдена и отбита, а палачъ ея привезенъ въ Спыховъ, упалъ на колѣни, чтобъ поблагодарить Бога. За это время и кровь Главы немного успокоилась, и когда ксёндзъ поднялся на ноги, чехъ могъ уже болѣе спокойно повторить, какимъ образомъ они нашли и отбили Данусю.

— Богъ не для того ее спасъ, чтобы оставить ея разумъ и душу во мракѣ и во власти нечистой силы,—сказалъ ксёндзъ, когда выслушалъ все.—Юрандъ возложитъ на нее свои святыя руки и одной молитвой возвратитъ ей разсудокъ и здоровье.

— Рыцарь Юрандъ?—съ удивленіемъ спросилъ чехъ.—Развѣ у него такая сила? Что же, онъ святымъ при жизни сдѣлался, что ли?

— Предъ лицомъ Божіимъ онъ уже святой при жизни, а когда умретъ, у людей будетъ однимъ святымъ мученикомъ-покровителемъ больше.

— Вы все-таки сказали, преподобный отецъ, что онъ возложитъ на дочь руки. Неужели у него отросла правая рука? Я помню, что вы молились объ этомъ Богу.

— Я сказалъ «руки», какъ это обыкновенно говорится, но при милости Божіей и одной будетъ достаточно,—сказалъ ксёндзъ.

— Конечно!—согласился Глава.

Но въ голосѣ его слышалось неудовольствіе, потому что онъ разсчитывалъ увидать настоящее чудо. Въ это время въ комнату вошла Ягенка и сказала:

— Я осторожно сообщила ему новость, чтобъ нечаянная радость не убила его, а онъ тотчасъ же упалъ крестомъ и началъ молиться.

— Онъ и безъ того лежитъ такъ по цѣлымъ ночамъ, а сегодня, тѣмъ паче, должно быть до утра не встанетъ,—проговорилъ ксёндзъ Калебъ.

Такъ и случилось. Къ Юранду заглядывали нѣсколько разъ и всегда находили его лежащимъ, но погруженнымъ не въ сонъ, а въ молитву, настолько горячую, что она доходила до полнѣйшаго самозабвенія. Стражникъ, который стоялъ на башнѣ городка и, по обы-

чаю, охранялъ Спыховъ, разсказывалъ потомъ, что этою ночью видѣлъ какой-то особенный свѣтъ въ окнѣ «стараго пана».

И только на другой день, значительно спустя послѣ утрени, когда Ягенка снова заглянула къ нему, Юрандъ далъ знать, что хочетъ видѣть Главу и плѣнника. Зигфрида, съ руками крестъ-накрестъ связанными на груди, тотчасъ же вывели изъ подземелья и всѣ, съ Толимою во главѣ, направились къ старику.

Въ первую минуту чехъ не могъ хорошенько разсмотрѣть его, потому что затянутыя пузыремъ окна пропускали мало свѣта, а день и безъ того былъ пасмурный, по милости тучъ, которыя совсѣмъ заволокли небо и предвѣщали страшную грозу. Но быстрые глаза Главы скоро усвоились съ полумракомъ, и онъ впалъ въ изумленіе,—до такой степени похудѣлъ и измѣнился Юрандъ. Гигантъ превратился въ гигантскій скелетъ. Лицо его было такъ блѣдно, что почти не отличалось цвѣтомъ отъ молочнаго цвѣта волосъ и бороды, а когда онъ, перегнувшись черезъ поручень кресла, смежилъ глаза, то Главѣ представилось, что онъ видитъ передъ собою трупъ.

Возлѣ кресла стоялъ столъ, на столѣ распятіе, чаша съ водой и каравай чернаго хлѣба съ воткнутой въ него мизерикордіей, тѣмъ ножомъ, которымъ рыцари прирѣзывали раненыхъ враговъ. Другой пищи, кромѣ хлѣба и воды, Юрандъ давно уже не употреблялъ. Одеждою ему служила власяница, которую онъ носилъ на голомъ тѣлѣ, а вмѣсто пояса—соломенный жгутъ. Вотъ какимъ образомъ, послѣ возвращенія изъ щитненскаго плѣна, жилъ могущественный и когда-то страшный рыцарь изъ Спыхова.

Заслышавъ шаги входящихъ, онъ отстранилъ прирученную волчицу, которая согрѣвала ему босыя ноги, и откинулся назадъ. Наступила минута ожиданія. Всѣ разсчитывали, что Юрандъ знакомъ заставитъ кого-нибудь говорить, но онъ сидѣлъ неподвижный, блѣдный, спокойный, съ полуоткрытыми устами, какъ будто дѣйствительно погруженный въ вѣчное успокоеніе смерти.

— Глава здѣсь,—заговорила наконецъ своимъ мягкимъ голосомъ Ягенка.—Хотите выслушать его?

Юрандъ кивнулъ головой въ знакъ согласія, и чехъ въ третій разъ началъ свое повѣствованіе. Онъ кратко упомянулъ о битвахъ съ нѣмцами подъ Готтесвердеромъ, о борьбѣ съ Арнольдомъ фонъ Баденомъ, но, не желая огорчать стараго мученика и возбуждать въ немъ новое безпокойство, утаилъ, что разсудокъ Дануси омрачился вслѣдствіе долгихъ дней жестокой неволи и лишеній.

Зато, питая свирѣпую ненависть къ крестоносцамъ и жаждая, чтобъ Зигфридъ былъ наказанъ какъ можно суровѣй, онъ не

скрылъ, что Дануся страшно напугана, истощена, больна, что, видимо, съ ней обращались безжалостно, и еслибъ она дольше оставалась въ этихъ страшныхъ рукахъ, то навѣрно бы увяла и погибла, какъ увядаютъ и гибнутъ растоптанные ногами цвѣты. Этому угрюмому разсказу сопутствовало не менѣе угрюмое ворчаніе приближающейся грозы. Тяжелыя громады тучъ все болѣе и болѣе скоплялись надъ Спыховымъ.

Юрандъ слушалъ разсказъ безъ малѣйшаго содроганія, безъ движенія,—присутствующимъ могло показаться, что онъ погруженъ въ сонъ. Однако, онъ слышалъ и понималъ все, — когда Глава началъ разсказывать о страданіяхъ Дануси, въ пустыхъ глазныхъ впадинахъ стараго рыцаря скопились слезы и потекли по его щекамъ. Изо всѣхъ земныхъ чувствъ у него осталось еще одно: любовь къ дочери.

Потомъ его блѣдныя уста зашевелились молитвеннымъ шепотомъ. На дворѣ раздались первые, еще отдаленные раскаты грома и вспышки молніи отъ времени до времени просвѣчивали сквозь затянутыя пузыремъ окна. Юрандъ молился долго и слезы снова капали на его сѣдую бороду. Но, наконецъ, онъ погрузился въ неподвижность и наступило долгое молчаніе, которое, перейдя уже всяческую мѣру, стало неимовѣрно тяготить присутствующихъ, потому что они не знали, что дѣлать съ собою.

Старый Толима, правая рука Юранда, товарищъ его во всѣхъ битвахъ и главный охранитель Спыхова, сказалъ:

— Господинъ, передъ вами стоитъ насильникъ, тотъ орденскій оборотень, который истязалъ васъ и вашу дочь. Дайте знакъ, что намъ дѣлать и какъ наказать его?

По лицу Юранда пробѣжала внезапная дрожь, и онъ сдѣлалъ знакъ, чтобъ къ нему подвели плѣнника.

Двое слугъ въ то же мгновеніе схватили нѣмца за плечи и подвели его къ Юранду, а тотъ провелъ рукою по его лицу, какъ бы желая припомнить или въ послѣдній разъ запечатлѣть въ памяти его черты, потомъ опустилъ руку на грудь крестоносца, ощупалъ его скрещенныя руки, прикоснулся къ веревкамъ и, снова закрывъ глаза, склонилъ голову.

Присутствующимъ показалось, что онъ обдумываетъ свое рѣшеніе. Но, какъ бы то ни было, длилось это недолго, потому что Юрандъ вскорѣ очнулся и потянулся рукой къ караваю хлѣба, за зловѣщею мизерикордіей.

Ягенка, чехъ, даже старикъ Толима и всѣ слуги затаили дыханіе. Кара была сто разъ заслужена, месть законна, но мысль, что

полуживой старецъ будетъ ощупью рѣзать связаннаго плѣнника, заставила содрогнуться ихъ сердца. Но Юрандъ, держа ножъ на перевѣсъ, дотронулся указательнымъ пальцемъ до его острія, чтобъ узнать, до чего онъ прикасается, и началъ перерѣзывать веревки, связывающія крестоносца.

Всѣхъ охватило изумленіе, всѣ поняли намѣреніе Юранда и не хотѣли вѣрить своимъ глазамъ. Это было ужъ черезчуръ. Глава заворчалъ первый, за нимъ Толима, а потомъ и остальные слуги. Только ксёндзъ Калебъ началъ допрашивать голосомъ, прерывающимся отъ слезъ:

— Братъ Юрандъ, чего ты хочешь? Хочешь ли возвратить плѣннику свободу?

— Да,—движеніемъ головы отвѣтилъ Юрандъ.

— Ты хочешь, чтобъ онъ ушелъ безъ отмщенія и кары?

— Да!

Ропотъ гнѣва и негодованія еще болѣе усилился, но ксёндзъ Калебъ, не желая, чтобъ такое неслыханное проявленіе милосердія пропало задаромъ, обратился къ недовольнымъ и воскликнулъ:

— Кто смѣетъ противиться святому? На колѣни!

И, самъ преклонивъ колѣни, онъ заговорилъ:

— Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ, да святится имя Твое, да пріидетъ царствіе Твое...

Онъ дочиталъ Господню молитву до конца. При словахъ: «и остави намъ долги наши, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ», онъ невольно взглянулъ на Юранда, лицо котораго въ самомъ дѣлѣ засвѣтилось какимъ-то неземнымъ свѣтомъ.

И этотъ свѣтъ, вмѣстѣ со словами молитвы, покорилъ сердца всѣхъ присутствующихъ. Даже самъ Толима, душа котораго затвердѣла въ постоянныхъ битвахъ, осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ, потомъ обнялъ колѣни Юранда и сказалъ:

— Господинъ, если ваша воля должна исполниться, то плѣнника нужно проводить до границы.

— Да! —движеніемъ головы подтвердилъ Юрандъ.

Молнія все чаще и чаще просвѣчивала сквозь окна, гроза приближалась.

IV.

Среди вихря и отъ времени до времени прерывающагося проливного дождя два всадника приближались къ спыховской границѣ. То были Зигфридъ и Толима. Старый слуга Юранда провожалъ нѣмца изъ опасенія, чтобъ его по дорогѣ не убили крестьяне или

спыховская челядь, которая пылала къ нему страшною ненавистью. Зигфридъ ѣхалъ безъ оружія, но и не связанный. Буря, которую гналъ вѣтеръ, была уже надъ ними. Отъ времени до времени, когда раздавался неожиданный ударъ, кони падали на заднія ноги. Всадники ѣхали въ глубокомъ молчаніи, вдоль глубокаго оврага и порою, когда дорога суживалась, такъ близко прижимались другъ къ другу, что стремя одного касалось стремени другого. Толима, уже съ давнихъ лѣтъ привыкшій къ присмотру за плѣнниками, окидывалъ Зигфрида внимательнымъ взоромъ, точно опасаясь, какъ бы онъ неожиданно не убѣжалъ, и каждый разъ его охватывала невольная дрожь, потому что ему представлялось, что глаза крестоносца свѣтятся, какъ глаза злого духа или упыря. Ему приходило въ голову, не перекрестить ли его, но при мысли, что онъ, при крестномъ знаменіи, можетъ завыть нечеловѣческимъ голосомъ и, обратившись въ какой-нибудь омерзительный образъ, начнетъ щелкать зубами, приводила стараго воина еще въ большій страхъ. Онъ, который въ одиночку ударялъ въ цѣлые отряды нѣмцевъ, какъ ястребъ спускается на цѣлыя стаи куропатокъ, тѣмъ не менѣе боялся нечистыхъ силъ и не хотѣлъ имѣть съ ними никакого дѣла. Его уже подмывало показать нѣмцу дальнѣйшую дорогу и возвратиться домой, но стыдъ бралъ верхъ надъ этимъ чувствомъ, и онъ рѣшилъ проводить плѣнника вплоть до границы.

Когда они достигли границъ спыховскаго лѣса, дождь прекратился и тучи засвѣтились какимъ-то страннымъ желтымъ свѣтомъ. Сдѣлалось свѣтлѣе и глаза Зигфрида утратили свой прежній неестественный блескъ. Но тогда на Толиму напало другое искушеніе и онъ сказалъ самому себѣ: «Мнѣ приказали охранно довезти эту бѣшеную собаку до границы, я и довезъ его, но неужели же мучитель моего господина уйдетъ безнаказанно, и не будетъ ли дѣломъ достойнымъ и пріятнымъ Богу, если я убью его? Что, если я вызову его на смерть? Правда, у него нѣтъ оружія, но проѣхать милю и на Варцимовскомъ хуторѣ ему дадутъ мечъ или топоръ,— а тогда и можно будетъ съ нимъ биться». Такъ говорилъ себѣ старикъ Толима и, жадно посматривая на нѣмца, раздувалъ ноздри, какъ будто бы уже почуялъ запахъ свѣжей крови. Тяжело было ему бороться съ этимъ желаніемъ, тяжело переламывать самого себя. Но онъ вспомнилъ, что Юрандъ не до границы только даровалъ плѣннику жизнь и свободу, что въ такомъ случаѣ святое рѣшеніе пропало бы ни за что и соотвѣтственно уменьшилась бы и небесная награда за него. И Толима, наконецъ, превозмогъ себя и, удерживая коня, сказалъ:

— Вотъ наша граница, да и до вашей недалеко. Поѣзжай свободно, и если угрызенія совѣсти не задавятъ тебя, если тебя не разразитъ громъ Господній, то отъ людей тебѣ ничего не грозитъ.

Толима повернулъ коня, а Зигфридъ поѣхалъ впередъ съ какимъ-то дико окаменѣлымъ лицомъ, не отозвавшись ни однимъ словомъ, какъ будто не слышалъ, что кто-то разговариваетъ съ нимъ.

И онъ ѣхалъ дальше, по болѣе широкой дорогѣ, ѣхалъ, какъ будто погруженный въ сонъ.

Перерывъ въ бурѣ длился не долго, небо прояснилось на короткое время. Снова стемнѣло такъ, какъ будто на землю палъ вечерній сумракъ и тучи спустились низко, почти касаясь самаго лѣса. Сверху доносился зловѣщій ропотъ и словно нетерпѣливое шипѣнье и ворчаніе громовъ, которые еще удерживалъ ангелъ бури. Но молнія уже поминутно ослѣпляющимъ блескомъ освѣщала грозное небо и испуганную землю, и тогда было видно широкую дорогу, идущую между двухъ черныхъ стѣнъ бора, а посреди нея одинокаго всадника. Зигфридъ ѣхалъ полусознательный, томимый горячкой. Отчаяніе, пожирающее его душу со времени смерти Ротгера, предательства, учиненныя ради мести, угрызенія совѣсти, поражающія видѣнія, терзанія души уже издавна помутили его разсудокъ до такой степени, что онъ только съ величайшимъ усиліемъ воли сдерживался отъ безумнаго бѣшенства, а порою и подчинялся ему. А послѣдняя утомительная дорога подъ непреклоннымъ надзоромъ чеха, ночь, проведенная въ спыховскомъ подземельѣ, и неувѣренность въ дальнѣйшей судьбѣ, а въ особенности это неслыханное, почти нечеловѣческое проявленіе снисхожденія и милосердія, которое положительно поразило его,—все это окончательно выбило его изъ колеи. По временамъ сознаніе его совершенно изнемогало и падало такъ, что онъ рѣшительно переставалъ понимать, что съ нимъ творится, но потомъ горячка снова встряхивала имъ и вмѣстѣ съ тѣмъ пробуждала какое-то глухое чувство отчаянія, позора, гибели,—сознаніе, что все уже прошло, угасло, кончилось, что приближается какой-то конецъ, что вокругъ него только ночь и ночь, и ничто, и словно будто какая-то ужасная бездна, полная страха, къ которой онъ, однако, долженъ идти.

— Иди! иди! — шепнулъ вдругъ ему надъ ухомъ какой-то голосъ.

Онъ обернулся и увидалъ смерть. Въ образѣ скелета, сидя на конскомъ скелетѣ, бѣлая, она двигалась рядомъ съ нимъ и громыхала костями.

— Это ты? — спросилъ крестоносецъ.

— Я. Иди, иди!

Но въ эту минуту онъ замѣтилъ, что и съ другой стороны его сопровождаетъ спутникъ: стремя въ стремя съ нимъ ѣхало какое-то созданіе, тѣломъ похожее на человѣка, но не съ человѣческимъ лицомъ, съ звѣриною длинною, остроконечною головою, покрытою черною шерстью, съ стоячими ушами.

— Кто ты? — воскликнулъ Зигфридъ.

Тотъ, вмѣсто отвѣта, оскалилъ зубы и началъ глухо ворчать.

Зигфридъ закрылъ глаза, но въ ту же минуту услышалъ еще болѣе громкое громыханіе костей и голосъ, прямо устремляющійся къ нему въ ухо:

— Пора! пора! спѣши! иди!

И онъ отвѣтилъ:

— Иду!...

Потомъ, словно движимый какой-то непреодолимой, внутренней силой, онъ слѣзъ съ коня и снялъ съ него высокое рыцарское сѣдло и узду. Его товарищи, спѣшившись также, не отступали отъ него ни на шагъ и завели его съ середины дороги до окраины бора. Тамъ черный призракъ наклонилъ къ нему вѣтку дерева и помогъ привязать къ ней ремень узды.

— Спѣши! — шепнула смерть.

— Спѣши! — зашумѣли какіе-то голоса въ верхушкахъ деревьевъ.

Зигфридъ, словно погруженный въ сонъ, протащилъ длинный поводъ черезъ пряжку, сложилъ петлю и, взобравшись на сѣдло, которое передъ тѣмъ положилъ подъ деревомъ, надѣлъ ремень на шею.

— Оттолкни сѣдло!... Ну, вотъ! А-а!

Сѣдло, оттолкнутое ногою, откатилось на нѣсколько шаговъ, и тѣло несчастнаго крестоносца тяжело повисло на деревѣ.

На одно мгновеніе ока ему показалось, что онъ слышитъ какое-то хриплое, сдавленное рычаніе и что ужасающій призракъ бросился на него, всколыхнулъ его тѣло и началъ зубами рвать его грудь, чтобы впиться въ сердце. Но потомъ его угасающія очи увидали совсѣмъ иное: смерть расплылась въ какое-то бѣлое облако, которое медленно приближалось къ нему, охватило, обняло, окружило его и закрыло все ужасающей, непроницаемой пеленой.

И въ ту же минуту буря разыгралась съ неумолимой свирѣпостью. Громъ грянулъ въ середину дороги съ такимъ страшнымъ грохотомъ, какъ будто земля заколебалась въ своихъ основаніяхъ.

Весь боръ склонился подъ дуновенiемъ вихря. Шумъ, свистъ, вытьё, скрипъ древесныхъ стволовъ и трескъ ломающихся сучьевъ наполнили всѣ лѣсовыя глубины. Волны дождя, гонимыя вѣтромъ затмевали свѣтъ дня, и только при краткихъ кровавыхъ отблескахъ молнiи можно было видѣть качающiйся при дорогѣ трупъ Зигфрида.

На другой день по той же самой дорогѣ подвигался довольно многочисленный отрядъ. Впереди ѣхали Ягенка съ Сецеховной, а за ними шли телѣги, окруженныя четырьмя слугами, вооруженными луками и мечами. Изъ возницъ каждый держалъ при себѣ бердышъ и сѣкиру, не считая окованныхъ вилъ и другихъ орудiй, могущихъ пригодиться въ дорогѣ. Это было необходимо какъ для обороны отъ дикаго звѣря, такъ и отъ разбойничьихъ шаекъ, которыя вѣчно сновали вдоль орденской границы и на которыхъ горько жаловался великому магистру Ягелло и въ письмахъ, и при личныхъ свиданiяхъ въ Рацёнжѣ.

Но съ ловкими и хорошо вооруженными людьми можно было и не опасаться разбойниковъ, и отрядъ шелъ увѣренно, не предаваясь тревогѣ. Послѣ вчерашней грозы день стоялъ чудный, свѣжiй, тихiй и такой ясный, что тамъ, гдѣ не было тѣни, глаза путниковъ невольно щурились отъ избытка свѣта. На деревьяхъ не шевелился ни одинъ листъ, вездѣ виднѣлись крупныя капли дождя, мѣняющiяся на солнцѣ всѣми цвѣтами радуги. На дорогѣ образовались маленькiе ручейки, которые съ веселымъ шумомъ сплывали въ низины и образовывали рядъ мелкихъ озеръ. Все вокругъ было орошено, влажно, но все улыбалось при ясномъ свѣтѣ утра. Въ такое утро радость охватываетъ и человѣческое сердце, и поэтому возницы и слуги потихоньку напѣвали какiя-то пѣсни, удивляясь молчанiю, которое царило среди тѣхъ, кто ѣхалъ впереди.

А они молчали потому, что на душу Ягенки налегло тяжелое горе. Въ ея жизни что-то кончилось, что-то умалилось, и дѣвушка, хотя и не особенно хитрая насчетъ разсужденiя и не умѣющая дать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что въ ней творится, и что ей представляется, тѣмъ не менѣе чувствовала, что все, чѣмъ она жила до сихъ поръ, обмануло ее и обратилось въ ничто. Всѣ ея надежды разсѣялись, какъ утреннiй туманъ разсѣивается надъ полями, ото всего нужно отречься, всѣмъ пренебречь, все забыть и начать какъ будто совсѣмъ новую жизнь. Она думала, что если, по милости Божiей, эта жизнь и не будетъ совсѣмъ горькой, то не можетъ быть иною, какъ печальной и во всякомъ случаѣ не такой, какъ могла бы быть, еслибъ не порвалось то, о чемъ она думала.

И неизмѣримое горе сжимало ея сердце по тому, разъ навсегда замкнутому прошлому и волною слезъ поднималось къ ея глазамъ. Но она не хотѣла плакать, потому что кромѣ бремени, которое угнетало ея душу, она чувствовала еще и стыдъ. Лучше ей было бы не выѣзжать изъ Згожелицъ, чѣмъ такимъ образомъ, какъ теперь, возвращаться изъ Спыхова. Вѣдь не по тому одному она пріѣхала сюда, чтобъ отнять у Чтана и Вилька предлогъ для нападенія на Згожелицы,—этого она не могла скрыть даже сама передъ собою. Нѣтъ! объ этомъ зналъ и Мацько, который ее взялъ опять-таки не по тѣмъ же соображеніямъ, а въ скоромъ времени это станетъ ясно и Збышку. При этой мысли щеки ея горѣли, а сердце обливалось горечью. «Я не была съ тобою горда, какъ слѣдуетъ,—говорила она себѣ въ глубинѣ души,—вотъ и добилась своего!» И къ тревогѣ, къ неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ, къ грызущей тоскѣ и неизмѣримой жалости прошлаго такимъ образомъ присоединялось еще и униженіе.

Но дальнѣйшее теченіе ея горестныхъ мыслей прервалъ какой-то человѣкъ, поспѣшно идущій навстрѣчу. Бдительный и осторожный чехъ тотчасъ же выдвинулъ впередъ своего коня; по луку за плечами, по барсучьей торбѣ и по шапкѣ, украшенной перьями сойки, узналъ въ немъ лѣсника.

— Эй! кто ты таковъ, стой!—все-таки изъ предосторожности крикнулъ онъ.

Лѣсникъ поспѣшно приблизился и съ взволнованнымъ лицомъ, какое обыкновенно бываетъ у людей, готовящихся сообщить что-то необычное, сказалъ:

— Передъ вами у самой дороги виситъ повѣшенный!

Чехъ встревожился,—не разбойничье ли это дѣло?—и торопливо началъ разспрашивать:

— Далеко отсюда?

— На выстрѣлъ изъ лука. У самой дороги.

— При немъ никого нѣтъ?

— Никого. Я спугнулъ только волка, который обнюхивалъ его.

Упоминаніе о волкѣ успокоило Главу,—это доказывало, что по близости не было ни людей, ни какой-нибудь засады.

Тогда Ягенка сказала:

— Посмотри, что это такое.

Глава поскакалъ впередъ и черезъ минуту возвратился уже совсѣмъ вскачь.

— Зигфридъ виситъ!—крикнулъ онъ, осаживая коня передъ Ягенкой.

— Боже мой! Зигфридъ? Крестоносецъ?

— Крестоносецъ. Повѣсился на поводу́.

— Самъ повѣсился?

— По видимости, самъ, потому что сѣдло лежитъ возлѣ него. Еслибъ это сдѣлали разбойники, то просто убили бы его, а сѣдло взяли бы,—оно дорогое.

— Какъ же мы проѣдемъ?

— Не нужно туда ѣхать, не нужно!—закричала боязливая Ануля Сецеховна,—пожалуй, онъ еще привяжется къ намъ!

Ягенка также до нѣкоторой степени испугалась. Она вѣрила тому, что вокругъ трупа самоубійцы цѣлыми толпами собираются нечистые духи, но Глава, человѣкъ отважный и ничего не боящійся, сказалъ:

— Ну, вотъ! Я былъ возлѣ него и даже толкнулъ его копьемъ и все-таки не чувствую, чтобъ у меня на плечахъ сидѣлъ дьяволъ.

— Не говори такихъ дурныхъ словъ!—воскликнула Ягенка.

— Я дурныхъ словъ не говорю, но вѣрю въ силу Божію,—отвѣтилъ чехъ.—Но, во всякомъ случаѣ, если вы боитесь, можно объѣхать лѣсомъ.

Сецеховна стала просить объ этомъ, чтобъ объѣхать, но Ягенка подумала съ минуту и сказала:

— Умершаго не годится оставить безъ погребенія. Это христіанское дѣло, и Господь Іисусъ такъ повелѣлъ, а Зигфридъ все-таки человѣкъ.

— Человѣкъ-то человѣкъ, но крестоносецъ и палачъ. Оставимъ его волкамъ и коршунамъ.

— Не говори пустыхъ словъ. За вины его будетъ судить Богъ, а мы сдѣлаемъ свое дѣло. И никакая нечистая сила къ намъ не прицѣпится, если мы исполнимъ Божеское повелѣніе.

— Ну, тогда будетъ такъ, какъ вы прикажете,—сказалъ чехъ.

И онъ отдалъ приказаніе слугамъ, которые съ неохотой и отвращеніемъ захватили за неимѣніемъ лопатъ топоры и вилы и пошли въ лѣсъ. Чтобы показать примѣръ, чехъ отправился за ними и, перекрестившись, перерѣзалъ ремень, на которомъ висѣлъ трупъ.

Лицо Зигфрида уже посинѣло на воздухѣ и видъ его былъ ужасенъ. Яма была скоро выкопана, трупъ столкнутъ туда рукоятью вилъ лицомъ внизъ и засыпанъ землею. Нужно было найти камень: существовалъ стародавній обычай заваливать камнями самоубійцъ, иначе они вставали по ночамъ и загораживали дорогу путникамъ.

Камня было достаточно и на дорогѣ, среди лѣсного мха, на могилѣ крестоносца вскорѣ выросло остроконечное возвышеніе, а потомъ Глава вырубилъ на стволѣ сосны крестъ не ради Зигфрида, а для того, чтобъ злые духи не собирались на этомъ мѣстѣ. Затѣмъ онъ возвратился къ своему отряду.

— Душа въ аду, а тѣло уже въ землѣ,—сказалъ онъ Ягенкѣ.—Теперь мы можемъ ѣхать.

И они двинулись въ путь. Ягенка, проѣзжая мимо могилы, сорвала сосновую вѣтку и бросила ее на кучу камней, а ея примѣру послѣдовали и всѣ остальные,—потому что и это предписывалось обычаемъ.

Долгое время всѣ ѣхали въ молчаніи, вспоминая о зловѣщемъ монахѣ-рыцарѣ и о карѣ, которая постигла его, наконецъ, Ягенка сказала:

— Справедливость Божія снисхожденія не терпитъ. И даже «со святыми упокой» за него нельзя сказать, потому что для него нѣтъ помилованія.

— Добрая душа у васъ, что вы приказали его похоронить,— отвѣтилъ чехъ.

А потомъ онъ продолжалъ съ нѣкоторымъ колебаніемъ:

— Люди болтаютъ... можетъ быть, и не люди, а колдуны и колдуньи, что будто бы веревка висѣльника приноситъ счастье во всемъ, но я не снялъ ремня съ Зигфрида, потому что желаю вамъ счастья не отъ колдовства, а отъ Господа Іисуса.

Ягенка сразу не отвѣтила ничего и только спустя минуту вздохнула и промолвила, какъ будто говорила сама съ собой:

— Эхъ, мое счастье за мною, не передо мною!

V.

Только девять дней спустя послѣ выѣзда Ягенки Збышко приблизился къ границѣ Спыхова, но Дануся была уже такъ близка къ смерти, что онъ окончательно утратилъ надежду довезти ее къ отцу живою. На другой же день послѣ того, какъ она начала говорить безсмысленныя рѣчи, онъ замѣтилъ, что не только разумъ ея помутился, но и тѣло охватила какая-то болѣзнь, съ которой бороться нѣтъ силъ этому ребенку, изможденному неволей, темницей, мукой и непрерывнымъ страхомъ. Можетъ быть, отголоски бѣшеной битвы, которую Збышко и Мацько завязали съ нѣмцами, переполнили чашу ея страданія и собственно съ этой минуты на нее напала болѣзнь,—какъ бы то ни было, горячка не покидала ее

почти до конца дороги. До нѣкоторой степени это являлось благопріятнымъ обстоятельствомъ, потому что чрезъ страшную пущу при неимовѣрныхъ затрудненіяхъ она проѣхала безъ сознанія, ни въ чемъ не отдавая себѣ отчета. Послѣ пущи, въ «хлѣбномъ» краю, среди крестьянскихъ и шляхетскихъ поселеній, кончились затрудненія и опасности. Люди, освѣдомившись, что везутъ дитя ихъ племени, отбитое у крестоносцевъ, и кромѣ того, дочь славнаго Юранда, о которомъ бродячіе пѣвцы уже и такъ много распѣвали по городкамъ, хуторамъ и отдѣльнымъ хатамъ, другъ передъ другомъ предлагали свои услуги и помощь. Предлагали всѣ наперерывъ и живность, и лошадей, передъ путниками были открыты двери всякаго дома. Теперь Збышку уже не нужно было везти Данусю въ носилкахъ, уставленныхъ между двумя лошадьми,—сильные парни несли ее на рукахъ отъ деревни до деревни и такъ заботливо и осторожно, какъ будто имъ пришлось нести какую-нибудь святыню. Женщины окружали ее самыми заботливыми попеченіями. Мужчины, слушая разсказъ о ея страданіяхъ, скрежетали зубами и не одинъ изъ нихъ тотчасъ же надѣвалъ желѣзныя латы, хватался за мечъ, за топоръ или за копье и ѣхалъ вслѣдъ за Збышкомъ, чтобъ отомстить «съ лихвою». Тогдашнему суровому поколѣнію казалось недостаточнымъ заплатить за несправедливость равною же несправедливостью.

Но Збышко въ эту минуту думалъ не о мести, а только объ одной Данусѣ. Онъ жилъ между проблесками надежды,—когда больной становилось на минуту легче,—и глухимъ отчаяніемъ, когда ея положеніе видимо ухудшалось. А въ этомъ послѣднемъ онъ уже не могъ сомнѣваться. Не разъ, во время пути, у него въ головѣ являлась суевѣрная мысль, что, можетъ быть, вслѣдъ за ними по бездорожью, по которому имъ приходилось проѣзжать, ѣдетъ смерть и ждетъ только удобной минуты, чтобы броситься на Данусю и высосать изъ нея остатокъ жизни. Это видѣніе или, скорѣе, чувство, въ особенности среди темной ночи проявлялось такъ ярко, что не разъ его охватывало ожесточенное желаніе повернуться, вызвать костлявую на поединокъ, какъ вызываютъ рыцаря, и биться съ ней до послѣдняго издыханія. Но въ концѣ дороги было еще хуже,—онъ чувствовалъ смерть уже не позади, а среди самаго отряда, правда, невидимую, но настолько близкую, что его обвѣвало ея ледяное дыханіе. И онъ уже понималъ, что въ борьбѣ съ такимъ врагомъ ни къ чему ни мужество, ни сильная рука, ни къ чему оружіе, что ему нужно безропотно, безъ борьбы отдать въ жертву дорогое существо.

И это чувство было самымъ страшнымъ, потому что къ нему примѣшивалась жалость, неудержимая, какъ вихрь, бездонная, какъ море. И какъ же могла не стонать, какъ могла не рваться отъ боли душа Збышка, когда глядя на свою возлюбленную, онъ говорилъ ей съ невольнымъ упрекомъ: «Для того-то я любилъ тебя, для того отыскалъ и отбилъ тебя, чтобы завтра же засыпать тебя землею и не видать ужъ больше никогда?» И, говоря такъ, онъ смотрѣлъ на ея щеки, пылающія горячкой, на ея помутившіеся, безсознательные глаза, и снова допрашивалъ ее: «Такъ ты оставляешь меня? И тебѣ не жаль? Подальше отъ меня хочешь быть, а не со мною?» И тогда онъ чувствовалъ, что у него самого въ головѣ начинаетъ путаться, а грудь давило рыданіе необъятное, но сдавленное, потому что вырваться наружу ему мѣшала и какая-то злоба, и какой-то гнѣвъ на безжалостную, слѣпую и холодную силу, которая ополчилась на невиннаго ребенка. Еслибъ въ его отрядѣ находился зловѣщій крестоносецъ, то Збышко растерзалъ бы его, какъ дикій звѣрь.

Добравшись до лѣсного княжескаго дворца, онъ хотѣлъ было остановиться, но тамъ было пусто. Кромѣ того, отъ стражей онъ узналъ, что князь и княгиня отправились въ Плоцкъ, и молодой рыцарь отложилъ намѣреніе ѣхать въ Варшаву, гдѣ придворный медикъ могъ бы оказать помощь Данусѣ. Нужно было направляться въ Спыховъ, а это было страшно. Збышку казалось, что все уже кончается и что онъ довезетъ до Юранда только трупъ его дочери.

Но по дорогѣ къ Спыхову на его сердце палъ болѣе свѣтлый лучъ надежды. Щеки Дануси начали блѣднѣть, глаза становились не такими мутными, дыханіе не такимъ громкимъ и ускореннымъ. Збышко тотчасъ же замѣтилъ это, и приказалъ остановиться, чтобы больная могла свободнѣе отдохнуть. Это было въ какой-нибудь милѣ отъ Спыхова, вдали отъ человѣческаго жилья, на узкой дорогѣ, пролегающей между полемъ и лугомъ. Но стоящая поблизости дикая груша давала достаточно защиты отъ солнца, и отрядъ остановился подъ ея вѣтвями. Слуги, спѣшившись съ коней, разнуздали ихъ и пустили щипать траву. Двѣ женщины, нанятыя для того, чтобъ ухаживать за Данусей, и парни, которые несли ее, утомленные дорогой и зноемъ, легли въ тѣни и уснули, только Збышко бодрствовалъ возлѣ носилокъ и, усѣвшись на выдающихся корняхъ груши, не спускалъ глазъ съ лица больной.

А она, среди послѣполуденной тиши, лежала спокойно, съ сомкнутыми рѣсницами, но Збышку казалось, что она не спитъ.

И дѣйствительно, когда на другомъ концѣ широкаго луга крестьянинъ, косящій сѣно, остановился и началъ натачивать косу оселкомъ, Дануся слегка вздрогнула, на мгновеніе открыла глаза и тотчасъ же опять смежила рѣсницы. Ея грудь поднялась отъ болѣе глубокаго дыханія, а изъ устъ вылетѣлъ едва слышный шепотъ:

— Цвѣточки пахнутъ...

Это были первыя не горячечныя и не безумныя слова, которыя она вымолвила съ начала путешествія. Вѣтерокъ дѣйствительно приносилъ съ пригрѣтаго солнцемъ луга сильное благоуханіе различныхъ травъ. И сердце Збышка дрогнуло отъ радости, что къ больной возвратилось сознаніе. Въ пылу восторга онъ хотѣлъ было броситься къ ея ногамъ, но побоялся, какъ бы не напугать ее, воздержался, и, только склонившись надъ носилками, тихо окликнулъ ее:

— Дануся, Дануся!

Она снова раскрыла глаза, съ минуту посмотрѣла на него, потомъ улыбка прояснила ея лицо и точно такъ же, какъ когда-то въ хатѣ смолокура, но уже болѣе сознательно, произнесла его имя:

— Збышко!...

Она пробовала протянуть къ нему руки, но слабость помѣшала ей, зато онъ обнялъ ее, съ сердцемъ, настолько переполненнымъ чувствомъ, какъ будто благодарилъ ее за какую-то неизмѣримую милость:

— Ты очнулась!—сказалъ онъ.—О, слава Богу, слава...

У него не хватило голоса, и съ минуту они молча смотрѣли другъ на друга. Тишину полей нарушалъ только благоуханный вѣтеръ, который шелестѣлъ въ листьяхъ груши, стрекотанье кузнечиковъ и далекая, неясная пѣсня косца.

Взглядъ Дануси становился все болѣе сознательнымъ; она не переставала улыбаться, какъ ребенокъ, который видитъ во снѣ ангела. Но мало-по-малу въ ея глазахъ начало отражаться какое-то изумленіе.

— Гдѣ мы?...—сказала она.

Тогда изъ устъ Збышка вырвался цѣлый рой короткихъ отвѣтовъ, прерываемыхъ радостью.

— Ты возлѣ меня! Подъ Спыховомъ! Мы ѣдемъ къ твоему отцу! Кончились твои несчастія. Охъ, Дануся моя! Охъ, Дануся! Я искалъ тебя и отбилъ у нѣмцевъ. Ты уже не въ нѣмецкихъ рукахъ. Не бойся! Сейчасъ будетъ Спыховъ. Ты была больна, но Господь Іисусъ смиловался! Сколько было горя, сколько слезъ! Дануся... Теперь хорошо... Передъ тобою счастье. Эхъ, ужъ и пришлось мнѣ

поискать тебя и поѣздить по бѣлому свѣту! Боже Ты мой милостивый!

И онъ глубоко вздохнулъ, почти со стономъ, какъ будто сбрасывалъ съ плечъ послѣднюю тяжесть.

Дануся лежала спокойно, какъ будто припоминала что-то, какъ будто размышляя о чемъ-то и въ концѣ спросила:

— Такъ ты не забылъ обо мнѣ?

И двѣ слезы, скопившись въ ея глазахъ, медленно потекли по ея лицу и скатились на изголовье.

— Я могъ бы забыть тебя?—воскликнулъ Збышко.

Въ этомъ подавленномъ крикѣ было больше силы, чѣмъ въ самыхъ торжественныхъ клятвахъ и завѣреніяхъ, потому что онъ и всегда любилъ ее всею душой, а съ минуты, когда снова нашелъ ее, она стала ему дороже всего свѣта.

И вновь воцарилась тишина, вдали крестьянинъ пересталъ пѣть и вновь началъ точить оселкомъ свою косу.

Уста Дануси шевельнулись, но шепотъ все былъ такъ тихъ, что Збышко не могъ разслышать ее и, наклонившись, спросилъ:

— Что ты, ягодка моя, говоришь?

А она повторила:

— Цвѣточки пахнутъ...

— Мы возлѣ луга, но сейчасъ же поѣдемъ дальше... Къ отцу поѣдемъ, онъ освободился отъ неволи. И ты будешь моею до смерти. Ты хорошо слышишь меня? Понимаешь?

Въ это время его охватила внезапная тревога: онъ замѣтилъ, что лицо Дануси блѣднѣетъ и на немъ осѣдаютъ крупныя капли пота.

— Что съ тобою?—спросилъ онъ съ гнетущимъ страхомъ.

И онъ почувствовалъ, какъ волосы встаютъ дыбомъ на его головѣ, а морозъ пробѣгаетъ по его кожѣ.

— Что съ тобою, скажи?—повторилъ онъ.

— Темно!—прошептала Дануся.

— Темно? Солнышко свѣтитъ, а тебѣ темно?—спросилъ Збышко задыхающимся голосомъ.—Вѣдь ты только сейчасъ говорила разсудительно! Богомъ тебя заклинаю, скажи хоть одно слово!

Она еще разъ шевельнула устами, но изъ нихъ не вышло даже и шепота. Збышко угадалъ только, что она произноситъ его имя и зоветъ его. Вдругъ ея исхудалыя руки начали дрожать и трепетать подъ покровомъ, облекающимъ ее. Продолжалось это всего съ минуту. Заблужденія были напрасны: она умирала.

Збышко въ ужасѣ и отчаяніи началъ ее умолять, какъ будто мольба могла помочь въ чемъ-нибудь:

— Дануся! О, Іисусе милосердный!... Подожди хоть до Спыхова! Подожди, подожди! О, Іисусе, Іисусе!

Отъ его голоса проснулись женщины, съ поля прибѣжали слуги, которые присматривали за конями. Но всѣ они съ перваго взгляда поняли, что̀ происходитъ, опустились на колѣни и громко начали читать отходную молитву.

Вѣтеръ стихъ, листья груши перестали шумѣть и только слова молитвы разносились по широкой глади полей и луговъ.

Дануся при самомъ концѣ молитвы открыла глаза, какъ будто хотѣла въ послѣдній разъ посмотрѣть на Збышка и на солнечный свѣтъ, и заснула вѣчнымъ сномъ.

Женщины закрыли ей глаза и пошли на лугъ за цвѣтами. Слуги послѣдовали ихъ примѣру, и такъ они ходили по солнцу, среди роскошныхъ травъ, точно духи этихъ полей, нагибаясь каждую минуту, со слезами на глазахъ, потому что въ ихъ сердцѣ царило состраданіе и жалость. Збышко въ тѣни припалъ головою къ колѣнамъ Дануси, безъ движенія, безъ слова, а слуги его все кружили, то приближаясь къ нему, то отдаляясь отъ него, и срывали цвѣты за цвѣтами. Въ сырыхъ ложбинахъ нашлись полевыя лиліи, а на межѣ между паровыми полями — дрокъ. И съ полными охапками, печальнымъ хороводомъ, они окружили носилки и начали украшать ихъ цвѣтами. Все тѣло Дануси было покрыто цвѣтами и травами, лишь только одно лицо среди колокольчиковъ и лилій свѣтилось бѣлизною, тихое, успокоенное безпробуднымъ сномъ, ясное, почти ангельское.

До Спыхова не насчитывалось и мили, и когда первое горе и боль вылились вмѣстѣ со слезами, всѣ взяли печальную ношу и двинулись по направленію къ лѣсамъ, откуда уже начинались земли Юранда.

Слуги вели коней позади. Збышко несъ переднюю часть носилокъ, женщины, обремененныя снопами травъ и растеній, пѣли божественныя пѣсни, и все это медленно шло и шло между зеленымъ лугомъ и ровнымъ, сѣрымъ паровымъ полемъ, какъ длинная погребальная процессія.

На голубомъ небѣ не было ни одной тучки и весь міръ купался въ золотомъ блескѣ солнца.

В. Л.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

МИТЯЙ И КАТЮШКА.

(Изъ дѣтской жизни).

I.

Митяю девять лѣтъ, но ему никто больше семи не даетъ. Онъ очень малъ ростомъ и такой хилый, тщедушный. Руки и ноги у Митяя какъ плетки и глаза большіе, темные, строгіе. Митяй разговаривать не любитъ, онъ почти всегда молчитъ и что-то очень серьезно обдумываетъ. За это его иногда зовутъ философомъ, на что онъ снисходительно улыбается.

Любимое мѣстопребываніе Митяя на подоконникѣ, откуда онъ цѣлыми часами смотритъ на улицу. Противъ нихъ огромный грязный домъ, такой высокій, что изъ-за него даже неба не видно. Вонъ въ той квартирѣ на третьемъ этажѣ живетъ музыкантъ скрипачъ; какъ тепло наступитъ, онъ откроетъ окошко и будетъ по вечерамъ играть. Славно онъ играетъ, только Митяю всегда грустно дѣлается на душѣ отъ его музыки.

— Ты чего, Митяй, пригорюнился? — спроситъ отецъ.

— Такъ, жалко... — отвѣтитъ онъ.

— Кого жалко?

— Всѣхъ жалко...—и вздохнетъ глубоко.

Рядомъ съ музыкантомъ живетъ портниха, у нея два мальчика, Митины ровесники. Прежде онъ часто игралъ съ ними, но они больно дерутся и дразнятся.

— Папа, а что Аннушкины мальчишки дразнятся, что у меня не голова, а пивной котелъ, — пожаловался онъ разъ отцу.

— А ты не связывайся съ ними. Голова большая, значитъ мозгу много.

— А это хорошо?

— Конечно, хорошо. У кого мозгу много, тотъ уменъ.

Митяй остался доволенъ и пересталъ связываться съ мальчишками.

А вонъ идетъ Ульяна, сапожница.

Митяй и ее хорошо знаетъ и терпѣть не можетъ. Она почти всегда пьяна и вѣчно ругаетъ мужа. «Зачѣмъ она ругается? — думаетъ Митяй. — Иванъ больной и работаетъ, а она его ругаетъ». Давно, когда еще онъ былъ маленькій, у него вышло съ Ульяной столкновеніе. Она ѣла арбузъ, а Митяй подошелъ и долго смотрѣлъ, не спуская глазъ.

— А вѣдь ты, Ульяна, свинья!—строго замѣтилъ онъ ей.— Сама арбузъ ѣшь, а Ивану не даешь.

Ульяна дала ему, молча, тумака въ спину, и Митяй рѣшилъ разъ навсегда, что съ пьяной бабой разговаривать не стóитъ. Зато стараго Тихона, разносчика, продающаго на углу подсолнушки, пряники и гнилыя яблоки, которыя онъ называетъ мочеными, Митяй очень любитъ и уважаетъ. Тихонъ часто разсказываетъ ему сказки и про божественное. Сидитъ старикъ на чурбанчикѣ, плететъ какую-то необыкновенную сѣтку на толстыхъ желѣзныхъ спицахъ и тянетъ монотоннымъ, заунывнымъ голосомъ:

— И сказали ему мучители: преклони колѣна, Саприкій... сейчасъ отсѣчена будетъ твоя голова... А Саприкій спросилъ ихъ: за что хотите казнить меня? И отвѣчали ему воины: не хотѣлъ ты принести жертвы, не исполнилъ приказанія царскаго... И ослѣпила Саприкія ненависть, и отъ Христа отвергся онъ...

У Митяя отъ ужаса и скорби сжимается сердце. Какъ можно отречься отъ Христа?

— Тихонъ, а Тихонъ, что-жъ дальше-то, а?...

Но Тихонъ молчитъ, его старыя кости сильно пригрѣло солнышко, а однообразные звуки собственнаго голоса усыпили его; онъ сидитъ и клюетъ носомъ.

— Тихонъ, разсказывай дальше, — теребитъ Митяй старика за руку.

Тотъ вздрагиваетъ.

— А что?... ты чего, дитянушка?... Пришелъ, что-ль, кто?— и онъ хватается за вѣски.

— Не спи, Тихонъ, говори дальше.

— Дальше, да... ну... на чемъ, бишь, я остановился-то?...

И снова льется дребезжащая старческая рѣчь.

— Услышалъ эти слова Саприкіевы св. Никифоръ и сталъ умолять его со слезами, говоря: не дѣлай этого, не дѣлай, о, братъ мой возлюбленный, не отвергайся Господа нашего Іисуса Христа...

Но отпалъ совсѣмъ отъ вѣры Христовой Саприкій. И какъ увидѣлъ это Никифоръ, сталъ взывать къ мучителямъ громкимъ голосомъ: я христіанинъ и вѣрую въ Господа моего Іисуса Христа, отъ котораго отрекся Саприкій, казните меня вмѣсто него...

Большіе глаза Митяя раскрываются еще шире, и онъ, затаивъ дыханіе, смотритъ прямо въ беззубый ротъ Тихона.

— И услыхали воины, — продолжаетъ Тихонъ, — и сказали воеводѣ, воевода же повелѣлъ отпустить Саприкія на волю, а христіанина казнить... Подняли воины сѣкиры и отсѣкли голову Никифору мученику. И было сіе мѣсяца февруарія въ девятый день.

Митяй жмурится и вытягиваетъ свою худую шею. Ему кажется, что блестящая сѣкира прикасается къ его собственной кожѣ, онъ ощущаетъ холодную сталь около шеи, ему жутко и въ то же время хорошо. Что-то сладкое, умилительное подступаетъ къ сердцу. Такъ они сидятъ долго, молча.

Митяй думаетъ о св. мученикѣ Никифорѣ, а Тихонъ ничего не думаетъ. Онъ чувствуетъ только, что пріятная теплая волна отъ солнца разливается по его старой, больной спинѣ, и какой-то бѣлый туманъ застилаетъ глаза.

Тихонъ часто сталъ засыпать надъ своимъ лоткомъ, и торговля у него теперь идетъ куда хуже прежняго. Митяй знаетъ это, ему жаль Тихона, и онъ мечтаетъ, что когда онъ выростетъ большой, кончитъ гимназію и будетъ зарабатывать, онъ найметъ Тихону комнату съ лежанкой, и ему будетъ хорошо. Или нѣтъ, лучше они пойдутъ вмѣстѣ ко святымъ мѣстамъ. Тихонъ будетъ слѣпенькій, а Митяй его поведетъ, и пойдутъ они къ угодникамъ въ Кіевъ, въ Іерусалимъ... Хорошо, много, много ходить будутъ и пѣсни божественныя пѣть...

Но всѣ эти бесѣды съ Тихономъ ведутся обыкновенно въ хорошую погоду, а теперь холодно, дождь, Митяй уже цѣлую недѣлю не выходитъ и только изъ окна посматриваетъ на стараго пріятеля.

Пришла мама съ урока музыки. Митя,—говоритъ она,—ты опять на окнѣ сидишь, сырость, холодъ, простудишься, вотъ возись тогда съ тобой. И что ты смотришь?

— Такъ, разное,—уклончиво отвѣчаетъ Митяй и сконфуженно слѣзаетъ съ подоконника. Ему совѣстно, что онъ не послушался мамы.

Мама идетъ въ спальню и выходитъ оттуда съ Катюшкой на рукахъ. Катюшка—сестра Митяя и мамина любимица. Она бѣленькая и розовенькая; «сдобная, какъ пышка, и румяная, какъ яб-

лочко—говоритъ про Катюшку отецъ. Митяй любитъ сестру, находитъ, что она была бы хорошенькая, еслибъ у нея не было такъ много ямочекъ. А у нея на рукахъ ямочки, на подбородкѣ ямочка, и, когда засмѣется, на щекахъ тоже двѣ ямочки, а Катюшка всегда смѣется или плачетъ. Митяя огорчаетъ такая несерьезность сестры; ей уже пять лѣтъ, пора бы быть поумнѣе.

— Мама,—картавитъ Катюшка,—дай мнѣ валеница.

— Нельзя, Катюша, варенья, скоро будемъ обѣдать, сейчасъ папа придетъ. Послѣ обѣда дамъ съ чайкомъ, а сейчасъ нельзя.

— А я сей-цасъ хоцу.—Катюшка болтаетъ ногами, чтобы соскочить съ маминыхъ рукъ и бѣжать къ посудному шкафу.

— Вотъ тутъ валенье!—Мама, дай, дай, дай!—и пухлые кулачонки, что есть мочи, барабанятъ по запертой дверцѣ шкафа.

— Котенокъ, брось сейчасъ, поди ко мнѣ, вонъ смотри-ка въ окошко, вонъ... вонъ... сабачка-то какая хорошенькая, бѣ-ѣленькая, перестань сейчасъ плакать, а то собачку позову, пусть она тебя укуситъ, гадкую дѣвчонку; собачка, собачка, поди сюда, съѣшь Катюшку. Гамъ-гамъ-гамъ...—лаетъ мама за собачку. Но Катюшка ничего знать не хочетъ. Она реветъ благимъ матомъ и вертитъ во всѣ стороны головой, такъ что бѣлыя кудряшки подпрыгиваютъ.

— Ай, безстыдница, ай, безстыдница, она маму не любитъ, бѣдная мама, она тоже плачетъ... мм-мм...—закрывается мама рукой.

— Валенья, ва-лень-я...—заливается Катюшка, и горькія слезы въ три ручья льются по розовымъ пухлымъ щекамъ и, скатившись въ ямочки, падаютъ оттуда на бѣлый фартукъ и на голубое платьице.

— Ахъ ты, Господи, вотъ капризница-то!...—говоритъ мама.—Поди сюда, негодная дѣвчонка, вотъ я тебѣ задамъ.

Но на самомъ дѣлѣ мама ничего не можетъ «задать» Катюшкѣ, она не можетъ слышать, какъ дѣвочка надрывается и ей дѣлается до смерти жаль ее.

— Не плачь, перестать... На, нехорошая, на, не люблю тебя,—говоритъ сердитымъ голосомъ мама и зачерпываетъ на ложечку варенья.

Катюшка, всхлипывая и улыбаясь въ одно и то же время, тянется къ ложечкѣ.

— Ахъ, ты глупая, глупая... подожди, прежде носъ утру. Ну, кушай, только съ хлѣбомъ.

Митяй смотритъ серьезно на эту сцену; онъ тоже любитъ варенье, но знаетъ, что до обѣда это нездорово, и никогда не проситъ.

Теперь однако, когда Катюшка такъ аппетитно чмокаетъ и подпихиваетъ розовымъ пальцемъ въ ротъ неумѣстившіеся кусочки хлѣба, соблазнъ слишкомъ великъ.

— Мама, дай и мнѣ,—сконфуженно, несмѣло обращается онъ къ матери.

— И ты тоже? Знаешь, нельзя,—нечего и просить.

— А Катюшка-то?

— Вотъ сравнилъ! Тебѣ сколько лѣтъ и сколько Катюшкѣ?

Митяй и самъ знаетъ, что Катюшкѣ все прощается, потому что она маленькая, а онъ большой... и ему снова дѣлается стыдно за себя. Да, онъ большой. Но, когда же онъ былъ маленькій? Всегда выходило такъ, что онъ большой, а сестра маленькая.

Онъ вздыхаетъ и отъ соблазна отворачивается къ окну.

«Вонъ папа идетъ, какой онъ чудной, чего онъ подпрыгиваетъ,—думаетъ Митяй,—ахъ, да, вѣтеръ... это вѣтеръ его гонитъ. Зонтикъ у папы большой, точно у Робинзона. Когда я буду большой, я тоже себѣ такой зонтикъ куплю».

— Дмитрій,—говоритъ мама,—не видишь, отецъ идетъ, скажи, чтобы накрывали на столъ.

Митяй бѣжитъ въ кухню и кричитъ на ходу кухаркѣ:

— Семениха, на-кры-вай скорѣй на столъ.

Толстая, рябая Семениха съ подоткнутымъ подоломъ стоитъ у печки и перевертываетъ котлеты на шипящей сковородѣ. На Митяя она не обращаетъ никакого вниманія.

— Скорѣй, Семениха,—торопилъ онъ,—мама, вѣдь, велѣла.

— Какъ скоро, такъ сейчасъ,—огрызается Семениха и поворачиваетъ къ Мити красное лоснящееся лицо.—Успѣется, сами бы накрыли, вамъ дѣловъ-то только же.

Митяй забираетъ груду тарелокъ и бѣжитъ съ ними вверхъ по лѣстницѣ.

— Вѣчно ты съ глупостями,—недовольно морщится мама,—разбей еще.

— Вѣдь, не разбилъ,—оправдывается Митяй и накрываетъ на столъ.

— Иди, Катерина, руки мыть,—говоритъ онъ сестрѣ,—ишь какія липкія.

Катюшка стучитъ мѣднымъ умывальникомъ и брызжетъ водой въ лицо Митяю.

— Не дури, съ мыломъ мой,—говоритъ онъ внушительно и намыливаетъ толстыя ручонки съ ямочками.

— Мыйце, мыйце,—шалитъ дѣвочка, и взбиваетъ нѣжную

мыльную пѣну съ радужными пузырями.—Пузылики, пузыы-ии. Я буду пузыи пускать.

— Нельзя, слышишь, нельзя, — говоритъ Митяй, — обѣдать пора, смотри, папа пришелъ, пойдемъ къ папѣ,—и онъ нѣжно беретъ сестру на руки.

— Ая-яй, ай, не хоцу къ папѣ, не хо-оцу обѣдать... хоцу пузыи пускать.

И снова отчаянный плачъ раздается по дому.

— Что-жъ это за наказанье, Митька, не смѣй сестру дразнить,—слышится сердитый голосъ матери,—дай сейчасъ ее сюда. Посмотри, до чего довелъ!

— Да и не дразнилъ я ее вовсе. Она постоянно капризничаетъ, давеча съ вареньемъ, сейчасъ съ пузырями. Сама ты ее избаловала,—чуть слышно добавляетъ онъ.

— Ну-ка, поговори еще,—сердится мама.

Митяй спорить не любитъ. Онъ пожимаетъ плечами и отходитъ въ сторону. Вечеромъ мама чинитъ бѣлье, папа переписываетъ бумаги, а Митяй съ Катюшкой сидятъ около мамы возлѣ большого круглаго стола и рисуютъ. Митяй осторожно проводитъ черточки и дѣлаетъ дверь у дома. Катюшка коситъ глаза, поглядывая въ его тетрадь, обильно слюнявитъ карандашъ и быстро, быстро чертитъ какія-то зигзаги и кружки на бумагѣ.

— Это чего, Митяй, это ты кого налисулъ?—тычетъ она пальчикомъ въ лихого коня, изображеннаго Митей.

— Оставь, видишь—лошадь.

— Лосадка, лосадка... дай и я лосадку, у меня бумага вся, дай мнѣ свою.

— Оставь, не мѣшай.

Но Катюшка упорно тянетъ за уголъ бумаги. Тр-ррр... и домъ, и конь разрываются на двѣ половины.

Митяй разозлился. Ему хочется ударить сестру, но онъ исподлобья смотритъ на маму и, махнувъ рукой, уходитъ къ отцу въ кабинетъ. Тотъ пишетъ, не обращая на него вниманія. Митяй влѣзаетъ на табуретъ, кладетъ голову на обѣ руки и долго смотритъ, какъ у папы скоро перо бѣгаетъ по бумагѣ и буквы ровныя выходятъ, а онъ такъ не умѣетъ. Зато у папы буквы непонятныя, а у него крупныя и ясныя. Митяй старается разобрать и не можетъ понять ни одного слова.

— Папа, зачѣмъ это взрослые такъ непонятно пишутъ?

Отецъ дѣлаетъ нетерпѣливый жестъ головой, означающій: не мѣшай.

Митяй остается безъ отвѣта.

«Должно быть, чтобы дѣти не поняли»,—рѣшаетъ онъ про себя.

Онъ отходитъ отъ стола и садится въ темный уголъ, въ кресло.

Ужъ поздно. Онъ хочетъ спать. Глаза у него чешутся, онъ третъ ихъ и надавливаетъ одинъ глазъ пальцемъ. Кружокъ темный... Ему опять хочется спросить отца, отчего это, когда глазъ нажмешь пальцемъ, кружокъ сначала сдѣлается черный, потомъ желтый, потомъ красный, а потомъ искорками и весь разсыплется, и вдругъ какъ бы яма передъ глазами, большущая, темная...

Онъ вздрагиваетъ, толкаетъ нечаянно маленькую этажерку, оттуда съ грохотомъ падаетъ нѣсколько книгъ.

— Шалишь все, братецъ,—говоритъ отецъ, поднимая голову отъ работы,—ступай-ка спать.—Одиннадцатый часъ. Митяй нехотя сползаетъ съ кресла, гдѣ онъ пригрѣлся.

— Прощай.

— Покойной ночи,—говоритъ отецъ,—быстро креститъ его и снова пишетъ.

— Ты, Дмитрій, опять до сихъ поръ не въ постели,—выговариваетъ ему мать.—Тебѣ что докторъ сказалъ въ послѣдній разъ: какъ девять часовъ, такъ спать.

Митя проходитъ молча, даже не прощается.

— Отчего мама всегда такъ странно говоритъ со мной,—думаетъ онъ, стаскивая сапоги.—И не ругается, а все равно, какъ ругается.

Митяй ужасно не любитъ ночей и потому не любитъ ложиться спать. Заснетъ немного, потомъ проснется. Въ комнатѣ темно, и ему дѣлается страшно. Онъ закутывается съ головой въ одѣяло и лежитъ весь съежившись. Вонъ, какъ будто кто-то идетъ: стукъ, стукъ, стукъ... Да, идетъ; подошелъ... опять стоитъ у кровати; стоитъ и смотритъ... Онъ знаетъ, это черный человѣкъ пришелъ. Черный и голый, какъ Пятница въ «Робинзонѣ». Послѣднее время онъ къ нему каждую ночь ходитъ.

У Митяя выступаетъ холодный потъ на лбу. Онъ весь цѣпенѣетъ, хочетъ крикнуть и не можетъ.

— Господи, Господи, что это прочесть нужно, а онъ забылъ, какъ это? Вышняго, Всевышняго... въ крови небеснаго водворится, его училъ Тихонъ.

Черный человѣкъ расплывается и исчезаетъ... и опять явственно слышится: стукъ... стукъ... стукъ, *его* шаги; ахъ, нѣтъ, это его, Митяино, сердце такъ колотится. Онъ нѣсколько минутъ лежитъ безъ движенія.

Часъ, два, бьютъ въ сосѣдней комнатѣ часы. Зачѣмъ они по ночамъ такъ громко бьютъ? Днемъ обыкновенно, а ночью громче.

Ему хочется спать, а онъ не можетъ.

— А вонъ какія-то дамы на стѣнѣ танцуютъ, сплелись за руки, мчатся, мчатся въ залъ, а сами сдѣланы изъ такихъ искорокъ, которыя въ глазахъ бываютъ... Ахъ, какъ голова болитъ, и подушка какая-то горячая.

Онъ перевертываетъ подушку.

Мама съ папой спятъ.

Отчего это папа всегда храпитъ, а мама не храпитъ, а сегодня и папа не храпитъ... Отчего онъ не храпитъ? А вдругъ онъ умеръ?! пронизываетъ страшная мысль Митинъ мозгъ. Онъ даже вскакиваетъ и неподвижно смотритъ въ одну точку.

И вдругъ, что этакое? шу-шу-шшу, точно вода въ уши заливаетъ.

— Ай, страшно, страшно!! Ма-ма, паа-па!—дико взвизгиваетъ Митяй и падаетъ на подушку.

Катюшка просыпается и въ полуснѣ лопочетъ: мня... бля... молочка.

Папа и мама бѣгутъ къ Митѣ.

— Что ты? что ты? Господь съ тобой.

— Онъ во снѣ чего-нибудь испугался,—говоритъ мама.

— Нѣтъ, нѣ-ѣтъ,—дрожитъ весь Митяй,—я не спалъ, я давно не сплю, я не могу спать. Папочка, милый, мнѣ страшно. Ты не храпѣлъ... Я думалъ, ты умеръ...

Онъ встаетъ на постели, прижимается къ отцу, и дрожитъ, и плачетъ, и прячетъ свою голову на отцовскую грудь.

— Безстыдникъ ты, Митя,—похлопываетъ его легонько отецъ, а еще мужчина. Смотри, Катюшка вонъ какъ сладко спитъ, а ты перебудилъ насъ, ахъ ты... Ложись, спи... перекрестись, и не будетъ страшно.

— Папа, возьми меня къ себѣ на постель, я тутъ не могу.

Мать недовольно хмурится, но отецъ молча беретъ Митяя на руки и уноситъ съ собою. Митяй жмется своимъ хилымъ, тщедушнымъ тѣльцемъ къ большому, теплому тѣлу отца и гладитъ своею худою ручонкой его волосатую руку.

— Ахъ, какъ хорошо, славно и ни чуточки не страшно. Папа, а зачѣмъ у тебя волосы на рукахъ, а у меня нѣтъ? Развѣ у всѣхъ большихъ волосатыя руки? Я думалъ только у Исава.

— Ммм...—мычитъ отецъ.—Ты что жъ это разговаривать будешь, я тебя сейчасъ въ дѣтскую отправлю. Спи.

Да, да, спать. Хорошо тутъ рядомъ съ папой спать.

— Папа, клади меня всегда съ собою,—шепчетъ онъ потихоньку, и, еще тѣснѣе придвинувшись къ отцу, засыпаетъ.

Утромъ отецъ уходитъ въ палату, мать на уроки музыки. Дѣти остаются одни; Митяй за старшаго и онъ любитъ это время, когда мамы нѣтъ дома, онъ тогда съ сестрой прекрасно ладитъ, и она его слушается.

— Катюша, хочешь сказку скажу?

— Да, сказку,—киваетъ она головой.

— Было, Катюшка, море, бо-ольшое синее море,—импровизируетъ Митяй.

— Большое?—переспрашиваетъ Катюшка, такое бо-ольшое?— И она раздвигаетъ широко руки.

— Такое... хм...—смѣется Митяй,—нѣтъ, больше, въ тысячу, въ милліонъ разъ больше... И ѣхалъ разъ по этому морю пароходъ, нѣтъ, корабль,—поправляется онъ, онъ не знаетъ навѣрное, ѣздятъ ли по морю пароходы;—такъ вотъ ѣхалъ онъ, ѣхалъ и вдругъ буря, ужаснѣйшая буря.

У Митяя на лицѣ отражается волненіе, а руки и ноги движутся.

Катюшка сидитъ у него на колѣняхъ, пристально смотритъ въ лицо и подражаетъ. Когда Митяй хмурится, она тоже сдвигаетъ свои тоненькія, какъ черные шнурочки, бровки; если братъ улыбается, у нея также раздвигается ротъ въ улыбку и открываются всѣ ея мелкіе молочные зубки, острые, съ зазубринами.

Митяй разсказываетъ о бурѣ съ увлеченіемъ:

— Корабль разламывается... Трескъ... мачты рушатся... всѣ ко дну идутъ, всѣ, понимаешь, Катька?

— Понимаесъ,—шепчетъ Катюшка.

Тихіе, грустные глаза Митяя загораются блескомъ, онъ долго, долго еще говоритъ, а Катюшка, хоть ничего не понимаетъ, а сидитъ смирно и слушаетъ. Сказка кончепа.

— Теперь что?

— Теперь пѣ-сен-ку,—проситъ Катюшка.

— Ну, пѣсню, такъ пѣсню, пой вмѣстѣ.

Румяной за-рею по-крылся востокъ,
Въ се-лѣ за рѣкою по-тухъ огонекъ,

поетъ Митяй слабенькимъ голоскомъ.

— О-го-некъ потухъ,—тянетъ за нимъ Катюшка.

— Ну, а теперь, Катерина, баста, теперь мнѣ не мѣшай, я заниматься буду,—говоритъ Митяй, стараясь тономъ голоса подра-

жать папѣ. Онъ достаетъ книжки, тетрадь, тщательно разлиновываетъ бѣлую страничку, вытираетъ перышко и начинаетъ списывать.

Катюшка тащитъ скамейку, примащивается на полъ, чертитъ каракульки и говоритъ съ важнымъ видомъ:

— Не мѣшай мнѣ, Митянька, я занимаюсь.

Проходитъ съ часъ, Митяй сидитъ, не разгибаясь. Вдругъ по его тетрадкѣ начинаетъ прыгать золотой зайчикъ. Онъ поднимаетъ голову. Тучи разошлись. Солнце ярко свѣтитъ. Небо голубое.

— Айда, Катюшка,— говоритъ онъ,— кончилъ дѣло, гуляй смѣло, идемъ гулять!

Онъ ведетъ сестру въ дѣтскую, вытаскиваетъ изъ комода теплыя гамаши, галошки, навертываетъ на дѣвочку два платка внизъ, затѣмъ сверхъ всего надѣваетъ теплое пальто и осторожно сводитъ ее внизъ по лѣстницѣ. Они идутъ на бульваръ, и Катюшка всю дорогу щебечетъ.

— А, дядя Митяй!—встрѣчаетъ его знакомый чиновникъ.— Какъ поживаешь?—говоритъ онъ, протягивая ему руку.

Митяй серьезно ее пожимаетъ.

— Такъ себѣ,—отвѣчаетъ онъ на привѣтствіе,—не очень-то!

— Что такъ?

— Да такъ ужъ,—и Митяй грустно улыбнулся.

Они гуляютъ долго, наслаждаясь погожимъ денькомъ и жадно вдыхая въ себя свѣжій воздухъ. Къ обѣду пора домой. Катюшка упрямится и шлепаетъ ногой по лужѣ. Митяй, не обращая вниманія, продолжаетъ путь.

— Небось, струсишь, одна на улицѣ не останешься.

II.

И вдругъ Катюшка, эта толстая, здоровенная, румяная Катюшка заболѣла. Вечеромъ у нея сдѣлался жаръ, всю ночь она прокашляла какимъ-то страшнымъ, лающимъ кашлемъ, на другой день лежала тихая-тихая, даже не капризничала, только медленно поднимала потускнѣвшіе глазки и чуть-чуть стонала.

Пріѣхалъ докторъ, потомъ два доктора. Катюшку вертѣли въ разныя стороны, стукали, щупали. Семениха раза четыре бѣгала въ аптеку за лѣкарствомъ.

Митяй не отходилъ отъ сестры.

— Хочешь сказочку Катюша, а?—и онъ шевелилъ пальцемъ ея горячую ручку.—Иль картинки принести?

Дѣвочка молчала, и только какой-то хриплый свистъ вырывался изъ ея груди.

— Уйди ты, Бога ради, не приставай къ ней,—съ сердцемъ говорила мама и, стиснувъ до боли Митину руку, отшвыривала его въ уголъ.

Митяй уходилъ къ своему любимому мѣсту у окна и смотрѣлъ на улицу, но теперь слезы застилали глаза и мѣшали ему видѣть.

Мама съ ногъ сбилась, похудѣла, почернѣла какъ-то и вся ушла въ больную Катюшку. Папа не ходилъ на службу и тоже стоялъ цѣлыми днями у маленькой кроватки.

Даже Семениха не ругалась, а подперевъ грязной рукой толстую щеку, шумно вздыхала, глядя на больную барышню.

— Чисто анделочекъ лежитъ,—со скорбнымъ умиленіемъ произносила она.

— Крупозное воспаленіе лѣваго легкаго,—заявили, наконецъ, доктора, а на вопросъ: ну, что, какъ? — неопредѣленно развели руками.

Черезъ четыре дня Катюшка такая же хорошенькая, такая же улыбающаяся, какъ всегда, только уже не розовая, а бѣлая, какъ мраморная, лежала въ нарядномъ глазетовомъ гробикѣ, вся усыпанная первыми весенними цвѣтами. Папа стоялъ у гроба, опустивъ голову и сгорбившись; между бровей у него легла глубокая складка.

Мама... съ мамой Богъ знаетъ что дѣлалось. Но Митяй ее почти не видалъ, такъ какъ его зачѣмъ-то постоянно отводили отъ нея. Митяй не плакалъ, но никогда еще ему не было такъ тоскливо, какъ теперь. Онъ блуждалъ по комнатамъ, подходилъ къ Катюшкѣ, становился на цыпочки и старался заглянуть ей въ лицо.

«А почемъ они знаютъ, что она умерла, можетъ, она спитъ,— думалъ онъ,—болѣла, болѣла, устала и заснула, а они ее схоронятъ. А, можетъ, съ ней летаргическій сонъ.

Митяй отъ кого-то слыхалъ, что бываетъ такая болѣзнь — летаргическій сонъ.

— Катюшка, проснись, милая...—шепталъ онъ.—А, Катюшка?—Молчитъ.

Цѣлый день и ночь надъ Катюшкой читаетъ что-то черная монашка.

«Чего она читаетъ, — съ какою-то скорбью думалъ Митяй,— чудная, будто Катюшка понимаетъ?»

Онъ пошелъ въ дѣтскую, взялъ любимую книжку со стихами и повертѣлъ ее въ рукахъ. Чтеніе не шло ему на умъ.

Вотъ пятно. Это тогда Катюшка молокомъ плеснула, и онъ забранился, а теперь онъ бы не забранился; охъ, теперь бы онъ ей всѣ свои книжки, всѣ картинки бы отдалъ, только бы она проснулась.

Но Катюшка не просыпалась, ее снесли на кладбище и похоронили.

Прошло два мѣсяца. Жутко они прошли для Митяя. Все у нихъ въ домѣ будто перемѣнилось. Точно что-то унесла съ собою въ могилу веселая Катюшка.

Папа все хмурится, да хмурится и какъ-то озабоченно грустно смотритъ на Митяя. А мама, наоборотъ, отъ него отворачивается и почти ни слова не говоритъ съ нимъ. Митяй боится ее и жалѣетъ. Она стала такая худая, прозрачная.

«Бѣдная мама, она сама заболѣла, она по Катюшкѣ скучаетъ»,—думаетъ Митяй. Ему часто хочется подойти къ ней и приласкаться, но онъ какъ-то инстинктивно не дѣлаетъ этого.

— Папочка, отчего это мама такая, отчего она со мной не разговариваетъ?

Отецъ вздыхаетъ.

— Оставь ее, Митяй, ты большой мальчикъ, ты долженъ понимать... Видишь, она разстроена, больна; ее нельзя безпокоить.

И Митяй старается не безпокоить мамы. Онъ ходитъ наципочкахъ, разговариваетъ шепотомъ. Даже по ночамъ старается не кричать, хотя ему иногда бываетъ страшно, — ахъ, какъ ужасно страшно! И голова болитъ все чаще и чаще, и затылокъ, и спина. Но онъ большой мальчикъ, онъ будетъ умникъ, только бы мама утѣшилась и приласкала его.

И вдругъ въ одну ночь, когда Митяй опять не спалъ и, уставившись въ одну точку, смотрѣлъ въ глубокое черное пространство, и ночные страхи заползали ему въ душу, онъ за стѣной услышалъ шорохъ.

— Слава Богу, папа съ мамой проснулись, не спятъ, теперь не страшно будетъ, — онъ облегченно вздохнулъ. — Разговариваютъ. Да, папа съ мамой разговариваютъ,—и Митяй отъ слова до слова слышалъ весь ихъ разговоръ.

— Дѣтка моя, солнышко мое, птичка моя ненаглядная,—сквозь слезы говорила мама,—да неужели же нѣтъ тебя? Не могу... не могу я забыть тебя, не могу успокоиться.

— Да перестань, полно,—утѣшалъ папа,—другія будутъ.

— Ахъ, что мнѣ другія, никого не хочу...

Тутъ они заговорили тише, потомъ Митяй опять услышалъ папинъ голосъ:

— Да ну, хорошо, успокойся только, ну отдамъ его куда-нибудь, въ пансіонъ отдамъ. Только такъ все-таки нельзя, чѣмъ же онъ виноватъ? Онъ, право, славный мальчикъ.

— Не говори, не говори,—почти закричала мама,—видѣть его не могу, отвратительный... Знаю, что я виновата, а все-таки не переношу. Христа ради его съ глазъ моихъ долой... Зачѣмъ она умерла, а не онъ, радость моя, звѣздочка моя ясная... Котенокъ мой бѣленькій...

Тутъ мама зарыдала опять такъ горько и такъ страшно.

И Митяй зарыдалъ. Онъ уткнулся въ подушку лицомъ, чтобы не слышно было.

— Мама... мама... не любитъ... зачѣмъ онъ не умеръ... зачѣмъ... видѣть его не можетъ. Да за что же? Вѣдь онъ всегда слушался, онъ не шалилъ...

Сквозь щель въ ставнѣ забрезжилъ бѣлый разсвѣтъ. Пропѣлъ пѣтухъ три раза. Въ спальнѣ успокоились. Бѣдная мама намучилась и заснула подъ утро. А маленькій больной мальчикъ не спитъ, онъ смотритъ все въ одну точку своими остановившимися огромными глазами, а блѣдныя губы тихо, не переставая шепчутъ все одно и то же слово: «не любитъ... не любитъ».

О. Л.

О, какъ нужна гроза.

Спаленный солнцемъ край забылся тяжкимъ сномъ.
Унынiе въ селѣ, унынье за селомъ.
И хаты хмурыя, и пыльныя деревья,
Въ бурѣющей степи безмолвныя кочевья
И всходы тощiе на пажитяхъ сухихъ—
Все блекнетъ безъ дождей,—ждетъ, не дождется ихъ...
Но высь лазурная безжалостно ясна.
Съ тоской глядитъ народъ въ пылающее небо
И скорбно молитъ онъ: «взгляни же, какъ нужна,
О, Боже праведный, гроза для травъ и хлѣба!...»

Безсильно дремлетъ мысль... Душа глубоко спитъ...
Хоть дышитъ громко грудь, хоть сердце въ ней стучитъ,
И совершаемъ мы привычныя движенья,
Но жизни красота и смыслъ, и упоенье
Такъ недоступны намъ, отъ насъ такъ далеки
И наша жизнь полна унынья и тоски—
Безъ бури, безъ тревогъ, въ спокойствiи докучномъ...
О, нѣтъ! Ужель вся жизнь въ однообразьи скучномъ
Какъ лѣто безъ грозы—пройдетъ въ нѣмой тиши?...
О, какъ нужна гроза для дремлющей души!...

А. М. Вербовъ.

Источникъ и механизмъ психической дѣятельности.

I.

Живой организмъ есть очагъ превращеній *матеріальныхъ* и *динамическихъ*; первыя состоятъ въ постоянномъ разложеніи веществъ, изъ которыхъ образованъ самъ организмъ, и въ постоянномъ замѣщеніи этихъ веществъ другими, взятыми изъ окружающей среды; этотъ обмѣнъ составляетъ «растительную жизнь», или *питаніе* всякаго живого существа; благодаря ему поддерживается цѣлость химическаго состава и строенія тѣла. Превращенія же динамическія представляютъ собою жизнь «животную» или взаимоотношенія между живымъ существомъ и окружающей средой и состоятъ въ постоянномъ выдѣленіи *живой силы* на счетъ *скрытой*, заключенной въ питательныхъ веществахъ, поглощенныхъ и усвоенныхъ организмомъ. Живая сила выдѣляется почти исключительно въ видѣ теплоты; но, подъ вліяніемъ внѣшнихъ впечатлѣній, часть этой теплоты уходитъ на механическую работу, совершаемую мышечными сокращеніями; внѣшнія впечатлѣнія служатъ лишь толчкомъ, вызывающимъ движенія. Благодаря чувствительности, организмъ узнаетъ о томъ, что происходитъ вокругъ него; благодаря *двигательности*, онъ можетъ поступать сообразно ощущеніямъ, произведеннымъ въ немъ внѣшними впечатлѣніями. Связь между ощущеніями, испытываемыми организмомъ, и его движеніями очевидна: это—связь причины со слѣдствіемъ; движенія не только вызываются ощущеніями, безъ которыхъ животное не имѣетъ никакого повода двигаться, но и постоянно направляются ими; понятно, что иначе движенія лишь рѣдко и случайно вели бы къ полезной цѣли и часто давали бы обратный результатъ: въ темнотѣ мы можемъ попасть въ яму или наткнуться на стѣну; при свѣтѣ же нами руководитъ зрѣніе и указываетъ препятствія; при отсутствіи зрѣнія, обоняніе, слухъ или осязаніе замѣняютъ его; судороги совершаются въ чистую потерю. Ощущенія опредѣляютъ видъ, силу и продолжительность движеній, благодаря особому расположенію нервной системы. Между органами чувствъ и органами движенія нѣтъ никакого прямого сообщенія; но, посредствомъ центробѣжныхъ и центростремительныхъ нерв-

ныхъ проводниковъ, они соединены съ нервными центрами (спиннымъ и головнымъ мозгомъ); центры получаютъ впечатлѣнія извнѣ и отвѣчаютъ на нихъ возбужденіемъ различныхъ движеній. Эта непрерывная цѣпь явленій, изъ которыхъ первымъ звеномъ является внѣшнее впечатлѣніе, а послѣднимъ—движеніе, совершается благодаря удивительному механизму такъ называемой *отражательной дѣятельности* (рефлексовъ); механизмъ этотъ дѣйствуетъ такимъ образомъ, что распредѣленіе, продолжительность и напряженность двигательнаго, нервнаго потока зависитъ отъ различныхъ качествъ чувствительнаго потока: въ темнотѣ зрачокъ расширенъ, потому что раекъ не сокращенъ; подъ вліяніемъ же свѣта, дѣйствующаго на сѣтчатую оболочку, раекъ сокращается, и зрачокъ сжимается; чѣмъ ярче свѣтъ, тѣмъ болѣе зрачокъ суживается, и если перегородка (раекъ) не въ состояніи достаточно защищать глазъ отъ сильнаго свѣта, то мускулы рѣсницъ сближаютъ рѣсницы, или же мускулы шеи отворачиваютъ голову, или мускулы руки поднимаютъ руку и дѣлаютъ изъ кисти козырекъ. Однако свѣтъ не можетъ дѣйствовать непосредственно на мускулы, — онъ дѣйствуетъ исключительно на сѣтчатую оболочку, раздраженіе послѣдней въ свою очередь не можетъ имѣть никакого непосредственнаго вліянія на мускулы; но это раздраженіе приводитъ въ дѣйствіе волокна зрительнаго нерва, которыя проводятъ его до зрительнаго центра въ мозгу, а мозгъ направляетъ его на волокна двигательнаго нерва райка, рѣсницъ, шеи, руки. Не всѣ рефлексы, конечно, такъ просты; они, напротивъ, обыкновенно гораздо сложнѣе, особенно когда ведутъ къ продолжительнымъ родамъ движеній; но основной механизмъ вездѣ одинъ и тотъ же: при встрѣчѣ волка съ ягненкомъ, ягненокъ убѣгаетъ, волкъ бросается за нимъ,—тотъ и другой совершаютъ длинный рядъ движеній, согласно впечатлѣнію, произведенному ими другъ на друга; воръ, собирающійся вытащить кошелекъ изъ кармана прохожаго, не исполняетъ своего намѣренія и прикидывается невиннымъ гуляющимъ, если вдругъ замѣтитъ полицейскаго на углу. А между тѣмъ всѣ наши поступки не всегда имѣютъ единственнымъ и непосредственнымъ источникомъ внѣшнія впечатлѣнія, вліяющія на органы чувствъ; это прямое отношеніе между чувствительностью и двигательностью достаточно развѣ для простой дѣятельности низшихъ животныхъ; но, по мѣрѣ того, какъ эволюція усовершенствоваетъ организмы, по мѣрѣ того, какъ ихъ дѣятельность усложняется, является новый посредникъ между дѣйствіемъ внѣшняго міра на животныхъ и обратнымъ дѣйствіемъ послѣднихъ. Этотъ посредникъ не что иное, какъ міръ *представленій* или психическая жизнь (память, чувства, разумъ, воля); она пріобрѣтаетъ у высшихъ животныхъ, и особенно у человѣка, громадное значеніе; у насъ это значеніе до того велико, что намъ часто кажется, будто одни представленія и вызываютъ всѣ наши дѣйствія и управляютъ нашимъ поведеніемъ; внѣшнія впечатлѣнія стушевываются, иногда исчезаютъ передъ этимъ посредникомъ и служатъ только для того, чтобы руководить движеніями, необходимыми для *исполненія* дѣйствій, предпринятыхъ подъ вліяніемъ представ-

леній. Напримѣръ, хорошая погода, я собираюсь прогуляться; вдругъ надвигаются тучи, накрапываетъ, потомъ идетъ проливной дождь; я остаюсь дома; тутъ, явнымъ образомъ, главная роль принадлежитъ внѣшнимъ впечатлѣніямъ. Но, въ другой разъ, я сижу за письменнымъ столомъ, работа накопилась, и я не думаю идти гулять; вдругъ входитъ знакомый и предлагаетъ прогулку; я колеблюсь, отказать неловко; однако, если я пойду, то не кончу во-время рукописи, не успѣю отправить спѣшное письмо, да еще опоздаю на ужинъ; наконецъ, другой знакомый долженъ зайти по дѣлу; ну, а какъ онъ меня не застанетъ? Да который часъ? Пятый! Нѣтъ, невозможно, и т. д. Въ концѣ концовъ рѣшаюсь ли я идти, или оставаться, тутъ кромѣ перваго толчка—звукового впечатлѣнія—весь процессъ состоитъ изъ рядовъ представленій, и это тѣмъ болѣе такъ, чѣмъ сложнѣе и важнѣе предпринятый поступокъ: женитьба или разводъ, покупка или продажа имѣнія и т. п. Вліяніе представленій часто выдается и у высшихъ животныхъ: собака одна въ комнатѣ, на столѣ кусокъ мяса, ей ужасно хочется съѣсть его, но она «вспоминаетъ» о томъ, какъ ее высѣкли за подобный поступокъ, т.-е. ей «представляются» хозяинъ, хлыстъ, боль, и она воздерживается, не смѣетъ коснуться до запрещеннаго лакомства. На этомъ свойствѣ возникновенія представленій, согласно законамъ «ассоціацій идей», основано все воспитаніе животныхъ и людей.

Но психическая дѣятельность не есть нѣчто существенно различное отъ чувствительности; она есть только дальнѣйшій расцвѣтъ послѣдней, и этотъ расцвѣтъ тѣмъ пышнѣе и роскошнѣе, чѣмъ выше организація животнаго, чѣмъ большаго развитія достигаютъ его нервные центры, и въ концѣ концовъ психическая дѣятельность хотя и служитъ источникомъ болѣе сложныхъ поступковъ у высшихъ организмовъ, сообразуя эти поступки съ воспоминаніями и стремленіями, развертывающимися въ сознаніи,—она, въ свою очередь, сама все-таки вызывается и направляется чувствительностью, ея единственнымъ источникомъ. Это мы и хотимъ выяснить въ слѣдующихъ страницахъ.

II.

Наши органы чувствъ получаютъ внѣшнія впечатлѣнія и доставляютъ намъ различнаго качества ощущенія; но не сами же органы *чувствуютъ* эти впечатлѣнія; послѣднія чувствуются въ соотвѣтствующихъ частяхъ нервныхъ центровъ, въ чувствительныхъ центрахъ. Органы чувствъ (напримѣръ—глазъ) превращаютъ внѣшнія впечатлѣнія (свѣтъ) въ нервную дѣятельность; послѣдняя, разъ уже вызванная въ окончаніяхъ чувствительныхъ нервовъ, распространяется во всю длину этихъ нервовъ, ведущихъ ее къ нервнымъ центрамъ и вызывающихъ такимъ образомъ дѣятельность этихъ центровъ, и только эта центральная дѣятельность и испытывается личностью, какъ *сознательное* ощущеніе, съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы она была достаточно сильна и продолжительна. Пока нервный центръ находится въ бездѣйствіи, мы ничего не испытываемъ, хотя бы даже нерв-

ныя окончанія находились въ дѣйствіи; наоборотъ, можно испытывать соотвѣтствующія ощущенія всякій разъ, какъ нервный центръ начинаетъ дѣйствовать, независимо отъ нервныхъ окончаній или даже при отсутствіи послѣднихъ. Центры бездѣятельны при слѣдующихъ обстоятельствахъ: во время глубокаго сна, безъ грёзъ, когда, проспавъ нѣсколько часовъ, пробуждаешься вдругъ съ убѣжденіемъ, какъ будто только что заснулъ; также подъ вліяніемъ морфина, при безчувствіи, вызванномъ эфиромъ или хлороформомъ, при обморокѣ, при сотрясеніи мозга, наконецъ, когда тотъ или другой центръ былъ уничтоженъ патологической причиной или вмѣшательствомъ хирургіи. Во всѣхъ этихъ случаяхъ нѣтъ никакого ощущенія, никакого сознанія о чемъ бы то ни было и, слѣдовательно, никакого обратнаго дѣйствія, никакого движенія: всѣ рефлексы уничтожены, мускулы всѣ совершенно бездѣятельны.

Центростремительные нервы, съ другой стороны, могутъ быть бездѣятельны по разнымъ причинамъ: отсутствіе впечатлѣній, относящихся къ тому или другому органу чувствъ (темнота для глаза), или же уничтоженіе конечнаго органа болѣзнью, несчастнымъ случаемъ или операціей (выколотый глазъ), наконецъ патологическій, случайный или хирургическій разрывъ нерва, который связываетъ этотъ органъ съ нервными центрами (разрѣзъ глазного нерва). Однакоже во всѣхъ этихъ случаяхъ центры, которые не могутъ больше получать никакого впечатлѣнія извнѣ, могутъ, тѣмъ не менѣе, дѣйствовать, и когда они это дѣлаютъ, личность испытываетъ соотвѣтствующія ощущенія: такъ, напримѣръ, претерпѣвшіе ампутацію (отнятіе руки или ноги при операціи) чувствуютъ иногда отрѣзанную конечность, особенно во снѣ; слѣпые или глухіе видятъ или слышатъ во снѣ, въ то время, какъ ихъ глаза или уши не получили никакого свѣтового или слухового раздраженія; бодрствованіе нисколько не исключаетъ участія въ нашемъ сознаніи такого рода ощущеній; они, напротивъ, постоянно присоединяются къ ощущеніямъ, вызваннымъ въ насъ окружающей средой, и постоянно измѣняютъ отвѣтъ организма на временныя впечатлѣнія и такимъ образомъ обусловливаютъ цѣлый рядъ дѣйствій безъ непосредственной связи съ внѣшними обстоятельствами; подобныя дѣйствія тѣмъ болѣе независимы отъ этихъ обстоятельствъ, чѣмъ сложнѣе и длиннѣе рядъ представленій, обусловливающій и предшествующій ихъ исполненію. Чѣмъ же ощущенія, происходящія отъ центральной дѣятельности, отличаются отъ ощущеній, возбужденныхъ внѣшними впечатлѣніями? Первыя называются *субъективными* въ отличіе отъ вторыхъ, называемыхъ *объективными;* но какъ первое, такъ и второе выраженія совершенно неясны, неточны, даже просто ошибочны: первое—плеоназмъ, второе—противорѣчіе. И дѣйствительно, *всякое* ощущеніе есть абсолютно субъективное явленіе; только испытывающій это ощущеніе сознаетъ его непосредственно, каждый сознаетъ только свои собственныя ощущенія и никто не можетъ испытывать ощущенія другого такъ, какъ испытывалъ бы свои собственныя; онъ можетъ только имѣть о нихъ понятіе, представленіе, сообразно тому, какъ другіе выражаютъ или обнаружива-

ютъ свои ощущенія, т.-е. объективируютъ ихъ внѣшними знаками (мимикой, положеніемъ тѣла, жестами, словами), похожими на тѣ, которыми онъ самъ выражаетъ подобныя ощущенія. Итакъ, выраженія: *объективныя* и *субъективныя* ощущенія—не относятся къ самимъ ощущеніямъ, но *къ ихъ происхожденію,* внѣшнему или внутреннему; обыкновенно называютъ «объективными» тѣ ощущенія, которыя имѣютъ непосредственнымъ своимъ происхожденіемъ впечатлѣнія, произведенныя внѣшними реальными предметами на наши органы чувствъ; называютъ «субъективными» тѣ ощущенія, которыя имѣютъ своимъ происхожденіемъ дѣятельность центровъ, возникшую независимо отъ периферическихъ органовъ, или, лучше, для которыхъ настоящія впечатлѣнія внѣшней среды служатъ только далекой, косвенной причиной.

Наше сознаніе постоянно занято этими *двумя родами* ощущеній, которыя господствуютъ поочереди другъ надъ другомъ, и наши дѣйствія внушаются и руководятся то однимъ, то другимъ родомъ ощущеній; вотъ почему наши поступки не всегда соотвѣтствуютъ впечатлѣніямъ, которыя доставляются органами чувствъ. Различіе между простой чувствительностью и психичностью сводится, значитъ, на слѣдующее: чувствительность состоитъ изъ группъ и рядовъ объективныхъ ощущеній, освѣдомляющихъ насъ о томъ, что совершается вокругъ насъ; психическая же дѣятельность состоитъ изъ группъ и рядовъ субъективныхъ ощущеній, и она даетъ намъ знать о томъ, что совершается въ насъ самихъ.

Но чтобы быть нормальной и не удаляться отъ здраваго смысла, психика должна быть вызвана и руководима объективными данными, раньше доставленными внѣшнею дѣятельностью. И въ самомъ дѣлѣ, какъ только психическая дѣятельность удаляется отъ этой дѣйствительности, она бродитъ наудачу, отстаетъ или убѣгаетъ впередъ, теряется въ непониманіи, въ глупости или же въ бреду, въ безуміи. Съ нею происходитъ тогда то же самое, что съ движеніями: отклонившись отъ чувствительности, они не производятъ полезной работы, совершаются въ безпорядкѣ, съ прямой потерей,—какъ, напримѣръ, въ судорогахъ. Психическая дѣятельность, слѣдовательно, точно такъ же, какъ и движенія, связана съ чувствительностью, какъ своимъ нормальнымъ источникомъ; и теперь мы можемъ сказать, что она состоитъ изъ группъ и рядовъ субъективныхъ ощущеній («представленій»), вызванныхъ и руководимыхъ, посредственно или непосредственно, группами и рядами объективныхъ ощущеній, настоящихъ и прошедшихъ.

III.

Остается выяснить физіологическій механизмъ возникновенія представленій, или лучше—ихъ *возбужденія* другъ другомъ или внѣшними впечатлѣніями.

Всякій чувствительный центръ анатомически связанъ не только съ двигательными центрами, посредствомъ которыхъ онъ вызываетъ отраженныя движенія, но и со всѣми другими *чувствительными* центрами, и, слѣдовательно, можетъ вмѣсто того, чтобы вызвать дѣятельность того или дру-

гого двигательнаго центра, привести въ дѣйствіе любой изъ другихъ чувствительныхъ центровъ, одного какого-нибудь изъ нихъ или нѣсколькихъ, или всѣхъ, смотря по обстоятельствамъ; онъ такимъ образомъ возбуждаетъ соотвѣтствующія ощущенія; «рефлексъ» въ этомъ случаѣ даетъ не отраженное движеніе, а *отраженное ощущеніе*.

Отраженныя ощущенія—не что иное, какъ возрожденіе раньше испытанныхъ ощущеній, полученныхъ прямо извнѣ: мы ихъ обыкновенно называемъ «представленіями»; они суть элементарное психическое явленіе, составляющее *память*, эту первоначальную способность, безъ которой немыслима психическая жизнь. Возникновеніе отраженныхъ ощущеній—воспоминаній—подчинено нѣкоторымъ правиламъ, изъ которыхъ самое важное слѣдующее: когда нѣсколько ощущеній вызывались въ насъ *нѣсколько разъ* однимъ и тѣмъ же предметомъ, и когда мы такимъ образомъ «познакомились» съ этимъ предметомъ, распознали его, то достаточно чтобы одно изъ этихъ ощущеній снова явилось въ нашемъ сознаніи, чтобы и другія, *обыкновенно его сопровождавшія*, тотчасъ же были вызваны игрой механизма межцентральныхъ чувствительныхъ рефлексовъ; мы ихъ себѣ тогда, какъ говорятъ, «представляемъ», т.-е. испытываемъ слабый отблескъ ощущеній, соотвѣтствующихъ различнымъ способамъ, которыми предметъ способенъ поражать насъ, и тогда мы *узнаемъ* предметъ, съ которымъ прежде познакомились; иначе намъ бы приходилось каждый разъ снова изслѣдовать «качества» этого предмета, и наше *знаніе* не могло бы сдѣлать ни одного шага впередъ. Возьмемъ примѣръ: когда нашъ взоръ падаетъ на кусокъ сахара, мы испытываемъ въ дѣйствительности только зрительное ощущеніе небольшого бѣлаго квадрата; но это зрительное ощущеніе сейчасъ же вызываетъ въ насъ соотвѣтствующія ощущенія, хотя и въ ослабленномъ видѣ, различныхъ образовъ, которыми сахаръ обыкновенно дѣйствуетъ на другіе изъ нашихъ органовъ чувствъ: его жесткость, хрупкость и вкусъ. У неговорящихъ животныхъ весь процессъ и останавливается на этомъ непосредственномъ результатѣ опыта; у человѣка онъ идетъ дальше: съ самаго ранняго дѣтства мы привыкаемъ связывать въ нашей чувствительности зрительное, вкусовое и т. д. впечатлѣнія сахара съ *слуховымъ* впечатлѣніемъ; почему?—потому, что обыкновенныя качества сахара постоянно сопровождались извѣстными звуками, составляющими слово «сахаръ», при каждомъ случаѣ повторяемыми лицами, окружающими ребенка; отсюда слѣдуетъ, что при видѣ сахара или при ощущеніи его вкуса въ насъ непосредственно возникаетъ соотвѣтствующее слуховое ощущеніе; мы тогда уже знакомы не только съ самымъ предметомъ, но также съ его голосовымъ знакомъ, т.-е. съ его *именемъ*, и мало-по-малу научаемся произносить подобныя имена, т.-е. *говорить*. Кромѣ того, позже насъ выучиваютъ, какъ обозначать различные звуки членораздѣльной рѣчи посредствомъ *письменныхъ* знаковъ; такимъ образомъ мы узнаемъ, что знаки с, а, х, а, р, ъ представляютъ собою зрительный символъ звука «сахаръ», который въ свою очередь есть символъ предмета, способнаго

вызвать въ насъ ощущенія зрительное, осязаемое и вкусовое извѣстнаго качества. Съ тѣхъ поръ предметъ усвоенъ нашимъ сознаніемъ въ видѣ цѣлой *группы* ощущеній; сахаръ есть группа, состоящая изъ пяти членовъ: зрительнаго ощущенія о его бѣлизнѣ, осязаемаго—о его жесткости, вкусового—о его сладости, слухового, соотвѣтствующаго слову, обозначающему его, и, наконецъ, снова зрительнаго, соотвѣтствующаго этому слову, когда оно написано. И эта группа ощущеній, благодаря постоянному повторенію каждаго изъ нихъ въ связи съ другими, сливается въ такое единство, что впредь достаточно возникновенія одного изъ нихъ, какого бы то ни было, чтобъ и остальныя явились въ нашемъ сознаніи и доставили намъ такимъ образомъ адекватное (равносильное) понятіе о соотвѣтствующемъ предметѣ.

Въ психической дѣятельности человѣка символическія обозначенія вещей берутъ верхъ надъ ихъ реальными свойствами: чѣмъ болѣе дитя развито, чѣмъ болѣе народъ образованъ, чѣмъ болѣе личность просвѣщенна, тѣмъ болѣе подобные символическіе знаки членораздѣльной рѣчи или написанные пріобрѣтаютъ большее значеніе въ разсужденіяхъ и размышленіяхъ ребенка, юноши, взрослаго человѣка.

При достаточномъ развитіи умъ начинаетъ работать почти исключительно посредствомъ этой психической алгебры, что̀ и позволяетъ человѣческой умственной дѣятельности подняться отъ прямого предметнаго ощущенія и отъ эмпирическаго знанія внѣшней обстановки до отвлеченной мысли. Но чтобы эта дѣятельность никогда не теряла соотношенія съ объективной дѣйствительностью, необходимо, чтобъ она часто подкрѣплялась этимъ первоначальнымъ источникомъ и чтобъ она постоянно провѣряла самоё себя: бѣда человѣку, который видитъ только свои собственныя, субъективныя фантазіи; его разумъ неизбѣжно впадаетъ въ плохо-обоснованныя мнѣнія, т.-е. *ошибки грубыя*, въ нелѣпые предразсудки и легко переходитъ въ сферу психіатріи: между предвзятыми, не провѣренными опытомъ, воззрѣніями и заключеніями болѣе или менѣе образованнаго и способнаго человѣка и заблужденіями помѣшаннаго, на котораго дѣйствительность уже вовсе не имѣетъ ни малѣйшаго вліянія, нѣтъ никакой существенной разницы, а только лишь постепенные и едва замѣтные оттѣнки.

Итакъ, человѣкъ обязанъ своимъ психическимъ развитіемъ механизму отраженныхъ ощущеній, но не одному этому механизму, а въ то же время и способности выражать свои чувства и мысли своими символическими знаками, рѣчью и письмомъ. Благодаря этимъ знакамъ, человѣкъ передаетъ человѣку,—родители дѣтямъ, поколѣнія поколѣніямъ,—жизненные опыты; предки «воспитываютъ» потомковъ, а воспитаніе можетъ быть плодоносным и благотворнымъ лишь подъ условіемъ, чтобы внушаемое состояло не изъ субъективныхъ грёзъ, а изъ объективно-установленныхъ и провѣренныхъ воззрѣній и заключеній. Вотъ почему *научный духъ*,—эта потребность неутомимой провѣрки,—есть необходимое условіе и главная основа личнаго и общественнаго усовершенствованія,—словомъ, просвѣщенія.

А. Герценъ.

Новѣйшій фазисъ эволюціи англійской промышленности.

Если Италія издавна считалась классической страной искусства, а Германія — страной философіи, то Англію съ такимъ же правомъ можно назвать страной политической экономіи. Она раньше другихъ странъ достигла высокаго промышленнаго развитія, она въ теченіе поколѣній безраздѣльно господствовала на міровомъ рынкѣ, въ ней впервые получила практическое примѣненіе сила пара, перевернувшая весь строй промышленности; наконецъ, Англія же была родиной классической школы политической экономіи, идеи которой долгое время такъ же безраздѣльно царили въ наукѣ, какъ англійскія издѣлія—на міровомъ рынкѣ. Естественно, что Англія всегда привлекала особенное вниманіе экономистовъ, что исторія ея хозяйства считалась прообразомъ исторіи всѣхъ европейскихъ странъ. Послѣднее положеніе нельзя принять безъ крупныхъ ограниченій, такъ какъ условія промышленнаго развитія Англіи — монопольное положеніе на міровомъ рынкѣ — были совершенно исключительны и ни для какой страны въ мірѣ больше не повторятся.

Тѣмъ не менѣе, судьба англійской промышленности въ высшей степени поучительна и именно потому, что она успѣла развить типическія черты современнаго хозяйства такъ полно и съ такой неумолимой послѣдовательностью, создала такой характерный и цѣльный образецъ капиталистическаго строя, какой врядъ ли когда-нибудь представитъ намъ другая страна. Поэтому всякое измѣненіе въ ея хозяйственномъ строѣ, всякое новое теченіе, проявляющееся въ ея промышленности, представляетъ особенный интересъ, имѣетъ огромное теоретическое значеніе, какъ послѣднее слово капиталистическаго хозяйства въ его наиболѣе чистомъ видѣ.

На этомъ основаніи мы позволимъ себѣ познакомить читателей съ любопытными фактами, сообщаемыми въ мартовской книжкѣ 1899 г. *Contemporary Review* авторомъ статьи *Ростъ монополій въ британской промышленности,* H. W. Macrosty.

Борьба крупной и мелкой промышленности слишкомъ извѣстна, чтобы на ней стоило останавливаться. Уже давно въ Англіи крупное производство

одержало рѣшительную побѣду надъ мелкимъ въ обрабатывающей промышленности, такъ же всецѣло господствовало оно до послѣднихъ десятилѣтій и въ сельскомъ хозяйствѣ *). Новѣйшимъ событіемъ является завоеваніе крупнымъ капиталомъ розничной торговли, которая до сихъ поръ оставалась чужда общему стремленію къ промышленной централизаціи. Въ настоящее время розничная торговля переживаетъ революцію, подобную той, какую въ началѣ этого столѣтія испытала обрабатывающая промышленность, и съ мелкимъ лавочникомъ повторяется исторія ручного ткача. Крупныя фирмы Marshall and Snell, Lipton и др. все больше захватываютъ въ свои руки торговлю, между прочимъ потому, что хорошо извѣстная или ловко рекламированная фирма внушаетъ покупателю довѣріе къ качеству товара. Предпріятія, подобныя магазинамъ (stores) Уитлея, Spier and Ponds и другихъ «универсальныхъ поставщиковъ», соединяющихъ подъ одной крышей рядъ различныхъ соподчиненныхъ отраслей, служатъ неизсякаемымъ источникомъ удивленія для посѣтителей Лондона, для соціалистовъ же они представляютъ воплощеніе мечты Беллами. Какъ быстро расширяются обороты такихъ предпріятій, показываетъ ростъ прибылей фирмы Липтона съ 68,000 фунт. ст. въ 1890 г. до 176,900 фунт. ст. въ 1897 г.

Одновременно въ розничную торговлю начинаетъ проникать акціонерная форма: одна торговая компанія обладаетъ капиталомъ въ 1 мил. фунт. ст., другая—въ $2^1/_2$ мил. фунт. (23.000,000 руб.). Эти колоссальныя предпріятія разбрасываютъ свои отдѣленія по городамъ и селамъ, такъ что мелкій лавочникъ нигдѣ не застрахованъ отъ ихъ конкуренціи, а удобство сообщеній въ наши дни еще болѣе расширяетъ поле ихъ дѣятельности. Напримѣръ, компанія Липтона насчитываетъ 72 отдѣленія въ столицѣ и 181—въ провинціи. Всѣ дешевые рестораны Лондона находятся въ рукахъ четырехъ или пяти компаній. Въ такомъ же положеніи находится въ Лондонѣ торговля молокомъ, табакомъ, химическими продуктами. Одна табачная фирма имѣетъ больше 100 отдѣленій. Продукты умственнаго труда не менѣе монополизированы. Сбытъ книгъ сосредоточенъ въ рукахъ нѣсколькихъ торговыхъ компаній, которыхъ не можетъ теперь миновать ни одинъ авторъ. Изъ книгопродавцевъ извѣстнѣе всѣхъ Смитъ, имѣющій лавки во всѣхъ городахъ, на всѣхъ станціяхъ, чуть не на всякомъ перекресткѣ. Въ библіотечномъ дѣлѣ царитъ компанія Мьюди, имѣющая отдѣленія въ каждомъ городкѣ, покупающая ходкія книги тысячами экземпляровъ, разсылающая ихъ подписчикамъ по деревнямъ и даже за границу. Смитъ и Мьюди являются истинными диктаторами литературы, потому что отъ нихъ зависитъ пустить книгу въ обращеніе, и случается, что писатель въ угоду имъ передѣлываетъ свой романъ **).

---

*) Сельско-хозяйственный кризисъ, тяготѣющій надъ Европой, произвелъ реакцію въ этой области. См. статью René Henry объ этомъ въ *Revue politique et parlementaire* 10 juillet 1898.

**) Данныя о книжномъ и библіотечномъ дѣлѣ взяты не изъ статьи Макрости, а изъ *Русскихъ Вѣдомостей* 1899 г., № 115.

Итакъ, централизація предпріятій дала себя чувствовать въ розничной торговлѣ такъ же сильно, какъ еще раньше въ фабричной промышленности. Но на возрастаніи отдѣльныхъ предпріятій она не остановилась и вызвала въ послѣднее время рядъ новыхъ, по крайней мѣрѣ для Англіи, явленій. За океаномъ, въ Соед. Штатахъ уже лѣтъ 20 тому назадъ стали зарождаться такія формы промышленности, на которыя можно смотрѣть какъ на послѣднее слово централизаціи производства. По крайней мѣрѣ, въ одной отрасли — керосиновомъ дѣлѣ — Америка уже теперь достигла апогея централизаціи, дальше котораго (въ предѣлахъ національной промышленности) идти некуда: всѣ заводы цѣлой страны объединены въ одно колоссальное предпріятіе и сбываютъ свои продукты сообща, по опредѣленному плану. Но этотъ идеалъ централизаціи достигнутъ былъ цѣною пожертвованія основнымъ принципомъ современнаго хозяйства — свободой конкуренціи, и осуществился онъ именно въ той области, гдѣ конкуренція была болѣе всего ограничена и естественнымъ (ограниченность площади добычи нефти), и искусственнымъ (соглашеніе съ желѣзными дорогами) путемъ *). Тотъ же принципъ соглашенія, синдиката, распространился, хотя и не съ такимъ полнымъ успѣхомъ, и на другія отрасли производства и притомъ самыя разнообразныя **) и вездѣ преслѣдовалъ ту же цѣль — ограничить, а то и совсѣмъ устранить конкуренцію между предпринимателями, чтобы добиться болѣе выгодныхъ условій сбыта.

До сихъ поръ англичане считали себя застрахованными отъ образованія синдикатовъ въ своей промышленности. Во-первыхъ, Англія свободна отъ таможенныхъ пошлинъ, которыя, устраняя иностранную конкуренцію, благопріятствуютъ образованію стачекъ между туземными предпринимателями. Во-вторыхъ, синдикаты Соед. Штатовъ прибѣгали нерѣдко къ неблаговиднымъ пріемамъ для осуществленія своихъ плановъ; англичане же хвастаются—и не безъ основанія—глубоко вкорененнымъ въ ихъ націи чувствомъ законности, которое дѣлаетъ невозможными на англійской почвѣ «американскіе» пріемы (наприм., подкупъ правительственныхъ властей). Въ-третьихъ, высказывалась еще — довольно-таки наивная — увѣренность, что жажда денегъ не такъ сильно развита въ Англіи, какъ въ Америкѣ, и слѣдовательно не даетъ такихъ крайнихъ отрицательныхъ явленій.

Дѣйствительность разбила всѣ эти оптимистическія иллюзіи. Англійскіе предприниматели, какъ и всякіе другіе, ведутъ междоусобную войну до тѣхъ поръ, пока разсчитываютъ поживиться, расширить свой сбытъ и капиталъ на счетъ конкурентовъ. Но когда пониженіе цѣнъ, служащее оружіемъ въ этой войнѣ, доходитъ до той точки, на которой исчезаетъ всякая

---

*) См. статью Paul de Rousiers въ *Revue des Deux Mondes* 1898 г., 1 et 15 septembre,—*Le trust du pétrole*.

**) Въ 1890 г. Бэкеръ насчитывалъ 59 товаровъ, служившихъ въ разное время предметами трестовъ, начиная съ сахара и желѣзныхъ рельсовъ и кончая касторовымъ масломъ, грифельными досками, карандашами и гробами. См. *Гобсонъ:* „Эволюція капитализма", стр. 167.

прибыль, на помощь является перемиріе, въ особенности, если къ тому времени конкуренція сократитъ число предпринимателей въ такой степени, что облегчитъ соглашеніе между ними. Тогда является на сцену новая тенденція—ограничивать соперничество и задерживать паденіе цѣнъ въ ущербъ потребителю. Эта самая тенденція и составляетъ характерную черту промышленнаго міра Англіи въ наши дни.

Розничные торговцы уже замѣтили, что конкуренція дошла до того предѣла, послѣ котораго она перестаетъ быть выгодна, и, какъ слѣдствіе этого, между ними пробивается стремленіе къ ея упраздненію. Колоніальныя лавки, табачныя, москательныя (chemist), булочныя образуютъ болѣе или менѣе крѣпкія мѣстныя ассоціаціи, а послѣднія въ свою очередь объединены въ національные союзы. Эти союзы оказываютъ давленіе на желѣзнодорожныя компаніи съ цѣлью добиться сбавокъ въ тарифѣ и на правительство съ цѣлью предотвратить изданіе законовъ, угрожающихъ ихъ интересамъ; они борются съ злоупотребленіями въ торговлѣ и часто отстаиваютъ свои классовые интересы въ судахъ. Союзъ для защиты торговцевъ въ Шотландіи велъ въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ ожесточенную кампанію противъ кооперативныхъ лавокъ и пытался вытѣснить ихъ представителей съ мѣстныхъ рынковъ. Но союзы лавочниковъ задаются цѣлью устранить не только постороннюю, но и взаимную конкуренцію. Ассоціація торговцевъ колоніальными товарами полагается, главнымъ образомъ, на силу своего нравственнаго вліянія для удержанія своихъ сочленовъ отъ разорительнаго пониженія цѣнъ; но въ нѣкоторыхъ случаяхъ она прибѣгаетъ и къ болѣе дѣйствительнымъ средствамъ: во многихъ мѣстахъ союзъ устанавливаетъ прейскурантъ цѣнъ, одинаковый для всѣхъ магазиновъ. Повидимому, дѣятельность подобныхъ союзовъ будетъ развиваться именно въ этомъ направленіи, такъ какъ въ пекарномъ промыслѣ, организованномъ лучше другихъ, этотъ пріемъ назначенія цѣнъ преобладаетъ; публика замѣчаетъ изъ газетъ, какъ равномѣрно поднимается цѣна хлѣба въ цѣломъ округѣ, но рѣдко кто подозрѣваетъ, какая организація кроется за этимъ: если какой-нибудь булочникъ уклонится отъ установленныхъ союзомъ цѣнъ, то союзъ быстро расправляется съ нимъ, доводитъ его до разоренія, спуская на время цѣны ниже того уровня, какой можетъ выдержать отдѣльный лавочникъ. Въ табачной торговлѣ достигнуть такой нормировки цѣнъ пока не удалось, такъ какъ нѣкоторыя крупныя фирмы еще сопротивляются ей.

Изъ всѣхъ розничныхъ торговцевъ лучшую организацію создали себѣ аптекаря и дрогисты, которыхъ подготовила къ этому ихъ привычка соединяться въ мѣстныя ассоціаціи фармацевтовъ и обязательная принадлежность ихъ къ фармацевтическому обществу. «Союзъ торговцевъ патентованными медикаментами» обнималъ въ 1897 г., черезъ годъ послѣ своего основанія, всѣхъ оптовыхъ торговцевъ Лондона, за исключеніемъ одного, и 1,700 розничныхъ; онъ устанавливаетъ цѣны и издаетъ свою газету.

Иногда ассоціаціи химическихъ торговцевъ идутъ далѣе, то закупая со-

обща товаръ, какъ въ Плимутѣ, то даже заводя собственное производство его. До 4,000 химиковъ составили компанію для изготовленія искусственныхъ минеральныхъ водъ; компанія поставляетъ ихъ только своимъ членамъ и устраняетъ всякаго посторонняго производителя.

Обезпечивая себѣ съ одной стороны выгодныя продажныя цѣны, розничный торговецъ старается, съ другой стороны, увеличить свою прибыль на счетъ оптоваго купца, а этотъ въ свою очередь перелагаетъ свои убытки на поставщика-фабриканта. Первое движеніе фабриканта, разумѣется, сдѣлать то же и переложить свои убытки на рабочихъ, но здѣсь онъ наталкивается на стойкое сопротивленіе рабочихъ союзовъ всякому пониженію заработной платы. Поэтому фабрикантъ выпужденъ искать себѣ выхода другими путями. Прежде всего онъ старается обойтись вовсе безъ посредниковъ: производителямъ новыхъ товаровъ, велосипедовъ и швейныхъ машинъ, это уже удалось; подобно имъ, и въ другихъ отрасляхъ крупныя фирмы сносятся съ потребителями безъ помощи постороннихъ лицъ. Крупныя пивоварни почти совсѣмъ вытѣснили самостоятельныхъ кабатчиковъ, открывая пивныя на имя своихъ агентовъ и обязывая ихъ продавать только извѣстный сортъ питей. Такъ же точно поступаютъ крупныя мельницы съ булочными, иногда сажая туда своихъ приказчиковъ, иногда же открывая частному булочнику кредитъ съ обязательствомъ не имѣть дѣлъ съ другими мельницами, т.-е. фактически обращая его въ своего приказчика. Но гдѣ розничный торгъ ведется мелкими лавочниками, тамъ услуги посредника необходимы и неизбѣжны.

Другое средство для предпринимателя увеличить свою прибыль—соединеніе подъ своей командой наибольшаго числа различныхъ отраслей. Напримѣръ, кораблестроительное предпріятіе набираетъ себѣ сотни разнообразныхъ спеціалистовъ отъ обойщика до инженера: Виккеръ и К°, изготовлявшій корабельныя брони, купилъ весной 1897 г. Общество постройки и снаряженія кораблей, а позднѣе еще Общество изготовленія ружей и военныхъ снарядовъ. Теперь это единственная фирма, способная выпустить военный корабль, оснащенный до послѣдней мелочи.

Далѣе фабрикантъ старается обезпечить себѣ доходъ помощью патентовъ, исключительнаго права на производство товаровъ опредѣленной марки, путемъ ловкой рекламы и завоеванія новыхъ рынковъ. Дѣйствительно съ одними патентованными товарами почти только и цѣлаются теперь прибыльныя дѣла, но патенты постоянно вытѣсняются новыми изобрѣтеніями, отысканіе новыхъ рынковъ дѣло не легкое, и остается одинъ путь — объединеніе промышленниковъ съ цѣлью ограниченія конкуренціи. Этотъ новый фазисъ эволюціи промышленности еще мало изслѣдованъ, да и не всегда заинтересованныя лица находятъ выгоднымъ разглашать факты, касающіеся его.

Въ настоящее время отдѣльные союзы если не совсѣмъ исключаютъ, то контролируютъ соперничество въ хлопчатобумажной, нитяной, соляной, щелочной промышленности, въ производствѣ винтовъ и резиновыхъ шинъ.

Равнымъ образомъ нѣтъ болѣе «открытаго рынка» (open market) для никкеля, ртути, свинцовыхъ трубъ и керосина. Неформальное соглашеніе (ring) дюжины бирмингамскихъ фирмъ управляетъ цѣнами металлической посуды. Торговля рельсами находится подъ контролемъ особаго ринга, который однако сильно страдаетъ отъ американской, бельгійской и нѣмецкой конкуренціи.

Наиболѣе интересный примѣръ синдикатовъ представляетъ Бирмингамъ: въ 1891 г. образовался здѣсь союзъ между производителями желѣзныхъ кроватей и далъ такіе блестящіе результаты, что это производство теперь одно изъ самыхъ цвѣтущихъ въ странѣ; естественно, что онъ вызвалъ подражаніе какъ въ ближайшихъ отрасляхъ (наприм., въ изготовленіи пружинныхъ матрасовъ), такъ и въ цѣломъ рядѣ другихъ. Въ настоящее время эти союзы насчитываютъ до 500 предпринимателей и до 20,000 рабочихъ. Учредители ихъ исходили изъ убѣжденія, что не иностранная конкуренція, на которую въ послѣднее время раздавалось столько жалобъ, вредитъ англійскимъ фабрикантамъ, а ихъ собственное взаимное соперничество, и что положить ему конецъ можно только объединеніемъ производителей и установленіемъ цѣны каждаго товара соразмѣрно дѣйствительной стоимости его производства съ прибавкой должной прибыли; эти табельныя цѣны назначаются особыми комитетами, которые входятъ въ подробное разсмотрѣніе всѣхъ условій производства. Но самое интересное въ бирмингамскихъ синдикатахъ не это, а то, что въ основу ихъ положено объединеніе не однихъ предпринимателей, но хозяевъ и рабочихъ вмѣстѣ, и прекращеніе конкуренціи имѣетъ цѣлью поднять не только предпринимательскую прибыль, но и заработную плату. Именно: постоянная плата остается на той высотѣ, на какой ее засталъ синдикатъ, но, во-первыхъ, она уже не можетъ быть понижена безъ согласія рабочихъ, во-вторыхъ, къ ней приплачивается премія, соразмѣряемая съ величиной прибыли по такъ называемой sliding scale. Обыкновенно съ перваго же года дѣйствія синдиката эта премія представляла надбавку 10% къ заработной платѣ. Пререканія между хозяевами и рабочими разбираются примирительными бюро, которымъ удавалось до сихъ поръ улаживать всѣ споры, не прибѣгая къ постороннему посредничеству. Существенно важную часть соглашенія составляетъ обязательство хозяевъ принимать къ себѣ только членовъ рабочаго союза и обязательство рабочихъ не наниматься ни къ какому хозяину, не принадлежащему къ союзу предпринимателей или продающему свой товаръ по цѣнамъ ниже назначенныхъ синдикатомъ. Въ каждой объединенной, такимъ образомъ, отрасли промышленности установленъ особый комитетъ, который собираетъ отъ членовъ союза свѣдѣнія объ условіяхъ иностранной торговли и рекомендуетъ отъ времени до времени мѣры, необходимыя для того, чтобы сообща бороться съ иностранной конкуренціей. Средства борьбы заключаются иногда въ пониженіи цѣнъ на какомъ-либо отдѣльномъ рынкѣ, иногда въ томъ, что заграничныя операціи ведутся уже самимъ союзомъ, а не отдѣльными предпринимателями, иногда, наконецъ, самое производство переносится за

границу, если ничѣмъ инымъ отстоять рынка нельзя. Нѣкоторые синдикаты укрѣпили свое положеніе тѣмъ, что вступили въ союзъ съ тѣми, кто доставляетъ имъ матеріалъ для производства. Интересно отмѣтить еще одну черту: предприниматель, отказавшійся спачала отъ вступленія въ синдикатъ, можетъ быть впослѣдствіи допущенъ сюда только по уплатѣ крупнаго штрафа.

Точную копію бирмингамскаго образца представляетъ союзъ, образовавшійся въ октябрѣ 1894 г. въ красильной промышленности. Съ первыхъ же дней онъ охватилъ 60% всѣхъ хозяевъ и свыше 90% рабочихъ, а скоро заставилъ примкнуть къ себѣ и остальныхъ красильщиковъ тѣмъ, что отозвалъ отъ нихъ присоединившихся къ союзу рабочихъ. Черезъ полтора года послѣ его возникновенія была установлена цѣлая система штрафовъ за нарушеніе постановленій бюро, регулирующаго заработную плату, а также за наемъ рабочихъ или за отказъ послѣднихъ отъ работы, противный условіямъ соглашенія *). Въ настоящее время та же система объединенія переходитъ и въ гончарную промышленность, но тамъ движеніе еще только зарождается.

Въ хлопчатобумажной промышленности прибыль была доведена до минимума иностранной конкуренціей, приливомъ новыхъ капиталовъ, вооруженныхъ послѣдними изобрѣтеніями техники, и давленіемъ могущественныхъ рабочихъ союзовъ. Чтобъ уравновѣсить свои силы съ рабочими, предприниматели уже много лѣтъ старались организоваться, но тщетно, и еще зимой 1897 г. попытка сократить рабочую плату окончилась неудачей вслѣдствіе недостатка единенія среди хозяевъ. Недостатокъ далъ себя чувствовать настолько сильно, что между предпринимателями начали зарождаться отдѣльные кружки, какъ «маленькіе оазы коопераціи посреди пустыни индивидуальной конкуренціи», по выраженію Макрости. Понемногу фабрикантовъ обуяла настоящая страсть къ синдикатамъ. Толчокъ движенію далъ успѣхъ синдиката въ изготовленіи швейныхъ нитокъ: фирма Котса въ Пэсли, обратившаяся съ 1890 г. въ акціонерную компанію съ капиталомъ въ 5.750,000 фун., присоединила къ себѣ въ 1895 г. фирму Керра и въ 1896 г. слилась съ тремя своими главными соперниками: Кларкомъ въ Пэсли, Чадуикомъ въ Болтонѣ и Брукомъ въ Мэльсэмѣ, и съ этого дня ихъ основной капиталъ сталъ давать 20% дивиденда. Въ своемъ циркулярѣ, возвѣщавшемъ о сліяніи фирмъ, гг. Котсъ поясняли: «Совокупный доходъ будетъ значительно увеличенъ выгодами, которыя необходимо проистекутъ отъ сліянія четырехъ фирмъ. Мы не намѣрены поднимать цѣны выше тѣхъ, какія были установлены компаніями, пока онѣ были разъединены, но замѣтное улучшеніе въ цѣнахъ должно обнаружиться на тѣхъ рынкахъ, гдѣ онѣ были чрезмѣрно понижены вслѣдствіе излишней и вредной конкуренціи. Но, совершенно независимо отъ этого исправленія про-

*) Для характеристики англійскаго коммерческаго міра интересно отмѣтить, что за рабочими признается право требовать повышенія заработной платы, если фирма выручила болѣе 5% прибыли. Что сказали бы россійскіе предприниматели, если бы имъ предложили довольствоваться такимъ мизернымъ процентомъ?

дажныхъ цѣнъ, крупныя сбереженія получатся не только въ издержкахъ производства, но и въ издержкахъ по сбыту». Итакъ, синдикатъ не намѣренъ повышать цѣнъ, но однако ожидаетъ замѣтнаго улучшенія въ нихъ и не прочь «исправить» ихъ тамъ, гдѣ онѣ были «чрезмѣрно» понижены. Понятно, что такой дипломатическій языкъ мало былъ способенъ внушить потребителю довѣріе къ дальнѣйшей дѣятельности синдиката.

А дальнѣйшая дѣятельность Котса заключалась въ слѣдующемъ. Въ декабрѣ 1897 г. открыла свои дѣйствія Англійская Компанія для производства швейной бумаги, возникшая изъ сліянія 15 фирмъ, со складочнымъ капиталомъ въ 2.000,000 фун., изъ коихъ на 200,000 фун. паевъ взялъ тотъ же Котсъ. Позднѣе Англійская Компанія присоединила къ себѣ фирму Александера въ Глазго съ капиталомъ въ 475,000 фун. Наконецъ, въ послѣднее время возникъ колоссальный синдикатъ американскихъ фабрикантовъ швейныхъ нитокъ, который вошелъ въ соглашеніе съ союзомъ Котса и Англійской Компаніей въ цѣляхъ предотвращенія нежелательной для всѣхъ трехъ конкурренціи; изъ своего капитала въ 3.720,000 фун. синдикатъ предоставилъ 744,000 фун.—компаніи, а 103,000 фун. все тому же неизмѣнному мистеру Котсу. Присоединеніе немногихъ сохранившихъ независимость ниточныхъ фабрикантовъ къ одному изъ этихъ синдикатовъ теперь только вопросъ времени. Какъ и всегда, примѣръ одной отрасли промышленности подѣйствовалъ заразительно на другую, сосѣднюю, также страдавшую отъ разорительной конкурренціи: стремленіе къ синдикатамъ охватило бумагопрядильщиковъ. Въ мартѣ 1898 г. образовался союзъ прядильщиковъ тонкой бумажной пряжи, включающій 32 предпріятія и владѣющій акціонернымъ капиталомъ въ 4.000,000 фун., не считая 2.000,000 облигаціями (всего на 56.000,000 рублей). Объединеніе было облегчено тѣмъ, что главная доля производства тонкой пряжи была уже сосредоточена въ сравнительно небольшомъ числѣ предпріятій, давно существующихъ и имѣющихъ солидныя торговыя связи.

Теперь находятся на пути къ осуществленію: союзъ прядильщиковъ грубой пряжи въ Ольдгэмѣ съ капиталомъ въ 3.000,000 фунт., союзъ льнопрядильщиковъ въ Бельфастѣ и окрестностяхъ съ капиталомъ въ 4 милл. фунт. и союзъ джутовыхъ фабрикантовъ въ Дёнди съ капиталомъ въ 2 милл. фунт. Общій капиталъ всѣхъ этихъ синдикатовъ въ обработкѣ волокнистыхъ веществъ достигнетъ 28.000,000 фунт., т.-е. 260.000,000 руб., и это еще не конечный предѣлъ. Давленіе конкуренціи чувствуется всюду, и во многихъ мѣстахъ фабриканты бумажныхъ и шерстяныхъ товаровъ такъ малочисленны, что сліяніе ихъ достижимо, вѣроятно, безъ труда.

Объединеніе хлопчатобумажныхъ фабрикантовъ выражается и въ другихъ менѣе рѣзкихъ формахъ, помимо образованія союзовъ и полнаго сліянія коммерческихъ интересовъ, но и эти формы говорятъ о томъ же, именно, что старый духъ индивидуализма исчезаетъ среди ланкаширскихъ фабрикантовъ. Вмѣсто гадательныхъ и туманныхъ свѣдѣній объ общемъ ходѣ торговыхъ дѣлъ, которыми до сихъ поръ довольствовались предпри-

ниматели, прошлою весной нѣкто Гольденъ поднялъ вопросъ о томъ, чтобы правильно доставлять независимымъ другъ отъ друга фирмамъ точныя свѣдѣнія о состояніи рынка, и владѣльцы 80,000 ткацкихъ станковъ договорились сообщать ежедневные отчеты о размѣрахъ своихъ продажъ для опубликованія ихъ на слѣдующій день на манчестерской биржѣ. По мысли Гольдена, эта мѣра должна предупредить рыночную панику и укрѣпить цѣны. Одновременно съ проектомъ Гольдена собственники 38.000,000 прядильныхъ веретенъ вошли въ соглашеніе съ цѣлью учрежденія комитета для защиты интересовъ хлопчатобумажной промышленности передъ парламентомъ и судами. Врядъ ли будетъ преувеличеніемъ сказать, что духъ индивидуализма уже теперь исчезъ изъ Ланкашайра.

Самый совершенный англійскій синдикатъ представляетъ компанія брадфорскихъ красильщиковъ, образовавшаяся менѣе года тому назадъ (декабрь 1898 г.). Она охватываетъ 22 фирмы, т.-е. 90% всѣхъ предпріятій, съ капиталомъ въ 4.500,000 фунт., держитъ 7,500 рабочихъ и получаетъ 225,000 фунт. чистаго дохода. Синдикатъ владѣетъ фактически монополіей и надѣется на увеличеніе своихъ прибылей, благодаря устраненію конкуренціи, централизаціи управленія, соединенію силъ и способностей и спеціализаціи занятій. Такое же объединеніе произошло между шотландскими фабрикантами половой клеенки, и теперь говорятъ о проектѣ подобнаго же синдиката въ бѣлильномъ производствѣ съ капиталомъ въ 6.000,000 фунт.

Переходимъ къ совершенно иной области—къ добывающей промышленности. Здѣсь мы видимъ покамѣстъ только проекты объединенія. Еще въ 1893 г. сэръ Джорджъ Эллiотъ предлагалъ организовать синдикатъ, который охватилъ бы всю добычу каменнаго угля (кромѣ идущаго на выплавку желѣзной руды). Онъ ожидалъ огромныхъ сбереженій отъ того, что каждая копь стала бы разрабатываться сообразно своимъ природнымъ особенностямъ и при отсутствіи конкуренціи не имѣла бы надобности посылать свой уголь на отдаленные рынки, такъ какъ каждой копи былъ бы отведенъ наиболѣе удобный для нея районъ сбыта. Эллiотъ считалъ, что синдикатъ могъ бы выплачивать рудокопамъ увеличенное жалованье и все-таки получать не менѣе 10% дивиденда на свой капиталъ; выше 15% прибыль не должна была бы подниматься безъ согласія департамента торговли.

Но такой синдикатъ съ капиталомъ въ 120.000,000 фунт., т.-е. въ 1.120.000,000 рублей (изъ нихъ $1/3$—въ 5% облигаціяхъ), повидимому, не по плечу даже современной Англіи. Не удался и менѣе обширный синдикатъ копей южнаго Уэльса, который долженъ былъ регулировать добычу угля и распредѣлять производство между отдѣльными копями; не совсѣмъ ясно, почему проектъ этотъ не осуществился, разъ было получено согласіе всѣхъ рудокоповъ и большинства хозяевъ. Далѣе, Ратклиффъ Еллисъ, секретарь федераціи владѣльцевъ копей Іоркшайра, Ланкашайра и центра Англіи (midland), предлагалъ учредить акціонерную компанію для покупки и перепродажи всего угля, добываемаго членами компаніи, по цѣнамъ, назначаемымъ частью мѣстными, частью центральнымъ бюро компаніи. Та-

кимъ образомъ идея синдиката носится въ воздухѣ. Въ Лондонѣ она уже осуществилась хотя отчасти: въ 1896 году изъ 8 крупныхъ фирмъ образовалась одна компанія подъ фирмой Кори и Сынъ съ капиталомъ въ 2.800,000 ф., и ей въ настоящее время принадлежатъ 5/8 всего угля, подвозимаго въ Лондонъ водой. Компанія ожидаетъ большихъ сбереженій отъ объединенія и обѣщаетъ, что ея усилія будутъ направлены на удешевленіе угля для потребителя, такъ какъ прошлый опытъ показалъ, что низкія цѣны и широкій сбытъ выгоднѣе, чѣмъ высокія цѣны. Макрости иронически прибавляетъ, что въ дѣлѣ пониженія цѣнъ потребитель, вѣроятно, возлагаетъ больше надеждъ на конкурренцію угля, подвозимаго желѣзными дорогами.

Перевозочная промышленность также представляетъ много примѣровъ монополій. Сообщеніе съ Востокомъ, съ мысомъ Доброй Надежды, съ Австраліей и, все въ большей мѣрѣ, сообщеніе съ Америкой находятся во власти особыхъ синдикатовъ. Какъ объяснялъ предсѣдатель Восточной Компаніи въ 1897 г., «не было возможности съ выгодой продолжать пароходныя сообщенія, пока единство тарифа не было установлено соглашеніемъ пароходныхъ компаній. Эти соглашенія могутъ быть уподоблены договорамъ, дѣйствующимъ между различными желѣзнодорожными обществами Соединеннаго Королевства. Между одними и тѣми же пунктами желѣзныя дороги стали взимать одинаковую провозную плату, хотя соперничали другъ съ другомъ въ быстротѣ и числѣ поѣздовъ и въ общихъ удобствахъ. Именно это сдѣлали и пароходныя компаніи». Соглашеніе даже переступаетъ національные предѣлы, что и неизбѣжно въ такомъ международномъ дѣлѣ, какъ мореплаваніе: между англійскими и нѣмецкими компаніями состоялся договоръ, который поднялъ сбитыя конкурренціей тарифныя ставки въ 3—4 раза *).

Понятно, что негоціанты не остались довольны такимъ оборотомъ дѣла, и обвиненія въ допущеніи неравномѣрныхъ фрахтовъ, частныхъ сбавокъ и преимущественныхъ льготъ для иностранныхъ торговцевъ теперь раздаются такъ же часто, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ раздавались во время борьбы съ желѣзнодорожными компаніями. Въ Синей книгѣ, изданной Чемберлэномъ по вопросу объ иностранной конкурренціи (1897 г.) показано, какъ британскіе товары были вытѣснены изъ Китая и Австраліи иностранными, получавшими скрытую субсидію въ формѣ льготныхъ тарифовъ. Такъ, фрахтъ хлопчатобумажныхъ товаровъ на синдикатскихъ корабляхъ равнялся: отъ Ливерпуля до Шанхая—47½ шилл., отъ Нью-Йорка до Шанхая—25—26½ шилл. за тонну. На южно-африканскихъ линіяхъ германо-британскій рингъ (союзъ) возвращаетъ негоціантамъ 10% фрахта на условіяхъ, которыя даютъ судовладѣльцамъ полный контроль надъ морскою перевозкой. Южно-африканскій торговый союзъ, обнимающій 442 фирмы, поста-

*) Какъ выгодны пароходнымъ обществамъ подобныя соглашенія, видно изъ того, что фрахтъ изъ Шанхая въ Лондонъ въ концѣ 1897 г. составлялъ 43,75 франка, въ февралѣ же 1898 г., когда синдикатъ разстроился, фрахтъ упалъ до 28 франковъ. См. статью Leroy-Beaulieu въ *Revue des Deux Mondes* 15 août 1898 г., стр. 842—843.

вилъ себѣ задачей бороться съ этою системой, уничтожающей свободное установленіе фрахтовъ, и добиваться, чтобы британскіе товары несли тарифныя ставки, по крайней мѣрѣ, не выше тѣхъ, какія ложатся на товары, непосредственно конкуррирующіе съ британскими. Союзъ торговыхъ палатъ на ежегодномъ митингѣ своемъ въ 1898 г. приглашалъ правительство отнять субсидію у пароходныхъ обществъ, предоставляющихъ иностранцамъ льготы, которыми не пользуются британскіе купцы.

Такимъ образомъ мы видимъ въ англійской промышленности рѣшительное движеніе въ сторону синдикатовъ, — движеніе, которое представляетъ естественный результатъ конкурренціи и потому не можетъ быть остановлено закономъ. Иногда оно выражается въ формѣ устраненія посредниковъ въ производствѣ или торговлѣ, иногда въ формѣ соглашеній для регулированія цѣнъ, иногда, наконецъ, въ полномъ сліяніи конкуррировавшихъ предпріятій. Выигрышъ отъ этого для народнаго хозяйства заключается въ значительномъ улучшеніи организаціи производства, но это, съ другой стороны, уравновѣшивается рискомъ, что созданная организація обратится противъ потребителя. Она, правда, обезпечиваетъ промышленный миръ, обращаетъ силу конкурренціи не на удешевленіе товаровъ, а на улучшеніе производства, но за то регулированіе цѣнъ дѣлается исключительно съ предпринимательской точки зрѣнія, и если синдикаты не всегда злоупотребляютъ своимъ положеніемъ, то все же дверь для этихъ злоупотребленій всегда остается открытой. Мало того, связывая съ нормировкой цѣнъ регулированіе заработной платы, предприниматели привлекаютъ въ союзники самихъ рабочихъ и создаютъ антагонизмъ интересовъ между рабочими и потребителями. Любопытно, что въ иныхъ случаяхъ англійскіе синдикаты поступаютъ совершенно такъ же, какъ и наши россійскіе: держатъ цѣны на высокомъ уровнѣ у себя на родинѣ, гдѣ они полновластны, и спускаютъ ихъ за границей подъ давленіемъ конкурренціи, заставляя такимъ образомъ британскаго потребителя расплачиваться и за себя, и за иностранца. Какъ видно, человѣкъ всегда остается человѣкомъ, а синдикатъ—синдикатомъ.

«Если синдикаты до сихъ поръ не сдѣлали всего вреда, на какой были способны,—заключаетъ свою статью Макрости,—то это потому, что они находятся еще въ младенчествѣ. Тамъ, гдѣ имъ удалось приблизиться къ идеалу, какъ, наприм., желѣзнодорожнымъ и пароходнымъ обществамъ и національной телефонной компаніи, опытъ показалъ, какъ мало пригодны частные предприниматели, преслѣдующіе только свои личные интересы, къ роли верховныхъ руководителей народной промышленности. Крупный синдикатъ всегда можетъ купить или разорить появляющихся новыхъ соперниковъ *), конкурренція которыхъ подрываетъ его монополію и тѣмъ кос-

*) Что это не только теоретическая возможность, но дѣйствительно практикующаяся синдикатами политика доказываетъ примѣръ американскаго союза производителей желѣзнодорожныхъ вагонныхъ рессоръ: онъ не только вошелъ въ соглашеніе съ американскою стальною ассоціаціей, по которому независимыя компаніи должны

венно ограждаетъ интересы публики. Уже давно желѣзподорожныя общества скупили каналы и фактически закрыли ихъ для движенія; въ ближайшее къ намъ время, національная телефонная компанія выкупила мѣстные телефоны, чтобъ установить весьма тягостную монополію. Въ пароходномъ дѣлѣ всѣ попытки конкуренціи также разбились о синдикаты.

«Истинное средство отъ этого зла было найдено во время долгой борьбы общества съ самой могущественной частною монополіей—съ желѣзными дорогами. Усилія частныхъ лицъ были безплодны, общественное негодованіе было безсильно, на увѣщанія палаты общинъ не обращалось никакого вниманія. Наконецъ, парламентъ вынужденъ былъ вмѣшаться ради защиты публики и отдать подъ непосредственный контроль правительства какъ перевозочные тарифы, такъ и регулированіе рабочаго времени желѣзнодорожныхъ служащихъ. На основаніи отзыва телефоннаго комитета Ганберри (авг. 1898 г.) о томъ, что телефонъ не былъ и не имѣлъ шансовъ стать предметомъ общаго пользованія, министерству почтъ пришлось сломить монополію національной компаніи, допустивъ конкуренцію муниципалитетовъ, съ надеждой на конечную передачу всего дѣла въ руки органовъ самоуправленія или правительства. Въ заключеніяхъ комитета былъ высказанъ далеко идущій принципъ: «Отрасль, столь важная для торговаго міра и при другихъ обстоятельствахъ предназначенная служить на пользу прямо или косвенно всѣмъ классамъ населенія, не должна дѣлаться предметомъ монополіи частной компаніи, для чего нѣтъ никакой ни юридической, ни нравственной необходимости». Очевидно, желѣзныя дороги, копи и многія другія отрасли хозяйства относятся къ той же категоріи. Въ настоящее время государственное вмѣшательство настоятельно требуется для пароходныхъ компаній, а со временемъ явятся и другіе случаи. Не надо также забывать, что государство съ его возрастающимъ обложеніемъ и все болѣе строгими фабричными законами служитъ могущественнымъ стимуломъ къ образованію синдикатовъ, повышая издержки производства. Новѣйшій законъ о вознагражденіи рабочихъ за увѣчья побуждаетъ предпринимателей всей страны объединяться въ цѣляхъ сокращенія расходовъ на страховую премію *), а разъ объединеніе произошло въ одной области дѣла, оно легко распространяется и на другія. Равнымъ образомъ законъ о 8-часовомъ рабочемъ днѣ рудокоповъ, вѣроятно, повелъ бы къ новымъ попыткамъ объединенія владѣльцевъ угольныхъ копій въ виду затрудненій, которыя онъ доставилъ бы мелкимъ или хуже оборудованнымъ предпріятіямъ. Тѣмъ не менѣе, съ оружіемъ государственнаго контроля въ рукахъ, мы

платить 10 долл. лишнихъ на тонну стали, чѣмъ члены союза, но и основалъ особый капиталъ для употребленія его слѣдующимъ образомъ: если независимая компанія дѣлаетъ предложеніе цѣны для поставки рессоръ, одинъ изъ членовъ треста уполномочивается предложить низшую цѣну, которая должна сопровождаться убыткомъ, уплачиваемымъ изъ этого фонда: см. *Гобсонъ*: „Эволюція капитализма", стр. 177.

*) Такое же вліяніе имѣлъ въ Германіи законъ 1884 г. о страхованіи рабочихъ: см. „L'industrie allemande" Рафаэля Леви въ *Revue des Deux Mondes*, 1898, № 4.

можемъ привѣтствовать объединеніе промышленниковъ, а если контроль окажется недостаточнымъ, то намъ еще останется послѣднее средство—выкупъ предпріятій государствомъ и казенное управленіе производствомъ».

Итакъ, конецъ XIX столѣтія въ Англіи совпадаетъ съ концомъ цѣлой эпохи въ исторіи ея хозяйства—съ исчезновеніемъ режима свободной конкуренціи, который упраздняется не какимъ-либо внѣшнимъ давленіемъ, а естественнымъ ходомъ своего развитія. Дурно ли, хорошо ли,—духъ индивидуализма въ промышленности исчезаетъ; вмѣсто взаимной борьбы, предприниматели находятъ болѣе выгоднымъ планомѣрную организацію производства, и bellum omnium contra omnes въ промышленности все болѣе уступаетъ мѣсто общественнымъ договорамъ. Съ этимъ фактомъ защитники неограниченной экономической свободы обязаны считаться, и альтернатива, поставленная передъ ними, не изъ легкихъ. Для процвѣтанія народнаго хозяйства необходима, по ихъ мнѣнію, полная свобода конкуренціи, а свобода естественнымъ путемъ приводитъ къ синдикату, т.-е. къ отрицанію этой самой свободы. Надо ли продолжать теоретически отстаивать принципъ laisser faire, laisser passer, примирившись съ его неизбѣжнымъ практическимъ результатомъ? Но разъ свобода роковымъ образомъ исчезаетъ на практикѣ, то вмѣстѣ съ этимъ падаютъ и всѣ теоретическіе аргументы, которые приводились въ пользу неограниченной свободы конкуренціи. Не правильнѣе ли признать въ теоріи то, что доказала жизнь, и если уже отстаивать необходимость индивидуальной свободы, то не слѣдуетъ ли принять мѣры для защиты ея отъ давленія синдикатовъ? Но это означаетъ согласиться на государственное вмѣшательство. Если манчестерская школа желаетъ играть хоть какую-нибудь активную роль въ современной жизни, она обязана отвѣтить прежде всего на этотъ вопросъ.

Въ виду тѣхъ споровъ, какіе возбуждаетъ у насъ въ послѣдніе годы ученіе Маркса, интересно выяснить, въ какомъ отношеніи къ нему стоятъ всѣ перечисленныя новѣйшія экономическія явленія. Извѣстно, что исторія англійскаго хозяйства легла въ основу изслѣдованій Маркса, и весь первый томъ его «Капитала» построенъ на фактахъ, взятыхъ изъ англійской жизни. Насколько же теперь, черезъ 30 лѣтъ послѣ выхода въ свѣтъ этого труда, оправдалась теорія Маркса?

Въ одномъ отношеніи она несомнѣнно подтвердилась: централизація производства сдѣлала гигантскіе успѣхи, появились предпріятія, или, вѣрнѣе, союзы предпріятій, считающіе свои капиталы десятками милліоновъ рублей; мѣстами, хотя еще рѣдко, они почти достигли идеала—объединенія всей отрасли промышленности подъ однимъ управленіемъ. Сліяніе большинства предпріятій данной отрасли въ одинъ или два могущественныхъ союза даетъ возможность внести въ дѣло извѣстную планомѣрность, положить основаніе организаціи производства хотя бы съ точки зрѣнія предпринимательскихъ интересовъ. Но, на ряду съ этимъ, не должны проходить незамѣченными другія черты современнаго хозяйства, рѣзко противорѣчащія знаменитой схемѣ К. Маркса.

Во-первыхъ, огромная и важная отрасль народнаго хозяйства, земледѣліе пошло своимъ особымъ путемъ развитія и вмѣсто непрерывнаго возрастанія централизаціи его, мы видимъ кризисъ, угрожающій самому существованію капиталистическаго земледѣлія.

Во-вторыхъ, одновременно съ возрастаніемъ размѣровъ предпріятій во всѣхъ другихъ областяхъ промышленности, все больше получаетъ примѣненіе акціонерная форма, совершается замѣна единоличнаго начала коллективнымъ *). Это движеніе не случайно совпадаетъ съ образованіемъ синдикатовъ: послѣдніе образуются всегда изъ союза конкурентовъ, слѣдовательно не могутъ миновать коллегіальной организаціи; сверхъ того, синдикатъ требуетъ такихъ капиталовъ, которыми лишь рѣдко располагаетъ отдѣльное лицо,—вотъ еще причина, почему безъ коллективнаго начала онъ обойтись не можетъ. А разъ синдикатъ сложился, борьба съ нимъ для отдѣльнаго предпринимателя становится непосильна, и акціонерная форма вытѣсняетъ единоличную такъ же, какъ раньше крупная промышленность вытѣснила мелкую. Къ тому же, образованіе синдиката ослабляетъ значеніе крупнѣйшаго недостатка акціонерныхъ компаній: при системѣ свободной конкуренціи единоличныя предпріятія имѣли передъ первыми преимущество большей подвижности, личной иниціативы, приспособляемости къ требованіямъ рынка, и только огромною массой своихъ капиталовъ могли акціонерныя компаніи перетягивать шансы борьбы на свою сторону. При синдикатной организаціи промышленности борьба упраздняется, цѣны перестаютъ колебаться, и все дѣло можетъ благополучно вестись по разъ установленному шаблону.

Побѣда акціонернаго начала влечетъ за собой слѣдующій чрезвычайно важный результатъ: концентрація производства не требуетъ болѣе концентраціи собственности. Размѣры отдѣльныхъ предпріятій могутъ возрастать по требованіямъ наивыгоднѣйшей организаціи дѣла, а параллельно съ этимъ можетъ идти все большее дробленіе капитала между многочисленными акціонерами; число предпріятій можетъ уменьшаться, а классъ капиталистовъ возрастать. Мало того, при доступности акцій разнообразнымъ слоямъ населенія, самый классъ «капиталистовъ» перестаетъ рѣзко обособляться отъ всего населенія, его границы стушевываются, какъ бы расплываются на общемъ фонѣ. Было бы слишкомъ опрометчиво видѣть въ этомъ рѣшеніе соціальнаго вопроса или говорить теперь же о равномѣрномъ распредѣленіи собственности въ народѣ. Мы не рѣшимся даже утверждать, что въ будущемъ акціонерная форма *непремѣнно* повлечетъ за собой болѣе равномѣрное распредѣленіе, но что она способна и даже склонна къ этому, нѣтъ сомнѣнія, и склонна именно потому, что акціи и вообще цѣнныя бумаги представляютъ наиболѣе подвижную и легко дробимую (наприм.,

---

*) О распространеніи акціонернаго начала въ промышленности Бирмингама см. статью *Victor Berard*: „L'Angleterre et l'Empire du monde" въ *Revue de Paris* 1899 года, 15 janvier.

при наслѣдованіи) форму богатства. А съ признаніемъ этого падаетъ роковое значеніе закона концентраціи капиталовъ, который, какъ полагали, неминуемо долженъ обездоливать все большія массы населенія въ пользу все болѣе тѣснаго кружка капиталистовъ. Итакъ, экономическое противорѣчіе, подмѣченное Марксомъ, столкнулось при своемъ дальнѣйшемъ развитіи со встрѣчнымъ теченіемъ, которое не даетъ ему дойти до своего конечнаго предѣла. Но если такъ, то всѣ ожиданія, что современная капиталистическая антитеза естественнымъ ходомъ развитія неизбѣжно приведетъ къ благополучному синтезу, оказываются подорванными. Это одинъ изъ примѣровъ того, что общественныя противорѣчія не развиваются въ жизни съ такою прямолинейностью, какъ въ ученыхъ трактатахъ.

Третій пунктъ, на которомъ теорія Маркса разошлась съ дѣйствительнымъ ходомъ исторіи, лежитъ въ области классовой борьбы. Именно, Марксъ предполагалъ, что интересы рабочихъ и хозяевъ вполнѣ и непримиримо противоположны, что слѣдовательно въ будущемъ можно ожидать только все большаго распаденія капиталистовъ и рабочихъ на два враждебные лагеря. Во времена Маркса оно такъ дѣйствительно и было. Англія владѣла монополіей мірового рынка, ея растущая промышленность всегда находила сбытъ (кромѣ исключительныхъ моментовъ кризиса), и на первый планъ выдвигался вопросъ, какъ подѣлить выручку между участниками производства. Въ то же время самый строй производства радикально измѣнялся, и надо было создать новыя формы распредѣленія. Такъ дѣло продолжалось до послѣднихъ лѣтъ и до этихъ же поръ оставался въ силѣ антагонизмъ обоихъ промышленныхъ классовъ.

Теперь положеніе вещей мѣняется: на арену мірового рынка выдвигаются новыя націи (Германія, С.-Штаты), съ большимъ успѣхомъ отбивающія у Англіи рынокъ. Между тѣмъ въ самой Англіи сельское населеніе сокращается, города растутъ и промышленность требуетъ все большаго сбыта. Англіи теперь приходится думать прежде всего о томъ, чтобы, во-первыхъ, сохранить свои прежніе рынки, во-вторыхъ, расширять ихъ въ той мѣрѣ, въ какой это требуется ея возрастающимъ населеніемъ. Словомъ, въ то время, какъ внутри промышленнаго класса отношенія между хозяевами и рабочими послѣ долгой борьбы получили нѣкоторую устойчивость, благодаря рабочимъ союзамъ, теперь общимъ вниманіемъ все больше завладѣваетъ забота о внѣшнихъ рынкахъ. А въ этомъ вопросѣ интересы хозяевъ и рабочихъ тождественны: если англійская промышленность вытѣсняется германскою, благодаря ли своей отсталости, неумѣнью приспособиться къ требованіямъ рынка или по какой другой причинѣ, то классъ фабрикантовъ теряетъ тѣмъ, что затраченные имъ капиталы пропадаютъ безъ пользы, классъ же рабочихъ терпитъ еще сильнѣе, такъ какъ лишается заработка; притомъ фабрикантъ скорѣе можетъ помочь бѣдѣ, чѣмъ рабочій, такъ какъ эмиграція капиталовъ производится гораздо легче, чѣмъ эмиграція людей. Если даже въ результатѣ этой международной промышленной борьбы явится новое, болѣе раціональное раздѣленіе труда между стра-

нами, то этотъ результатъ будетъ полученъ очень нескоро, послѣ долгой борьбы и тяжелыхъ лишеній переходной эпохи. Слѣдовательно, рабочіе заинтересованы въ сохраненіи иностранныхъ рынковъ не менѣе, чѣмъ въ высотѣ заработной платы. Отсюда—антагонизмъ интересовъ рабочихъ разныхъ странъ, идущій въ разрѣзъ съ призывомъ: «Proletaires du monde, unissez vous!» *). Отсюда же временная солидарность интересовъ хозяевъ и рабочихъ одной страны.

Между тѣмъ, унаслѣдованный отъ прошлыхъ поколѣній антагонизмъ классовъ вредитъ дѣлу національной промышленности на международномъ рынкѣ. Во-первыхъ, англійскіе хозяева жалуются на то, что рабочіе союзы тормозятъ прогрессъ техники, столь необходимый для удержанія иностранныхъ рынковъ, ибо всякое измѣненіе въ пріемахъ производства влечетъ измѣненіе въ расцѣнкѣ заработной платы (почти всегда сдѣльной), а измѣнять ее хозяева теперь не могутъ безъ соглашенія съ рабочимъ союзомъ, что имъ кажется очень стѣснительнымъ **). Во-вторыхъ, обычнымъ средствомъ борьбы классовъ издавна служитъ стачка со стороны рабочихъ и lock-out со стороны хозяевъ. Въ исторіи стачекъ произошла эволюція, аналогичная эволюціи войны: безпрерывныя мелкія столкновенія между небольшими группами замѣнились болѣе рѣдкими, но грандіозными стачками, которыя охватываютъ десятки тысячъ рабочихъ и тянутся иногда мѣсяцами. Откуда бы ни исходила иниціатива прекращенія работъ и на кого бы ни падала отвѣтственность за него, результатъ всегда одинаковъ: производство останавливается, количество вырабатываемаго товара сокращается, снабженіе рынка подвергается колебаніямъ, которыхъ невозможно предвидѣть, а это болѣе всего вредитъ въ международной торговлѣ. Иностранный покупатель, которому нуженъ англійскій уголь, разумѣется, не станетъ ждать окончанія стачки рудокоповъ, чтобы запастись имъ, и обратится съ своимъ заказомъ въ другую страну, наприм., Германію; если онъ промедлитъ это сдѣлать, то нѣмцы сами явятся съ предложеніемъ своихъ услугъ и постараются отбить его у Англіи; въ концѣ-концовъ, послѣдняя изъ-за временной стачки теряетъ кліента навсегда. Это только новое подтвержденіе очень старой истины, что междоусобная борьба ослабляетъ силы народа во внѣшнихъ сношеніяхъ. Говоря объ антагонизмѣ классовъ, Марксъ упустилъ изъ виду, что интересы рабочаго разнообразны,

---

*) Антагонизмъ рабочихъ различныхъ конкуррирующихъ между собою, т.-е. одинаково развитыхъ промышленныхъ странъ, еще можетъ быть смягченъ международнымъ союзомъ рабочихъ, подобно тому, какъ конкурренція предпринимателей парализуется международными синдикатами. Гораздо безвыходнѣе антагонизмъ между рабочими страны, высылающей свои капиталы за границу, и рабочими страны, привлекающей къ себѣ эти капиталы: здѣсь одни рабочіе выигрываютъ именно то, что теряютъ другіе. Положеніе усложняется еще тѣмъ, что въ странѣ, высоко развитой промышленно, рабочіе обыкновенно бываютъ хорошо организованы, въ низко же развитой, нуждающейся въ иностранныхъ капиталахъ, нѣтъ.

**) См. упомянутую выше статью Берара въ *Revue de Paris*.

что одни діаметрально расходятся съ хозяйскими, а другіе, наоборотъ, совпадаютъ съ ними *), и если ужъ говорить о противорѣчіяхъ, то приходится признать противорѣчіе національнаго и классоваго интересовъ (national gegen social): въ серединѣ столѣтія въ Англіи преобладалъ послѣдній, теперь выдвигается первый. Отсюда понятны и ошибка Маркса, и та поправка, какую вноситъ въ его ученіе исторія.

Вышеперечисленные случаи объединенія хозяевъ и рабочихъ въ одинъ союзъ и представляютъ именно такія попытки предотвратить классовую борьбу ради урегулированія національнаго производства. Это продуктъ самаго послѣдняго времени, и хотя статья, изъ которой мы почерпнули сообщенные факты, доводитъ изслѣдованіе до 1899 г., однако даже послѣ нея уже успѣли обнаружиться кое-какія новыя явленія, служащія признакомъ дальнѣйшаго движенія въ томъ же направленіи.

До сихъ поръ всѣ попытки объединенія были разрознены, а между тѣмъ уже есть налицо элементы для того, чтобы связать ихъ въ одно цѣлое. Союзы рабочихъ издавна имѣютъ собственный парламентскій комитетъ для отстаиванья своихъ интересовъ передъ парламентомъ. Недавно образовался въ противовѣсъ ему такой же парламентскій комитетъ предпринимателей. Повидимому, послѣдняя ступень классовой борьбы достигнута: два противоположные класса окончательно объединились въ два противныхъ лагеря. Но на этомъ дѣло не останавливается: столкновеніе между такими могущественными противниками грозитъ столь сильнымъ потрясеніемъ всему народному хозяйству, что правительство не можетъ остаться безучастнымъ въ этой борьбѣ. И дѣйствительно, едва образовался парламентскій комитетъ предпринимателей, какъ министръ торговли и промышленности, Ритчи, вступилъ въ переговоры съ обоими комитетами, предлагая учредить національное примирительное бюро, съ равнымъ участіемъ въ немъ предпринимателей и рабочихъ, куда и тѣ, и другіе могли бы по желанію обращаться для разрѣшенія своихъ споровъ. Мы видѣли, что въ предѣлахъ отдѣльныхъ отраслей промышленности такія бюро уже существуютъ. Попытка учрежденія національнаго бюро на первый разъ потерпѣла крушеніе и не по винѣ рабочихъ, которые дали свое согласіе, а по винѣ предпринимателей, вѣроятно, разсчитывающихъ привести своихъ рабочихъ къ повиновенію при помощи собственной федераціи. Но побѣда здѣсь не дается безъ упорной борьбы, и если бы даже будущія стачки окончились неблагопріятно для рабочихъ, уже самый фактъ пріостановки работъ всегда будетъ причинять хозяевамъ огромные убытки. Можно надѣяться, что первая же большая стачка, которая обойдется имъ во много милліоновъ, приведетъ ихъ къ болѣе правильному пониманію своихъ собственныхъ интересовъ. Если бы они и тогда стали упорствовать въ своей политикѣ непримиримости, то, несомнѣнно, правительство не ограничится одними увѣщаніями, но воспол-

---

*) Это же самое упустили изъ виду проповѣдники экономической гармоніи, сдѣлавшіе ошибку, какъ разъ противоположную ошибкѣ Маркса.

зуется всѣмъ авторитетомъ своей власти во имя общепародныхъ интересовъ, чтобы положить конецъ разорительной и угрожающей общественному спокойствію борьбѣ. Огромпая работа, уже произведенная парламентомъ въ области фабричнаго законодательства, служитъ тому порукой: если даже раньше, когда рабочіе лишены были права голоса, правительство въ критическую минуту вмѣшивалось въ классовую борьбу, то тѣмъ болѣе этого можно ожидать теперь, при все болѣе возрастающемъ политическомъ значеніи рабочаго класса. Статья Макрости лишній разъ доказываетъ, что въ самой Англіи назрѣло сознаніе необходимости государственнаго вмѣшательства въ экономическую борьбу и что манчестерская школа неограниченной свободы конкурренціи теряетъ почву даже у себя на родинѣ.

Н. Езерскій.

Бразилія.

Въ наше время въ Европѣ, не исключая и Россіи, растетъ интересъ къ внѣевропейскимъ странамъ, чувствуется потребность познакомиться ближе съ ихъ современнымъ положеніемъ. Эта потребность обусловливается осложняющимися условіями жизни европейскихъ народовъ, все менѣе укладывающимися въ рамки національности. Страны съ менѣе развитой культурой все болѣе привлекаютъ вниманіе европейскихъ государствъ, какъ въ цѣляхъ военныхъ, такъ и торговыхъ, причемъ эти задачи выходятъ далеко за предѣлы ихъ территоріальныхъ границъ. Вспомнимъ, наприм., сколько говорили и писали за послѣдній годъ о Китаѣ, о Турціи (по поводу путешествія Вильгельма II въ Палестину), и т. д.

Между тѣмъ нельзя того же сказать о Бразиліи. Литература о ней на русскомъ языкѣ болѣе чѣмъ небогата. Пользующаяся извѣстностью книга Іонина *По Южной Америкѣ* даетъ мало матеріала по общему описанію Бразиліи. Онъ описываетъ лишь южные штаты ея, о провинціяхъ, лежащихъ къ сѣверу отъ Ріо-де-Жанейро, онъ не говоритъ вовсе. Между тѣмъ знакомство съ такой страной, какъ Бразилія, не безъинтересно въ виду того, что иммиграція, — конечно, главнымъ образомъ, европейская, — играетъ въ ней большую роль; мало того, значеніе ея для Бразиліи настолько велико, что будущее развитіе этой богатой и обширной страны зависитъ отъ движенія туда европейскихъ эмигрантовъ и европейскихъ капиталовъ. На это указывалъ въ 1890 году Леклеркъ, посѣтившій Бразилію въ качествѣ корреспондента отъ *Journal des Debats*, черезъ нѣсколько недѣль послѣ революціи. Эти письма *), не претендуя на глубину и научность изслѣдованія, знакомятъ насъ съ состояніемъ Бразиліи въ одинъ изъ самыхъ интересныхъ моментовъ ея исторіи, съ настроеніемъ различныхъ слоевъ населенія, ихъ отношеніемъ къ только-что совершившемуся перевороту, съ его ближайшими причинами и ожидающимися слѣдствіями. Леклеркъ жалуется въ своихъ письмахъ на полное незнакомство французовъ съ этой страной, которое обязываетъ его касаться ея

*) *Max Leclerc*: „Lettres du Brésil“, 1890.

исторіи. Впрочемъ, онъ дѣлаетъ это крайне поверхностно отчасти потому, что это и не было совмѣстимо съ общимъ планомъ его работы (газетныхъ корреспонденцій), отчасти и вслѣдствіе крайняго недостатка въ научныхъ данныхъ.

Бразилія—самая обширная страна южной Америки и одно изъ величайшихъ государствъ всего свѣта: территорія ея, которую вычисляютъ въ 8.337,218 квадратныхъ километровъ *), равняется 0,85 всей Европы.

Самый маленькій бразильскій штатъ превышаетъ Данію, самые большіе, каковы: Амазонская область, Пара, Гойацъ, Матто-Гроссо, больше всѣхъ европейскихъ государствъ, взятыхъ вмѣстѣ, за исключеніемъ Россіи. Только $^{1}/_{13}$ часть всей этой обширной территоріи лежитъ въ умѣренномъ поясѣ, а именно южная ея оконечность. Кромѣ того, такъ какъ общая высота тропической части Бразиліи надъ уровнемъ моря сравнительно невысока, то вліяніе жаркаго климата здѣсь несравненно сильнѣе, чѣмъ, напримѣръ, въ сосѣднихъ съ нею индійскихъ странахъ, отъ которыхъ вслѣдствіе этого рѣзко отличается флора, фауна и населеніе Бразиліи.

Исторія Бразиліи въ общихъ чертахъ представляетъ собою исторію колонизаціи страны европейцами. Существенное отличіе этой колонизаціи отъ колонизаціи другихъ странъ, наприм., Сѣверной Америки, заключается въ томъ, что европейцы (португальцы) смѣшались съ туземными индѣйцами (кафусо) и ввезенными изъ Африки неграми (мулаты); такъ произошла бразильская національность. Въ 1500 году португалецъ Педро Альварессъ Кабраль, огибая африканскій материкъ на пути въ Остъ-Индію, встрѣтилъ, уклонившись на западъ, незнакомую землю, принятую имъ за островъ. Кабраль объявилъ вновь открытую имъ землю владѣніемъ Португаліи и оставилъ здѣсь въ видѣ представителей отъ своего народа двухъ преступниковъ, съ тѣмъ, чтобъ они изучили мѣстный языкъ и могли служить переводчиками при сношеніяхъ съ туземцами. Испанія не предъявила своихъ правъ на это ничтожное по ея мнѣнію владѣніе.

Тогда еще не подозрѣвали, что это часть того же материка, который былъ уже открытъ и изслѣдованъ Колумбомъ, Америго Веспучи и другими. Въ слѣдующіе четыре года были отправлены двѣ португальскія экспедиціи въ Бразилію, которыя и обнаружили, что это та самая страна красильныхъ деревьевъ (braisil), которая, по мнѣнію моряковъ, должна была находиться гдѣ-то въ Атлантическомъ океанѣ. Отсюда страна получила названіе Бразиліи. Берега Бразиліи получаютъ извѣстность и все чаще посѣщаются европейцами. Но Португалія долго пользовалась своей вновь открытой колоніей только для ссылки преступниковъ. Правильная колонизація Бразиліи начинается съ 1532 года, когда были основаны двѣ колоніи, въ нынѣшнемъ штатѣ С.-Паоло.

---

*) Болѣе точное вычисленіе невозможно прежде всего потому, что границы государства на сѣверѣ (съ Гвіаной) и на югѣ (съ Аргентиной) точно не опредѣлены еще и до сихъ поръ.

Въ 1534 году всѣ владѣнія португальской короны въ Бразиліи были раздѣлены на огромные ленные участки (капитанства), переданные въ наслѣдственное владѣніе, причемъ владѣльцы обязаны были заводить поселенія на данныхъ имъ земляхъ и вести торговлю мѣстными продуктами. Такъ какъ феодалы, бывшіе почти неограниченными властителями колоніальныхъ земель, не выказали готовности повиноваться своему государю, отдѣленному отъ нихъ океаномъ, то въ 1549 году король донъ Іоаннъ III далъ Бразиліи общее административное устройство. Представителемъ королевской власти былъ назначенъ генералъ-губернаторъ, а резиденціей его городъ Сальвадоръ (нынѣшняя Бахія). Колонизація все время происходила путемъ завоеваній, причемъ индѣйскія племена ими истреблялись или оттѣснялись въ глубь страны, пока еще недоступную завоевателямъ. Первыми мирными культуртрегерами въ Бразиліи являются іезуиты. Они обращаютъ индѣйцевъ въ христіанство и стремятся сдѣлать изъ нихъ не рабовъ, а добровольныхъ осѣдлыхъ жителей своихъ колоній, и, такимъ образомъ, поднять производительность труда. Но здѣсь имъ пришлось вступить въ неравную борьбу съ остальнымъ португальскимъ населеніемъ страны, уже успѣвшимъ здѣсь акклиматизироваться и смѣшаться съ индѣйцами (мамелюки въ Санъ-Паоло). Послѣдніе видятъ въ индѣйцахъ только рабовъ, которыхъ и добываютъ самымъ примитивнымъ способомъ, охотясь за ними какъ за дикими звѣрями. Іезуиты отступаютъ со своими колоніями къ югу, въ Парагвай, гдѣ имъ удалось обосноваться болѣе прочно. Здѣсь они достигли своей цѣли: мирнымъ путемъ они пріобрѣли себѣ дешевыхъ и покорныхъ работниковъ; но ихъ мирный контроль не менѣе лишалъ свободы туземцевъ, чѣмъ грубый деспотизмъ португальцевъ.

Между тѣмъ португальцы, все такъ же, какъ и прежде, то-есть путемъ захвата и войны, продолжаютъ основывать все новыя колоніи, теперь уже подвигаясь и къ сѣверу, къ истокамъ рѣки Амазонки. Но они продолжаютъ селиться вдоль берега моря, не углубляясь внутрь страны. «Человѣкъ селится вначалѣ по берегу моря; проникнуть ему мѣшалъ непроходимый лѣсъ и вначалѣ, не имѣя силъ бороться съ нимъ, такъ какъ онъ не располагалъ для того тѣми средствами, какія онъ имѣетъ теперь, четыре столѣтія спустя, чувствуя свою изолированность, онъ начинаетъ воздѣлывать продукты тропиковъ и снабжать ими Старый Свѣтъ» *). Естественно, что португальцы не могли долго оставаться единственными обладателями Бразиліи: слава объ ея богатствахъ скора привлекла и другихъ завоевателей, съ которыми португальцамъ пришлось вступить въ борьбу. Имъ приходилось отражать набѣги многочисленныхъ англійскихъ и французскихъ пиратовъ; французы даже было завладѣли устьемъ бухты Ріо-де-Жанейро, но португальцы отбили его у нихъ. Болѣе серьезною была борьба съ Голландіей, которая утвердила свое владычество на всемъ берегу отъ Санъ-Франциско до Ріо-Гранде. 9-лѣтняя война не привела ни къ какому

*) *Іонинъ*: „По Южной Америкѣ", стр. 48.

результату пока, наконецъ, голландцы не были изгнаны усиліями самого мѣстнаго населенія (1661 г.) Въ этой борьбѣ уже можно видѣть признаки новой національности—бразильской, которая вступаетъ въ борьбу съ иностранными владычествами.

Окончивъ побѣдоносно эту борьбу, нація въ слѣдующемъ XVII столѣтіи заявляетъ еще рѣшительнѣе о своемъ существованіи: начинается борьба и съ португальцами, какъ «чужеземцами» (forasteiros). Начинаются національныя движенія. Въ годъ французской революціи въ Бразиліи былъ подавленъ первый республиканскій заговоръ, а въ 1792 году повѣшенъ главный изъ заговорщиковъ. Этотъ годъ бразильцы считаютъ началомъ новой эры для своего отечества.

Зарожденіе политической жизни въ странѣ соотвѣтствуетъ расширенію ея территоріи и увеличенію ея богатствъ. Жители провинціи Санъ-Паоло, самые предпріимчивые и энергичные изъ бразильцевъ, въ XVII вѣкѣ все настойчивѣе стремятся на западъ, въ глубь страны, богатой золотомъ, алмазами, пряностями. Сторожевые пути, которые они ставятъ на пути для своихъ экспедицій, обращаются мало-по-малу въ постоянныя поселенія, въ свою очередь притягивающія къ себѣ новыхъ переселенцевъ; образуются новыя провинціи—Роязъ и Матто-Гроссо *). На рѣкахъ Паранѣ и Парагваѣ с.-паолиты съ успѣхомъ борются противъ іезуитовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ все сильнѣе растетъ стремленіе къ національной независимости. Во время наполеоновскихъ войнъ король португальскій Іоаннъ VI бѣжалъ въ Бразилію, гдѣ сдѣлалъ своей столицей Ріо-де-Жанейро и далъ Бразиліи титулъ королевства. Въ 1822 году была провозглашена независимость Бразиліи отъ Португаліи, а сынъ Іоанна VI—бразильскимъ конституціоннымъ императоромъ подъ именемъ Педро I. Португальскія войска, посланныя Іоанномъ VI, были разбиты при содѣйствіи англійской эскадры, и Португалія, не будучи въ состояніи продолжать борьбу съ отпавшей колоніей, признала независимость Бразиліи въ 1825 г. Домъ Педро I былъ признанъ конституціоннымъ императоромъ Бразиліи.

Однимъ изъ первыхъ и самыхъ важныхъ послѣдствій провозглашенія автономіи было усиленіе иммиграціи. Метрополія долго видѣла въ Бразиліи лишь ссыльную колонію: свободную колонизацію она только терпѣла, ограничивая и стѣсняя ее всѣми способами. Но, конечно, эти мѣры не всегда были дѣйствительны. Потокъ колонистовъ, особенно въ южныя провинціи, все увеличивался по мѣрѣ того, какъ европейцы знакомились с[illegible] этой страной. Но господство въ странѣ крупнаго землевладѣнія, причемъ государство имѣло въ своемъ распоряженіи очень мало свободной земли для раздачи переселенцамъ, и существованіе рабства были важными стимулами для замедленія иммиграціи. Рабство существовало въ Бразиліи еще долгое время спустя послѣ провозглашенія автономіи. Несмотря на вмѣшательство англійскаго правительства въ 1845 году, торговля рабами продолжается. Несмотря

*) *Э. Реклю:* „Земля и люди". Всеобщая географія. Т. XIX, 1896 г.

на рискъ попасться англійскимъ крейсерамъ, ежегодно ввозилось отъ 50,000 до 80,000 рабовъ *). Такой значительный ввозъ рабовъ объясняется близостью Гвинеи отъ Бразиліи: негроторговцы могли въ недѣлю достигнуть со своимъ товаромъ берега Бразиліи, гдѣ ждали ихъ покупатели. Барыши, получаемые на этой торговлѣ, доходили до 400% **). Размѣры ввоза рабовъ объясняются не столько увеличеніемъ потребности въ рабочихъ рукахъ, сколько огромнымъ процентомъ смертности среди рабовъ. Въ 1851 г. въ имперіи считалось 2.200,000 рабовъ, въ 1871 году ихъ было всего 1.500,000; за 20 лѣтъ число ихъ уменьшилось на 700,000, то-есть почти на $^1/_3$ ***). Конечно, такое уменьшеніе нельзя отнести исключительно на счетъ вымиранiй, оно было въ нѣкоторой степени результатомъ освобожденія. Цѣлый рядъ освобожденій негровъ частными лицами объясняется отчасти давленіемъ общественнаго мнѣнія другихъ странъ (Англіи, Сѣверной Америки), отчасти бѣгствомъ негровъ изъ плантацій и цѣлымъ рядомъ мятежей среди нихъ, что дѣлало трудъ ихъ прямо невыгоднымъ для плантаторовъ. Самое сильное возстаніе негровъ-рабовъ вспыхнуло въ Пернамбуко и было подавлено въ 1848 году. Наконецъ, нужно указать на отсутствіе точнаго законодательства, регламентирующаго отношенія между рабовладѣльцами и рабами, которое могло бы задержать освобожденіе рабовъ по волѣ отдѣльныхъ лицъ Въ 1871 г. были освобождены рабы, принадлежавшіе государству, правительству и вымороченымъ имѣніямъ, а также провозглашалась «свобода утробы», то-есть дѣти рабовъ были признаны свободными. Былъ основанъ фондъ для выкупа рабовъ у частныхъ владѣльцевъ. По этому закону было освобождено 740,000 рабовъ ****). Всѣми этими мѣропріятіями создавались новыя условія жизни: замѣна принудительнаго труда свободнымъ задѣвала, и притомъ различнымъ образомъ, интересы земледѣльцевъ и землевладѣльцевъ. Послѣдніе, особенно владѣльцы кофейныхъ плантацій, были противниками освобожденія: если свободный трудъ и обѣщалъ имъ большіе барыши въ будущемъ, то въ настоящемъ они, несомнѣнно, теряли. «На другой день послѣ освобожденія негры исчезли,— пишетъ Леклеркъ.—Правда,—прибавляетъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—наиболѣе предусмотрительные изъ плантаторовъ предугадали, что освобожденный негръ не будетъ надежнымъ работникомъ, и позаботились о томъ, чтобы не остаться безъ рабочихъ рукъ: с.-паолиты въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ поощряли всѣми средствами иммиграцію нѣмцевъ, итальянцевъ, португальцевъ». Но такъ какъ дѣло иммиграціи было не организовано или организовано плохо, то большинству землевладѣльцевъ съ освобожденіемъ пришлось пережить кризисъ. Въ этомъ они, прежде всего, обвиняли правительство, хотя послѣднее еще въ 40-хъ годахъ предпринимало энергичныя попытки искусственной колонизаціи страны, потратило на это болѣе 50.000,000 фр., но

*) Э. *Реклю*: „Земля и люди“.

**) Э. Реклю.

***) Augustin Cochin: *Revue des Deux Mondes* 1871 г., цит. у Реклю.

****) Э. Реклю.

попытки эти не привели ни къ какому результату *). Леклеркъ обвиняетъ правительство въ нерѣшительности въ самый моментъ обнародованія закона 1888 года. «Подготовительныя мѣры къ великому акту освобожденія,—говоритъ онъ,—были приняты еще 20 лѣтъ тому назадъ. Но когда наступилъ критическій моментъ, императоръ выказалъ нерѣшительность. Ничего не было сдѣлано, чтобы помочь плантаторамъ пережить тяжелый кризисъ, чтобы приготовить ихъ къ замѣнѣ рабскаго труда трудомъ свободнымъ, замѣнѣ, имѣющей существенное значеніе для будущаго страны: иммиграція, единственное въ данномъ случаѣ дѣйствительное средство, совершалось помимо правительства». Далѣе Леклеркъ указываетъ, что плантаторы несомнѣнно во всемъ обвиняли правительство. Между тѣмъ правительство не могло идти назадъ въ своихъ мѣропріятіяхъ, касающихся освобожденія. Негры массами покидали фаценды, движеніе въ пользу эмансипаціи въ городахъ все росло. Мало того, оно не могло даже подождать нѣсколько мѣсяцевъ для обнародованія закона, такъ что плантаторы не могли собрать урожая кофе 1888 года, который обѣщалъ быть огромнымъ. Часть сбора погибла вслѣдствіе недостатка рабочихъ. Этого удара плантаторы не могли простить правительству. Императоръ Домъ Педро II находился въ это время въ Европѣ. Государствомъ управляла регентша, принцесса Изабелла.

Критическимъ положеніемъ дѣлъ и недовольствомъ крупныхъ землевладѣльцевъ воспользовались и другіе недовольные элементы среди городского населенія и войска. Парламентскій режимъ, существовавшій въ странѣ, фактически сводился на господство камарильи: парламентское большинство получалось помощью подкуповъ и тому подобныхъ средствъ, что было и не трудно въ виду крайней ограниченности числа избирателей; съ каждой перемѣной министерства, мѣнялся и весь составъ чиновниковъ, мѣста раздавались своимъ людямъ. Въ послѣдніе годы имперіи правительство оказывало поддержку клерикальной партіи, которая, преслѣдуя свои цѣли, тормозила проведеніе реформъ, касавшихся народнаго образованія, и т. п., чѣмъ усиливалось недовольство оппозиціи.

Среди оппозиціонныхъ элементовъ въ эпоху революціи самая активная роль выпала на долю арміи. Отношеніе правительства было неблагопріятно арміи. Военная служба оплачивалась плохо, положеніе офицера не обѣщало ни власти, ни почестей, этому соотвѣтствовалъ и составъ офицеровъ. Правда, императоромъ было основано высшее военное училище, но тамъ на первомъ планѣ стояло теоретическое образованіе: вмѣсто хорошо обученныхъ офицеровъ, оно поставляло въ армію баккалавровъ и риторовъ. Военная карьера, поэтому, никого не привлекала. Наиболѣе развитыя и населенныя центральныя провинціи не доставляютъ ни солдатъ, ни офицеровъ. Армія рекрутируется, главнымъ образомъ, въ отсталыхъ сѣверныхъ провинціяхъ и въ пограничной провинціи Ріо-Гранде-до-Суль. «Можно сказать, — замѣчаетъ Л.,—что стремленіе къ военной службѣ находится въ обратномъ отношеніи

---

*) *Іоникъ:* „По Южной Америкѣ“.

къ экономическому развитію провинцій и густотѣ ихъ народонаселенія». Казалось бы, что при такомъ своемъ положеніи армія не могла представлять изъ себя силу, способную оказать активное давленіе на правительство. А между тѣмъ на самомъ дѣлѣ революція была произведена именно арміей, и монархія смѣнилась военной диктатурой. Это объясняется, прежде всего, крайней пассивностью всего остального населенія. Другіе, можетъ быть, несравненно больше заинтересованные въ паденіи монархіи, элементы все время держатся въ сторонѣ, только допуская совершиться перевороту. «Въ провинціяхъ крупные собственники, плантаторы, держались въ сторонѣ. Если говорить о заговорѣ, то это былъ заговоръ молчанія и силы инерціи. Они могли бы вмѣшаться, бросить на вѣсы всю силу своего вліянія въ пользу монархіи, но они этого не захотѣли, такъ какъ монархія задѣла ихъ интересы. Но они не сдѣлали и противоположнаго, они только ничего не сдѣлали» (Леклеркъ). Другимъ элементомъ, оказавшимъ сильное, хотя также пассивное вліяніе на паденіе монархіи, были провинціи. Помимо того, что съ освобожденіемъ негровъ кризисъ всею тяжестью обрушился и на ихъ землевладѣльцевъ, у нихъ были свои особыя нужды, которымъ центральное правительство не спѣшило приходить на помощь, и, наоборотъ, зависимость отъ центра постоянно давала себя чувствовать. «Монархія никогда не стремилась поставить себѣ опредѣленный образъ дѣйствій по отношенію къ провинціямъ. Трудно сказать, руководствовалась ли она принципомъ централизаціи или, наоборотъ, суровый режимъ смѣнялся принципомъ невмѣшательства: отсюда полное незнаніе условій жизни и быстраго роста провинцій. На огромной территоріи Бразиліи, подъ вліяніемъ различныхъ климатическихъ условій, образовались самостоятельные центры, отличные другъ отъ друга; нѣкоторыя провинціи достигли высокой степени благосостоянія, какъ, напримѣръ, С.-Паоло, Минасъ Жераесъ, Ріо-Гранде-до-Суль. Центральное правительство должно было имѣть самыя широкія свѣдѣнія о различныхъ нуждахъ и неравныхъ условіяхъ развитія этихъ различныхъ членовъ одного и того же тѣла; такими свѣдѣніями оно не обладало. Автономія провинцій существовала только номинально (по конституціи 1822 г.), на практикѣ она сводилась къ нулю. Ни сильное и справедливое недовольство, ни настоятельныя требованія со стороны молодыхъ, наиболѣе богатыхъ провинцій не могли сломить инертность центральной власти. Но это заставило наиболѣе живые элементы государства перенести свои симпатіи на сторону республиканской партіи (она сама по себѣ была довольно незначительна по числу членовъ и рекрутировалась, главнымъ образомъ, изъ учениковъ высшихъ учебныхъ заведеній въ Ріо-де-Жанейро и С.-Паоло). Поэтому въ наиболѣе развитыхъ провинціяхъ паденіе имперіи было встрѣчено съ сочувствіемъ, какъ освобожденіе, какъ начало режима, болѣе чуткаго къ провинціальнымъ нуждамъ,—какъ начало федеративной республики» (Леклеркъ).

Конституція, дѣйствовавшая во время имперіи, заимствовала у Англіи систему парламентаризма, у Сѣверныхъ Штатовъ—федеративный принципъ

ихъ учрежденій, между тѣмъ какъ администрація руководствовалась принципами французскаго административнаго права, — принципами совершенно противоположнаго характера и къ тому же взятыми внѣ тѣхъ условій и традицій, которыя ихъ оправдываютъ. Бразильскимъ государственнымъ дѣятелямъ повредила ихъ теоретическая подготовка исключительно во французскомъ духѣ, потому что они были призваны дать законодательныя и административныя нормы молодому обширному государству съ совершенно иными запросами и потребностями, чѣмъ потребности одного изъ наиболѣе централизованныхъ государствъ Стараго Свѣта. Изъ сопоставленія между собою столь несходныхъ принциповъ могли произойти только смущенія, постоянные конфликты. Съ другой стороны, личный составъ администраціи страдалъ отсутствіемъ дисциплины, серьезнаго профессіональнаго образованія и яснаго представленія о своихъ обязанностяхъ.

Такимъ образомъ, небольшая республиканская партія, опираясь на армію и имѣя за собой молчаливое сочувствіе провинцій и крупныхъ землевладѣльцевъ, совершила политическій переворотъ. Что касается массы населенія, негровъ и свободныхъ или, вѣрнѣе сказать, полусвободныхъ бѣлыхъ иммигрантовъ, то они отнеслись къ перевороту совершенно равнодушно: никакого ни сознательнаго, ни безсознательнаго, ни активнаго, ни пассивнаго сочувствія или несочувствія ему не оказала: для нея онъ прошелъ совершенно незамѣченнымъ. «Что за дѣло до принциповъ этой массѣ работающихъ и копающихъ землю, разноцвѣтныхъ сегодняшнихъ или вчерашнихъ рабовъ,—а они вѣдь служатъ клавишами, на которыхъ политиканы разыгрываютъ свои вальсы. Политиканы играютъ, а звуки создаетъ вѣдь толпа» *). На этотъ разъ «толпа» еще совершенно не прислушивалась къ такимъ «звукамъ»: со стороны «политикановъ», взятыхъ въ широкомъ смыслѣ слова, не было сдѣлано даже никакихъ обращеній къ этой толпѣ въ формѣ обѣщаній улучшить ея положеніе и тому подобныхъ. Она произвела мирное перераспредѣленіе силы, соотвѣтствующее дѣйствительному положенію вещей, уничтожила нѣкоторыя перегородки, препятствовавшія дальнѣйшему развитію, а «толпа» все время оставалась и осталась совершенно въ сторонѣ. Говоря о массѣ населенія, не приходится принимать въ разсчетъ армію, которой именно и выпала самая активная роль въ политическомъ переворотѣ, во-первыхъ, потому, что она составляетъ слишкомъ ничтожную часть сравнительно съ массой всего населенія (около 15 милліоновъ по Леклерку); во-вторыхъ, потому, что по положенію своему вольнонаемные солдаты стоятъ въ иныхъ условіяхъ, чѣмъ полузакабаленные земледѣльцы бразильскихъ плантацій.

Итакъ, бразильская революція 15 декабря 1889 года совершилась безъ участія населенія. Леклеркъ называетъ ее въ одномъ мѣстѣ «дворцовой» революціей (révolution du palais). Леклеркъ посѣтилъ Бразилію какъ разъ во время переворота, поэтому событія, сопровождавшія его, описаны у

---

*) *Іонинъ:* „По Южной Америкѣ", стр. 32.

него очень живо и подробно. Онъ приводитъ мнѣніе одного изъ бразильскихъ журналистовъ, Эдуардо Прадо, о причинахъ переворота (*Revista de Portugal,* outubro 1889): «Полное отсутствіе дисциплины, искусственное воспитаніе, еще хаотическая организація общества, отсутствіе субординаціи въ арміи: вотъ на что можетъ разсчитывать республиканская партія». Ко всему этому еще присоединялось всеобщее недовольство режимомъ послѣднихъ лѣтъ царствованія Домъ-Педро II. Стремясь за всѣ 50 лѣтъ своего царствованія сосредоточить въ своихъ рукахъ все управленіе страной, онъ любилъ дать понять въ Европѣ, что «Бразилія—это онъ». Европа, не зная и не заботясь узнать объ истинномъ положеніи вещей, вѣрила ему на слово, что онъ—самый либеральный и свободный отъ предразсудковъ правитель своего народа. На самомъ дѣлѣ было не совсѣмъ такъ. Конечно, царствованіе Домъ-Педро II во многихъ отношеніяхъ способствовало росту благосостоянія и развитія Бразиліи. Онъ засталъ свою страну во власти междоусобныхъ войнъ и кровавой анархіи. При немъ въ теченіе 40 лѣтъ Бразилія пользовалась миромъ. Онъ устраивалъ больницы, учебныя заведенія, строилъ порты, проводилъ желѣзныя дороги, каналы; огромная страна покрылась сѣтью телеграфовъ, желѣзныя дороги въ связи съ развитіемъ навигаціи удвоили производительность страны. Но степень значенія всѣхъ этихъ мѣропріятій много теряетъ отъ нерѣшительной политики императора. Стремясь сосредоточить всю власть въ своихъ рукахъ, онъ этимъ отнялъ всякую самостоятельность, всякую иниціативу у исполнительной власти,—у министровъ. Онъ разрѣшилъ произвольно вопросъ о министерскихъ кризисахъ, призывая къ власти ту или иную партію, не заботясь о большинствѣ, существующемъ въ парламентѣ. Избранная партія, пріобрѣтая расположеніе императора, производила выборы и создавала себѣ большинство, обманывая или подкупая избирателей. Она оставалась у власти до тѣхъ поръ, пока это было угодно императору. Такимъ образомъ, общественное мнѣніе никогда не имѣло возможности сознательно выразиться. При каждой перемѣнѣ въ правящихъ сферахъ, при каждой смѣнѣ стоящихъ у власти партій, императоръ создавалъ себѣ все новыхъ враговъ. Постоянно вмѣшиваясь въ дѣла управленія, Домъ-Педро всюду вносилъ элементы консерватизма, страха передъ неизвѣстнымъ будущимъ, инертность. Все это требовало большой и ненужной траты силъ, времени и денегъ. Всякое крупное предпріятіе, крупная реформа вводились робко, частично, безъ строго опредѣленнаго цѣльнаго плана, безъ опредѣленнаго метода. Домъ-Педро II, европеецъ по образованію и образу мыслей, какимъ его знали въ Европѣ, противился введенію въ Бразиліи закона о гражданскомъ бракѣ, недовѣрчиво относился къ иммиграціи, въ чемъ виденъ пережитокъ стараго португальскаго взгляда на колонизацію: онъ боялся, что со вторженіемъ иностранцевъ утратится или измѣнитъ свой видъ бразильская національность. Онъ не любилъ строгой отчетности, цифръ, статистики. Онъ не зналъ даже опредѣленно числа своихъ подданныхъ и не стремился его узнать, отсюда — почти полное отсутствіе статистическихъ

данныхъ для этой страны. О положеніи арміи было уже сказано выше. Республиканская партія была не менѣе раздражена звѣрствами полиціи и, такъ называемой, черной гвардіи, составленной изъ негровъ, которые подъ предлогомъ защиты принцессы-регентши отъ покушеній рабовладѣльцевъ поставили себѣ цѣлью истребленіе республиканцевъ, причемъ правительство смотрѣло на это равнодушно или даже снисходительно. И вотъ на почвѣ всѣхъ этихъ отношеній, въ связи съ критическимъ положеніемъ земельныхъ собственниковъ, возникшимъ вслѣдствіе освобожденія негровъ, произошелъ государственный переворотъ 15 декабря 1889 года. Президентъ послѣдняго кабинета министровъ, Уро-Прето, недовѣрчиво относился къ арміи; онъ поставилъ себѣ задачей совершенно ослабить ее, для этого онъ рѣшилъ разослать всѣ полки на окраины и затѣмъ объявить армію распущенной. Ея мѣсто должна была занять національная гвардія, и ко 2-му декабря надѣялись собрать 2,000 гвардейцевъ. Къ этому же времени распространился слухъ, что императоръ второго декабря откажется отъ престола въ пользу принцессы Изабеллы. Все это заставило республиканцевъ дѣйствовать, а недовольную армію примкнуть къ нимъ. Во главѣ послѣдней сталъ маршалъ Деодоро-де-Фонзека, который только три мѣсяца тому назадъ вернулся изъ провинціи Матто-Гроссо и уже успѣлъ сдѣлаться смертельнымъ врагомъ Уро-Прето. Онъ нѣсколько разъ обращался къ императору отъ лица арміи съ просьбой объ отставкѣ министра, но напрасно. Поэтому, когда республиканцы обратились къ Деодоро съ просьбой «сдѣлать что-нибудь» для того, чтобъ отвратить ожидаемый второго декабря переворотъ, они встрѣтили въ немъ полное сочувствіе, хотя онъ все время желалъ только низложенія министерства, не болѣе. Когда Уро-Прето издалъ приказъ объ отправкѣ въ сѣверныя провинціи нѣкоторыхъ изъ наиболѣе подозрительныхъ для него батальоновъ, войска отказались садиться на корабли, ихъ поддержали ученики морского и военнаго училища. Уро-Прето немедленно телеграфировалъ о безпорядкахъ императору, находившемуся въ Петрополисѣ, въ $2^1/_2$ часахъ ѣзды отъ Ріо. Но здѣсь, подъ предлогомъ опасеній за здоровье императора, ему не тотчасъ сообщили о телеграммѣ. Когда же извѣстіе дошло до него и онъ тотчасъ отправился въ Ріо,—было уже поздно: тамъ была провозглашена республика, и во главѣ временнаго правительства, по мнѣнію Леклерка, «противъ воли» стоялъ Деодоро. «Лойяльность солдата,—говоритъ Леклеркъ,—должна быть возмущена въ немъ: онъ хотѣлъ только свергнуть ненавистнаго министра, а вмѣсто того ниспровергнулъ любимаго монарха и, въ довершеніе всѣхъ бѣдъ, очутился «malgré lui»—главою правительства республики Бразильскихъ Соединенныхъ Штатовъ». Переворотъ совершился безъ малѣйшаго сопротивленія со стороны монархіи. «Я знаю,—пишетъ Леклеркъ,—одного искренняго человѣка: пятнадцатаго декабря онъ попытался организовать противниковъ переворота, онъ обращался для этого къ пятидесяти лицамъ, наканунѣ считавшимъ себя одними изъ самыхъ прочныхъ опоръ монархіи, и никто не отвѣтилъ на его призывъ».

19 декабря произошло небольшое возмущеніе среди солдатъ, устроившихъ манифестацію въ пользу императора. Всего участвующихъ было не болѣе 80 человѣкъ, но для подавленія возстанія было пущено въ ходъ оружіе. Послѣ этого правительство издало цѣлый рядъ декретовъ: объ изгнаніи императора, Уро-Прето и его брата, о продажѣ недвижимаго имущества императорской семьи въ теченіе двухъ лѣтъ. Далѣе, 23 декабря послѣдовалъ декретъ о преданіи суду военной коммиссіи, назначаемой военнымъ министромъ, и о примѣненіи наказаній по военнымъ законамъ ко всякому, кто составитъ заговоръ противъ правительства, кто словесно, письменно или дѣйствіемъ будетъ совѣтовать или вызывать возмущеніе гражданское или военное, кто сдѣлаетъ попытку волновать солдатъ распространеніемъ среди нихъ ложныхъ слуховъ, или напаивая ихъ пьяными. Это была уже военная диктатура со всѣми ея тяжелыми сторонами. На другой день послѣ этого декрета единственный органъ, оппозиціонный временному правительству, *Tribuna Liberal,* органъ Уро-Прето, пересталъ выходить. Остальныя газеты хранятъ полное молчаніе. Далѣе слѣдуютъ реформы въ избирательномъ правѣ (цензъ отмѣняется; избирателемъ можетъ быть каждый гражданинъ 21 года, умѣющій читать и писать) и законъ о полученіи правъ гражданства: всей громадной массѣ иммигрантовъ предлагается принять бразильское подданство; не желающимъ принять его предоставляется право заявить объ этомъ въ теченіе 6 мѣсяцевъ у своего консула; всѣ, не заявившіе протеста, будутъ считаться бразильскими подданными. Этимъ декретомъ о «великой натурализаціи» (grande naturalisation) временное правительство разрѣшило вопросъ, уже давно бывшій на очереди и настоятельно требовавшій рѣшенія, такъ какъ онъ указывалъ на ненормальное положеніе иммигрантовъ, которые въ нѣкоторыхъ провинціяхъ имѣли въ своихъ рукахъ всю торговлю и промышленность страны и въ то же время были лишены всякихъ политическихъ правъ.

Затѣмъ одной изъ существенныхъ реформъ временнаго правительства было отдѣленіе церкви отъ государства. До сихъ поръ въ Бразиліи католическая церковь была признана господствующею и пользовалась особыми привилегіями. Остальныя вѣроисповѣданія лишь терпѣлись. До избирательной реформы 1881 г. диссиденты не могли быть избираемы; фактически они не были также и избирателями, такъ какъ для этого требовалась присяга въ вѣрности католической церкви. До 1 апрѣля 1888 г. списки гражданскаго состоянія оставались въ рукахъ католическаго духовенства, хотя послѣднее не пользовалось вліяніемъ и было невѣжественно. Реформой 1889 г. признается свобода вѣроисповѣданій, всѣхъ безъ исключенія. При этомъ государство обязуется уплачивать жалованье католическимъ священникамъ, находящимся на дѣйствительной службѣ, до ихъ смерти, и давать субсидію духовнымъ семинаріямъ въ теченіе одного года.

Бразилія провозглашена федеративною республикой подъ названіемъ Южныхъ Соединенныхъ Штатовъ. При этомъ нужно замѣтить, что федерація состоитъ изъ тѣхъ же провинцій, лишь переименованныхъ въ штаты,

дѣленіе чисто-произвольное, не основанное на потребностяхъ населенія, съ мнѣніемъ котораго правительство не сочло нужнымъ справиться. Поэтому границы отдѣльныхъ штатовъ фактически остаются до сихъ поръ неопредѣленными, что заставляетъ предполагать въ нихъ дальнѣйшія измѣненія соотвѣтственно экономическимъ и политическимъ потребностямъ штатовъ. Южные Соединенные Штаты состоятъ изъ 20 штатовъ и одного федеральнаго округа (Ріо-де-Жанейро). Каждый изъ штатовъ имѣетъ свои двѣ палаты и своего президента, но обязанъ подчиняться законодательнымъ, административнымъ и судебнымъ актамъ союзнаго правительства. Законодательная власть по конституціи, почти скопированной Бразиліей съ Сѣверныхъ Соединенныхъ Штатовъ, принадлежитъ конгрессу. Послѣдній образуется изъ палаты депутатовъ и сената. *Палата депутатовъ* состоитъ изъ народныхъ представителей, избираемыхъ не менѣе 4 для каждаго изъ штатовъ; въ среднемъ на 70,000 человѣкъ населенія полагается одинъ депутатъ. (Избирателемъ можетъ быть всякій гражданинъ 21 года, умѣющій читать и писать). Вторая палата—*сената* состоитъ изъ 63 депутатовъ (по 3 отъ каждаго штата); составъ его возобновляется по третямъ черезъ каждые 3 года. Исполнительная власть принадлежитъ президенту, избираемому всѣми избирателями по большинству голосовъ. Ему принадлежитъ назначеніе министровъ, командованіе морскими и сухопутными войсками, избраніе членовъ верховнаго суда, объявленіе войны и мира. Кромѣ того, президентъ утверждаетъ законы, причемъ онъ можетъ вернуть ихъ снова конгрессу для пересмотра, и тогда уже они должны быть приняты конгрессомъ не простымъ большинствомъ голосовъ, а большинствомъ $^2/_3$. Такимъ образомъ въ рукахъ президента сосредоточена огромная власть, такъ какъ онъ имѣетъ право ограничивать законодательные и судебные органы.

«Со времени паденія имперіи страна управлялась солдатами: въ 1893 г. болѣе половины губернаторовъ были изъ военныхъ» *). На это указываютъ и самыя послѣднія событія. Сухопутная армія ведетъ борьбу изъ-за власти съ морскими силами, причемъ теперь эта борьба уже неблагопріятна для дальнѣйшаго экономическаго развитія страны. Совершивъ революцію при молчаливомъ согласіи господствующихъ слоевъ населенія, причемъ рухнули нѣкоторыя старыя и негодныя преграды, которыя уже давно мѣшали росту молодыхъ провинцій, власть арміи сама стала тормозомъ, вліяніе котораго особенно вредно отзывается на южныхъ провинціяхъ. Въ сентябрѣ 1893 г. началось возстаніе части бразильскаго военнаго флота

*) *Э. Реклю*: „Всеобщая географія", т. XIX. Іонинъ въ своемъ сочиненіи такъ опредѣлилъ значеніе бразильской революціи. „Нигдѣ я не слышалъ столько дифирамбовъ прогрессу, цивилизаціи, свободѣ, столько восторговъ передъ задачами человѣчества, самоуправленія, какъ на бразильскихъ плантаціяхъ или въ степяхъ Лаплаты, какъ на этой почвѣ, гдѣ процвѣтаетъ еще рабство, гдѣ подъ видомъ республики господствуетъ самый непримиримый деспотизмъ" (*По Южной Америкѣ*, стр. 82).

противъ военной диктатуры президента Пейксото. Ріо и прилежащіе къ нему форты были бомбардированы. Въ апрѣлѣ это возстаніе было подавлено, но въ штатѣ Ріо-Гранде-до-Суль междоусобная война продолжалась, что особенно вредно отразилось на состояніи нѣмецкихъ колоній; формально миръ былъ заключенъ 24 іюля 1895 года.

Съ тѣхъ поръ, какъ опытъ показалъ, что климатъ особенно южныхъ провинцій Бразиліи отъ Сантоса до Ріо-Гранде-до-Суль и плоскогорія Минасъ-Жераесъ не только не вреденъ, но вполнѣ переносится даже жителями Сѣверной Европы, а также съ освобожденіемъ Бразиліи отъ Португаліи, притокъ иммиграціи туда и особенно въ Южные Штаты дѣлается непрерывнымъ (въ одно столѣтіе народонаселеніе Бразиліи увеличилось почти въ 8 разъ), а съ нимъ вмѣстѣ растетъ культурное и промышленное развитіе страны. Тѣмъ не менѣе, и въ настоящее время про эту страну можно сказать, что ея культурное развитіе только начинается, что если первые сдѣланные шаги уже довольно значительны, то сравнительно съ потенціальною цѣнностью богатствъ Бразиліи они еще ничтожны. Естественно, что въ торговлѣ Бразиліи первое мѣсто принадлежитъ вывозу продуктовъ почвы, несмотря на это земледѣліе ведется тамъ самымъ первобытнымъ и даже хищническимъ способомъ: огромные дѣвственные лѣса вырубаются и сжигаются для производства овощей и т. п. продуктовъ, а истощенная почва бросается и замѣняется новой.

Главный продуктъ бразильскаго земледѣлія это—кофе. Бразилія вывозитъ болѣе $^1/_2$ всего кофе, потребляемаго на земномъ шарѣ. Если земледѣліе вообще находится въ Бразиліи въ довольно жалкомъ состояніи, то этого совершенно нельзя сказать относительно культуры кофе. Производствомъ кофе обыкновенно занимаются лишь на крупныхъ плантаціяхъ, такъ какъ оно требуетъ затраты большихъ денежныхъ средствъ. До сихъ поръ первое мѣсто по производству кофе принадлежало Ріо-де-Жанейро, но за послѣдніе годы его побѣждаетъ С.-Паоло, гдѣ сосредочены самыя крупныя кофейныя плантаціи. Этимъ объясняется самый энергичный притокъ иммиграціи въ С.-Паоло; плантаторы этого штата сравнительно спокойно пережили кризисъ, вызванный освобожденіемъ негровъ: они заранѣе озаботились запастись достаточнымъ количествомъ рабочихъ рукъ. Въ С.-Паоло есть имѣніе въ 10 и 20,000 гект. Реклю на основаніи оффиціальныхъ данныхъ указываетъ на одну плантацію, принадлежащую финансовой компаніи съ капиталомъ въ 10 милл. франк., имѣющую около 6.000,000 кофейныхъ деревьевъ, гдѣ заняты 4,200 рабочихъ; въ урожайные годы эта плантація даетъ до 6,000 тоннъ кофе. Леклеркъ во время своего пребыванія въ Бразиліи посѣтилъ одну кофейную плантацію въ С.-Паоло, у него мы находимъ подробное ея описаніе.

Всякій, кто хочетъ составить себѣ ясное представленіе о положеніи Бразиліи и ожидающемъ его будущемъ, долженъ ближе познакомиться съ кофейными плантаціями. Я посѣтилъ,—разсказываетъ Леклеркъ,—фазенду Санта-Вериdіана, которая пользуется извѣстностью во всемъ штатѣ С.-Пао-

ло. Она расположена въ 300 километрахъ отъ С.-Паоло, у самой желѣзной дороги, въ 9 часахъ ѣзды отъ столицы. До города Кампинаса, самаго большого и оживленнаго послѣ С.-Паоло, путь ширококолейный, далѣе узкоколейный; это одна изъ самыхъ дешевыхъ желѣзныхъ дорогъ въ Бразиліи: постройка ея обошлась не болѣе 70,000 фр. за километръ. Она огибаетъ самымъ причудливымъ образомъ плодородныя воздѣланныя мѣстности. Это самая богатая часть провинціи, которой паолиты гордятся не безъ основанія. Дѣвственный лѣсъ смѣняется прекрасными кофейными плантаціями. Почва здѣсь «красноземъ»—кирпично-краснаго цвѣта, самая плодородная почва въ Бразиліи. Несмотря на лѣтнее время года, когда даже природный бразилецъ рискуетъ задохнуться, путешествуя по желѣзной дорогѣ, здѣсь царитъ оживленіе, и поѣзда почти всегда переполнены путешественниками. Фазенда находится на разстояніи 1 километра отъ станціи. Вокругъ огромнаго двора находятся глиняныя постройки—службы и жилыя помѣщенія—простыя, но удобныя; далѣе два длинныхъ ряда домиковъ (около 80)—жилища земледѣльцевъ. Всю окрестность занимаютъ правильные ряды кофейныхъ деревьевъ, выстроенные какъ по ранжиру. Промежутки между ними заняты маисомъ, этимъ неизбѣжнымъ спутникомъ кофейнаго дерева; далѣе надъ темной зеленью круглыхъ и вѣтвистыхъ деревьевъ кофе и тонкими свѣтло-зелеными стволами маиса возвышаются обожженные, лишенные вѣтвей толстые стволы—остатки прежняго дѣвственнаго лѣса. Въ нѣсколькихъ тысячахъ шаговъ отъ жилищъ—огромныя пальмовыя деревья, вѣтви ихъ перепутались съ цѣлою массой ліанъ: это—дѣвственный лѣсъ, который ждетъ еще своего піонера. Вся мѣстность представляетъ собою равнину болѣе 700 метровъ высоты надъ уровнемъ моря, съ самыми причудливыми очертаніями, съ мягкими линіями голубыхъ горъ на горизонтѣ, съ прекраснымъ климатомъ, такъ что итальянецъ находитъ здѣсь снова небо и солнце родной Италіи. Утромъ здѣсь воздухъ свѣжъ, вечера восхитительны. 20 лѣтъ тому назадъ на этомъ мѣстѣ былъ еще дѣвственный лѣсъ, въ настоящее время плантація имѣетъ 400,000 корней кофейнаго дерева, изъ нихъ 280,000 дающихъ полный урожай (отъ 5 до 30 лѣтъ). На этой необыкновенно плодородной почвѣ кофейное дерево приноситъ плоды до 50 лѣтъ. Кофейное дерево, какъ и виноградная лоза, имѣетъ очень неравномѣрные урожаи. При хорошемъ урожаѣ фазенда С.-Верндіана даетъ 588,000 килограммовъ кофе, на сумму 810,000 фр. Въ маѣ или іюнѣ начинается жатва; собранные плоды поступаютъ въ резервуаръ съ водой, въ видѣ канавы, тамъ они подъ вліяніемъ воды освободятся отъ своихъ мягкихъ частей; бобы, разсыпанные въ наклонныхъ желобахъ, сушатся на солнцѣ и постепенно ихъ сгребаютъ къ сараю; тамъ ихъ схватываетъ паровой черпакъ и передаетъ въ обдиральную машину, гдѣ они освобождаются отъ послѣдней кожицы, покрывающей ихъ; затѣмъ ихъ механически сортируютъ помощью цилиндрическаго сита,—далѣе кофе, уже готовый для потребленія, раскладывается въ мѣшки, и же-

лѣзная дорога, проходящая почти у воротъ фазенды, развозитъ его на рынки Сантоса и Ріо.

Леклеркъ останавливается на положеніи рабочаго-иммигранта, смѣнившаго собою негра-раба. Высаживаясь въ Ріо или Сантосѣ, европеецъ нанимается на одну изъ фазендъ. Обыкновенно никакихъ сбереженій послѣ долгаго пути у него не остается, и онъ сразу входитъ въ долги. Заимодавцемъ является, конечно, плантаторъ, и нѣкоторые даже поощряютъ къ этому нанятыхъ ими рабочихъ: послѣдніе такимъ образомъ закабаляютъ себя на болѣе или менѣе долгое время, и рабочія руки у плантаторовъ обезпечены. Въ описываемой плантаціи Санта Веридіана, которую Леклеркъ считаетъ въ этомъ отношеніи типичной, большинство земледѣльцевъ (52 семьи изъ 80) задолжено. Земледѣльцы получаютъ часть заработной платы натурой въ видѣ жилища, небольшого клочка земли подъ огородъ или права сажать маисъ между молодыми деревьями, держать скотъ и т. п.; другая часть идетъ на погашеніе долга хозяину, и нерѣдко лишь по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ рабочему удается освободиться отъ долговъ. Каждый колонистъ имѣетъ разсчетную книжку, гдѣ есть и условія найма; въ эти условія почти всегда входитъ обязательство *не воздѣлывать кофе за свой счетъ*. Заработная плата низка. Въ подтвержденіе этого у Леклерка мы находимъ указаніе, что семейство, имѣя нѣсколькихъ работниковъ, въ 14 мѣсяцевъ не можетъ уплатить долговъ, сдѣланныхъ имъ въ самыхъ необходимыхъ размѣрахъ. Поэтому уровень благосостоянія ихъ крайне невысокъ, и они направляютъ всѣ усилія къ тому, чтобы выйти изъ этого положенія: при первой возможности они переселяются въ города, гдѣ заводятъ мелкую торговлю, занимаются ремесломъ или, наконецъ, пріобрѣтаютъ себѣ клочокъ земли въ окрестностяхъ. Наиболѣе выносливыми и постоянными рабочими плантацій являются итальянцы; жизнь ихъ на родинѣ настолько неудовлетворительна, что здѣсь они чувствуютъ себя въ лучшихъ условіяхъ.

Вопросъ объ условіяхъ труда въ земледѣліи является самымъ существеннымъ для настоящаго и будущаго развитія страны. Среди культурныхъ земель здѣсь очень мало земли принадлежитъ государству. Только на югѣ, въ провинціяхъ Санта-Катарина и Параля, есть самостоятельныя нѣмецкія колоніи мелкихъ земельныхъ собственниковъ, но и то не болѣе, какъ единичныя попытки. Вся земля принадлежитъ крупнымъ землевладѣльцамъ, потомкамъ древнихъ capitues, и они очень неохотно дѣлятъ ее на участки, чтобы сдавать въ аренду; въ огромномъ большинствѣ случаевъ они эксплуатируютъ ее сами, тѣмъ болѣе, что производство кофе въ крупныхъ размѣрахъ даетъ гораздо большія выгоды. Плантаторы, конечно, заинтересованы въ томъ, чтобы платить рабочимъ возможно меньше. (Если вѣрить Леклерку, то въ 1890 г. при доходѣ въ 300 конто (конто=1,700 франк.) издержки производства въ С.-Веридіанѣ составляли всего 60 конто). Между тѣмъ при условіи низкой заработной платы будетъ задержи-

ваться дальнѣйшее развитіе производства, такъ какъ наиболѣе здоровые и способные работники, какъ это указываетъ и Леклеркъ, будутъ искать себѣ заработка въ иныхъ, лучше оплачиваемыхъ отрасляхъ, или же вовсе не будутъ переселяться въ Бразилію. Этотъ вопросъ затрогиваетъ и одинъ изъ бразильскихъ писателей, виконтъ де-Тоней: онъ предлагаетъ государству учрежденіе высокаго земельнаго налога, тогда въ рукахъ частныхъ собственниковъ останется лишь та часть земли, которая дѣйствительно культивируется и даетъ доходъ, остальная перейдетъ къ государству. Но такое рѣшеніе этого вопроса наталкивается на практикѣ на могущество крупной земельной буржуазіи и полное отсутствіе какого-либо противовѣса ея силѣ.

Для характеристики роста культуры кофе въ Бразиліи можетъ служить таблица, помѣщенная у Реклю:

1820 г.	. . .	5,085	тоннъ.
1840 »	. . .	68,000	»
1870 »	. . .	132,500	»
1880 »	. . .	330,000	»
1890 »	. . .	490,000	»

Въ заключеніе остановимся нѣсколько на другихъ отрасляхъ промышленности въ Бразиліи и ея путяхъ сообщенія.

Бразилія издавна была извѣстна производствомъ сахара, но эта отрасль промышленности за послѣдніе годы отчасти утратила свое значеніе. Правительство гарантируетъ сахарнымъ заводчикамъ (они уже владѣютъ и сахарными плантаціями) 7% дохода (Э. Реклю), чѣмъ въ значительной степени и объясняется упадокъ промышленности.

Въ сѣверныхъ штатахъ, особенно въ Сеарѣ, культивируется хлопчатникъ. Вмѣстѣ съ нимъ растетъ и хлопчатобумажная промышленность, поощряемая высокими, почти запретительными пошлинами. Въ 1895 году насчитывалось 155 хлопчатобумажныхъ фабрикъ, изъ нихъ—43 въРіо и 35 — въ Минасъ-Жераесъ. Обрабатывается туземный хлопокъ, причемъ вывезено его не болѣе 30 милл. килогр. Съ 1885 г. (62 хл. ф.) число фабрикъ увеличилось на 150%. Надо полагать, что потребленіе хлопка возросло въ болѣе значительномъ размѣрѣ *).

Кофе, сахаръ, золото и каучукъ, который вывозится, главнымъ образомъ, изъ города Пара, составляютъ главные предметы вывоза и опредѣляютъ общую сумму его для Бразиліи въ 1890 г. въ 317.822,000 мильрейсовъ или 690.208,400 фр.

При этомъ $^4/_5$ вывоза составляетъ кофе. Внѣшняя торговля и до сихъ поръ находится почти исключительно въ рукахъ иностранцевъ. До сихъ поръ въ ихъ рукахъ было и каботажное мореходство, но за послѣднее

---

*) *Handwörterbuch der Staatswissenschaften*. B. II.

время главное значеніе перешло къ желѣзнымъ дорогамъ. Центральнымъ пунктомъ внѣшней торговли всегда былъ портъ Ріо-де-Жанейро, онъ же является центромъ, откуда проводится цѣлая сѣть желѣзныхъ дорогъ. Главное затрудненіе при проведеніи путей въ Бразиліи заключается въ томъ, чтобы перейти хребты горъ, лежащіе близъ моря и скрывающіе за собою плодородныя долины, поэтому бразильскія желѣзно-дорожныя линіи могутъ сравняться по грандіозности сооруженій съ западно-европейскими. Въ настоящее время прибрежная горная цѣпь къ западу отъ Ріо (Серрада-Маръ) пересѣчена уже желѣзною дорогой въ пяти пунктахъ. Длина желѣзно-дорожной сѣти въ Бразиліи въ 1893 г. равнялась 11,000 килом. Изъ нихъ только небольшая часть принадлежитъ государству. Главныя компаніи пользуются гарантіями правительства, часто создающими имъ монополію.

М. К. П.

Соціальный реформаторъ.

(*D. Ménant:* «Un réformateur parsi dans l'histoire contemporaine de l'Inde, Behramji M. Malabari, traduit de l'anglais d'après M. Dayaram Gidumal»).

«Нѣтъ великаго Патрокла», жалуются люди нашихъ дней. Безпристрастный человѣкъ всегда согласится, что въ этихъ словахъ много явнаго преувеличенія. Вѣкъ, къ которому принадлежатъ такіе благородные и вѣрные друзья народа, какъ Гладстонъ, и такіе доблестные и отважные борцы за правду, какъ Золя, имѣетъ чѣмъ гордиться. Эти люди и другіе достойные стоять съ ними рядомъ, могутъ убѣдить любого скептика въ томъ, что не оскудѣлъ еще и нынѣ міръ людьми, достойными «святѣйшаго изъ званій—человѣкъ».

Они есть, герои, видные и чуть замѣтные, не громкіе и на весь міръ прославленные, и у насъ, въ Россіи, и на Западѣ и даже тамъ, далеко, на Востокѣ.

Въ странѣ, которая въ послѣднее время стала служить предметомъ серьезнаго вниманія западныхъ дипломатовъ, правительствъ и вообще интеллигентныхъ людей,—я говорю объ Индіи,—выдвинулся въ послѣднія 20—25 лѣтъ необыкновенно энергичный общественный дѣятель и славный поэтъ, а еще болѣе того—прославленный соціальный реформаторъ Берамжи Малабари.

Читая біографію этого удивительнаго человѣка, который въ настоящее время еще полонъ силъ, въ цвѣтущемъ возрастѣ, безъ устали работаетъ, не вѣдая покоя, помышляя только о народномъ благѣ и забывая при этомъ всѣ свои личные интересы, невольно преклоняешься передъ гигантскою силой героя, который цѣлью своей жизни поставилъ осуществленіе одной завѣтной мысли—соціальной реформы въ родной странѣ и, не взирая на всѣ, раскрытыя кругомъ него, препятствія, «коварство, злобу» и обманъ, не останавливается передъ какими бы то ни было чувствительными неудачами и пораженіями и все идетъ, упорно, неуклонно, впередъ, «въ надеждѣ славы и добра»...

Освѣжающее душу впечатлѣніе получаешь при знакомствѣ съ этою личностью, подъемъ духа и жажду дѣятельности. Подумать только, какъ много Малабари перенесъ испытаній и разочарованій и все-таки духовно уцѣлѣлъ, не сломленный подъ бурей рока!

I.

Еще въ самые ранніе годы дѣтства Берамжи съ прискорбіемъ постигъ святую истину, что «корень ученія горекъ». Въ первой школѣ, въ которой онъ учился совсѣмъ маленькимъ ребенкомъ, учитель, Минохеръ Дарю, служилъ предметомъ невѣроятнаго ужаса для дѣтей. Съ бамбуковою палкой въ рукѣ, съ грознымъ взоромъ, онъ наводилъ на нихъ истинную панику: малѣйшая ошибка въ произнесеніи молитвы—и на спинѣ ученика очутятся слѣды карающей лозы. Но это еще начало. То ли будетъ впереди!

Малабари отсюда попадаетъ въ школу грамоты, къ жестокому учителю, Нарберамъ Метажи, имя котораго было символическое: «Неустрашимый». Самъ безстрашный, онъ своими мѣрами наказаній страшилъ дѣтей до одуренія и обморока. Вотъ его орудія возмездія: палка,—гибкая, хлесткая,—ремень, кремень, сжатіе шеи, закривленіе носа, трясеніе головы, а то, бывало, заставитъ шалуна, раздѣвъ его до нага, виснуть не малое время на балкѣ... Какъ мучительно было ребенку все это не только самому на себѣ испытать, но даже просто видѣть, особенно, если онъ надѣленъ тонкою организаціей, чувствительною душой и нѣжнымъ сердцемъ! «Я не забуду никогда ни тяжести его длани, ни свирѣпости его взгляда»,—съ ужасомъ вспоминалъ объ этомъ времени Берамжи.

Въ этой школѣ царила система неистовой долбни. Надо было знать наизусть таблицу умноженія не только цѣлыхъ чиселъ, но и дробей. Каждый былъ обязанъ моментально отвѣчать: сколько составятъ четверть, половина, три четверти, единица съ четвертью, два съ половиной, помноженныя на любое другое число въ предѣлахъ сотни? Горе тому, кто запнется на мгновеніе! Согласитесь, что едва ли найдется во всемъ мірѣ такой учитель математики, бухгалтеръ, финансистъ, который сразу вамъ отвѣтитъ, сколько будетъ 47×39, а Малабари долженъ былъ отвѣчать, подъ страхомъ тяжелой кары.

Разъ одного шалуна Нарберамъ, въ наказаніе, поставилъ на колѣни на кремень, а на спину ему взвалилъ тяжелый камень, на который слегка присѣлъ. Мальчикъ поднялъ такой неистовый крикъ отъ боли, что жившія въ томъ же околоткѣ мать и бабушка несчастнаго услышали пронзительные вопли его и прибѣжали къ нему на помощь. Онѣ славились своею мускульною силой и гимнастическими подвигами, а потому легко справились съ учителемъ, накинувшись на него съ кулаками, и освободили ребенка.

На Берамжи эта сцена произвела самое ужасающее впечатлѣніе. Онъ такъ и обмеръ при видѣ ея, а, вернувшись домой, не спалъ всю ночь, схвативъ горячку. Цѣлыя недѣли онъ пролежалъ на одрѣ болѣзни, бредя о несчастномъ товарищѣ, который живо представлялся въ его галлюцинаціяхъ раздавленнымъ подъ тяжестью камня. Долгое время мать отчаивалась въ возможности его выздоровленія. Когда онъ началъ поправляться, первою новостью, поразившею его, было извѣстіе о смерти «Неустрашимаго» страшилища Нарберама. Мальчикъ никакъ не могъ понять, никакъ не могъ

вообразить себѣ, чтобы такой могучій, властный, страшный человѣкъ, рожденный для острастки, угнетенія и подчиненія себѣ всего на свѣтѣ, могъ попасть подъ власть другой неумолимой силы—смерти.

Вотъ съ какихъ лѣтъ Малабари учился страдать за другихъ, видѣть чужія муки и мучиться ими, какъ своими!

Новая школа—и новый учитель, уже изъ духовныхъ, жрецъ Панхаетъ. Надо замѣтить, что Малабари былъ по происхожденію парсъ, послѣдователь Зороастрова ученія. Духовный пастырь пасъ свое юное стадо не чисто-духовными орудіями, а смѣшанными, духовно-матеріальными: онъ заставлялъ дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ,—школа была тоже смѣшанная,—во время операціи розгами надъ какой-нибудь изъ своихъ жертвъ, для заглушенія ея криковъ отъ боли, пѣть хоромъ священные псалмы, взывающіе о милосердіи милосерднаго Творца. Не могъ безъ слезъ вспомнить Малабари о той грубости, съ какою этотъ жестокій служитель алтаря, схвативъ дѣвочку за длинные волосы, вынуждалъ ее поворачиваться, какъ настоящую маріонетку, а между тѣмъ весь классъ дружно и умилительно долженъ былъ оглашать школу стройными звуками набожныхъ призывовъ, обращенныхъ къ Агюрмазду. Часто отъ гнѣва Панхаетъ рвалъ на куски свою чалму, причемъ дѣлалъ такія страшныя гримасы и такъ ужасно поворачивалъ зрачками, что отъ одного этого вида нервныя дѣти падали въ обморокъ. Онъ билъ не только учениковъ, но и своего товарища, молодого учителя, который нерѣдко, въ наказаніе, въ присутствіи дѣтей, попадалъ между складками широкаго платья своего старшаго коллеги, а этотъ свирѣпый великанъ, обернувъ его въ нихъ, словно въ мѣшокъ, побѣдоносно ходилъ по классу, наводя священный трепетъ ужаса на всѣхъ юнцовъ.

Другого всѣ подобныя картины побудили бы только ожесточиться, очерствѣть, но въ Малабари онѣ только все больше и больше возбуждали чувство состраданія и горячее стремленіе

Идти къ униженнымъ,
Идти къ обиженнымъ,
По ихъ стопамъ;
Гдѣ трудно дышится,
Гдѣ горе слышится
Быть первымъ тамъ!

Съ раннихъ лѣтъ отрочества Берамжи особенно скорбѣлъ за безпримѣрно горемычную судьбу индусскихъ женщинъ. Онъ пораженъ былъ ихъ безотвѣтнымъ, рабскимъ положеніемъ. Онъ видѣлъ, какъ онѣ въ ранніе годы дѣтства выдавались замужъ не по собственному выбору, къ которому онѣ были еще и неспособны, а по велѣнію полновластныхъ деспотовъ родителей. Въ случаѣ преждевременной смерти юнаго супруга онѣ оставались на вѣки вѣчные вдовами. Вдова, и въ то же время дѣвица, не испытавшая брачной жизни, несчастная не смѣла никого любить подъ угрозой вѣчнаго позора и гоненій.

Юный парсъ принимаетъ близко къ сердцу вопросъ о двухъ ужасныхъ

обычаяхъ: о дѣтскомъ бракѣ и принудительномъ вдовствѣ (child-widow и infant-bride) у индусовъ. Первымъ къ тому поводомъ послужила исторія со сватовствомъ дѣвушки—вдовы Манхи, изъ касты торговцевъ молокомъ, въ Суратѣ. Ребенкомъ потеряла она своего мужа, тоже малолѣтняго, а въ 20 лѣтъ, идя наперекоръ обычаю, осмѣлилась послѣдовать неудержимому влеченію сердца и вышла замужъ за вдовца изъ своей касты. Родственники обѣихъ сторонъ отнеслись къ этому браку съ фанатическою враждой. Только сестра мужа приняла молодыхъ подъ свое покровительство и уговорила своего супруга, богатаго банкира Капидаса, пристроить ихъ при новой молочной въ Нанпурѣ, подальше отъ глазъ преслѣдователей. Увы, сосѣдніе торговцы-конкурренты распустили объ юной четѣ по всему околотку самыя худыя вѣсти, и лавка была закрыта. Тогда Малабари съ другими школьниками-товарищами дали другъ другу зарокъ всѣми силами покровительствовать Манхѣ. Они сами перестали и другихъ отговорили покупать молочные продукты у другихъ торговцевъ, чтобы поддержать коммерцію молодой продавщицы. Каждый день молочная ея осаждалась покупателями-парсами.

Съ тѣхъ поръ Малабари со своими школьными товарищами пошелъ на путь рыцарской дѣятельности: конечно, по-дѣтски, съ примѣсью натуральнаго школьничества, но честно и мужественно, по чувству человѣколюбія, сталъ онъ защищать угнетаемыхъ юныхъ вдовицъ и женъ отъ мужского деспотизма, сдѣлавшись въ скоромъ времени ужасомъ ревнивцевъ-мужей и жестокихъ отцовъ.

Въ ряду фактовъ, оказавшихъ сильное дѣйствіе на нравственный строй духа Берамжи, слѣдуетъ отмѣтить случай обморока, который произошелъ на его глазахъ съ одною плясуньей, упавшей безъ чувствъ среди бѣла дня у воротъ Сурата отъ пьянства и истощенія вслѣдствіе разгульной жизни. Мать Малабари, нѣжное, доброе существо, всѣ мѣры употребила, чтобы вызвать къ жизни несчастную и, въ концѣ концовъ, вернула ее къ сознанію. Плясунья, какъ оказалось, весь этотъ день предавалась безумной оргіи, окруженная ухаживаніями туземныхъ солдатъ. Съ этихъ поръ мальчикъ проникся неизгладимымъ на всю жизнь отвращеніемъ къ чувственнымъ удовольствіямъ и къ военщинѣ.

Мать Малабари, которой онъ обязанъ всѣмъ лучшимъ, честнымъ и благороднымъ, что въ немъ было,—уваженіемъ къ достоинству человѣка, рыцарскимъ отношеніемъ къ женщинѣ и стремленіемъ къ защитѣ ея природныхъ правъ, — эта чудная женщина, ангелъ-хранитель его нравственной личности, скончалась, когда ему было не болѣе 12-ти лѣтъ. Отецъ умеръ и того раньше, и Малабари очутился круглымъ сиротой.

На могилѣ матери, смерть которой ошеломила ребенка, онъ далъ клятву—вести съ тѣхъ поръ жизнь трудовую, суровую, жизнь отреченія, и выполнялъ эту клятву неукоснительно, продолжаетъ выполнять ее и теперь, ободряемый и руководимый примѣромъ покойной матери, воспоминаніями о ней, желаніемъ утѣшить и обрадовать ея тѣнь. Съ того дня Бе-

рамжи совершенно измѣнился: изъ ребенка—шаловливаго, веселаго, нерѣдко буйнаго, обратился во взрослаго по разуму, степеннаго, угрюмаго мужчину. Прощай веселость и безпечность навсегда! И онъ и по сейчасъ живетъ тихо, можно сказать, одиноко, сосредоточившись въ дѣловыхъ заботахъ, клонящихся къ общественному интересу, дома молчаливый, избѣгающій большого общества и свѣтской черни, крайне рѣдко, въ случаяхъ самой неотложной необходимости появляясь въ общественныхъ собраніяхъ, когда необходимо публичною рѣчью провести какую-нибудь первостепенной важности идею.

II.

«Одинъ какъ прежде», сирый, безъ родныхъ, друзей, опоры и поддержки старшихъ, тринадцатилѣтній самостоятельный человѣкъ не упалъ духомъ. Онъ успѣлъ прославиться въ своей округѣ юношей огромныхъ дарованій, и родители довѣряли своихъ дѣтей безъ колебанія его руководительству, хотя иные изъ этихъ дѣтей были старше своего учителя. Начался для Малабари періодъ непомѣрныхъ, можно было бы сказать, нечеловѣческихъ трудовъ. Страстно жаждущій образованія, онъ аккуратно посѣщалъ школу, принадлежавшую извѣстному ирландскому миссіонеру, епископу Диксону, ученому и мученику, и проводилъ тамъ въ ученіи ежедневно отъ десяти часовъ утра до четырехъ вечера, а на занятія съ своими учениками онъ удѣлялъ раннее утро отъ семи до девяти часовъ и вечеръ съ шести до восьми. Ночи уходили на собственныя, добровольныя работы самообразованія, на изученіе Шекспира, Мильтона, Вордсворта, Теннисона и другихъ писателей, западныхъ и восточныхъ. Тяжелъ былъ этотъ суровый трудъ,—трудъ безъ отдыха, безъ развлеченій, неустанный и упорный, при которомъ спать приходилось только четыре часа въ сутки. Кто изъ взрослыхъ вынесъ бы такую жизнь—восемнадцать часовъ умственной напряженной работы ежедневно? А богатырь-отрокъ съ честью вынесъ это ярмо на плечахъ своихъ, къ изумленію своихъ наставниковъ, которые за то сулили ему великую будущность. Поэтъ по призванію, онъ тогда уже началъ бесѣды съ своею музой, слагая первыя пѣсни—опыты по образцу изучаемыхъ имъ поэтовъ, и дѣтски мечтая о славѣ, воспламененный примѣрами подвиговъ, свершенныхъ героями и героинями, воспѣтыми въ твореніи родного ему поэта, Фирдуси Шахъ-Наме».

Пятнадцати лѣтъ Малабари кончилъ ученіе въ миссіонерской школѣ. Онъ рвется душой изъ Сурата въ столицу президентства, Бомбей, гдѣ былъ питомникъ высшаго просвѣщенія, предметъ его давнишнихъ мечтаній. Много разъ ему въ воображеніи представлялся, конечно, какой-то тайный голосъ, словно шептавшій школьнику такія же волшебныя думы, какія пришли въ голову однажды русскому поэту при видѣ нашего деревенскаго «школьника» такого же выходца изъ простого, трудящагося класса, какъ и этотъ герой Востока:

Будешь въ университетѣ—
Сонъ свершится на яву!...

Однако, прежде чѣмъ попасть туда, пришлось «терпѣньемъ изумляющему» юношѣ перенести много мытарствъ, препятствій и неудачъ. Прежде всего, надо было ломать голову надъ вопросомъ, такъ хорошо знакомымъ многимъ и изъ нашихъ образованныхъ людей, на долю которыхъ выпало не мало борьбы изъ-за упорнаго стремленія къ знанію. Малабари рѣшительно не зналъ, гдѣ добыть денегъ, потребныхъ на дорогу и на плату за вступительный экзаменъ. И что же? «Случай ли выручилъ, Богъ ли помогъ», но только нашелся добрый человѣкъ, притомъ удивительное дѣло!—вовсе незнакомый юношѣ, добрый еврей Живажи. Онъ отъ сына своего, учившагося въ той же миссіонерской школѣ, гдѣ только что окончилъ курсъ Малабари, услышалъ о затруднительномъ положеніи молодого человѣка выдающихся способностей, счелъ своимъ нравственнымъ долгомъ откликнуться на его нужду и ссудилъ юношу необходимою суммой. Бѣлье, книжки, малая толика денегъ на дорогу и экзаменъ—вотъ все, что взялъ Малабари съ собою, вотъ вся его omnia mea, съ которой онъ отправился въ большой городъ въ 1868 году.

Экзаменъ окончился неблагополучно: неудовлетворительнымъ отвѣтомъ по математикѣ. Но не въ натурѣ этого парса было унывать. Немедленно же онъ принимается за книгу и цѣлые дни, какъ и въ Суратѣ, проводитъ въ собственныхъ занятіяхъ—приготовленіи къ новому экзамену, и въ обученіи юношества. Въ слѣдующемъ 1869 г. вторая попытка вступительнаго экзамена—и опять такая же неудача. Нужды нѣтъ! Онъ вновь принимается за прежнюю докучную работу, и вновь въ 1870 г. не выдерживаетъ экзамена. Удивительное упорство! И третье пораженіе не только не сокрушило его энергіи, но еще болѣе закалило его волю: цѣною какихъ бы ни было усилій, а добиться своего! Въ 1871 г. желѣзная настойчивость одерживаетъ верхъ надъ, казалось бы, несокрушимыми препонами, и улыбнулась юношѣ, привыкшему пока къ однѣмъ невзгодамъ, давно желанная, счастливая судьба: онъ, наконецъ, студентъ. И «сонъ свершился на яву!»

Наступилъ новый, благодатный періодъ жизни юноши, періодъ успѣховъ и удачъ, словно въ возмездіе за ранѣе понесенныя страданія, въ награду за то, что юноша такъ стойко выдержалъ жестокіе удары рока крайнюю нужду, смерть матери и многочисленныя неудачи на вступительныхъ экзаменахъ. Ему теперь сразу повезло.

Въ числѣ лицъ, которыя его экзаменовали, былъ епископъ Тайлоръ, имя котораго до сихъ поръ славится въ Гюзератѣ. Онъ считался великимъ знатокомъ гюзератскаго, родного нашему юношѣ, нарѣчія, составилъ гюзератскую грамматику и сочинилъ поэмы, которыя цѣнятся высоко. Берамжи много слыхалъ о немъ. Въ одинъ прекрасный день, собравшись съ духомъ, нашъ студентъ принесъ ему свои поэтическіе опыты. Рукопись была тщательно переписана, каждая буква отчеканена, словно въ типографіи. Тайлоръ принялся ее просматривать, быстро переворачивая ея

страницы, и сразу поразился изяществомъ стиха и цѣльностью отдѣлки. «Да неужели же этакая работа хранится въ вашей тетрадкѣ, такъ безъ употребленія цѣлыхъ три года и не попала до сихъ поръ въ печать?» — съ изумленіемъ воскликнулъ онъ.

Тайлоръ счелъ своимъ долгомъ поддержать талантливаго молодого человѣка и познакомилъ его съ извѣстнымъ лингвистомъ, миссіонеромъ, докторомъ Вильсономъ. Это былъ необыкновенно энергичный общественный дѣятель, старавшійся распространять народное просвѣщеніе по всей Индіи, во всѣхъ религіозныхъ общинахъ. Онъ пользовался въ Индіи большимъ авторитетомъ и вліяніемъ. Докторъ Вильсонъ былъ, такъ сказать, воспріемникомъ перваго порожденія юной музы поэта, давши названіе его стихотвореніямъ «Нити Винодъ» (мы бы перевели: «Восторги сердца»). Чтобы поощрить начинающій талантъ и поддержать студента матеріально, Вильсонъ постарался собрать побольше подписчиковъ на предстоявшее изданіе книги. Однако выходъ ея въ свѣтъ задержался. Въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ не могъ Малабари собраться съ деньгами на печатаніе сборника. Причиною тому какая-то сказочная, дѣтская доброта поэта. Онъ не могъ не подѣлиться послѣднимъ грошомъ съ каждымъ, кто протягивалъ къ нему руку съ просьбой о матеріальной помощи, и такимъ образомъ подвергался существеннымъ лишеніямъ, тратя всѣ свои доходы на другихъ, на бѣдныхъ, часто даже на тунеядцевъ, эксплоатировавшихъ доброту юнаго благотворителя. Эта слабость помогать всѣмъ, кто ни попроситъ, довела его до того, что нерѣдко онъ дѣлалъ долги для своихъ друзей, впавшихъ въ нужду. Вторая причина медлительности изданія—непрактичность студента, его неумѣнье облаживать дѣла съ ловкими издателями и типографщиками. Не явись на выручку ему товарищъ, Дадабэ Бгабга, и книга такъ бы, можетъ быть, совсѣмъ и не появилась въ свѣтъ.

Двадцати одного года Берамжи женился на девятнадцатилѣтней дѣвушкѣ, о которой біографы почему-то воздерживаются говорить, такъ что ни личность ея, ни характеръ вліянія этого брака на него совершенно неизвѣстны. День появленія на свѣтъ перваго ребенка у Малабари совпалъ съ днемъ выхода въ свѣтъ и перваго его литературнаго дѣтища *Нити Винодъ*.

Книга имѣла огромный успѣхъ и уже вскорѣ по выходѣ ея послѣдовало и второе ея изданіе. Появленіе *Нити Винодъ*—крупнѣйшее событіе въ исторіи культуры народа, къ которому принадлежитъ Берамжи: это первое произведеніе перваго поэта парсовъ. Характеръ книги—чисто-лирическій. По словамъ знатоковъ, трудно найти здѣсь такія пьесы, которыя недостойны были бы войти въ число перловъ поэзіи вообще.

Нити Винодъ дѣлится на пять частей, содержащихъ поэмы, въ основу которыхъ положены этическія проблемы, характерные эпизоды изъ жизни великихъ людей и, наконецъ, то, что Пушкинъ называетъ «гимны важные, внушенные богами», т.-е. думы характера религіознаго. Въ одной изъ ча-

стей затрогиваются такіе вопросы и сюжеты, какъ юность, дружба, ревность, лесть, суета жизни, самоубійство, смерть и проч.

Въ другой части авторъ не столько дидактически, сколько чисто-лирически задѣваетъ вопросы: «Кто истинно счастливъ?» «Кто истинный герой?» «Кто долженъ горевать?» «Кому смѣяться?» «Какая можетъ быть жена вдова?» и т. д.

Лучшія поэмы—во второй части. Онѣ цѣликомъ посвящены женскому горю. Это—сочувственный откликъ на слезы индусскихъ страдалицъ, судьбой обреченныхъ быть вѣчными вдовами. Тутъ же воспѣты терзанія дѣтей-горемыкъ и вопіющіе ужасы «дѣтскаго брака».

Основная мысль всей книги: счастье, радость, наслажденіе—въ служеніи истинѣ, любви, добру; а горькія страданія сопровождаютъ жизнь людей порока. Девизъ поэта: «Твори благо!» Онъ на всякіе лады, различнѣйшими способами, старается внушить читателю идею, что богамъ угодны подвиги, труды, поступки больше, чѣмъ какія бы то ни было моленія и жертвоприношенія.

Въ 1876 году появляется вторая книга Малабари *Индійская муза* (*Indian muse*), уже на англійскомъ языкѣ. Здѣсь онъ совершаетъ изумительное дѣло: онъ создаетъ чистые перлы поэзіи на иностранномъ языкѣ и, по свидѣтельству такихъ компетентныхъ судей, какъ Теннисонъ и Максъ Мюллеръ, сразу становится въ ряду лучшихъ англійскихъ лириковъ. Рѣдко, крайне рѣдко кто-либо изъ западныхъ и, притомъ, развѣ только великихъ писателей, отваживался на такое предпріятіе—передать свои мысли, чувства и мечты на чужомъ языкѣ, порожденіи совершенно особенной культуры, и выполнить эту задачу такъ удачно, такъ прекрасно, что, не зная автора, трудно было бы повѣрить, что имѣешь передъ собой твореніе не природнаго англичанина, а сына Востока.

И эта книга, какъ и первая, не мало послужила дѣлу правды и защиты угнетенныхъ: вопіющія картины голода, дѣянія великихъ героевъ Запада, характеристика англійской націи и опять докучный, мучительный «домашній старый споръ» и злоба дня индусовъ—участь женщины и соціальныя неправды вообще,—на все отозвалась чуткая *Индійская муза*. Она сдѣлала имя Малабари знаменитымъ.

III.

Но слава поэта не удовлетворяла 23-лѣтняго юношу. Онъ находилъ, что еще очень малое сдѣлано, мало прожито, да и немного пережито. Писать стихи, хотя бы и прекрасные, хотя бы и направленные на защиту свѣтлыхъ идеаловъ—дѣло неспособное непосредственно вліять,—думалъ онъ,—на устраненіе вѣковыхъ неправдъ. Поэту казалось, что «въ годину горя» долгъ людей, отмѣченныхъ искрой Божіей,—ринуться по-рыцарски, безъ страха и упрека, въ текучій водоворотъ общественной борьбы съ лозунгомъ: «слава или смерть».

Этотъ лозунгъ служитъ заключительнымъ аккордомъ послѣдней поэмы Малабари, помѣщенной въ сборникѣ: *Индійская муза.*

Поэтъ сознательно подавилъ въ себѣ влеченія «къ искусствамъ творческимъ, высокимъ и прекраснымъ», и отдался публицистикѣ, чтобы бороться не на животъ, а на смерть съ соціальнымъ зломъ. Какъ разъ къ этому времени въ 1880 г. ему кстати предложили купить за безцѣнокъ газету *Индійскій Зритель* (*Indian Spectator*). Онъ страстно принимается за многотрудное дѣло, вступивъ смѣло и мужественно «на оный путь—журнальный путь», и совсѣмъ не разсчитавъ экономической, финансовой стороны предпріятія. И обрушились на его голову ударъ за ударомъ, препятствіе за препятствіемъ, втягивая его въ долги, вынуждая биться, какъ рыба объ ледъ, изъ-за денежныхъ недоразумѣній, въ которыя онъ впутывался все больше и больше, бѣдствуя,—бѣдствуя непрерывно. Долго-долго никто, ни одна душа не хотѣла такого человѣка поддержать хотя бы во имя доброй просвѣтительной цѣли, къ которой онъ съ такимъ трогательнымъ безкорыстіемъ рвался всею душой! Для уплаты долговъ спускалось съ молотка все, что было мало-мальски лишняго, да и не лишнее многое продавалось втридешева.

Нашелся однако совершенно неожиданно незнакомый человѣкъ богачъ, который самъ явился къ публицисту съ предложеніемъ своего кошелька, сочувствуя идеѣ Малабари, вѣря въ его дѣло и въ него.

Матеріальныя мытарства издателя индійской газеты весьма, конечно, понятны въ странѣ, гдѣ такъ мало просвѣщенной публики. Не трудно представить себѣ также и то, что̀ долженъ былъ чувствовать публицистъ, у котораго не было никогда никакихъ богатствъ, неся на своихъ плечахъ непосильную ношу періодическаго изданія, которую могла поддержать такая, болѣе чѣмъ малочисленная горсточка союзниковъ, какъ какая-нибудь полсотня постоянныхъ подписчиковъ. Вѣдь и желѣзной натурѣ есть предѣлъ. И наступали временами для Берамжи минуты горькаго сомнѣнія: ужъ не борется ли онъ съ вѣтряными мельницами? Начала было и его, крѣпкаго и неподатливаго на малодушіе, одолѣвать меланхолія. Онъ уже готовъ склониться къ выводу, что не ему влiять на политическую жизнь въ странѣ, что онъ не созданъ быть дѣятелемъ, что ему не сродна городская жизнь и общественная дѣятельность вообще; не удалиться ли въ родную глушь? Но одно соображеніе, «одна, но пламенная страсть» удерживала его отъ исполненія этой мысли: цѣною какихъ бы то ни было усилій и жертвъ хотѣлъ онъ добиться того, чтобы сдѣлать изъ *Индійскаго Зрителя* настоящій народный журналъ для индусовъ! Самъ выходецъ изъ простого рабочаго класса, онъ лучше, чѣмъ кто-нибудь, могъ постигнуть, въ чемъ заключаются вопіющія нужды бѣднаго люда, который представляетъ собою подавляющее большинство націи. Этимъ нуждамъ онъ и рѣшилъ служить всѣми своими способностями и энергіей, доводя о нихъ, черезъ посредство газеты, свѣдѣнія до интеллигентнаго общества, а также мѣстнаго и англійскаго правительства.

Съ другой стороны, его добрая слава и связи съ высшими чиновниками и оффиціальнымъ міромъ вообще давали ему возможность угадывать курсъ времени и раскрывали просторную дорогу для свободнаго, компетентнаго и, согласно съ его натурой, тактичнаго обсужденія дѣйствій и побужденій правящихъ сферъ. И онъ горячо увлекся идеей стать реформаторомъ въ соціальной жизни и даже въ религіи, что у индусовъ тѣсно связано между собой. Сначала было онъ продолжалъ вѣрить въ могучую нравственную силу и общественное назначеніе серьезной музы и задумчивость пѣсенъ, которыя казались ему не менѣе могучимъ орудіемъ борьбы съ неправдой, чѣмъ газета. Но успѣхъ *Зрителя* послужилъ толчкомъ къ вѣрѣ въ газету, какъ въ самое сильное средство борьбы, *Зритель* оказался удивительно, сверхъ всякихъ чаяній, живучимъ! Газета успѣла пріобрѣсти репутацію честнаго, неподкупнаго, солиднаго органа, стала, въ самомъ дѣлѣ, вліять. И Малабари рѣшилъ до тѣхъ поръ, пока будетъ малѣйшая возможность хоть какъ-нибудь выдерживать ужасное положеніе, этотъ непрестанный кризисъ, крѣпиться, не бросать родного дѣтища.

Поощряло въ немъ бодрость духа и сочувствіе собратьевъ по перу, которые радушно приняли его въ свою среду съ момента первыхъ дней газеты. *Бомбейское Обозрѣніе (Bombay Review)*, издававшееся въ томъ же городѣ, привѣтствовало дебютъ товарища самымъ дружелюбнымъ образомъ, разъясняя пользу и значеніе Малабари, какъ посредника между правительствомъ и населеніемъ, между природными жителями Индіи и элементами пришлыми изъ великой арійской расы. *Бомбейское Обозрѣніе* высоко цѣнило искренность и независимость своего конкуррента, называя его знатокомъ потребностей многоразличныхъ классовъ населенія и кастъ Вестъ-Индіи и признавая, что въ обсужденіи соціальныхъ вопросовъ молодой публицистъ проявилъ примѣрный тактъ, мѣткость пониманія и удивительное остроуміе. И другіе вліятельнѣйшіе органы индійской прессы выражали прямо удивленіе передъ блестящими талантами бомбейскаго писателя.

Не въ одной Индіи и Англіи цѣнили Малабари, какъ огромную публицистическую силу. Его замѣтила и французская пресса. *Revue Critique* считаетъ *Индійскаго Зрителя* весьма интереснымъ для европейскаго читателя. *Economiste Français* считаетъ Малабари вліятельнѣйшимъ представителемъ либеральной партіи и очень одобряетъ его политику, въ основѣ которой лежитъ идея поступательнаго движенія страны къ прогрессу и свободѣ, разсчитаннаго на условія времени и положеніе вещей. Его государственныя идеи, по мнѣнію экономическаго журнала, дѣлаютъ честь здравому смыслу индійской націи. Въ этомъ отношеніи Малабари, — думаетъ журналъ,—стоитъ на болѣе вѣрномъ пути, чѣмъ лордъ Рипонъ (тогдашній вице-король Индіи), который въ своемъ либерализмѣ иной разъ заходитъ слишкомъ далеко, не всегда справляясь, какъ слѣдуетъ, съ условіями почвы и минуты.

Шагъ за шагомъ двигаясь впередъ и завоевывая репутацію умнѣйшаго, талантливѣйшаго и безупречно честнаго органа рабочаго класса, *Индій-*

скій Зритель, въ концѣ-концовъ, достигъ того, что съ его мнѣніями стали считаться даже въ высшихъ и вліятельнѣйшихъ сферахъ имперіи. Авторитетность его голоса въ не малой степени зависѣла и отъ того, что Малабари съ истиннымъ чутьемъ прирожденнаго редактора умѣлъ найти полезныхъ дѣлу людей, и его помощникомъ по веденію газеты былъ его другъ, Динсха Эдальжи Ваха, большой знатокъ въ наукахъ политическихъ и соціальныхъ, съ выдающимся литературнымъ дарованіемъ. Кромѣ того, онъ окружилъ себя друзьями, которые каждый вечеръ сообщають ему всевозможнѣйшіе факты изъ текущей жизни, злобы дня политики, наукъ, искусствъ, литературы, увеселительныхъ зрѣлищъ и т. д.

Наконецъ, двигателемъ успѣха Малабари была его необыкновенная добросовѣстность и упорное терпѣніе при непрерывномъ, усидчивомъ трудѣ. Если, выведенный изъ терпѣнія грубымъ и недобросовѣстнымъ противникомъ, Малабари сочтетъ необходимымъ дать ему прямую, рѣзкую отповѣдь, онъ предварительно долго обдумаетъ, взвѣситъ каждое свое слово, читаетъ, перечитываетъ написанное имъ, потомъ снова перепишетъ черновикъ съ исправленіями, прежде чѣмъ сдать рукопись въ типографію, и опять пересматриваетъ ее въ корректурѣ, подвергая новымъ исправленіямъ. Иной разъ ночью онъ проснется наканунѣ выхода номера въ свѣтъ (*Зритель*—газета еженедѣльная), встанетъ съ постели, велитъ остановить печатанье, вычеркнетъ неподходящее слово или рѣзкую фразу, и только тогда ложится снова спать, но уже засыпая спокойно, съ облегченной совѣстью. Такъ сильно онъ боялся задѣть личное самолюбіе своего противника въ порывѣ полемическаго задора, такъ уважаетъ онъ чужую личность и ея независимыя убѣжденія.

Польза, приносимая нашимъ публицистомъ своему краю, тѣмъ болѣе была ощутительна, что въ то время, когда онъ начиналъ работать въ журналистикѣ, печать въ Индіи пользовалась большей свободой, чѣмъ когда-нибудь. Индійскій журналистъ могъ обсуждать, даже смѣло критиковать дѣйствія правительства.

Вліяніе газеты еще болѣе усилилось, когда дѣло соціальной реформы, которую пропагандировалъ Малабари, встрѣтило себѣ поддержку со стороны лорда Рипона. Время служенія этого талантливаго администратора индійскому краю было счастливѣйшимъ періодомъ благоденствія страны. Посланный туда Гладстономъ, лордъ Рипонъ принялъ власть послѣ одного изъ самыхъ непопулярныхъ вице-королей, лорда Литтона, который совсѣмъ было задавилъ мѣстную прессу и ввергъ страну въ пучину внѣшнихъ политическихъ осложненій.

Вступивъ въ отправленіе своихъ обязанностей, лордъ Рипонъ первымъ дѣломъ освободилъ печать отъ гнета администраціи, вернулъ туземцамъ мѣстное самоуправленіе, расширилъ права муниципалитетовъ по увеличенію налоговъ, уменьшенію займовъ, регулированію расходовъ, и т. д. Индійцы сумѣли оцѣнить заслуги этого мудраго, честнаго и гуманнаго администратора, и когда онъ покинулъ свой постъ, то весь народъ, вельможи, принцы

устроили ему пышные проводы, громкія и въ то же время искреннія, сердечныя оваціи, а нѣкоторые изъ сановниковъ оспаривали другъ у друга честь нести его носилки,—вотъ какъ любило и цѣнило его все населеніе!

Около лорда Рипона вращался кружокъ симпатичныхъ его товарищей-администраторовъ, и всѣ они, вмѣстѣ со своимъ главой, высоко цѣнили авторитетный голосъ Малабари, внимательно прислушивались къ нему, слѣдовали его совѣтамъ. Вотъ почему такъ велика была его роль и такъ неотразимо его вліяніе въ дѣлѣ проведенія соціальной реформы въ Индіи.

Энергія и самоотверженная дѣятельность Малабари не могутъ быть не признаны истиннымъ подвигомъ съ его стороны, если имѣть въ виду, что онъ взгромоздилъ на свои плечи такое многотрудное, сопряженное съ массой непріятностей, препятствій и огорченій, дѣло, какъ пропаганда реформы среди народа, совсѣмъ ему чужого,—онъ, парсъ, защищалъ, какъ свои родные, интересы индійцевъ.

IV.

Газета была не въ силахъ поглотить неистощимую энергію ея издателя. Ежегодно, на одинъ мѣсяцъ, Малабари любилъ предаваться странствованіямъ и исходилъ Индію изъ края въ край, а провинціи Гюзератъ и Катьяваръ онъ изучилъ, какъ спеціалистъ. Онъ исходилъ ихъ вдоль и поперекъ пѣшкомъ, смотря на все, что попадалось на глаза, съ самымъ жаднымъ любопытствомъ зоркаго и пристальнаго наблюдателя. Вотъ откуда почерпалъ онъ свою рѣдкую житейскую опытность и тонкое знакомство съ бытомъ Индіи.

Въ дорогѣ странникъ нашъ чувствуетъ себя счастливцемъ, радостнымъ, безпечнымъ. Онъ любитъ природу, любитъ наблюдать все окружающее, съ душою открытою, съ сочувственнымъ, мягкимъ сердцемъ отдается каждому впечатлѣнію и съ чутьемъ истиннаго, прирожденнаго художника умѣетъ находить поэзію тамъ, гдѣ другой прошелъ бы мимо, не замѣтивъ ничего. Много такихъ изящныхъ жемчужинъ слова разсѣяно на страницахъ его газеты за 1882 и 1883 годы. Тутъ записаны и наблюденія, и путевыя размышленія, и задушевныя думы, и сравненія, мѣткія, проникнутыя здравымъ юморомъ. Въ этихъ очеркахъ онъ съ искреннею теплотою и любовью относится къ тѣмъ людямъ изъ простой среды и трудового класса, которые ему встрѣчались на пути. Это чувство сообщается и читателю, и въ этомъ—высокое нравственное значеніе его поэзіи.

Удосужился нашъ странникъ и на созданіе въ 1888 году большого лирическаго chef-d'oeuvr'а, «Вильсонъ Вирахъ», посвященнаго памяти д-ра Вильсона, который былъ однимъ изъ нѣжныхъ ангеловъ-хранителей его музы. Поэтъ восхваляетъ благородную личность ученаго, въ которомъ совмѣстились: высокая просвѣщенность, природная скромность и очень рѣдкое чувство самоотреченія. Пресса встрѣтила это произведеніе восторженно. Она отмѣтила оригинальность мыслей, яркость красокъ въ описаніяхъ и

изящную форму изложенія. «Стихи эти, — говоритъ одинъ мѣстный критикъ, — такъ захватываютъ за сердце, что мы невольно нѣсколько разъ принимались ихъ читать и перечитывать. Произведенія г. Малабари составляютъ украшеніе нашихъ библіотекъ». Общій голосъ, что «Вирахъ», по совершенству своей отдѣлки, является шагомъ впередъ сравнительно съ «Нити Винодъ».

Дальнѣйшими своими поэтическими созданіями Малабари окончательно пріобрѣлъ славу первокласснаго поэта, и его не разъ критики ставили рядомъ съ такимъ, наприм., классическимъ творцомъ, какъ Мильтонъ. Велика его заслуга со стороны содержанія его шедёвровъ, но его еще цѣнятъ въ исторіи родной словесности за расширеніе ея новыми видами поэзіи, которыхъ дотолѣ и не вѣдала парсская литература. И въ этомъ— его особое право на безсмертіе.

Въ 1882 году вышла первая серія переводовъ знаменитыхъ лекцій профессора Макса Мюллера о происхожденіи и развитіи религіи, составленныхъ на основаніи тщательнаго изученія индійскихъ религій.

Малабари предпринялъ еще въ 1880 году это изданіе, возмущенный отказомъ нѣсколькихъ индійскихъ ученыхъ, къ которымъ обращался Максъ Мюллеръ съ просьбой перевести его трудъ. Цѣль этихъ лекцій профессоръ самъ опредѣлилъ въ своемъ письмѣ къ Малабари, отъ 2 февраля 1882 г. Когда онъ составлялъ эти лекціи,—сознается онъ,—онъ мысленно обращался не къ своимъ англійскимъ слушателямъ, а къ тѣмъ—правда, немногочисленнымъ—интеллигентнымъ людямъ Индіи, которымъ доступна его рѣчь на англійскомъ языкѣ. Онъ хотѣлъ имъ показать истинное, историческое значеніе ихъ древней религіи, разсматриваемой не съ точки зрѣнія исключительно европейской или христіанской, но сообразно съ мѣстомъ, занимаемымъ этою религіею въ исторіи человѣчества. «Я хотѣлъ ихъ предупредить,—писалъ онъ,—отъ двухъ опасностей: первая—не ставить ни во что, презрѣть свою древнюю вѣру, какъ это часто и дѣлаютъ ваши молодые люди, ставшіе наполовину европейцами, а другая опасность—преувеличить значеніе своей вѣры и приписывать ей то, чего въ ней не было никогда».

Изучивъ историческое прошлое, оставившее свой слѣдъ въ религіи, можно найти вѣрную дорогу къ будущему,—вотъ въ чемъ, по мнѣнію Макса Мюллера, заключается великое общественное и патріотическое значеніе для индуса въ научномъ изслѣдованіи своей народной религіи.

Малабари страстно увлекся идеей сближенія Индіи съ Западомъ. Онъ видѣлъ свою гражданскую миссію въ борьбѣ противъ слѣпого увлеченія всѣмъ европейскимъ, сопряженнаго съ непростительнымъ, огульнымъ презрѣніемъ всего родного. «Господа,—говорилъ онъ на митингѣ, который былъ собранъ въ Жейпорѣ 5 мая 1882 года и состоялъ изъ однихъ природныхъ уроженцевъ Индіи,—если мои стихи имѣли какой-нибудь успѣхъ, то это потому, что я выражался въ нихъ какъ индійскій мыслитель, оставаясь вѣрнымъ самому себѣ и родимой почвѣ. Имѣйте въ виду, что если я попытался ввести въ свои гюзератскіе стихи проблески западной мысли, то я же, въ

свою очередь, попробовалъ уложить въ англійскія свои стихотворенія чисто-индійскіе элементы». Онъ замѣчаетъ далѣе, что всегда любимою его идеей было сближеніе Запада съ Востокомъ,—сближеніе постепенное, систематическое и, притомъ, внутреннее, а потому и прочное. И для него было большою радостью узнать, что и Максъ Мюллеръ лелѣялъ ту же самую мечту. А когда профессоръ вступилъ съ Малабари въ переписку по этому вопросу и послалъ ему свои лекціи, то это воспламенило усердіе молодого дѣятеля, и онъ рѣшилъ скорѣе приступить къ осуществленію своего счастливаго проекта, оформить его въ видѣ цѣльнаго, систематическаго плана и тотчасъ же приняться за распространеніе своей мысли по всей странѣ.

Малабари характеризуетъ въ дальнѣйшихъ мѣстахъ своей рѣчи роль Макса Мюллера въ изученіи внутренней исторіи Востока. Онъ указываетъ на почтеніе, вѣрнѣе сказать — поклоненіе, съ какимъ относятся къ этому ученому въ Индіи. Онъ слыветъ за мудреца, свыше вдохновеннаго учителя и пророка. При всемъ преувеличеніи такого, слишкомъ уже благоговѣйнаго, отношенія къ изслѣдователю сѣдой старины, нельзя, по мнѣнію Малабари, не признать за Максомъ Мюллеромъ высокой культурной заслуги: «онъ,—говоритъ Малабари,—своимъ изслѣдованіемъ санскрита придалъ ему новую жизнь, способствуя возрожденію языка и литературы нашей страны».

Для индійскихъ патріотовъ потому уже необходимо познакомиться какъ можно лучше съ трудами Макса Мюллера, что этотъ санскритологъ имѣетъ болѣе данныхъ для правильнаго изслѣдованія предмета, чѣмъ самый лучшій изъ ученыхъ Индіи, потому что англійскій профессоръ приступалъ къ дѣлу безъ предубѣжденія, пристрастія и партійности. Главное его достоинство—въ универсальности образованія и глубинѣ основныхъ точекъ зрѣнія. «Не представляютъ ли собою различныя вѣрованія тѣ тропинки, по которымъ идетъ дорога къ одной общей цѣли, къ источнику всяческой истины»,—вотъ какая мысль руководила Малабари при составленіи имъ плана перевода знаменитыхъ лекцій на санскритскій, гюзератскій, бенгальскій и другіе языки индійскихъ обитателей. Гюзератскій переводъ сдѣланъ при его непосредственномъ участіи. Эти труды попали въ опытныя руки и прежде, чѣмъ подвергнуться тисненію, просматривались компетентными учеными. «Если предпринятое дѣло увѣнчается успѣхомъ,—говорилъ Малабари,—то я предполагаю организовать постоянный комитетъ руководительства переводами на индійскія нарѣчія европейскихъ сочиненій и обратно, въ цѣляхъ распространенія просвѣщенія среди малообразованной части публики и народа».

Малабари зналъ, что его планъ многіе назовутъ химерой и даже маніей, но онъ просилъ своихъ противниковъ согласиться, что если его мысль—безуміе, то, все-таки, въ этомъ безуміи есть извѣстный методъ, система, что «мечтателемъ опаснымъ» прозвать его было бы несправедливо, тѣмъ болѣе, что за него стоитъ цѣлая группа европейскихъ и мѣстныхъ друзей-сторонниковъ и туземная пресса. Къ нему же на помощь пришло и правительство Бомбея, предложивъ ему на осуществленіе проекта

денежную субсидію. Однако его смущало то обстоятельство, что люди капитала, безъ которыхъ немыслимо осуществленіе проекта, оказались слишкомъ тяжелы на подъемъ.

«А теперь, милостивые государи, — заключаетъ свою рѣчь ораторъ,— обращаюсь къ вамъ съ просьбой—поддержите мое дѣло. Пусть мой проектъ станетъ вашимъ дѣломъ, скажу болѣе: ни мое, ни ваше, это дѣло—народное. Да, господа, проектъ называется національнымъ!»

Вотъ съ какою пламенной страстью, съ какимъ энтузіазмомъ Малабари пропагандировалъ свою мысль, охватившую все его существо, всюду, въ разныхъ провинціяхъ Индіи. И люди,—цвѣтъ интеллигенціи края,—живымъ сочувствіемъ и матеріальной поддержкой отозвались на горячіе призывы Малабари, — особенно просвѣщеннѣйшіе изъ государственныхъ людей и представители серьезной мѣстной прессы.

Малабари выпускаетъ въ свѣтъ новое произведеніе, на англійскомъ языкѣ, «Gujarat ant the Gujaratis», которое быстро выдержало три изданія. Книга встрѣчена была съ большимъ энтузіазмомъ со стороны печати какъ индійской, такъ равно и англійской, и даже французской и американской. Проникнутая здоровымъ юморомъ, она въ то же время вызываетъ сочувствіе къ угнетеннымъ классамъ и кастамъ народа, любовь и уваженіе къ трудящемуся люду, ненависть къ лицемѣрію, своекорыстію и обскурантизму иныхъ изъ сильныхъ міра сего. Читатель входитъ прямо въ обыденную обстановку туземной жизни и чувствуетъ себя какъ дома. Здѣсь авторъ снова возвращается къ любимому своему сюжету — къ возбужденію участія въ судьбѣ несчастныхъ жертвъ кастовыхъ предразсудковъ, къ горькой долѣ красавицъ-невѣстъ, сосватанныхъ за малолѣтнихъ супруговъ, юныхъ вдовицъ, которыя не вѣдали супружескаго счастья, которыя, не расцвѣтши, отцвѣли въ рукахъ суровой, деспотической опеки людей безъ сердца и души.

V.

Мы видимъ, что во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ Малабари на поэзію смотрѣлъ какъ на суровый долгъ, а потому и заслуживаетъ названія поэта-мыслителя и поэта-гражданина. Онъ держится того взгляда, что всякая прекрасная мысль должна и выражаться въ прекрасной формѣ, что для того только и существуетъ искусство. По его словамъ, поэзія не есть веселое и легкое препровожденіе времени; нѣтъ, это,—говоритъ онъ,—«языкъ героевъ и полубоговъ; она священна!» Она есть проявленіе божественнаго въ человѣческомъ. Таковъ идеалъ его, какъ художника, налагающій на поэта обязанность тщательно работать надъ своимъ созданіемъ.

«Я думаю,— скромно замѣчаетъ онъ,— что въ этой точкѣ зрѣнія заключается счастье и спасеніе такихъ натуръ, какъ моя. Работать, непрестанно работать, безъ отдыху, такъ какъ досугъ питаетъ наше «я» и, питая, губитъ, убиваетъ его. Когда я безъ дѣла, я погружаюсь въ себялюбивыя и нехорошія мысли... Разумъ грубѣетъ отъ бездѣлья»...

Всѣ его литературные труды одушевлены вѣрой въ правду, твердымъ убѣжденіемъ въ свѣтломъ будущемъ, котораго добьется человѣчество. Въ борьбѣ тьмы со свѣтомъ свѣтъ восторжествуетъ. По этому вопросу Малабари обстоятельно высказывался въ печати, и его вѣра въ будущую побѣду добраго начала надъ злымъ встрѣтила себѣ живую поддержку со стороны Гладстона, который написалъ ему по этому поводу сочувственное письмо.

Любовь къ жизни и къ человѣку наполняютъ все существо поэта. «Въ моихъ сношеніяхъ съ людьми,—говорилъ онъ,—у меня нѣтъ различія для пола, религіи и національностей. Я всѣмъ равно сочувствую, а особливо тѣмъ, которые всего болѣе ощущаютъ потребность въ моемъ сочувствіи».

Чистое, первоначальное ученіе Зороастра именно клонилось къ такому признанію всеобщаго равенства и противилось всякому превозвышенію одного человѣка надъ другимъ, будь ли то свѣтскій владѣлецъ и деспотъ, будь ли то духовный вождь-жрецъ. Только послѣ смерти Зороастра,—думаетъ Малабари—эта идея вскорѣ была забыта и такъ осталась въ забвеніи до сихъ поръ.

Малабари не обратился въ христіанство, какъ иные изъ его товарищей. Онъ остался вѣренъ ученію Зороастра.

Основной идеалъ его жизни заключается въ одномъ словѣ—*чистота*. «Чистота мысли, слова и дѣйствія,—объясняетъ Малабари,—таковъ нашъ главный догматъ, вмѣстѣ съ милосердіемъ, какъ правиломъ жизни, и строгой провѣркой самого себя, какъ высшимъ долгомъ каждой личности. Этотъ идеалъ чистоты я мысленно всегда имѣю предъ глазами и стремлюсь къ его осуществленію не только въ мірѣ нравственномъ, но и физическомъ. Религія сдѣлала изъ меня строгаго сторонника гигіены и заставляетъ меня избѣгать малѣйшаго общенія со смертью или разложеніемъ и вообще съ тѣмъ, что можетъ повредить моему здоровью. У послѣдователей Зороастра считается грѣхомъ зря подвергать хотя бы малѣйшей опасности свое здоровье, или терять его по какой бы то ни было причинѣ. *Тандорасти газаръ найаматъ* (здоровье тѣла — высшее благословеніе). Болѣзнь—дѣло рукъ сатаны, и потому я обязанъ обезпечить себя отъ ея дурного вліянія».

Чистота духа и тѣла, вмѣстѣ взятыя, охраняютъ какъ нельзя лучше отъ грѣха и преступленія; соблюдая это, человѣкъ постоянно долженъ быть на стражѣ, чтобы не быть застигнутымъ врасплохъ. Такое противленіе злу и грѣху, висящему надъ нашимъ существомъ, и составляетъ основу Зороастровой вѣры,—утверждаетъ Малабари.

«Такъ какъ мой долгъ лелѣять все доброе, чистое и здоровое, то это налагаетъ на меня обязанность объявить войну не на животъ, а на смерть всему нечистому, дурному, нездоровому, какъ въ мірѣ нравственномъ, такъ и физическомъ».

Свѣтъ—самый совершенный символъ чистоты и безупречности; онъ, по словамъ Малабари, сообщаетъ жизнь всему. Неудержимое стремленіе къ

свѣту вызываетъ въ парсѣ ненависть къ мраку: «я ненавижу мракъ всѣмъ существомъ своимъ тѣломъ, и умомъ, и сердцемъ; свѣтъ—добрый генiй Агура-Маздъ, а тьма — злой духъ Ариманъ». Надо вѣчно бороться противъ Аримана.

Политика Малабари—политика бѣднаго класса. Пора, говоритъ онъ, правительству заинтересоваться серьезно положенiемъ трудящихся массъ, этихъ миллiоновъ, въ сущности безправныхъ, у которыхъ такъ мало друзей, которые рѣшились бы выступить на защиту ихъ дѣла. Этимъ объясняется его отношенiе къ различнымъ мѣропрiятiямъ правительства. Такъ, онъ выступилъ въ числѣ немногихъ противниковъ новаго налога на соль, потому что на всякiй экономическiй вопросъ онъ смотритъ съ точки зрѣнiя трудового класса. Интересы этой среды могутъ быть поняты только при условiи широкой гласности, самоуправленiя и доступа къ высшимъ должностямъ въ государствѣ. А потому, какъ ни хорошъ, гуманенъ, справедливъ былъ лордъ Рипонъ, но онъ сдѣлалъ бы еще больше добра, если бы служилъ Индiи, да только не въ такой должности, какъ постановленный англiйскимъ правительствомъ вице-король чужого народа. И къ отправленiю правосудiя, и къ участiю въ законодательствѣ, и вообще къ участiю въ администрацiи надо какъ можно свободнѣе дать доступъ людямъ, всего болѣе имѣющимъ на то право,—мѣстнымъ уроженцамъ.

Всего болѣе зла онъ видитъ въ безучастiи правительства къ вопросу о всеобщемъ образованiи народа. Какая польза отъ того, что какая-нибудь сотня культурна и просвѣщенна въ высшей степени, а миллiоны, по своему умственному развитiю, мало подымаются надъ мозгомъ обезьянъ? Мы воспитываемъ,—негодуетъ онъ,—умственную аристократiю, съ эгоистическимъ безразличiемъ относящуюся къ положенiю своей низшей братiи, vulgum pecus.

Слишкомъ сухо, слишкомъ холодно это исключительно умственное воспитанiе интеллигенцiи. Надо развивать въ молодежи добрыя чувства, любовь къ правдѣ, жажду истины, надо поднять культуру сердца, а для этого слѣдуетъ начать реформу воспитанiя съ домашняго очага, съ лона семьи. Исходя изъ этой именно идеи, Малабари и рѣшилъ открыть походъ противъ общественныхъ золъ во имя соцiальной реформы.

VI.

Въ Индiи соцiальная реформа имѣетъ совсѣмъ другой характеръ, чѣмъ въ Европѣ. У насъ она устанавливаетъ взаимоотношенiя между государствомъ и обществомъ, а тамъ она касается нравственныхъ, бытовыхъ условiй жизни и по-преимуществу направлена къ уравненiю правъ женщины съ правами мужчины и къ болѣе правильнымъ отношенiямъ между обоими полами. Положенiе индусской женщины—зло настолько вопiющее, что освобожденiе ея отъ вѣкового гнета и подавленности личности можно приравнять къ реформѣ освобожденiя крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Нашъ парсъ тѣмъ съ большею рѣшимостью отдался дѣлу защиты индусской женщины, что онъ считалъ ее прекрасной представительницей своего пола во всѣхъ житейскихъ отношеніяхъ. Но, въ силу молчаливой и безропотной уступки, женщина,—говоритъ онъ,—поставлена ниже мужчины, какъ соціальной единицы. «Многіе удивляются,—писалъ онъ,—что такъ мало извѣстны результаты такого соціальнаго неравенства. По-моему, это зависитъ отъ того, что потерпѣвшей стороной является женщина, а не въ ея натурѣ оглашать свои обиды. Индуска не любитъ ныть и жаловаться». Соціальное и нравственное горемычное положеніе ея опирается одновременно на законахъ религіи, на строго соблюдаемыхъ обычаяхъ, наконецъ, на злоупотребленіяхъ со стороны жреческой касты, мужского эгоизма и теоріи laissez faire со стороны высшаго правительства.

Очень нелегко положеніе соціальнаго реформатора: у него враговъ гораздо больше, чѣмъ сторонниковъ. Всѣ прежнія попытки эмансипаціи индусской женщины кончались горькимъ разочарованіемъ и гоненіями со стороны неблагодарныхъ соотечественниковъ. Правовѣрные индусы фанатически консервативны: они не допускаютъ ни малѣйшей попытки къ измѣненію существующаго строя. Для того, чтобъ отважиться нарушить законы касты и навлечь на себя громы отлученія, надо обладать несокрушимо твердымъ, желѣзнымъ духомъ и готовностью къ опалѣ и гоненіямъ на всю жизнь. При этомъ гоненіямъ подвергается не только самъ герой, но и его дѣти.

Малабари, конечно, нечего было опасаться этой кастовой вражды и этого отлученія. Но онъ зато рисковалъ потерей многихъ друзей среди индусовъ и создавалъ себѣ неисчислимыя затрудненія. Онъ это зналъ, когда предпринималъ свой крестовый походъ противъ вопіющей соціальной неправды, и за это въ должной мѣрѣ и претерпѣлъ. Но это еще не все, что требовалось отъ смѣлаго воителя. Надо было обладать даромъ вліянія, авторитетомъ, умѣньемъ руководить движеніемъ, и увлекать своимъ энтузіазмомъ другихъ, также вызывая ихъ на самопожертвованія съ вѣрой въ значеніе своего дѣла.

Реформаторская дѣятельность Малабари начинается въ 1884 году. Онъ преподнесъ лорду Рипону свою записку о дѣтскихъ бракахъ и принудительномъ вдовствѣ. Это было пунктомъ отправленія кампаніи, благополучно, съ полною побѣдой завершенной реформаторомъ въ 1891 году, когда былъ обнародованъ Consent Act. Вице-король разослалъ записку Малабари къ мѣстнымъ администраторамъ, приглашая ихъ высказаться по этому поводу. Главные представители народа, спрошенные въ свою очередь, дали свои отвѣты мѣстнымъ правительствамъ по всей Индіи, а губернаторы и мѣстные сановники, со своими личными отвѣтами, препоручили все на благоусмотрѣніе высшаго правительства, которое опубликовало весь этотъ матеріалъ вмѣстѣ со своими собственными мнѣніями и резолюціей.

А Малабари тѣмъ временемъ, пока отбирались да составлялись эти отзывы, съ необыкновенною энергіей старался оказать свое воздѣйствіе на

общественное мнѣніе, разъясняя важность и значеніе вопроса, стараясь всячески влiять на умы просвѣщеннѣйшихъ гражданъ, собирать мнѣнія компетентныхъ лицъ въ пользу своей пропаганды и печатать ихъ въ особомъ сборникѣ. Дѣлу агитаціи онъ посвятилъ и продолжительныя путешествія въ сѣверныя провинціи, весьма недружелюбно относящіяся къ вопросу о реформѣ, и произнесъ цѣлый рядъ горячихъ рѣчей въ центрахъ оппозиціи, среди отъявленныхъ враговъ-консерваторовъ.

Первую свою рѣчь онъ произнесъ въ Лагорѣ. Тутъ онъ разсказываетъ о своей аудіенціи у лорда Рипона. Вице-король, по его словамъ, выразилъ немалое смущеніе, такъ какъ онъ не былъ увѣренъ, по незнакомству своему съ дѣломъ, можетъ ли индійское правительство что-нибудь сдѣлать въ пользу реформы. Малабари признается, что онъ говорилъ тогда со всею убѣжденностью, на какую только способенъ онъ, потому что, восклицалъ онъ, «для *меня это вопросъ жизни или смерти*», такъ что лордъ Рипонъ, въ концѣ концовъ, заявилъ ему, полушутя, полусерьезно: «О, заведете вы меня, мой другъ, въ такія дебри, гдѣ пожрутъ меня львы». А остроумный собесѣдникъ успокоивалъ его словами: «Милордъ, на нашей дорогѣ нѣтъ львовъ, насколько мнѣ извѣстно; а если встрѣтятся помѣхи, то отъ животныхъ болѣе низкой породы; а впрочемъ, будь хоть и львы, я готовъ идти впередъ и, пока они будутъ меня грызть, вы успѣете тѣмъ временемъ спастись, отступивши». Тогда лордъ Рипонъ, подумавъ немного, улыбнулся и сказалъ, что онъ не оставитъ безъ вниманія ходатайство Малабари.

Дѣйствительно, четыре дня спустя, Малабари былъ принятъ вице-королемъ съ такими словами добраго предзнаменованія: «Ну, теперь мы съ пользой можемъ обсудить вашъ проектъ».

Все это,—всѣ свои надежды и планы,—повѣрялъ Малабари своимъ слушателямъ, въ горячихъ рѣчахъ-импровизаціяхъ, произнесенныхъ имъ то тутъ, то тамъ, стараясь зачастую не столько убѣждать рѣшительныхъ принципіальныхъ противниковъ, сколько вливать бодрость въ малодушныхъ единомышленниковъ своихъ, слишкомъ уже озабоченныхъ шкурнымъ вопросомъ. Какъ огня, боялись они впутаться въ исторію, изъ-за которой можно потерять всю свою репутацію въ глазахъ благонамѣренныхъ соотечественниковъ.

Да и было чего бояться, выражаясь по-щедрински, «трусливымъ зайцамъ!» Противники реформы представляли собою организованную партію, въ составъ которой входили самые богатые и вліятельные индусы. Они безбоязненно расточали по адресу самого правительства всевозможныя угрозы. Они подкупали и прессу и заставляли наиболѣе краснорѣчивыхъ и популярныхъ изъ своихъ главарей оказывать давленіе на чиновниковъ, всячески запугивая ихъ, — словомъ, выпустили весь свой воинственный арсеналъ ради того, чтобы доканать ненавистный имъ проектъ такой, казалось бы, на первый взглядъ, пустячной и ничтожной реформы, какъ перенесеніе десятилѣтняго брачнаго возраста на двѣнадцатилѣтній. Но въ

ихъ глазахъ здѣсь былъ поднятъ первостепенный національный принципъ, задѣвающій самую, какъ казалось имъ, религію, а потому надо бороться во что бы то ни стало, бороться не на животъ, а на смерть.

Пришлось вести борьбу реформатору даже противъ тѣхъ образованныхъ индусовъ, которые получили англійское воспитаніе. Постыдно презирали они все свое родное, равнодушно и высокомѣрно утверждая, что бороться противъ вѣковыхъ, опирающихся на священныя книги національно-религіозныхъ традицій—невозможно. Они ловко прибѣгали, для вящей убѣдительности, даже къ цитированію европейскихъ мыслителей, вкривь и вкось толкуя ихъ воззрѣнія въ пользу своего лицемѣрнаго индифферентизма. Но Малабари былъ не изъ тѣхъ, что легко сдаются. Съ огромнымъ тактомъ, умѣньемъ, знаніемъ онъ разбивалъ ихъ по всѣмъ пунктамъ, разъясняя надлежащимъ образомъ тексты сочиненій европейскихъ авторовъ и громко, убѣдительно, во всеуслышаніе уличая своихъ противниковъ въ намѣренномъ искаженіи чужихъ мыслей. Особенно много помогла Малабари авторитетная поддержка знаменитаго апостола индивидуализма, Герберта Спенсера. Какъ и слѣдовало ожидать отъ истинно благоразумнаго мыслителя, Спенсеръ, привлеченный неутомимымъ агитаторомъ къ участію въ обсужденіи великаго соціальнаго вопроса, отвѣтилъ, что государство въ Индіи вправѣ взять на себя иниціативу реформы. Но сбитые съ позиціи противники не хотѣли признать себя разбитыми на голову. Они надумали другую систему борьбы: клевету и оскорбленія. Это — почва, на которой Малабари не брался съ ними соперничать. Въ моменты самыхъ острыхъ нападеній и гнусныхъ подкоповъ со стороны интригановъ, Малабари выказалъ примѣрное терпѣніе, выносливость и присутствіе духа, что̀ дало поводъ его біографу отозваться о немъ, какъ о мужественномъ героѣ, проявившемъ кротость мученика.

Упорство Малабари не падало по мѣрѣ роста вражеской силы, не останавливавшейся передъ выборомъ средствъ борьбы. Оно вмѣстѣ съ противорѣчіями возрастало. Возрастало оно и по мѣрѣ практическаго и теоретическаго изученія имъ вопроса, по мѣрѣ накопленія фактовъ и доводовъ, подтверждавшихъ правоту его дѣла. Стоило ему только представить себѣ всю возмутительную, вопіющую къ небу картину: дѣвочка, у которой еще не выпали молочные зубы, уже обручается на всю свою жизнь невѣдомому ей человѣку, зачастую тоже ребенку, претерпѣваетъ тяжелыя нравственныя и физическія послѣдствія преждевременнаго брака,—сто̀ило ему только вспомнить это, и пылъ негодованія немедленно въ немъ разгорался. Можно ли было такому отзывчивому сердцу, какъ его, не забиться съ безпокойствомъ, читая краснорѣчивыя свидѣтельства статистиковъ и другихъ экспертовъ и компетентныхъ судей-наблюдателей, говорившихъ объ ужасныхъ домашнихъ драмахъ, покушеніяхъ на самоубійство, проклятіяхъ и стонахъ, слезахъ, болѣзняхъ вслѣдствіе преждевременной брачной жизни, ведущихъ къ разрушенію физическихъ и нравственныхъ силъ націи? Въ предпріятіи парса, отважившагося выйти спасителемъ чужой націи отъ разложенія,

біографъ его видитъ подвигъ, равняющій его съ величайшими дѣятелями освобожденія негровъ.

Не легко досталась Малабари та огромная трата силъ, которой ему стоила борьба: онъ утомился, ослабѣлъ и вызвалъ во врачахъ серьезныя опасенія за его здоровье. Ему посовѣтовали сдѣлать поѣздку въ Англію, чтобы подкрѣпить свои силы и поправиться. Онъ поѣхалъ, но, вмѣсто предписаннаго ему полнаго отдыха, немедленно взялся за свое излюбленное дѣло—знакомить вліятельныхъ людей съ вопросомъ о проектируемой имъ реформѣ. И безъ того надломленное здоровье вновь, вслѣдствіе переутомленія, ухудшилось, и однажды ночью, возвращаясь съ лондонскаго митинга, онъ почувствовалъ себя такъ нехорошо, что продиктовалъ своему другу, доктору Бгабга, свое завѣщаніе, прося, въ случаѣ смерти, похоронить его на скромной могилѣ, какъ хоронятъ бѣдныхъ людей, и послать его сердце въ Индію, для погребенія его «у подошвы Гималаевъ, подъ вѣчные снѣга».

Какъ ни слабъ былъ его организмъ, ни мужество, ни энергія не падаютъ у него: онъ пишетъ «Воззваніе» въ защиту дочерей Индіи и письма въ газету *Times* и въ другія крупныя газеты Англіи—по вопросу объ узаконеніи болѣе нормальнаго срока для замужства и о разрѣшеніи вдовамъ вступать въ бракъ.

Малабари удалось образовать большой комитетъ улучшенія положенія индусскихъ женщинъ. Въ составъ комитета вошли и извѣстные философы, и дѣятельнѣйшіе руководители моральнаго и соціальнаго движенія, и представители англо-индійскаго правительства: Рипонъ, Гербертъ Спенсеръ, Розбери, проф. Максъ Мюллеръ, Теннисонъ и мн. др. Сюда же вошли многія знатныя и интеллигентныя дамы. Немалую поддержку Малабари встрѣтилъ во время своего пребыванія въ Лондонѣ и со стороны Гладстона, который выразилъ горячее сочувствіе его благородной идеѣ, и обѣщалъ своевременно оказать поддержку его дѣлу. Участіе такого авторитетнаго человѣка очень поддержало въ Малабари бодрость духа.

VII.

Проживъ въ Лондонѣ полгода въ непрерывныхъ трудахъ, визитахъ, представленіяхъ, перепискахъ, отпискахъ, бесѣдахъ, организаціи комитета, засѣданіяхъ и т. п.,—Малабари выѣхалъ осенью 1890 года на родину. При этомъ онъ получилъ самыя сердечныя прощальныя напутствія отъ людей, участіемъ которыхъ онъ очень дорожилъ. Проф. Максъ Мюллеръ писалъ ему, чтобъ онъ не терялъ присутствія духа; другіе умоляли его беречь свое совсѣмъ разслабленное трудами здоровье. Нѣсколько строкъ Самюэля Смита выражали мнѣніе партіи, которая взяла на себя поддержку дѣла въ парламентѣ: «Сердечно поздравляю васъ съ чудеснымъ успѣхомъ вашего начинанія. Не знаю ни одного другого вопроса, который такъ быстро бы созрѣлъ, какъ вопросъ о дѣтскихъ бракахъ. Благодареніе Богу.

что Онъ положилъ вамъ на сердце идею возбужденія этого дѣла! Да не подорветъ она окончательно вашего здоровья! Ваша жизнь дороже, чѣмъ чья бы то ни было въ Индіи; обратите на свое здоровье самое серьезное вниманіе. Молю Бога, да напутствуетъ Онъ васъ своимъ благословеніемъ». Королева-императрица поручила передать ему, что она съ живымъ интересомъ относится къ вопросу, который такъ существенно касается счастья индійскихъ дѣвушекъ, и желаетъ ему благополучнаго возвращенія на родину въ семейный очагъ.

Когда онъ пріѣхалъ, то друзья, отпустившіе его въ Англію для отдыха и поправленія здоровья, совсѣмъ разочаровались при встрѣчѣ съ нимъ: онъ не только не поправился, но имѣлъ совсѣмъ больной видъ. Онъ не жилецъ, онъ долго не протянетъ,—вотъ какое впечатлѣніе выносилось всѣми. А между тѣмъ реформаторъ и не помышлялъ о потребномъ для здоровья покоѣ. Онъ немедленно созвалъ митингъ и побудилъ его къ рѣшенію добиться постановленія правительства, чтобы браки заключались не раньше 12 лѣтъ.

Въ январѣ 1891 года труды Малабари увѣнчались окончательнымъ успѣхомъ, и онъ могъ спокойно вздохнуть за участь женщинъ въ Индіи, за нравственное спокойствіе дѣтей, а стало-быть, и за благосостояніе всей націи.

Для европейца можетъ показаться страннымъ, что отдаленіе срока брачнаго союза съ 10 на 12 лѣтъ считается важнымъ шагомъ впередъ великой реформы. Но онъ пойметъ всю принципіальную серьезность побѣды Малабари, если узнаетъ, что въ Индіи этотъ двухлѣтній промежутокъ—самый критическій періодъ въ жизни дѣвушекъ: какъ разъ въ это время онѣ подвергаются грубому и жестокому произволу своихъ супруговъ. Надо кромѣ того имѣть въ виду, что этотъ срокъ есть начало, что за нимъ послѣдуетъ и дальнѣйшее движеніе. Въ этомъ отношеніи Малабари былъ дальновиднѣе своихъ друзей, которые настаивали на томъ, чтобы онъ не иначе соглашался, какъ на условіи 14-лѣтняго возраста для брака. Малабари зналъ, что тогда онъ проиграетъ все дѣло, а потому и довольствовался 12-лѣтнимъ срокомъ, какъ первою ступенью, раскрывающею дорогу къ остальнымъ.

VIII.

Въ то время, какъ Малабари отдавался своему великому преобразовательному дѣлу въ области соціальной жизни Индіи, онъ не оставался равнодушнымъ и къ политикѣ. Онъ продолжалъ свою миссію проповѣди демократическихъ началъ и боролся противъ кастовыхъ предразсудковъ въ отношеніи къ трудовымъ классамъ. Онъ принадлежитъ къ либеральной партіи и занимаетъ мѣсто рядомъ съ лидеромъ индійской политики Дадабой Наорозжи, такимъ же парсомъ и послѣдователемъ Зороастра, какъ и онъ самъ. Имя Наоразжи почти неизвѣстно въ Европѣ, а между тѣмъ онъ уже

хотя былъ тѣмъ замѣчателенъ, что онъ—первый индіецъ, попавшій въ англійскій парламентъ; при какихъ условіяхъ, какими средствами добился онъ этого, знаютъ очень немногіе. А между тѣмъ, и въ этомъ дѣлѣ, какъ и во всѣхъ важнѣйшихъ событіяхъ индійской исторіи послѣдняго времени, вліяніе Малабари было неотразимо. Вообще, и въ политическомъ движеніи своего вѣка знаменитый парсъ игралъ великую роль.

Дадабай Наорозжи, очень образованный и состоятельный человѣкъ, не мало на своемъ долгомъ вѣку потрудился надъ дѣломъ сближенія Индіи съ Англіей. А въ 1885 году онъ даже возымѣлъ мысль попытать свои шансы въ парламентскихъ выборахъ, чтобы явиться передъ представителями Великобританіи защитникомъ великихъ интересовъ своей страны. Онъ привлекъ къ участію въ своемъ проектѣ и болѣе молодого, но самаго близкаго и преданнаго изъ своихъ друзей—Малабари. Тотъ отнесся къ его предпріятію съ присущимъ ему энтузіазмомъ. Первая попытка Дадабая не увѣнчалась успѣхомъ: на выборахъ 1886 года онъ потерпѣлъ фіаско. Но стоило Малабари въ 1890—1891 гг. взяться за энергичную личную поддержку своего друга въ Англіи, и дѣло немедленно приняло совсѣмъ иной оборотъ. Пользуясь своимъ пребываніемъ въ Англіи, онъ первымъ дѣломъ принялся за разъясненіе дѣла главарямъ партіи, вступивъ со многими вліятельными людьми въ сношеніе—съ одними письменно, съ другими—устно, смотря по тому, гдѣ кто находился. Въ концѣ концовъ онъ добился того, что въ іюнѣ 1892 г. Дадабай былъ избранъ. Такимъ образомъ, и здѣсь, въ политическомъ вопросѣ первостепенной важности для Индіи, Малабари сыгралъ ту же безкорыстную роль, какую онъ успѣлъ уже раньше выполнить у вице-короля, когда ходатайствовалъ о соціальной реформѣ. И тутъ онъ не меньше, чѣмъ тамъ ставилъ на карту и свою популярность, и свой авторитетъ, и свое самолюбіе.

Когда Дадабай вернулся въ Бомбей, ему были устроены самыя восторженныя оваціи: крикамъ неподдѣльной благодарности не было конца. Такъ чествовалъ народъ своего заступника. А Малабари—этотъ въ сущности, главный виновникъ торжества оставался въ тѣни: это ли не явный признакъ рѣдкой скромности, отсутствія честолюбія!

Пребываніе въ Англіи вдохновило наблюдательнаго парса къ новому труду, имѣвшему огромный успѣхъ и быстро выдержавшему три изданія. Это его книга *Indian Eye*, мастерской этюдъ о жизни и характерѣ англичанъ, вышедшій въ свѣтъ въ 1891 г. Книга надѣлала въ Англіи большой шумъ. Высокія достоинства ея признавали выдающіеся люди самыхъ разнообразныхъ школъ. Всѣ удивлялись правильности и мѣткости сужденій автора. Критика находила у автора сходство то съ Тэномъ, то съ Монтескьё въ его «Персидскихъ письмахъ», то съ Киплиномъ по остроумію и юмору. Въ Индіи мѣстная пресса, забывъ недавніе раздоры и партійные счеты, единодушно признала работу соотечественника замѣчательнымъ произведеніемъ. Во Франціи книга *Indian Eye* также обратила на себя серьезное вниманіе. Ей была посвящена большая статья Вальбера въ *Revue*

des Deux Mondes (1 mars 1894 г.). О ней писалъ и Филонъ въ *Journal des Débats*, и оба, помимо ея содержанія, находили чему удивляться въ изящномъ, оригинальномъ, богатомъ красками Востока произведеніи Малабари.

Черезъ три года послѣ этого появился новый этюдъ Малабари *Indian Problem*. Тутъ авторъ вводитъ насъ въ сферу соціальныхъ вопросовъ, обнаруживая въ себѣ тонкаго знатока наличныхъ условій политической жизни въ современной Индіи. Съ его выводами сочли необходимымъ считаться государственные люди и вліятельнѣйшіе изъ публицистовъ англійскихъ, англо-индійскихъ и туземныхъ.

Вспомнилъ, наконецъ, послѣ 14-лѣтняго молчанія авторъ книги *Нити Винодъ* и о своей старой подругѣ, гюзератской музѣ, и выпустилъ сборникъ 22-хъ новыхъ своихъ стихотвореній («Ангубавика» или «Опыты»), тоже считающихся классическими. Ни годы, ни испытанія, ни житейскій опытъ, пріобрѣтенный авторомъ въ многочисленныхъ его столкновеніяхъ съ людьми, не измѣнили его свѣтлыхъ взглядовъ, и онъ съ прежнею вѣрой въ правду продолжаетъ «глаголомъ жечь сердца людей». Послѣ этого опять на нѣсколько лѣтъ «смолкли поэта уста благородныя».

Наконецъ, въ 1897 г. Малабари выпустилъ брошюру весьма серьезнаго значенія: *India in 1897*, писанную въ январѣ въ Парижѣ и изданную въ Лондонѣ. Здѣсь онъ даетъ цѣлую картину взаимоотношеній между англійскимъ правительствомъ и туземнымъ населеніемъ и особенно много, между прочимъ, обсуждаетъ соціально-экономическія и политическія причины голода и другихъ индійскихъ бѣдствій. Послѣдняя его книга—четырнадцать гюзератскихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ *Человѣкъ и міръ*. Книга проникнута высокимъ нравственнымъ настроеніемъ автора и свойственнымъ ему духомъ самоотреченія. Оканчивается она призывомъ къ общинѣ парсовъ.

Всецѣло захватить Малабари литературная дѣятельность не могла. Онъ не способенъ былъ существовать безъ живого общественнаго дѣла и сталъ изнывать отъ тоски. Самая главная цѣль его жизни, соціальная реформа, проведена, законъ обнародованъ и у виновника побѣды словно что-то оборвалось на сердцѣ. Какую-то пустоту почувствовалъ онъ вокругъ себя. Привыкшій къ такой дѣятельности, которая захватывала бы собою все его существо, онъ искалъ теперь хотя бы такого дѣла, которое если бы не совсѣмъ походило на только что оконченную имъ съ такимъ благополучіемъ гигантскую борьбу, то, по крайней мѣрѣ, хотя бы сколько-нибудь напоминало ее, замѣняло бы ее хоть какъ-нибудь, служа удовлетвореніемъ ненасытной его жажды подвига. И вотъ, послѣ долгихъ томительныхъ исканій, онъ находитъ уголокъ для своей мятежной, ищущей бури души. Онъ находитъ дѣло, близкое его чистому сердцу, принимается за подвиги истинной, непоказной филантропіи. Пріученный еще въ дѣтствѣ родною матерью къ милосердію, Малабари всю жизнь помнилъ золотыя ея правила и много дѣлалъ добра тамъ, гдѣ витала горькая нужда. Вмѣстѣ со своимъ другомъ, Даярамомъ, онъ организовалъ помощь вдовамъ и бѣднякамъ и, несмотря на крайне скромное свое финансовое положеніе, сумѣлъ добыть средства для

того, чтобы такъ или иначе удовлетворять просьбамъ, которыми его стали осаждать со всѣхъ сторонъ.

Малабари понималъ, что не мало добрыхъ людей на свѣтѣ, но умѣлыхъ благотворителей мало: много званныхъ—мало избранныхъ. Всякій ли способенъ взять на себя починъ улучшенія быта всѣхъ приходящихъ къ помощи нашей «труждающихся и обремененныхъ», а особенно въ Индіи?

Разъ сознаешь скудость силъ въ средѣ людей родной страны для благородныхъ начинаній, то на тебѣ лежитъ и долгъ взять на себя, показывать другимъ примѣръ, какъ надо поступать, чтобъ умѣло утереть слезу несчастныхъ. Прельстившись этою свѣтлою идеей, Малабари, какъ всегда, отдался ей весь, безраздѣльно, отложивъ въ сторону художественныя, литературныя занятія, питавшія его чувство честолюбія гораздо болѣе, чѣмъ чувство нравственнаго удовлетворенія. Дни и ночи велъ онъ свое дѣло, забывъ всѣ личныя, эгоистическія связи. Ужъ трудно было встрѣтить его въ обществѣ, среди знакомыхъ и друзей. Ему было некогда.

Пропасть времени уходила у него на обширную дѣловую переписку. Она касалась, впрочемъ, не однихъ филантропическихъ дѣлъ. Онъ пользовался такою авторитетностью и уваженіемъ повсюду, что съ нимъ совѣтовались по различнымъ вопросамъ: тутъ просили его руководительства, тамъ взываютъ къ его доброму сердцу, снисхожденію и просвѣщенному содѣйствію и т. п., и никому не отказывалъ онъ: ни другу, ни недругу, ни своему, ни чужому, ни даже подчасъ и завѣдомому врагу.

Много и труда, и нравственныхъ, да и физическихъ страданій перенесъ великій другъ народа въ страшный, злополучный для Индіи 1897 годъ,—годъ, самый для нея бѣдственный во всемъ вѣкѣ, не исключая даже 1837 года. Разразились надъ страной разомъ двѣ грозы: чума и голодъ. На обывателей Бомбея напалъ паническій страхъ: одинъ за другимъ покидаютъ они городъ, забывая о своихъ дѣлахъ и служебныхъ обязанностяхъ, слуги бросаютъ своихъ господъ, закрываются учебныя заведенія, конторы, канцеляріи, газеты выпускаются съ большими затрудненіями, въ томъ числѣ и *Индійскій Зритель*: персоналъ сотрудниковъ уменьшается съ каждымъ днемъ, матеріальное положеніе газеты расшатывается, угрожая худымъ концомъ. Малабари взваливаетъ на свои плечи неимовѣрный трудъ: по ночамъ работаетъ надъ газетой, днемъ посѣщаетъ больницы, пріютившія больныхъ чумой. Онъ часто ѣздилъ также въ тѣ мѣстности, которыя представляли собою очаги заразы. И онъ не только не боялся ни на минуту за себя, но главною цѣлью своею ставилъ — поддерживать бодрость повсюду. Онъ объѣздилъ и мѣстности, пострадавшія отъ голода, лично навѣщалъ несчастныхъ въ ихъ убогихъ жилищахъ и больницахъ, всѣмъ, чѣмъ могъ, помогалъ имъ, зачастую раскрывая передъ ними собственный свой небогатый кошелекъ, собиралъ повсюду денежную помощь голодающимъ и самъ имъ раздавалъ.

Любопытны взгляды, вынесенные Малабари изъ непосредственнаго опыта по изученію вопросовъ о голодѣ и чумѣ. Такъ какъ англійское прави-

тельство установило въ Индіи цѣлую сѣть желѣзныхъ дорогъ, путей, каналовъ и другихъ средствъ сообщенія, то, въ случаѣ недостатка товаровъ въ одной провинціи, скажемъ даже: въ двухъ-трехъ,—другія могутъ легко посылать туда свои запасы. Можно, наконецъ, выписывать хлѣбъ изъ Европы и Америки. Вотъ и ставитъ Малабари такой вопросъ: «Въ Индіи располагаютъ ли массы достаточнымъ количествомъ денегъ, чтобы покупать себѣ насущный хлѣбъ?» Поставивши вопросъ ребромъ, авторъ приводитъ читателя, въ концѣ концовъ, къ горькому, отрицательному отвѣту.

Вопросъ о чумѣ ставится имъ тоже на соціально-экономической почвѣ. Изъ своихъ многочисленныхъ личныхъ сношеній съ заболѣвшими отъ этого бича Малабари приходитъ къ заключенію, что эпидемія своею быстрою и широкою распространенностью обязана, болѣе или менѣе, бѣдности, недостатку средствъ, потерѣ силъ отъ истощенія и поголовному невѣжеству народа. Законодательными и административными мѣрами надо это бѣдствіе во время предупреждать. Необходимо, для того, прибѣгнуть и къ реформамъ политическаго характера. Надо расширить самоуправленіе, дать больше правъ общественной инициативѣ, раскрыть просторъ къ развитію народнаго самосознанія.

Годъ слишкомъ мрачно сгустившихся бѣдствій надъ страной, вызвавшій усиленную и разностороннюю, лихорадочно оживленную дѣятельность Малабари и причинившій ему массу безпокойствъ, тяжелыхъ впечатлѣній и треволненій, не могъ не отразиться болѣзненно на здоровьѣ этого колоссально сильнаго духомъ, но совсѣмъ не крѣпкаго тѣломъ человѣка. Онъ такъ изнемогъ и осунулся, что и друзья, и даже медики обезпокоились чрезвычайно. Ему предписали воздержаніе отъ всякихъ волненій, абсолютный покой и перемѣну климата. Сначала назначили было ему поѣздку въ Китай или Японію, но потомъ, уступая его желанію, разрѣшили поправляться въ Европѣ, гдѣ онъ и долженъ былъ провести всю зиму. Горько было ему разставаться съ любимымъ дѣтищемъ, *Индійскимъ Зрителемъ*. Онъ поручилъ газету вѣрному своему другу, одному изъ ближайшихъ сотрудниковъ, усердно прося его, на все время своего вынужденнаго, грустнаго бездѣйствія, — ему запрещено было даже что бы то ни было читать и писать,—вести газету въ издавна усвоенномъ ею направленіи, съ присущей ей солидною тактичностью и безпристрастіемъ.

Новый, продолжающійся по сію пору періодъ жизни Малабари, конечно, найдетъ въ будущемъ своего историка. Намъ же приходится ограничиться разсмотрѣннымъ нами 45-лѣтнимъ періодомъ его жизни, закончившимся въ прошломъ году. Высшая цѣль всей его дѣятельности достигнута: сняты цѣпи съ вѣковѣчной горемычницы — индусской женщины, дано начало назначенію болѣе нормальнаго возраста для брака, дано дѣвицѣ право выбирать себѣ самой супруга и разрѣшено вторичное замужство для вдовъ. Добился Малабари многаго, о чемъ онъ хлопоталъ, и изъ области политики. Его содѣйствію обязаны индусскіе представители своимъ участіемъ въ англійскомъ парламентѣ. Онъ помогъ родной странѣ и Англіи выяснить себѣ истинныя,

коренныя причины ужасныхъ бѣдствій, разорявшихъ край. Его имя занесено на вѣки въ исторію родной мысли и слова, какъ основателя гюзератской литературы. Велика его заслуга, какъ устроителя единенія между Индіей и Англіей. Однимъ словомъ, онъ сдѣлалъ все, что могъ, если не сказать—больше, онъ не жалѣлъ своихъ колоссальныхъ силъ,—ума, энергіи, талантовъ,—чтобы украсить своимъ именемъ свой вѣкъ и свой народъ.

Пусть же онъ долго еще работаетъ для своей страны, не теряя бодрости, сохраняя силы и здоровье, столь великодушно имъ растраченныя съ безкорыстною цѣлью, и продолжая вѣрить въ будущее, въ правду на землѣ. Ему на долю выпало завидное и рѣдкостное счастье: уже при жизни, въ цвѣтѣ лѣтъ, однимъ своимъ именемъ возбуждать лучшіе чувства, помыслы, жажду бодрой дѣятельности и честной борьбы не только въ своихъ соотечественникахъ, но и въ людяхъ другихъ странъ свѣта, въ своихъ американскихъ и европейскихъ почитателяхъ, преклоняющихся въ его личности передъ столь рѣдкимъ сочетаніемъ ума, энергіи и нравственныхъ красотъ.

В. Ермиловъ.

Папство въ эпоху гуманизма.

Глава изъ неоконченнаго труда покойнаго профессора М. С. Корелина о гуманистѣ Лаврентіи Валлѣ.

Ранній гуманизмъ *) еще не имѣлъ никакихъ отношеній къ папству. Это объясняется тѣмъ, что въ ту эпоху папы жили въ Авиньонѣ, а затѣмъ были поглощены схизмой между Авиньономъ и Римомъ. Для прекращенія этой схизмы былъ созванъ Констанцскій соборъ, и его избранникъ, Мартинъ V, возстановилъ папское единодержавіе и значеніе Рима. Съ тѣхъ поръ папство стало играть видную роль въ судьбахъ гуманизма. Въ виду этого исторія отношеній папства къ гуманистамъ въ эпоху Лаврентія Валлы начинается съ изображенія Констанцскаго собора и характеристики Мартина V, его двора и примкнувшихъ къ его двору гуманистовъ и покровителей гуманизма. *(Ред.)*.

Центральное положеніе папства въ средневѣковой культурѣ Запада имѣло своимъ послѣдствіемъ тотъ фактъ, что всѣ движенія, характеризующія начало новой эпохи, оказывали на него болѣе или менѣе сильное вліяніе. Секуляризація культуры, произведенная гуманистическимъ движеніемъ, отпаденіе отъ католицизма значительной части Западной Европы вслѣдствіе Реформаціи—не только ограничили сферу вліянія папства, но и вызвали важныя перемѣны въ духѣ и въ направленіи его политики. Въ цѣломъ и общемъ результаты этихъ вліяній могутъ быть сведены къ двумъ послѣдовательнымъ перемѣнамъ, которыя составляютъ существенное содержаніе исторіи папства въ XV и въ XVI столѣтіяхъ,—сначала къ превращенію римской церкви въ свѣтское государство, вполнѣ аналогичное почти во всѣхъ отношеніяхъ съ другими политическими общинами тогдашней Италіи, и потомъ къ такъ называемой католической реформаціи, которую не безъ основанія называютъ также католической реакціей. Поворотнымъ пунктомъ папской политики XV вѣка послужилъ Констанцскій соборъ, на-

---

*) См. сочиненіе М. С. Корелина: *Ранній Итальянскій Гуманизмъ*. 1892.

чаломъ католической реформаціи—соборъ Тридентскій, хотя зачатки обоихъ направленій относятся къ болѣе раннему времени. Вслѣдствіе этого правленіе Мартина V, выбраннаго въ Констанцѣ, представляетъ особенный интересъ, такъ какъ при немъ впервые папство, освободившись отъ схизмы, ясно обнаружило новое направленіе своей политики; и въ настоящемъ очеркѣ мы постараемся показать, въ чемъ заключалось это направленіе и какими причинами оно обусловливалось.

Констанцскій соборъ встрѣчаетъ суровую оцѣнку со стороны какъ протестантскихъ, такъ и католическихъ историковъ: одни видятъ въ немъ проявленіе безсилія церкви произвести необходимую реформу, другіе—преступное покушеніе на абсолютную власть главы римской церкви. Крайніе клерикалы считаютъ даже Констанцскій соборъ виною всѣхъ позднѣйшихъ недостатковъ папства XV и XVI столѣтій. Къ такимъ выводамъ приходитъ, напримѣръ, бенедиктинецъ Луиджи Тости въ концѣ своей двухтомной исторіи Констанцскаго собора. По его мнѣнію, соборъ, подорвавъ духовный авторитетъ папы и выдвинувъ національный принципъ въ универсальной церкви, вынудилъ папу опираться на матеріальныя силы и вообще дѣйствовать по образцу свѣтскихъ государей. Отсюда, вмѣсто изданія категорическихъ буллъ, римскіе епископы вынуждены заключать уступчивые конкордаты, отсюда же—папскій непотизмъ, слишкомъ свѣтское меценатство и другія «человѣческія слабости».

Но для правильной оцѣнки Констанцскаго собора необходимо прежде всего выяснить его составъ, а затѣмъ его цѣли и степень ихъ осуществленія.

Констанцскій соборъ можно справедливо назвать общимъ соборомъ католической церкви европейскаго Запада. Ульрихъ фонъ-Рейхенталь, составлявшій списокъ членовъ собора и вообще чужеземцевъ въ Констанцѣ, насчитываетъ 3 патріарховъ, 29 кардиналовъ, 33 архіепископа, около 150 епископовъ, болѣе 100 аббатовъ, около 50 пробстовъ и 300 докторовъ богословія, т.-е. на соборѣ присутствовало болѣе 665 представителей только высшаго духовенства и церковной науки, а всего духовенства вмѣстѣ со свитой прелатовъ, по тѣмъ же свѣдѣніямъ, было около 18,000 человѣкъ. Принимая во вниманіе, что здѣсь были представители всѣхъ національностей, можно съ полнымъ основаніемъ утверждать, что голосъ собора выражалъ мнѣнія и стремленія всей западной церкви. Но кромѣ духовныхъ лицъ, на соборѣ присутствовала цѣлая масса представителей свѣтской власти. Кромѣ императора, почти всѣхъ курфюрстовъ, здѣсь были многіе владѣтельные князья Германіи и представители феодальной знати другихъ странъ, а также послы и представители всѣхъ государствъ Запада. Благодаря этому, Констанцскій церковный соборъ въ то же время получилъ характеръ и политическаго конгресса.

Что вызвало такой интересъ къ Констанцскому собору какъ въ духовной, такъ и въ свѣтской средѣ?—Собору предстояло выполнить двѣ задачи: 1) возстановить единство католической церкви устраненіемъ схизмы и уничтоженіемъ ересей и 2) произвести реформу «въ ея главѣ и членахъ». Въ

рѣшеніи обѣихъ задачъ были заинтересованы какъ церковь, такъ и государство и свѣтское общество. Великій расколъ ставилъ въ затруднительное положеніе одинаково всѣхъ католиковъ; ереси могли разъединять государство и общество, могли вызывать безпорядки и междоусобія; отъ злоупотребленій куріи и духовенства точно также страдали всѣ. Но обѣ эти задачи можно было рѣшать на основаніи двухъ руководящихъ началъ. Соборъ могъ руководиться чисто-религіозными соображеніями, имѣть въ виду исключительно духовные интересы, или онъ могъ преслѣдовать практическія цѣли церковнаго порядка, стремиться исключительно къ политическимъ и экономическимъ выгодамъ духовенства. *Для Констанцскаго собора на первомъ планѣ стояли земные, мірскіе интересы церкви, и это проходило красною нитью черезъ всю его дѣятельность и наложило печать на всѣ его рѣшенія.*

Прежде всего, для религіозной реформы необходимъ подъемъ религіознаго чувства; члены собора не обнаруживаютъ глубокой религіозности. На соборѣ находилась огромная масса представителей такихъ профессій, которыя были менѣе всего умѣстны на собраніи религіозныхъ реформаторовъ. По словамъ Ульриха фонъ-Рейхенталя, въ Констанцѣ было около 1,700 музыкантовъ и всякаго рода артистовъ; публичныхъ женщинъ въ соотвѣтственныхъ домахъ, а также и такихъ, которыя нанимали отдѣльныя помѣщенія, было около 700 (по другой рукописи — 1,500), «а тайныхъ я оставляю въ сторонѣ», замѣчаетъ авторъ. Правда, въ Констанцѣ было много свѣтскихъ людей, допускавшихъ большія излишества; но и прелаты далеко не были проникнуты аскетическимъ настроеніемъ, относительно чего мы имѣемъ весьма убѣдительныя свидѣтельства. При праздничныхъ и торжественныхъ богослуженіяхъ во время собора произносились проповѣди въ присутствіи его членовъ, и самою обычной темой такихъ проповѣдей было доказательство необходимости церковной реформы посредствомъ изображенія нравственнаго упадка духовенства, причемъ ораторы говорили очень смѣлымъ языкомъ и приводили весьма характерные факты. Въ проповѣди, произнесенной 16 августа 1416 года, римская курія названа дьявольскою, а почти весь клиръ — подчиненнымъ дьяволу. Въ слѣдующее воскресенье другой проповѣдникъ утверждалъ, что клирики и на соборѣ ведутъ такой же развратный образъ жизни, какъ дома, а прелаты nutriunt tot meretrices, quot familiares. Проповѣдникъ, говорившій 6 сент. 1416 года, подтверждая этотъ фактъ, требовалъ отъ прелатовъ, чтобъ они покаялись передъ соборомъ.

На отсутствіе религіознаго одушевленія на соборѣ указываетъ, прежде всего, порядокъ голосованія при рѣшеніи всѣхъ вопросовъ. Рѣшающее значеніе на соборѣ имѣло предварительное обсужденіе вопросовъ въ четырехъ, а позже въ пяти комитетахъ, организованныхъ по націямъ. Такимъ образомъ при рѣшеніи церковныхъ дѣлъ на первый планъ былъ выдвинутъ не религіозный, а національный принципъ, чуждый христіанству и враждебный католическому универсализму. Уже такая точка зрѣнія обнаружи-

ваетъ преимущественный интересъ собора къ мѣстнымъ, національнымъ дѣламъ, а не къ общимъ чисто-религіознымъ вопросамъ. Еще характернѣе тѣ побужденія, которыя заставили соборъ выдвинуть національный принципъ. Католическіе и протестантскіе историки одинаково признаютъ, что это было сдѣлано для того, чтобы парализовать Іоанна XXIII и стоявшее за нимъ итальянское духовенство, которое составляло около половины всѣхъ членовъ собора, имѣвшихъ право голоса. Ясно, что идея реформы церкви «во главѣ и въ членахъ» не была общей для всѣхъ глубокой *религіозной* потребностью, а понималась въ практическомъ смыслѣ, касалась главнымъ образомъ матеріальныхъ интересовъ церкви. То же самое съ полною ясностью сказалось и на самомъ порядкѣ соборныхъ занятій.

Съ 16 ноября 1414 года по 22 апрѣля 1418 года, т.-е. въ теченіе почти трехъ съ половиною лѣтъ, соборъ имѣлъ 45 засѣданій, и тѣмъ не менѣе вопросъ о реформахъ почти не подвергался обсужденію. Послѣ торжественнаго провозглашенія и обстоятельнаго установленія принципа о превосходствѣ власти собора надъ папскою, на 3, 4 и 5 засѣданіяхъ въ концѣ марта и въ началѣ апрѣля 1415 года, соборъ приступилъ къ реформѣ только на 39 засѣданіи, 9 октября 1417 г., т.-е. почти три года спустя послѣ своего открытія, и посвятилъ этому вопросу только двѣ сессіи (39-ю и 40-ю), такъ какъ два реформаціонныхъ засѣданія при Мартинѣ V (43 и 44) только санкціонировали соборные проекты. Изъ этого видно, что коренная церковная реформа, разсчитанная не только на настоящій моментъ, далеко не стояла на первомъ планѣ для Констанцскаго собора. Наоборотъ, большинство его членовъ правильнѣе слѣдуетъ назвать консерваторами, а не реформаторами. Уже самое распредѣленіе занятій собора показываетъ, что его главную цѣль составляло возстановленіе единства церкви и ея политическихъ привилегій. Первой и самой существенной заботой для констанцскихъ отцовъ было устраненіе схизмы, и 23 засѣданія изъ 45 были посвящены борьбѣ со старыми папами и выборамъ новаго. Затѣмъ предстоялъ вопросъ о ересяхъ, грозившихъ нарушить единство церкви и значительно сузить предѣлы ея вліянія, и соборъ посвятилъ Виклефу, Гусу и Іерониму Пражскому семь строго-консервативныхъ засѣданій. Не касаясь пока сущности соборной реформы, которая противопоставлялась реформаціоннымъ ученіямъ Виклефа и Гуса, можно видѣть изъ самаго характера процесса противъ этихъ еретиковъ, что соборъ не только не былъ захваченъ тѣмъ религіознымъ одушевленіемъ, которому предстояло совершить истинную реформу, но даже и не понималъ настроенія реформаторовъ. Вмѣсто того, чтобы доказывать еретикамъ ихъ заблужденія, чего они такъ желали, отъ нихъ требовали слѣпого подчиненія авторитету; вмѣсто того, чтобы провѣрять церковную доктрину Свящ. Писаніемъ и отдѣлить, руководствуясь этимъ критеріемъ, истину отъ ошибокъ въ сочиненіяхъ подсудимыхъ, ограничились механическимъ извлеченіемъ изъ этихъ сочиненій еретическихъ положеній, т.-е. мнѣній, несогласныхъ съ традиціонной церковной доктриной. Констанцскій соборъ, провозгласившій своей задачей

реформу церкви «во главѣ и въ членахъ», усмотрѣлъ въ ученіи Виклефа и Гуса не реформаціонную программу, а подрывъ основаній старой церковной доктрины, доказавшей многолѣтнимъ опытомъ свою цѣлесообразность для матеріальныхъ выгодъ церкви. Формальное осужденіе Виклефа и Гуса показываетъ, что Констанцскій соборъ не преслѣдовалъ глубокихъ реформаціонныхъ цѣлей и относился къ религіознымъ вопросамъ съ точки зрѣнія мірскихъ интересовъ церкви.

На это же указываетъ тотъ интересный фактъ, что остальныя засѣданія собора, кромѣ чисто-распорядительныхъ, были посвящены охранѣ церковныхъ притязаній противъ свѣтской власти. Особенно характерно въ этомъ отношеніи постановленіе, сдѣланное на 19 засѣданіи собора (23 сентября 1415 года), и декретъ, составленный на основаніи этого постановленія. Схизма еще не была устранена; съ еретиками не успѣли расправиться и даже не всѣ католическія націи объединились на соборѣ, тѣмъ не менѣе соборъ съ необычнымъ единодушіемъ и съ чрезвычайною быстротой на одномъ засѣданіи дѣлаетъ постановленіе огромной практической важности. Въ 1377 году императоръ Карлъ IV издалъ декретъ въ защиту церковныхъ привилегій въ Магдебургскомъ, Майнцскомъ и Трирскомъ архіепископствахъ; соборъ распространилъ дѣйствіе этого декрета на все западное христіанство, постановилъ разослать по этому поводу litteras executorias во всѣ стороны и въ обширномъ декретѣ уничтожилъ всѣ сдѣланныя самой церковью уступки въ этомъ отношеніи. Такъ, третій Латеранскій соборъ постановилъ, что епископы могутъ разрѣшать духовенству принимать участіе въ государственныхъ повинностяхъ, Констанцскій соборъ рѣшилъ, что ни одинъ свѣтскій человѣкъ, будь то даже король или самъ императоръ, не имѣетъ права требовать отъ клира денежныхъ повинностей подъ предлогомъ согласія епископа. Это можетъ разрѣшить только папа, но и онъ не вправѣ налагать на духовенство какія бы то ни было повинности въ пользу государства безъ согласія епископа и клира. Всѣ прелаты, которые будутъ противъ этого декрета, должны быть лишены должности, причемъ соборъ кассировалъ всѣ папскіе декреты, предоставлявшіе князьямъ право налагать какія-либо повинности на духовенство, потребовалъ возвращенія всѣхъ церковныхъ имуществъ, отчужденныхъ со времени начала схизмы, и для исполненія всѣхъ этихъ постановленій назначилъ executores въ различныя епископства.

Такую же быстроту и энергію соборъ обнаруживалъ всякій разъ, когда дѣло шло о столкновеніи свѣтской власти съ церковными интересами. Такъ, когда герцогъ Фридрихъ Тирольскій, стремясь медіатизировать епископства Тріентское и Бриксенское, захватилъ нѣкоторыя церковныя владѣнія, соборъ постановилъ (на 20 засѣданіи 21 ноября 1415 года), чтобы отнятыя владѣнія въ теченіе 30 дней были возвращены церкви, и предписалъ должностнымъ лицамъ епископства подъ страхомъ самаго тяжелаго наказанія повиноваться не герцогу, а епископу; а позже, когда Фридрихъ сталъ продолжать свою борьбу, соборъ подвергъ его анаѳемѣ и наложилъ интердиктъ

на его владѣнія. Такую же рѣшительность проявилъ соборъ при столкновеніи герцога Людвига Ингольштадскаго съ монастыремъ Кайзерсгеймъ и графа Филиппа Верруа съ епископомъ Асти, причемъ, мотивируя свою защиту духовенства, соборъ провозгласилъ, что «какъ подчиненные надъ своими прелатами, такъ и свѣтскіе надъ клириками не имѣютъ никакого авторитета и никакой юрисдикціи». Но совершенно иное настроеніе обнаруживаетъ соборъ, когда ему приходилось высказаться по нравственному вопросу, хотя и весьма простому съ этической точки зрѣнія, но представлявшему нѣкоторыя трудности по соображеніямъ практической политики. Таково было, наприм., извѣстное дѣло французскаго францисканца Жана Пти (Ioannes Parvus). Въ 1407 году Людовикъ Орлеанскій, братъ французскаго короля Карла VI, былъ убитъ въ Парижѣ по приказанію герцога Бургундскаго, Іоанна Безстрашнаго, и совѣтникъ этого послѣдняго, Жанъ Пти, принципіально защищалъ это убійство, утверждая, что «для всякаго подданнаго не только позволительно, но и похвально убить измѣнника или вѣроломнаго тиранна». Еще до начала собора въ 1413 г. Жерсонъ, одинъ изъ вождей соборной партіи, возсталъ противъ этого ученія и добился его осужденія Сорбонной и Парижскимъ университетомъ 1413—14 года. Герцогъ Бургундскій, заинтересованный въ оправданіи уже умершаго Пти, апеллировалъ къ папѣ и сумѣлъ найти сторонниковъ между кардиналами, такъ что дѣло затянулось и, по требованію Жерсона, было предоставлено соборному рѣшенію. Соборъ сначала назначилъ для этого особую коммиссію и потомъ въ 16 засѣданіи (6 іюля 1415 г.) осудилъ ученіе Пти, но не назвалъ при этомъ ни одного имени, хотя въ этомъ же засѣданіи другой «еретикъ», Гусъ, былъ осужденъ на сожженіе. «При тогдашнихъ обстоятельствахъ соборъ не хотѣлъ рѣшиться на именное осужденіе положеній Пти,—говоритъ католическій историкъ собора,—противъ этого были какъ церковныя, такъ и политическія соображенія». Эти «церковныя соображенія» заключались въ томъ, что главные обвинители Пти въ Парижѣ—мѣстный епископъ и инквизиторъ—сами были обвинены коммиссіей трехъ кардиналовъ въ contumacia за то, что они не явились на вторичное разбирательство дѣла въ Римъ по апелляціи герцога Бургундскаго. Кромѣ того, у Пти были вліятельные защитники на самомъ соборѣ, именно—епископъ Арасскій, Клюнійскій аббатъ и нѣкоторые другіе представители французскаго духовенства. Поэтому въ случаѣ осужденія Пти обвиненіе въ ереси пало бы также и на его прямыхъ и косвенныхъ защитниковъ. Еще затруднительнѣе было положеніе членовъ собора въ силу политическихъ соображеній: за обвинителями Пти стоялъ французскій король, за его защитниками—могущественный герцогъ Бургундскій. Поэтому соборъ избралъ, по выраженію Гефеле, «средній путь», очень ловкій съ дипломатической точки зрѣнія, но совсѣмъ неожиданный для такихъ безпощадныхъ ревнителей ортодоксальности, какими показали себя на этомъ же засѣданіи собора судьи Гуса и его единомышленниковъ. Такое рѣшеніе собора не успокоило противниковъ: споры не прекращались, генеральная конгрегація собора объ-

явила даже осужденіе Пти въ Парижѣ неправильнымъ и самого Жерсона заподозрили въ ереси. Въ споръ вмѣшался императоръ Сигизмундъ, весьма заинтересованный осужденіемъ ученія Пти; но соборъ систематически отказывался отъ пересмотра дѣла для болѣе рѣшительнаго приговора, несмотря на настоятельныя требованія такихъ вліятельныхъ членовъ, какъ Жерсонъ, и твердо держался разъ принятаго «средняго пути». Позже возникло совершенно аналогичное дѣло. Доминиканецъ Фалькенбергъ написалъ по порученію тевтонскихъ рыцарей рѣзкій памфлетъ противъ польскаго короля, въ которомъ доказывалъ, что позволительно не только убить самого короля, но и перебить всѣхъ поляковъ. По жалобѣ архіепископа Гнѣзненскаго и по настоянію императора Сигизмунда дѣло пошло на соборъ, который поручилъ предварительно разсмотрѣть его по націямъ. Представители націй осудили, хотя и не единогласно, сочиненія Фалькенберга на сожженіе; но это постановленіе не было утверждено соборомъ, который такъ и уклонился отъ разсмотрѣнія этого дѣла. Противохристіанское нравственное ученіе этого памфлета мало безпокоило членовъ собора, такъ какъ оно не причиняло непосредственной опасности для матеріальныхъ интересовъ церкви; поэтому было спокойнѣе оставить его въ сторонѣ и не раздражать своимъ рѣшеніемъ сильныхъ міра сего.

То же самое настроеніе обнаруживаетъ Констанцскій соборъ и въ самомъ важномъ для будущаго западной церкви дѣлѣ — въ вопросѣ о церковной реформѣ. Существуетъ мнѣніе, идущее отъ самихъ членовъ собора, что реформа не удалась потому, что ей предшествовалъ выборъ папы, который конкордатами съ отдѣльными націями подорвалъ реформаціонные замыслы собора. Но такое объясненіе соборной неудачи нельзя признать удовлетворительнымъ. Главная и самая существенная причина неуспѣха реформы заключалась въ ея основномъ характерѣ и въ ея цѣляхъ.

Со вступленіемъ на престолъ апостольскій Мартина V закончился тяжелый кризисъ западной церкви. Наканунѣ своего пораженія папство ожило и получило новую силу. «Папа снова пріобрѣлъ большой авторитетъ и всеобщее повиновеніе, — говоритъ Ранке: императоръ всегда водилъ подъ уздцы его иноходца; были епископы не только въ Венгріи, но и въ Германіи, которые писали милостію апостольскаго престола; динарій св. Петра постоянно собирался на сѣверѣ». Вавилонское плѣненіе не могло повториться, такъ какъ первосвященникомъ былъ выбранъ римскій аристократъ. Великій расколъ со всѣми его спорами и анаѳемами наконецъ прекратился къ величайшему утѣшенію всего Запада; къ исходу Констанцскаго собора отнеслись всѣ съ напряженнымъ интересомъ. «Не только знатные,— пишетъ современникъ собора, Леонардъ Аретинскій,—но даже и простой народъ теперь ни о чемъ такъ не заботится, ни о чемъ болѣе не думаетъ и не говоритъ, какъ объ исходѣ собора». Историкъ этой эпохи, Грегоровіусъ такъ характеризуетъ тогдашнее настроеніе: «Быстрый выборъ папы произвелъ несказанную радость. Императоръ Сигизмундъ поспѣшилъ въ конклавъ, со слезами бросился къ ногамъ вновь избраннаго, выражая свое

почтеніе къ общепризнанному папѣ, къ предвѣщающей счастье утренней звѣздѣ, которая наконецъ послѣ ночнаго мрака поднялась надъ міромъ. Сороколѣтняя схизма, одна изъ ужаснѣйшихъ эпохъ, какія видѣлъ сѣверъ, теперь окончилась, и радостные послы спѣшили съ этой великой вѣстью во всѣ страны христіанскаго міра». Длинная исторія невыразимыхъ страданій, казалось, прекратилась, и началась новая эпоха блеска, хотя безъ свободы». Такое настроеніе обезпечивало спокойствіе церкви, и религіозныя смуты на время прекратились. Одновременно съ этимъ наступили болѣе спокойныя времена для Италіи, а въ особенности для Рима и Церковной области. Но это случилось не вдругъ и требовало много труда и разумной, осторожной политики. Мартинъ V обладалъ всѣми свойствами, необходимыми для такой задачи. Оддо Колонна, избранный папою на Констанцскомъ соборѣ, принадлежалъ къ аристократической фамиліи, которая всегда играла важную роль въ Римѣ и не разъ управляла священнымъ городомъ. Унаслѣдованныя отъ предковъ административныя способности, соединялись въ немъ съ самыми важными для его положенія личными свойствами. Обладая въ высшей степени дѣятельной и въ то же время скрытной натурой, новый папа умѣлъ тщательно обдумывать свои планы и быстро, и рѣшительно ихъ исполнять. Получивши университетское образованіе въ Перуджіи, Оддо Колонна пріобрѣлъ практическую опытность въ долговременной и трудной службѣ при куріи, былъ протонотаріусомъ при Урбанѣ VI, исполнялъ дипломатическія порученія при Бонифаціи IX; возведенный въ кардинальскій санъ Иннокентіемъ VII, онъ однимъ изъ послѣднихъ оставилъ своего предшественника, Іоанна XXIII.

Политическую ловкость Мартинъ V обнаружилъ уже на Констанцскомъ соборѣ. Будучи кардиналомъ, онъ казался мало заинтересованнымъ политическими событіями и, повидимому, не желалъ играть политической роли. Но это была только маска, которую онъ нѣсколько измѣнилъ на соборѣ.

Онъ не скрывалъ сначала своей преданности Іоанну XXIII и перешелъ на сторону собора послѣ того, какъ убѣдился, что дѣло его предшественника окончательно потеряно, но сумѣлъ при этомъ представить свое поведеніе образцомъ безпристрастія и справедливости и пріобрѣсти расположеніе и императора и кардиналовъ.

И піэтетъ, и благородство произвели сильное впечатлѣніе, и Оддо Колонна, еще полный силъ и здоровья, былъ избранъ папой.

Первой заботой Мартина V было укрѣпленіе своего положенія. Онъ хотѣлъ заставить забыть схизму и отмѣнилъ всѣ декреты этого періода за исключеніемъ богословскихъ и «чисто-нравственныхъ». Всеобщею радостью по случаю прекращенія схизмы онъ воспользовался чрезвычайно ловко. На соборѣ громко требовали церковной реформы, и Сигизмундъ поддерживалъ эту партію. Папа не возражалъ противъ необходимости улучшенія церковныхъ порядковъ; напротивъ, онъ считалъ это дѣломъ слишкомъ важнымъ, чтобы приступить къ нему тотчасъ же. «Оно требуетъ,—говорилъ онъ,— зрѣлаго обсужденія и новаго собора», иначе вмѣсто реформы произойдетъ

большій безпорядокъ, который можетъ вызвать новую схизму. Страшное слово подѣйствовало, и соборъ былъ распущенъ. Изъ Констанца папа отправился въ Италію, но совершалъ свое путешествіе чрезвычайно медленно; чтобы привлечь къ святому престолу привыкшее къ схизмѣ простонародіе, онъ останавливался на нѣкоторое время въ Бернѣ, Женевѣ, Туринѣ, Миланѣ, Брешіи и Мантуѣ. Послѣ 8-мѣсячнаго путешествія онъ прибылъ во Флоренцію, гдѣ и принужденъ былъ на нѣкоторое время поселиться.

Утвердившись на апостольскомъ престолѣ, Мартинъ V смотрѣлъ на себя главнымъ образомъ, какъ на свѣтскаго государя Италіи и до конца жизни неизмѣнно держался одной и той же политики. Его главную задачу составляло политическое усиленіе Церковной области и пріобрѣтеніе владѣній и вліянія для членовъ своей фамиліи; для этой цѣли онъ пользовался своимъ религіознымъ авторитетомъ и совсѣмъ не думалъ о церковныхъ реформахъ, о которыхъ такъ заботились соборы. Онъ былъ такой же династъ, какъ и его сосѣди, но только превосходилъ большинство изъ нихъ своими политическими способностями. Положеніе Мартина V вначалѣ было чрезвычайно затруднительное: онъ не могъ даже проникнуть въ свою столицу, Браччіо-да Монтоне,—уполномоченный Іоанна XXIII въ Болоньѣ, въ началѣ Констанцскаго собора захватилъ Римъ; Іоанна II, королева Неаполя, въ качествѣ защитницы церкви, послала своего кондотьера Аттендоло Сфорцу, которому удалось овладѣть священнымъ городомъ. Тогда Браччіо въ качествѣ папскаго уполномоченнаго и въ то же время главы кондотьеровъ предоставилъ за 30,000 флориновъ свободныя учрежденія Болоньѣ и на эти деньги увеличилъ свои войска, съ помощію которыхъ захватилъ Перуджію и нѣкоторые другіе города и загородилъ папѣ дорогу къ Риму. Не имѣя реальной силы, Мартинъ V отлучилъ отъ церкви Браччіо и сблизился съ Неаполемъ. Еще изъ Констанца отправилъ онъ посломъ къ королевѣ своего племянника, Антонія Колонну, подъ предлогомъ примиренія Іоанны II съ ея мужемъ, но папскій посланникъ сблизился съ Каррачіоли, фаворитомъ королевы; ея мужъ оставался въ заключеніи, зато Мартинъ V заключилъ съ нею весьма выгодный для себя договоръ: королева обѣщала дать богатые лены родственникамъ папы, подала надежду его племяннику на усыновленіе и слѣдовательно на корону, хотя оффиціальнымъ наслѣдникомъ уже давно былъ назначенъ Людовикъ III Анжуйскій; приказала Сфорцѣ сдать Римъ брату Мартина V, кардиналу Колоннѣ и уступила папѣ своего лучшаго генерала Сфорцу. Такимъ образомъ Римъ былъ пріобрѣтенъ лишь цѣною того, что Іоанна II была коронована кардиналомъ и ея права на престолъ были признаны папой; теперь нужно было только проложить туда дорогу, и Сфорца получилъ приказаніе напасть на Браччіо, но потерпѣлъ жестокое пораженіе. Мартинъ V снова обратился къ королевѣ за помощью, но она, получивши отъ папы то, что ей было нужно, отказала не только въ этой просьбѣ, но и въ усыновленіи Антонія Колонны. Тогда папа рѣзко измѣнилъ свою политику.

Браччіо былъ на-ряду съ Сфорцей самымъ замѣчательнымъ полковод

цемъ своего времени; онъ создалъ особую школу кондотьеровъ и съ ихъ помощію сдѣлался не только господиномъ Перуджіи, но и самымъ крупнымъ владѣтелемъ въ средней Италіи. Кромѣ того, онъ издавна стоялъ въ дружественныхъ сношеніяхъ съ Флоренціей. Между тѣмъ у папы не было ни войска, ни надежныхъ союзниковъ; Флоренція убѣждала его помириться съ Браччіо, а населеніе, не любившее Мартина V, не скрывало своего сочувствія къ его противнику: въ городѣ распѣвали пѣсенку, въ которой осмѣивался папа. Тогда Мартинъ V примирился съ Браччіо: онъ отдалъ ему владѣніе нѣкоторыхъ изъ завоеванныхъ имъ городовъ и получилъ обратно другіе. Кромѣ того, Браччіо долженъ былъ завоевать для папы Болонью, что тотъ успѣшно и выполнилъ, хотя ея привилегіи и были утверждены самимъ же папою. Въ это же время ему удалось избавиться отъ другого соперника—Іоанна XXIII. Бывшій папа добровольно явился къ своему болѣе счастливому сопернику во Флоренцію, бросился къ его ногамъ и просилъ помилованія. Мартинъ V возвелъ его въ санъ кардинала, и Іоаннъ XXIII оставался подчиненнымъ своему преемнику до самой смерти, послѣдовавшей, впрочемъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Примиреніе съ Браччіо и окончательная побѣда надъ Іоанномъ XXIII развязали руки папѣ. Онъ рѣшилъ отомстить неаполитанской королевѣ и, признавши Людовика III Анжуйскаго, побудилъ его немедленно добиваться престола. Для этой цѣли Сфорца былъ объявленъ намѣстникомъ Людовика и страшно стѣснилъ королеву. Положеніе Іоанны II было критическое, она обратилась къ папѣ за помощью, но онъ, разыгрывая роль безпристрастнаго судьи, потребовалъ споръ на свое рѣшеніе и не оказывалъ никакого содѣйствія королевѣ. Тогда она признала своимъ наслѣдникомъ Альфонса Аррагонскаго, который вступилъ въ Неаполь, но вскорѣ, поссорившись съ королевой, началъ противъ нея враждебныя дѣйствія и пригласилъ на службу Браччіо. Политическое положеніе дѣлъ стало очень серьезнымъ. Церковной области грозила опасность съ двухъ сторонъ: могущественный король Аррагоніи, Сициліи и Сардиніи становился опаснымъ сосѣдомъ-вассаломъ церкви въ качествѣ неаполитанскаго короля. Еще менѣе желательно для Мартина V было могущество Браччіо, который уже грозилъ привести папу въ такое положеніе, что онъ будетъ служить 100 обѣденъ за 1 динарій. Тогда Мартинъ V переселился въ Римъ, такъ какъ усиленіе опаснаго подданнаго могло снова загородить дорогу въ столицу. Между тѣмъ Браччіо къ ужасу папы одерживалъ побѣду за побѣдой и захватилъ уже нѣсколько принадлежащихъ церкви городовъ; тогда Мартинъ V не только рѣшительно принялъ сторону королевы, но и отлучилъ отъ церкви своего противника, вооружилъ противъ него герцога миланскаго и послалъ собственныя войска. Браччіо былъ разбитъ и получилъ опасныя раны. Гораздо труднѣе было бороться съ Альфонсомъ Аррагонскимъ, который дѣйствовалъ другимъ орудіемъ,—поддерживалъ схизму. На соборѣ въ Сіенѣ его посолъ защищалъ права Бенедикта XIII и имѣлъ, повидимому, нѣкоторый успѣхъ, такъ какъ Мартинъ V немедленно распустилъ соборъ; а когда

Бенедиктъ умеръ, то, по настоянію Альфонса, на его мѣсто былъ избранъ нѣкто Эгидій, который принялъ имя Климента VII *) и назначилъ новыхъ кардиналовъ. Какъ ни ничтожны были эти антипапы, однако страшный призракъ схизмы не давалъ покоя Мартину V: онъ рѣшилъ примириться съ Альфонсомъ. Сначала папа оправдывался, по своему обычаю, теоретическими соображеніями, говоря, «что Людовикъ раньше былъ утвержденъ Александромъ V и Іоанномъ XXIII въ качествѣ наслѣдника королевства, что виноватъ въ этомъ не онъ, а королева, что его дѣло поддерживать феодаловъ церкви, а не ниспровергать ихъ, если только они не совершатъ какого-нибудь преступленія противъ римскаго престола, и что онъ не видитъ, почему Людовикъ не можетъ быть законнымъ наслѣдникомъ Іоанны, коронованной по его приказанію». Но несмотря на все это, папа заключилъ миръ съ Альфонсомъ, чтобы только совершенно уничтожить всякіе слѣды схизмы. Низвергнутый Климентъ VII былъ назначенъ епископомъ Майорки.

Внѣшняя политика Мартина V отличалась спокойствіемъ и разсудительностью. Несмотря на всю соблазнительность надежды видѣть на неаполитанскомъ престолѣ своего племянника, папа рѣшительно отказался отъ этого плана, какъ только увидѣлъ всю трудность его достиженія. Онъ вмѣшивался въ чужія дѣла только тогда, когда этого требовали интересы его государства и притомъ къ активному вмѣшательству прибѣгалъ только въ случаѣ крайней необходимости. Результатомъ такого образа дѣйствій было увеличеніе церковныхъ владѣній и глубокое спокойствіе государства. Пораженіе и смерть Браччіо доставили папѣ всѣ его обширныя владѣнія; когда между Флоренціей и Венеціей съ одной стороны и Миланомъ съ другой началась война, Мартинъ V старался примирить враждующія государства, явился дѣятельнымъ посредникомъ при заключеніи мира и получилъ за это тѣ города, которые имѣлъ въ Романьѣ герцогъ Миланскій.

Внутренняя дѣятельность Мартина V обнаруживаетъ въ немъ тѣ же самыя свойства свѣтскаго государя и династа. Политическая самостоятельность, которую пріобрѣлъ Римъ въ эпоху авиніонскаго плѣненія и послѣдовавшей за тѣмъ схизмы, была окончательно уничтожена, мало-по-малу и его внутреннее самоуправленіе потеряло свой независимый характеръ. Демократическая республика превратилась въ обыкновенную столицу итальянскаго властителя. Но, утративъ свободу, Римъ пріобрѣлъ всѣ блага, которыя были связаны съ твердымъ правленіемъ: за все время правленія Мартина V война не коснулась Рима, не было тамъ и народныхъ возстаній. Вслѣдствіе этого раны города были излѣчены и его благосостояніе возросло. Работа была не легкая. «Мартинъ V,—разсказываетъ его современный біографъ,—нашелъ городъ Римъ до такой степени разрушеннымъ и пустымъ, что въ немъ не было никакого вида государства (nulla

---

*) Этотъ антипапа не былъ принятъ въ разсчетъ своими римскими преемниками и потому въ слѣдующемъ вѣкѣ Климентъ, при которомъ былъ взятъ Римъ войскомъ Карла V и совершилась схизма Англіи, называлъ себя *седьмымъ*.

civitatis facies in ea videretur). Тамъ можно было видѣть разрушающіеся дома и разрушенные храмы, заброшенный и загрязненный городъ, страдающій отъ лишеній и недостатка во всемъ. Чего же больше? Въ немъ невидно было никакого обличія города, никакого признака городской жизни. Можно было сказать, что всѣ граждане здѣсь или пришлые обыватели (inquilinos esse), или даже собравшіеся сюда послѣдніе подонки всего человѣчества (ex extrema omnium hominum fece eo commigrasse)». Мартинъ V усердно приводилъ городъ въ прежній видъ, поддерживая и исправляя разрушающіяся зданія и возводя новыя на мѣсто разрушенныхъ. Онъ ремонтировалъ портикъ св. Петра, исправилъ латеранскую базилику снаружи и поручилъ знаменитому Джентиле украсить ее живописью внутри; возстановилъ, наконецъ, церковь 12 Апостоловъ. Папѣ подражали кардиналы и, благодаря общимъ усиліямъ, городъ принялъ до извѣстной степени прежній видъ. Но дѣятельность папы не ограничивалась наружнымъ возстановленіемъ города; онъ возстановилъ также и внутренній порядокъ въ своемъ государствѣ. При его вступленіи на папскій престолъ церковныя владѣнія находились въ самой ужасной анархіи. Города вели непрерывныя войны между собою и съ баронами, которые, кромѣ того, постоянно враждовали другъ съ другомъ. Въ странѣ господствовали разбойничьи шайки, причемъ отъ грабежа и насилій нельзя было найти убѣжища и за городскими стѣнами, такъ какъ тамъ неистовствовали различныя партіи. Мартинъ V употреблялъ всѣ силы, чтобы возстановить порядокъ, а при этомъ истреблялъ непокорныхъ вассаловъ, отнималъ у безпокойныхъ горожанъ ихъ привилегіи и подчинялъ своимъ чиновникамъ.

Своихъ помощниковъ папа старался выбирать осторожно и осмотрительно. Мѣста не давались встрѣчному, и папа тщательно взвѣшивалъ свойства кандидатовъ, совѣтовался съ жителями той мѣстности, въ которой освобождалась должность, а если никого не зналъ оттуда, то «обращался за совѣтомъ къ людямъ, знавшимъ эти мѣста, кто въ куріи или въ учебныхъ заведеніяхъ (in gymnasiis publicis) достоинъ этой должности по учености, по знатности и по характеру. Если и раздавались жалобы на непотизмъ папы, то награжденіе родственниковъ владѣніями на счетъ Неаполитанскаго королевства и даже Церковной области было совершенно естественно съ династической точки зрѣнія, на которой стоялъ Мартинъ V. Колонны были, такъ сказать, принцы крови и имѣли совершенно законныя привилегіи, точно такъ же, какъ папскія родственницы выходили замужъ за владѣтельныхъ князей. Такая политика, несовсѣмъ свободная отъ маккіавелистической окраски, хотя и не соотвѣтствовала теоріи о папской власти, но была чрезвычайно благотворна для свѣтскихъ владѣній церкви. «Благочестивый пастырь, сострадая своему государству, приложилъ всѣ средства, которыми можно было его возстановить, и стараніемъ первосвященника оно современемъ такъ наконецъ усилилось, что во время его правленія оно, по всей справедливости, могло считаться однимъ изъ первыхъ государствъ Италіи, и самъ онъ по заслугамъ долженъ быть названъ не

только первосвященникомъ, но и отцемъ отечества». Правленіе Мартина V напоминаетъ его біографамъ-современникамъ времена Августа. Для Рима наступило такое спокойствіе,—говоритъ Платина,—«что казалось, какъ будто бы въ этотъ періодъ возвратились благоденствіе и миръ Октавія Августа. Тогда можно было наслаждаться покоемъ и свободно и безопасно ходить по лѣсамъ, даже ночью. Тогда не было ни разбойниковъ, ни убійцъ, ни воровъ: до такой степени преслѣдовали тогда этого рода людей, послѣ того, какъ изъ ихъ среды были вырваны Тарталіа, Лавелло и другіе тиранны, которые проводили жизнь болѣе въ разбояхъ, чѣмъ въ войнѣ». Мы не имѣемъ никакого основанія заподозрѣвать безпристрастіе Платины, а если краски въ нарисованной имъ картинѣ нѣсколько свѣтлѣе и ярче, чѣмъ это было въ дѣйствительности, то это произошло потому, что правленія Іоанна XXIII съ одной стороны и Евгенія—съ другой служили для нея слишкомъ рѣзкимъ темнымъ фономъ.

Но не замѣтилъ Платина другой стороны, которая живо чувствовалась современниками. Какъ настоящій итальянскій сеньёръ XV в. на апостольскомъ престолѣ, Мартинъ V былъ жаденъ до власти и до денегъ. При немъ святая коллегія стала безмолвна и покорна: «папа такъ подавилъ кардиналовъ, писалъ посланникъ тевтонскаго ордена, что они краснѣя и блѣднѣя во время разговора съ нимъ, говорятъ только то, что ему угодно», а римскій народъ, избавившись, благодаря его политикѣ, отъ чужеземныхъ нашествій, долженъ былъ хорошо платить своему государю. Отсюда и въ духовной сеньёріи появлялась оппозиція со стороны тѣхъ же общественныхъ силъ, съ которыми должны были считаться военные деспоты въ прежнихъ республикахъ. «Мартинъ былъ чрезвычайно жаденъ, — говоритъ современный біографъ,—собралъ для своихъ родственниковъ огромныя сокровища и раздалъ имъ много церковныхъ зàмковъ около Рима». Народъ чувствовалъ тяжесть, но терпѣлъ, боялся схизмы и воздержался отъ мести даже послѣ смерти Мартина V. «Римскій народъ,—говоритъ тотъ же біографъ, — чтобы не потерять куріи, не подвергъ оскорбленіямъ куріаловъ. Молчала и церковная аристократія, не будучи въ состояніи воспользоваться готовымъ средствомъ обуздать папу, т.-е. соборомъ.

Мартинъ V старался всѣми, зависящими отъ него, средствами обуздать церковную аристократію. Кромѣ законовъ, имѣвшихъ цѣлью юридически и фактически ограничить высшее духовенство, онъ старался подрывать его авторитетъ въ обществѣ. Въ буллѣ по поводу гуситской ереси онъ компрометировалъ прелатовъ въ глазахъ вѣрующей паствы, называя ихъ «нѣмыми собаками» *) и объявляя ихъ виновниками усиленія ереси; въ бесѣдахъ съ секретарями онъ разсказывалъ съ наслажденіемъ, какъ одинъ Болонскій докторъ ловко и остроумно выругалъ невѣждой кардинала и апостолійскаго легата въ этомъ городѣ. Совершенно естественно, что Мартину V «самое имя

---

*) Это было обычное на тогдашнемъ языкѣ выраженіе для обозначенія людей равнодушныхъ къ врагамъ церкви и къ злоупотребленіямъ въ ней въ противоположность canes latrantes—ревнителямъ реформъ и исправленія нравовъ. *Ред.*

собора внушало безмѣрное отвращеніе». Тѣмъ не менѣе онъ долженъ былъ собирать соборы, хотя и умѣлъ сдѣлать ихъ для себя безвредными. Вскорѣ послѣ бѣгства Іоанна XXIII Констанцскій соборъ постановилъ, чтобы черезъ пять лѣтъ по окончаніи этого собора былъ созванъ другой, послѣ 7 лѣтъ слѣдующій и затѣмъ соборы должны быть созываемы каждое десятилѣтіе. Мартинъ долженъ былъ согласиться, своею буллою одобрить это рѣшеніе, и мѣстомъ будущаго собора была назначена Павія. Уклониться отъ исполненія этого постановленія было трудно или даже совсѣмъ невозможно. Усиливавшаяся гуситская ересь требовала энергичной поддержки для папы со стороны внѣ итальянскихъ католиковъ, а въ Германіи и во Франціи усиленно требуютъ реформы; Парижская Сорбонна прислала пословъ напомнить папѣ обязательное рѣшеніе Констанцскаго собора и требовала его исполненія. Мартинъ увѣрялъ, что онъ ничего не имѣетъ противъ собора и въ 1423 г. созвалъ его въ Павіи, принявши мѣры противъ возможной опасности отъ него для святого престола. Павія принадлежала его союзнику, и городского населенія можно было не бояться, тѣмъ не менѣе Мартинъ V старательно предупреждаетъ вліятельныхъ членовъ будущаго собора (нѣмецкихъ духовныхъ курфюрстовъ и Сорбонну), что для засѣданій, можетъ быть, придется выбрать другой городъ. Кромѣ того, онъ указываетъ прелатамъ и другое средство заняться поднятіемъ церковной дисциплины, именно провинціальные соборы. Наконецъ, назначивши своихъ легатовъ на соборъ, папа предоставилъ имъ самыя широкія полномочія перенести засѣданія въ другой городъ и даже совсѣмъ распустить собраніе.

Дѣйствительно, вскорѣ пришлось перенести соборъ въ Сіену, такъ какъ въ Павіи разразилась чума; но и въ этомъ городѣ засѣданія продолжались не долго. Какъ ни значительно было число собравшихся отцовъ, тѣмъ не менѣе соборъ обнаружилъ и въ итальянскихъ городахъ опасныя для папы стремленія. Когда въ Сіену явились послы Альфонса и стали защищать дѣло испанскаго папы, на соборѣ нашлись у нихъ сторонники. Насколько серьезна была партія Петра де-Люны, сказать трудно; но Мартинъ V, искренно или нѣтъ, придавалъ ей значеніе и воспользовался этимъ событіемъ очень ловко. Прежде всего онъ отмѣнилъ свое рѣшеніе лично отправиться въ Сіену, такъ какъ изъ-за рѣзкихъ рѣчей, позволенныхъ посламъ Альфонса, онъ считалъ свое пребываніе тамъ небезопаснымъ. Затѣмъ онъ закрылъ соборъ, какъ только дѣло дошло до церковныхъ реформъ, такъ какъ засѣданія были слишкомъ бурны, что не мѣшало, впрочемъ, обсужденію вопроса о присоединеніи восточной церкви и объ уничтоженіи ересей Гуса и Виклефа. Но закрытіе собора прежде окончанія его главнаго дѣла затрогивало цѣлую массу интересовъ. Жители Сіены произвели демонстрацію противъ легатовъ, потому что потеряли надежду на хорошій барышъ отъ пребыванія собора въ ихъ городѣ; Мартинъ V послалъ внушительное бреве городскимъ властямъ, и этого было достаточно. Гораздо труднѣе было справиться съ духовенствомъ, часть котораго искренно желала реформы церкви въ интересахъ вѣры, а другая подъ реформаціонными стремленіями скрывала

желаніе ограничить папскую власть въ аристократическомъ духѣ. Мартинъ V сумѣлъ выйти и изъ этого затрудненія. Чтобъ удовлетворить первому стремленію, онъ въ письмѣ къ архіепископу Толентинскому заявилъ желаніе и готовность произвести эту реформу, но дома, посредствомъ куріи. Для этой цѣли была назначена коммиссія изъ трехъ кардиналовъ, которые свели всю реформу къ упомянутому выше приниженію св. коллегіи. Чтобъ успокоить кардиналовъ, онъ назначилъ новый соборъ въ Базелѣ и въ энцикликѣ по поводу этого весьма популярнаго тогда акта сдѣлалъ весьма искусную попытку привлечь на свою сторону общественное мнѣніе. Еще передъ открытіемъ собора Мартинъ V убѣждалъ Парижскую Сорбонну, стоявшую во главѣ реформаціонной партіи, что онъ ничего не имѣетъ противъ созванія собора. Точно также и теперь онъ возвѣщалъ міру ad perpetuam rei memoriam, что неудача собора произошла не по его винѣ, что онъ сдѣлалъ все зависящее для того, чтобы соборъ достигъ своей цѣли, назначилъ легатовъ и готовъ былъ утвердить его рѣшенія. Но если реформа не была проведена и пришлось закрыть соборъ, то виноваты прежде всего «прелаты и тѣ, которые должны были присутствовать на соборѣ»,— ихъ ждали около 9 мѣсяцевъ, тѣмъ не менѣе они «не явились въ такомъ числѣ, котораго требовали вѣсъ и важность подлежавшихъ обсужденію предметовъ», да и тѣ, которые пришли, стали вскорѣ расходиться. Кромѣ того, на самомъ соборѣ и въ городѣ произошли смуты и безпорядки, которые стѣсняли свободную дѣятельность собора и грозили бѣдствіемъ христіанскому міру; «при этихъ препятствіяхъ желанная реформа церкви не могла быть произведена согласно желанію сердца нашего по свободному обсужденію прелатовъ». Чтобы доставить эту возможность на будущее время, папа назначалъ, согласно констанцскому рѣшенію, въ Базелѣ новый соборъ черезъ 7 лѣтъ. Но заключеніе буллы нѣсколько противорѣчило этой готовности къ соборной реформѣ. Закрывая соборъ, Мартинъ V подъ страхомъ вѣчнаго лишенія бенефицій и отлученія отъ церкви запрещалъ тѣмъ, которые приходили на соборъ, собираться по націямъ или приступать къ какому-нибудь акту, посредствомъ котораго какимъ-нибудь образомъ могло казаться, что они продолжаютъ распущенный соборъ».

Но, несмотря на всѣ принятыя мѣры, закрытіе собора въ Сіенѣ не произошло безъ споровъ. Посланные для этой цѣли Леонардо Дати и Доменико Капраника устранили эти дебаты объ авторитетѣ папы и собора, указавши на близость новаго собранія. Проявлялись первые признаки грозы, которые не могли ослабить антипатію папы къ соборной реформѣ. Мартинъ V согласился на соборъ въ Базелѣ, потому что не имѣлъ въ виду его созывать, и когда пришло время исполнить обѣщаніе, то папа долго и упорно отказывался. Только успѣхи гуситовъ побѣдили его упорство: съ одной стороны, негодованіе усилилось, съ другой—можно было думать, что вниманіе собора будетъ поглощено еретиками. Папа издалъ, наконецъ, буллу, но не дожилъ до открытія собора и оставилъ это тяжелое наслѣдство своему преемнику.

Едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что Мартинъ V, обладая административными способностями и политическимъ искусствомъ свѣтскаго государя, нисколько не заботился о внутреннемъ состояніи церкви, нисколько не думалъ о необходимости ея реформы въ главѣ и членахъ. Злоупотребленія, противъ которыхъ ратовали соборы, не только не были отмѣнены, но, наоборотъ, увеличились, и въ этомъ виноватъ отчасти былъ самъ папа. Мартинъ V не отличался благочестіемъ, какъ и большинство его современниковъ; религіозный духъ, иногда ослѣплявшій его предшественниковъ XI—XIII столѣтій, но всегда ихъ одушевлявшій, былъ совершенно чуждъ его характеру: за политикой онъ не видѣлъ пастырскихъ обязанностей и своимъ положеніемъ главы церкви онъ хотѣлъ пользоваться лишь въ интересахъ своихъ свѣтскихъ владѣній. Являясь, какъ папа, естественнымъ посредникомъ между враждующими государствами внутри Италіи, Мартинъ V сумѣлъ, какъ мы видѣли, извлекать изъ этого политическія выгоды. Изъ-за Альпъ, откуда трудно было получить политическія выгоды, онъ старался добыть какъ можно болѣе денежныхъ выгодъ. Папа прямо обратилъ церковь въ статью своего бюджета, разсматривалъ церковныя дѣла исключительно съ финансовой точки зрѣнія и держался этой политики съ неуклонною послѣдовательностью и съ полною беззастѣнчивостью. Рыцарскіе ордена издавна имѣли своихъ представителей при папской куріи и одинъ изъ этихъ родоначальниковъ министровъ-резидентовъ, уполномоченный Тевтонскаго ордена, даетъ живую картину политики Мартина V въ этой сферѣ: «Моя должность, — пишетъ онъ, — состоитъ изъ двухъ дѣлъ: заботиться о дѣлахъ ордена и давать, причемъ одно не можетъ существовать безъ другого»;— другими словами, все дѣло сводится къ подаркамъ. Папа всегда на сторонѣ того, кто больше заплатитъ. «Папа получаетъ съ ордена ежегодно до 400 дукатовъ,—пишетъ посолъ.—Ему кажется мало, если отдавать ему ихъ за-разъ на Рождествѣ, а еслибъ я хотѣлъ раздѣлить ихъ на три или на четыре части, то ему показалось бы еще меньше. Я долженъ весьма часто являться къ нему, ничего не принося; понятно поэтому, что онъ гораздо болѣе слушаетъ тѣхъ, которые ему что-нибудь приносятъ, чѣмъ меня. Итакъ, если вы хотите сохранить за орденомъ расположеніе этого папы, то вы должны назначить для него ежегодно бо̀льшую сумму денегъ, которую можно было бы раздѣлить такъ, чтобъ я всякій разъ, какъ прихожу къ нему, могъ бы ему что-нибудь принести». Кромѣ денегъ, необходимо было давать подарки, цѣнность которыхъ опредѣлялась важностью дѣла: такъ въ 1430 г. Орденъ подарилъ папѣ 12 золотыхъ апостоловъ, цѣною въ 52,000 дук.; въ другихъ случаяхъ посолъ дарилъ соболей, кожи, ножи и т. п. Мартинъ V не останавливался и передъ взятками. Въ 1422 г. у Ордена начался споръ съ польскимъ королемъ, и папа долгое время склонялся на сторону Польши; «тогда я однажды пошелъ къ нему,—доноситъ посланникъ,—и подарилъ ему большую красивую голову, которую я приказалъ изящно вызолотить; кромѣ того, далъ ему двѣ хорошія кожаныя подстилки (Lederlaken), которыя ему очень понравились, и просилъ его

святѣйшество не презирать малое даяніе: путь между Пруссіей и Флоренціей длиненъ и небезопасенъ; если Богъ и ваше святѣйшество помогутъ намъ установить вѣчный миръ, то я охотно сдѣлаю и лучшія приношенія». Тогда папа сказалъ: «довольно и этого». Если не догадывались дать взятку, то папа прибѣгалъ къ вымогательству: принималъ во время аудіенцій разгнѣванный видъ, благоволилъ къ противнику и смягчался только тогда, когда получалъ приношеніе. Иногда это дѣлалось проще. Представитель Ордена описывалъ гросмейстеру такой случай: «У меня былъ прекрасный бѣлый жеребецъ такого роста, какого не было во всемъ дворѣ, и нашъ святой отецъ прислалъ ко мнѣ, чтобъ я ссудилъ его ему для ѣзды, такъ какъ у него недостатокъ въ бѣлыхъ лошадяхъ. Мнѣ часто давали за него 200 гульденовъ; но если теперь онъ попадетъ къ нему въ руки, то больше ко мнѣ не вернется: я долженъ буду его подарить. Поэтому пришлите мнѣ другую лошадь, но карію или гнѣдую». Въ болѣе важныхъ дѣлахъ приходилось просто прибѣгать къ подкупу, и за благополучное окончаніе спора съ рижскимъ архіепископомъ орденскій посолъ обѣщалъ заплатить папѣ 5,000 дукатовъ. Если папа вмѣшивался въ духовныя дѣла за границей, то преимущественно съ фискальными цѣлями. Въ 1429 году Мартинъ V вдругъ объявилъ, что право утверждать гросмейстера Ордена принадлежитъ ему, и посолъ объясняетъ это нововведеніе очень просто: «все это папа дѣлаетъ потому, что желаетъ получить съ Ордена денегъ». Деньги были заплачены, и все дѣло осталось по-старому.

Такое отношеніе къ церковнымъ дѣламъ никогда не проводилось съ такою безцеремонностью, какъ при Мартинѣ V, жадность котораго придавала ей особенную окраску. Эксплуатація всякаго, кому приходилось имѣть дѣло съ куріей, исходя отъ папы, находила подражаніе у всѣхъ его чиновниковъ отъ святой коллегіи до привратника включительно. Яркая картина орденскаго посланника, которую не рѣшается отрицать даже Пасторъ, можетъ служить ключомъ къ пониманію всей свѣтской и религіозной политики Мартина V. Его сношенія съ иностранными государями весьма оживлены; онъ постоянно вмѣшивается въ отношенія Англіи и Франціи, посылаетъ пословъ въ Германію и Польшу и ведетъ дѣла чрезвычайно успѣшно. Но съ особенною ревностью Мартинъ преслѣдуетъ еретиковъ и прежде всего гуситовъ. Еще въ 1408 г. была издана булла противъ этой ереси и въ то же самое время были приняты всевозможныя мѣры для ея истребленія: къ 45 еретическимъ тезисамъ Виклефа, извлеченнымъ Збинекомъ, папа прибавилъ 30 такихъ же положеній, взятыхъ у Гуса, возстановлена инквизиція Бонифація VIII, дано приказаніе свѣтскимъ властямъ запрещать еретикамъ торговлю и всякое соприкосновеніе съ католиками; умершіе должны быть лишены погребенія, и всѣ эти кары падали на всякаго, кто сохранялъ какое-либо сношеніе съ еретикомъ. Кромѣ общихъ мѣръ церковной дисциплины, Мартинъ V прибѣгалъ и къ другимъ средствамъ.

Въ составъ папской куріи входила цѣлая масса учрежденій, завѣдывавшихъ, главнымъ образомъ, дѣлами церкви. Кромѣ святой коллегіи, автори-

тетъ и вліяніе которой обусловливались свойствами и характеромъ папы, существовали учрежденія съ опредѣленною сферой дѣятельности. Сюда относилась, во-первыхъ, *Capella* или *Rota Romana*—высшее судилище католической церкви, безапелляціонно рѣшавшее нѣкоторыя дѣла. Ея члены—auditores—составляли также такъ называемую Reverenda Camera Apostolica, которая завѣдывала управленіемъ финансами и рѣшала споры въ фискальныхъ дѣлахъ. Ея предсѣдатель, кардиналъ-камерарій, или Primicerius—одинъ изъ важнѣйшихъ сановниковъ куріи: въ это время ему подчинены не только thesaurarius и auditor generalis Camerae Apostolicae, но и vicecamerarius, стоявшій во главѣ папской канцеляріи (cancellaria apostolica). Персоналъ канцеляріи былъ весьма многолюденъ. Кромѣ папскихъ секретарей, писавшихъ буллы по заготовленнымъ проектамъ, сюда принадлежала цѣлая коллегія abbreviatores, которыхъ было 72 человѣка. Они распадались на три части: 12 аббревіаторовъ de parco majoris seu majoris presidentiae. Это были важные члены канцеляріи: имъ передавались прошенія съ папскою отмѣткой, на основаніи которой они составляли такъ называемыя minutae, т.-е. проекты буллъ въ главныхъ чертахъ. Одѣтые въ фіолетовое платье, какъ прелаты, они собственно принадлежали къ клиру и не могли вступать въ бракъ. Точно также къ духовнымъ лицамъ принадлежали и 22 abbreviatores de parco minori seu minoris presidentiae, которые повѣряли составленныя буллы, подготовляли ихъ къ отсылкѣ, а по нѣкоторымъ предметамъ и сами ихъ составляли. Остальные, носившіе названіе examinatores, сравнивали готовыя буллы съ ихъ проектами. Эти чиновники папской канцеляріи могли быть свѣтскими людьми и имѣли право вступать въ бракъ, точно также и слѣдующіе низшіе ихъ разряды: rescribendarii и taxatores, опредѣлявшіе цѣну буллъ, plumbator, прикладывавшій къ ней печать, и scriptores rerum apostolicarum.

Кромѣ этихъ учрежденій, носившихъ политическій характеръ, существовали нѣкоторыя совсѣмъ особенныя, созданныя исключительными прерогативами папы въ области вѣры. Сюда принадлежала, во-первыхъ, *Signatura gratiae*, въ составъ которой входили, между прочимъ, кардиналы и которая, подъ предсѣдательствомъ самого папы, разсматривала прошенія о милости. Далѣе *Signatura justitiae*, которая предварительно разсматривала апелляціи къ папѣ и рѣшала вопросъ объ ихъ допущеніи, затѣмъ *Dataria*, которая завѣдывала диспенсаціями за предѣлами церковныхъ владѣній (in foro externo), а также бенефиціями и, наконецъ, *Sacra Poenitentiaria Romana*, раздававшая диспенсаціи въ Римѣ. Ея глава, кардиналъ Poenitentiarius major, пользовался обширными полномочіями и имѣлъ большое вліяніе. Въ куріи къ тѣмъ ея учрежденіямъ, которыя чинили судъ и раздавали милость, примыкала толпа чиновниковъ — advocati, procuratores, sollicitatores, notarii, которая жила случайными доходами и подарками. Изъ этой среды нанимали тяжущіяся стороны дѣльцовъ и ходатаевъ, а приходившіе къ папѣ послы краснорѣчивыхъ ораторовъ.

Личный составъ куріи Мартина V, личныя свойства и направленія наи-

болѣе вліятельныхъ ея членовъ были чрезвычайно разнообразны. Отъ своихъ предшественниковъ Мартинъ унаслѣдовалъ 30 кардиналовъ, составлявшихъ святую коллегію; значительная часть изъ нихъ жила внѣ Рима, нѣкоторые умерли еще на соборѣ или вскорѣ послѣ избранія папы, въ ихъ числѣ и весьма замѣтные представители обоихъ направленій, Франческо Забарелла, на могилѣ котораго говорилъ рѣчь Поджіо, и авторъ *Lucula noctis* и массы другихъ сочиненій, Джіованни Доменико, котораго ненавидѣли гуманисты и считали святымъ благочестивые католики. Большинство остальныхъ не блистало ни ученостью, ни талантами, ни добродѣтелями, ни даже крупными пороками. Такъ, неаполитанецъ кардиналъ Райнальдо Бранкачіо славился своей необычайно крѣпкою корпуленціей; иные не оставили по себѣ никакихъ воспоминаній. Таковъ былъ, между прочимъ, важный сановникъ куріи, деканъ святой коллегіи, Анжело де-Анна, монахъ камальдуленскаго ордена. Большая часть изъ нихъ сдѣлали свою карьеру въ смутную эпоху схизмы, когда на личныя свойства обращалось мало вниманія. Добившись пурпура у наиболѣе слабаго папы, которому было достаточно одной преданности, они во-время успѣли перейти на сторону болѣе сильнаго противника и такимъ образомъ укрѣпить за собою пріобрѣтенное званіе.

Такъ поступилъ съ Бенедиктомъ XIII французъ Пьеръ де-Фуа и получалъ потомъ дипломатическія миссіи отъ Мартина V. Но особенно посчастливился этотъ пріемъ кардиналу Іоанну де-Броніакъ. Савойяръ изъ бѣдной и незнатной семьи, онъ сумѣлъ добиться почестей у Климента VII, по смерти котораго перешелъ къ Бенедикту XIII. Но, убѣдившись, что дѣло этого папы проиграно, онъ потихоньку убѣжалъ въ Италію, примкнулъ здѣсь къ наиболѣе вліятельной партіи и позже пріобрѣлъ такое расположеніе Мартина V, что получилъ отъ него доходное и вліятельное мѣсто начальника папской канцеляріи, которое сохранилъ до самой смерти. Иногда это ренегатство влекло за собою и печальныя послѣдствія. Антоній Панчерино де-Партогруарно получилъ отъ Бонифація IX почетный санъ патріарха Аквилейскаго, но при Григоріи XII былъ лишенъ всѣхъ своихъ должностей и впалъ въ настоящую нищету. Только милости Іоанна XXIII доставили ему пурпуръ, который онъ сумѣлъ сохранить и при Мартинѣ V. Затѣмъ шли разные племянники и земляки—Томасъ Бранкачіо, сынъ сестры Іоанна XXIII, и венеціанцы, родственники Григорія XII. Эти послѣдніе, впрочемъ, были главными представителями средневѣковаго, монашескаго направленія. Ихъ было четверо: два юриста, Петръ Маврочено и Франческо Ландо, и два настоящихъ монаха, Антоніо деи Коррери и Габріеле Кондульмьери. Этотъ будущій папа (Евгеній IV) началъ свою карьеру чрезвычайно рано. Благодаря своей матери, сестрѣ Григорія XII (она была также бабкою Павла II), онъ почти мальчикомъ получилъ важныя должности въ куріи и ранѣе законнаго возраста—25 лѣтъ—былъ сдѣланъ епископомъ и вскорѣ кардиналомъ. Кондульмьери не оставался совершенно чуждъ гуманистическому движенію: читалъ классиковъ, учился греческому языку у гуманиста; но дальше этого онъ не пошелъ,

и его холодный, спокойный и практическій умъ вполнѣ сохранилъ средневѣковое направленіе, которое онъ проводилъ ловко, умѣло и энергично позже на папскомъ престолѣ. Онъ не обладалъ пламеннымъ благочестіемъ, былъ такъ же свободенъ отъ религіознаго экстаза, какъ и отъ гуманистическихъ увлеченій. Это былъ трезвый церковный дѣлецъ, и Мартинъ V, умѣя цѣнить его способности, поручилъ ему усмиреніе Болоньи, самое затруднительное дѣло во внутренней политикѣ папскихъ владѣній за этотъ періодъ. Тѣмъ же характеромъ, только съ другимъ оттѣнкомъ, отличался другъ и родственникъ Евгенія IV, одновременно съ нимъ получившій кардинальское достоинство, Антоніо деи Коррери, носившій титулъ патріарха константинопольскаго. Гуманистическія занятія не были чужды этой фамиліи: племянникъ Антоніо, Грегоріо пользовался извѣстностью среди гуманистовъ и защищалъ отъ нападокъ Поджіо аристократію и свою родину; самъ кардиналъ имѣлъ обширную библіотеку. Но по своей жизни это былъ настоящій монахъ, усердно старавшійся выполнить всѣ обязанности, связанныя съ этимъ званіемъ. Позднѣйшій историкъ-іезуитъ и современный біографъ-пріятель гуманистовъ, Веспасіано Бистичи, одинаково свидѣтельствуютъ о святости его жизни. Послѣдній утверждаетъ, что онъ «имѣлъ безмѣрную любовь къ христіанской религіи и къ спасенію своей души» и что кардинальскую шляпу онъ принялъ только по принужденію папы. Въ доказательство святости его жизни Веспасіано разсказываетъ о его безкорыстіи: часть доходовъ съ двухъ аббатствъ, изъ которыхъ одно онъ имѣлъ въ Падуѣ, другое — въ Верронѣ, онъ предоставилъ монахамъ и устроилъ такъ, что послѣ его смерти всѣ доходы поступали въ пользу монастыря. Передъ смертью онъ совсѣмъ удалился отъ двора и поселился въ Падуѣ. О его предсмертныхъ распоряженіяхъ Веспасіано разсказываетъ съ умиленіемъ и ставитъ въ образецъ другимъ. Кардиналъ созвалъ къ себѣ управителей своими бенефиціями и приказалъ выставить въ большой залѣ всѣ свои драгоцѣнности. Затѣмъ, приказавши оцѣнщикамъ опредѣлить цѣну каждой вещи, онъ потребовалъ книги, гдѣ были записаны доходы, полученные со своихъ бенефицій, и сообразно съ этимъ распредѣлилъ между ними свое состояніе, оставивши себѣ «одну чашу, одно облаченіе (pianetta) и четыре серебряныя чашки». «Сдѣлавши это, кардиналъ всталъ съ мѣста и возблагодарилъ Бога»,—говоритъ Веспасіано, и заключаетъ біографію такимъ восклицаніемъ: «это одинъ изъ тѣхъ достойныхъ вѣчной памяти прелатовъ, которыхъ имѣла церковь Божія». Правда, наивный біографъ слышалъ это отъ человѣка «достойнѣйшаго довѣрія», племянника кардинала; но все же несомнѣнно, что венеціанскій нобиле, сдѣлавшись прелатомъ, сумѣлъ себѣ составить соотвѣтствующую репутацію, иначе искренній и безпристрастный Веспасіано не повѣрилъ бы его племяннику. Къ числу дѣльцовъ-практиковъ, не державшихся, строго говоря, никакого направленія, принадлежалъ кардиналъ Бранка да Кастильоне. Бранка былъ свѣтскій человѣкъ, много видѣвшій и много испытавшій. Происходя изъ патриціанскаго рода въ Миланѣ, онъ былъ нѣкоторое время профессоромъ въ Павіи, потомъ аудиторомъ

Rotae Romanae, пользовался фаворомъ Иннокентія VII и за измѣну Григорію XII, который лишилъ его епископскаго сана, былъ возведенъ Іоанномъ XXIII въ кардиналы. Мартинъ V послалъ его, какъ знатока каноническаго права, легатомъ a latere въ Богемію, гдѣ онъ написалъ нѣсколько сочиненій противъ Гуса. Къ новому направленію онъ не питалъ никакой вражды,—основалъ даже публичную библіотеку въ Ломбардіи и въ его домѣ получилъ воспитаніе знаменитый Юліанъ Чезарини,—но не чувствовалъ и особенной склонности. Добившись обезпеченнаго положенія, онъ зажилъ широко, но безъ роскоши; въ его домѣ находилось тридцать человѣкъ разныхъ родственниковъ и домочадцевъ, и эта семейная обстановка была такъ ему дорога, что онъ отказался идти на Базельскій соборъ, потому что онъ былъ направленъ противъ папы и сулилъ новыя смуты. Веспасіано выставляетъ любовь къ правдѣ, какъ выдающуюся его добродѣтель; но единственное доказательство, которое онъ приводитъ въ пользу этого, заключается въ томъ, что однажды кардиналъ приказалъ немедленно высѣчь маленькаго племянника, когда тотъ въ чемъ-то солгалъ. Ни въ поведеніи, ни въ сочиненіяхъ практичнаго противника Гуса это свойство не бросается въ глаза.

Къ этой же категоріи принадлежали кардиналы Аламано Адимаріо и Джакопо Изолани. Первый изъ нихъ, одинъ изъ самыхъ ревностныхъ сторонниковъ Мартина V, былъ два раза посломъ въ Испаніи, чтобъ уговорить Бенедикта XIII сначала явиться на соборъ, а потомъ подчиниться его рѣшенію, и на возвратномъ пути оттуда умеръ вскорѣ послѣ вступленія на престолъ Мартина V. Его умственная и нравственная физіономія до такой степени незначительна, что патріотически настроенный Веспасіано не внесъ этого кардинала въ свою книгу, хотя онъ былъ родомъ изъ Флоренціи. Болѣе замѣтную фигуру представляетъ изъ себя Изолани, кардиналъ S. Eustachii. Въ составъ клира онъ вошелъ довольно поздно. Принадлежа по происхожденію къ Болонскому дворянству, онъ былъ докторъ utriusque juris и профессорствовалъ въ различныхъ университетахъ. Послѣ смерти жены, онъ поступилъ въ духовное званіе, быстро сдѣлалъ церковную карьеру, получивши кардинальскую шляпу отъ Іоанна XXIII. Папа назначилъ его легатомъ a latere въ патримоніи св. Петра, гдѣ мѣстные тираны захватили въ свои руки почти всю апостольскую «вотчину», съ порученіемъ возстановить тамъ церковныя права. Изолани съ такимъ успѣхомъ выполнилъ это дѣло, что привлекъ вниманіе Филиппа Маріи Висконти, сблизился съ нимъ и по его порученію 5 лѣтъ управлялъ Генуей. Этотъ кардиналъ-администраторъ, получившій свой санъ отъ одного изъ позорнѣйшихъ папъ и близкій человѣкъ развратнѣйшаго тирана этой эпохи, былъ покровителемъ Валлы.

Болѣе замѣтно выразилось новое направленіе въ смыслѣ интереса къ древности у двухъ старыхъ кардиналовъ, изъ которыхъ одинъ, французъ Гильомъ Филастръ, переводилъ Платона и написалъ примѣчанія къ Помпонію Мелѣ; другой, Джіордано Орсини, былъ усердный собиратель книгъ и

завѣщалъ Ватикану библіотеку, которую оцѣнивали въ 8,000 дукатовъ. Оба они не имѣли вліянія при дворѣ Мартина V. Иностранецъ Филастръ былъ на соборѣ однимъ изъ немногихъ защитниковъ папы Іоанна XXIII, отъ котораго получилъ кардинальскую шляпу. Орсини, хотя, несмотря на семейные счеты, и отдалъ свой голосъ Мартину, не могъ имѣть большого вліянія при дворѣ папы изъ фамиліи Колонна, извѣстнаго притомъ своимъ деспотизмомъ.

Мартинъ V значительно пополнилъ святую коллегію, назначивши 23 новыхъ кардинала. Веспасіано отзывается съ большой похвалой о его выборѣ: по его мнѣнію, всѣ назначенные имъ кардиналы, какъ оказалось потомъ, были превосходнѣйшіе люди. Мартинъ V раздавалъ пурпуръ не особенно охотно и съ большой осторожностью. Изъ политическихъ соображеній онъ возвелъ въ кардинальское достоинство покорившагося Іоанна XXIII и сохранилъ этотъ санъ за покаявшимися сторонниками Бенедикта XIII послѣ смерти этого упорнаго старика. Кромѣ того, въ числѣ его кардиналовъ было много иностранцевъ, изъ которыхъ нѣкоторые или совсѣмъ не появились въ Римѣ или часто и подолгу отсутствовали. Изъ этой среды, непопулярной въ Римѣ и безопасной для папства, онъ выбралъ начальника своей канцеляріи, назначивши преемникомъ умершаго француза де-Броніакъ француза же Жана де-Рудисцисса (de Rupiscissa). По отношенію къ другимъ Мартинъ V дѣйствовалъ крайне осторожно: или подвергалъ предварительнымъ испытаніямъ, какъ это случилось съ Альбергати, или, назначивши кардиналомъ, откладывалъ публикацію объ этомъ. Чезарини объявленъ кардиналомъ 4 года спустя послѣ назначенія; относительно Капраники и трехъ другихъ кардиналовъ онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы они были приняты въ число князей церкви въ день его смерти, вслѣдствіе чего многіе не дожили до публикаціи, а Капраникѣ пришлось много хлопотать объ утвержденіи этого своеобразнаго духовнаго завѣщанія. Исключеніе составлялъ кардиналъ де-ла Порта, юристъ и старинный опытный куріальный чиновникъ, да папскіе родственники: Антоніо Казини, сынъ сестриной дочери, пользовался большимъ довѣріемъ папы; это былъ весьма ловкій человѣкъ, сумѣвшій заслужить расположеніе Евгенія IV, что было очень трудно при его семейныхъ связяхъ. Племянникъ папы, Просперъ Колонна, еще мальчикомъ достигъ кардинальскаго сана, такъ что Мартинъ V изъ приличія долженъ былъ отложить на нѣкоторое время оффиціальную публикацію.

Дѣйствуя съ большой осторожностью, Мартинъ V умѣлъ выбирать людей, и нѣкоторые изъ назначенныхъ имъ кардиналовъ, дѣйствительно, обладали и характеромъ, и способностями. Такихъ было 4: Луиджи Аллемано, Джуліано Чезарини, Никколо Альбергати и Доменико Капраника. Ихъ церковно-общественная дѣятельность относится къ эпохѣ Базельскаго собора. Но ихъ натуры и направленія сказались уже въ это время. Объ Аллемано въ гуманистической литературѣ ничего не слышно; три послѣднихъ кардинала принадлежатъ къ новому движенію и притомъ къ различнымъ его теченіямъ.

Въ гуманизмѣ, какъ и въ политическихъ и соціальныхъ движеніяхъ, есть вожаки и толпа. Въ перепискѣ гуманистовъ фигурируетъ цѣлая масса разнаго званія людей, которые читаютъ древнихъ, умѣютъ написать латинское письмо и постоянно обращаются къ новымъ ученымъ за разъясненіемъ разныхъ интересующихъ ихъ вопросовъ по древней исторіи, миѳологіи, политикѣ и въ особенности по нравственной философіи. Въ ихъ числѣ встрѣчаются и кардиналы, и владѣтельные князья, и епископы, и придворные, и монахи, и городскіе и княжескіе чиновники. Сами они ничего не пишутъ или потому, что этому мѣшаетъ ихъ общественное положеніе, или потому, что недостаетъ нужныхъ знаній въ латинскомъ языкѣ. При современномъ состояніи нашихъ свѣдѣній объ эпохѣ Возрожденія эта механическая сила движенія остается почти совершенно неизвѣстной. Ихъ письма къ гуманистамъ, главный источникъ для ихъ характеристики, не только не изданы, но и въ рукописяхъ встрѣчаются рѣдко. Только посторонніе гуманизму обстоятельства выдвигаютъ иногда такое лицо, доставляютъ ему широкую извѣстность, и мы получаемъ возможность поближе познакомиться съ этой категоріей представителей гуманизма. Къ такой гуманистической толпѣ принадлежали и эти три кардинала, изъ которыхъ одинъ Чезарини игралъ весьма замѣтную роль въ современной ему церковной исторіи. Самый старшій изъ нихъ Никколо Альбергати принадлежалъ къ старому дворянскому роду въ Болоньѣ. Юристъ по образованію и теологъ, онъ 20 лѣтъ сдѣлался монахомъ картезіанскаго ордена. Если вѣрить Веспасіано, который вообще склоненъ преувеличивать добродѣтели, и панигирику Поджіо, онъ образцово исполнялъ свой обѣтъ: носилъ монашеское платье, «всегда одѣтый спалъ на соломѣ, какъ прочая братія, никогда не ѣлъ мяса ни здоровый, ни больной», говоритъ Веспасіано; а по словамъ Поджіо, Альбергати выбралъ именно этотъ орденъ, потому что онъ славился своею строгостью. Во всякомъ случаѣ, онъ всегда былъ искренній папистъ и въ ортодоксально-средневѣковомъ духѣ. Когда сограждане выбрали его своимъ епископомъ противъ желанія духовенства, онъ поставилъ первымъ условіемъ принятія должности возвращеніе нѣкоторыхъ церковныхъ имуществъ; затѣмъ, принявши санъ, старался поднять нравственный уровень клира и обратилъ особенное вниманіе на евреевъ, заставивши ихъ понизить процентъ, что было выгодно для земныхъ интересовъ паствы, и запретивши имъ великимъ постомъ публично ѣсть мясо, чтобы не приводить въ соблазнъ христіанъ. Кромѣ того, онъ находилъ вреднымъ близкое общеніе евреевъ съ христіанами и для отличія приказалъ первымъ носить на шапкѣ желтый кругъ. Всѣ эти мѣры и вообще его поведеніе усилили его популярность въ родномъ городѣ, которой онъ пользовался и раньше, какъ это видно изъ обстоятельствъ его избранія. Но папа подвергъ вскорѣ тяжелому испытанію новаго епископа, заставивши его играть крайне обидную роль въ дѣлѣ подчиненія Болоньи апостольскому престолу. Онъ горячо отстаивалъ вольности и интересы своихъ согражданъ; но Мартинъ V съ безпощадностью настоящаго тирана рѣшилъ именно этого защитника сдѣлать орудіемъ

своихъ замысловъ. Онъ далъ ему запечатанную бумагу, приказавши прочесть ее въ церкви и запретивши подъ страхомъ анаѳемы сдѣлать это раньше. Бумага содержала отлученіе отъ церкви Болоньи. Альбергати исполнилъ приказаніе папы, что вызвало цѣлый рядъ покушеній на его жизнь, такъ что онъ переодѣтымъ принужденъ былъ бѣжать во Флоренцію. Въ награду за такой подвигъ папа возвелъ его въ санъ кардинала и нѣсколько разъ давалъ дипломатическія порученія. Въ душѣ Альбергати еще жила любовь къ Болоньѣ, и по возвращеніи изъ одного посольства онъ остановился отдохнуть въ родномъ городѣ; но въ это время тамъ началось новое возстаніе, и онъ долженъ былъ еще разъ тайкомъ, переодѣвшись, бѣжать оттуда вмѣстѣ съ легатомъ Кондульмьери. Болонья была усмирена, и Мартинъ V нашелъ возможнымъ послать туда своимъ намѣстникомъ прежняго защитника ея вольностей. Разсчетъ папы былъ вѣренъ: Альбергати остался папистомъ даже тогда, когда его сотоварищи въ Базелѣ стремились сузить прерогативы Христова намѣстника. За это онъ получилъ неслыханную почесть, самъ папа присутствовалъ на его похоронахъ. Но, несмотря на монашескій характеръ и средневѣковыя наклонности, Альбергати сочувствовалъ гуманистическому движенію. Прежде всего онъ былъ меценатъ. Его благодѣяніями пользовался Поджіо; въ его домѣ жилъ Эней Сильвій, онъ покровительствовалъ Филельфо и въ особенности ему многимъ былъ обязанъ Томасъ да Сарцано, будущій Николай V. Вообще всякій, кто посвящалъ себя такимъ занятіямъ, находилъ въ немъ поддержку, и всякаго гуманиста онъ готовъ былъ рекомендовать или папѣ, или какому - нибудь князю. Но, кромѣ того, онъ и самъ изучалъ древнюю литературу и достигъ, такъ сказать, первой степени гуманистическаго званія: умѣлъ писать хорошимъ языкомъ письма и произносить изящныя въ тогдашнемъ духѣ рѣчи. Тѣмъ не менѣе въ его поведеніи и дѣятельности незамѣтно ни малѣйшаго слѣда гуманистическаго настроенія. Такъ любителей древности было не мало въ эту эпоху: античная литература и классическіе языки были для нихъ совершенно внѣшней страстью, вродѣ любви къ лошадямъ, къ собакамъ, къ птицамъ и разныхъ видовъ коллекціонерства. Скупая рукописи, составляя библіотеки, они были только библіофилами и самое большее знатоками-антикваріями: ихъ значеніе заключалось во внѣшнихъ, формальныхъ заслугахъ для науки и въ матеріальной поддержкѣ болѣе глубокихъ представителей новаго движенія. Это была та часть толпы, которая только апплодировала и платила гуманистамъ, оставаясь совершенно чуждой ихъ критической и органической работѣ. Противоположность античнаго міросозерцанія ихъ собственнымъ воззрѣніямъ не производила на нихъ никакого впечатлѣнія: они ея даже не замѣчали. Таковъ былъ и Альбергати. Его сочиненія, незначительныя и оставшіяся неизданными, распадаются на двѣ категоріи: одни гуманистическаго характера—письма и рѣчи, которыя онъ произносилъ при своихъ многочисленныхъ дипломатическихъ миссіяхъ; другія—шаблонно-церковныя проповѣди и трактатъ «о неизвинительной не-

годности грѣшника» (De inexcusabili peccatoris nequitia). Въ Альбергати любитель древности нисколько не потревожилъ средневѣковаго человѣка.

Гораздо глубже захватилъ гуманистическій духъ кардинала ди Фермо. Отличительную черту его характера составляетъ индивидуализмъ, которымъ проникнуты всѣ его дѣйствія. Капраника прежде всего и главнымъ образомъ карьеристъ и весьма ловкій. Подобно большинству гуманистовъ, онъ вышелъ изъ толпы и пробился впередъ чрезвычайно быстро: 23 лѣтъ отъ роду онъ былъ уже кардиналомъ, пройдя предварительно должность клирика апостольской камеры и потомъ папскаго секретаря, легата во Фламиніи и правителя герцогства Сполето. Но, вслѣдствіе упомянутаго выше распоряженія Мартина V, онъ не былъ утвержденъ въ своемъ послѣднемъ высокомъ званіи, и сотоварищи послѣ смерти папы не допустили его въ конклавъ. Евгеній IV отнесся къ нему также настолько недружелюбно, что онъ долженъ былъ спасаться бѣгствомъ. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ примириться съ папой, онъ рѣшился перейти на сторону «Базельцевъ» и подалъ имъ жалобу на папу, на что Евгеній отвѣтилъ конфискаціей его имущества. На соборѣ онъ быстро добился извѣстнаго вліянія и былъ утвержденъ въ кардинальскомъ званіи. Только въ этомъ онъ и нуждался. Равнодушный къ борьбѣ двухъ принциповъ, происходившей тогда въ католической церкви, онъ вступаетъ въ переговоры съ Евгеніемъ IV въ тотъ моментъ, когда папа находился въ затруднительномъ положеніи, добивается отъ него признанія своего сана и возвращенія имущества и, оставивши соборъ, предается вдали отъ куріи, гдѣ не разсчитывалъ имѣть вліянія, тому «досугу и покою», къ которому всегда стремились гуманисты. Позже онъ снова примирился съ папою, игралъ роль при его дворѣ и занималъ важныя должности въ куріи.

Индивидуализмъ Капраники проявился и въ его разносторонности. Это натура живая и дѣятельная, и притомъ ко всему, что ему приходится дѣлать, онъ относился съ большимъ интересомъ. Въ Римѣ онъ держитъ гуманистическій салонъ; поставленный папою во главѣ войска противъ Сфорцы, принимаетъ непосредственное участіе въ битвѣ, дерется вмѣстѣ съ солдатами; въ Перуджіи, гдѣ нѣтъ гуманистовъ, онъ собираетъ вокругъ себя юристовъ и устраиваетъ юридическіе диспуты. Его связь съ гуманистами очень близкая и тѣсная: его двери были всегда для нихъ открыты и съ однимъ изъ нихъ, съ Филельфо, онъ велъ дружественную переписку и послѣ собралъ и издалъ свои письма къ нему. Трактатовъ въ гуманистическомъ духѣ онъ не писалъ; кромѣ писемъ, извѣстна только его рѣчь къ Альфонсу, произнесенная при дипломатической миссіи. Но гуманистическій духъ проявляется въ его настроеніи и нравахъ. Веспасіано превозноситъ его благочестіе: онъ и смиреніемъ отличался, и спалъ одѣтый, и носилъ жесткую рубашку; Ольдоини добавляетъ, что въ его домъ никогда не проникала женщина и что онъ прогналъ одного слугу за то, что тотъ однажды не ночевалъ дома, и не хотѣлъ принять его обратно, несмотря ни на какія заступничества. Даже болѣе того, его благочестивая ревность простиралась

до того, что въ Перуджіи онъ сжегъ весьма многихъ колдуновъ и одну колдунью. Но съ этой святостью не вяжется цѣлый рядъ фактовъ, которые сообщаютъ тѣ же писатели: усердный сторонникъ Евгенія IV, съ оружіемъ въ рукахъ защищавшій его дѣло, жаловался собору на папу изъ-за кардинальской шляпы; суровый ригористъ по отношенію къ слугѣ, можетъ быть, неповинному, принималъ у себя Поджіо и былъ другъ такого несомнѣннаго грѣшника, какъ Филельфо; смиренный монахъ страдалъ гордостью; онъ не любилъ роскоши, написалъ трактатъ de Contemptu mundi и построилъ себѣ великолѣпныя палаты; былъ чуждъ честолюбію, а отчаянную борьбу съ папой закончилъ тріумфальнымъ въѣздомъ во Флоренцію. Другой современникъ, орденскій посолъ, дополняетъ нѣсколько его нравственную физіономію, сообщая, что кардиналъ очень любилъ подарки и приношенія за свои ходатайства у папы. Эти противорѣчивые факты находятъ свое объясненіе въ лицемѣріи, противъ котораго ратовали гуманисты и которымъ они сами страдали. Этотъ порокъ естественно вытекалъ изъ противоположности новаго настроенія съ его средневѣковой обстановкой, и проявлялся съ тѣмъ большею рѣзкостью, чѣмъ ближе стоялъ гуманистъ къ аскетической церкви. Капраника примѣнялся къ обстоятельствамъ: при Евгеніи IV, примирившись съ папой, онъ жегъ колдуновъ; при Николаѣ V, ближе сошелся съ гуманистами. Онъ былъ кардиналомъ и для своей паствы написалъ на итальянскомъ языкѣ сочиненіе «объ искусствѣ благочестиво умирать во Христѣ» (*De arte pie in Christo moriendi*); мѣтилъ въ папы и составилъ «Введеніе къ управленію папствомъ» (*Introductorium de Pontificatu regendo*). Все было разсчитано весьма хорошо: при Николаѣ V онъ былъ сдѣланъ «великимъ пенитенціаріемъ», достигъ первой должности по авторитету послѣ папы; по увѣренію современника, онъ получилъ бы и тіару, если бы кардиналы не желали имѣть папою старика, и въ этомъ званіи пользовался бы почетомъ и за личныя свойства, потому что незнавшіе близко кардинала были увѣрены, что онъ по опыту знаетъ, какъ нужно умирать во Христѣ. Между тѣмъ, Капраника оставался въ душѣ истымъ гуманистомъ и завѣщалъ свои книги и свои палаты подъ библіотеку, а не въ монастырь. Эта вторая категорія гуманистовъ, безмолвныхъ по внутреннимъ или внѣшнимъ причинамъ, усвоившихъ ихъ вкусы и наклонности и въ большей или меньшей степени ихъ міросозерцаніе, играла двоякую роль въ движеніи: уничтожала препятствія для гуманизма, подрывая духовную, нравственную основу папскаго католицизма, и служила проводникомъ въ болѣе широкія сферы жизни новаго настроенія и новыхъ идей. Лицемѣріе не уничтожало этихъ результатовъ: лицемѣрить не всякій умѣлъ, а нѣкоторые и не хотѣли или не имѣли для этого особенно важныхъ основаній; а кромѣ того, проявляясь преимущественно въ средѣ духовенства и монашества, этотъ порокъ только тѣмъ сильнѣе вредилъ церковному авторитету. Этотъ типъ былъ очень распространенъ, и къ этой категоріи принадлежало болѣе талантливыхъ людей, чѣмъ къ предшествующей.

Болѣе рѣдкое и даже почти исключительное въ эту эпоху явленіе пред-

ставляетъ такой гуманистъ, какъ кардиналъ Юліанъ Чезарини. Чезарини обладалъ натурою, весьма богато одаренною и въ умственномъ и въ нравственномъ отношеніи, причемъ его нравственныя свойства отличались большею глубиной, чѣмъ пониманіе условій и положенія той среды, въ которой приходилось ему дѣйствовать. Юристъ по образованію, одно время профессоръ Падуанскаго университета и учитель Капраники, потомъ куріальный чиновникъ и довольно поздно кардиналъ, Чезарини съ раннихъ лѣтъ изучалъ древность и настолько зналъ латинскій языкъ, что могъ свободно писать не только прозою, но и стихами. Изъ гуманистическихъ занятій онъ вынесъ два результата, общіе всѣмъ представителямъ этого движенія: глубокое сознаніе недостатковъ современности и необходимости реформы съ одной стороны и не менѣе глубокую вѣру въ возможность произвести ее путемъ внутренняго усовершенствованія, т.-е. индивидуалистическое воззрѣніе на способности и силы человѣческой природы. Но онъ расходился съ гуманистами и въ воззрѣніи на характеръ реформы и въ способахъ и характерѣ внутренняго, индивидуальнаго улучшенія: онъ сохранилъ глубокую и искреннюю вѣру и въ святость католической церкви и въ спасительность тѣхъ путей къ совершенству, которые указывало средневѣковое христіанство. Его нравственные идеалы находились не въ античномъ мірѣ, а въ истинномъ христіанствѣ, какъ онъ его понималъ, т.-е. въ монашескихъ лишеніяхъ по отношенію къ себѣ и въ подвигахъ дѣятельной любви по отношенію къ ближнему. Это былъ аскетъ, старавшійся усвоить всѣ христіанскія добродѣтели и посвятившій всю свою жизнь на служеніе церкви. Съ самой ранней юности Чезарини обнаружилъ любовь къ знанію и недюжинную энергію и самообладаніе. Его отецъ, совершенный бѣднякъ, отправивши сына учиться въ Перуджію, не могъ оказывать ему никакой поддержки, такъ что онъ добывалъ себѣ скудное пропитаніе уроками въ домѣ Буонтемпи. Въ это время на него обратилъ вниманіе Биндаччіо де-Риказоли, намѣстникъ въ Перуджіи кондатьера Браччіо и въ новомъ духѣ образованный пріятель гуманистовъ. Чезарини, изучавшій не только право, писалъ для него латинскіе стихи, но получалъ за это не особенно щедрое вознагражденіе. Ему приходилось не только самому списывать книги, нужныя для обученія, но и терпѣть нужду въ самомъ необходимомъ. У него не хватало денегъ, чтобы купить свѣчей для ночной работы, и онъ, посѣщая по вечерамъ своего благодѣтеля, собиралъ тамъ стекавшее со свѣчей сало и такимъ образомъ устраивалъ себѣ освѣщеніе. Добившись ученыхъ степеней, онъ близко сошелся съ кардиналомъ Брандой, и это знакомство открыло ему путь къ широкой церковной дѣятельности. Сдѣлавшись монахомъ и потомъ кардиналомъ, онъ направилъ всѣ свои силы на достиженіе того идеала, который выставило христіанство для этого званія. Написанная Бистичи біографія, одна изъ самыхъ лучшихъ въ его книгѣ, наполнена разсказами объ его добродѣтеляхъ, и на этотъ разъ нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ ихъ вѣрности. Чезарини долго жилъ во Флоренціи и Веспасіано его зналъ близко

и хорошо. Въ личной жизни кардиналъ свято выполнялъ монашескій обѣтъ и неуклонно стремился къ христіанскому совершенству: помогалъ всякому нуждающемуся, посѣщалъ больныхъ, обращалъ невѣрныхъ и всѣми средствами поддерживалъ благочестіе. Его щедрость не знала предѣловъ; Веспасіано говоритъ, что онъ давалъ больше, чѣмъ могъ, и дѣйствительно, Чезарини жертвовалъ даже своими книгами и считался бѣднякомъ въ куріи. Въ лѣтнее время, когда больныхъ въ городѣ было особенно много, онъ два раза въ день выходилъ изъ дому, чтобы выполнить заповѣдь Христову, и при этомъ посѣщалъ людей всякаго званія, и Лоренцо Медичи, и какого-то конюха. Свои пастырскія обязанности по отношенію къ церкви онъ исполнялъ съ большимъ усердіемъ и старался поддерживать благочестивое настроеніе въ вѣрующихъ, привлекая достойныхъ людей въ духовное званіе, и обращать, если можно, невѣрныхъ. Узнавши, что во Флоренціи существуетъ кружокъ, который собирается каждую субботу для благочестивыхъ упражненій, Чезарини принялъ въ немъ живое личное участіе. Обративши вниманіе на Бистичи, онъ предложилъ ему сдѣлаться священникомъ; но когда тотъ послѣ 15-дневнаго размышленія отказался отъ этого предложенія, отношеніе къ нему кардинала не измѣнилось.

Гораздо удачнѣе была его миссіонерская дѣятельность. Во Флоренціи былъ одинъ испанскій еврей, извѣстный врачъ и знатокъ своей религіи. Чезарини долго старался склонить его къ христіанству, и когда, наконецъ, убѣдилъ, то съ большой торжественностью самъ совершилъ крещеніе.

Но служеніе церкви кардинала Чезарини не ограничивалось узкою сферой частной, личной дѣятельности. Онъ принималъ самое живое участіе во всѣхъ крупныхъ событіяхъ тогдашней церковной жизни и всегда и во всемъ оставался вѣренъ себѣ. Съ необычайнымъ рвеніемъ борется онъ и словомъ и оружіемъ противъ гусситства, столь опаснаго для церкви, но вполнѣ безуспѣшно, потерпѣвъ сильное пораженіе. Внутренняя реформа церкви точно также предметъ самаго живого для него интереса; къ соборной реформѣ онъ относится въ началѣ съ полнымъ довѣріемъ, хлопочетъ о созваніи собора, старается сломить упорство Евгенія IV, готовъ порвать съ папой, принимаетъ предсѣдательство на соборѣ; но убѣдившись въ несостоятельности самихъ реформаторовъ, увидавши, что эта попытка можетъ повести только къ новой схизмѣ, онъ оставляетъ Базель. Зашла рѣчь о соединеніи церквей, и Чезарини является однимъ изъ главныхъ дѣятелей неудавшейся уніи. Онъ отправленъ легатомъ въ Константинополь, принимаетъ участіе въ литературной полемикѣ и является однимъ изъ главныхъ ораторовъ на соборѣ. Въ устройствѣ крестоваго похода противъ турокъ ему принадлежитъ выдающаяся роль. О поведеніи кардинала во время самаго похода Веспасіано слышалъ отъ его окружающихъ характерныя подробности. Отправляясь легатомъ въ войско Владислава, Чезарини чувствовалъ себя, какъ самый благочестивый крестоносецъ XI вѣка, и готовился отдать жизнь за святое дѣло. Дорогою и въ лагерѣ онъ произноситъ многочисленныя проповѣди; передъ выступленіемъ противъ

врага онъ всегда сначала проповѣдуетъ, потомъ служитъ мессу; впереди войска всегда несли Христово тѣло и въ походѣ самъ кардиналъ часто и подолгу шелъ пѣшкомъ. Такими средствами Чезарини удалось значительно поднять религіозное настроеніе въ войскѣ, и Веспасіано разсказывали, что лагерь по своимъ нравамъ напоминалъ благочестивый монастырь. Передъ роковой битвой при Варнѣ кардиналъ сдѣлалъ предсмертныя распоряженія, произнесъ поученіе своимъ окружающимъ, трогательно простился съ ними и, оставивши ихъ позади войска, вмѣшался въ ряды сражающихся и пожертвовалъ жизнью въ борьбѣ съ невѣрными.

Но несмотря на средневѣковое направленіе своей дѣятельности и на средневѣковой характеръ своихъ идеаловъ, Чезарини былъ чуждъ узкой односторонности и монашеской исключительности. Правда, онъ принималъ мѣры, чтобы его окружающіе исполняли религіозные обряды, но онъ заботился объ ихъ земномъ благополучіи и не преслѣдовалъ за уклоненія отъ требованій формальнаго благочестія. Такое же настроеніе проявляется въ его отношеніи къ гуманизму и къ гуманистамъ. Онъ терпимо относился къ ихъ недостаткамъ и сочувственно къ самому движенію, потому что ждалъ и отъ него улучшенія непригладной современности, хотя эти чаянія были довольно неопредѣленны. Слѣдующій эпизодъ, разсказанный Веспасіано, весьма ясно рисуетъ не только отношеніе Чезарини къ гуманизму, но и вообще его духовный обликъ. Зайдя однажды въ комнату одного изъ своихъ секретарей, онъ засталъ его за чтеніемъ Гермафродита Бекаделли. Эта книга до такой степени непристойнаго содержанія, что даже авторъ весьма безцеремонныхъ «Шутокъ» (Facetiae) Поджіо, напоминалъ Бекаделли о приличіяхъ, а Евгеній IV запретилъ ее читать подъ страхомъ отлученія. Совершенно естественно, что застигнутый чиновникъ сконфузился и бросилъ ее позади себя въ ящикъ; тѣмъ не менѣе кардиналъ замѣтилъ его движеніе, пошутилъ по этому поводу, такъ какъ «обладалъ веселою натурой» (era molto allegro di sua natura); затѣмъ «сдѣлалъ ему скромный выговоръ (lo represe modestamente), сказавши, что нехорошо читать книгу, зная, что существуетъ папское отлученіе для того, кто ее читаетъ» и разорвалъ рукопись. Но потомъ «смѣясь» Чезарини сказалъ своему секретарю, что книга не была бы разорвана, еслибъ онъ сумѣлъ надлежащимъ образомъ отвѣтить: «Ты долженъ былъ бы мнѣ дать такой отвѣтъ,—я искалъ въ кучѣ навоза драгоцѣннаго камня». Въ чемъ заключался этотъ драгоцѣнный камень, кардиналъ и самъ не сумѣлъ бы сказать, не знали этого и настоящіе гуманисты.

Веспасіано замѣчаетъ, что церковь уже 500 лѣтъ не имѣла такого человѣка, и ошибается только на столѣтіе. Дѣйствительно, по своимъ безкорыстнымъ стремленіямъ къ благу церкви, Чезарини напоминаетъ реформаторовъ XI вѣка и представляетъ поэтому глубоко драматическую фигуру, какъ и всѣ католическіе реформаторы этой эпохи. Веселый аскетъ, который разрываетъ скабрезную книгу, потому что папа запретилъ ее читать, и въ то же время не только не исполняетъ папскаго постановленія, но и

считаетъ при извѣстныхъ условіяхъ позволительнымъ читать ее, несмотря на отлученіе, представляетъ изъ себя сплошной рядъ непримиримыхъ противорѣчій. Кромѣ того, этотъ монахъ очень заинтересованъ окружающимъ его міромъ и хорошо понимаетъ житейскія отношенія. Поджіо описываетъ внѣшнія событія только въ письмахъ къ Чезарини. Чезарини, несмотря на свое увлеченіе, рано понялъ безсиліе собора произвести желательную реформу, а когда былъ избранъ Феликсъ V (Амедей, герцогъ Савойскій), одинъ только онъ явно видѣлъ безопасность этого антипапы и успокоилъ испуганнаго папу и святую коллегію чисто-практическими соображеніями. «Если я не ошибаюсь, святой отецъ,—говорилъ онъ въ консисторіи,—три обстоятельства дѣлаютъ Феликса страшнымъ для тебя противникомъ: его связь съ свѣтскими государями, мудрость, которою онъ славится, и «огромная сила денегъ, которыя, какъ думаютъ, онъ скопилъ въ теченіе столькихъ лѣтъ мирнаго царствованія... Братья мои, говорившіе раньше меня, черезъ мѣру преувеличили все это. Его богатство сомнительно, его мудрость недоказана: онъ счастливо царствовалъ, потому что во Франціи была въ это время война, въ Италіи раздоры, а «мы приписываемъ человѣку то, что принадлежитъ времени». Точно также не страшны его связи. «Государи будутъ осмѣивать, а не почитать человѣка, покинувшаго свѣтскую власть ради церковной, будутъ считать его «мужемъ крови», который, участвовавши въ войнахъ, недостоинъ священства; скажутъ: въ міру имѣлъ жену, породилъ дѣтей, а теперь осмѣливается приносить святѣйшую жертву Христа. Будутъ завидовать, злословить и никто не будетъ любить. Любовь рѣдка между князьями міра и никогда не находится такого родства, которое устраняло бы зависть. Амедей никогда не помогалъ находившимся въ затрудненіи родственникамъ и оставилъ во время войны бургундцевъ и французовъ; какимъ себя показалъ къ друзьямъ, такими же найдетъ и ихъ: будутъ радоваться, что пришло время, когда можно заплатить ему тѣмъ же. Не сомнѣвайся, онъ будетъ покинутъ и будетъ имѣть только купленныхъ союзниковъ».

Пониманіе среды не облегчало положенія Чезарини; онъ не могъ высоко ставить гуманистовъ, которые передъ нимъ не скрывались; съ другой стороны, онъ не питалъ высокаго уваженія и къ сотоварищамъ-прелатамъ, какъ это показываетъ его отношеніе къ аристократическому Базельскому собору. Кромѣ того, въ приведенной рѣчи есть характерное замѣчаніе насчетъ окружающихъ обыкновенно папу прелатовъ: «Нѣтъ ничего,—говорилъ Чезарини,—для насъ полезнѣе, какъ то, если нашъ противникъ считается богатымъ: всѣ будутъ просить денегъ и не получившіе уйдутъ отъ него врагами». Окружающіе его прелаты платили ему за это пониманіе ихъ нерасположеніемъ и потому, хотя его покровитель, кардиналъ Бранда, считалъ его способнымъ возсоздать вновь церковь, онъ въ куріи не занималъ виднаго мѣста и при дворѣ Евгенія IV было много болѣе его вліятельныхъ кардиналовъ. Что касается до гуманистовъ, то они не особенно уважали бѣднаго кардинала, потому что не ожидали отъ него милостей, мало его

боялись, потому что онъ не имѣлъ большого вліянія и былъ чуждъ интриги, и совсѣмъ его не понимали, потому что его стремленія были имъ совершенно недоступны. Похвалы ему слышатся рѣдко изъ этого лагеря, а посвященныхъ ему сочиненій и совсѣмъ не встрѣчается. Особенно ярко проявляется такое отношеніе у Поджіо, который ближе другихъ стоялъ къ куріи и лучше другихъ зналъ кардинала. Стремленіямъ Чезарини Поджіо не сочувствуетъ. Раньше, когда кардиналъ еще не проявлялъ своей дѣятельности, онъ въ письмѣ къ другу осыпаетъ его похвалами, какъ блестящее исключеніе среди духовенства; но когда онъ потерпѣлъ пораженіе отъ гусситовъ, Поджіо послалъ ему шутливо-насмѣшливое письмо. Чезарини постарался отвѣтить въ такомъ же тонѣ, но ему не удалось скрыть, что шутки въ данномъ случаѣ неумѣстны; тогда Поджіо отправилъ ему новое и въ высшей степени саркастическое посланіе. Реформаціонныя попытки кардинала встрѣчали еще болѣе враждебное отношеніе со стороны гуманиста. Поджіо искренно ненавидѣлъ соборы, потому что его интересы, какъ папскаго чиновника, совпадали съ общею тогда боязнью новой схизмы и съ полупрезрительнымъ отношеніемъ ко всей совокупности тогдашнихъ отцовъ западной церкви. Въ письмѣ къ Чезарини онъ не только не скрывалъ этихъ чувствъ, а наоборотъ, подчеркивалъ ихъ и выражалъ ихъ въ обидной для кардинала формѣ. Уже въ томъ письмѣ, гдѣ онъ осмѣиваетъ неудачу въ борьбѣ противъ гусситовъ, встрѣчается такая выходка: «Я слышу, что ты созвалъ людей на соборъ и что многіе пришли. Хвалю твое благоразуміе: послѣ того, какъ оружіе не имѣло успѣха, ты прибѣгаешь къ совѣтамъ священниковъ, на которыхъ слѣдуетъ возложить великую надежду вслѣдствіе безукоризненности ихъ жизни и желанія истребить эту чуму... Смотри, какъ бы и на соборѣ съ тобой не случилось того же самаго и припомни, что я говорилъ тебѣ передъ твоимъ отправленіемъ». Этотъ покровительственно-снисходительный тонъ принимаетъ болѣе враждебный характеръ, когда Чезарини, вопреки желанію Евгенія IV, сталъ настаивать на томъ, чтобы Базель былъ избранъ мѣстопребываніемъ предстоящаго собора. Тогда Поджіо написалъ ему длинное письмо, одно изъ наиболѣе характерныхъ въ его перепискѣ. Оно не было отправлено по адресу и ходило по рукамъ. По своему характеру, это былъ суррогатъ журнальной статьи, которая имѣла двоякую цѣль: пригрозить кардиналу и подготовить общественное мнѣніе къ возможной *инвективѣ*. На характеръ Чезарини уже набрасывается тѣнь, хотя осторожно, съ оговорками и даже съ похвалами. Поджіо не нападаетъ еще открыто; но въ письмѣ встрѣчаются разсужденія вродѣ слѣдующаго: «Ты настаиваешь и всѣми силами стараешься, чтобы соборъ былъ въ Базелѣ», но папа этого не желаетъ. «Если апостолъ желалъ, чтобы мы подчинялись даже строптивымъ господамъ, то насколько болѣе слѣдуетъ подчиняться намѣстнику Христа? Кажется, что презирать его порученія свойственно дерзкому человѣку, противорѣчить его предписаніямъ—гордому, а порицать его декреты—признакъ глупца». Это былъ настоящій планъ для будущей инвективы. Но до этого

дѣло не дошло. Поджіо написалъ другое письмо Чезарини, въ которомъ въ яркихъ чертахъ изображаетъ бѣдствія Италіи и обвиняетъ за нихъ, между прочимъ, кардинала. Письмо разсчитано на то, чтобы тронуть и убѣдить адресата, который и безъ Поджіо понялъ безплодность своихъ стараній и вернулся къ Евгенію IV. Но эта рѣзкость тона не измѣнила, повидимому, отношеній Чезарини къ Поджіо. По крайней мѣрѣ, позже этотъ послѣдній извѣщаетъ кардинала о своей женитьбѣ самымъ дружественнымъ тономъ и, мотивируя свое нежеланіе поступить въ духовное званіе, рѣзко смѣется надъ почестями, которыя даются церковнымъ сановникамъ. Терпимость кардинала къ гуманистамъ не ограничивалась ихъ литературными произведеніями.

Не находя сочувствія въ окружающей средѣ, Чезарини не видѣлъ хорошихъ результатовъ и отъ своей общественно-церковной дѣятельности. Служенію церкви онъ отдалъ не только свое перо, но и всѣ силы, ей пожертвовалъ онъ самою жизнью. Но всѣ его стремленія оканчивались въ высшей степени неудачно: противъ гусситовъ онъ потерпѣлъ пораженіе; не менѣе сильное нравственное пораженіе нанесла ему неудача соборной реформы, и только трагическая смерть избавила его отъ несчастія убѣдиться въ безплодности флорентійской уніи и борьбы противъ турокъ и увидать, что результаты трудовъ на пользу церкви сводятся къ крещенію одного еврея.

Таковъ былъ составъ святой коллегіи при Мартинѣ V. Ея умственныя силы далеко не были значительны. Наиболѣе крупные ея члены только выступали на сцену, не успѣли еще проявить свои способности. Кромѣ того, деспотизмъ Мартина V принижалъ кардиналовъ: переходъ отъ своеволія въ эпоху схизмы и сознанія своего значенія на соборѣ къ безусловной покорности волѣ папы былъ весьма рѣзокъ. Кардиналы смирились и молчали, что дѣлало ихъ еще болѣе незначительными. Казалось, святая коллегія была наполнена бездарностями. «Я никогда не повѣрилъ бы,—пишетъ въ 1425 году Поджіо,—чтобы такая глупость была въ тѣхъ, которые управляютъ дѣлами; я вижу, что у нихъ нѣтъ ни плана, ни соображенія, ни о чемъ они не стараются, кромѣ добычи да наживы, и даже среди величайшихъ затрудненій не воздерживаются отъ этого». При умственной безцвѣтности тѣмъ рѣзче бросались въ глаза нравственные недостатки святой коллегіи.

Нравственный уровень кардиналовъ, унаслѣдованныхъ Мартиномъ V, былъ весьма невысокъ. Поведеніе отцовъ Констанцскаго собора даже на нетребовательныхъ гуманистовъ производило впечатлѣніе. Папскій секретарь Чинчіо Романо перевелъ въ Констанцѣ изъ Аристида рѣчь Вакха, въ коротенькомъ предисловіи къ которой между прочимъ говоритъ, что ему пришло въ голову сдѣлать этотъ переводъ именно во время пребыванія въ этомъ городѣ: «кажется, что ничто такъ не приличествуетъ тому мѣсту, гдѣ всѣ устраиваютъ вакханаліи почти по варварскому обычаю, какъ истолковать Вакха на латинскомъ языкѣ». Констанцскій соборъ много облег-

чилъ Поджіо его позднѣйшую борьбу противъ базельцевъ, потому что съ этихъ поръ онъ сталъ искренно презирать пурпурныхъ реформаторовъ. Въ отвѣтъ на письмо Никколи, осыпавшаго похвалами Чезарини, Поджіо, соглашаясь съ нимъ, замѣчалъ относительно этого кардинала: «Рѣдкая птица на землѣ и болѣе всего похожая на чернаго лебедя. Ты видишь, какъ свято, какъ разумно, какъ честно живутъ другія лица того же званія за немногими исключеніями. Simulacra gentium argentum et aurum, преданы желудку и сну и до такой степени кичатся пышностью и гордостью, что убиваютъ того, кто не поклоняется образу животнаго. Наилучшія правила жизни они свели къ хвастовству словами и страхомъ, спѣсью, суевѣріемъ стараются достигнуть того, чего не заслуживаютъ религіей, правилами и святостью жизни. Они знаютъ только одно, что все могутъ, и все это ради насыщенія желудка и наживы, къ чему стремятся всѣ. Немногіе борются за евангеліе; наибольшая часть ради покоя и богатства». Письмо написано изъ Лондона подъ живымъ впечатлѣніемъ Констанцскаго собора; находясь на частной службѣ, Поджіо не имѣлъ основанія ни скрывать дѣйствительность, ни подкрашивать ее.

Характеристика гуманистовъ подтверждается распоряженіями Мартина V. Избранный папой, онъ издалъ цѣлый рядъ постановленій, направленныхъ на то, чтобы ограничить интриги кардиналовъ и ихъ взяточничество. «Они не должны принимать покровительства королей, князей, графовъ и другихъ свѣтскихъ лицъ и не пользоваться принятымъ, чтобы тѣмъ свободнѣе имѣть возможность помогать святѣйшему отцу въ совѣтахъ и другихъ дѣйствіяхъ». За покровительство какихъ бы то ни было религіозныхъ орденовъ или частныхъ лицъ они не должны брать денегъ, даже отъ тѣхъ, кто ихъ добровольно предлагаетъ. Ходатайства самому святѣйшему отцу они могутъ представлять только за бѣдныхъ, за свою особу, за родственниковъ, близкихъ людей или своихъ домашнихъ». Кромѣ того, Мартинъ V принимаетъ мѣры, чтобы принизить кардиналовъ и возвысить папскую власть, сократить ихъ пышность и спѣсь. Кардиналы, приходя во дворецъ, или посѣщая другъ друга, или отправляясь въ другое мѣсто, не должны приводить съ собой болѣе двадцати домашнихъ всадниковъ, клириковъ и свѣтскихъ изъ своей постоянной свиты (continuos commensales). Въ присутствіи папы они не должны носить мантіи поверхъ пурпуровой рясы». Мартинъ V не исправилъ ихъ нравственнаго поведенія, котораго нельзя религулировать внѣшними постановленіями, но и изъ принятыхъ имъ мѣръ только двѣ послѣднія не остались мертвою буквой. Кардиналы попрежнему жили весело и добывали деньги всяческими средствами. Вернувшійся въ курію Поджіо жалуется, что имъ «болѣе спускаютъ, чѣмъ слѣдуетъ» и что ихъ нельзя даже заподозрить въ исполненіи заповѣдей Божіихъ: полагаться на такихъ кормчихъ—это значитъ навѣрное потерпѣть крушеніе. Когда у Франческо Барбаро началась тяжба при куріи, Поджіо пишетъ ему: «присылай намъ свои доказательства (quo jure causam tuearis), а также денегъ—важнѣйшее и главное основаніе процесса, потому что право безъ денегъ

считается несправедливостью». Такія показанія куріальнаго чиновника заставляютъ отнестись съ полнымъ довѣріемъ къ другому свидѣтелю-очевидцу, которому самому приходилось давать взятки. Посолъ нѣмецкаго ордена при папской куріи пишетъ своему начальству: «Присылайте денегъ, потому что при здѣшнемъ дворѣ съ послѣднимъ пфенигомъ наступаетъ конецъ всякой дружбѣ... кто больше даетъ, тотъ правѣе,—таковъ здѣсь общій ходъ дѣлъ». Кардиналы не уступаютъ другимъ въ этомъ отношеніи: они берутъ не только деньгами, но и натурой. «У меня есть еще четыре кожаныхъ подстилки,—пишетъ тотъ же посланникъ,—6 паръ замшевыхъ панталонъ и 18 паръ перчатокъ; но всего этого недостаточно для кардиналовъ; а пушныхъ таваровъ, которые они очень любятъ, я совсѣмъ не получилъ».

Эти князья церкви, бездарные и порочные, блѣднѣвшіе передъ папой, тоже не особенно добродѣтельнымъ, и кичившіеся передъ остальными смертными, производили на гуманистовъ деморализующее впечатлѣніе. Съ ихъ индивидуалистической точки зрѣнія общественное положеніе человѣка должно опредѣляться его личными свойствами; въ противномъ случаѣ они не только считаютъ нарушенной справедливость, но и въ глубинѣ души презираютъ высокопоставленныхъ не по заслугамъ лицъ. Кардиналы не выдерживали никакой критики съ этой точки зрѣнія, и Поджіо съ нескрываемымъ отвращеніемъ называетъ ихъ «сатрапами».

Церковь, которая должна служить основаніемъ нравственности и образцомъ справедливости, являлась въ глазахъ гуманистовъ источникомъ неправды, средствомъ для невѣждъ и дураковъ достигать высокаго положенія. «Стремящіеся къ духовному званію, пишетъ Поджіо кардиналу Чезарини, достигаютъ величайшихъ почестей, такъ что весьма часто бываешь принужденъ уважать и почитать какъ какого-то Бога того, кого презиралъ какъ человѣка безполезнаго, отверженнаго, неблагороднаго и грубаго. Тотъ, который только-что былъ грубъ, глупъ и невѣжественъ, по одному слову папы считается толпой ученымъ, мудрымъ, благороднымъ, хотя и мало измѣнилъ свою прежнюю натуру».

Но эта деморализующая, утратившая свою нравственную основу церковь, тѣмъ не менѣе остается силою. Гуманисты чувствовали это, хотя и не особенно вдумывались въ ея смыслъ. У нѣкоторыхъ изъ нихъ мелькаетъ по временамъ вопросъ: на чемъ основывается ея могущество? но они или ограничиваются констатированіемъ факта, какъ Бокачіо въ извѣстной новеллѣ о евреѣ, или ищутъ объясненія въ ея прежнихъ заслугахъ, какъ Никколи и Поджіо въ своей перепискѣ. Въ концѣ концовъ святая коллегія приводила третьяго наблюдателя къ тому заключенію, что церковь могучая сила, въ которой нравственность не играетъ никакой роли: Валла не былъ лишенъ наблюдательности.

По своему происхожденію, по общественному положенію и свойствамъ своихъ родственниковъ Валла не имѣлъ возможности стать въ особенно близкія отношенія къ членамъ святой коллегіи. Но онъ зналъ ихъ весьма хорошо: его отецъ и дѣдъ по матери были извѣстны кардиналу S. Eusta-

сiіi, который потомъ представилъ Валлу Мартину V. Его дядя былъ вхожъ къ Кондульмiери и представилъ своего племянника этому кардиналу, который похвалилъ его первое произведенiе. Но кромѣ личныхъ знакомствъ, далеко не близкихъ и случайныхъ, Валла имѣлъ другой источникъ, курiю, гдѣ знали всю подноготную каждаго кардинала. Непосредственно и чрезъ своихъ родственниковъ онъ имѣлъ самыя обширныя свѣдѣнiя о святой коллегiи и со всѣми коментарiями. Все, что было извѣстно Поджiо, доходило и до Валлы, но впечатлѣнiя получались не вполнѣ одинаковыя. Валла ясно видѣлъ, что церковь сила, съ которою необходимо считаться и которую весьма выгодно имѣть на своей сторонѣ. Съ ранней молодости онъ рѣшилъ поступить въ духовное званiе. Но съ другой стороны онъ усматривалъ въ церкви вопiющее противорѣчiе. Влiянiе церкви основывалось на нравственности; ея права вытекали изъ нравственнаго начала и въ немъ находили свое оправданiе. Могущество порочной церкви представлялось абсурдомъ; но этотъ абсурдъ былъ фактомъ и требовалъ объясненiя. Одно было несомнѣнно, что добродѣтель сама по себѣ не имѣетъ никакой силы, что она пустой звукъ, магическiй только для близорукой и невѣжественной толпы; все остальное подлежало критикѣ. Къ такому выводу и пришелъ Валла, какъ оказалось впослѣдствiи, и святая коллегiя не мало этому содѣйствовала.

Но рядомъ съ этой силой, старой, средневѣкой, при папскомъ дворѣ существовала другая, новая, которая съ полной ясностью проявилась въ другомъ слоѣ курiи, въ чиновномъ мiрѣ. Среди огромнаго количества папскихъ чиновниковъ выдающееся мѣсто при Мартинѣ V занимали шесть—Поджiо, Лоски, Чинчiо Романо, Монтепульчiано, Гаспарино да Барцица и де Ночето, изъ которыхъ первые пять занимали почетное и выгодное мѣсто апостольскаго секретаря.

Самымъ виднымъ изъ секретарей Мартина V и однимъ изъ наиболѣе характерныхъ представителей этой эпохи былъ Франческо Поджiо Брачiолини.

(*Окончанiе слѣдуетъ*).

Срочный вопросъ.

Въ указѣ о введеніи въ дѣйствіе новаго Положенія о земскихъ учрежденіяхъ 12 іюня 1890 г. сказано, что они образуются изъ лицъ, избираемыхъ плательщиками земскихъ налоговъ. И въ прежнемъ Положеніи 1864 года и въ новомъ 1890 г. эти учрежденія задуманы какъ нѣчто цѣльное, какъ одна система, какъ призваніе населеніе въ каждой губерніи и въ каждомъ уѣздѣ «къ ближайшему завѣдыванію дѣлами, относящимися до хозяйственныхъ ихъ пользъ и нуждъ». Самъ по себѣ уѣздъ есть единица слишкомъ крупная. Въ другихъ государствахъ первымъ основаніемъ самоуправленія является община, которой образованіе по началу всесословности еще невозможно у насъ по малой къ тому подготовкѣ наиболѣе многочисленной части населенія, а именно крестьянства, не обходящагося еще нынѣ безъ особаго правительственнаго о немъ попеченія. Вѣроятно, въ будущемъ будетъ подведенъ подъ общественное зданіе и этотъ фундаментъ. Опытъ показалъ, что и безъ него можно обходиться, что можетъ быть постройка, такъ сказать, на сваяхъ, но никогда еще не предполагалось, чтобы могли существовать уѣздныя земства безъ губернскаго или губернское безъ уѣздныхъ. Заводить губернское безъ уѣздныхъ значитъ почти то же, что ставить вмѣсто жилья одну крышу и затѣмъ утверждать, что она и есть обитаемое строеніе.

Земскія учрежденія изданы въ первый день 1864 г. въ моментъ наибольшаго разгара польскаго мятежа, вспыхнувшаго въ Царствѣ Польскомъ, но имѣвшаго отголоски во всѣхъ девяти губерніяхъ западной полосы Имперіи. Польскій мятежъ помѣшалъ введенію земскихъ учрежденій въ этой полосѣ въ теченіе трехъ слишкомъ десятилѣтій, вплоть до настоящаго времени. Земское самоуправленіе можетъ, конечно, функціонировать какъ слѣдуетъ только тамъ, гдѣ всѣ классы населенія уживаются и ладятъ, гдѣ они одинаково любятъ свою меньшую, нежели цѣлое государство родину, свою губернію, что они одинаково радѣютъ о благѣ своего края, не будучи отвлекаемы страстями и идеалами религіозными или національно-политическими. Условіемъ для введенія земскихъ учрежденій должно быть то, чтобы классы населенія были земски-ассимилированы,

чтобъ они были одинаково преданы и одинаково радѣли о своей землѣ. Нѣтъ собственно классовъ, о которыхъ можно бы сказать, что они никогда не ассимилируются, но одни поддаются скорѣе, а другіе—упорнѣе, например, евреи. Если такіе неподдающіеся элементы есть, то съ ними можно и не считаться; если ихъ немного, можно ихъ до поры до времени устранить отъ участія въ самоуправленіи, а все же придется уяснить себѣ вопросъ, образуется ли изъ остальныхъ классовъ населенія вещество способное образовать жизнеспособное земство, давать странѣ настоящихъ земцевъ, оживленныхъ земскимъ духомъ, способное извлекать изъ страны путемъ самообложенія наиболѣе обильныя средства и употреблять ихъ производительно съ наибольшею пользой для страны.

По невозможности введенія земскаго положенія въ западныя губерніи, правительство, не отступая отъ мысли опредѣлить не въ очень отдаленномъ будущемъ время и способъ введенія земствъ въ западной полосѣ, оставило въ этой странѣ дореформенные порядки. Оно не объединено, а раздроблено. Оно не находится въ рукахъ какого-либо одного и того же установленія. Разныя коллегіальныя административныя установленія завѣдуютъ самостоятельно отраслями хозяйствъ, которыя по земскому положенію состоятъ въ вѣдѣніи земствъ (народное продовольствіе, общественное призрѣніе, медицинская помощь, дорожная часть и проч.). Всѣ эти установленія дореформеннаго порядка имѣютъ слѣдующія общія черты. Губернскія состоятъ подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ начальниковъ по разнымъ вѣдомствамъ губернской администраціи, губернскаго предводителя дворянства и городского головы. Члены ихъ не получаютъ по земскимъ дѣламъ особаго содержанія, занимаются земскими дѣлами сверхъ своихъ прямыхъ обязанностей. Отношеніе каждой коллегіи къ своему дѣлу было собственно канцелярское, а не хозяйственное, и наблюденіе за ходомъ дѣла по бумагамъ, съ контролемъ только документальнымъ, а не фактическимъ. Еще менѣе удовлетворительны органы уѣздные того же хозяйства. По нѣкоторымъ установленіямъ въ зависимости отъ губернскихъ состояли уѣздные комитеты, но въ самомъ зачаточномъ состояніи, по другимъ исполненіе возлагалось прямо на полицію, на уѣздныя казначейства, въ послѣднее время на податныхъ инспекторовъ.

Недостатку отзывчивости со стороны чиновниковъ провинціальной администраціи на требованія жизни и нужды населенія законъ попытался помочь, предоставляя мѣстнымъ органамъ приглашать въ свою среду опытнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ обывателей въ качествѣ знатоковъ. Приказамъ общественныхъ призрѣній разрѣшено приглашать въ его засѣданіе уѣзднаго предводителя дворянства и городского голову (ст. 71 Устава общ. призр. въ т. XIII св. зак. гражд. 1892 г.), а министру внутреннихъ дѣлъ предоставлено вводить въ составъ приказовъ и заведеній лицъ, которыя по должностямъ своимъ или по собственному расположенію могутъ быть съ пользою употреблены по этой части (ст. 72).

Въ общія присутствія губернскихъ правленій по охраненію обществен-

наго здравія разрѣшено приглашать лицъ могущихъ быть полезными общему дѣлу своими познаніями и вліяніемъ (ст. 448, т. II Учрежд. губ. изд. 1892 г.). Въ уѣздные комитеты общественнаго здравія предложено привлекать всякаго рода лицъ, могущихъ быть полезными общему дѣлу своими познаніями и вліяніемъ, какъ-то: мѣстныхъ владѣльцевъ, духовныхъ лицъ разныхъ исповѣданій, врачей, арендаторовъ, управляющихъ имѣніями (ст. 609 въ Уст. мед. полиціи въ XIII т. св. зак.). Точно такимъ же образомъ губернатору предоставлено приглашать предводителей дворянства и почетныхъ дворянъ въ губернскія коммиссіи народнаго продовольствія (ст. 144 Уст. народн. прод. въ XIII т. св. зак.). Только по отношенію къ такимъ экспертамъ, приглашаемымъ въ комитетъ земскихъ повинностей, сказано было въ XIII т. св. зак. изд. 1857 г., что они приглашаются для свѣдѣній и указаній и голоса не подаютъ, изъ чего слѣдуетъ заключить, что въ засѣданіяхъ другихъ установленій они участвовали и въ рѣшеніяхъ. Ихъ уже вовсе нѣтъ въ нынѣшнемъ губернскомъ распорядительномъ комитетѣ, который при упраздненіи комитетовъ земскихъ повинностей былъ на ихъ мѣсто учрежденъ по закону 10 декабря 1874 г. Мѣстная администрація не часто и не въ должной степени пользовалась предоставленнымъ ей факультативно, но не обязательно, правомъ приглашать для содѣйствія ей лучшихъ и опытнѣйшихъ мѣстныхъ жителей.

Главное изъ установленій по земскимъ дѣламъ въ пореформированныхъ губерніяхъ—губернскій распорядительный комитетъ есть учрежденіе преимущественно финансовое. Они составляютъ по трехлѣтіямъ къ одному общему для всѣхъ неземскихъ губерній сроку смѣты земскихъ повинностей на три года впередъ. Послѣднія дѣйствующія смѣты были утверждены по 1 января 1899 года. По закону (83 ст. Устава зем. пов. въ IV т. св. зак. по прод. 1890 г.) никакіе на исполненіе земскихъ повинностей денежные сборы, въ смѣты и раскладки не внесенные и Высочайшею властью не утвержденные, не допускаются въ губерніи.

Мѣстное земское хозяйство въ неземскихъ губерніяхъ, которымъ предоставлено облагать себя земскими сборами, представляется въ видѣ весьма несовершенномъ и неудовлетворительномъ. Оно находится въ застоѣ и крайне неподвижно. И сборы и расходы утверждаются въ порядкѣ законодательномъ со всею медлительностью, свойственною веденію этого сложнаго дѣла въ средоточіи власти, съ разрѣшеніемъ только такихъ расходовъ, которые необходимы, безъ подраздѣленія ихъ на обязательные и необязательные, такъ что въ эту область не входитъ, напримѣръ, удовлетвореніе земскими средствами потребности народнаго образованія. Законодательная власть относитъ новые расходы на земскія средства только тогда, когда неудовлетвореніе потребности грозило бы неисправимымъ зломъ и допускаетъ изъятія только въ видѣ временныхъ мѣръ. Отчетность по расходованію возложена на казенныя палаты и казначейства. Расходованіе поручено не интересующимся земскимъ хозяйствомъ лицамъ. Оно въ дѣйствительности безконтрольно, такъ какъ контроль въ контрольныхъ па-

латахъ бываетъ только документальный, а матеріальный, фактическій немыслимъ. Заимствуемъ изъ дѣловой записки одного весьма компетентнаго знатока слѣдующее опредѣленіе недостатковъ организаціи теперешнихъ губернскихъ распорядительныхъ комитетовъ: «Двойственное подчиненіе его губернатору и казеннымъ палатамъ, съ неопредѣленною компетенціей, при полной безвластности; случайный его составъ изъ лицъ чуждыхъ земству; онъ не хозяинъ, а распорядительно-финансовый органъ». Что касается до уѣздовъ, то въ нихъ по одному только предмету общественнаго здравія имѣются особые комитеты. Ни въ чемъ не выражается нагляднѣе отсталость дореформенныхъ губерній сравнительно съ земскими, какъ въ лѣченіи, въ больницахъ и въ дѣлахъ благотворительности. Въ 9 западныхъ губерніяхъ одинъ служащій врачъ приходится на 83,000 населенія и получаетъ среднимъ числомъ 720 р. содержанія, между тѣмъ какъ въ земскихъ одинъ служащій врачъ приходится на 35,000 и среднее его содержаніе 1,230 р. Безплатная выдача лѣкарствъ въ 9 западныхъ губерніяхъ равняется 4,702 р. на губернію, а въ 34 земскихъ по 46,596 р. на губернію. Больницъ приказовъ общественнаго призрѣнія, сословныхъ и частныхъ какъ будто бы и больше числомъ (среднимъ числомъ на губернію западную неземскую 54, а на земскую—39), но призрѣваемыхъ въ неземскихъ губерніяхъ по 4,000 на губернію, а въ земскихъ по 38,000 человѣкъ.

Сопоставимъ обѣ системы земскаго хозяйства. Одна бюрократическая осталась такова, какою была лѣтъ 35 тому назадъ. Объ улучшеніи и даже объ упрощеніи ея никто не заботился, такъ какъ полагали, что она лишь временная, впредь до ея упраздненія, которое немедленно послѣдуетъ по повсемѣстномъ введеніи земскихъ учрежденій. Другая система—земская, входила въ жизнь, укоренялась и принесла плоды. Всѣ отрасли земскаго хозяйства специализировались въ ней, всѣ задачи этого хозяйства обозначились; онѣ сосредоточены въ однѣхъ рукахъ земскаго самоуправленія, за которымъ присматриваетъ центральная власть, но имъ не руководитъ, предоставляя провинціямъ справляться съ этими задачами на свой рискъ и отвѣтственность, между тѣмъ какъ въ неземскихъ губерніяхъ завѣдываніе безъ толку раздроблено между множествомъ установленій и одна и та же отрасль, напримѣръ, врачебное дѣло находится въ завѣдываніи разныхъ установленій, изъ которыхъ притомъ ни одно не относится къ земскому хозяйству какъ къ своему собственному дѣлу.

Нельзя однако не признать, что бюрократическая система имѣетъ одну несомнѣнную и крупную выгоду, непосредственно зависящую отъ самихъ ея недостатковъ и весьма ощутительную для населенія, которое не вкусило отъ плодовъ земскаго самоуправленія, а потому еще неспособно его какъ слѣдуетъ цѣнить. Выгода заключается въ относительной недороговизнѣ бюрократической системы. И сборовъ на земство взимается меньше и трудъ по завѣдыванію земскимъ дѣломъ возложенъ на чиновниковъ, которые по должностямъ своимъ получаютъ содержаніе. Главные расходы только кан-

целярскіе. На дореформенную губернію требуется среднимъ числомъ отъ 20 до 30 тысячъ на канцелярію, на содержаніе губернскихъ распорядительныхъ комитетовъ и усиленіе средствъ казначействъ, между тѣмъ какъ земскія губернскія и уѣздныя управы обходятся среднимъ числомъ въ 130,000 р. на губернію. Если сравнимъ годовые бюджеты неземскихъ западныхъ и земскихъ губерній, то окажется, что въ западныхъ за истекающее послѣднее трехлѣтіе (1896—1898 г.) расходуемо было на земское дѣло среднимъ числомъ 823,000 руб. въ годъ на губернію, а въ земскихъ— 1.665,000 р., значитъ, болѣе чѣмъ вдвое. Съ этимъ громаднымъ различіемъ въ расходахъ нельзя не считаться при соображеніяхъ о введеніи земской реформы въ губерніи, гдѣ она еще не введена. Конечно, болѣе интеллигентные и дальновидные люди, которые всегда въ меньшинствѣ, желаютъ и требуютъ ея введенія, само собою разумѣется, въ томъ видѣ, въ какомъ она уже испытана въ 34 губерніяхъ центральныхъ, то-есть безъ всякихъ сокращеній и урѣзокъ, которыя бы превратили земскія учрежденія въ одинъ заманчивый, но не реальный призракъ самоуправленія. Но для огромнѣйшаго и преобладающаго большинства населенія польза отъ земскихъ учрежденій еще только въ будущемъ, то-есть вдали, а вносить земскіе сборы приходится немедленно, то-есть платить въ два или въ два съ половиною раза больше того, что платимо было до настоящаго времени.

Разладъ между двумя противоположными системами земскаго хозяйства не можетъ безконечно продолжаться для государства. Нельзя въ особенности допустить, чтобъ онъ усиливался, чтобъ уже отживающая система дѣлалась съ каждымъ годомъ менѣе способною выполнять возлагаемыя на нее задачи. Когда внесенъ былъ въ государственный совѣтъ 26 мая 1863 года проектъ земскаго положенія, то онъ предназначался для всей Россіи со включеніемъ 9 западныхъ губерній, но послѣ энергическаго возраженія со стороны главнаго начальника Сѣверо-Западнаго края, М. Н. Муравьева, о недопущеніи въ этомъ краѣ *выборнаго начала,* положено обсудить этотъ вопросъ по отношенію къ западной полосѣ по сношенію съ мѣстными властями «о времени и способахъ введенія положенія и въ Западный край». Вопросъ не былъ рѣшенъ и донынѣ, но при утвержденіи въ 1896 г. послѣдней земской смѣты на трехлѣтіе (1896—1898 гг.) министру внутреннихъ дѣлъ поручено внести до истеченія этого трехлѣтія, то-есть до 1 января 1899 г., свои соображенія о преобразованіи учрежденій, завѣдывающихъ дѣлами о земскихъ повинностяхъ въ губерніяхъ, гдѣ не введены земскія учрежденія, и о мѣрахъ, которыя могли бы способствовать правильной постановкѣ въ этихъ губерніяхъ земскаго хозяйства. Вопросъ о преобразованіи сдѣлался, значитъ, съ 1896 г. срочнымъ и неотложнымъ въ виду близящагося истеченія срока. Поставленъ онъ весьма широко и безъ малѣйшаго намека о желательности разрѣшить его предпочтительнѣе въ одномъ, а не въ другомъ смыслѣ. Учрежденія, вѣдающія земскія дѣла, слѣдуетъ неизбѣжно преобразовать, значитъ и существующія установленія, можетъ быть придется не упразднить, а только болѣе приспособить къ ис-

полненію тѣхъ задачъ, которыя возлагаются на земскія учрежденія въ земскихъ губерніяхъ, причемъ придется имѣть постоянно въ виду результаты, достигнутые земскимъ самоуправленіемъ и нынѣшнія программы этого самоуправленія, основанныя на опытѣ исполнившихся трехъ десятилѣтій дѣятельности земскихъ учрежденій. Конечно, выгоднѣе было бы сразу ввести, если возможно, тѣ самыя земскія учрежденія въ западную полосу имперіи, чѣмъ было бы довершено и закрѣплено желательное объединеніе окончностей государства съ его центромъ посредствомъ самаго прочнаго въ государственномъ строительствѣ цемента, — посредствомъ общеполезныхъ, а потому и популярныхъ общихъ учрежденій. Желательность этого результата столь велика, что она располагаетъ людей, сочувствующихъ земской реформѣ, допустить введеніе ея хотя бы и съ нѣкоторыми менѣе важными видоизмѣненіями по мѣстнымъ условіямъ, какъ оно имѣло мѣсто и при освобожденіи крестьянъ и при судебной реформѣ. Отступленія, конечно, возможны при всякой реформѣ, если не уничтожаютъ въ корнѣ сущности самой реформы, если не противорѣчатъ самой идеѣ земскаго самоуправленія, которая еще въ 1863 году мѣтко опредѣлена въ отзывѣ М. Н. Муравьева, отождествившаго ее съ *«выборнымъ началомъ»*. Необычайное затрудненіе при избраніи одного изъ двухъ противоположныхъ путей сказывается въ полнѣйшемъ разногласіи между наиболѣе авторитетными, съ правительственной точки зрѣнія, свѣдущими людьми—губернаторами и генералъ-губернаторами. Бывшій главный начальникъ Юго-Западнаго края графъ Игнатьевъ, а равно губернаторы подольскій, минскій, витебскій и виленскій недавно еще высказались весьма рѣшительно противъ введенія даже видоизмѣненныхъ земскихъ учрежденій. Губернаторы ковенскій и кіевскій соглашались на введеніе этихъ учрежденій въ полномъ объемѣ, волынскій и гродненскій— съ нѣкоторыми ограниченіями относительно нерусскихъ владѣльческихъ элементовъ. Только могилевскій губернаторъ предлагаетъ ввести одно губернское земство безъ уѣздныхъ, но съ выборною губернскою земскою управой и съ замѣною уѣздныхъ управъ коммиссарами, назначаемыми, впрочемъ, губернскою управою. Ту же систему предлагалъ еще въ 1873 г. бывшій главный начальникъ Юго-Западнаго края князь Дондуковъ-Корсаковъ, но только въ одной Кіевской губерніи, въ видѣ опыта. Газеты въ послѣднее время сообщали, что въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ выработанъ для 9 западныхъ губерній подробный проектъ предполагаемой земской реформы, который и разосланъ на заключеніе разныхъ вѣдомствъ. Передавались и главныя основанія этого проекта, заключающіяся въ томъ, что онъ пытается совмѣстить несогласимыя вещи и удовлетворить одновременно и сторонниковъ, и противниковъ земскаго самоуправленія. Приверженцамъ земства онъ предоставляетъ внѣшность: земскія учрежденія будутъ по имени введены, не полныя, правда, и съ усѣченнымъ нижнимъ строеніемъ—съ губернскимъ земскимъ собраніемъ безъ всякихъ уѣздныхъ. Но несравненно болѣе существенное удовлетвореніе получаютъ въ проектѣ противники земствъ, еще не переводящіеся у насъ, сторонники бюрократіи, вытѣсняе-

мой земцами, засѣдающими въ земскихъ управахъ. Имъ принесено цѣликомъ въ жертву то выборное начало въ управленіи, безъ котораго донынѣ нельзя было себѣ земства представить и которое положено во главу угла земскихъ учрежденій въ обоихъ именныхъ указахъ 1 января 1864 г. («призвать къ ближайшему участію въ *завѣдываніи* дѣлами, относящимися до пользъ и нуждъ каждой губерніи и *каждаго уѣзда*, мѣстное населеніе посредствомъ *избираемыхъ изъ онаго* лицъ») и 12 іюня 1890 г. («завѣдываніе мѣстными дѣлами ввѣрено... земскимъ учрежденіямъ, образованнымъ изъ лицъ, *избираемыхъ* плательщиками земскихъ налоговъ»). Съ прямымъ отступленіемъ къ бюрократизму отъ этихъ основныхъ государственныхъ законоположеній предполагается ввести, такъ сказать, подъ земскимъ флагомъ тѣ начала, что земствъ не будетъ въ уѣздахъ и что всѣ земскія управы будутъ состоять не изъ земцевъ, а изъ служащихъ, даже и не землевладѣльцевъ, изъ лицъ назначаемыхъ въ губернскую управу министромъ внутреннихъ дѣлъ, а въ уѣздныя—губернаторомъ. И жалованья проектированы для нихъ весьма солидныя, независимые отъ земствъ оклады содержанія: предсѣдателю губернской управы—4,500 р., членамъ—по 3,000 р., предсѣдателю уѣздной управы—2,000 р., членамъ уѣздной управы—по 1,800 р. Хотя губернаторъ не предсѣдательствуетъ въ губернской земской управѣ, но онъ будетъ несравненно болѣе хозяинъ, нежели до настоящаго времени, когда онъ предсѣдательствовалъ во всѣхъ установленіяхъ, занимающихся земскими дѣлами. Легко доказать, что онъ будетъ по своей волѣ располагать губернскимъ земскимъ собраніемъ и склонять его къ вотированію всѣхъ обязательныхъ постановленій, которыя ему желательны, и всѣхъ земскихъ сборовъ, которыми онъ заблагоразсудитъ обложить обывателей ввѣреннаго его управленію края. Легко доказать, что порядокъ вещей, который былъ бы созданъ проектируемымъ нововведеніемъ, будетъ значительнымъ шагомъ назадъ даже по отношенію къ теперешнимъ отсталымъ дореформеннымъ земско-хозяйственнымъ порядкамъ.

Возьмемъ за исходную точку изслѣдованія положеніе, что государство должно быть въ учрежденіяхъ своихъ по возможности объединено, что то земское положеніе, которое нынѣ дѣйствуетъ въ 34 губерніяхъ Европейской Россіи, должно быть обязательно прежде или послѣ введено въ 9 западныхъ губерніяхъ, въ 3 прибалтійскихъ и въ 3 малонаселенныхъ и малокультурныхъ сѣверныхъ и восточныхъ (Архангельской, Оренбургской, Астраханской, а также въ области Войска Донского); наконецъ, что введеніе его въ 10 губерніяхъ Царства Польскаго есть тоже только вопросъ времени. Если учрежденія въ государствѣ должны быть по возможности однообразны, то отступленія отъ этого однообразія не желательны, каждое отступленіе допускается только тогда, когда оно необходимо и, притомъ, когда оно несущественно, когда оно не противно духу учрежденія, когда оно не выхватываетъ изъ учрежденія его нутра, самой его сердцевины, того, безъ чего учрежденіе жить и успѣвать не можетъ, безъ чего оно останется только призракомъ, какою-то обманчивою и бездушною формой. По каж-

дому проекту особеннаго земскаго положенія для 9 западныхъ губерній всегда возникаютъ два вопроса, которые должны быть послѣдовательно рѣшены: 1) Есть ли въ наличности причины, не допускающія введенія въ эти губерніи земскаго положенія 1890 года въ настоящемъ его видѣ или, по крайней мѣрѣ, безъ значительныхъ перемѣнъ? и 2) Если земское положеніе 1890 г. допустимо только съ нѣкоторыми перемѣнами, то таковы ли эти перемѣны, чтобъ и при существованіи ихъ вводимыя учрежденія могли доподлинно считаться земскими, то-есть способными устроить съ пользою для края земское самоуправленіе, которымъ уже пользуются коренныя русскія губерніи?

Проектъ предлагаетъ ввести земское положеніе съ весьма крупными ограниченіями, для объясненія которыхъ приводятся только двѣ причины: разноплеменность состава населенія и послѣднія памятныя еще политическія событія въ этомъ краѣ, то-есть мятежъ 1863 г., внушающій еще и нынѣ опасенія, какъ бы вводимыя земскія учрежденія не сдѣлались очагами смутъ, или хотя бы только органами легальнаго противодѣйствія правительству.

Что разноплеменность не осложняетъ нисколько вопроса о земскихъ учрежденіяхъ и не препятствуетъ ихъ введенію, тому доказательствомъ можетъ служить Бессарабская губернія со своимъ почти сплошнымъ румынскимъ населеніемъ, гдѣ введена успѣшно и почти безъ перемѣнъ земская реформа. Если бы приходилось считаться при земской реформѣ съ разноплеменностью, то пришлось бы выдѣлить изъ группы 9 западныхъ двѣ губерніи: Виленскую и Ковенскую, какъ особенно неспособныя къ воспріятію земскихъ учрежденій, потому что Виленская населена въ большой половинѣ литовцами, а Ковенская—почти сплошь жмудинами, и потому обѣ наименьше поддаются такъ называемому обрусенію, опредѣляющемуся обыкновенно по процентному отношенію православнаго населенія къ римскимъ католикамъ. Въ составѣ населенія Виленской губерніи считается 27% православныхъ на 58% римск. католиковъ, а въ Ковенской—4½% православныхъ на 72½% римск. католиковъ. Во всѣхъ остальныхъ западныхъ губерніяхъ племенная подкладка населенія русская и православная, до такой степени, что число въ немъ римск. католиковъ можетъ служить показателемъ процентнаго содержанія въ этомъ населеніи самой польской народности. Римскихъ католиковъ насчитывается въ Кіевской губ. 2½%, въ Могилевской—3%, въ Подольской и Волынской—8%, въ Минской—10%, въ Витебской—23% и въ Гродненской—25%. Несмотря на коренное различіе Виленской и Ковенской губерній отъ другихъ 7, судьба всѣхъ девяти губерній по вопросу о введеніи земскихъ учрежденій совершенно одинакова, и нѣтъ основаній ихъ въ этомъ отношеніи раздѣлять. Имѣется въ составѣ населенія одинъ только племенной элементъ, который возбудилъ сомнѣніе не при первоначальномъ введеніи земскихъ учрежденій въ 1864 г., а при ихъ переработкѣ въ 1890 г., а именно *еврейскій*. По 3 примѣчанію къ 16 ст. Положенія 1890 г., евреи не допускаются къ участію въ

земскихъ избирательныхъ собраніяхъ и съѣздахъ, но и это исключеніе не безусловно и не безконечно, а только впредь до пересмотра дѣйствующихъ объ евреяхъ узаконеній. Это 3 примѣчаніе есть очевидное изъятіе изъ общаго правила, что всякіе плательщики земскихъ податей должны участвовать въ завѣдываніи земскимъ хозяйствомъ, но изъятіе повсемѣстное, внесенное въ текстъ общей части закона. Евреи сопоставлены въ этомъ отношеніи съ инородцами, которые тоже въ земскихъ учрежденіяхъ не участвуютъ.

Въ западныхъ губерніяхъ введенію земскихъ учрежденій препятствуетъ донынѣ не пестрота племенного состава ихъ населенія, которая вѣками только сглаживается, и не вѣроисповѣдныя различія, которыя по ст. 45 основныхъ законовъ имперіи при вѣротерпимости не мѣшаютъ единству государства (манифестъ Екатерины II отъ 21 апрѣля 1785 г.: «да всѣ народы славятъ Бога разными языки по закону и исповѣданію праотцевъ своихъ»), но только живыя еще воспоминанія о мятежѣ 1863 г. и въ опасеніяхъ, чтобы смуты еще когда-нибудь не повторились. Въ оффиціальныхъ даже бумагахъ нынѣ признается, что мятежъ 1863 г., возникшій въ Царствѣ Польскомъ, нашелъ поддержку въ западныхъ губерніяхъ только при участіи почти исключительно однихъ лишь дворянъ и мѣщанъ польскаго, а не иного происхожденія. Онъ повлекъ за собою пріостановку дворянскихъ собраній, воспрещеніе полякамъ правъ на пріобрѣтеніе поземельной собственности иными способами, кромѣ наслѣдованія по закону, и лишилъ поляковъ права на государственную службу въ западномъ краѣ. Съ тѣхъ поръ прошло много времени, Царство Польское потеряло свою особую организацію и всякіе виды на автономію, война 1870 г. и седанскій погромъ лишили поляковъ всякой надежды на Францію, соединившуюся нынѣ съ Россіей крѣпкимъ союзомъ. Въ правительственныхъ сферахъ Россіи господствуетъ полная увѣренность въ томъ, что, убѣдившись въ неосуществимости своихъ мечтаній, поляки сознаютъ пользу своего государственнаго слиянія съ русскою державой. Одно только соображеніе приводится нынѣ противъ введенія въ западный край земскихъ учрежденій, которыми пользуются 34 центральныхъ губерніи, то именно, что правительству еще не выяснено новое направленіе воззрѣній поляковъ, тѣмъ болѣе, что въ послѣднія 30 лѣтъ, при отсутствіи всякихъ и сословныхъ, и частныхъ собраній они не имѣли возможности высказаться; они, можетъ быть, и не подготовлены къ тому вслѣдствіе потеряннаго ими навыка къ исправленію общественныхъ функцій. Эти соображенія составляютъ то, что̀ называется въ логикѣ вращеніемъ въ кругу безъ всякаго изъ него выхода. Поляки не доказали на дѣлѣ, что они отрезвились отъ мечтаній, но они, вмѣстѣ съ тѣмъ, лишены возможности доказать, что они отрезвились, оставаясь вдали отъ жизни и дѣлъ, не будучи допускаемы къ дѣятельности не только государственной, но и къ простой земской, которая вездѣ считается преддверіемъ или, по крайней мѣрѣ, подготовительною ступенью къ государственной. Пока вопросъ о полякахъ стоитъ на этой почвѣ, пока считается вѣроятнымъ, какъ выразился графъ

А. П. Игнатьевъ, что введеніе земскихъ учрежденій доставитъ возможность неизмѣнно враждебному Россіи элементу подтачивать заложенныя въ краѣ основы русской гражданственности посредствомъ прикрытой легальными формами оппозиціи, до тѣхъ поръ предстоять можетъ выборъ между двумя только выходами изъ затруднительнаго положенія: либо исключить польскій элементъ изъ земскихъ учрежденій, какъ то сдѣлано для евреевъ, или совсѣмъ по всей Россіи, или только въ предѣлахъ полосы, образуемой 9 западными губерніями, либо повременить со введеніемъ земскихъ учрежденій, пока не будетъ поколеблено вызванное противъ нихъ событіями 1863 г. предубѣжденіе, основательное въ то время, но, можетъ быть, неосновательное нынѣ. Исключеніе поляковъ отъ участія въ земскихъ учрежденіяхъ еще не предрѣшаетъ вопроса о возможности осуществленія земскихъ учрежденій въ этомъ краѣ. Спрашивается, можно ли ихъ выстроить изъ другихъ элементовъ, кромѣ еврейскаго и польскаго?

Изъ однихъ крестьянъ ихъ невозможно выстроить. Гласные отъ крестьянъ избираются по волостямъ на сельскихъ сходахъ. Выборное начало не соблюдается по отношенію къ крестьянамъ во всей его чистотѣ. Изъ выбранныхъ крестьянами въ гласные губернаторъ утверждаетъ по своему усмотрѣнію положенный по расписанію комплектъ (50 ст. Положенія); остальные избранные остаются кандидатами на случай открытія въ будущемъ вакансій. Выборы другихъ гласныхъ кромѣ крестьянскихъ совершаются по уѣздамъ. До 1890 г. они производились въ двухъ избирательныхъ собраніяхъ: а) въ одномъ отъ всѣхъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ и б) въ другомъ отъ городскихъ обществъ. По Положенію 1890 г., въ организаціи избирательныхъ собраній выдвинутъ впередъ дворянскій элементъ, тотъ именно, который обладаетъ довольно старыми корпоративными преданіями и наибольшимъ навыкомъ къ участвованію въ дѣлахъ общественныхъ и государственныхъ. Избирательныхъ собраній нынѣ два, одно только дворянское, другое изъ людей всѣхъ сословій и изъ представителей собирательныхъ юридическихъ лицъ. Такъ какъ въ городахъ западной полосы численно преобладаетъ еврейское населеніе, но эти города могутъ доставить только небольшой контингентъ для земскаго самоуправленія. Но и дворянское избирательное собраніе едва ли можетъ состояться. Въ каждомъ уѣздѣ есть остатки—рѣдеющіе, правда, но не быстро и все еще значительные—мѣстнаго дворянства польской національности. Дворяне лишились собственно своихъ настоящихъ предводителей, такъ какъ теперешніе предводители назначаются правительствомъ, слѣдовательно они въ сущности не представители, а начальники, не связанные съ дворянствомъ данной мѣстности общностью интересовъ. Значительная часть польскихъ дворянскихъ имѣній подъ вліяніемъ исключительныхъ законовъ, направленныхъ къ уменьшенію польскаго землевладѣнія, перешла въ руки новыхъ пріобрѣтателей изъ русскихъ людей, между которыми есть и дворяне, но есть въ гораздо большемъ числѣ люди другихъ состояній. Русскіе землевладѣльцы не сплочены, не сложились въ устойчивый помѣщичій классъ. Даже и въ

такихъ мѣстахъ, гдѣ за ними численный перевѣсъ надъ польскимъ, они не могутъ сравняться съ поляками въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, въ умѣньи вести свои хозяйства. По словамъ проекта, поляки прочнѣе укоренены и, бывъ ограничены въ возможности вступать въ государственную службу на мѣстахъ, больше сродны лишь съ земледѣльческимъ трудомъ. Они не настолько абсентеисты, какъ русскіе, не проживающіе большею частью въ своихъ имѣніяхъ и ведущіе хозяйство заглазно посредствомъ управляющихъ, мѣстныхъ поляковъ или иностранцевъ. Многіе пришлые люди русскіе пріобрѣли имѣнія не съ тѣмъ, чтобы въ нихъ устроиться, а только чтобъ ихъ съ выгодою перепродать. Такимъ образомъ русскій элементъ въ губерніи представляетъ разрозненную массу, лишенную единства, которое укрѣпляется давнишними отношеніями и привычками совмѣстной жизни. Если по отношенію къ полякамъ существуетъ недовѣріе, какъ бы они не злоупотребляли своимъ участіемъ въ земскихъ учрежденіяхъ для достиженія какихъ-либо антиправительственныхъ цѣлей, но и на новыхъ пріобрѣтателей русскихъ нельзя съ увѣренностью положиться, будутъ ли они хозяева, а не спекулянты, породнятся ли они со страной и будутъ ли они работать и для блага этой новой родины, а не для одного лишь личнаго своего обогащенія. Повидимому, проектъ не считаетъ возможнымъ строить земскія учрежденія въ западномъ краѣ изъ одного русскаго элемента и обойтись безъ польскаго. Онъ вводитъ поляковъ въ земство, но, поступая такимъ образомъ, онъ для ограниченія правъ поляковъ въ предѣлахъ земства значительно видоизмѣняетъ его механизмъ. Измѣненія, предлагаемыя въ проектѣ, сводятся къ слѣдующимъ пунктамъ:

1. Уѣздныя земскія собранія, отряжающія избранныхъ ими своихъ гласныхъ въ губернское земское собраніе (14 ст. Полож.), упраздняются; нижняго строенія въ земскомъ механизмѣ совсѣмъ нѣтъ. Уѣздныя избирательныя собранія по уѣздамъ и крестьянскія волости выбираютъ прямо гласныхъ въ губернскія земскія собранія.

2. Сословныхъ дворянскихъ избирательныхъ по уѣздамъ собраній вовсе нѣтъ. Всѣ землевладѣльцы и иные избиратели по уѣзду, кромѣ крестьянъ, сводятся въ одно собраніе для выбора гласныхъ. Въ этомъ собраніи хотя предсѣдательствуетъ уѣздный предводитель дворянства, но такъ какъ онъ не по выбору дворянства, то онъ въ этомъ собраніи дворянскаго элемента не представляетъ.

3. Мирясь съ абсентеизмомъ русскихъ землевладѣльцевъ и признавая его въ нѣкоторой степени неизбѣжнымъ зломъ, проектъ предоставляетъ имъ однимъ преимущество принимать участіе въ избирательныхъ съѣздахъ не лично, а посредствомъ уполномоченныхъ, лишь бы эти уполномоченные были люди русскаго происхожденія. Эти же уполномоченные, хотя бы и не имѣющіе имущественнаго ценза, могутъ быть избираемы въ гласные.

4. Выборные коллегіальные органы земства, земскія управы, состоящія во всѣхъ земскихъ губерніяхъ изъ лицъ, ставимыхъ земствомъ на извѣстные сроки и непосредственно отъ земства, даже по окладамъ своего содер-

жанія зависимыхъ, превращаются въ коллегіальныя установленія изъ назначенныхъ въ ихъ составъ лицъ исключительно русскаго происхожденія, значитъ получаютъ не земскій, а административно бюрократическій характеръ.

5. Вслѣдствіе такихъ перемѣнъ единственное земское учрежденіе, переносимое изъ земскаго Положенія въ проектируемый новый законъ для западнаго края, становится въ совсѣмъ особое положеніе по отношенію къ губернатору и, сохраняя малую лишь долю участія въ земскомъ хозяйствѣ, устраняется отъ непосредственнаго завѣдыванія и распоряженія въ этомъ хозяйствѣ. Полная противоположность руководящихъ началъ въ земскомъ Положеніи 1890 г. и въ проектированномъ новомъ законѣ для западныхъ губерній столь велика, что новый законъ едва можно ввести въ земское Положеніе въ видѣ ли отдѣльной главы его, или съ размѣщеніемъ статей его по статьямъ земскаго Положенія въ видѣ изъятій. Остановимся на каждой изъ характерныхъ особенностей новаго предполагаемаго яко бы переходнаго порядка, который, если бы былъ введенъ, то не только не содѣйствовалъ бы скорѣйшему введенію земскаго положенія въ полномъ его объемѣ, но послужилъ бы вѣроятно непреодолимымъ препятствіемъ ко введенію земскаго положенія на многіе года.

Земская реформа есть несомнѣнно предпринятый правительствомъ опытъ государственной децентрализаціи, съ возложеніемъ на мѣстныхъ плательщиковъ земскихъ налоговъ заботъ о пользахъ и нуждахъ населенія и съ предоставленіемъ имъ и всѣхъ средствъ для осуществленія этой задачи подъ строгимъ контролемъ правительства. Децентрализація эта не совсѣмъ полная, вслѣдствіе относительно недавно послѣдовавшаго (съ 1861 г.) освобожденія крестьянъ, которыхъ нельзя было поставить на одномъ ряду съ помѣщиками.—Она не доведена до общины и останавливается на уѣздѣ. Распоряжаться въ меньшемъ кругу дѣятельности, напримѣръ въ уѣздѣ, всегда удобнѣе, нежели въ большемъ, напримѣръ—въ губерніи. Губернское земство даже и свѣдѣніями необходимыми для своихъ распоряженій не можетъ располагать непосредственно,—будучи изолировано, оно можетъ ихъ заимствовать только изъ администраціи. По объясненіямъ въ проектѣ, губернатору труднѣе справляться съ уѣздными земствами, чѣмъ съ губернскими, потому что въ тѣхъ сильнѣе дѣйствуютъ личныя и партійныя вліянія, которымъ будто бы не представляется такого простора въ губернскихъ собраніяхъ. Впрочемъ въ западныхъ губерніяхъ не эти личныя вліянія для государства опасны, а національныя стремленія. Допустимъ, что переставшій съ момента введенія земскихъ учрежденій быть хозяиномъ въ губерніи въ земскихъ дѣлахъ губернаторъ не сойдется во взглядахъ на экономическіе вопросы съ губернскимъ земскимъ собраніемъ, которое не согласится, положимъ, сдѣлать требуемое имъ обязательное постановленіе или разрѣшить сумму на признаваемый имъ непроизводительнымъ расходъ. Нѣтъ ничего легче въ такомъ случаѣ, какъ обвинить собраніе въ томъ, что оно не сдѣлало того, чего отъ него требовали, по національной оппозиціи. Тогда

само существованіе губернскаго земства, оторваннаго отъ своихъ естественныхъ устоевъ—уѣздныхъ земствъ, сдѣлается непрочнымъ и сомнительнымъ. Такія общія подозрѣнія въ національныхъ тенденціяхъ едва ли возможны по отношенію къ уѣздному земству. Обвиненіе, направленное противъ сего послѣдняго, не можетъ имѣть общаго характера, а только индивидуальный, и должно быть сопровождаемо указаніями на отдѣльныя лица и ихъ вредныя дѣйствія.

Самъ проектъ признаетъ, что отступаетъ назадъ отъ земскаго Положенія 1890 г. къ Положенію 1864 г., что онъ возвращается къ организаціи земствъ на началахъ безусловности, и что онъ отмѣняетъ допущенное въ Положеніи 1890 г. преобладаніе дворянскаго сословія. По этимъ соображеніямъ не только разрѣшается своеобразно и, можетъ быть, не совсѣмъ основательно земскій вопросъ для западныхъ губерній, но разсѣкается еще другой несравненно болѣе важный государственный вопросъ, которому мѣсто въ сводѣ законовъ о состояніяхъ (IX св. з.)—объ упраздненіи фактически, а можетъ быть и окончательно дворянскаго сословія съ его корпоративными правами въ западныхъ губерніяхъ. Этотъ вопросъ имѣлъ въ западномъ краѣ свою длинную исторію. Начиная съ Петра Великаго послѣ первой половины XIX вѣка прежнее польское государство не пользовалось уже самостоятельностью и зависѣло отъ Россіи, которая имѣла свои точки опоры въ значительной части всемогущаго въ польской Рѣчи Посполитой дворянства, въ такъ называемой русской партіи, во главѣ которой долгое время стоялъ домъ князей Чарторыскихъ. При Александрѣ I и Александрѣ II русское правительство не однократно разсчитывало на корпоративное содѣйствіе дворянства западныхъ губерній (напримѣръ, по вопросу объ освобожденіи крестьянъ). Дворяне польскіе западнаго края сильно провинились въ 1863 году, вслѣдствіе чего дворянскія собранія пріостановлены, эти корпораціи лишились своихъ выборныхъ представителей. Самъ проектъ, вводя въ составъ губернскаго земскаго собранія теперешнихъ предводителей по назначенію отъ правительства, предлагаетъ ихъ не какъ представителей дворянства, а по соображеніямъ политическимъ.

Выборы однако не отмѣнены, вопросъ о возстановленіи ихъ и о дальнѣйшемъ существованіи дворянскихъ корпорацій въ западномъ краѣ остается открытымъ; есть основаніе предполагать, что какъ только политическія условія измѣнятся, какъ только русскихъ людей будетъ побольше въ этихъ дворянствахъ западнаго края, они будутъ возстановлены въ свои корпоративныя права, къ пользованію которыми они считались всегда до 1863 года годящимися. Такое возстановленіе возможно во всякое время, безъ малѣйшей ломки въ существующихъ учрежденіяхъ. Допустимъ однако, что будутъ введены земства по проекту, построенныя на началѣ безсословности, съ полнымъ отсутствіемъ въ нихъ выборныхъ представителей дворянства. Тогда нельзя будетъ избѣгнуть ломки дѣйствующихъ учрежденій, причемъ необходимо будетъ сдѣлать выборъ между однимъ изъ слѣдующихъ двухъ способовъ: либо занести въ сводъ законовъ о состояніяхъ въ IX т. св. з., какъ нѣчто

нормальное, то ограниченіе мѣстныхъ дворянствъ по отношенію къ земскому хозяйству и къ выбору предводителей дворянства, либо отмѣнить предлагаемую ко введенію систему земскихъ учрежденій по новому типу, какъ не согласную съ возстановляемыми правами дворянства, причемъ, конечно, придется усомниться въ томъ, цѣлесообразно ли было вводить этотъ новый и совсѣмъ непереходный типъ земскаго хозяйства, когда предвидѣлось, что онъ будетъ только временной. Допустимъ, что при этомъ довольно затруднительномъ выборѣ одержитъ верхъ мнѣніе въ пользу не отмѣны, а большаго консолидированія того безсословнаго типа земской организаціи, который предлагается для западнаго края. Тогда окажется, что, вопреки естественному ходу событій, законодательство не будетъ постепенно объединять разнообразныя части государства посредствомъ общихъ учрежденій, приводя эти части къ одному знаменателю въ правовомъ отношеніи, но что оно будетъ причиною, порождающею сепаратизмы въ разныхъ частяхъ государства. Будутъ установлены и рядомъ поставлены два противоположные типы организаціи: одинъ признанный лучшимъ, новѣйшимъ, съ дворянскимъ оттѣнкомъ, другой, отъ котораго само законодательство отказалось, а потомъ его для извѣстной частицы государства возстановило съ прибавкою къ нему нѣсколькихъ посторонних бюрократическихъ элементовъ (предводителей дворянства и членовъ управы по назначенію правительства). Противники земской реформы еще донынѣ существуютъ, они довольно многочисленны. Они могутъ склониться ко второму изъ вышеуказанныхъ двухъ типовъ, какъ наиболѣе близкому къ дореформеннымъ порядкамъ. Тогда окажется, что въ нашемъ законодательствѣ нѣтъ прогресса, нѣтъ развитія и усовершенствованія, а происходитъ толкотня на мѣстѣ, крайне тягостная и не желательная.

На пустынныхъ окраинахъ Россіи, восточныхъ и сѣверныхъ, которыя, вѣроятно, не будутъ никогда густо заселены и гдѣ совсѣмъ не имѣется дворянства (Вятская, Олонецкая, Пермская, часть Вологодской и Уфимской губерній), установлено, что въ избирательныхъ собраніяхъ вмѣсто лицъ, имѣющихъ право личнаго участія, въ этихъ собраніяхъ могутъ участвовать управляющіе ихъ имѣніями, хотя бы и не имѣющіе имущественнаго ценза; они же могутъ быть избираемы въ гласные, причемъ не подымается вовсе вопросъ о національномъ происхожденіи и землевладѣльцевъ, и ихъ управляющихъ. Проектъ земскихъ учрежденій для западнаго края примѣняетъ его изъятіе къ густо-населеннымъ и культурнымъ западнымъ губерніямъ, но съ прибавкою, что замѣщать себя въ земствахъ вправѣ только русскіе люди и что замѣстителями могутъ быть также только русскіе. Такимъ образомъ на почвѣ земскаго положенія ставится впервые вопросъ о явной неравноправности плательщиковъ податей по національностямъ, вопросъ, который не возникалъ даже и по отношенію къ евреямъ, такъ какъ евреи совсѣмъ исключены, какъ безправные. Нельзя не признать, что законодательство по отношенію къ евреямъ поступило послѣдовательно, потому что элементъ опасный, которому не довѣряютъ, надлежитъ исключать;

но если есть національные элементы, которые допускаются къ участію по общему дѣлу, то всякія повышенія и преимущества однихъ передъ другими въ этомъ общемъ дѣлѣ порождаютъ рознь, мѣшаютъ дружному дѣйствію, отбиваютъ охоту къ труду и подаютъ поводъ къ несправедливостямъ. Сама по себѣ льгота абсентеистамъ изъ русскихъ, заключающаяся въ томъ, чтобы замѣщать себя другими лицами въ земствѣ, не была бы еще настолько существенна, чтобъ ее оспаривать, но она усугубляется полнымъ устраненіемъ доступа полякамъ въ земскія управы; а такъ какъ подходящихъ лицъ изъ мѣстныхъ жителей не нашлось бы достаточно для укомплектованія управъ по выборамъ, то посредствомъ коренного отступленія отъ земскаго положенія земскія управы пополняются не земцами, но случайными пришельцами изъ другихъ мѣстъ, не связанными съ земствомъ своими интересами и бытомъ. Проектъ не скрываетъ, что кандидатовъ на мѣста въ земскихъ управахъ придется приглашать со всѣхъ концовъ Россіи. Эта вербовка предлагается какъ цѣлесообразное средство не для земскаго хозяйства, а для политической цѣли, какъ довершеніе, а въ сущности какъ усугубленіе, тѣхъ исключительныхъ мѣръ, которыя предприняты въ западномъ краѣ для сліянія его съ коренными частями Россіи. Образовался бы притокъ изнутри Россіи охотниковъ, желающихъ опредѣлиться на земскую службу постоянную, не срочную, съ надеждою пріобрѣсти въ этомъ краѣ имѣнія и затѣмъ устроиться на осѣдлое пребываніе въ этихъ имѣніяхъ. Коренная ошибочность такого взгляда заключается въ томъ, что предполагается, будто бы подобная колонизація послужитъ къ скрѣпленію западнаго края съ внутренними губерніями единствомъ учрежденій и порядковъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, будетъ содѣйствовать улучшенію хозяйства и условій для жительства въ сельскихъ мѣстностяхъ. Эти соображенія невѣрны: произойдетъ прямо противное улучшенію быта страны; напротивъ того, будутъ усиливаться только ненормальныя экономическія особенности этого края. Пришлые искатели счастья въ чужомъ для нихъ краѣ будутъ являться съ тѣмъ, чтобъ обезпечить себя и пріобрѣсти по невысокимъ цѣнамъ имѣнія продаваемыя, принадлежащія большею частію разорившимся польскимъ землевладѣльцамъ. Ихъ ближайшая цѣль будетъ заключаться не въ томъ, чтобы, содѣйствуя своими трудами по общественной должности, оправдать довѣріе избравшихъ ихъ лицъ и содѣйствовать развитію производительныхъ силъ страны, но въ томъ, чтобы по возможности въ скорѣйшее время нажиться. Интересы ихъ въ земскихъ управахъ и внѣ этихъ управъ, если имъ удастся пріобрѣсти имѣнія, будутъ одинаковы и притомъ будутъ солидарны съ интересами не всей страны, а только русской части этого населенія. Ихъ дѣйствія будутъ главнымъ образомъ руководимы цѣлью не экономическою, а политическою, а въ данной области эти цѣли будутъ діаметрально противоположны и непримиримы. Соединенныя усилія русской партіи въ уѣздѣ заставятъ ихъ національныхъ противниковъ сплачиваться тоже по инстинкту самосохраненія, дабы вести отчаянную экономическую борьбу на

жизнь и смерть, которая хотя и повела бы къ окончательному, такъ называемому, обрусенію края, но не безъ громаднаго ущерба для производительныхъ силъ страны, не безъ значительной убыли справедливости въ отношеніяхъ между разными національностями. Борьба эта будетъ сопровождаться возстановленіемъ особыхъ для всей остальной Россіи нежелательныхъ порядковъ, такъ что порядочному русскому человѣку было бы жутко жить въ подобной средѣ и совсѣмъ неудобно въ такой странѣ селиться. Увеличеніе процентнаго отношенія русскаго населенія продолжалось бы, но это усиленіе русскаго элемента было бы болѣе количественное, нежели качественное. Управляемая по такой системѣ земскаго хозяйства, страна сдѣлалась бы много разъ неспособнѣе къ воспріятію земскаго Положенія 1890 г., нежели тѣ губерніи, въ которыхъ хозяйство ведется по старому порядку, посредствомъ губернскихъ распорядительныхъ комитетовъ.

Единственное учрежденіе земское, заимствованное проектомъ изъ земскаго Положенія, изолировано отъ всякихъ точекъ опоры въ уѣздахъ и лишено своихъ собственныхъ исполнительныхъ органовъ. Спрашивается, какое будетъ его положеніе въ окружающей его со всѣхъ сторонъ бюрократической средѣ. Въ него войдутъ избранные по уѣздамъ гласные въ количествѣ отъ четырехъ до пяти десятковъ человѣкъ (maximum Кіевская—53, minimum Ковенская—39). Крестьянскихъ гласныхъ въ составѣ земства предполагается не менѣе трети, т.-е. 33% (исключенія составляютъ губерніи: Кіевская—съ 28% и Гродненская—съ 40%). По общему порядку, губернское земство собирается разъ въ годъ, только на 20 дней. По проекту, гласные губернскаго земства будутъ являться въ собраніе не подготовленные къ обсужденію вопросовъ въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ, предшествующихъ губернскому, не столковавшіеся. Въ средѣ своей они не будутъ имѣть своихъ же земцевъ докладчиковъ, выборныхъ членовъ губернской управы, которые бы ихъ познакомили съ подробностями земскаго бюджета, смѣты сборовъ, раскладки повинностей. Важнѣйшій изъ предметовъ ихъ вѣдѣнія, обозначенный въ 1 п. ст. 62 земскаго Положенія: производство выборовъ въ должности и опредѣленіе размѣра содержанія присвоиваемаго симъ должностямъ—отсутствуютъ; надлежало бы, чтобъ этотъ пунктъ былъ исключенъ изъ статей, посвященныхъ особымъ земскимъ учрежденіемъ Западнаго края, что упущено однако въ проектѣ. Къ гласнымъ въ губернскомъ земскомъ собраніи присовокупляются на равныхъ съ ними правахъ по голосованію элементы не земскіе, но и не сословные, а правительственно-административные: губернскій и уѣздные предводители дворянства по назначенію отъ правительства, управляющіе государственными имуществами и удѣльными округами. Совокупность какъ этихъ неземцевъ, такъ и гласныхъ отъ крестьянъ, которые вездѣ и всегда находятся подъ извѣстнымъ вліяніемъ правительства, получитъ численный перевѣсъ надъ всѣми прочими изъ разныхъ сословій, кромѣ крестьянскаго, плательщиками податей, не группирующимися естественно, какъ въ остальной Россіи, вокругъ представителей дворянскаго сословія. Въ краткій срокъ, на который созывается губернское земское со-

браніе, оно не въ состояніи произвесть какъ слѣдуетъ фактическую повѣрку дѣйствій по хозяйству исполнителей его постановленій, отъ нихъ не зависящихъ, не ими опредѣляемыхъ и смѣщаемыхъ. Ихъ дѣятельность, заключенная въ весьма тѣсныя границы, будетъ сводиться, главнымъ образомъ, къ двумъ главнымъ функціямъ: 1) изданію обязательныхъ для мѣстныхъ жителей постановленій и 2) опредѣленію размѣра земскихъ сборовъ, относительно которыхъ предполагается, что они будутъ обильнѣе, чѣмъ тѣ, которые устанавливаются въ законодательномъ порядкѣ чрезъ государственный совѣтъ. Такъ какъ отъ губернскихъ земскихъ собраній отойдетъ распоряженіе суммами, которыя они будутъ вотировать, то эти собранія неизбѣжно превратятся въ нѣчто похожее на мѣстные сеймы или парламенты, которые при малѣйшей разницѣ во взглядахъ на пользы и нужды края между ними и оффиціальнымъ мѣстнымъ представителемъ государя—губернаторомъ будутъ навлекать на себя подозрѣніе въ политиканствѣ, въ систематической оппозиціи противъ самого правительства. Допустимъ, что и губернаторъ и большинство губернскаго земскаго собранія дѣйствуютъ вполнѣ добросовѣстно безъ всякихъ своихъ личныхъ интересовъ въ дѣлѣ земскаго хозяйства, но точки зрѣнія на тѣ же вопросы будутъ у нихъ неизбѣжно различныя. Губернаторъ менѣе знакомъ съ нуждами и потребностями края, но онъ, конечно, всего болѣе заботится о томъ, чтобы земство наиболѣе жертвовало на пользы общегосударственныя, между тѣмъ, какъ у мѣстныхъ гласныхъ кругозоръ ограниченъ предѣлами губерніи. Самъ законъ ставитъ коренным правиломъ, что губернаторъ—не хозяинъ, а только правитель, вооруженный правомъ не утверждать постановленій земства, которыя, когда отъ нихъ не отступится земство (84 ст. Полож.), восходятъ на разсмотрѣніе центральнаго правительства. Въ проектѣ особыхъ земскихъ учрежденій для западнаго края въ составъ губернскаго земства введенъ и польскій элементъ, но онъ допущенъ при условіяхъ поразительной неравноправности, и съ прегражденіемъ ему доступа во всѣ земскія управы. Допустимъ, что поляки будутъ и впредь считаться неблагонадежными политически и что они не будутъ допускаться въ государственную службу по всѣмъ имѣющимся въ западныхъ губерніяхъ областямъ. Если бы они были допущены въ земскія должности наравнѣ съ русскими, то такое допущеніе кромѣ пользы для дѣла ничего бы не принесло, оно пробудило бы въ нихъ соревнованіе. Они всячески постарались бы доказать, что они достойны оказаннаго имъ довѣрія, что они въ земскомъ дѣлѣ безупречны; они этимъ путемъ старались бы заслужить отмѣну исключительныхъ законовъ и ограниченій польскаго элемента въ области государственной, къ достиженію въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ равноправности гражданской и политической съ коренными русскими даже и въ предѣлахъ своей провинціальной родины. Съ государственной точки зрѣнія такія надежды и настроенія не безполезны. При дѣйствіи проектируемаго закона ихъ положеніе въ земствѣ будетъ безвыходное. Ихъ неявка въ избирательныя уѣздныя собранія для выборовъ можетъ быть истолкована

какъ признакъ систематической оппозиціи видамъ правительства, вводящаго земскія учрежденія, хотя бы ихъ уклоненіе отъ выборовъ было внушено только сознаніемъ, что въ земскомъ собраніи они никакой пользы не могутъ принести. Допустимъ, что они принимаютъ участіе въ выборахъ и что нѣкоторые изъ нихъ вступили въ губернское земское собраніе. Ихъ личный интересъ будетъ склонять ихъ не къ тому, чтобы защищать благо и интересы земства, а чтобы поддерживать во всемъ мнѣніе начальника губерніи; въ противномъ случаѣ, по естественному складу вещей, они будутъ подозрѣваемы въ томъ, что противодѣйствуютъ видамъ правительства изъ-за національныхъ своихъ стремленій, которыя предполагаются враждебными Россіи. Ихъ не избавитъ даже и то, если ихъ мнѣнія будутъ поддерживаемы многими несомнѣнно русскими людьми, потому что и сами русскіе не избѣгали неоднократно обвиненій въ томъ, что они ополячились и что потому они ненадежны. Земскія управы, состоящія изъ пришельцевъ неземцевъ, вмѣстѣ съ извѣстною, хотя и не очень значительною, частью членовъ губернскаго земскаго собранія будутъ до безконечности продолжать свою политическую дѣятельность, направленную къ совершенному исключенію польскаго элемента изъ провинціальной жизни особенными мѣрами, которыя даже и въ то время, когда вводились, считались только временными, но которыя расходятся съ требованіями экономическаго благосостоянія страны и противодѣйствуютъ слiянію западнаго края съ центромъ Россіи даже въ глазахъ безпристрастнаго русскаго человѣка.

Проектъ предлагаетъ существенное измѣненіе земскихъ учрежденій для западнаго края какъ мѣру временную, переходную. Въ немъ приводится то предположеніе, что землевладѣніе русское дѣлаетъ въ западномъ краѣ несомнѣнные и быстрые успѣхи и что въ самомъ недалекомъ будущемъ можно будетъ безъ всякаго труда и препятствій, по докладамъ министра внутреннихъ дѣлъ чрезъ комитетъ гг. министровъ, вводить въ ту или другую изъ девяти западныхъ губерній или въ нѣкоторые уѣзды этихъ губерній нормальное земское Положеніе 1890 г. въ полномъ его объемѣ. Подобное предположеніе прямо противно дѣйствительности. Нынѣ почва для воспріятія земскаго Положенія 1890 г. вполнѣ готова въ западныхъ губерніяхъ. Мѣстное земское хозяйство состоитъ въ завѣдываніи административныхъ властей, которыя имъ тяготятся, и справляются съ его задачами безъ всякой охоты и радѣнія. Если политическія соображенія мѣшаютъ еще введенію настоящаго земскаго Положенія въ западный край, можно было бы старые дореформенные порядки исправить, починить, упростить, выработать одинъ какой-нибудь спеціальный органъ для земскаго хозяйства, обязательно привлекая къ нему достаточное число мѣстныхъ обывателей безъ различія національностей, заявившихъ себя съ хорошей стороны по сельскому хозяйству и промышленности, въ качествѣ знатоковъ и помощниковъ, съ возложеніемъ на нихъ нѣкоторыхъ порученій. Эта постройка будетъ имѣть, конечно, видъ только временнаго жилья, но съ нею можно будетъ выждать подходящее время, когда интеллигентной части мѣстнаго

населенія можно будетъ довѣриться—не въ государственныхъ дѣлахъ, о которыхъ не возбуждалось еще никакого вопроса, а только въ однихъ земскихъ, и когда можно будетъ привлечь всю массу населенія безъ различія національностей къ общей земской работѣ на общихъ для всей Россіи основаніяхъ.

Совсѣмъ иные результаты получатся, если будетъ введено до неузнаваемости видоизмѣненное подобіе земскихъ учрежденій. Оно есть въ сущности политическое средство и мѣра исключительная. Вокругъ всякой исключительной мѣры, хотя бы она именовалась временною, мигомъ выростаютъ, оснащиваются и оплетаютъ ее со всѣхъ сторонъ матеріальные интересы лицъ, которыхъ весь бытъ и будущность построены на этомъ только изъятіи. Необходимо будетъ предварительно упраздненію предлагаемыхъ теперь особыхъ учрежденій для западнаго края считаться не только съ теперешними предводителями дворянства, но и съ довольно многочисленнымъ классомъ членовъ губернской и земскихъ управъ, которые будутъ занимать насиженныя, такъ сказать, мѣста и которые, располагая извѣстною частью солидарныхъ съ ними по интересамъ членовъ губернскаго земскаго собранія, будутъ отстаивать до послѣдней возможности то изъятіе, тотъ въ сущности непорядокъ, отъ котораго зависитъ ихъ благосостояніе. Нѣтъ ничего опаснѣе временныхъ правилъ и переходныхъ мѣръ. Порой они оказываются прочнѣе и долговѣчнѣе основныхъ законовъ. Введеніе проекта въ западный край можетъ само по себѣ отдалить переходъ этого края къ нормальному земскому Положенію на цѣлыя десятилѣтія.

Киріакъ Даниловъ.

М. С. Корелинъ, какъ преподаватель средней школы.

(По воспоминаніямъ его учениц).

Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ судьба столкнула меня съ покойнымъ Мих. Серг. Корелинымъ на одномъ полѣ дѣятельности. Мы почти одновременно поступили во 2-ю женскую гимназію: онъ—преподавателемъ исторіи, а я преподавателемъ географіи. Я живо помню свое первое впечатлѣніе отъ его личности: онъ прямо поразилъ меня своею жизнерадостностью, своею духовною энергіей, остротой и силой своего ума. Богатая внутренняя жизнь била, какъ говорится, ключомъ въ этомъ оригинальномъ, сильномъ и подвижномъ человѣкѣ. Надо сказать, что въ то время я состоялъ преподавателемъ въ нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ и уже успѣлъ присмотрѣться къ нашей учительской средѣ и познакомиться съ разнообразными ея типами. Мнѣ извѣстны были не одни только потертые жизнью, усталые и апатичные педагоги, съ уныніемъ на лицѣ и вѣчною мыслью, что они покинуты и Богомъ, и людьми,—не только учителя, спокойно и безропотно, съ фаталистическою покорностью тянувшіе свою лямку, но и люди живые, энергичные, преданные своему дѣлу,—люди, въ которыхъ сильно работалъ умъ и трепетно билось сердце. И, тѣмъ не менѣе, никто изъ нихъ не произвелъ на меня въ то время болѣе сильнаго впечатлѣнія, какъ покойный Корелинъ. Главное, что меня въ немъ поражало,—это, такъ сказать, крѣпость и устойчивость его настроенія. У этого человѣка, когда онъ вступалъ въ двѣри школы, вѣчно былъ какой-то свѣтлый праздникъ на душѣ. Весело входилъ онъ въ учительскую, оживленно и остроумно бесѣдовалъ съ товарищами, веселый шелъ въ классъ и довольный выходилъ оттуда. На лицо его никогда не ложилась тѣнь унынія или равнодушія, какъ будто бы онъ не испытывалъ никакихъ сомнѣній, никакихъ разочарованій въ своей преподавательской дѣятельности. При первомъ поверхностномъ знакомствѣ съ нимъ я объяснялъ себѣ его настроеніе тѣмъ, что онъ передъ тѣмъ только что вернулся изъ-за границы съ ворохомъ матеріала для своей диссертаціи, готовилъ эту диссертацію и переживалъ періодъ всяческихъ ожиданій и надеждъ, вызывающихъ радостное настроеніе. Позже я распозналъ другую, настоящую основу этого духовнаго подъема, который отличалъ покойнаго Коре-

лина въ средней школѣ. Этою основой была его непоколебимая вѣра въ свое дѣло, бывшая у него настоящею психическою *стихіей*, и проистекавшая отсюда *органическая* любовь къ этому дѣлу. Относясь скептически и отрицательно ко многимъ явленіямъ жизни, покойный Корелинъ никогда не сомнѣвался въ одномъ—въ надобности науки и просвѣщенія для человѣческой жизни. Скажу даже болѣе: онъ прямо неспособенъ былъ сомнѣваться на этотъ счетъ. Въ его собственной жизни наука, знаніе были такимъ крупнымъ элементомъ личнаго счастья, такъ много доставляли ему наслажденія, что онъ никогда не впадалъ въ раздумье относительно того, надо или не надо людямъ учиться и знать. Отъ избытка чувства происходила и его любовь къ дѣлу преподаванія. Испытывая самъ высокое наслажденіе отъ знанія, онъ чувствовалъ сильную потребность дѣлиться этимъ наслажденіемъ съ другими. Воспріимчивая, отзывчивая среда женской молодежи средней школы шла болѣе другихъ навстрѣчу этой потребности, и потому Корелинъ такъ и любилъ преподавать въ средней школѣ, несмотря на всѣ дидактическія трудности этого преподаванія. Это преподаваніе было, такъ сказать, естественнымъ дополненіемъ того удовольствія, которое доставляли ему его ученыя занятія. Онъ не разъ признавался мнѣ, что онъ никогда не покинетъ 2-й женской гимназіи, несмотря на то, что на поѣздки въ нее тратитъ чуть не все жалованье, получаемое изъ этой гимназіи. «Безъ гимназіи мнѣ будетъ скучно», — заключалъ онъ свою рѣчь. По его словамъ, онъ нигдѣ не получалъ такого нравственнаго удовлетворенія отъ своей дѣятельности, какъ во 2-й женской гимназіи, нигдѣ такъ же плодотворно и съ такимъ осязательнымъ успѣхомъ не работалъ, какъ именно въ этомъ учебномъ заведеніи.

Легко понять послѣ сказаннаго, чѣмъ былъ Корелинъ для своихъ сослуживцевъ и для своихъ учепицъ. Вездѣ люди, твердо вѣрящіе въ свое дѣло и искренно его любящіе, животворно вліяютъ на окружающую ихъ людскую среду. Тѣмъ болѣе справедливо это относительно учительской среды, которой, по условіямъ ея дѣятельности, едва ли не больше, чѣмъ какой-либо другой, свойственно сомнѣніе въ пользѣ и смыслѣ своей дѣятельности. Не могу, конечно, сказать за всѣхъ сослуживцевъ покойнаго Михаила Сергѣевича, но про себя скажу неложно, что онъ заражалъ меня своимъ настроеніемъ, своею вѣрой и любовью къ нашему дѣлу. Съ нимъ какъ-то легко было работать, отпадала съ души всякая тяжесть, всякое сомнѣніе, навѣянное неудачами или простою усталостью. Изъ нашей учительской онъ изгонялъ всякую апатію, всякое уныніе своими шутками, остротами и подчасъ обмѣномъ серьезной мысли. Благодаря Корелину мы нерѣдко нарушали школьный регламентъ и просиживали лишнія минуты въ учительской, но зато шли въ классъ освѣженные духовно, съ возобновленными силами, и кто можетъ учесть, во сколько разъ качество нашихъ уроковъ покрыло количество минутъ нашего запаздыванія? Такой же духовный подъемъ Корелинъ производилъ и въ классѣ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ многочисленныя и согласныя показанія его бывшихъ ученицъ. Присутствовавшіе

на похоронахъ покойнаго Михаила Сергѣевича не могли не замѣтить огромнаго числа юныхъ дѣвицъ, провожавшихъ его прахъ до могилы. По большей части это были настоящія и бывшія воспитанницы 2-й женской гимназіи, пришедшія отдать христіанскій долгъ своему уважаемому и любимому учителю. Надписи на вѣнкахъ краснорѣчиво свидѣтельствовали о тѣхъ чувствахъ, которыя питали къ покойнику возложившія эти вѣнки и провожавшія его въ послѣдній путь ученицы. Но и при жизни своей Михаилъ Сергѣевичъ всегда, когда только допускалось школьнымъ этикетомъ, былъ окруженъ плотною толпой своихъ ученицъ, жадно внимавшихъ его словамъ. Всѣ мы, сослуживцы покойнаго, были тому свидѣтелями и видѣли своими глазами расположеніе, которымъ пользовался онъ у своихъ ученицъ. Это расположеніе покойный пріобрѣталъ какъ своимъ талантливымъ преподаваніемъ, одушевленнымъ вѣрою въ человѣческую культуру и любовью къ свѣту разума, такъ и своимъ теплымъ и сердечнымъ отношеніемъ къ ученицамъ, чуждымъ, однако, всякаго баловства и заискиванія, ровнымъ и справедливымъ. Я понималъ все это еще при жизни покойнаго на основаніи того, что приходилось слышать отъ классныхъ дамъ, присутствовавшихъ на его урокахъ, и отчасти отъ самихъ ученицъ. Желая въ этомъ отношеніи провѣрить себя, я обратился къ бывшимъ ученицамъ покойнаго съ просьбою сообщить мнѣ свои воспоминанія и отзывы объ ихъ безвременно скончавшемся учителѣ. Онѣ охотно откликнулись на мой призывъ, и въ результатѣ у меня оказалась цѣлая характеристика покойнаго Михаила Сергѣевича, какъ преподавателя средней школы. Эта характеристика для насъ, педагоговъ, и особенно преподавателей исторіи, можетъ быть чрезвычайно поучительна, какъ указаніе того, чѣмъ мы особенно можемъ воздѣйствовать на своихъ юныхъ питомцевъ въ преподаваніи исторіи, какую службу можетъ сослужить исторія въ кругѣ тѣхъ задачъ, которыя беретъ на себя средняя школа. Дѣло это—до сихъ поръ не совсѣмъ выясненное. Иногда даже отъ лучшихъ преподавателей этого предмета приходится слышать мнѣніе, что исторію не нужно преподавать въ средней школѣ, по ея чрезвычайной сложности и трудности этого предмета для возраста средней школы.

Съ другой стороны въ послѣднее время часто приходится встрѣчаться съ практическими попытками преподавателей раскрывать въ средней школѣ не только спеціально-политическую, но и экономическую эволюцію европейскаго человѣчества. Въ виду такого разногласія во взглядахъ на историческое преподаваніе, чрезвычайно любопытно послушать отъ ученицъ такого крупнаго педагога, какимъ былъ покойный Михаилъ Сергѣевичъ, какъ онъ разрѣшалъ свою задачу, что и какъ преподавалъ изъ исторіи, что нравилось имъ въ этомъ преподаваніи и почему. Да и всѣмъ вообще, причастнымъ дѣлу обученія и воспитанія и интересующимся его вопросами, небезъинтересно будетъ выслушать отъ самихъ учившихся, чѣмъ учитель можетъ воздѣйствовать на своихъ учениковъ, заставить ихъ работать, плодотворно влiять на ихъ умственное и нравственное развитіе и заслужить ихъ любовь и уваженіе.

Покойный Михаилъ Сергѣевичъ обладалъ даромъ съ перваго же появленія своего въ классъ возбуждать интересъ къ своему предмету и плѣнять талантливостью своего преподаванія и обаяніемъ своей личности. По этому поводу, одна изъ тѣхъ же корреспондентокъ разсказываетъ: «Я поступила въ 2-ю женскую гимназію прямо въ III классъ... Перешла я сюда изъ петербургской гимназіи, такъ что мнѣ не только надо было привыкать къ новымъ порядкамъ, но и отвыкать отъ того, къ чему я успѣла привыкнуть за пять лѣтъ, проведенныхъ въ другомъ заведеніи. Тамъ меня всѣ хорошо знали, тамъ я оставила любимыхъ подругъ, учителей и классныхъ дамъ, тамъ я чувствовала себя какъ дома. Здѣсь все было для меня ново и чуждо. Каждый день обливалась я горькими слезами, вспоминая о прежней гимназіи, и родители мои рѣшили уже отправить меня въ Петербургъ, когда въ одинъ прекрасный день я вернулась изъ гимназіи домой безъ слезъ, спокойная и даже веселая. «Что съ тобой сегодня случилось?»—спросила у меня съ удивленіемъ мама. «Ничего,—отвѣчала я,—только у насъ сегодня былъ урокъ исторіи». Урокъ Корелина, по словамъ той же корреспондентки, не только помирилъ ее съ новой гимназіей, но и заставилъ ее полюбить. «Какіе это были интересные уроки,—говоритъ она,—и съ какимъ нетерпѣніемъ всѣ въ классѣ ожидали ихъ!... Сегодня хорошій день, говорили гимназистки. Это значило, что сегодня былъ урокъ Михаила Сергѣевича» *).

Какъ бы въ поясненіе этому другая ученица говоритъ, что «Михаилъ Сергѣевичъ проявлялъ на своихъ урокахъ и живой умъ, и тонкое остроуміе, и жизнерадостное настроеніе, а главное—прекрасное сердце» (Сообщеніе г-жи Е. З.).

Корелинъ заинтересовывалъ своихъ юныхъ слушательницъ не столько внѣшнею формой своего изложенія, сколько его внутреннею содержательностью. Правда, онъ умѣлъ хорошо разсказывать, какъ умѣлъ хорошо и писать, но онъ не былъ щеголемъ-ораторомъ и не обряжалъ своей рѣчи различными стилистическими цвѣтами и блестками. Его рѣчь нравилась ученицамъ именно своею точною выразительностью и логичностью. Одна изъ его бывшихъ ученицъ свидѣтельствуетъ по этому поводу: «Его разсказы были такъ содержательны, что тѣмъ, кто, не надѣясь на свою память, составляли записки, приходилось встрѣчаться съ особеннымъ затрудненіемъ: у него не было лишнихъ словъ, лишнихъ фразъ; хотѣлось записывать слово въ слово, жаль было потерять хоть одну изъ тѣхъ свѣтлыхъ мыслей, которыя онъ излагалъ передъ нами. Эти записки расходились по всему классу, всѣ спѣшили ихъ списать или хотя прочесть, что указываетъ, какъ цѣнилъ классъ его слова» **). Другая ученица, указывая на то, что Корелинъ умѣлъ хорошо изображать внутреннюю сторону историческихъ явленій, прибавляетъ: «Притомъ онъ разсказывалъ замѣча-

*) Сообщеніе Е. В. М—ой.

**) Сообщеніе г-жи N, выпуска 1895 г.

тельно, если можно такъ выразиться, *тихо-логично*. Онъ тонко понималъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло и разсказывалъ такъ, что мы хватали все легко... Онъ былъ глубокій психологъ». Разсказывая, Корелинъ слѣдилъ за выраженіемъ лицъ учащихся и по этому выраженію судилъ, понимаютъ ли его ученицы и какъ, ясно или смутно. Если замѣчалъ какое-нибудь смущеніе на ихъ лицахъ, то сейчасъ же мѣнялъ свои выраженія и давалъ объясненія въ иной формѣ. Та же ученица приводитъ между прочимъ одинъ, хорошо характеризующій его въ этомъ отношеніи, случай: Михаилъ Сергѣевичъ ходилъ по классу и разсказывалъ. Вдругъ обращается ко мнѣ: «Вы что-нибудь не поняли? «Меня какъ громомъ поразило,—этого я не ожидала: у меня въ головѣ какъ разъ въ эту минуту пронесся вопросъ, но такъ смутно и быстро, что я сама не успѣла себѣ дать отчетъ. Когда онъ смотрѣлъ,—заключаетъ разсказчица,—онъ, казалось, душу видѣлъ насквозь» *). Корелинъ чрезвычайно любилъ такія лица, которыя были, какъ говорится зеркаломъ души. Про одну шаловливую и полѣнивавшуюся ученицу онъ говаривалъ: «Я люблю ее за то, что по ея лицу всегда догадываюсь, понятно или непонятно разсказываю для большинства класса. Это мой контролеръ», прибавлялъ онъ, смѣясь.

Корелинъ, какъ видно изъ отзывовъ его ученицъ, въ дѣлѣ преподаванія придавалъ большое значеніе живому слову. Но когда же онъ находилъ время разсказывать обширный курсъ исторіи и контролировать занятія своихъ многочисленныхъ ученицъ? (Классы во 2-й женской гимназіи отличались непомѣрною многолюдностью). Изъ сообщеній его ученицъ видно, что Корелинъ не считалъ нужнымъ или возможнымъ излагать цѣликомъ содержаніе каждаго урока и всего курса вообще. «На первомъ же урокѣ,—говоритъ та самая ученица, которую Корелинъ помирилъ со второю гимназіей,—Михаилъ Сергѣевичъ объяснилъ намъ, что смотритъ на насъ какъ на взрослыхъ, а потому не станетъ разсказывать всего урока, а будетъ только объяснять самое главное и дополнять своимъ разсказомъ то, чего нѣтъ въ учебникѣ» **). «Формально его преподаваніе,—пишетъ другая ученица,—велось слѣдующимъ образомъ: на-ряду съ прохожденіемъ общаго курса извѣстной эпохи по учебнику, онъ бралъ наиболѣе характерное или выдающееся явленіе эпохи и на немъ останавливался возможно долго, тщательно освѣщая его со всѣхъ сторонъ и указывая его мѣсто и значеніе въ историческомъ развитіи» ***). Преподаваніе Корелина, такимъ образомъ, носило эпизодической характеръ, и онъ не задавался цѣлью излагать въ средней школѣ, такъ сказать, цѣликомъ и въ системѣ всю науку. На чемъ же онъ останавливалъ свое преимущественное вниманіе, какія дѣлалъ дополненія къ курсу общепринятаго учебника, какой научный матеріалъ онъ считалъ наиболѣе пригоднымъ для педагогическихъ цѣлей? По единодушному отзыву ученицъ, Корелинъ «особенное вниманіе обращалъ

*) Сообщеніе г-жи З—ой.

**) Сообщеніе Е. В. М—ой.

***) Сообщеніе г-жи Э—нъ.

на эпохи пробужденія и наиболѣе живой дѣятельности человѣческаго духа» *). Это вполнѣ соотвѣтствовало и основнымъ его воззрѣніямъ на исторію человѣчества, какъ на развитіе культуры, на совершенствованіе и побѣдоносное движеніе человѣческаго разума въ борьбѣ съ внѣшними и внутренними стихіями. Въ отдѣлѣ древней исторіи, по свидѣтельству учевицъ, Корелинъ преимущественное вниманіе обращалъ на успѣхи восточной культуры и на греческое искусство, въ отдѣлѣ средневѣковой исторіи «подробно и очень интересно» характеризовалъ феодализмъ и папство; въ отдѣлѣ новой исторіи «яркими, живыми, неизгладимыми изъ памяти штрихами» (подлинныя слова одной изъ его учевицъ) обрисовывалъ возрожденіе, реформацію, католическую реакцію и французскую революцію. «Онъ мало касался внѣшней, политической исторіи,—говоритъ та же самая его ученица,—и всѣми силами старался о томъ, чтобы мы поняли духъ культуры того или другого народа» **).

Въ какомъ же духѣ велось изложеніе Корелинымъ всѣхъ этихъ интересныхъ эпохъ и какихъ результатовъ достигалъ онъ своимъ преподаваніемъ? Выборъ сюжетовъ самъ по себѣ еще не говоритъ объ этихъ результатахъ. Сухимъ, отвлеченнымъ схематизмомъ можно изгнать интересъ изъ самыхъ занимательныхъ эпохъ и поселить развѣ только сомнѣніе въ немногихъ, склонныхъ къ тому по природѣ, субъектахъ: какія, дескать, высокія матеріи мы изучаемъ, и какія мы, должно-быть, умные, если учитель сообщаетъ намъ такія глубокія истины. Преподаваніе Корелина, по единодушному отзыву его учевицъ, было совершенно другого рода. Ученицы цѣнили это преподаваніе не только за его научность, но и за жизненность. «По моему мнѣнію,—пишетъ мнѣ его ученица,—Михаилъ Сергѣевичъ училъ не только исторіи, но и жизни,—ея лучшимъ, основнымъ идеямъ и принципамъ. Понятія знанія, свободы внѣшней и внутренней, значенія личности, ея усилій—впервые ярко выступили предо мною на его урокахъ. Эти понятія онъ клалъ въ основу своихъ разсказовъ. Такъ, говоря о гуманизмѣ, онъ съ особенною силой, останавливался на значеніи личности, какъ волевой единицы. «Захочетъ человѣкъ, онъ можетъ стать выше ангела, захочетъ—можетъ обратиться въ скота». На этой фразѣ онъ развивалъ свои взгляды на значеніе дисциплины духа, на богатство вложенныхъ въ человѣка задатковъ, на великое значеніе доброй воли». «Говоря о культуртрегерскихъ задачахъ и попыткахъ народовъ Запада, онъ всегда выставлялъ себя сторонникомъ свободнаго развитія, врагомъ насилій и узурпацій даже для хорошихъ, по нашему мнѣнію, цѣлей» ***). Другая ученица въ тонъ этой восхищается его умѣньемъ коснуться въ узкихъ рамкахъ гимназическаго курса всѣхъ наиболѣе интересныхъ, важныхъ жизненныхъ вопросовъ въ области общественныхъ наукъ» ****).

---

*) Сообщеніе г-жи N, выпуска 1895 г.

**) Собщеніе г-жи N, выпуска 1895 г.

***) Сообщеніе г-жи Э—нъ.

****) Сообщеніе г-жи N, выпуска 1895 г.

Итакъ, Михаилъ Сергѣевичъ на урокѣ исторіи развивалъ въ своихъ ученицахъ жизненные идеалы, образовывалъ ихъ нравственныя симпатіи и вкусы. Его стремленія увѣнчивались полнымъ успѣхомъ, и онъ не будоражилъ только чувство и мысль, но залагалъ прочные принципы и нравственныя основы въ ихъ духовное развитіе. «Онъ провелъ насъ,—пишетъ одна изъ его старѣйшихъ ученицъ по 2-й гимназіи,—черезъ тотъ длинный путь борьбы за все хорошее, свѣтлое и благородное, которымъ шло человѣчество. Съ нимъ вмѣстѣ пережили мы и страшныя времена ауто-да-фе, и то благодатное время, когда разсѣялся мракъ среднихъ вѣковъ, и греческая древность, сіяя вѣчной юностью неувядаемой красы, увѣнчанная мистическими цвѣтами христіанской поэзіи, зажгла яркій свѣточъ возрожденія. Онъ вмѣстѣ съ гуманистами, которые были ему такъ родственны по духу, научилъ насъ любить людей и выработалъ въ насъ свѣтлый взглядъ на нихъ. Онъ заботливо провелъ насъ и черезъ ужасы революціи и террора; съ нимъ вмѣстѣ восторженно привѣтствовали мы царскій голосъ, возвѣстившій уничтоженіе рабства; онъ разъяснилъ намъ великое значеніе манифеста 19 февраля 1861 года... И длинный путь этотъ, который мы прошли съ нимъ, не утомилъ насъ; мы не вынесли изъ него разочарованія или равнодушія. Михаилъ Сергѣевичъ, проведя насъ черезъ всю исторію, вселилъ въ насъ глубокое чувство благодарности къ людямъ за то, что̀ они оставили намъ, показавъ, цѣною какой борьбы и страданій они этого достигали, и внушилъ намъ, что и нашъ долгъ работать на пользу человѣчества и, по мѣрѣ силъ своихъ, увеличивать оставленныя намъ сокровища» *). Этотъ отзывъ не единичный и не субъективный. «Имѣя чуткую, отзывчивую душу, — говоритъ другая свидѣтельница, — онъ стремился и въ насъ развить не только умъ, но и душу нашу. Онъ старался вселить и въ насъ эту теплоту и любовь къ людямъ и умѣлъ возбудить въ насъ надежду на лучшее будущее» **). «Онъ постоянно училъ насъ любить трудъ,—пишетъ третья,—и заражалъ насъ своею непоколебимою вѣрой въ жизнь, людей, науку и прогрессъ» (сообщеніе г-жи Е. З.). «Онъ училъ насъ,—свидѣтельствуетъ четвертая,—чтить разумъ и свободу, знаніе и свѣтъ,—чтить ихъ не платонически, но класть эти принципы въ основу нашихъ мыслей и дѣйствій. И кто знаетъ, въ какія разнообразныя и прекрасныя формы вылилось и еще выльется его разумное и свободное слово. Въ гуманно-нравственной сторонѣ его уроковъ, по-моему, заключается главное значеніе его не только какъ учителя, но и какъ педагога» ***). Читая все это, я невольно подумалъ, какой вѣрный глазомѣръ былъ у одного изъ его друзей по университету, который написалъ про покойнаго: «Онъ не допускалъ въ преподаваніе отрицательнаго элемента своего образа мыслей: къ учащимся была обращена только лицевая сторона его, и преподаватель производилъ на нихъ

---

*) Письмо г-жи З. Б—ой.

**) Сообщеніе г-жи N. выпуска 1895 г.

***) Сообщеніе г-жи Э-нъ.

цѣльное и сильное ободряющее впечатлѣніе, приготовляя ихъ къ жизненной борьбѣ твердостью и законченностью своихъ убѣжденій, ихъ близостью къ самымъ основамъ жизни, къ первичнымъ запросамъ молодыхъ умовъ».

Итакъ, воспитательная цѣль въ преподаваніи исторіи стояла у покойнаго Михаила Сергѣевича на первомъ планѣ. Впрочемъ, преслѣдуя ее, онъ не забывалъ требовать отъ ученицъ и точнаго знанія фактовъ учебника, которое онъ считалъ необходимою основой какъ для собственнаго класснаго преподаванія, такъ и для дальнѣйшаго историческаго образованія ученицъ. Въ этомъ отношеніи онъ слылъ строгимъ и взыскательнымъ учителемъ. Только не всегда ему удавалось, какъ слѣдуетъ, проконтролировать познанія своихъ ученицъ, вслѣдствіе чего у нѣкоторыхъ изъ нихъ накоплялись пропуски и недочеты. Одна изъ его ученицъ признается также, что «онъ сравнительно рѣдко и слабо провѣрялъ, насколько ученицы усвоили его разсказы» *). Но это уже не столько его вина, сколько результатъ многолюдства классовъ, ставящаго предъ учителемъ нерѣдко дилемму: или только преподавать, или только экзаменовать. Корелинъ старался дѣлать и то, и другое со свойственною ему энергіей. А какова была эта энергія, объ этомъ свидѣтельствуетъ между прочимъ одна изъ его ученицъ по частной гимназіи, гдѣ онъ также долгое время преподавалъ исторію. «Лучшія воспоминанія о пребываніи въ гимназіи,—пишетъ она,—связаны съ уроками Михаила Сергѣевича. Преподавая въ частной гимназіи ***, гдѣ среди ученицъ преобладали какъ-то мало способныя къ труду, безъ всякаго интереса, чисто-формально относящіяся къ своимъ занятіямъ, Михаилъ Сергѣевичъ никогда не опускалъ рукъ, никогда не отчаивался въ томъ, что рано или поздно къ его любимому предмету—исторіи—прямо ненавистное подчасъ отношеніе совершенно измѣнится. Не въ его характерѣ было придти къ рѣшенію, что не стóитъ тратить силъ на болѣе серьезное преподаваніе, когда встрѣчаешь со стророны большинства такое пассивное отношеніе. Онъ зналъ, что какъ ни худъ составъ ученицъ, но всегда среди нихъ найдутся хотя бы двѣ-три, для которыхъ его чисто-научная постановка преподаванія не пропадетъ даромъ. И вотъ Михаилъ Сергѣевичъ въ то время, какъ другіе наши преподаватели, махнувъ рукою, часто не дѣлая даже никакихъ попытокъ къ болѣе осмысленному преподаванію, ограничивались почти исключительнымъ задаваніемъ уроковъ по учебнику и выслушиваньемъ ихъ, половину урока всегда удѣлялъ или разсказамъ, или чтенію какой-нибудь исторической книги». Усилія его увѣнчались успѣхомъ и ему удалось побороть равнодушіе ученицъ. «По окончаніи гимназіи,—разсказываетъ та же ученица,—у насъ составился небольшой кружокъ, который рѣшился серьезно заняться исторіей. Михаилъ Сергѣевичъ радостно предложилъ намъ свои услуги: составилъ систематическую программу, намѣтилъ рядъ темъ для рефератовъ, снабжалъ насъ необходимыми пособіями, указаніями, выслушивалъ наши рефераты. Такъ, въ теченіе всего

*) Сообщеніе г-жи Э-нъ.

года два раза въ недѣлю онъ удѣлялъ намъ по нѣскольку часовъ, а при его личныхъ усиленныхъ запятіяхъ это было очень много. Кружокъ нашъ больше года не просуществовалъ. Михаилъ Сергѣевичъ сумѣлъ намъ внушить такое желаніе учиться, что занятія только по исторіи не могли насъ удовлетворить, а нѣкоторыя изъ насъ поступили на высшіе женскіе курсы». Этотъ разсказъ служитъ превосходною аттестаціей преподавательской энергіи и умѣнья покойнаго М. С. Корелина.

Хорошо понимая, что всего не сдѣлаешь однимъ классньмъ преподаваніемъ и разучиваніемъ учебника, покойный Корелинъ старался пріохотить ученицъ къ самостоятельнымъ занятіямъ исторіей уже въ средней школѣ. «Онъ постоянно указывалъ намъ книги,—пишетъ его ученица,—отвѣчалъ на наши вопросы, которые возникали при чтеніи, съ такимъ видимымъ удовольствіемъ, что мы нисколько не стѣснялись спрашивать. Чтобы пріучить насъ читать болѣе правильно, отдавать себѣ отчетъ въ знаніяхъ, вынесенныхъ изъ книгъ, онъ читалъ намъ вслухъ въ классѣ и совѣтовалъ составлять конспекты прочитаннаго, которые потомъ провѣрялъ» *). Уже изъ этого отзыва можно видѣть, что его старанія пріохотить ученицъ къ самостоятельнымъ занятіямъ были успѣшны. Другая ученица, подводя итогъ преподавательскому воздѣйствію Михаила Сергѣевича, говоритъ, что онъ не только пробуждалъ въ учащихся глубокій интересъ къ исторіи, но и охоту самостоятельно заниматься ею по выходѣ изъ школы, «хотя бы въ видѣ чтенія книгъ» **).

Такая энергія, которую тратилъ покойный на дѣло преподаванія исторіи въ средней школѣ, такая любовь его къ этому дѣлу и такой педагогическій талантъ, который онъ являлъ въ этомъ дѣлѣ, разумѣется, не оставались незамѣченными учащимися, и онѣ, по мѣрѣ своихъ силъ, платили ему тою же монетой. «Мы всегда чувствовали, — говоритъ одна изъ его ученицъ, — что онъ не формально относился къ дѣлу, а вкладывалъ въ него свою душу; въ каждомъ его урокѣ чувствовалось, что онъ къ нему готовился, работалъ, что это была работа по внутреннему влеченію, по призванію, но не трудъ по обязанности. И намъ, его ученицамъ, невольно передавалось его отношеніе къ дѣлу. Мы занимались не изъ страха получить дурную отмѣтку, а изъ желанія дѣйствительно знать» ***). «Нужно ли говорить, — продолжаетъ это показаніе другая ученица, — что при такомъ отношеніи къ дѣлу весь нашъ классъ отлично зналъ исторію. Вообще исторія у насъ считалась главнымъ предметомъ, не учить котораго было невозможно». Ученицы указываютъ и на другую причину своихъ усердныхъ занятій исторіей. «У насъ въ классѣ было болѣе пятидесяти ученицъ. Между ними были, конечно, и очень прилежныя, и не особенно прилежныя, и лѣнивыя, но всѣ безъ исключенія усердно занимались исторіей и, ска-

*) Сообщеніе г-жи N. выпуска 1895 г.

**) Сообщеніе г-жи Н—ой.

***) Сообщеніе г-жи N. выпуска 1895 г.

зать по правдѣ, нѣкоторыя занимались исключительно ею одною. Причиной этого необычайнаго усердія было, конечно, симпатичное отношеніе къ намъ самого Михаила Сергѣевича, какъ человѣка необыкновенно искренняго и, главное, всегда справедливаго» *). «Мы относились къ нему, — говоритъ другая свидѣтельница,—не какъ къ учителю, а какъ къ человѣку выше насъ по развитію и съ добрымъ, отзывчивымъ сердцемъ» **). «Своимъ простымъ, сердечнымъ отношеніемъ,—прибавляетъ третья,—своимъ умѣньемъ уважать въ каждой ученицѣ личность, Михаилъ Сергѣевичъ снискалъ себѣ всеобщее расположеніе въ классѣ... Всѣмъ извѣстно, что Михаилъ Сергѣевичъ былъ очень требовательнымъ и строгимъ преподавателемъ, но ни одна ученица не ставила ему этого въ упрекъ, потому что въ его видимой строгости проглядывала гуманность, сердечность и горячее стремленіе принести своимъ ученицамъ какъ можно больше пользы...» ***). Привѣтливость и простота въ обращеніи, отличавшія покойнаго Корелина, съ благодарностью вспоминаются его ученицами и по частной гимназіи. «Гдѣ бы ни встрѣтившись съ нами, — пишетъ одна изъ нихъ, — онъ не ограничивался снисходительнымъ, еле замѣтнымъ кивкомъ головы... Михаилъ Сергѣевичъ при встрѣчѣ съ своими ученицами всегда относился къ нимъ какъ къ хорошимъ знакомымъ, интересуясь не только ихъ занятіями, но ихъ жизнью вообще. А каждый по себѣ знаетъ, какъ цѣнитъ и какъ нуждается наша учащаяся молодежь въ подобномъ сердечномъ отношеніи со стороны лицъ, такъ тѣсно соприкасающихся съ нею... Встрѣтить, говорить съ М. С. было цѣлымъ событіемъ въ гимназической жизни каждой изъ насъ. Да и теперь, по прошествіи многихъ лѣтъ, эти воспоминанія хотя бы случайныхъ краткихъ встрѣчъ не изгладились, да и слишкомъ онѣ дороги, чтобы когда-либо забыть о нихъ».

Корелинъ, по мѣткому выраженію одной изъ своихъ ученицъ, училъ ихъ «разумно направляя», «любя и цѣня въ нихъ настоящихъ и будущихъ людей». Все его преподаваніе проникнуто было заботою не только о настоящемъ, но и о будущемъ своихъ ученицъ. Не довольствуясь тѣмъ, что удавалось ему сдѣлать въ этомъ отношеніи на своихъ урокахъ,—а удавалось ему, какъ показываютъ отзывы его ученицъ, многое,—Корелинъ считалъ своимъ долгомъ, разставаясь съ выпускными ученицами, напутствовать ихъ въ дальнѣйшую жизнь своими завѣтами. Здѣсь онъ высказывалъ свои основныя воззрѣнія на жизнь, на счастье и на мѣры къ его достиженію. Его ученицы прислали мнѣ нѣсколько списковъ рѣчей, сказанныхъ имъ при прощаніи съ ними. Во всѣхъ этихъ рѣчахъ, при всемъ разнообразіи ихъ конструкцій и выраженій, проводятся одни и тѣ же основные взгляды, ярко обрисовывающіе личность покойнаго Корелина. Сущность ихъ сводится къ слѣдующему: прочное человѣческое счастье содержится въ

---

*) Сообщеніе г-жи Е. В. М—ой.

**) Сообщеніе г-жи N. выпуска 1895 г.

***) Сообщеніе г-жи Е. З.

разумномъ *дѣлѣ*, которое человѣкъ дѣлаетъ, изо всѣхъ силъ поэтому надо стремиться къ просвѣщенію, которое обусловливаетъ разумный трудъ, а слѣдовательно и человѣческое счастье, и притомъ не личное только, но и общественное. Я позволю себѣ привести выдержки изъ двухъ его рѣчей, въ которыхъ приведенныя положенія выражены съ особою силою. Рѣчи эти сказаны покойнымъ 30 марта 1891 г. и 23 марта 1894 г. «Пользуясь послѣдними минутами,—говорилъ Михаилъ Сергѣевичъ,—я хочу дать нѣсколько добрыхъ совѣтовъ, такъ какъ я больше васъ жилъ, больше и лучше вашего знаю жизнь. Самое благородное и самое законное стремленіе человѣка — стремленіе къ счастью. Но найти счастье не такъ легко. Бываетъ, но очень рѣдко, что счатье сваливается само, но большею частью человѣку самому приходится искать его, и это счастье прочнѣе. Главный и существенный элементъ счастья заключается въ томъ, чтобы найти себѣ дѣло по душѣ... Чтобы полюбить дѣло, надо отнестись къ нему сознательно, а для этого необходимо умственное развитіе. Чѣмъ выше у человѣка умственное развитіе, тѣмъ больше шансовъ выбрать такое дѣло, которое его удовлетворитъ... Разумъ развитого человѣка видитъ въ жизни больше, лучше, чѣмъ разумъ человѣка менѣе развитого. Чѣмъ больше у человѣка интересовъ, тѣмъ больше шансовъ на счастье, жизнь лучше, привлекательнѣе... Для всякаго человѣка знаніе и развитіе главные элементы счастья». Корелинъ доказывалъ далѣе, что это справедливо относительно всѣхъ житейскихъ положеній. Для тѣхъ, кому удастся обзавестись семьей, необходимо «сохранить способность на время отрываться отъ мелкихъ заботъ, уйти отъ мелочныхъ интересовъ въ область, возвышающую душу». «А если кому не посчастливится личная жизнь, то знаніе — надежная порука за болѣе счастливое существованіе. Если человѣку весело живется, то это не мѣшаетъ ему находить время для любимаго занятія. А если настанутъ непогоды, горе, то укрыться отъ нихъ дастъ возможность интересное, любимое дѣло» *). «Когда вамъ удастся устроить маленькую хижину изъ науки,—говорилъ Корелинъ въ другой своей рѣчи,—въ которой вы могли бы укрываться отъ бурь и непогодъ житейскихъ, я васъ отъ души поздравлю: вы нашли истинное, прочное счастье, которымъ пресытиться нельзя» **). Вслѣдствіе всего этого Корелинъ приглашалъ своихъ ученицъ не ограничиваться тѣмъ, что онѣ получили въ гимназіи, а продолжать умственную работу и по выходѣ изъ гимназіи. «Тѣ свѣдѣнія, которыя вы пріобрѣли здѣсь,—говоритъ онъ,—не дадутъ возможности вполнѣ сознательно относиться ко всѣмъ сторонамъ жизни, но они имѣютъ одну цѣну: они представляютъ почву или, лучше сказать, фундаментъ, на которомъ вы можете создать дальнѣйшую умственную жизнь. Вы пріобрѣли здѣсь «корень» ученія и совершенно свободно можете продолжать ученіе, и самыя интересныя знанія для васъ начинаются теперь... Самое скучное—начало—для васъ миновало,

---

*) Сообщеніе г-жи Н—ой.

**) Сообщеніе г-жи З. Б—ой.

и если вы теперь пойдете дальше въ любой наукѣ, она васъ поглотитъ всецѣло... При научныхъ занятіяхъ точно пелена съ глазъ спадаетъ, по мѣрѣ углубленія въ науку, и изучать что-нибудь то же наслажденіе, какъ любоваться на хорошій пейзажъ, съ поднятіемъ на гору все расширяющійся и представляющій все новыя красоты. Такъ, и съ пріобрѣтеніемъ научныхъ знаній, міръ представляется не такимъ, какъ прежде, и все больше и больше открываешь въ жизни такія стороны, какихъ не подозрѣваешь, и это доставляетъ высокое наслажденіе. Въ наукѣ двѣ стороны, и если кому удастся только расширить собственныя знанія, то и въ этомъ много счастья. Сначала это можетъ показаться эгоистичнымъ, но это не правда, потому что человѣкъ умственно развитой оказываетъ большое вліяніе, особенно у насъ въ Россіи, гдѣ образованныхъ людей гораздо меньше, чѣмъ необразованныхъ, а это вліяніе очень благотворно. Особенно важное значеніе имѣетъ образованная женщина. Огромному большинству изъ васъ придется учить своихъ или чужихъ дѣтей, а чтобъ имѣть вліяніе въ семьѣ и въ обществѣ, необходимо умственное развитіе. Но въ занятіяхъ наукой есть и другая сторона: это—возможность самому открыть какую-нибудь истину. Это расширяетъ науку, но это дѣло трудное, особенно для женщины. Для того, чтобы двигать плодотворно науку, нуженъ большій трудъ и бо́льшая школа, чѣмъ та, которую вы проходите. Безъ высшей школы открыть что-нибудь новое—дѣло трудное, хотя и не невозможное. Въ исторіи каждой науки есть такіе примѣры, но для этого нужна особенная обстановка. Если кому-либо понадобится что-нибудь по исторической части, то двери моей квартиры открыты для васъ во всякое время» *). Такъ на всѣ лады разъяснялъ покойный Корелинъ своимъ ученицамъ значеніе просвѣщенія въ человѣческой жизни и призывалъ ихъ къ самообразованію по выходѣ изъ школы. Онъ приглашаетъ ихъ работать серьезно и упорно въ этомъ направленіи, не довольствуясь поверхностнымъ усвоеніемъ «разныхъ, такъ называемыхъ, послѣднихъ словъ науки». «Нѣтъ болѣе образовательнаго средства,—говорилъ онъ въ 1894 году,—какъ изученіе исторіи всеобщей литературы, въ чемъ у насъ чувствуется значительный пробѣлъ. Надо систематически заняться чтеніемъ древнихъ писателей съ самаго начала. Надо читать ихъ крупныя произведенія и понемногу двигаться впередъ такъ, какъ двигалась исторія. Такое чтеніе принесетъ вамъ гораздо больше пользы, чѣмъ изученіе такъ называемыхъ «послѣднихъ словъ науки». Они могутъ быть полезны тому, кому извѣстны и первыя, и среднія слова науки... Это можетъ показаться скучнымъ, лучше бы знакомиться съ новинками, древніе писатели какъ будто далеки отъ насъ. Но стоитъ только заставить себя войти, и будетъ казаться интереснымъ» **). Слушая всѣ эти рѣчи, ученицы покойнаго Михаила Сергѣевича чувствовали, что все это говорится имъ не изъ приличія только и не ради упражненія въ ораторскомъ

*) Сообщеніе г-жи Н—ой.

**) Сообщеніе г-жи З. Б—ой.

искусствѣ, а прямо отъ души, вполнѣ искренно, по собственному пережитому опыту, изъ желанія имъ добра. Корелинъ производилъ на нихъ впечатлѣніе какъ цѣльная личность. «Вообще его вліяніе, — пишетъ одна изъ нихъ,—никогда не изгладится изъ нашей души, потому что онъ вліялъ не только словомъ, но и обаяніемъ своей личности, какъ человѣкъ самобытный, энергичный, съ живымъ, неугасаемымъ стремленіемъ ко всему свѣтлому и прекрасному, съ вѣрою въ человѣка и въ будущее человѣчества» *). Его преждевременная кончина исторгаетъ изъ устъ ея Некрасовскіе стихи:

Какой свѣтильникъ разума угасъ,
Какое сердце биться перестало!

Оплакивая эту кончину, ученицы справедливо утѣшаютъ себя тѣмъ, что работа этого почившаго дѣятеля культуры не пропала даромъ, что его вліяніе живетъ въ нихъ и передастся черезъ нихъ дальнѣйшимъ поколѣніямъ, что посѣянныя имъ сѣмена возрастутъ сторицею.

М. К. Любавскій.

---

*) Сообщеніе г-жи N., выпуска 1895 г.

М. С. Корелинъ — какъ профессоръ и руководитель студенческихъ занятій *).

Университетскія воспоминанія обычно остаются въ жизни образованнаго человѣка одними изъ самыхъ отрадныхъ, свѣтлыхъ, благородныхъ. Среди этихъ воспоминаній видное мѣсто займетъ живой индивидуальный образъ покойнаго профессора М. С. Корелина у всѣхъ тѣхъ, кому довелось быть его слушателями.

Трудно объективно анализировать событіе, которое только что завершилось. Трудно дѣлать подробную хладнокровную характеристику человѣка, который еще такъ недавно былъ среди насъ. Да и сама личность М. С. какъ-то не поддается такому дробному анализу. Это была натура, прозводящая впечатлѣніе именно своею цѣльностью, непосредственною прямотой. Въ виду этого уважаемое собраніе не посѣтуетъ, если и мой настоящій докладъ будетъ состоять болѣе изъ впечатлѣній, которыя не успѣли еще переработаться въ разсудочныя отвлеченныя понятія, и которыя могутъ имѣть цѣну—по крайней мѣрѣ для насъ—только по своей непосредственности, по своей близости къ предмету.

Я прослушалъ въ университетѣ цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ курсовъ М. С.,—начиная съ древнѣйшей исторіи Востока и кончая жизнью современно-европейскихъ государствъ XIX столѣтія,—и всѣ эти курсы прослушаны были съ одинаковымъ интересомъ и одинаковою пользой. Что же привлекало студента-слушателя М. С. въ его аудиторію? Привлекало серьезное, интересное и всегда доступное содержаніе его лекцій,—привлекала сама личность профессора и его отношеніе къ своему дѣлу.

Къ счастію, въ большинствѣ случаевъ, молодой человѣкъ, только что вступающій въ университетъ, бываетъ проникнутъ искреннимъ, хотя, конечно, болѣе платоническимъ стремленіемъ къ наукѣ, пылкимъ, рѣшительнымъ затребованіемъ, чтобы эта наука не оставалась только отвлеченною схемой, а являлась бы живою силой, школой жизненной. И вотъ Мих. С.

---

*) Рефератъ, читанный въ засѣданіи учебнаго отдѣла Общества распространенія техническихъ знаній 8 апрѣля 1899 года.

умѣлъ не охладить этого юношескаго пыла, а напротивъ воспользоваться имъ, умѣлъ отвѣтить на запросы молодого ума и искуснымъ постепеннымъ образомъ пріучить его къ серьезной работѣ въ научной области.

Изъ многосторонней дѣятельности М. С. въ области педагогіи я и попытаюсь охарактеризовать его университетское преподаваніе, на которое было имъ положено, конечно, болѣе всего труда и времени. Но университетъ имѣлъ такое большое,—можно сказать, руководящее значеніе въ его жизни,—М. С. такъ любилъ его, уважалъ, проникся его лучшими традиціями, что разсматривать его труды въ университетѣ совершенно обособленно отъ другихъ отраслей его общественной дѣятельности не приходится. Необходимо сдѣлать нѣсколько общихъ соображеній.

М. С. читалъ лекціи для студентовъ университета, на высшихъ женскихъ курсахъ, въ московской консерваторіи, преподавалъ въ женской гимназіи, устраивалъ отдѣльныя чтенія для учащейся молодежи, задумывался надъ выработкой доступныхъ историческихъ темъ для народа,—и во всѣхъ этихъ случаяхъ оказывался на высотѣ своей задачи, вездѣ труды его были плодотворны, вели къ должной цѣли. Этого объяснить нельзя ничѣмъ инымъ, какъ только особымъ педагогическимъ талантомъ, потому что можно быть хорошимъ ученымъ и плохимъ педагогомъ. Педагогическій талантъ предполагаетъ извѣстную чуткость натуры, живость и широту ума, умѣнье сообразоваться съ психикой учащихся, любить и уважать объектъ своего воспитанія. Въ настоящее время идутъ оживленные разговоры о реформахъ въ педагогической системѣ, проявляется сознательное стремленіе къ серьезной разумной постановкѣ преподаванія гуманитарныхъ предметовъ въ средней школѣ. Отсутствіе голоса М. С. при разрѣшеніи этихъ вопросовъ будетъ особенно сильно ощущаться. Но, впрочемъ, его взгляды на этотъ счетъ уже достаточно выяснились на его педагогической практикѣ, а отчасти и были высказаны на словахъ. Думается, что я не погрѣшу, если опредѣлю эти взгляды такимъ образомъ: конечно, давно пора оставить ту прежнюю систему преподаванія исторіи, когда учащихся заставляли затверживать только отдѣльные, почти не связанные между собою факты, развлекали одними занимательными анекдотами; эта система не достигаетъ разумныхъ результатовъ, потому что отдѣльныхъ впечатлѣній получаетъ и безъ того достаточно юный умъ учащагося по своей воспріимчивости,—дѣло педагога развивать обобщающую способность его ума, его логическое мышленіе. Эта система доказываетъ затѣмъ неуваженіе къ объекту воспитанія, потому что предполагаетъ въ немъ полное отсутствіе серьезной мысли, отрицаетъ въ немъ возможность разумнаго сознательнаго интереса. Нѣтъ, даже и въ средней школѣ преподаваніе предмета можно и должно поставить на серьезно-научную основу, только излагать его въ доступной для учащихся формѣ. Въ противномъ случаѣ можно впасть въ противоположную крайность; потому что если мы будемъ преподносить ученику однѣ научныя формулы или отвлеченную схему,—онъ можетъ не понять насъ и потерять всякій интересъ къ предмету; и тогда труды наши

пропадутъ даромъ. М. С. умѣлъ съ рѣдкимъ искусствомъ сочетать въ своемъ преподаваніи научную серьезность содержанія съ наглядно-живымъ изложеніемъ. Это доказываютъ его популярно-научныя книжки; объ этомъ свидѣтельствуютъ искреннія признанія его учениковъ и ученицъ. Какъ историкъ культуры, изучавшій законы развитія человѣческой личности, онъ хорошо понималъ, что отвлеченное мышленіе становится вполнѣ доступнымъ человѣку только въ зрѣломъ возрастѣ,—и нѣтъ надобности насильственно развивать преждевременную сухость ума. Юный умъ бываетъ болѣе воспріимчивъ къ образности, къ наглядности впечатлѣній,—и этимъ нужно пользоваться. Нужно деликатно руководить его мышленіемъ такимъ образомъ, чтобъ оно шло тѣмъ же путемъ, какъ и у вполнѣ зрѣлаго человѣка,—чтобы обобщенія составлялись изъ наиболѣе яркихъ, выпуклыхъ фактовъ; дѣло педагога дать удачный подборъ такихъ фактовъ. Въ одной изъ статей своихъ М. С. въ такихъ словахъ выражаетъ взгляды на это дѣло гуманиста Леонардо Бруно, которымъ, видимо, вполнѣ сочувствуетъ: «Умственно-духовное воспитаніе должно быть построено на психологической основѣ, причемъ педагогъ долженъ тщательно изучить индивидуальныя свойства своихъ питомцевъ и воспитывать ихъ сообразно съ ихъ психическими особенностями» *).

Какое серьезное значеніе придавалъ М. С. дѣлу преподаванія даже и въ средней школѣ, это видно уже изъ того, что онъ считалъ желательнымъ поставить это преподаваніе въ живую связь съ университетскою наукой. Какъ разъ на другой день послѣ его кончины въ одной изъ московскихъ газетъ появилась ранѣе написанная имъ статья, отзывающаяся на возбужденные вопросы о лучшей постановкѣ педагогическаго дѣла. Въ этой статьѣ онъ рѣшительно высказывается противъ учрежденія особыхъ, отдѣленныхъ отъ университета педагогическихъ семинарій или институтовъ, имѣющихъ цѣлью создавать будущихъ педагоговъ. М. С. говоритъ, что молодой человѣкъ получаетъ достаточную научную подготовку уже въ стѣнахъ университета, а опытность педагогическая—это дѣло практики; конечно, не все дается сразу, во всякомъ случаѣ болѣе всего цѣнны—нѣкоторая природная способность и любовь къ избранному дѣлу. Всѣ эти мысли вызваны, конечно, опасеніемъ, что при новыхъ условіяхъ будущіе педагоги слишкомъ скоро разорвутъ связь съ университетомъ, забудутъ его благородныя традиціи, заключающіяся въ уваженіи и живомъ отношеніи къ научнымъ вопросамъ, вызваны опасеніемъ, чтобы эти новые институты не стали создавать класса педагоговъ-ремесленниковъ. Конечно, желательно и знаніе главнѣйшихъ теоретическихъ основъ педагогіи и знакомство съ веденіемъ дѣла болѣе опытными людьми; но не возможно ли въ самую университетскую программу ввести педагогическіе курсы и изъ университета же дать доступъ молодымъ людямъ, готовящимъ себя къ

*) *Очерки Итальянскаго Возрожденія*: „Библіотека *Русской Мысли*" 1896 г., стр. 267.

педагогической дѣятельности, на гимназическіе уроки. Это, конечно, можетъ расширить ихъ кругозоръ, познакомить съ учебною практикой, намѣтить вопросы, съ которыми придется имѣть дѣло впослѣдствіи.

Если такимъ образомъ уже серьезность средняго образованія М. С. полагалъ въ возможно близкой связи съ высшею наукой, то преподаванію этой науки въ университетѣ онъ придавалъ особенное значеніе. Какъ относился М. С. къ своему университетскому дѣлу, это достаточно извѣстно всякому, кто хоть сколько-нибудь зналъ его. На это дѣло онъ такъ быстро истратилъ свои физическія силы. Въ свои послѣдніе болѣзненные годы онъ страшно скучалъ, когда лишался возможности бывать въ университетѣ, и постоянно порывался возобновить тамъ свои занятія. Вотъ эта-то искренняя любовь къ наукѣ, живое отношеніе къ ней и привлекало къ М. С. его слушателей, сближало его съ студенческимъ настроеніемъ. Самый видъ этого молодого профессора, этого доктора honoris causa—какъ-то подбадривалъ его аудиторію. Аудиторія эта не могла скучать, потому что видѣла, что излагаемые вопросы слишкомъ живо захватываютъ самого профессора.

Но такое живое отношеніе къ наукѣ не нарушало его объективности. Въ своихъ лекціяхъ, какъ и въ научныхъ статьяхъ, М. С. всегда былъ чуждъ односторонности и какихъ бы то ни было анти-научныхъ тенденцій. Односторонность не свойственна была его широкому умственному взгляду, а тенденцію, какъ и всякую ложь, не допускала его правдивая натура. М. С. постоянно высказывалъ свое несочувствіе всякимъ одностороннимъ взглядамъ на исторію,—будь это не обоснованная на фактахъ дѣйствительности идеалистическая система или экономическій матеріализмъ. Онъ понималъ, что объектомъ исторіи является то сложное и поучительно-интересное цѣлое, которое состоитъ изъ своеобразнаго сочетанія матеріальныхъ процессовъ съ психическими процессами сознанія, и которое называется жизнью человѣческой. Нельзя понимать историческіе факты, какъ какой-то неожиданный продуктъ взаимоотношенія постороннихъ стихійныхъ элементовъ; общество человѣческое, подлежащее историческому изученію, есть прежде всего живое цѣлое, и его органическое развитіе совершается по собственнымъ внутреннимъ біологическимъ законамъ. «Исторія,—говорилъ М. С. въ своихъ лекціяхъ,—изучаетъ матеріалъ для установленія общихъ законовъ, по которымъ развивается личность и общество». Конечно, при этомъ развитіи оно постоянно реагируетъ на внѣшнюю окружающую его среду, но все же его внутренніе законы существуютъ, и они-то ближайшимъ образомъ подлежатъ изученію историка. Между этими законами видное мѣсто занимаютъ психическіе законы человѣческаго сознанія, которые по мѣрѣ развитія общества пріобрѣтаютъ все болѣе и болѣе значенія. Въ этомъ мірѣ все находится во взаимодѣйствіи, всѣ элементы оказываютъ вліяніе другъ на друга,—и общество человѣческое нельзя выдѣлить изъ этого общаго мірового движенія. Оно растетъ, подвергаясь воздѣйствію внѣшней среды, и въ свою очередь существенно

вліяетъ на эту среду. Но исторія показываетъ намъ, что дѣятельность человѣческаго сознанія, человѣческаго разума чрезвычайно ярко проявляется въ этомъ міровомъ процессѣ: какъ высшая сила, самосознающая, ставящая себѣ опредѣленныя цѣли и задачи, разумъ во многихъ случаяхъ господствуетъ надъ безсознательными стихійными силами, регулируетъ ихъ движеніе. Это и называется культурною дѣятельностью человѣка—въ спеціальномъ значеніи этого слова. Культурой называется та интенсивная работа, съ помощью которой человѣкъ отстаиваетъ свое существованіе, свое мѣсто въ природѣ,—борется съ враждебными силами, призываетъ на помощь силы дружественныя, чтобы дать удовлетвореніе своимъ потребностямъ, дать большій просторъ развитію своихъ внутреннихъ силъ и способностей. «Культурная работа личности,—пишетъ М. С.,—всегда преслѣдовала и будетъ преслѣдовать двѣ цѣли: во-первыхъ, подчинить себѣ природу, заставить служить своимъ интересамъ стихійныя силы и, во-вторыхъ, добиться лучшаго положенія въ обществѣ—доставить себѣ возможность наиболѣе широкаго развитія лучшихъ свойствъ своей природы, наиболѣе полнаго удовлетворенія своихъ законныхъ потребностей, насколько позволяетъ это справедливость, т.-е. насколько личное стремленіе не мѣшаетъ таковымъ же стремленіямъ другихъ лицъ. Оба направленія этой культурной работы во многихъ отношеніяхъ представляютъ значительное сходство. Въ борьбѣ съ природой человѣкъ безсиленъ произвести даже самое незначительное количество матеріи, не въ состояніи создать никакой новой силы. Вся его дѣятельность въ этой сферѣ сводится только къ комбинаціи существующихъ элементовъ, только къ умѣнью воспользоваться наличными силами природы. И въ общественной средѣ человѣку приходится имѣть дѣло уже съ прочно сложившимися формами и съ готовыми силами. Чтобы добиться успѣшныхъ результатовъ, и здѣсь необходимо умѣнье пользоваться общественными теченіями, умѣнье комбинировать съ ними индивидуальныя цѣли. Въ обоихъ направленіяхъ прежде всего необходимо знаніе среды, пониманіе сравнительной силы отдѣльныхъ ея факторовъ, наконецъ, во всякой борьбѣ приходится преодолѣвать косность и рутину» *).

Конечно, главнымъ образомъ отъ личныхъ вкусовъ, личныхъ интересовъ и склонностей зависитъ то, останавливается ли историкъ своимъ вниманіемъ болѣе на стихійныхъ процессахъ въ развитіи человѣческихъ обществъ или на проявленіи въ нихъ разумно-сознательной дѣятельности. М. С—а ближе всего интересовала человѣческая личность,—онъ вѣрилъ въ могущество духовныхъ силъ человѣка, въ его особое положеніе въ природѣ, и потому являлся историкомъ культуры по преимуществу. Но, какъ показываетъ уже приведенный отрывокъ, онъ былъ далекъ отъ односторонняго направленія и въ этомъ отношеніи. Онъ заявляетъ, что никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду и среду, внѣшнюю обстановку. Его интересовали

*) *Очерки Итал. Возрожд.*, стр. 162—163.

идеи, какъ плодъ культурнаго развитія человѣчества, но онъ постоянно разсматривалъ, въ какихъ формахъ матеріальной дѣйствительности воплощались эти идеи. М. С. упрекалъ, напримѣръ, гуманистовъ за нерѣдко проявлявшуюся у нихъ «ошибочную вѣру (по его буквальному выраженію) во всемогущество человѣческой личности при организаціи общественныхъ порядковъ» *),—упрекалъ за то, что они бывали часто не историчны въ своихъ воззрѣніяхъ, надѣялись въ точности воспроизвести то прошлое, которому уже не было соотвѣтствія въ современной дѣйствительности.

Подъ вліяніемъ такихъ интересовъ, такого широкаго умственнаго кругозора—М. С. умѣлъ отмѣчать въ обще-историческомъ движеніи такіе моменты, которые должны особенно завлекать вниманіе своею сложностью, богатствомъ своего содержанія. Таковы—послѣдніе періоды существованія римско-классической имперіи, когда внутри ея совершался культурный кризисъ, внутреннее броженіе, обусловленное столкновеніемъ новыхъ культурныхъ идей со старыми традиціями, когда зарождались оригинальныя философскія и религіозно-нравственныя системы, когда появилось на свѣтъ христіанство, возвѣстившее новыя воспитательныя идеи для человѣчества и положившее начало цѣлому ряду новыхъ общественныхъ отношеній, новыхъ общественныхъ организацій. Таковы важнѣйшіе моменты средневѣковой исторіи, представляющіе изъ себя интересную картину приспособленія римско-христіанскихъ элементовъ къ варварской средѣ. Таковъ гуманизмъ, эта заря новой исторіи, когда широко-развившаяся человѣческая личность переросла окружающую ее среду и въ сознательномъ стремленіи ея переустройства положила начало грандіознымъ религіознымъ и политическимъ движеніямъ новаго времени.

Университетскія лекціи М. С—а никогда не оставались одной отвлеченной схемой. Это было богатое и цѣльное собраніе наиболѣе яркихъ, наиболѣе интересныхъ въ историческомъ отношеніи фактовъ, осмысленныхъ научнымъ обобщеніемъ. Вниманіе слушателя оживлялось хорошимъ изложеніемъ, которое во всякомъ случаѣ является болѣе чѣмъ желательнымъ. М. С. умѣлъ придать интересъ даже такимъ, повидимому, мало занимательнымъ вопросамъ, какъ различныя археологическія изысканія въ области древнѣйшихъ эпохъ или исторія европейскихъ экспедицій на Востокъ,—исторія прочтенія новѣйшей наукой египетскихъ іероглифовъ или ассиро-вавилонской клинописи. Все это М. С. умѣлъ представить, какъ яркую иллюстрацію все большихъ и большихъ умственныхъ завоеваній человѣчества. «Движеніе пытливой мысли,—говорилъ онъ въ своихъ лекціяхъ,—въ какой бы области оно ни начиналось, никогда не остается безъ результатовъ... Среди различныхъ открытій, которыми такъ богато наше столѣтіе, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ прочтеніе гіероглифической и клинообразной письменности». Таковъ общій характеръ лекцій М. С — а. Въ силу указанныхъ свойствъ, его курсы всегда бывали обширны по своему объему, но, благодаря своему интересу и стройности, легки для усвоенія.

*) Ibid., стр. 331.

Но М. С. не считалъ возможнымъ ограничивать университетское преподаваніе однимъ чтеніемъ лекцій, научнымъ изложеніемъ предмета. Онъ придавалъ особенное значеніе такъ называемымъ семинаріямъ и всегда охотно принималъ на себя обязанности руководителя студентовъ при ихъ самостоятельной работѣ. «Велико то наслажденіе,—писалъ М. С. въ одной изъ статей своихъ,—которое даетъ пріобрѣтеніе знаній, усвоеніе идей и выводовъ, добытыхъ ранними изслѣдователями; но есть другая сторона научнаго труда, которая глубже захватываетъ человѣка и даетъ ему болѣе полное удовлетвореніе,—ученое творчество въ добываніи новыхъ истинъ и страстное, неудержимое стремленіе провести ихъ въ общественное сознаніе» *). Насколько возможно познакомить студента съ интересомъ и продуктивностью такой самостоятельной работы—и составляетъ, какъ кажется, цѣль университетскихъ семинарій.

Я принималъ участіе въ двухъ семинаріяхъ, руководимыхъ М. С—емъ,—по древне-римской и средневѣковой исторіи. Говорить въ подробности объ ихъ содержаніи нѣтъ надобности: они отличались тою же оживленностью, тѣмъ же широкимъ взглядомъ на предметъ. На семинаріяхъ это является задачей гораздо болѣе трудною, потому что, по самому смыслу, приходится выбирать вопросы спеціальные, небольшіе по объему, и въ то же время требуется поставить эти вопросы такимъ образомъ, чтобъ они не лишены были общаго смысла, чтобы при ихъ разрѣшеніи можно было проявить способность къ серьезнымъ пріемамъ научнаго изслѣдованія. Но эта трудность преодолѣвается удачнымъ выборомъ темъ. На семинаріи по римской исторіи мы цѣлое полугодіе занимались изученіемъ исторіи принципата императора Тиберія. Моментъ чрезвычайно любопытный и поучительный. Тогда уже окончательно опредѣлилось, что созданіе принципата или власти императорской не было случайностью, не было произведеніемъ личной воли одного лица, а явилось слѣдствіемъ современныхъ общественныхъ условій; эти же особенныя условія самымъ характернымъ образомъ отразились на внутреннемъ воспитаніи и развитіи такой любопытной и въ психологическомъ, и въ историческомъ отношеніи, можно сказать, трагической личности, какъ самъ императоръ Тиберій. (М. С. прямо говорилъ, что на эту тему поэтически-талантливый человѣкъ могъ бы написать прекрасную историко-психологическую драму, въ духѣ Шекспира.) Въ качествѣ пособія при изученіи, намъ указаны были два сочиненія о Тиберіи: француза Бёле и нѣмца Штара,—сочиненія во многихъ отношеніяхъ разнохарактерныя, смотрящія на предметъ съ различныхъ точекъ зрѣнія. Чтобы разобраться въ спорныхъ вопросахъ, приходилось обратиться къ первоисточникамъ, безъ чего собственно и невозможна самостоятельная работа. Насколько позволяло время, въ связи съ разработкой главной темы, мы проштудировали текстъ важнѣйшихъ римскихъ писателей-историковъ эпохи имперіи: Тацита, Светонія, Веллея Патеркула, Діона Кассія.

---

*) Ibid., стр. 210.

На семинаріи по средневѣковой исторіи М. С-емъ былъ предложенъ цѣлый рядъ темъ, изъ которыхъ можно было дѣлать выборъ, сообразуясь съ собственнымъ интересомъ. Въ то же время студенту предоставлялась возможность ставить на очередь для разрѣшенія и избранные имъ самимъ вопросы, если только они не выходили изъ области изучаемой эпохи и были удобны въ педагогическомъ отношеніи. Такимъ образомъ, предполагалось освѣтить болѣе подробно, съ изученіемъ первоисточниковъ, главнѣйшіе моменты среднихъ вѣковъ. Въ качествѣ такихъ моментовъ отмѣчены были, напримѣръ: основаніе Остготскаго королевства въ Италіи и монархіи Карла Великаго на Западѣ Европы—первыя попытки своеобразнаго сочетанія высоко-культурныхъ римско-классическихъ элементовъ съ мало развитыми элементами варварскими. Или—характеръ борьбы папской власти съ императорской въ лицѣ Григорія VII и Генриха IV, насколько она отражается въ современныхъ трактатахъ приверженцевъ той и другой стороны; требовалось выяснить своеобразное содержаніе папской теоріи, указать, что̀ вошло въ нее изъ христіанскихъ и римскихъ идей, и что̀ невольно позаимствовано изъ понятій современной феодальной среды; нужно было опредѣлить запросы и противоположнаго лагеря,—уже проявившуюся потребность со стороны свѣтской власти стать въ независимое положеніе и неумѣнье еще теоретически обосновать своихъ стремленій, невольную зависимость отъ того же теократическаго міросозерцанія, обусловившую въ эту эпоху окончательную побѣду папства. Въ заключеніе темъ по средневѣковой исторіи, предполагалось изучить зарожденіе новаго гуманистическаго движенія, новаго міросозерцанія, выразившагося въ иномъ отношеніи къ міру и его интересамъ, въ стремленіи развитой человѣческой личности къ самостоятельному разрѣшенію философскихъ и научныхъ вопросовъ, въ стремленіи къ свободному искусству, къ независимымъ политическимъ убѣжденіямъ.

На тѣхъ же семинаріяхъ поднимались и общіе вопросы методологическаго характера, подвергались обсужденію различныя направленія въ исторической наукѣ, напримѣръ, разбирались главнѣйшія положенія новой школы экономическаго матеріализма. Я уже говорилъ, что М. С. по своимъ убѣжденіямъ не могъ сочувствовать этому новому движенію и считалъ какъ бы своимъ долгомъ предостерегать отъ увлеченія имъ молодые умы студентовъ. Онъ говорилъ, что это направленіе слишкомъ суживаетъ историческій кругозоръ, упускаетъ изъ виду цѣлый рядъ факторовъ, имѣющихъ самое существенное значеніе; напримѣръ, въ немъ оставляются въ сторонѣ и какъ бы не принимаются въ разсчетъ сознательные процессы, а эти процессы на-ряду съ матеріальными пріобрѣтеніями составляютъ неоспоримый плодъ культурнаго развитія, и въ извѣстные моменты особенно явственно проявляются въ исторической дѣйствительности. Очень многія явленія въ исторіи остаются необъяснимыми съ точки зрѣнія экономическаго матеріализма или, по крайней мѣрѣ, не разъясненными вполнѣ. Таково прежде всего христіанство, которое называетъ М. С. «однимъ изъ вели-

чайшихъ и глубочайшихъ переворотовъ, какіе только знаетъ всемірная исторія», какія только видѣлъ родъ человѣческій *). М. С. твердо держался убѣжденія, что далеко не однѣми матеріальными потребностями руководится человѣкъ въ своей дѣятельности, а также—и болѣе всего своими внутренними идеями, мыслями и желаніями, вѣрованіями и надеждами, каковы бы они ни были, и для провѣрки этого М. С. приглашалъ каждаго искренно обратиться къ своему собственному внутреннему чувству. «Великая евангельская истина,— говорилъ онъ,— гласящая, что не единымъ хлѣбомъ живъ будетъ человѣкъ, представляетъ собою не только нравственное предписаніе, но также несомнѣнный историческій фактъ. Мы не знаемъ народа въ исторіи, который жилъ бы исключительно матеріальными интересами; у каждаго народа есть свои духовныя стремленія» **). Мало того, эти духовныя стремленія часто даже заставляютъ человѣка дѣйствовать въ ущербъ его матеріальнымъ интересамъ, развиваются въ противовѣсъ матеріальнымъ инстинктамъ. М. С. указывалъ на не разъ встрѣчающіеся въ исторіи примѣры благородныхъ борцовъ и мучениковъ за идеи, совѣтовалъ вспомнить христіанское мученичество. А разъ все это такъ, это не можетъ не отразиться на исторической дѣйствительности, насколько бы ни умалять успѣховъ сознательной дѣятельности человѣка. Экономическія условія, которыя выдвигаются на первый планъ экономическимъ матеріализмомъ, далеко не всегда и вездѣ имѣютъ преобладающее значеніе въ историческомъ движеніи. Лучшіе изслѣдователи первобытной культуры, наприм., показываютъ, что на раннихъ ступеняхъ исторіи экономическіе элементы находятся въ очень мало развитомъ состояніи, что, напротивъ, особыя религіозныя, родовыя понятія оказываютъ существенное вліяніе на установленіе своеобразныхъ общественныхъ организацій, на первоначальную классификацію общества,—что это же вліяніе отражается и на экономическихъ отношеніяхъ. Или возьмемъ средніе вѣка. Идея папской власти, наприм., зародившаяся первоначально даже не въ варварской средѣ, а пришедшая, такъ сказать, извнѣ,—являлась очень виднымъ факторомъ въ исторіи новыхъ европейскихъ народностей. Сложившись первоначально изъ элементовъ римско-христіанскихъ, она сочеталась затѣмъ съ своеобразными варварско-феодальными понятіями и дѣйствовала фактически въ этомъ направленіи. Исходя, наприм., изъ феодальнаго понятія о тѣсной, неразрывной связи патронатной власти съ земельною собственностью, папа, какъ верховный глава христіанскаго міра, провозглашалъ себя высшимъ сюзереномъ всѣхъ европейскихъ государей, а это, какъ извѣстно, не оставалось простою отвлеченной фикціей, а вело къ очень опредѣленнымъ практическимъ результатамъ, даже въ той же экономической области.

Что особенно привлекало къ участію въ семинаріяхъ М. С—а, такъ это

---

*) Ibid., стр. 178.

**) Чтенія по культурной исторіи. „Ассирійскій народъ и его боги-покровители". Изданіе *Русской Мысли* 1896 г., стр. 40—41.

полное отсутствіе педантизма и навязчиваго менторства со стороны ихъ руководителя. М. С. умѣлъ придать занятіямъ характеръ общей совмѣстной работы, что совершенно лишало ихъ формализма и оффиціальности. Для посторонняго взгляда могло бы иногда показаться, что мы не выдерживаемъ преднамѣченнаго плана, увлекаемся въ сторону новыми вопросами; но пусть такъ,—по крайней мѣрѣ, было живое искреннее отношеніе къ дѣлу, а это едва ли не самое главное. Такимъ отношеніемъ только и можно пріучить полюбить науку

М. С. давалъ возможность не прерывать съ нимъ отношеній и послѣ окончанія университетскаго курса. Благодаря этому, можно было ближе познакомиться съ нимъ, какъ съ человѣкомъ. Въ мои разсчеты не входитъ дѣлать теперь характеристику его личности, но кое-что сказать считаю необходимымъ. Потому что, какъ я уже говорилъ раньше, профессоръ, учитель, частный и общественный человѣкъ сливались въ немъ въ одно цѣлое; одна сторона можетъ лучше освѣщать и всѣ другія. «Отворачиваясь отъ жизни,—говорилъ онъ,—нельзя служить настоящимъ образомъ и школѣ» *). И дѣйствительно, къ жизни у него всегда замѣтно было такое же серьезное, живое и горячее отношеніе, какъ къ наукѣ и педагогіи. Всякое сколько-нибудь выдающееся явленіе дѣйствительности привлекало его интересъ и вызывало въ немъ желаніе такъ или иначе отвѣтить на него, такъ или иначе оцѣнить его; отсюда проистекала его наклонность къ публицистикѣ. Въ этомъ отношеніи его самого можно было бы назвать гуманистомъ, потому что онъ также стремился развивать всѣ свои природныя способности, отзываться на лучшія явленія жизни,—будь это наука, литература, искусство или вопросы общественные. И въ жизни, какъ въ наукѣ, его особенно увлекали тѣ моменты, гдѣ наиболѣе полнымъ образомъ проявляется разумная и гуманная сторона человѣческой дѣятельности, гдѣ осуществляются начала благороднаго разума и гуманнаго чувства. Отсюда,—въ исторіи нашего родного прошлаго,—его преклоненіе передъ эпохой реформъ императора Александра II, въ нравственной атмосферѣ которыхъ онъ воспитался. Эта эпоха, когда гуманно-разумныя начала вышли настрѣчу живымъ потребностямъ современной дѣйствительности, являлась въ его глазахъ истинно-культурнымъ движеніемъ впередъ. М. С. вѣрилъ въ дѣйствительную силу разумно-сознательной дѣятельности человѣка, и потому съ непріязненнымъ чувствомъ относился ко всякой рутинѣ, застою или чисто-стихійному теченію. Онъ рѣзко и горячо критиковалъ эти отрицательныя явленія жизни, но его критика никогда не носила характеръ безотрадности; она умиротворялась и облагораживалась вѣрой въ лучшіе идеалы. Безпринципный скептицизмъ никогда не былъ ему по душѣ; онъ признавалъ, что сама критика получаетъ болѣе плодотворный характеръ, когда исходитъ изъ положительныхъ началъ. Въ горячемъ тонѣ несочувствія отзывался, наприм., М. С. объ одномъ древнемъ скептикѣ, — извѣстномъ противникѣ разлагавшагося

*) *Очерки Итальянскаго Возрожденія*, стр. 310.

язычества и только что народившагося христіанства,—эпикурейцѣ Лукіанѣ. «Такимъ отрицателямъ,—писалъ М. С.,—нечего проповѣдовать; ихъ историческая заслуга заключается только въ отрицаніи отжившаго; общественными вождями они быть не могутъ, потому что общество не можетъ жить однимъ отрицаніемъ» *).

Свои нравственныя чувства М. С., повидимому, пытался порою перенести и на явленія прошлаго, на историческую дѣйствительность. «На самомъ дѣлѣ, всѣ историческія явленія,—писалъ онъ въ одномъ мѣстѣ,—оцѣниваются ихъ отношеніемъ къ культурѣ; степень ихъ важности опредѣляется ихъ положительнымъ или отрицательнымъ вліяніемъ на ея развитіе. Подъемъ человѣческой культуры означаетъ не измѣненіе только, а улучшеніе условій человѣческаго существованія. Въ чемъ бы ни видѣть признаки развитія, ея ростъ всегда долженъ совпадать съ улучшеніемъ той или другой стороны жизни, иначе между упадкомъ и развитіемъ не будетъ никакой разницы. Такъ какъ предметомъ историческаго изслѣдованія служитъ человѣкъ въ различныхъ формахъ своего существованія, то историческое развитіе всегда будетъ означать въ то же время улучшеніе человѣческой жизни. Вслѣдствіе этого, субъективная оцѣнка событія, прилагающая къ нему моральныя понятія «хорошо» или «дурно», можетъ быть правильнымъ критеріемъ для опредѣленія его культурнаго значенія, если только моральныя требованія поставлены широко и глубоко. Въ такомъ случаѣ, субъективная оцѣнка совпадаетъ съ объективной». Этотъ,—все же скорѣе публицистическій,—взглядъ доказываетъ только идеализмъ М. С., его вѣру въ то, что направленіе такъ называемой цивилизаціи приведетъ въ будущемъ къ осуществленію началъ добра и разума. Но нужно сказать, что въ своихъ научныхъ трудахъ и въ педагогическомъ изложеніи М. С. старался, насколько возможно, сдерживать свою моральную оцѣнку событій—во имя научнаго безпристрастія, и высказывалъ болѣе широкіе взгляды на самыя задачи исторической науки. Онъ не ограничивалъ эту науку исторіей современной цивилизаціи. «Если задачу исторіи, — говорилъ онъ въ своихъ лекціяхъ о древнемъ Востокѣ,—составляетъ научное объясненіе прошлаго современной цивилизаціи, то интересъ для нея, какъ кажется, могутъ имѣть только тѣ немногіе элементы восточной культуры, которые стали достояніемъ потомства. Но задача исторической науки гораздо шире объясненія формъ современнаго быта. Національная исторія каждой отдѣльной народности даетъ матеріалъ для выясненія общихъ законовъ, по которымъ развиваются личность и общество». И въ наукѣ М. С. разумную критику считалъ необходимымъ элементомъ, но только постольку, поскольку она расчищала пути для положительныхъ выводовъ, а не превращалась въ безрезультатный скептицизмъ. Однажды я засталъ М. С., уже больного, за внимательнымъ чтеніемъ Тита Ливія; въ немногіе часы, уступленные ему докторами для занятій, онъ задумывался надъ вопросомъ о достовѣрности

*) *Паденіе античнаго міросозерцанія*, 1895 г., стр. 98. Изд. Поповой.

раннихъ періодовъ римской исторіи, не удовлетворяясь однимъ отрицательнымъ рѣшеніемъ этого вопроса. «Должно быть, я, дѣйствительно, начинаю переходить въ старость, — сказалъ онъ полушутя, — потому что ощущаю потребность въ чемъ-нибудь твердомъ, положительномъ, и не увлекаюсь горячимъ критицизмомъ». На самомъ дѣлѣ, это, конечно, была не старость, а все тотъ же чисто-юношескій идеализмъ, котораго не могла сломить въ немъ физическая немощь, и который давалъ ему жизненную стойкость.

М. С. принадлежалъ къ числу тѣхъ натуръ, которыя не всякій умѣетъ разгадать сразу. Инымъ по первому впечатлѣнію онъ могъ показаться человѣкомъ излишне-рѣзкимъ и несдержанно-прямымъ. Но эта непосредственная прямота объяснялась чрезвычайно симпатичною правдивостью его натуры и непринужденною простотой,—проистекала изъ горячаго отношенія ко всякому серьезному и дорогому для него вопросу, и изъ твердости его убѣжденій, которыя достались ему не даромъ, а выработаны были сложнымъ процессомъ мысли и опытомъ жизненнымъ. Этотъ жизненный опытъ его, какъ извѣстно, былъ не особенно продолжителенъ, но достаточно богатъ содержаніемъ: М. С. изъ крестьянской семьи достигъ виднаго положенія въ московскомъ обществѣ. Оттого-то, быть можетъ, въ его характерѣ и проявлялась порою,—скажемъ, употребляя выраженіе Ломоносова,—та «благородная упрямка», которая складывается у людей, самостоятельно проторившихъ свою жизненную тропу и, вслѣдствіе этого, самоувѣренныхъ въ своихъ внутреннихъ силахъ. Тѣ же, кто умѣлъ понять его, пріобрѣтали въ немъ искренняго преданнаго друга. Такихъ друзей и любимыхъ людей у М. С. было много. М. С. всегда оставался однимъ и тѣмъ же. Онъ нерѣдко спорилъ, критиковалъ, но и здѣсь, въ частныхъ личныхъ отношеніяхъ, какъ и въ отношеніяхъ общественныхъ, какъ и въ наукѣ, его критицизмъ не былъ черствымъ и холоднымъ; онъ совмѣщался въ немъ съ вѣрой въ человѣка, сопровождался любовью къ человѣку, а любовь эта, по свойству его натуры, принимала дѣятельный характеръ, выражалась въ стремленіи, когда нужно, подать совѣтъ и прійти на помощь.

Научно-общественную дѣятельность профессора Корелина пусть и оцѣниваютъ наука и общество, а объ этихъ внутреннихъ душевныхъ качествахъ сохранятъ благодарное воспоминаніе люди близко его знавшіе.

М. Иванцовъ.

Изъ исторіи современной грузинской литературы.

Кн. Николай Мелитоновичъ Бараташвили *) (1816—1845 г.).

«Вотъ человѣкъ, который, по своему положенію въ свѣтѣ, болѣе всѣхъ страдалъ. Минувшее проходило передъ нимъ и волновалось, какъ море-океанъ»... Эти полныя грусти слова Н. М. Бараташвили, сказанныя имъ по поводу смерти свящ. Игнатія Іосселіани, одного изъ лучшихъ представителей грузинскаго общества 30 гг., послужили пророческой эпитафіей къ угрюмой судьбѣ самого поэта. Въ самомъ дѣлѣ, Н. Бараташвили, щедро одаренный отъ природы жгучимъ даромъ ораторскаго слова, неугасаемымъ пламенемъ поэтическаго огня, рѣдкою любовью къ непрерывному труду и чуткою, отзывчивою душой къ житейской неправдѣ и злу, угасаетъ во цвѣтѣ лѣтъ среди татарскаго населенія, облеченный скромною ролью уѣзднаго администратора, никѣмъ не понятый, никѣмъ не оцѣненный, оставаясь въ тѣни и почти полувѣковомъ забвеніи и у родныхъ, и у общества. Только чрезъ тридцать лѣтъ по смерти поэта въ печати впервые появится сборникъ глубокихъ по идеѣ и блестящихъ по формѣ стихотвореній,—и съ тѣхъ поръ, возрастая въ своемъ значеніи, имя Бараташвили занимаетъ почетное мѣсто въ грузинской литературѣ. Стонъ, отдававшійся въ чудныхъ стихахъ поэта, будетъ искреннимъ отголоскомъ его глубоко изболѣвшей, страдальческой души, мучительной данью злой мачихѣ-судьбѣ, никогда не дарившей его ни лаской, ни привѣтомъ.

Дѣтство Бараташвили прошло подъ гнетомъ суроваго семейнаго деспотизма. Отрочество—пора радужныхъ мечтаній и идеальныхъ стремленій,—омрачилось нравственными пытками и стѣсненнымъ матеріальнымъ положеніемъ, преградившимъ путь къ университетскому образованію. Зрѣлые годы онъ посвятилъ мелкой канцелярской службѣ, не удовлетворявшей его благородныхъ порывовъ къ широкой общественной дѣятельности. Одинокое

---

*) Кн. Н. М. Бараташвили родился 22 октября 1816 г., скончался 9 октября 1845 г. въ г. Елисаветполѣ, гдѣ и былъ похороненъ. 25 апрѣля 1893 г. останки его были перевезены въ Тифлисъ и преданы погребенію въ оградѣ Дидубійской церкви. Пятое изданіе его стихотвореній вышло въ Тифлисѣ въ 1895 г.

томленіе вдали отъ друзей, полное ничтожество окружавшихъ его сослуживцевъ, сознаніе избытка духовныхъ силъ зарождаютъ сѣмя нравственнаго безпокойства, обращаютъ мысли поэта къ анализу внутренняго своего міра, воспитываютъ въ немъ отчаяннаго мизантропа. Общественная среда и унылыя условія личной жизни дадутъ ему неизсякаемый источникъ для мрачныхъ думъ, вылившихся въ отчеканенную форму стиховъ. Грустный тонъ и глубина душевныхъ волненій поэтической музы Бараташвили пріобрѣтутъ ему заслуженное прозвище грузинскаго Байрона и Лермонтова. Безъ сомнѣнія, кн. Бараташвили является въ Грузіи лучшимъ представителемъ поэзіи разочарованія, съ ея неопредѣленными порывами, страстнымъ исканіемъ идеала въ прошедшемъ и мистическимъ упованіемъ на будущее. Земная жизнь не удовлетворяетъ поэта,—помыслы его обращены къ небу; здѣсь онъ ищетъ пріюта для своей измученной души: «тамъ звѣздамъ разскажу всѣ тайны чувствъ моихъ»... Неотвязно преслѣдующій поэта «таинственный гласъ» оказывается не ангеломъ-хранителемъ, а тѣмъ «злымъ духомъ», который убиваетъ въ немъ пылкія грезы и юношескую вѣру. Въ немъ воцаряется неумолкаемое мучительное исканіе смысла жизни и ея идеала. Полный сомнѣній, съ тоскою въ сердцѣ онъ задаетъ одинъ и тотъ же тревожный вопросъ и мутнымъ волнамъ Куры, и вершинамъ св. Давида, и «прекрасному кладбищу», и не покидающему его злому генію, умоляя ихъ приподнять завѣсу нашего бытія, повѣдать: «въ чемъ состоитъ существо человѣка? какъ онъ приходитъ? куда онъ идетъ? кто тамъ, вверху, надъ звѣздами живетъ?» Эта, такъ сказать, космогоническая грусть носитъ яркіе признаки вѣчнаго исканія смертнымъ отвѣта на зарождающійся рой неразрѣшимыхъ вопросовъ. Тщетны всѣ поиски поэта за мирнымъ пристанищемъ,—душа его нигдѣ не обрѣтаетъ желаннаго покоя! На крылатомъ конѣ онъ готовъ вырваться изъ края родного и найти родину тамъ, гдѣ «свѣтъ разсѣетъ тьму».

Скудныя біографическія свѣдѣнія о поэтѣ нѣсколько проливаютъ свѣтъ на роковыя обстоятельства, способствовавшія развитію въ немъ мрачнаго взгляда и неукротимой грусти. Поэтъ выросъ въ домѣ своего отца, Мелитона, чиновника при намѣстникахъ кавказскихъ—Ермоловѣ и Паскевичѣ, а впослѣдствіи тифлисскаго предводителя дворянства. Мать его была образованная, тихая, скромная женщина, которой поэтъ-братъ, кн. Гр. Орбеліани, посвятилъ задушевное стихотвореніе — «Моей сестрѣ Евѳиміи». Въ семьѣ Бараташвили, широко раскрывавшей гостепріимныя двери для званыхъ и незваныхъ, встрѣчались и обмѣнивались воспоминаніями старины лучшіе представители родовитой и умственной аристократіи. Будущій поэтъ, по прозванію Тато, поражалъ еще въ дѣтствѣ гостей своего отца рѣдкою любознательностью и болѣзненной впечатлительностью. Выучившись въ самые ранніе годы чтенію и письму подъ руководствомъ своей нѣжной матери, Тато поступилъ въ церковно-приходскую Калоубанскую школу, сохранившую всѣ патріархальныя черты древней грузинской семинаріи. Образованіе блестяще довершилъ онъ въ Тифлисской благородной гимназіи,

гдѣ впервые имъ были написаны эпиграммы и наброски до насъ не дошедшей поэмы «Иверійцы». Поэтъ съ благодарностью вспоминалъ учителя русскаго языка, Дементьева, прекраснаго чтеца стихотвореній Мицкевича, и ядовито острилъ надъ Коргановымъ, усвоившимъ грузинскую грамматику только до глагола.

Бойкій, рѣзвый, неугомонный, кн. Бараташвили и въ гимназіи, и по окончаніи курса считался душой общества, увлекался треволненіями жизни, жаждалъ непрерывныхъ приключеній, возбуждая въ однихъ симпатію своимъ веселымъ нравомъ, озлобляя другихъ нервными вспышками и рѣзкими остротами. При такой страстной натурѣ, поэтъ предназначалъ себя для военной службы, но сломалъ себѣ ноги во время разгоряченной пляски лезгинки и остался навсегда хромымъ. Крушеніе этой долго лелѣемой мечты влило первую каплю отравы въ его юное сердце, послужило зародышемъ того негодующаго ропота, который проникаетъ въ творчество «грузинскаго Байрона». Судьба, однако, готовила ему новый ударъ, окончательно сразившій всѣ свѣтлые планы и дорогія грёзы. Отецъ поэта, промотавши свое состояніе, отказалъ сыну въ средствахъ для продолженія образованія въ университетѣ, и Тато поступилъ канцелярскимъ чиновникомъ въ экспедицію суда и расправы въ Тифлисѣ. Семейные обѣды, игры въ карты, прогулки въ лунную ночь по тѣнистымъ садамъ втянули девятнадцатилѣтняго юношу Бараташвили въ кругъ царствовавшихъ развлеченій тогдашней молодежи. Лишь изрѣдка отсутствіе клубовъ, театровъ, журналовъ замѣняли непродолжительныя бесѣды о литературныхъ произведеніяхъ, распространявшихся въ рукописи, и мимолетные порывы заняться изученіемъ прошлой жизни Грузіи и составленіемъ даже ея исторіи общими силами неподготовленной коммиссіи новыхъ ея членовъ. Прекрасная цѣль оставалась лишь благороднымъ намѣреніемъ по недостатку и знаній, и матеріаловъ, а жизненный водоворотъ снова поглощалъ умственные запросы пробудившагося сознанія. Горькій осадокъ растетъ незамѣтно въ глубинѣ сердца Бараташвили; онъ утомляется «безграничностью человѣческихъ желаній» и почти наканунѣ своей смерти «ищетъ мира и покоя въ лонѣ величественной, прекрасной отечественной природы».

Поэтъ чувствуетъ томительное сердечное одиночество, «сиротство души». Еще въ первомъ стихотвореніи 18-лѣтняго Бараташвили—«Соловей на розѣ»—рисуется въ неопредѣленныхъ намекахъ мечтательный недугъ самого поэта. Горе непонятаго обществомъ поэта отрываетъ отъ друзей и сближаетъ его съ природой, которую онъ изображаетъ по отношенію къ личному настроенію то съ граціозной мягкостью и теплотою, то съ печатью глубокой меланхолической грусти. Элегія «Сумерки на горѣ св. Давида» окрашена въ тоскливый, но въ какой-то ласкающій колоритъ.

...О Мтацлинда! О ты, гора святая!
Какъ трогаетъ твоихъ пустынныхъ мѣстъ краса,
Когда по нимъ скользитъ лучъ солнца, догарая,
И окропляетъ ихъ небесная роса!

Кругомъ все таинственно и молчаливо. Съ вершины ея открывается чарующій видъ: «внизу—какъ трапеза въ цвѣтахъ сіяетъ нива и благодарственный горѣ шлетъ ѳиміамъ»... Вдали отъ гула проклятій, подавленныхъ стоновъ и рыданій, онъ находитъ дружественный пріемъ на горной высотѣ, и неисходная тоска временно утихаетъ.

Я помню вечеръ: здѣсь бродилъ я одиноко,
О темная гора, въ святилищѣ твоемъ
Всю прелесть вечера я чувствовалъ глубоко.
Онъ грустенъ былъ, какъ я,—я видѣлъ друга въ немъ!

Поэтъ находитъ мистическую связь между своимъ душевнымъ томленіемъ и безмолвнымъ сочувствіемъ священной горы. Печальная мелодія его вечернихъ сумерекъ—яркій образецъ его романтическихъ порывовъ въ заоблачную высь, въ синее отраженіе голубого неба:

...Глядишь въ твою лазурь, забывъ судьбу земную,—
Предчувствіе манитъ туда, за твой предѣлъ
Въ обитель вѣчности—искать тамъ жизнь иную...
Увы! не суждено знать смертнымъ свой удѣлъ!

Въ поэтѣ пробуждается страстное стремленіе къ идеалу и гнетущее сознаніе его недостижимости. Здѣсь слышится тотъ отзвукъ восторговъ и пареній души, который проникаетъ творчество Ламартина и Альфреда де Виньи. Въ стихотвореніи Н. Бараташвили мелодично переплетаются искры любви съ тихимъ стономъ и умиротворяющими слезами: «Священная гора! улыбку-ль утѣшенія, иль тихую слезу найдетъ въ тебѣ пришлецъ,—ты для него источникъ облегченія, о другъ таинственный тоскующихъ сердецъ».

Луна, принимавшая столь близкое участіе въ судьбѣ романтическихъ героевъ, дополняетъ мечтательную гармонію первой элегіи грузинскаго поэта: «И стихло все кругомъ въ безволвіи великомъ; взошла луна; звѣзда зажглась любовью къ ней. Склоненный дискъ луны казался блѣднымъ ликомъ молящейся—съ душой, не вѣдавшей страстей». Между поэтомъ и Мтацминдою устанавливается родственное общеніе,—онъ сливается съ нею, живыми и памятными остаются ея возвыщающія къ небу задумчивыя картины: «Я помню тѣ слова, въ ихъ стройномъ сочетаніи, которыя тогда я здѣсь произносилъ».

Съ тѣхъ поръ, когда печаль мнѣ душу омрачаетъ,
Я вновь бѣгу къ тебѣ—и сердцу моему
Его страданья вновь надежда облегчаетъ,
Что первый солнца лучъ разсѣетъ скорбь и тьму.

Муза двадцатилѣтняго поэта является романтически сформировавшейся въ этомъ третьемъ—по хронологическому порядку—дошедшемъ до насъ лирическомъ стихотвореніи.

Но мечты обаятельной фантазіи быстро разлетаются, обращаясь въ душевныя язвы. «Таинственный гласъ» преслѣдуетъ всѣ его безпредметныя желанія, сжигаетъ въ немъ свѣтлый рой дѣтскихъ воспоминаній, и въ ре-

зультатѣ тщетныхъ поисковъ «предназначенной доли» поэту достаются мрачная тоска и «плоды сердечной пустоты». Минутное утѣшенiе, неизбѣжно связанное съ горечью, находитъ онъ лишь въ воспоминанiи о быломъ:

Суровый вѣтеръ налетѣлъ—и отъ меня съ собою
Унесъ душистый мой цвѣтокъ, цвѣтъ жизни всей унесъ!
Бывало, орошался онъ небесною росою;
Теперь же смытъ и слѣдъ его потокомъ горькихъ слезъ.

Когда засохшiй лепестокъ его мнѣ попадется,
Я утѣшаюсь,—жизни радъ презрѣнный человѣкъ!—
Но сердце въ тотъ же мигъ въ груди еще больнѣй забьется
Когда о счастьи вспомню я, утраченномъ навѣкъ!

Н. Бараташвили, какъ Лермонтовъ, съ которымъ сравниваютъ грузинскаго поэта, приходитъ къ горькой мысли, что «ему нѣтъ мѣста среди людей!» Естественно является вопросъ, насколько самобытна эта поэзiя разочарованiя въ Грузiи, и не ограничивается ли меланхолiя Бараташвили подражанiемъ Лермонтову, сосланному на Кавказъ за полные негодованiя стихи на смерть Пушкина и дуэль съ Барантомъ. Подражанiе предполагаетъ возможность подражать и заимствовать, т.-е. извѣстнымъ образомъ подготовленную къ перениманiямъ почву и атмосферу. Историческая обстановка, совокупность культурныхъ условiй и личная судьба Бараташвили единодушно способствовали къ насажденiю въ Грузiи *байронизма,* этого всеобщаго литературнаго теченiя, охватившаго Европу въ началѣ текущаго столѣтiя. Поэту пришлось жить въ той средѣ, которая, въ увлеченiи военной славой, въ борьбѣ съ Шамилемъ, пренебрежительно относилась къ гражданскимъ обязанностямъ и личному совершенствованiю. Въ одномъ письмѣ къ кн. Захарiю Чавчавадзе онъ увѣряетъ его, что «громъ славы и звукъ оружiя не имѣютъ уже для слуха его прiятеля «магическаго значенiя»,—оставь службу, углубись въ себя, займись имѣнiемъ. И это другая слава—*сдѣлать счастливыми своихъ крестьянъ.* Въ этихъ словахъ впервые слышится въ Грузiи идеалъ общественнаго борца, воззванiе, обращенное во имя угнетеннаго собрата. Призывъ его остается гласомъ вопiющаго въ пустынѣ! Военная труба заглушаетъ вѣру въ добро и стремленiе къ свободѣ. Онъ одинокъ и не понятъ свѣтомъ.

Душевныя невзгоды и безотрадныя мысли *) сдѣлались постоянными посѣтительницами поэта, унынiе и отчаянiе покрываетъ мракомъ всѣ идеалистическiе его порывы и упованiя,—духъ зла и сомнѣнiя всецѣло овладѣваетъ поэтомъ:

---

*) Въ письмѣ (отъ 13 авг. 1838 г.) къ кн. Гр. Орбелiани онъ жалуется на скуку и пустоту, водворившуюся въ Тифлисѣ. Онъ оживляется только по вечерамъ луннымъ, такъ прекраснымъ въ Тифлисѣ! Въ одинъ изъ этихъ вечеровъ онъ „очутился на кладбищѣ“. „Кругомъ онѣмѣнiе. 11 часовъ ночи. Ни души. Кругомъ пустота вѣчная; луна тускло освѣщаетъ могилы, какъ догарающая лампада усопшаго. Тихо и медленно протекаетъ Кура, какъ будто боясь нарушить покой въ этомъ уныломъ мiрѣ... Это зрѣлище небесно-земное!...“

Скажи, кто звалъ тебя, судьбы моей злой генiй,
Чтобъ жизнь мою и мысль навѣки отравить,
Чтобъ миръ моей души смѣнить борьбой сомнѣнiй
И вѣру дѣтскихъ лѣтъ въ груди моей убить?!
А то ли мнѣ сулилъ ты въ годы вдохновенья?
Не ты-ль свободу на свѣтѣ обѣщалъ?
Ты муки въ восторги наслажденья,
И даже самый адъ въ Эдемъ ты превращалъ!...

Поэтъ взываетъ къ «мятежному духу» отвѣтить, куда дѣвались его обѣщанья и зачѣмъ вмѣсто сладкихъ грёзъ упоенiя разрушилъ его надежду, вѣру, всѣ завѣтныя мечты «и молодость, и радость жизни сомнѣнiя ядомъ отравилъ!»

Да будетъ проклятъ день, когда твое дыханье
Смутило въ первый разъ душевный мой покой!
Съ тѣхъ поръ страдаю я; но даже и страданье
Не въ силахъ облегчить души моей больной!
Прочь отъ меня, злой духъ! Скитаясь одиноко,
Съ остывшею душой, съ озлобленнымъ умомъ,—
Что я теперь?! Увы, несчастливъ тотъ глубоко,
Кого коснешься ты безжалостнымъ крыломъ.

Грустили въ его время и другiе, но «томленiе ихъ объяснялось бурнымъ потокомъ жизни и пресыщенiемъ ею». Грусть же самого поэта—плодъ размышленiй и житейскихъ испытанiй. Послѣ одной болѣзни онъ чувствуетъ себя совершенно переродившимся. «Онъ почувствовалъ странное влiянiе ея, быть можетъ, на всю жизнь. Непостижимость цѣли нашего назначенiя, безграничность желанiй человѣческихъ и суета всего подлуннаго наполнили душу ужасною пустотой». Его охватываетъ непроницаемымъ кольцомъ безъисходный кругъ сомнѣнiй,—онъ мученикъ за идеи, страдалецъ въ безпечномъ аристократическомъ обществѣ.

Отчаянные вопли поэта не укладываются въ рамки индивидуальнаго недовольства и гнетущей тоски. Личная тоска переливается въ мiровую скорбь, сумрачное минутное настроенiе смѣняется опредѣленнымъ мiросозерцанiемъ, случайное разочарованiе обосновывается общими причинами—страстнымъ исканiемъ идеала и глубокаго смысла жизни. Бараташвили, сбрасывая съ себя личный и нацiональный плащъ пессимизма, становится гражданиномъ культурнаго мiра, вѣчно мыслящимъ, исполненнымъ неустанныхъ порывовъ за предѣлы жалкой дѣйствительности: «Желанье и тоска тревожатъ безпрестанно эту грудь». Лучшая элегiя грузинскаго поэта, обращенная къ Мтацминдѣ, звучитъ страданiемъ о тщетѣ стремленiй къ разгадкѣ «небесныхъ вопросовъ» и пропитана горечью сознанiя слабостей человѣческихъ силъ:

...И неба отраженье
Запало въ душу мнѣ. Съ тѣхъ поръ меня къ себѣ,
О, небо! ты влекло, но мысли въ ихъ теченьи
Терялись въ воздухѣ, не долетѣвъ къ тебѣ!
(Перев. И. Ф. Тхоржевскаго).

Эта суетность надеждъ и влеченій примѣшиваетъ много печали и злой ироніи къ нашему ненасытимому счастью, сотканному изъ мелкихъ и крупныхъ невзгодъ. «Что такое человѣческая жизнь,—восклицаетъ поэтъ,—какъ не бездонный, ненаполнимый сосудъ?! Гдѣ тотъ, который довольствовался бы тѣмъ, что разъ исполнилось его завѣтное желаніе?!» Людскія грёзы не имѣютъ опредѣленныхъ границъ; мысли и чувства съ неудержимымъ натискомъ прорываются чрезъ преграды впередъ безъ остановки, новыя идеи, вдохновленныя геніемъ, возбуждаютъ силы къ неусыпной борьбѣ въ интересахъ торжества правды и любви. Поэтъ удаляется къ пустыннымъ берегамъ свѣтлыхъ водъ Куры, и здѣсь, среди этой нѣжной гармоніи болтливаго лепета волнъ рѣки съ лазуревой синевой небесъ онъ предается своимъ безотраднымъ размышленіямъ *) о жалкой участи мимолетной славы даже могущественныхъ владыкъ, на рубежѣ земного поприща обращающихся въ тлѣнный прахъ. Вѣдь, если настанетъ часъ, когда погибнетъ весь этотъ міръ, то что такое жизнь? къ чему направить ея потокъ? Вотъ вопросы поэта, вызывающіе въ немъ ядовитую горечь и душевныя муки! Это настроеніе Н. Бараташвили нашло нѣкоторое выраженіе въ стихотвореніи «Къ чонгури», переведенномъ по-русски господиномъ Величко.

Дрожащіе звуки твои,—
Рокочущій откликъ тоски,—
То вздохъ еле-внятный,
То громкій страданія стонъ,
То отзвуки лучшихъ временъ
Счастливой поры благодатной!

Поэтъ жаждетъ услышать отъ «чонгури» отрадные, умиротворяющіе его звуки: «со звонкихъ не хлынетъ ли струнъ мнѣ на̀ сердце счастья бурунъ, размечетъ, развѣетъ ли муки?...» Надежда напрасна! Стонущая его лира не обѣщаетъ ему никакого просвѣтлѣнія:

...Но нѣтъ!
Не выльется счастья привѣтъ
Потокомъ созвучій!
Не радостенъ струнъ твоихъ звонъ:
То сердца разбитаго стонъ,
То жалоба горести жгучей!...

Пессимизмъ кн. Бараташвили, какъ и даровитѣйшихъ представителей этого направленія,—Байрона и Лермонтова,—носитъ философскій характеръ, обусловливается общими проявленіями человѣческой природы. Развѣ Бараташвили въ своихъ письмахъ и стихотвореніяхъ не то же самое говоритъ, что и Демонъ Тамарѣ о землѣ: «гдѣ нѣтъ ни истиннаго счастья, ни долговѣчной красоты, гдѣ преступленья лишь, да казни, гдѣ страсти мелкой только жить; гдѣ не умѣютъ безъ боязни ни ненавидѣть, ни любить». Такое мрач-

*) Въ одномъ письмѣ онъ говоритъ: „Прекрасное изобрѣтеніе кладбище; оно необходимо, чтобы смертный порой читывалъ по нему свою жизнь: утѣшеніе несчастнаго, конецъ счастію!“

ное настроеніе явилось результатомъ горькихъ испытаній, хотя оно не лишило поэта вѣры въ идеалъ и сознанія важности той тропы, которую онъ пытался пробить на родинѣ.

Кн. Бараташвили, закаляясь въ водоворотѣ житейскихъ несчастій и идейныхъ разочарованій, становится неуязвимъ и непреклоненъ при всѣхъ превратностяхъ судьбы, какъ «гранитная скала». Злобная его «звѣзда», часто окутывающаяся тяжелымъ туманомъ, не внушаетъ ужъ ему мистическаго страха, онъ видитъ въ ней «носительницу свѣта и утѣшительницу омраченнаго сердца». Воображенію поэта представляется въ лучезарной дали небесный чертогъ надежды, родина любви, святилище безсмертія. Онъ успѣлъ уяснить себѣ, что горе и разочарованіе такъ же неизбѣжны, какъ усталость послѣ сильной радости,—онъ ни на минуту не забываетъ словъ короля Лира:

Будь твердъ,—ты знаешь, съ плачемъ мы на свѣтъ родимся,
Кричимъ и слезы льемъ, едва понюхавъ воздухъ...

Поэтъ задумчиво бродитъ по берегу Куры, любуясь отраженіемъ неба на ея лазурной поверхности, съ религіознымъ благоговѣніемъ останавливается предъ величавымъ памятникомъ старины, упивается благоуханіемъ Мтацминдскихъ аллей въ вечернемъ сумракѣ. Онъ переживаетъ сызнова всю жизнь сердца подъ этимъ чарующимъ обаяніемъ природы,—душа его погружается въ сладкія грёзы, снова встаютъ передъ нимъ дорогіе призраки, цѣлой вереницей проходя въ его пламенномъ воображеніи. Въ его памяти возникаютъ и тѣснятся воспоминанія о возможности близкаго счастія подъ кровомъ религіи или вспыхнувшей любви «свѣтозарной» красавицы. Стонъ и слезы заглушаютъ въ немъ вспоминаемые порывы вѣры и любви.

... Весь дрожу я, во взорахъ задумчивыхъ
Завидя жемчужныя слезы:
Встаютъ вереницею въ сердцѣ измученномъ
Разбитаго счастія грёзы.

Поэтъ помнитъ свѣтозарныя очи красавицы, сіяющія слезами, и уста ея, грустно сомкнутыя. Печаль на ея грустно-задумчивомъ лицѣ ему представлялась «неземною, отраженіемъ неба».

О, понялъ теперь я причину загадочной,
Безмолвной и кроткой печали!...
Да, слезы тѣ были слезами предсмертными
Сиротство мое предвѣщали!...

«Сиротство души» *) стало невыносимой мукой для Н. Бараташвили еще

*) Любопытно, что это стихотвореніе Бараташвили является полнымъ соотвѣтствіемъ извѣстнымъ строфамъ Байрона изъ *Чайльдъ-Гарольда*. „Бродить межъ пропастей по скаламъ, всходить до самыхъ облаковъ, жить межъ народомъ одичалымъ, не знавшимъ рабства и оковъ, слѣдить въ горахъ за дикимъ стадомъ, съ нимъ уходить въ дремучій боръ, сидѣть, склонясь надъ водопадомъ..., еще не значитъ быть однимъ скитальцемъ мрачнымъ и чужимъ и въ цѣломъ мірѣ одинокимъ... Но тотъ, кто въ шумномъ вихрѣ свѣта, одной усталостью томимъ, идетъ безъ ласки, безъ привѣта, никѣмъ не знаемъ, не любимъ; кто никогда любимцамъ счастья не повѣрялъ

съ юныхъ лѣтъ; онъ находилъ утѣшеніе только въ стонахъ и проклятіяхъ судьбѣ, лишившей его вѣрнаго друга. Сердце,—говоритъ онъ,—отыщетъ свѣжихъ друзей взамѣнъ погибшихъ, но сиротой безвозвратно останется душа, утратившая «родную душу». Поэтъ, не находя тогда ни въ комъ участія и отзвука на волнующіе его вопросы, обращается къ религіи и выливаетъ свои скорбныя чувства въ одномъ изъ чудныхъ своихъ стихотвореній:

О, Боже, на грѣшнаго сына воззри
И лютыя страсти мои усмири!
Отецъ не скорбѣть развѣ можетъ о сынѣ,
Погрязшемъ въ соблазнахъ, въ мятежной пучинѣ?!
Зачѣмъ угасаютъ надежды мои?
Безгрѣшный Адамъ внялъ навѣтамъ змѣи,—
Адамъ, упоенный красотами рая,
Презрѣлъ ихъ, земнымъ вожделѣньемъ сгарая!...
Воды живоносной испить мнѣ дозволь,
Дай мнѣ утопить въ ней сердечную боль!
Челнокъ мой спаси отъ лютой непогоды,
Дай пристань покоя, духовной свободы!...
О, Боже! Ты вѣдаешь сердца тайникъ!
Сберусь ли подумать,—ужъ чудомъ проникъ
Ты въ каждаго помысла смутнаго трепетъ.
Что значитъ безсилья младенческій лепетъ?
О чемъ же молить остается рабу?!...
Прими-жъ и молчанье мое, какъ мольбу!...

Въ другомъ стихотвореніи «Обрѣлъ я въ пустынѣ божественный храмъ», (пер. В. Лебедева) Бараташвили даетъ другой образецъ умиленія религіознымъ стремленіемъ. Предъ лампадой нетлѣнной ему слышится арфа Давида и ангеловъ гимнъ вдохновенный. Отшельникъ, бѣжавшій мірской суеты, онъ тамъ забывается въ молитвѣ и думѣ. «Я чистой любви возжигалъ ѳиміамъ, несъ душу и сердце, какъ жертву святынѣ... Моимъ ослѣпленнымъ и влажнымъ очамъ эдемъ открывался въ житейской пустынѣ. Но кратко блаженство,—и храмъ мой исчезъ! Съ тѣхъ поръ я, тоскуя, брожу, одинокій, не зная забвенья, не видя чудесъ...» Поэтъ прибѣгаетъ къ звукамъ святой молитвы за неимѣніемъ друга, «съ кѣмъ могъ бы подѣлиться тревожными думами и вдохновляющими его чувствами». «Сиротство души», одиночество, разладъ съ общественнымъ кругомъ поселяютъ въ немъ недовольство, разжигаютъ тоску, наводятъ безпросвѣтное уныніе. Поэтъ не щадитъ суровыхъ эпитетовъ, способныхъ придать жизни безотрадный, преисполненный ужасомъ, мрачный колоритъ, называя ее «коварной, лживой, превратной». Таинственный гласъ, его преслѣдующій, становясь злымъ геніемъ, доводитъ его до отчаянія, до временнаго изнеможенія. Но духъ поэта чуждъ нирванѣ, мертвой надлом-

своей тоски, не вѣдалъ теплаго участья и честной дружеской руки; кто посреди льстецовъ холодныхъ, ханжей безчувственныхъ живетъ, для всѣхъ чужой,—лишь только тотъ въ своихъ мученіяхъ безплодныхъ сказать бы съ тайнымъ вздохомъ могъ, что онъ на свѣтѣ одинокъ". (Пѣснь II, строфы XXV—XXVI).

ленности. Онъ снова воспрянетъ вѣрой въ обширное царство свободы и любви. За колеблемымъ житейскими волнами сумракомъ засіяетъ заря иной, лучшей жизни и, даже подъ гнетомъ самыхъ тяжкихъ страданій, Бараташвили почерпнетъ утѣшеніе въ упованіи въ конечное торжество добра надъ зломъ, въ примиреніи человѣчества съ Богомъ и природой. Рѣдкія минуты счастія успокоиваютъ ноющія раны, заглушаютъ его сердечныя стоны, — лучъ Востока разсѣиваетъ въ немъ грозное облако и освѣщаетъ утомленную его душу—

То озарялся весь отрадными лучами,
То снова въ сумракѣ глубокомъ утопалъ.

Поэтъ жадно слѣдитъ за всѣми свѣтлыми проявленіями общественной жизни, радуясь при видѣ признаковъ умственнаго пробужденія, подъема къ высшему идеалу. «На могилѣ царя Ираклія» онъ привѣтствуетъ сыновъ страны, насаждающихъ на родинѣ свѣтъ живоносной культуры, воспламененный «лучами холоднаго сѣвера», т.-е. Россіи. Погруженный въ сферу своихъ возвышенныхъ идеаловъ, Н. Бараташвили считаетъ борьбу за собрата высшимъ нравственнымъ долгомъ каждаго гражданина. Ему принадлежитъ такая формулировка общественной обязанности: «Жалокъ тотъ, кто жилъ, какъ мертвецъ, былъ въ мірѣ, а міру былъ безполезенъ!» Въ его великодушномъ сердцѣ, чутко отзывающемся на людскія страданія, нѣтъ границъ въ любви къ человѣчеству, доходящихъ до христіанскаго самопожертвованія.

Безумныхъ силъ твоихъ не пропадетъ затрата
И не заглохнетъ путь, протоптанный тобой:
Имъ облегчу я путь грядущій для собрата,
Имъ облегчу борьбу грядущему съ судьбой!...

Отличаясь искренностью чувствъ и идеализмомъ стремленій, Бараташвили достигаетъ рѣдкой гармоніи при воспроизведеніи скорбей и радостей человѣка. Анализируя всѣ движенія сердца, поэтъ поставилъ цѣлью изображать полноту, истину, красоту жизни. Уклоненіе отъ природы влечетъ за собою ея грубое искаженіе,—крѣпкая, цѣльная натура, мощная духомъ и тѣломъ, способная горячо любить и глубоко страдать становится излюбленной темой его звучной лиры. Это характерное свойство поэзіи Бараташвили выразилось въ прекрасномъ двустишіи, напоминающемъ слова Пушкина: «смѣшонъ старецъ молодящійся, и жалокъ юноша дряхлѣющій».

Поэтъ въ другомъ стихотвореніи «Гіацинтъ и чужестранецъ» возвращается къ мысли о томъ, что каждый долженъ дѣйствовать согласно съ природой и своимъ назначеніемъ. Жестокій человѣкъ съ пышныхъ луговъ принесъ гіацинтъ въ убогое жилище, гдѣ, несмотря на всѣ заботы, цвѣтокъ полевой утратилъ и гордый видъ, и благовонный ароматъ. На вопросъ чужестранца, отчего гіацинтъ поблѣднѣлъ и не слышится отъ него обычный запахъ, цвѣтокъ уныло отвѣчаетъ:

Видишь ли, я свободы лишенъ,
Нѣтъ мнѣ равныхъ цвѣтовъ, соловья;

Не виситъ надо мной небосклонъ
И не слышенъ мнѣ говоръ ручья.
Вотъ ужъ скоро настанетъ весна,
Но погибель несетъ мнѣ она.

Чужестранецъ совѣтуетъ бросить мечту о свободѣ, примириться съ положеніемъ «подъ золотомъ яркимъ», гдѣ лелѣютъ его красоту и берегутъ отъ гибельнаго холода. Но гіацинтъ спрашиваетъ:

Но зачѣмъ мнѣ большой этотъ домъ?
Спертымъ воздухомъ вѣетъ кругомъ!
Въ этой душной темницѣ своей
Не могу я листки развернуть;
Не журчитъ здѣсь прозрачный ручей
И роса не кропитъ мою грудь.
Здѣсь меня не лобзаетъ зефиръ,
Своей тѣнью не кроетъ аиръ (Переводъ А. Б.).

Чужестранецъ настойчиво указываетъ гіацинту на выгоды пребыванія подъ крыломъ любви человѣка, напоминая, что цвѣтокъ давно бы поблекъ, еслибъ былъ онъ «предоставленъ своей судьбѣ»... Гіацитъ знаетъ, что «конецъ» есть во всемъ, но его печаль иная:

Съ этимъ чуднымъ земнымъ бытіемъ
Мнѣ разстаться безвременно жаль.

Природѣ не суждено зимой умирать, она облекается въ трауръ отъ грусти, при воцареніи сѣверныхъ вьюгъ,—

Но лишь только повѣетъ весной,
Она блещетъ, сіяетъ опять.
Блескъ вездѣ и вездѣ красота,
И поетъ соловей о любви.
О, съ какимъ бы восторгомъ тогда
Я раскрылъ лепесточки свои!

Эти слова погружаютъ чужестранца въ горькое раздумье, — онъ мысленно сравниваетъ участь гіацинта съ судьбой своей возлюбленной невѣсты, которая, «быть можетъ, грусть на вѣки въ душѣ затая, ужъ изсохла, исчахла по немъ отъ тоски на чужой сторонѣ». Вѣдь ее, подобно цвѣтку, «увезли въ край чужой, гдѣ гнететъ ее рокъ вдалекѣ отъ родимой земли».

И померкла моя тамъ звѣзда
Въ безразсвѣтной, угрюмой глуши,
И ужъ я не упьюсь никогда
Ароматомъ невинной души.

Въ этихъ словахъ грузинскаго поэта намъ слышится энергичное воззваніе Ж.-Ж. Руссо: «Возвратись къ природѣ!» Подобно знаменитому автору «Исповѣди», Бараташвили вдохновляется «чувствомъ истинной любви», находя въ немъ мощное орудіе для борьбы за свободу личности. Онъ одухотворяетъ, очищаетъ страсть отъ чувственной примѣси предшествовавшихъ поэтовъ. «Святое чувство» получаетъ въ его стихо-

твореніяхъ восторженный жаръ и благоговѣйную серьезность. Поэтъ считаетъ потребность любви неотъемлемой принадлежностью человѣка, видя въ ней «согрѣвающую міръ» жизненную силу. Пламенное его чувство не знаетъ умѣренности: онъ готовъ «изсушить слезы, облегчающія его скорбь, сжечь сердце медленнымъ огнемъ и пепелъ его воскурить, какъ ѳиміамъ, возлюбленной богинѣ своей!» Въ другомъ стихотвореніи, «Чинаръ», поэтъ съ особенною яркостью подчеркиваетъ силу тайной, скрытой любви. На отвѣсной скалѣ, близъ Куры, одиноко стоялъ чинаръ прелестный, тѣнистый, высокій. Легкое вѣяніе вѣтерка приводитъ въ движеніе вѣтви чинара, вступающія таинственнымъ языкомъ въ какую-то упоительную бесѣду съ волнами Куры; рѣка стонетъ, обвивая корни дерева, словно завидуя зефиру, обнимающему голову горделиваго чинара: «такъ мучится тайно и сильно сердце того, въ комъ теплится небесная искра любви!» Н. Бараташвили не ослѣпляется однимъ наружнымъ блескомъ,—его идеалистическая любовь есть своего рода преклоненіе предъ *геніемъ чистой красоты*, отождествленіе истинной любви съ истинной красотой въ духѣ философа Платона.

Въ поискахъ за истиной и красотой кн. Бараташвили останавливается въ очарованіи предъ великой силой грандіозной природы, воплощающей полноту поэзіи въ торжественномъ великолѣпіи. «Мертвая натура» стоитъ въ своихъ стихійныхъ проявленіяхъ ближе къ отвлеченной правдѣ, и поэтъ ищетъ покоя въ странѣ тѣнистыхъ чинаръ, зеленыхъ ковровъ, горныхъ вершинъ, бурныхъ потоковъ Куры, одухотворяя ихъ жизненной силой своей души, дѣлая участницей своихъ радостей и страданій. Чистота и естественность величавой природы пріобщается всѣмъ, приближающимся къ ней, чуждымъ житейской лжи и мятежной страсти. Выраженіемъ этихъ убѣжденій Бараташвили служитъ стихотвореніе, посвященное «Младенцу». Поэтъ любитъ младенца нѣжный лепетъ, любитъ звукамъ тѣмъ внимать, когда съ улыбкой райско-безмятежной лепечетъ онъ, лаская мать!

Его мірокъ—міръ материнской ласки,
Въ немъ беззаботно и тепло—
И вотъ на все младенческіе глазки
Глядятъ безстрашно и свѣтло.

Въ его лепетѣ не слышится никакой фальши,—доносится звукъ ангельскихъ голосовъ, произнесенныхъ райскимъ языкомъ. «Въ младенцѣ нѣтъ заботы непрестанной о томъ, какъ жить,—въ немъ муки нѣтъ. На Божій свѣтъ являясь, гость желанный въ семью и самъ онъ вноситъ свѣтъ».

О, лепечи! Буди въ насъ сладкій трепетъ,
Пока еще свободенъ ты,
Пока свободенъ твой невинный лепетъ
Отъ узъ житейской суеты.

Природа и сердце останутся до конца жизненными нитями поэта. Сердце не только согрѣвающій очагъ, но и свѣточъ, потому что сила любви всемогуща; другъ жизни — «священный храмъ, озаряющій сіяніемъ судьбою

разбитое сердце»; любовь—лампадка, возженная въ пустынныхъ мѣстахъ. Поэтъ одинокъ, но душа его исполнена былой отзывчивости; онъ утратитъ надежду обрѣсть *родную душу* («святилища вновь не воздвигну себѣ»), но проникнется безпредѣльною любовью къ человѣку и горячею вѣрою въ его лучшую будущность, онъ отречется отъ личнаго счастья, но всецѣло подчинится болѣе высокому и святому чувству — любви къ собрату, идеѣ общественной борьбы. Онъ все земное—славу самого Наполеона—сочтетъ преходящей суетой, но онъ не станетъ мечтать объ идиллическомъ покоѣ,— въ немъ проснется захватывающій жгучій духъ героизма, въ груди его поднимутся порывы бури, ненасытныя страсти, необъятныя силы. Этотъ буйный споръ съ житейскими волнами и беззавѣтное служеніе гражданскому знамени нашли блестящее выраженіе въ вѣнцѣ поэтическаго творчества кн. Бараташвили, въ стихотвореніи «Пегасъ». Оно представляется намъ настолько замѣчательнымъ, что мы считаемъ необходимымъ привести его въ полномъ видѣ по переводу И. Ф. Тхоржевскаго.

Летитъ мой конь впередъ, дорогъ не разбирая,
А черный воронъ вслѣдъ зловѣщій крикъ свой шлетъ.
Лети мой конь, лети, усталости не зная,
И по вѣтру развѣй печальной думы гнетъ!

Наперекоръ вѣтрамъ, скачи чрезъ горы, воды,
И жизненный мой путь, молю, укороти!
Не бойся, о, мой конь, жары и непогоды,
Не бойся утомить ты всадника въ пути.

Пусть кину край родной, въ душѣ по немъ тоскуя,
И не увижу вновь ни милой, ни родныхъ;
Гдѣ свѣтъ разсѣетъ тьму, тамъ родину найду я,
Тамъ звѣздамъ разскажу всѣ тайны чувствъ моихъ...

Стонъ сердца—слѣдъ любви—поймутъ: волна морская
И полный красоты безумный твой полетъ!...
Лети мой конь, лети, усталости не зная,
И по вѣтру развѣй печальной думы гнетъ!

Пусть трупъ мой не снесутъ на кладбище родное,
Пусть милая къ нему не припадетъ въ слезахъ,
Пусть воронъ выклюетъ глаза мои и, воя,
Пусть вѣтеръ занесетъ пескомъ мой жалкій прахъ.

Возлюбленной слезу—роса небесъ замѣнитъ,
А карканье воронъ—замѣнитъ плачъ друзей.
Лети, мой конь, себѣ твой витязь не измѣнитъ:
Не бывъ рабомъ судьбы, онъ не уступитъ ей!

Пусть будетъ одинокъ твой всадникъ, умирая;
На встрѣчу смерти самъ, безстрашный, онъ пойдетъ.
Лети, мой конь, лети, усталости не зная,
И по вѣтру развѣй печальной думы гнетъ!

Безумныхъ силъ твоихъ не пропадетъ затрата
И не заглохнетъ путь протоптанный тобой:
Имъ облегчу я путь грядущій для собрата,
Имъ облегчу борьбу грядущему съ судьбой!...

Летитъ мой конь впередъ, дорогъ не разбирая,
А черный воронъ вслѣдъ зловѣщій крикъ свой шлетъ.
Лети, мой конь, лети, усталости не зная,
И по вѣтру развѣй печальной думы гнетъ!

Поэтъ готовъ разстаться съ друзьями, родными, образомъ возлюбленной, умереть вдали отъ отечественной земли, среди черныхъ вороновъ, въ твердомъ убѣжденіи отстоять свой идеалъ, свое знамя. Мысль о самопожертвованіи во имя блага родины проведена Бараташвили въ поэмѣ «Судьба Грузіи», въ которой онъ развертываетъ мрачную эпоху ослабленія родины послѣ нашествія свирѣпаго Ага-Магометъ-Хана, шаха персидскаго, и воскрешаетъ величавый ликъ грознаго, мощнаго царя Ираклія II, по глубокомъ и горькомъ размышленіи, рѣшившаго, вопреки совѣту отважныхъ, непреклонныхъ пылкихъ патріотовъ, поручить свою страну попеченію единовѣрной Россіи. Героиня поэмы, жена царскаго совѣтника, Соломона, фигурально рисуетъ предстоящую участь своей родины, сравнивая ее съ «нѣжнымъ соловьемъ, заключеннымъ въ золотую клѣтку»...

Возвращаясь къ общей характеристикѣ лиры кн. Бараташвили, мы напомнимъ, что онъ началъ свою поэтическую дѣятельность съ мелодіи разочарованія и туманнаго недовольства. Ранняя человѣческая мысль говоритъ о разочарованіи и о путяхъ спасенія отъ этого страшнаго нравственнаго недуга. Пути эти крайне разнообразны, но главнѣйшихъ два, совершенно различныхъ, противоположныхъ. Одинъ ведетъ къ уничтоженію жизни, нирванѣ буддистовъ, другой ведетъ къ перерожденію, самосовершенствованію. Одинъ будетъ разочарованіемъ застоя и смерти, другой — разочарованіемъ надежды и прогресса. Н. Бараташвили является представителемъ европейскаго недовольства, исполненнымъ свѣжихъ силъ и протеста противъ существующаго общественнаго склада. Окруженный океаномъ пошлости и лжи, лишенный друга и сочувствующей души, грузинскій поэтъ сначала ищетъ идеала въ вѣчно юной и красивой природѣ, подобно Байрону и Лермонтову, а потомъ, налюбовавшись сіяніемъ луны, дыханіемъ вѣтра, плескомъ Арагвы, тишиной молчаливой ночи, поэтъ изъ пассивнаго мечтателя превращается въ самоотверженнаго героя съ непоколебимой вѣрой въ прогрессъ, въ универсальное возрожденіе человѣка къ лучшей, благородной жизни. Кн. Бараташвили первый грузинскій поэтъ-мыслитель, воплотившій въ своихъ произведеніяхъ идеалы, завѣщанные просвѣтительнымъ движеніемъ прошлаго вѣка: свобода и нравственная сила личности, естественная справедливость и сердечная искренность. Идеалистическій духъ его лиры облекается въ виртуозную до совершенства форму: плѣнительно-звучный и выразительный стихъ, яркость и отчетливость образовъ, точность и рельефность очертаній, пластичность языка и ритма сообщаютъ его стихотвореніямъ, всегда согрѣтымъ какою-то нѣжною грустью и легкою тоской, ослѣпительный блескъ и чарующую красоту.

А. Хахановъ.

Задачи агрономическаго обществовѣдѣнія.

(Вступительная лекція, прочитанная въ Кіевскомъ политехническомъ институтѣ).

Для успѣшнаго приложенія техническаго образованія тотъ, кто получаетъ такое образованіе, нуждается въ изученіи человѣческаго общества. Знакомство съ условіями и формами человѣческаго общежитія, съ тѣми правильностями, которыя обнаруживаются въ жизни человѣческихъ массъ, является, конечно, непремѣнною составною частью общаго образованія, а безъ общеобразовательнаго фундамента не можетъ существовать удовлетворительной технической школы. Но, помимо того, для будущаго техника изученіе человѣческаго общества представляетъ громадную важность, какъ изученіе той среды, въ которой технику приходится дѣйствовать. Съ этой стороны техникъ-агрономъ нуждается въ болѣе подробномъ изученіи общества, чѣмъ техникъ-механикъ, техникъ-химикъ или техникъ-инженеръ: строй сельско-хозяйственнаго предпріятія находится въ значительно большей зависимости отъ общественныхъ условій, чѣмъ строй предпріятія ремесленнаго, фабрично-заводскаго или перевозочнаго.

Терминъ «общество» понимался и понимается людьми въ очень разнообразныхъ значеніяхъ, но каковы бы ни были эти значенія, «человѣческое общество» всегда означаетъ группу человѣческихъ существъ, человѣческихъ живыхъ организмовъ. Слово «организмъ» употребляется и въ примѣненіи къ самому обществу, но въ такомъ случаѣ, когда говорятъ объ «организаціи общества», такъ же какъ и объ «организаціи человѣческихъ дѣйствій», мы имѣемъ дѣло съ метафорою. На самомъ дѣлѣ общество не организмъ, а всегда совокупность организмовъ. Въ древнемъ мірѣ понятіе объ обществѣ было всецѣло подчинено понятію о государствѣ: вниманіе древнихъ мыслителей останавливалось только на одномъ видѣ человѣческихъ союзовъ—союзѣ государственномъ—πόλις древнихъ грековъ, и потому-то слово «политическій» до сихъ поръ иногда употребляется въ смыслѣ слова «общественный», хотя правильнѣе было бы примѣнять его въ смыслѣ «государственный». Самостоятельное понятіе объ обществѣ, не-

зависимое отъ понятія о государствѣ, выдвинулось лишь въ XIX вѣкѣ. Въ германской наукѣ въ этомъ отношеніи много сдѣлали Лоренцъ Штейнъ и Робертъ Моль. У Штейна довольно односторонній взглядъ на общество. Общественный союзъ по Штейну обусловливается распредѣленіемъ имущественныхъ благъ, регулируется организаціею труда, дѣйствуетъ подъ вліяніемъ человѣческихъ потребностей; при этомъ внѣшняя связь отдѣльныхъ поколѣній устанавливается семьею и правомъ наслѣдованія. Взглядъ Моля болѣе широкъ. Онъ допускаетъ возможность группировки на иныхъ основаніяхъ и кромѣ имущественныхъ отношеній принимаетъ во вниманіе группировку по происхожденію, по личному положенію, по занятію, по религіи; каждый изъ этихъ признаковъ можетъ служить основою того союза человѣческихъ существъ, который именуется обществомъ. Гербертъ Спенсеръ, не касаясь содержанія связи въ общественномъ союзѣ, называетъ обществомъ такой союзъ, между членами котораго существуетъ постоянная или продолжительная связь.

Дѣйствительно существующее или дѣйствительно существовавшее человѣческое общество принадлежитъ опредѣленному времени и опредѣленному мѣсту. Характеръ связей между отдѣльными человѣческими существами, составляющій основу общества, сильно мѣняется въ зависимости отъ условій времени и мѣста. Напримѣръ, тѣ же самыя родственныя отношенія въ разныя эпохи вызываютъ совсѣмъ различные роды поступковъ. Религія (эта связь по преимуществу, получившая и названіе отъ слова «ligare» — вязать) становилась въ различныя времена въ разныя отношенія къ связямъ людей по происхожденію, къ связямъ по имуществу, къ связямъ по занятію. Каждому реально существующему обществу свойственъ и незамѣнимый, едва ли повторяющійся мѣстный колоритъ; мѣсто накладываетъ неизгладимый отпечатокъ на человѣческую культуру.

Современная наука не исчерпывается естествовѣдѣніемъ; въ составъ ея входитъ циклъ знаній, который со временемъ, можетъ быть, и сдѣлается настоящею частью естествознанія, но при теперешнемъ уровнѣ человѣческой мысли принужденъ выдѣляться въ особую группу, въ группу обществовѣдѣнія. Наука не берется рѣшать вопроса о томъ, сводится ли внутренній духовный міръ человѣка къ явленіямъ внѣшней природы, или въ основѣ ихъ лежатъ особыя начала; рѣшеніе этого вопроса принадлежитъ не наукѣ, а метафизикѣ. Научному знанію приходится, можетъ быть, на время отдѣлять область нравственныхъ наукъ отъ области естествознанія. Сложность изучаемыхъ явленій вызываетъ значительное несовершенство обществовѣдѣнія по сравненію съ естествовѣдѣніемъ, но принципіально едва ли можно отвергать у человѣческаго общества право быть предметомъ науки. Если человѣку, внимательно изучающему общественныя связи, удается открыть правильности въ возникновеніи, развитіи и прекращеніи этихъ связей, онъ вполнѣ основательно называетъ эти правильности результатомъ научныхъ изслѣдованій. Согласно прежнимъ взглядамъ, наука должна была заниматься изученіемъ только необходимой связи между

явленіями. Семнадцатый вѣкъ, положившій начало математическому ученію о вѣроятностяхъ, явился родоначальникомъ современнаго научнаго обществовѣдѣнія; положенія обществовѣдѣнія тамъ, гдѣ оно занимается изученіемъ конкретныхъ явленій, не носятъ на себѣ характера достовѣрности, а изображаются различными степенями вѣроятности.

Методы научнаго изслѣдованія раздѣляются на двѣ главныя группы: группу умозрительнаго и группу опытно-наблюдательнаго метода. Во второй группѣ важнѣйшимъ внутреннимъ подраздѣленіемъ является раздѣленіе пассивнаго наблюденія отъ наблюденія активнаго, собственно опыта или такъ называемаго эксперимента. Невозможность примѣненія эксперимента ставитъ обществовѣдѣнію серьезное методологическое различіе отъ главныхъ отраслей естествовѣдѣнія. Умозрительный методъ, формально связанный съ геометріей, примѣняется къ обществовѣдѣнію совершенно такъ же, какъ къ естествовѣдѣнію. Интересъ его изысканій—во внутренней логической связи между предположеніями и ихъ послѣдствіями. Еслибъ были даны такія-то и такія-то условія существованія человѣческаго общества, то порядокъ общественныхъ отношеній сложился бы такъ-то и такъ-то,—вотъ схема, по которой оперируетъ умозрѣніе, къ какимъ бы видамъ общественныхъ союзовъ оно ни прилагалось. Наблюдательный методъ въ обществовѣдѣніи пользуется только пассивными наблюденіями. Современное раздѣленіе труда въ научномъ изслѣдованіи вызываетъ здѣсь различеніе историческихъ изслѣдованій отъ изслѣдованій статистическихъ; но между тѣми и другими существуетъ тѣсная внутренняя связь; тѣ и другія даютъ эмпирическое знаніе въ отличіе отъ того раціональнаго знанія, къ которому стремится умозрительное обществовѣдѣніе.

Въ недавнее время стала заявлять свои права на самостоятельность соціологія, которую иные отождествляютъ съ обществовѣдѣніемъ, а другіе, кажется, съ бо̀льшимъ основаніемъ считаютъ дисциплиною, изучающею общественность—типическое свойство тѣхъ связей, которыми люди соединяются въ общество. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ соціологія есть, такъ сказать, общая часть обществовѣдѣнія. Частными отдѣлами обществовѣдѣнія являются дисциплины, изучающія отдѣльныя стороны общественной жизни: хозяйственную дѣятельность человѣка, право, государство (нѣкоторые включаютъ ученіе о государствѣ въ ученіе о правѣ), языкъ, религію, нравственность, искусство, наконецъ, научную дѣятельность человѣческаго духа. Все это части обществовѣдѣнія по содержанію (экономія, правовѣдѣніе и т. д.), и къ каждой изъ этихъ частей въ различной мѣрѣ приложимы какъ умозрительный, такъ и наблюдательный методы изслѣдованія.

Условившись хотя бы приблизительно въ томъ, что такое обществовѣдѣніе, мы должны теперь перейти къ выясненію понятія «агрономическое обществовѣдѣніе». Здѣсь, прежде всего, мы сталкиваемся съ вопросомъ, что такое агрономія. Этотъ терминъ въ примѣненіи къ научнымъ дисциплинамъ насчитываетъ себѣ лишь немногимъ больше ста лѣтъ. Въ литературѣ встрѣчаются чаще всего два опредѣленія агрономіи—болѣе широкое француз-

ское и болѣе узкое нѣмецкое; мы можемъ не касаться самаго узкаго Тэеровскаго взгляда, считающаго агрономію только частью почвовѣдѣнія. Обычное нѣмецкое понятіе объ агрономіи отождествляетъ ее съ растеніеводствомъ, или съ цѣлымъ растеніеводствомъ, или только съ общимъ растеніеводствомъ. Болѣе широкій взглядъ, возникшій во Франціи и распространяющійся теперь въ Россіи, считаетъ агрономію синонимомъ сельско - хозяйственной науки. Задача агрономіи—научное изслѣдованіе всѣхъ предметовъ и явленій, интересныхъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, по преимуществу организмовъ, доступныхъ человѣческой культурѣ, такъ называемыхъ, культурныхъ растеній и домашнихъ животныхъ. Въ сущности наука едина, и, называя особымъ именемъ агрономіи одну изъ отраслей научнаго знанія, мы не создаемъ никакой особой прикладной науки. Отъ тѣхъ наукъ, которыя принято называть чистыми, эта отрасль можетъ отличаться большею спеціальностью, часто и большею сложностью входящихъ въ нее задачъ, но ни въ какомъ случаѣ не основнымъ характеромъ. Работа агрономіи, подобно работѣ всѣхъ другихъ отраслей научнаго знанія, есть работа человѣческой мысли, отыскивающей истину. Эта работа можетъ осмыслить разнообразные навыки человѣческой жизни, но сама въ себѣ она включаетъ только одинъ родъ практическихъ навыковъ—навыки мышленія. Практическая агрономія—это не хозяйство, даже не ремесло, это—самостоятельныя упражненія человѣческаго ума въ методахъ научнаго изслѣдованія надъ такими объектами, которые имѣютъ отношеніе къ сельско - хозяйственной дѣятельности человѣка.

Сельско - хозяйственная дѣятельность человѣка — фактъ общественной жизни; растенія и животныя дѣлаются культурными только при посредствѣ человѣка, живущаго общественной жизнью. Въ настоящее время странно было бы оспаривать равноправность двухъ основъ агрономіи: обществовѣдѣнія и естествовѣдѣнія. Въ исторіи науки замѣчалось одностороннее преобладаніе той и другой основы. Въ XVIII вѣкѣ въ Германіи агрономія считалась наукою камеральною, такою, которая должна преподаваться въ ряду другихъ государственныхъ наукъ. Первая половина XIX вѣка рѣзко повернула агрономію къ естествознанію: особенно много въ этомъ отношеніи сдѣлали Тэеръ и Либихъ. Въ теченіе второй половины XIX вѣка значеніе той и другой основы агрономіи стало выравниваться пока только принципіально.

Какъ по современному объему, такъ въ особенности по степени разработанности агрономическое естествовѣдѣніе гораздо сильнѣе развито, чѣмъ агрономическое обществовѣдѣніе. Въ составъ агрономическаго естествовѣдѣнія входятъ математика (если причислять нѣкоторые отдѣлы математики къ естествознанію), механика, геодезія, физика, метеорологія, химія, минералогія, геологія, ботаника, зоологія, антропологія и географія. Послѣдняя представляетъ собою какъ бы мостъ, по преимуществу соединяющій естественно-научную сторону агрономіи съ общественно-научною. Впрочемъ, разные отдѣлы агрономическаго естествовѣдѣнія связываются и по содер-

жанію и по методу съ обществовѣдѣніемъ. Хотя мы, можетъ быть, погрѣшаемъ въ нашей агрономической школѣ тѣмъ, что слишкомъ откладываемъ изученіе агрономическаго обществовѣдѣнія до послѣдняго періода пребыванія учащихся въ стѣнахъ школы, но вообще слѣдуетъ считать цѣлесообразнымъ существующій порядокъ — именно то, что изученіе естествовѣдѣнія предпосылается изученію обществовѣдѣнія. Естествовѣдѣніе укрѣпляетъ научную мысль, знакомитъ и съ лучшею постановкой, и съ болѣе совершенными способами рѣшенія научныхъ задачъ и, кромѣ того, знакомитъ съ той природной основой, на которой и изъ которой только и можетъ развертываться общественная жизнь человѣка, въ томъ числѣ и сельско-хозяйственная его дѣятельность.

Содержаніе агрономическаго обществовѣдѣнія опредѣляется содержаніемъ общаго ученія о хозяйствѣ или экономіи, понимаемой въ широкомъ смыслѣ слова. Объектъ экономіи—хозяйственная дѣятельность человѣка, т.-е. дѣятельность, направленная на удовлетвореніе вещественныхъ (матеріальныхъ) потребностей человѣка *). Сельско-хозяйственная дѣятельность—одинъ изъ видовъ хозяйственной дѣятельности, и агрономическое обществовѣдѣніе или сельско-хозяйственная экономія, въ широкомъ смыслѣ слова, можетъ быть названа однимъ изъ спеціальныхъ отдѣловъ ученія о хозяйствѣ. Въ составѣ экономіи, т.-е. общаго ученія о хозяйствѣ, мы встрѣчаемъ прежде всего, такъ называемую, теоретическую экономію (носящую также названіе политической или національной экономіи) **). Теоретическая экономія—по преимуществу отвлеченная дисциплина. Она изучаетъ хозяйственную дѣятельность человѣка постольку, поскольку въ этой дѣятельности проявляется принципъ хозяйственности, т.-е. стремленіе удовлетворять потребности возможно совершеннымъ способомъ, съ возможно малыми затратами. Агрономическому обществовѣдѣнію теоретическая экономія принадлежитъ тогда, когда предметомъ ея является обнаруженіе хозяйственности въ сельско-хозяйственной дѣятельности человѣка, т.-е. въ дѣятельности, направленной на производство полезныхъ человѣку растеній и животныхъ. Такое приложеніе теоретической экономіи къ изученію условій сельскаго хозяйства и устройства сельско-хозяйственныхъ предпріятій составляетъ предметъ сельско-хозяйственной экономіи въ тѣсномъ смыслѣ слова. Какія именно выступаютъ здѣсь задачи, этого мы коснемся нѣсколько ниже.

Предметомъ второго крупнаго отдѣла агрономическаго обществовѣдѣнія,—

---

*) Большой интересъ представляетъ историческій обзоръ опредѣленій хозяйственной дѣятельности, къ которой иные причисляютъ, а другіе не причисляютъ и потребленіе вещественныхъ благъ (послѣдніе ограничиваютъ хозяйственную дѣятельность производствомъ, обмѣномъ и распредѣленіемъ имуществъ).

**) У некоторыхъ авторовъ, какъ, наприм., у К. Менгера, „политическая экономія“—понятіе родовое, а „національная экономія“ (соотвѣтствующая „политической экономіи“ обычнаго словоупотребленія)—понятіе видовое, обнимающее только теоретическую часть.

предметомъ географіи и исторіи сельскаго хозяйства,—служитъ сельско-хозяйственная дѣятельность человѣка въ ея реальномъ, конкретномъ проявленіи, гдѣ на-ряду съ хозяйственностью дѣйствуютъ и многія другія стремленія человѣка. Дѣйствительно существующее сельское хозяйство есть фактъ реальной общественной жизни современной или прошедшей; въ этомъ смыслѣ сельско-хозяйственная географія является по содержанію спеціальнымъ отдѣломъ такъ называемой политической (правильнѣе—общественной) географіи, а исторія сельскаго хозяйства—спеціальнымъ отдѣломъ исторической науки.

Третья дисциплина, включаемая обыкновенно въ составъ агрономическаго обществовѣдѣнія—сельско-хозяйственное правовѣдѣніе или, какъ его часто называютъ, сельско-хозяйственное законовѣдѣніе (болѣе узкій терминъ). Содержаніе этой дисциплины—выясненіе тѣхъ отношеній, въ которыхъ сельско-хозяйственная дѣятельность человѣка стоитъ къ такъ называемымъ явленіямъ права, т.-е. къ особымъ правиламъ человѣческаго поведенія,—правиламъ, которыя поддерживаются принудительнымъ воздѣйствіемъ государственной или общественной власти. Современное правовѣдѣніе разрослось въ обширный циклъ, такъ называемыхъ, юридическихъ наукъ. Изъ нихъ ближайшую связь съ сельскимъ хозяйствомъ имѣютъ гражданское или частное право, гдѣ разсматриваются отношенія, вызванныя имуществами и договорами, и двѣ отрасли публичнаго права: право полицейское или ученіе объ управленіи (куда входитъ и изученіе того содѣйствія, которое интересы частнаго хозяйства получаютъ со стороны государства)—и право финансовое, или ученіе о хозяйственной дѣятельности самого государства (сельское хозяйство всегда является предметомъ обложенія государственными налогами и кромѣ того можетъ вести и ведется самимъ государствомъ).

Въ предстоящемъ изложеніи намъ приходится оставить сельско-хозяйственное правовѣдѣніе въ сторонѣ, и мы остановимся на методахъ и задачахъ тѣхъ дисциплинъ, которымъ обыкновенно присвоивается названіе сельскохозяйственной экономіи и сельско-хозяйственной статистики. Агрономическое обществовѣдѣніе пользуется и умозрительнымъ, и наблюдательнымъ методомъ. Усвоеніе методовъ научнаго изслѣдованія составляетъ существенную часть научнаго образованія. Усвоеніе это можетъ быть прочнымъ, конечно, только тогда, когда оно основывается на собственныхъ самостоятельныхъ занятіяхъ, и каждому изъ питомцевъ агрономической школы предстоитъ испробовать свои силы въ личномъ примѣненіи методовъ агрономическаго обществовѣдѣнія, сводящихся къ двумъ главнымъ группамъ: дедуктивной или умозрительной и индуктивной, или опытно-наблюдательной. Дедуктивный процессъ дѣлаетъ выводы изъ нѣкоторыхъ общихъ положеній, которыя либо очевидны сами по себѣ (это такъ называемыя аксіомы), либо являются обобщеніями, добытыми уже прежде изъ опыта. Изъ этихъ положеній получаются частные выводы, преимущественно съ помощью силлогизмовъ или посредственныхъ умозаключеній: между основнымъ положеніемъ и выводомъ должно

вставиться, по крайней мѣрѣ, одно, а иногда и нѣсколько сужденій раньше, чѣмъ получится выводъ, именуемый заключеніемъ силлогизма.

Научное изслѣдованіе не можетъ ограничиться умозрительнымъ методомъ или полученіемъ слѣдствій изъ аксіомъ или изъ результатовъ работъ прежнихъ изслѣдователей. Экспериментъ не доступенъ для обществовѣдѣнія, и его содѣйствіе умозрѣнію должно быть здѣсь замѣнено другимъ, менѣе совершеннымъ методомъ индуктивнаго изслѣдованія: этимъ вторымъ русломъ научной мысли является въ обществовѣдѣніи примѣненіе систематическаго наблюденія. Это наблюденіе можетъ быть и однопредметнымъ, и массовымъ. Когда мы къ явленіямъ человѣческой общественной жизни примѣняемъ изслѣдованіе съ помощью систематическихъ количественныхъ массовыхъ наблюденій, мы пользуемся такъ называемымъ статистическимъ методомъ. Этого метода не чуждо и естествознаніе вездѣ, гдѣ ему приходится имѣть дѣло съ явленіями нетипическими, т.-е. зависящими не только отъ постоянныхъ, но кромѣ постоянныхъ еще и отъ перемѣнныхъ причинъ (напримѣръ, въ метеорологіи, въ географіи растеній и животныхъ). Примѣненіе этого метода составляетъ главное содержаніе тѣхъ курсовъ, которымъ дается названіе общей и сельско-хозяйственной статистики.

Помимо исчерпывающаго наблюденія, характернаго для статистики, въ агрономическомъ обществовѣдѣніи примѣняется и единичное (однопредметное) наблюденіе типическихъ формъ и историческое наблюденіе нетипическихъ явленій. Историческое изслѣдованіе примѣняется къ тѣмъ явленіямъ, которыя имѣютъ значеніе въ развитіи историческаго общества. Таблица, заключающая въ себѣ подсчеты количественныхъ наблюденій, является исходнымъ пунктомъ статистическаго изслѣдованія, историческій памятникъ или документъ—основа изслѣдованія историческаго. И то, и другое начинаютъ съ частностей и, подвергши свой матеріалъ надлежащей научной критикѣ, строятъ нѣкоторыя общія положенія. И статистическое, и историческое изслѣдованіе имѣютъ свое самостоятельное значеніе, хотя крайніе поклонники отвлеченія не прочь иногда смотрѣть на историческій и статистическій методы только какъ на поставщиковъ иллюстрацій для тѣхъ незыблемыхъ истинъ, которыя получаются путемъ умозрѣнія.

Изученію агрономическаго обществовѣдѣнія въ агрономической школѣ должно предшествовать знакомство съ общимъ ученіемъ о народномъ хозяйствѣ, съ общими пріемами количественнаго наблюденія и изслѣдованія соціальныхъ массъ, но и въ самомъ началѣ такого знакомства представляется нелишнимъ заранѣе имѣть въ виду тѣ спеціальныя задачи, которыми занимается агрономическое обществовѣдѣніе. Каковы же эти задачи, съ точки зрѣнія которыхъ придется отбирать матеріалъ и въ изученіи общихъ дисциплинъ?

Въ изученіи сельско-хозяйственной экономіи на первомъ мѣстѣ стоитъ выработка понятій и опредѣленій. Надо поразмыслить о цѣляхъ сельско-хозяйственной дѣятельности человѣка и объ общихъ формахъ осуществленія этихъ цѣлей. Прежде чѣмъ разсуждать объ отдѣльномъ сельско-хо-

зяйственномъ предпріятіи, надо представить себѣ всѣ мыслимыя условія, въ зависимости отъ которыхъ можетъ складываться отдѣльное предпріятіе. Въ ряду этихъ условій прежде всего стоятъ такъ называемыя средства производства: земля (т.-е. природа), человѣческая работа и капиталъ. Затѣмъ къ условіямъ производства можетъ быть причисленъ и сбытъ продуктовъ, обнимающій въ широкомъ смыслѣ и собственное потребленіе со стороны хозяина. Для каждаго условія должны быть опредѣлены и разсмотрѣны его составныя части, особенно сложныя, въ той группѣ общественныхъ условій производства, которая носитъ названіе капитала.

Давъ себѣ отчетъ во всѣхъ элементахъ сельско-хозяйственнаго производства, изучающій сельско-хозяйственную экономію ставитъ себѣ задачею прослѣдить, какъ можетъ складываться и какъ можетъ вестись отдѣльное сельско-хозяйственное предпріятіе при различныхъ комбинаціяхъ этихъ условій, притомъ съ возможно-наибольшимъ приближеніемъ къ удовлетворенію тѣхъ цѣлей, которыя съ самаго начала были поставлены для даннаго сельско-хозяйственнаго предпріятія.

Ученіе объ устройствѣ предпріятія (нѣсколько претенціозно называемое организаціей хозяйства) разработано значительно полнѣе, чѣмъ ученіе о веденіи сельско-хозяйственнаго предпріятія (такъ называемая администрація). Къ задачамъ ученія объ устройствѣ хозяйственнаго предпріятія принадлежитъ прежде всего установка системъ или типовъ, къ которымъ могутъ быть сведены существующія и возможныя сельско-хозяйственныя предпріятія; затѣмъ должно слѣдовать отысканіе цѣлесообразнаго устройства отдѣльныхъ условій производства при различныхъ системахъ, выработка общаго хозяйственнаго плана для опредѣленнаго сочетанія этихъ условій и устройство отдѣльныхъ техническихъ отраслей хозяйства при томъ же опредѣленномъ сочетаніи хозяйственныхъ условій. Задача ученія о веденіи сельско-хозяйственнаго предпріятія—выработка цѣлесообразныхъ пріемовъ повседневной работы, относящейся къ завѣдыванію цѣлымъ хозяйствомъ и его отраслями; работа эта должна согласоваться съ планомъ хозяйства.

Къ сельско-хозяйственной экономіи причисляются еще ученіе объ оцѣнкѣ и контролѣ отдѣльнаго сельско-хозяйственнаго предпріятія. Такъ называемая таксація или ученіе объ оцѣнкѣ предпріятія имѣетъ задачею выразить всѣ элементы сельско-хозяйственнаго предпріятія на одномъ общемъ количественномъ языкѣ. Такимъ языкомъ въ настоящее время почти всегда служитъ языкъ денежной оцѣнки, какова бы ни была главная цѣль отдѣльныхъ сельско-хозяйственныхъ предпріятій, которыя могутъ продавать за деньги лишь небольшую часть своихъ продуктовъ. На томъ же языкѣ выражаются и предполагаемые результаты предпріятія, т.-е. чистый доходъ, который въ смѣтѣ хозяйства получается вычитаніемъ смѣтныхъ издержекъ производства изъ валового дохода. Сельско-хозяйственное счетоводство или ученіе о контролѣ сельско-хозяйственнаго предпріятія обыкновенно бываетъ заключительнымъ отдѣломъ сельско-хозяйственной экономіи. Задачи счетоводства—прослѣдить, какъ осуществился планъ отдѣльнаго сельско-хозяй-

ственнаго предпріятія, какія отрасли хозяйства болѣе успѣшно и какія менѣе успѣшно осуществляли этотъ планъ; при этомъ получается возможность обнаружить дѣйствіе различныхъ неблагопріятныхъ условій на веденіе хозяйства,—такихъ условій, противъ которыхъ желательно принять предупредительныя мѣры въ будущемъ.

Сельско-хозяйственная экономія не чужда, конечно, наблюденій. Изслѣдователь не можетъ работать такъ, чтобы не пользоваться своими личными непосредственными наблюденіями надъ сельско-хозяйственною дѣятельностью людей. Уже эти наблюденія позволяютъ ему отыскивать то типическое, то родовое, которое составляетъ главный интересъ для теоретическаго, отвлеченнаго ученія о хозяйствѣ. Кромѣ такого однопредметнаго наблюденія типическихъ случаевъ сельско-хозяйственная экономія не можетъ обойтись и безъ ссылокъ на дѣйствительныя условія, дѣйствительные пріемы и дѣйствительные результаты конкретныхъ хозяйствъ, но все-таки главная работа изслѣдованій въ сельско-хозяйственной экономіи относится не къ тому, что̀ есть, а къ тому, что̀ должно бы быть или могло бы быть, если бы были даны предварительно такія-то и такія-то обстоятельства. Абстрактно-геометрическій методъ имѣетъ и, кажется, долженъ имѣть въ сельско-хозяйственной экономіи преобладающее значеніе.

Иныя задачи стоятъ передъ тою отраслью агрономическаго обществовѣдѣнія, которая носитъ названіе сельско-хозяйственной статистики. Здѣсь намъ на первомъ планѣ представляется наблюдательное изученіе дѣйствительности. Не всѣ мыслимыя комбинаціи условій сельскаго хозяйства могутъ здѣсь занимать наше вниманіе. Придется выбрать только реально существующее, да и въ этомъ остановиться лишь на тѣхъ объектахъ, которые доступны наблюдательному научному изслѣдованію. Но, несмотря на такой отборъ, матеріалъ, который приходится захватывать при статистическомъ изслѣдованіи сельско-хозяйственныхъ предпріятій, не меньше, а во много разъ больше того матеріала, съ которымъ имѣетъ дѣло сельско-хозяйственная экономія. Сельско-хозяйственная дѣйствительность не можетъ имѣть строго-типическую природу; хозяйственность присуща ей на-ряду съ другими стремленіями человѣческой природы. Для реальной сельско-хозяйственной жизни нельзя установить законовъ, подобныхъ законамъ геометріи или теоретической механики; здѣсь приходится довольствоваться эмпирическими законами, подобными законамъ наблюдательнаго естествовѣдѣнія. Экономія можетъ отыскивать неизбѣжную причинность, обращая вниманіе только на типическое, родовое, общее. Статистика въ своемъ изученіи конкретныхъ явленій встрѣчается съ громаднымъ множествомъ причинъ и можетъ заниматься аналитическимъ изслѣдованіемъ только возможной причинности въ явленіяхъ нетипическихъ, индивидуальныхъ, частныхъ.

Задачи наблюдательнаго обществовѣдѣнія могутъ быть сведены къ двумъ главнымъ группамъ. Одна группа задачъ, которою каждому изъ учащихся настоятельно необходимо заняться, имѣетъ дѣло съ изображеніемъ положенія сельскаго хозяйства въ опредѣленной мѣстности или въ опредѣленную эпо-

ху. Требуется собрать сдѣланныя уже количественныя наблюденія надъ общественною жизнью этой мѣстности или этой эпохи, выдѣлить все интересное въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, тщательно прокритиковать матеріалы и затѣмъ составить картину реальныхъ условій, дѣйствительно примѣняющихся пріемовъ и дѣйствительно получаемыхъ результатовъ сельскаго хозяйства. У такой работы можетъ быть и опредѣленное приложеніе, сближающее ее съ изученіемъ сельско-хозяйственной экономіи. Можно составить примѣрный планъ устройства хозяйства при данныхъ условіяхъ, взятыхъ не изъ головы, а изъ наблюденій, относящихся непремѣнно къ этой мѣстности и къ опредѣленному промежутку времени или, что еще полезнѣе, составить учетъ хозяйства при среднихъ условіяхъ и при среднемъ уровнѣ техники, причемъ эти условія и этотъ уровень техники тоже должны быть не выдуманными, а покоящимися на конкретныхъ наблюденіяхъ сельско-хозяйственной дѣйствительности. Для приднѣпровской мѣстности особенно удобный матеріалъ учащіеся найдутъ въ исполненныхъ уже мѣстными земствами массовыхъ наблюденіяхъ надъ сельскимъ хозяйствомъ губерній Черниговской, Полтавской, Екатеринославской, Таврической и Херсонской.

Другая группа задачъ наблюдательнаго обществовѣдѣнія не имѣетъ такого организаціоннаго или таксаціоннаго примѣненія, какъ первая, но для воспитанія научной мысли обладаетъ не меньшимъ, а скорѣе бо́льшимъ значеніемъ. Пятнадцатилѣтняя учебная практика не оставляетъ въ насъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что изъ среды каждаго контингента учащихся въ агрономической школѣ могутъ возникнуть работы, относящіяся къ этой второй группѣ задачъ. Здѣсь цементомъ будетъ уже служить не мѣсто и не время, а внутренняя причинная связь между отдѣльно взятыми условіями, пріемами и результатами сельскаго хозяйства. Основою такого рода изысканій должны служить массовыя наблюденія надъ сельско-хозяйственною дѣйствительностью. Сопоставляя предполагаемыя причины и предполагаемыя слѣдствія, изслѣдователь опредѣляетъ направленіе количественной связи между этими причинами и слѣдствіями. Въ исполненіи этихъ задачъ не можетъ быть никакого принципіальнаго отличія отъ работъ естественно-научныхъ: и тѣ, и другія должны слѣдовать правиламъ индуктивнаго, опытно-наблюдательнаго мышленія.

Намъ нужно еще коснуться отношеній, возникающихъ между агрономическимъ обществовѣдѣніемъ и агрономическимъ естествовѣдѣніемъ по содержанію задачъ того и другого. Агрономическое естествовѣдѣніе въ своей совокупности составляетъ то, что именуется ученіемъ о сельско-хозяйственной техникѣ. Можно, конечно, понимать ученіе о техникѣ нѣсколько у́же, не включать въ составъ его ученія о жизни сельско-хозяйственныхъ растеній и животныхъ, не включать сельско-хозяйственнаго почвовѣдѣнія и сельско-хозяйственной метеорологіи, но во всякомъ случаѣ, только что упомянутыя дисциплины должны быть знакомы тому, кто приступаетъ къ изученію техники растеніеводства и животноводства. Въ этихъ собственно техническихъ дисциплинахъ разсматриваются коренныя улучшенія земель,

періодическая обработка, удобреніе, посѣвъ, уходъ за культурными растеніями, уборка земледѣльческихъ продуктовъ, кормленіе, содержаніе, разведеніе и воспитаніе домашнихъ животныхъ, пользованіе домашними животными, храненіе сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Задача техническихъ дисциплинъ—согласовать пріемы культуры съ требованіями растительныхъ и животныхъ организмовъ, притомъ такъ, чтобы получались возможно наибольшія количества растительныхъ и животныхъ продуктовъ съ возможно наилучшимъ качествомъ. Тѣ пріемы, которыми обезпечивается полученіе наибольшаго количества продуктовъ наивысшаго качества, получаютъ названіе болѣе совершенныхъ въ техническомъ смыслѣ пріемовъ.

Теоретическое ученіе объ отдѣльномъ сельско-хозяйственномъ предпріятіи не входитъ въ детали техническихъ пріемовъ и притомъ интересуется только такими пріемами, которые ведутъ къ наиболѣе цѣлесообразному устройству предпріятія, къ наибольшему согласованію хозяйственнаго строя съ тѣми цѣлями, которыя заранѣе были поставлены всему сельско-хозяйственному производству, съ цѣлями, относящимися къ полученію дохода.

Но наблюдательное агрономическое обществовѣдѣніе не имѣетъ права останавливаться надъ вопросомъ «что̀ лучше?» Его интересуютъ вопросы: «гдѣ, когда и какъ?»; послѣдній вопросъ оно еще переводитъ на языкъ «сколько?» Наблюдательное обществовѣдѣніе должно отводить одинаковое вниманіе всѣмъ отраслямъ техники, существующимъ въ дѣйствительности, въ реальныхъ условіяхъ времени и мѣста. И отрицательные въ техническомъ смыслѣ результаты окажутся здѣсь поучительными: они обнаруживаютъ, какъ не надо поступать для того, чтобы не получать слишкомъ мало продукта или слишкомъ мало дохода.

Осмысленное изученіе агрономическаго обществовѣдѣнія не можетъ обойтись безъ знакомства съ техническими дисциплинами; поэтому (какъ мы уже упоминали) давняя учебная практика основательно предпосылаетъ изученіе большей части техники изученію экономіи, а иные предлагаютъ даже заканчивать изученіе техники до послѣдняго учебнаго года съ тѣмъ, чтобы послѣдній годъ былъ сосредоточенъ на обществовѣдѣніи. Но недостатокъ времени въ большинствѣ школъ едва ли позволяетъ слѣдовать такому порядку. И технику, и экономію неизбѣжно приходится изучать одновременно и не забывать при этомъ объ ихъ взаимной связи. Экономія должна получше выяснять себѣ понятія о техническихъ пріемахъ и объ ихъ элементахъ и, кромѣ того, непрестанно помнить, что въ техникѣ производства находятся истинные корни хозяйственнаго процесса. Умѣетъ накормить, умѣетъ одѣть человѣка только техника. Но съ другой стороны и техника не должна забывать объ интересахъ того человѣка, котораго она берется кормить и одѣвать. Блескъ и совершенство техническаго творчества должны быть согласованы съ результатами иного творчества человѣческой мысли, имѣющаго хотя бы отдаленною задачей возможно полное удовлетвореніе потребностей *всѣхъ* человѣческихъ существъ.

А. Фортунатовъ.

Третій конгрессъ сіонистовъ.

(Письмо изъ Швейцаріи).

I.

На громадномъ балконѣ Базельскаго казино, расположеннаго на самой парадной улицѣ города, развѣваются бѣло-синіе флаги съ большимъ шестиугольникомъ и семью звѣздами посрединѣ, которые обращаютъ на себя вниманіе иностранца, въѣзжающаго въ Базель. Подъ флагами надпись аршинными буквами III Zionisten-Congress. Флаги эти съ еврейско-національными цвѣтами вывѣшены сіонистами, въ третій разъ съѣзжающимися въ Базель для продолженія дѣла, начатаго ими въ стѣнахъ этого города. Символическій шестиугольникъ — щитъ Давида — старинный еврейскій гербъ, снова принятый сіонистами. Семь звѣздъ означаютъ семичасовой рабочій день, о которомъ мечтаетъ вождь сіонистовъ д-ръ Герцль въ своемъ планѣ-утопіи «Еврейское государство». Такой же шестиугольникъ, какъ на флагахъ, красуется на свѣтло-синей розеткѣ въ петлицахъ делегатовъ сіонистскихъ обществъ, встрѣчающихся группами на старинныхъ базельскихъ улицахъ и говорящихъ на всевозможныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ. Преобладаютъ языки—русскій и англійскій. Съѣхались представители евреевъ почти всѣхъ европейскихъ государствъ. Особенно значительное количество прибыло изъ Россіи, Англіи, Галиціи и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Есть также делегаты изъ Австріи, Болгаріи, Бельгіи, Германіи, Голландіи, Италіи, Палестины, Румыніи, Швейцаріи, Франціи и др. Нѣсколько человѣкъ есть изъ Южной Африки. Кавказскіе горцы-евреи также прислали своего делегата на конгрессъ. Присутствуетъ 110 представителей европейской и американской прессы.

Базельское населеніе и пресса сочувственно принимаютъ сіонистовъ. *Basler Nachrichten* заканчиваютъ передовую статью, посвященную конгрессу, слѣдующими словами: «Мы надѣемся, что говоримъ не только отъ имени нашихъ читателей, не только отъ имени Базельскаго кантона, но и отъ имени всего Швейцарскаго Союза, если мы привѣтствуемъ съѣзжающихся представителей еврейскаго народа сердечнымъ и искреннимъ: милости

просимъ! Да будете вы всѣ преисполнены величія добровольно принятой на себя миссіи». Подобныя статьи появились также въ *National Zeitung*, *Schweizer Zeitung* и друг. швейцарскихъ газетахъ. Нѣкоторыя газеты въ доказательство сочувственнаго отношенія базельцевъ къ сіонистамъ разсказываютъ о случаѣ, имѣвшемъ мѣсто во время засѣданій прошлогодняго конгресса, который совпалъ съ мѣстнымъ праздникомъ Св. Якова. Громадная процессія базельцевъ, проходя мимо зданія конгресса, привѣтствовала стоявшихъ на балконѣ сіонистовъ наклоненіемъ знаменъ и факеловъ и криками Hoch die Juden, Hoch der Zionismus. Базельскій университетъ также выказываетъ знаки сочувствія конгрессу. Университетскій сенатъ обратился къ представителямъ конгресса съ просьбой доставить ему всѣ книги, брошюры и періодическія изданія, посвященныя сіонизму, для помѣщенія въ отдѣльномъ шкафѣ на память о первыхъ сіонистскихъ конгрессахъ, имѣвшихъ мѣсто въ Базелѣ.

Еще за недѣлю до конгресса происходили предварительныя конференціи мѣстныхъ организацій отдѣльныхъ странъ и различныхъ сіонистскихъ обществъ и группъ.

Конференція женщинъ, въ которой принимало участіе больше 50 дамъ, занималась организаціей всемірнаго союза женскихъ сіонистскихъ ферейновъ. Сіонистская молодежь устроила конференцію для выработки программы и организаціи сіонистскихъ теоретическихъ кружковъ. Кружки эти устраиваются повсюду параллельно съ кружками, занимающимися практической работой сіонизма. Они имѣютъ цѣлью—подготовку сознательныхъ сіонистовъ и хорошихъ культурныхъ и практическихъ сіонистскихъ дѣятелей посредствомъ изученія еврейскаго языка, исторіи и литературы, всесторонняго изученія сіонизма и духовнаго и матеріальнаго положенія евреевъ. На-ряду съ этою внутреннею работой кружки занимаются также агитаціонною и просвѣтительною работой въ народной массѣ.

Нѣсколько дней до открытія конгресса базельская сіонистская молодежь чествовала делегатовъ, журналистовъ и гостей конгресса гуляньемъ въ городскомъ саду, на которомъ произносились рѣчи и пѣлись еврейскіе національные гимны на еврейскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

II.

Конгрессъ открылся 15 августа н. с. въ 10 часовъ утра. Еще задолго до открытія засѣданія делегаты и журналисты стали занимать свои мѣста. Огромный залъ со стекляннымъ куполомъ по серединѣ потолка, стѣна украшенная еврейскимъ гербомъ на свѣтло-синемъ фонѣ, длинная эстрада и трибуна, обитые зеленымъ сукномъ, группы делегатовъ, одѣтыхъ въ черное, дамы въ бѣлыхъ костюмахъ и раввины въ традиціонныхъ таларахъ—все это представляетъ своеобразное зрѣлище и производитъ праздничное, торжественное впечатлѣніе. Столы вдоль эстрады заняты стенографами и журналистами. Среди послѣднихъ находится извѣстный оріенталистъ, базель-

скій профессоръ Геманъ, одинъ изъ самыхъ горячихъ христіанскихъ сіонистовъ, недавно издавшій книгу *Пробужденіе еврейскаго народа*, которая имѣется въ русскомъ переводѣ. Галлереи переполнены еврейскимъ и христіанскимъ населеніемъ Базеля и многочисленными гостями, съѣхавшимися со всѣхъ частей свѣта. Присутствуютъ также нѣкоторые сіонисты-христіане. Есть нѣсколько христіанскихъ священниковъ въ длинныхъ таларахъ.

Д-ръ Герцль, встрѣченный восторженными оваціями, открываетъ конгрессъ. Онъ начинаетъ свою рѣчь благодарностью прекрасному свободному городу, снова гостепріимно принимающему сіонистовъ. Эта благодарность чувствуется не только собравшимися, но и уполномочившими ихъ въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ свѣта. Базель, базельскій конгрессъ, базельская программа,—эти слова стали родными для еврейскаго народа и означаютъ для него утѣшеніе и надежду. Герцль говоритъ о значеніи конгресса. Нашъ народъ не возвращается къ жизни минувшихъ временъ, онъ пробуждается къ жизни настоящаго, и онъ поэтому долженъ былъ пріобрѣсть современный органъ, чтобы выразить свою волю къ существованію. Эта трибуна драгоцѣнное достояніе, которое мы пріобрѣли и должны охранять. Значеніе ея будетъ зависѣть отъ значенія тѣхъ рѣчей, которыя на ней будутъ держаться. Внѣшняя сила не придаетъ нашимъ словамъ значенія. Его имъ могутъ дать только внутренняя мощь и чистота помысловъ, которые здѣсь будутъ возвѣщаться. Мы здѣсь не для того, чтобы заниматься внутренними дѣлами отдѣльныхъ государствъ, гражданами которыхъ мы состоимъ. Мы собираемся только для того, чтобъ обсудить вопросъ о положеніи нашего народа и подготовить для него законное и человѣколюбивое разрѣшеніе подъ контролемъ общественнаго мнѣнія. Что этотъ способъ устранять общія затрудненія интернаціональнымъ искреннимъ обмѣномъ мыслей участниковъ уже соотвѣтствуетъ нравственному сознанію современнаго культурнаго человѣчества, въ этомъ мы убѣдились, когда мирное предложеніе Русскаго Императора обрадовало міръ. II сіонистскій конгрессъ былъ первою народною корпораціей, восторженно привѣтствовавшей это предложеніе. Теперь, по истеченіи года, идея мира вступила на путь, ведущій къ ея осуществленію. И это уже много, если оно еще и не у цѣли. Этотъ примѣръ долженъ учить насъ терпѣнію. Если великіе міра сего удовлетворяются медленнымъ ходомъ ихъ высочайшихъ идей, то тѣмъ болѣе должны быть довольны мы, бѣдные люди, если наше дѣло хоть нѣсколько идетъ впередъ. Мы неослабно должны были бы продолжать нашу работу, еслибъ и не могли отмѣтить въ минувшемъ году замѣтныхъ внѣшнихъ успѣховъ. Но послѣдній годъ не былъ плохимъ для нашего движенія.

Герцль говоритъ о сіонистской депутаціи, принятой императоромъ Вильгельмомъ во время его пребыванія въ Іерусалимѣ. Уже одинъ тотъ фактъ, что императоръ обратилъ свое вниманіе на нашу народную идею, могъ внушить намъ нѣкоторую увѣренность. Незначительныя движенія съ такой высоты не замѣчаются. Но это было не простое только приниманіе къ свѣдѣнію. Основанія и цѣли нашего движенія въ точности были знакомы импе-

ратору, и онъ въ тотъ памятный для всего еврейства день увѣрилъ насъ въ своемъ благожелательномъ отношеніи къ нашему дѣлу, за это должны быть ему благодарны всѣ настоящіе евреи. Употреблять это событіе съ агитаціонными цѣлями мы не можемъ. Одно только должны мы отмѣтить. Полная легальность и лойяльность нашего движенія послѣ этого событія внѣ всякаго вопроса. Но намъ раньше всего важно отмѣтить эту лойяльность по отношенію къ турецкому правительству. Мы ничего не предпринимаемъ, что̀ бы хоть нѣсколько могло возбудить справедливыя опасенія Турціи. Мы открыто высказываемъ наши намѣренія. Мы не хотимъ маленькой неупорядоченной колонизаціи и вкрадыванья евреевъ въ Палестину. Многіе наши братья, благодаря своему ужасному положенію, рѣшаются и на это, но намъ мало переложить больного съ одного бока на другой. Мы хотимъ его излѣчить,—это такая великая цѣль, она такъ разумна и ясна, что никто не будетъ больше доискиваться тайныхъ побудительныхъ причинъ. Мы вступаемъ на почву переговоровъ, которые раньше или позже приведутъ насъ къ цѣли, если мы будемъ работать единодушно, соединенными силами. Поэтому мы произвели электрическій токъ нашего единства и хотимъ его все усиливать и пусть никто не отводитъ части его силы.

Не всѣ сіонисты представлены здѣсь. Движеніе наше гораздо больше, чѣмъ оно тутъ проявляется. Значительная группа сіонистовъ стараго направленія придерживается еще прежней методы. Но мы надѣемся, что они примкнутъ къ намъ. Въ идеѣ насъ ничего не раздѣляетъ. Лучшую форму ея осуществленія будемъ искать вмѣстѣ.

Наша ближайшая цѣль — хартія, которую мы хотимъ пріобрѣсти отъ турецкаго правительства подъ суверенитетомъ султана. Только имѣя эту хартію, которая будетъ обладать необходимыми публично-правовыми гарантіями, мы будемъ имѣть возможность приступить къ практической колонизаціи въ большихъ размѣрахъ. За предоставленіе этой хартіи Турція можетъ получить отъ насъ громадныя выгоды. Конгрессъ не можетъ этого добиться, такъ какъ онъ не юридическое лицо, намъ нуженъ былъ для переговоровъ собственный контрагентъ. Это — еврейскій колоніальный банкъ. Если кто-нибудь еще могъ возбудить вопросъ, нужно ли считаться съ нашимъ движеніемъ, какъ съ серьезнымъ факторомъ, то на это отвѣтили сто тысячъ акціонеровъ еврейскаго банка. Отвѣтъ получился изъ Сибири, съ границъ Китая, съ крайняго юга Аргентины, изъ Канады и Трансвааля. Теперь мы передаемъ банкъ конгрессу, за которымъ мы обезпечили полный контроль надъ его дѣятельностью.

Банкъ только посредникъ. На основаніи полученной хартіи будетъ устроено колонизаціонное общество съ соотвѣтственно большимъ капиталомъ, которое будетъ заниматься закупкой земель. Образованіе этого общества можно уже считать обезпеченнымъ.

Герцль говоритъ о сіонистскихъ стремленіяхъ еврейской народной массы, сохранившей народныя традиціи и сильное религіозное чувство и переносившей ужасныя страданія и нужду. Глубокое страданіе вызываетъ

болѣзни и нравственное одичаніе, и омраченныя души служатъ самой благопріятной почвой для всѣхъ разрушительныхъ идей. Мы хотимъ помочь этому. Въ здоровой работѣ на любимой землѣ найдемъ мы спасеніе.

Къ благороднымъ людямъ всѣхъ вѣроисповѣданій и народовъ обращаемся мы за помощью. Намъ не нужно другой помощи, кромѣ моральной.

Заключительныя слова Герцля были:

«Здѣсь борется народъ за свое существованіе, честь и свободу. Изъ душнаго воздуха рвется онъ на солнечный свѣтъ. Современное положеніе евреевъ можетъ имѣть три исхода. Первый—тупое перенесеніе позора и страданій; второй—возмущеніе и ненависть къ враждебному обществу. Нашъ исходъ третій. Мы хотимъ подняться на высшую ступень культуры, размножать благосостояніе, открыть новые пути сношенію народовъ и найти возможность проведенія въ жизнь соціальной справедливости. И какъ нашъ родной поэтъ преображалъ свои страданія въ пѣсни, такъ и наши страданія поведутъ къ прогрессу человѣчества, которому мы служимъ» (бурные, долго не смолкавшіе аплодисменты и крики).

Происходятъ выборы бюро. Президентомъ избранъ д-ръ Герцль, вице-президентами: Максъ Нордау, лондонскій раввинъ д-ръ Гастеръ и д-ръ Мандельштамъ изъ Кіева. Избраны также члены бюро и переводчики для языковъ: нѣмецкаго, еврейскаго, русскаго, англійскаго, французскаго, румынскаго и для жаргона, избраны также коммиссіи легитимаціонная, культурная, организаціонная, финансовая и временно-банковская.

Максъ Нордау, утромъ того же дня пріѣхавшій изъ залы суда въ Реннѣ, читаетъ докладъ объ общемъ положеніи евреевъ.

На первыхъ двухъ конгрессахъ сіонисты, по его словамъ, словно переживали сонъ на яву. Намъ казалось,—говоритъ онъ,—что мы свидѣтели чуда, которое происходитъ съ нами. Мы даже сомнѣвались въ его дѣйствительности, хотя всѣ наши чувства подтверждали это. Словно въ сказкѣ были мы, какъ братья, тысячелѣтіе пролежавшіе въ гробу и вдругъ вставшіе другъ передъ другомъ во плоти, глядя въ глаза и пожимая другъ другу руки. Нашимъ первымъ побужденіемъ было насладиться свиданіемъ, передать другъ другу все, что пережили мы, какъ мнимо-умершіе, заживо погребенные въ нашей могилѣ безъ могильнаго покоя. Мы старались уяснить себѣ наше положеніе, дать себѣ отчетъ въ нашихъ надеждахъ, желаніяхъ, опасностяхъ и задачахъ, ясно сознать, кто наши друзья и кто враги, какія у насъ средства спасенія, какіе у насъ недуги и слабости. Этотъ общій инвентарь еврейскаго народа нами уже установленъ. Теперь намъ остается только отмѣчать измѣненія въ нашемъ положеніи. Въ истекшемъ году таковыхъ отмѣтить нельзя. Они не предвидятся и въ будущемъ, если мы, сіонисты, не вызовемъ ихъ собственными усиліями. Насъ ненавидятъ и преслѣдуютъ, потому что мы легко замѣтное меньшинство и раздѣляемъ участь всякаго меньшинства безъ силы и престижа.

Есть только три средства измѣнить наше положеніе: первое—коренное измѣненіе человѣческой природы; второе—полное отреченіе отъ нашихъ осо-

бенностей, отъ нашей религіи, обычаевъ, преданій и даже измѣненіе чертъ нашего лица, чтобы сдѣлать наше меньшинство незамѣтнымъ; третье—средство, по мнѣнію сіонистовъ, единственно желательное и возможное—собираніе евреевъ на исторической почвѣ ихъ старой родины, гдѣ они образуютъ не поневолѣ терпимое безправное меньшинство, а граждански—полноправное большинство.

Картина положенія евреевъ нами уже установлена. Незначительныя событія въ ней ничего не могутъ измѣнить и не имѣютъ поэтому особеннаго значенія. Сіонисты не тѣшатъ себя блаженными надеждами, если евреевъ цѣлый годъ гдѣ-либо не преслѣдуютъ и не травятъ, но они не падаютъ также духомъ, если наши братья снова подвергаются преслѣдованіямъ. Мы съ горечью, но безъ удивленія отмѣчаемъ ихъ, какъ необходимое послѣдствіе нашего положенія, которое мы ясно сознали и безъ всякаго самообмана раскрыли.

Нордау, беря сравненія изъ геологіи, раздѣляетъ взглядъ на исторію еврейскаго народа на вулканическій и нептуническій. Вулканисты придаютъ значеніе только большимъ насиліямъ противъ евреевъ. Для нихъ исторія еврейскаго народа исчерпывается исторіей еврейскихъ катастрофъ. Нептунисты же, къ которымъ принадлежитъ и ораторъ, не придаютъ такого значенія даже и самымъ ужаснымъ катастрофамъ и не считаютъ ихъ единственными и главными силами, образующими новѣйшую еврейскую исторію. Для нихъ обыкновенныя условія, которыя продолжительно и равномѣрно окружаютъ насъ, это тѣ вліянія, которыя образуютъ судьбу еврейскаго народа. Всѣмъ народамъ, даже и самымъ счастливымъ, приходится переносить тяжелые удары, перевороты, междуусобныя войны и пораженія, но они имѣютъ промежутки отдыха и расцвѣта, когда ихъ раны исцѣляются. Еврейскій народъ тоже перенесъ бы свои катастрофы, еслибъ онъ имѣлъ подобные промежутки, но онъ ихъ не имѣетъ. Мы, какъ пещерныя животныя, живемъ въ вѣчномъ мракѣ. Солнце справедливости намъ не свѣтитъ. Насъ съ давленіемъ тысячи атмосферъ гнетутъ недовѣріе и презрѣніе. Уже много столѣтій живемъ мы въ ледниковомъ періодѣ. Насъ окружаетъ леденящій холодъ ненависти.

Трудно повѣрить теперь въ повтореніе ужасныхъ драмъ минувшихъ временъ,—въ поголовную рѣзню или изгнаніе евреевъ. Но нашъ ледниковый періодъ еще долго будетъ продолжаться. Умираютъ подъ смертоносной сталью и на кострѣ. Но кто замерзаетъ, тотъ также мертвъ, и кто погибаетъ въ безправности и униженіи, тому не легче отъ этого. Это гибель безъ бенгальскаго огня, но для погибающаго она не менѣе трагична.

Задача сіонистовъ освободить евреевъ отъ этого продолжительнаго, равномѣрнаго, сокрушающаго ихъ гнета.

Какія у насъ средства для достиженія нашей цѣли? Мы имѣемъ за себя историческое величіе и нравственную красоту сіонистской идеи, но это недостаточно, чтобы побуждать къ дѣйствіямъ отвѣтственныхъ государственныхъ людей.

Другое средство—деньги, но самое важное и несомнѣнное средство, которое мы уже имѣемъ, это народная воля. Воля десятимилліоннаго, хотя бы и разсѣяннаго по всей землѣ, народа, это позитивная сила, съ которой считаются и самые практическіе государственные люди. Но эта воля должна существовать и не двусмысленно выражаться. Чтобы чего-нибудь добиться, мы раньше должны заявить наши требованія. Какъ можемъ мы ожидать что міръ признаетъ за нами народныя права и народную территорію, пока онъ не вполнѣ убѣжденъ, что мы дѣйствительно народъ и что мы хотимъ оставаться таковымъ. Мы, сіонисты, знаемъ это, но міръ намъ не повѣритъ, пока въ рядахъ самихъ евреевъ это еще ядовито и со скрежетомъ зубовнымъ отрицается. До сихъ поръ слышали только голосъ нашихъ противниковъ, а одинъ крикунъ производитъ больше шуму, чѣмъ тысяча молчащихъ. Поэтому нѣтъ для насъ болѣе настоятельной и важной задачи, какъ работать для того, чтобы доказать міру, что не противники сіонизма, а сіонисты представляютъ еврейскій народъ.

Наша масса еще ясно не высказалась за сіонизмъ, потому что есть еще милліоны, которые, благодаря ужасной борьбѣ за существованіе и отчаянной погонѣ за каждымъ кускомъ хлѣба, не дающей имъ думать о чемъ-нибудь другомъ, еще ничего не знаютъ о сіонизмѣ. Они томятся по Сіону и не знаютъ, что ихъ томленіе приняло форму позитивной политической программы. Наши слова не доходятъ до нихъ. Они не читаютъ газетъ и не ходятъ на собранія. На эту массу могутъ вліять еврейскіе раввины, и ихъ обязанность вносить въ свои общины свѣтлую вѣсть о новомъ сіонизмѣ. Однимъ ударомъ могутъ они превратить девять десятыхъ еврейскаго народа изъ сіонистовъ по чувству въ сіонистовъ слова и дѣла. Они не должны бояться посягательствъ на еврейскую религію. Мы неоднократно публично заявляли, что сіонизмъ не затрогиваетъ религіи, что онъ каждому предоставляетъ свободу жить по его религіознымъ убѣжденіямъ.

Съ ѣдкой ироніей Нордау рисуетъ внутреннее духовное рабство западно-европейскихъ евреевъ, отрекающихся отъ своего народа и борющихся противъ сіонизма... Я можетъ удивлю васъ, что снисходительнѣе сталъ теперь относиться къ этимъ ренегатамъ и еврейскимъ антисемитамъ. Я видѣлъ, какъ ихъ терзаютъ и мучаютъ въ набожныхъ христіанскихъ, большей частью рѣзко антисемитическихъ салонахъ. Въ книгахъ превосходныхъ наблюдателей, какъ Анатоль Франсъ и друг., я читалъ, какія муки приходится имъ претерпѣть, чтобы вкрасться въ благородные антисемитическіе круги, какой позоръ они должны вынести, чтобы танцовать на графскомъ балу или удостоиться чести и одолжать деньги герцогскому Pumpbruder'у.

Я постигъ тогда этихъ людей. Я понялъ, что они настоящіе потомки ихъ великихъ предковъ, которые испускали послѣднее дыханіе на кострахъ и въ застѣнкахъ. Эти также добровольно переносятъ пытки и огненную смерть. Они также выказываютъ геройство, чтобъ отречься отъ еврейства, какъ ихъ великіе предки, чтобъ остаться ему вѣрными.

Отъ нихъ мы должны отказаться, какъ они отказались отъ насъ, но

зато мы должны работать среди еврейской массы, которая еще ничего или мало знаетъ о сіонизмѣ. Мы должны достигнуть и достигнемъ того, что подавляющее большинство еврейскаго народа громко, передъ всѣмъ міромъ признаетъ свои сіонистскія стремленія, свою волю къ національному существованію.

Но для этого необходимо, чтобы каждый сіонистъ помнилъ о своемъ апостольскомъ призваніи. Пассивныхъ, наблюдающихъ сіонистовъ, сіонистовъ - любителей, сіонистовъ спокойнаго состоянія не должно быть. Мы постоянно должны проповѣдовать, учить, вербовать. На нашемъ знамени должны быть начертаны слова Нельсона въ день трафальгарскаго сраженія: «Израиль ждетъ, чтобы каждый исполнилъ свой долгъ».

Рѣчь Нордау, часто прерываемая бурнымъ одобреніемъ, смѣхомъ и рукоплесканіями при заключеніи вызываетъ настоящій энтузіазмъ.

III.

Послѣобѣденное засѣданіе президентъ открываетъ сообщеніемъ о массѣ телеграммъ, писемъ и петицій отъ еврейскихъ общинъ, обществъ, союзовъ, отъ женскихъ ферейновъ, студенческихъ кружковъ, отъ еврейскихъ равviновъ и т. д., полученныхъ конгрессомъ со всѣхъ частей свѣта. Особенное вниманіе обращаетъ на себя посланіе кавказскихъ горцевъ - евреевъ, отъ имени тысячъ ихъ братьевъ заявляющихъ, что они съ восторгомъ узнали о новомъ сіонистскомъ движеніи и о великомъ еврейскомъ народномъ собраніи. Они примыкаютъ къ сіонизму и готовы служить ему всѣми силами.

Архитекторъ Мармореkъ изъ Вѣны читаетъ отчетъ сіонистскаго Aktions Komité. Самой главной своей задачей Aktions Komité считаетъ внутреннюю пропаганду въ еврейскомъ народѣ посредствомъ прессы, брошюръ, летучихъ листковъ, агитаціонныхъ собраній, народныхъ чтеній и т. д. Сіонистскія газеты издавались на всевозможныхъ языкахъ, одна даже на эспанольскомъ нарѣчіи для пропаганды сіонизма среди турецкихъ евреевъ. Подобное изданіе очень важно, такъ какъ противники сіонизма распространяютъ среди турецкихъ евреевъ слухи, что сіонистское движеніе направлено противъ турецкаго правительства. Необходимо опровергать эти ложные слухи и доказывать полную лояльность движенія. Работа не осталась безъ результатовъ. Число сіонистскихъ ферейновъ въ Восточной Европѣ за послѣдній годъ увеличилось на 30%, въ другихъ странахъ на 25%. Особенно хорошіе результаты слѣдуетъ отмѣтить въ Россіи, Румыніи, Сѣверной Америкѣ, Болгаріи и Англіи. Распространяется сіонистская идея также въ Германіи, Швейцаріи, Бельгіи, Голландіи, Италіи и Греціи. Сіонистскія общества есть уже въ Забайкальи, въ Бухарѣ, въ Туркестанѣ, въ Новой Зеландіи и почти во всѣхъ гиршевскихъ колоніяхъ въ Аргентинѣ.

Движеніе сдѣлало значительные успѣхи, но идеальная мысль организаціи—объединеніе всего еврейскаго народа подъ однимъ знаменемъ—еще далека.

Параллельно съ внутренней пропагандой шла внѣшняя—ознакомленіе другихъ народовъ съ сіонистскими стремленіями; это считалось очень важнымъ, такъ какъ сочувствіе народовъ, среди которыхъ евреи живутъ, не только полезно, но и необходимо для достиженія цѣли, поставленной себѣ сіонистами. Лучшее средство для этого—сіонистскіе конгрессы, на которыхъ публично дается картина невыносимаго положенія евреевъ и обсуждается средство спасенія,—средство, которое можетъ радикально помочь не только еврейскому народу, но которое освободитъ также другіе народы отъ разъѣдающаго ихъ еврейскаго вопроса, отъ деморализующаго антисемитизма и физическаго и духовнаго пролетаріата.

Сіонистское движеніе имѣло также большое значеніе для еврейскаго народа и въ культурномъ отношеніи. Сіонистскіе ферейны имѣютъ также характеръ образовательныхъ обществъ, изъ которыхъ исходитъ просвѣщеніе и знаніе. Они заботятся объ устройствѣ безплатныхъ школъ, народныхъ библіотекъ, читаленъ, объ устройствѣ хоровыхъ и гимнастическихъ обществъ и т. д.

Лучшей пробой силы сіонизма было учрежденіе еврейскаго національнаго банка. Массовое участіе въ подпискѣ во всѣхъ частяхъ свѣта показало, что сіонистское дѣло имѣетъ корни въ народѣ. По прочтеніи финансоваго отчета д-ромъ Кокешомъ изъ Вѣны начинается обсужденіе обоихъ отчетовъ, особенно перваго, причемъ д-ръ Герцль въ качествѣ главы Aktions Komité оставляетъ президентское кресло. Десятки ораторовъ различныхъ странъ и на всевозможныхъ языкахъ дополняютъ и критикуютъ отчеты и интерпеллируютъ Герцля и Aktions Komité. Профессоръ Колумбійскаго университета въ Нью-Йоркѣ, д-ръ Готгейль, дѣлаетъ нѣкоторыя сообщенія о распространеніи сіонизма въ Сѣверной Америкѣ. Тамъ уже 125 сіонистскихъ обществъ, распредѣленныхъ по всей странѣ, въ одномъ Нью - Йоркѣ 32 сіонистскихъ общества. Оживленная дѣятельность происходитъ въ Канадѣ; въ Монтреалѣ почти всѣ евреи сіонисты. Сіонизмъ распространяется и въ Калифорніи. Въ Новомъ Свѣтѣ тоже не забыта любовь къ Сіону. Сіонизмъ объединилъ тамъ всѣ направленія и партіи въ еврействѣ. Не еврейское населеніе Америки также очень симпатизируетъ сіонизму. Оратору приходилось держать рѣчи о томъ въ христіанскихъ обществахъ. Въ различныхъ не еврейскихъ кругахъ съ величайшимъ интересомъ ждутъ результатовъ этого конгресса.

Г-жа Готгейль говоритъ о женскомъ сіонистскомъ движеніи въ Америкѣ. Она гордится тѣмъ, что участвуетъ на конгрессѣ, на которомъ женщины уравнены въ правахъ съ мужчинами.

Въ Сѣверо - Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ нѣтъ теперь почти города безъ женскаго сіонистскаго ферейна. Въ одномъ Нью-Йоркѣ 5 подобныхъ обществъ.

Д-ръ Коганъ-Бернштейнъ говоритъ о распространеніи сіонизма въ Россіи. Работа шла для колонизаціи Палестины и для поднятія духовнаго

уровня еврейской массы. Старались іудоизировать интеллигенцію и европоизировать массу.

Д-ръ Менцель говоритъ отъ имени галиційской делегаціи, состоящей изъ 21-го члена и представляющей вдвое больше мандатовъ. Его сообщеніе о положеніи галиційскихъ евреевъ производитъ на присутствующихъ потрясающее впечатлѣніе. Большинство галицийскихъ евреевъ въ буквальномъ смыслѣ голодаетъ. По вычисленіямъ одного польскаго писателя, 6,000 человѣкъ ежегодно умираетъ въ Галиціи отъ голоднаго тифа, но положеніе остающихся въ живыхъ гораздо ужаснѣе. Это не жизнь, а медленная агонія. Галицийскіе евреи съ страстнымъ томленіемъ ждутъ только зова, чтобы пойти за сіонистскими вождями, но они еще мало знакомы съ сіонизмомъ, на что Aktions Komité долженъ обратить свое вниманіе.

Д-ръ Немирово и г. Пинелесъ говорятъ о распространеніи сіонизма въ Румыніи. Тамъ 131 сіонистскій ферейнъ, изъ нихъ 23 женскихъ. Студенческая молодежь все больше примыкаетъ къ сіонизму. Несмотря на ужасное положеніе румынскихъ евреевъ тамъ успѣшно идетъ распространеніе еврейскаго языка, изученіе еврейской исторіи и литературы.

Трансваальскій делегатъ инженеръ Кеслеръ передаетъ конгрессу привѣтствія 1,800 южно-африканскихъ сіонистовъ. Тамъ подписано на 8,000 акцій еврейскаго банка, хотя еврейское населеніе Южной Африки не превышаетъ 10,000.

Д-ръ Членовъ изъ Москвы требуетъ, чтобы обращалось большее вниманіе на культурную работу, только она—лучшая гарантія развитія сіонизма.

Нѣкоторые ораторы критикуютъ дѣйствія Aktions Komité, особенно рѣзко выступаетъ г. Моцкинъ изъ Берлина. Онъ обвиняетъ Aktions Komité въ неточномъ исполненіи нѣкоторыхъ постановленій II конгресса и выражаетъ свое недовольство формой, которую агитація иногда принимала.

Наконецъ, Герцль и докладчикъ Aktions Komité отвѣчаютъ на всѣ замѣчанія, вопросы и интерпелляціи. Они указываютъ на несправедливость нѣкоторыхъ замѣчаній и благодарятъ за здоровую необходимую критику. Они сами сознаютъ, что въ организаціи еще не все совершенно. Но цѣль этихъ конгрессовъ обратить вниманіе на ошибки въ молодомъ еще движеніи и стараться исправить ихъ на будущее. Если что-нибудь не сдѣлано, то не изъ-за недостатка желанія, но часто изъ-за неимѣнія возможности.

Только на другой день вечеромъ вотируется довѣріе Герцлю и Aktions Komité. Раввинъ д-ръ Фрейденбергъ указываетъ на то, что всѣ эти дебаты и критика имѣли характеръ не злобной оппозиціи, а трезваго, искренняго обмѣна мыслей. Онъ предлагаетъ слѣдующую резолюцію: «конгрессъ выражаетъ самое полное довѣріе нашему высокоуважаемому вождю, д-ру Герцлю, и также всему составу Aktions Komité, и выражаетъ имъ благодарность за прекрасное веденіе дѣлъ и цѣлесообразную дѣятельность въ пользу сіонизма». Эта резолюція единогласно принимается при единодушныхъ восторженныхъ апплодисментахъ залы и галлерей, и Герцль снова занимаетъ свое предсѣдательское мѣсто.

IV.

Г. Вольфсонъ изъ Кельна читаетъ докладъ банковской коммиссіи, на которую конгрессъ возложилъ учрежденіе еврейскаго колоніальнаго банка. Работа была очень трудная и сложная и требовала много времени. Банкъ долженъ быть чисто-коммерческимъ предпріятіемъ, цѣли же и назначеніе его идеальнаго характера. Акціонеры банка распредѣлены по всему міру, такъ какъ капиталы и торговыя дѣла по необходимости интернаціональны, банкъ же долженъ быть національнымъ, еврейско-національнымъ. Предпріятіе должно быть возможно болѣе доходнымъ, учредители же банка, какъ таковые, отказываются отъ всякаго дохода. Каждый можетъ быть акціонеромъ и участникомъ банка, банкъ же на вѣчныя времена долженъ остаться сіонистскимъ, даже если всѣ акціи банка когда-нибудь будутъ находиться въ несіонистскихъ рукахъ. Лучшій исходъ изъ всѣхъ этихъ противорѣчій и трудностей было раздѣленіе акцій на простыя и учредительскія, причемъ 100 учредительскихъ имѣютъ столько же голосовъ, сколько остальныя 1.999,900 акцій, вмѣстѣ взятыхъ. Это раздѣленіе обезпечиваетъ не только сіонистскій характеръ банка, но и интересы акціонеровъ, такъ какъ банкъ такимъ образомъ находится не въ рукахъ единичныхъ личностей, но онъ поставленъ подъ суверенный контроль конгресса или, вѣрнѣе сказать, всего еврейскаго народа. Aktions Komité, ежегодно избираемый конгрессомъ, составляетъ также наблюдательный совѣтъ банка, которому учредительскія акціи временно довѣряются, какъ достояніе еврейскаго народа. Эти учредительскія акціи—весь уставъ банка, все же остальное—только разъясненіе къ нему. Банкъ, который насчитываетъ больше 100,000 акціонеровъ, несмотря на то, что въ подпискѣ участвовали только сіонисты, и который въ милліонахъ людей возбуждаетъ величайшій интересъ, что̀ безпримѣрно въ исторіи банковскихъ учрежденій, это институтъ, съ которымъ можно считаться, который можетъ и будетъ существовать. 20 марта с. г. банкъ внесенъ съ списки лондонскаго коммерческаго суда. Банковскій комитетъ исполнилъ задачу, возложенную на него конгрессомъ, и онъ передаетъ теперь банкъ представителямъ еврейскаго народа.

Начинается обсужденіе статутовъ банка, которое затянулось до послѣдняго засѣданія третьяго дня. Особенно настоятельно требуется измѣненіе перваго пункта устава въ томъ смыслѣ, чтобы колонизаціонная дѣятельность банка ограничивалась одною Сиріей и Палестиной. Требуется также отмѣна пункта, по которому Aktions Komité имѣетъ право дарить учредительскія акціи на пожизненное владѣніе отдѣльнымъ лицамъ. Эти предложенія, наконецъ, баллотируются и принимаются; окончательно же утверждаются они на собраніи акціонеровъ банка, состоявшемся на 3-й день послѣ закрытія засѣданія конгресса.

Сухія утомительныя пренія о статутахъ банка прерываетъ рѣчь лондонскаго раввина доктора Гастера, который говоритъ отъ имени культурной коммиссіи. Рѣчь эта уже совершенно другого характера и она освѣ-

жительно дѣйствуетъ на членовъ конгресса. Ораторъ говоритъ о культурныхъ задачахъ сіонизма и указываетъ на ихъ громадное значеніе. Значеніе народа зависитъ отъ тѣхъ идеаловъ, которые онъ постоянно имѣетъ передъ глазами. Если народъ живетъ дикими идеалами мести, вражды и реванша, то этотъ дикій идеалъ убиваетъ въ немъ всѣ высокія стремленія, и народъ падаетъ и теряетъ свое назначеніе, свою великую роль въ исторіи человѣчества. Еврейскій народъ имѣлъ постоянно великіе идеалы передъ глазами. Онъ мечтаетъ о времени, когда на землѣ воцарятся справедливость и любовь, и этотъ идеалъ еврейскаго народа мы называемъ царствомъ Божіимъ на землѣ.

Въ какой связи находится это царство Божіе съ сіонистскимъ движеніемъ? Въ самой тѣсной. Первое—надежда, второе—попытка ея осуществленія. Мы имѣемъ передъ нашими глазами картину лучезарнаго будущаго, и въ этомъ тайна нашей вѣчности и несокрушимости. Мы показываемъ примѣръ, какъ разсѣянный, порабощенный и преслѣдуемый народъ нашелъ въ себѣ силу откликнуться на идеальный призывъ и отдаться сіонизму не только инстинктивно, но съ полнымъ сознаніемъ, и снова объединиться.

Мы въ нашихъ дебатахъ слишкомъ много занимались малоидеальными вопросами. Эти матеріальныя потребности на время необходимо было выдвинуть на первый планъ. Но мы не собираемся сюда только для того, чтобы заниматься организаціонными и финансовыми вопросами. Это только второстепенныя вещи, средства для цѣли, которыя гораздо выше этихъ маленькихъ вопросовъ, ибо мы работаемъ для освобожденія духа. На знамени еврейскаго воодушевленія, на знамени сіонизма не должно быть изображенія золотого тельца. Сонъ нашего народа начинаетъ осуществляться, отъ насъ зависитъ, въ какой формѣ будемъ участвовать въ его осуществленіи.

Недалеко отсюда въ Италіи есть кладбище изъ насыпанной палестинской земли, которая на корабляхъ привозилась изъ Св. Земли. Мы тоже хотимъ имѣть такое Campo santo, но не какъ мертвые въ палестинской землѣ, которая привозится на корабляхъ въ Европу, но Campo santo—священное мѣсто на свободной почвѣ Палестины, какъ живая нація.

Свою рѣчь ораторъ заключаетъ легендой о фениксѣ, съ которымъ еврейскіе мудрецы уже въ древности сравнивали еврейскій народъ. Фениксъ живетъ вѣчно, но по истеченіи нѣкотораго времени онъ начинаетъ старѣть и слабѣть; онъ внутренно сгораетъ и обращается въ пепелъ. Остается только маленькое зерно, которое жрецъ беретъ съ собою въ городъ солнца, въ Геліополисъ. Онъ охраняетъ зерно, лелѣетъ его, и медленно пробуждается фениксъ. Когда онъ вполнѣ созрѣваетъ, онъ взмахиваетъ крыльями и устремляетъ свой полетъ къ солнцу. Насъ тоже сожигаютъ, разсѣиваютъ, топчутъ ногами какъ пепелъ, но одно зерно осталось, и теперь являются сіонисты, жрецы новаго времени, и приносятъ зерно въ городъ солнца, солнца справедливости, вѣры, правды, и мы лелѣемъ его и должны его лелѣять, пока еврейство снова не воспрянетъ изъ пепла, какъ

фениксъ и не направитъ свой полетъ къ солнцу правды и не увлечетъ за собою народы.

Д-ръ Канъ изъ Вѣны читаетъ рефератъ объ организаціи. Онъ находитъ, что сіонистскія общества должны быть такъ устроены, чтобы и несостоятельные люди могли принимать въ нихъ участіе. Онъ требуетъ большей самостоятельности мѣстныхъ организацій и болѣе тѣснаго и живого сношенія между ними и организаціоннымъ органомъ.

V.

Четвертый день открывается сообщеніемъ о вновь полученныхъ многочисленныхъ телеграммахъ и письмахъ. Продолжается обсужденіе доклада д-ра Кана объ организаціи.

Особенно сочувственно принимается въ этомъ засѣданіи рѣчь сэра Френсиса Монтефіоре изъ Лондона, племянника и наслѣдника имени извѣстнаго филантропа Моисея Монтефіоре. Онъ говоритъ о поразительныхъ успѣхахъ сіонизма за короткое время. Недавно сіонизмъ еще считался романтическою утопіей нѣкоторыхъ фантазёровъ. Теперь даже самые ярые противники его должны признать, что онъ сталъ могущественнымъ движеніемъ, все разрастающимся. Сіонизмъ не можетъ вызвать недоразумѣній между турецкимъ правительствомъ и его еврейскими подданными. Одна изъ главныхъ задачъ сіонизма мирнымъ и дипломатическимъ путемъ добиться у султана концессій, которыя дадутъ намъ возможность колонизировать Палестину. На инсинуаціи и оскорбленія нашихъ противниковъ мы должны отвѣчать заслуженнымъ презрѣніемъ, какъ подобаетъ борцамъ побѣдоноснаго дѣла по отношенію къ представителямъ потеряннаго дѣла.

Піонеры всѣхъ великихъ движеній всегда считались энтузіастами и подвергались насмѣшкамъ, но безъ энтузіазма невозможно ни одно великое дѣло.

Путь къ нашей цѣли труденъ и каменистъ, но зато какъ велика будетъ награда. Ораторъ явился на конгрессъ, чтобы передъ всѣмъ еврейскимъ народомъ заявить о своей преданности сіонизму и его вождямъ и готовности служить всѣми силами тому дѣлу, о которомъ онъ слышалъ уже отъ своего покойнаго дяди Моисея Монтефіоре. (При упоминаніи имени послѣдняго весь конгрессъ благоговѣйно поднимается съ мѣста).

Г. Буберъ изъ Галиціи требуетъ отъ имени агитаціонной коммиссіи болѣе энергичной и интенсивной агитаціи, идущей въ народъ. Полнаго успѣха можно будетъ ожидать только тогда, когда удастся проложить путь къ народному сердцу. Сіонизмъ это не партійное дѣло, онъ цѣлое міровоззрѣніе. Докладчикъ предлагаетъ устройство особаго агитаціоннаго комитета, во главѣ котораго долженъ стоять одинъ изъ членовъ Aktions Komité. Къ главному сіонистскому органу *Die Welt* должны даваться ежемѣсячныя приложенія, въ которыхъ помѣщались бы оффиціальныя сообщенія Aktions Komité. Ораторъ предлагаетъ также изданіе цѣлаго ряда книгъ, брошюръ и

библіотеки для юношества. Особенно важнымъ средствомъ агитаціи считаетъ онъ изданіе алфавитнаго указателя, въ которомъ въ видѣ вопросовъ и отвѣтовъ въ сжатой формѣ давалось бы обоснованіе программы сіонизма и разъясненіе всего касающагося сіонистскаго движенія. Эти предложенія принимаются; съ нѣкоторыми измѣненіями принимаются также предложенія организаціонной коммиссіи. Главныя рѣшенія слѣдующія: организація дѣлится на мѣстные комитеты и округи, округи дѣлятся для агитаціонныхъ цѣлей на ферейны, а для выборныхъ цѣлей на выборныя группы. Статуты ферейновъ и ихъ измѣненія подлежатъ утвержденію мѣстныхъ комитетовъ. Въ сіонистскую организацію входитъ каждый сіонистъ, вносящій ежегодно не менѣе шекеля (традиціонный еврейскій сиклъ=1 маркѣ, 1 фр., 40 к. и т. д.). Пассивное и активное право участія въ выборахъ делегата на конгрессъ имѣютъ только шекеледатели. Каждая сотня выбираетъ одного делегата. Конгрессъ собирается по меньшей мѣрѣ каждые два года. Управляетъ дѣлами сіонизма избираемый конгрессомъ Aktions Komité. Aktions Komité раздѣляется на малый вѣнскій изъ 5 человѣкъ и большой изъ 34 человѣкъ, распредѣленныхъ по различнымъ странамъ.

Д-ръ Канъ изъ Вѣны, раввинъ Рейнесъ изъ Лиды и редакторъ еврейской газеты *Гацефира* говорятъ отъ имени культурной коммиссіи. Д-ръ Канъ говоритъ, что сіонистскій конгрессъ долженъ обратить особенное вниманіе на культурные вопросы еврейства. «Мы имѣемъ великое прошлое въ культурѣ, мы вѣримъ въ великое будущее, но не имѣемъ пока настоящаго. Сіонизмъ, который снова даетъ евреямъ родину, собственный центръ, современемъ создастъ также спеціально-еврейскую науку и еврейскую культуру». Одна изъ важнѣйшихъ задачъ сіонизма возрожденіе еврейскаго языка. «На этомъ конгрессѣ мы видимъ настоящее вавилонское смѣшеніе языковъ. Братъ не понимаетъ брата. Этому нужно положить конецъ. Можетъ быть, черезъ 20 лѣтъ, будетъ засѣдать еврейскій парламентъ, участники котораго будутъ совѣщаться и рѣшать всѣ дѣла на одномъ общемъ всѣмъ языкѣ». Ораторъ предлагаетъ работу для всеобщаго союза, имѣющаго цѣлью распространеніе еврейскаго языка, введеніе преподаванія на этомъ языкѣ въ палестинскія школы, изданіе учебниковъ на еврейскомъ языкѣ и т. д. Раввинъ Рейнесъ говоритъ на еврейскомъ языкѣ, и его рѣчь, часто прерываемая апплодисментами,—изъ чего видно было, что значительной части участниковъ конгресса не былъ чуждъ библейскій языкъ—потомъ переводится на нѣмецкій языкъ. Ораторъ тоже стоитъ за культуру и просвѣщеніе массы, противъ которыхъ еврейскіе раввины ничего не имѣютъ, но эта дѣятельность не должна касаться религіозныхъ вопросовъ. Самая громадная заслуга сіонизма, что онъ послѣ тысячелѣтія разъединенія снова соединилъ всѣ партіи и направленія еврейскаго народа для совмѣстной дружной работы на широкомъ фундаментѣ національнаго возрожденія народа. Нужно избѣгать всего, что можетъ сдѣлать эту работу невозможной. Каждый, кому дорого народное благо, долженъ ревниво оберегать эту народную трибуну.

Г. Соколовъ указываетъ на плодотворное влiянiе, которое сiонизмъ имѣлъ на развитiе еврейской литературы. За послѣднiе годы эта литература все увеличивается и находитъ все большiе круги читателей. Все больше входитъ въ жизнь народа забытый еврейскiй языкъ. Сiонизмъ—это также возвращенiе къ еврейству. Параллельно съ практическою работой должна идти и культурная. Нужно просвѣщать массу, развивать ее въ еврейскомъ и общечеловѣческомъ духѣ. Только передъ закрытiемъ послѣдняго засѣданiя исчерпываются остальные вопросы, стоящiе на очереди; происходятъ выборы различныхъ коммиссiй и Aktions Komité. Въ вѣнскiй Aktions Komité избраны д-ръ Герцль, д-ръ Кокешъ, д-ръ Шниреръ, д-ръ Канъ и архитекторъ Марморекъ. Для другихъ странъ избраны: для Галицiи—3, для Буковины—1, для Австрiи—2, для Италiи—1, для Америки—2, для Трансвааля—1, для Францiи—1, для Бельгiи—1, для Швейцарiи—1, для Англiи—3, для Египта—1, для Румынiи—3, для Германiи—3, для Россiи—12 вмѣсто прежнихъ 10.

Герцль произноситъ заключительное слово. Четыре дня конгрессъ достойно засѣдалъ. Въ послѣднiй день президентъ, можетъ быть, былъ слишкомъ строгъ или мало объективенъ, но причину этого всѣ найдутъ важной. Онъ не хотѣлъ продлить засѣданiя до часовъ, которые должны быть посвящены субботнему покою. Онъ указываетъ на это, потому что сiонизмъ не затрогиваетъ религiозныхъ чувствъ кого-либо изъ его приверженцевъ.

Бурный энтузiазмъ предыдущихъ конгрессовъ нѣсколько улегся, его смѣнила спокойная, обдуманная, идущая къ цѣли работа и постоянное воодушевленiе. Сiонизмъ выступилъ изъ юношескихъ лѣтъ и сталъ мужественнѣе. Изъ мѣстъ и странъ, откуда ихъ и ожидать нельзя было, явились братья. Особенно нужно упомянуть делегатовъ Южной Африки. Мы уходимъ отсюда, освѣженные, съ свѣтлыми чувствами, но съ разлукой работа наша не должна прекратиться. Кое-что уже сдѣлано, еще больше осталось сдѣлать. Мы надѣемся вернуться съ новыми товарищами и продолжать нашу работу, пока наше великое дѣло не будетъ доведено до конца. Третiй конгрессъ сiонистовъ кончился.

Когда Герцль говорилъ заключительныя слова, въ залѣ, ярко освѣщенномъ электричествомъ, царило торжественное безмолвiе, чувствовалось приподнятое состоянiе. Блѣдныя, изнеможенныя отъ 4 сутокъ безпрерывной напряженной работы лица одухотворены и грустны. Этимъ людямъ жаль, что позади уже дни мозговой и сердечной работы, волненiя, тревоги и радости, когда эти несчастные разсѣянные парiи, эти разноплеменные разноязычные элементы чувствовали себя объединенными народомъ и жили высшими интересами служенiя народному дѣлу, позабывъ о своихъ личныхъ страданiяхъ, о мелкихъ заботахъ и непрiятностяхъ обыденной жизни.

Эти 4 дня конгресса единственно свѣтлый народный праздникъ евреевъ, какъ замѣтилъ одинъ изъ делегатовъ.

Когда Герцль кончилъ, зданіе конгресса огласилось бурными апплодисментами и криками, которые особенно усились, когда англичанинъ Kohen отъ имени конгресса поблагодарилъ президента. Въ залѣ и на галлереяхъ, все время принимавшихъ живое участіе во всемъ, что происходило внизу, махали платками, палками, зонтиками, листами бумаги, топали ногами. Крики на всевозможныхъ языкахъ: русское ура, hoch нѣмцевъ, vive французовъ, еврейскій Heidod и старинный еврейскій возгласъ Leschonoh Haboho Bijeruscholajim (въ будущемъ году въ Іерусалимѣ) долго не смолкали подъ высокими сводами казино, проникая на улицу и удивляя мирныхъ базельцевъ.

Л. Я—е.

Письма о современномъ искусствѣ.

I.

Начало сезона. — Назначеніе М. С. Волконскаго. — Чѣмъ обусловливается паденіе театральнаго дѣла.—Новинки сезона: „Глухая стѣна“, др. О. Шапиръ (*Новый театръ*): „Извозчикъ Геншель“, др. Г. Гауптмана (*Малый театръ*): „Забава“, др. А. Шницлера (*Новый театръ*).—Классическія среды въ *Маломъ театрѣ*: „Эгмонтъ“, „Макбетъ“.—„Смерть Іоанна Грознаго“ на сценѣ *Художественно-Общедоступнаго театра*.

Начало каждаго новаго театральнаго сезона рѣдко отличается особымъ оживленіемъ. Медленно, съ нѣкоторою лѣнцой открываются обыкновенно двери театровъ, лѣниво начинаетъ посѣщать ихъ публика, лѣниво играютъ артисты. Проходитъ мѣсяцъ, другой, и только къ началу зимы театральная жизнь вступаетъ въ свои права,—появляются новости драматической литературы, оживаютъ артисты и публика: наступаетъ настоящій сезонъ. Сезонъ этого года измѣнилъ таковому порядку. Онъ сразу какъ-то лихорадочно проснулся отъ лѣтней спячки, сразу ожилъ. Еще въ началѣ августа стали ходить слухи о предстоящихъ перемѣнахъ въ сферахъ высшей администраціи нашихъ казенныхъ театровъ. Слухи эти скоро подтвердились. Въ концѣ августа на должность директора Императорскихъ театровъ назначенъ вмѣсто И. С. Всеволожскаго кн. С. М. Волконскій. Вопросъ о томъ, кто стоитъ во главѣ театральной администраціи, до настоящаго времени интересовалъ насъ мало. Театръ—самъ по себѣ, а администрація театральная—сама по себѣ. Мы вѣримъ въ преемственную талантливость артистовъ нашего «образцоваго» театра. Рѣдѣли ряды могикановъ, составлявшіе гордость и славу русскаго театра, рѣдѣли, чтобы ужъ болѣе не вернуться: Щепкины, Садовскіе, Шумскіе, Самарины, Живокини, но слава Малаго театра, созданная ими, твердо жила въ памяти потомства, и до сихъ поръ еще мы, москвичи, съ гордостью говоримъ о нашемъ «образцовомъ» театрѣ, хотя для того, чтобы поддержать этотъ эпитетъ, намъ приходится все болѣе и болѣе, все чаще и чаще, увы, ссылаться на тѣ имена, которыхъ ужъ нѣтъ,—ссылаться на прошлое, а не на настоящее!

Но мы продолжали твердо вѣрить, что то оскудѣніе, которое пережива-

ютъ наши образцовые театры, лишь временно, что пройдетъ время недомоганія и старый колоссъ вновь могуче расправитъ свои на время сложенныя руки и властно захватитъ поле и мы вновь увидимъ былую славу Малаго театра. Не было матеріала для сравненій, оставались незамѣтными и причины недомоганія. Но вотъ въ прошломъ году въ Москвѣ народилось новое художественно-театральное предпріятіе: Художественно-общедоступный театръ. Начинаетъ онъ свою дѣятельность постановкою не болѣе не менѣе какъ сложной трагедіи «Царь Ѳедоръ» гр. А. Толстого. И что же? Среди артистовъ новаго театра не было ни одного артиста съ именемъ. И тѣмъ не менѣе успѣхъ громадный. Трагедія въ теченіе сезона идетъ 57 разъ и каждый разъ при полномъ зрительномъ залѣ. До тѣхъ поръ неизвѣстныя имена артистовъ становятся извѣстными, говорятъ объ ихъ талантѣ, *сравниваютъ* ихъ талантъ съ талантами артистовъ нашего образцоваго театра, и когда на сценѣ Художественно-Общедоступнаго театра въ тотъ же сезонъ идетъ «Борисъ Годуновъ» А. Толстого, то сравненія становятся еще безпощаднѣе.

Впечатлѣніе это усиливается еще болѣе, когда молодой Художественно-Общедоступный театръ съ громаднымъ успѣхомъ ставитъ «Чайку» Ант. Чехова, пьесу, которая чуть ли не освистана была въ Петербургѣ и которую *боялись* поэтому поставить на сценѣ Малаго театра.

Успѣхъ «Чайки» былъ особенно характернымъ явленіемъ. Онъ многое объяснилъ намъ, на многое открылъ намъ глаза. Исполненіе артистовъ Художественнаго театра этой комедіи было далеко не безупречнымъ. Одна изъ главныхъ ролей комедіи, писателя Тригорина, была и невѣрно понята, и неправильно исполнена, роль героини комедіи «Чайки» была прямо-таки искажена, и тѣмъ не менѣе мы простили артистамъ ихъ крупные недочеты, съ живымъ интересомъ присутствовали на представленіи этой превосходной комедіи и уходили изъ театра подъ впечатлѣніемъ крупнаго, хорошаго успѣха.

Успѣхъ молодого театральнаго дѣла заставилъ насъ призадуматься, заставилъ насъ *вдуматься* въ причины его и въ причины спячки, которая чувствовалась на сценѣ нашего когда-то образцоваго театра, несмотря на то, что и въ настоящее время среди членовъ его труппы не одинъ и не два, а *цѣлый рядъ* безусловно талантливыхъ артистовъ.

Вотъ почему мы такъ чутко, съ такимъ приподнятымъ вниманіемъ слѣдимъ въ послѣднее время за всѣмъ, что даетъ намъ если не ключъ къ разгадкѣ, то хотя бы намекъ на то, въ чемъ же кроются причины паденія театральнаго дѣла въ Россіи. Вотъ въ силу этой-то причины мы стряхнули съ себя былое равнодушное отношеніе къ вопросамъ театральной администраціи, и вѣсть о появленіи въ роли руководителя нашими казенными театрами новаго лица была встрѣчена съ особеннымъ вниманіемъ. Повидимому и новый директоръ казенныхъ театровъ кн. Волконскій чувствовалъ всю отвѣтственность передъ обществомъ въ принимаемой имъ на себя работѣ и постарался въ рядѣ рѣчей, обращенныхъ къ чинамъ

театральной администраціи и артистамъ, намѣтить тѣ краеугольные камни, которые, по его мнѣнію, должны лечь въ основу давшаго трещины зданія театральнаго дѣла.

Къ сожалѣнію, въ рѣчахъ этихъ оказалось больше общихъ фразъ о любви къ театру, о возможности ошибокъ въ каждомъ человѣческомъ дѣлѣ, о нервности артиста, о необходимости благодѣтельнаго примѣра со стороны старшихъ артистовъ по отношенію къ ихъ младшимъ товарищамъ. Изъ всего сказаннаго кн. Волконскимъ болѣе реальное значеніе имѣютъ лишь слѣдующія три-четыре набросанныя имъ мысли.

Первая—о необходимости неукоснительнаго исполненія артистами всѣхъ правилъ и предписаній, дѣлаемыхъ дирекціей Императорскихъ театровъ.

Вторая—о необходимости серьезнаго отношенія къ репетиціямъ.

Третья—о любви и уваженіи къ родному классическому репертуару, а также къ репертуару иностранныхъ классиковъ.

Четвертая—объ отношеніи чиновъ театральной администраціи и артистовъ къ печати, къ выраженію общественнаго мнѣнія.

Сдѣлаемъ логическій выводъ изъ приведенныхъ нами словъ новаго директора казенныхъ театровъ.

Выводъ первый—артисты не слушались до сихъ поръ предписаній начальства, выводъ второй—они легкомысленно относились къ репетиціямъ, выводъ третій—недостаточно уважали классиковъ, выводъ четвертый—совершенно не прислушивались къ голосу общественнаго мнѣнія.

Предположимъ теперь, что послѣ рѣчи кн. Волконскаго отношеніе гг. артистовъ кореннымъ образомъ измѣняется: они станутъ «неукоснительно» слушаться начальства, «старательно посѣщать репетиціи, любить классиковъ и вмѣстѣ съ чинами театральной дирекціи—уважать печать. Процвѣтетъ ли вновь русское театральное дѣло? Мы думаемъ, что самъ авторъ высказанныхъ мыслей затруднится отвѣтить утвердительно. Рѣчи, сказанныя кн. Волконскимъ, приподнимаютъ какъ будто на чуточку ту завѣсу, за которой скрываются причины паденія дѣла, но главные виновники его остаются тщательно закрытыми этою завѣсой. Неисполненіе артистами требованій дирекціи, легкомысленное отношеніе къ работѣ, конечно, крупные недостатки, но еще болѣе губительнымъ для дѣла можетъ оказаться *неукоснительное* исполненіе неосновательныхъ предписаній дирекціи. Дисциплина будетъ стоять высоко, а театральное дѣло дойдетъ до крайнихъ степеней паденія.

Болѣе опредѣленныя указанія причинъ паденія театральнаго дѣла въ Россіи находимъ мы въ только что опубликованномъ отчетѣ о дѣятельности перваго года существованія Художественно-Общедоступнаго театра. Причинами этими, по мнѣнію руководителей новаго театральнаго дѣла, являются: 1) заѣвшая театръ рутина и 2) отсутствіе образованныхъ и подготовленныхъ режиссеровъ.

Театральная рутина—это дѣйствительно большое зло, и бороться съ искорененіемъ его нужно всѣми силами. Театральная рутина царитъ въ

отношеніяхъ премьеровъ труппы къ младшимъ ихъ товарищамъ, театральная рутина сказывается въ распредѣленіи ролей новой пьесы, театральною рутиной дышитъ вся постановка, начиная отъ разстановки мебели въ предѣлахъ данной декораціи, распланировки группъ дѣйствующихъ лицъ и кончая массовыми движеніями, для которой принято употреблять статистовъ, столь же далеко стоящихъ отъ театральнаго искусства, какъ почтальонъ, держащій въ рукѣ запечатанное письмо, отъ содержанія этого письма. Второй недостатокъ—отсутствіе образованныхъ и подготовленныхъ режиссеровъ—еще болѣе осязательный недостатокъ. Режиссеръ—это душа дѣла; нѣтъ этой души, нѣтъ и жизни въ дѣлѣ.

Но, слава Богу, о недостаткахъ нашего театральнаго дѣла заговорили, надо надѣяться, что отъ слова перейдутъ и къ дѣлу. Маленькій театрикъ Художественно-Общедоступнаго театра уже доказалъ, что дѣло это можно двинуть, но глубоко ошибаемся мы, если думаемъ, что расцвѣтъ театральнаго дѣла наступитъ тогда, когда по образному выраженію кн. С. М. Волконскаго «театральный плотникъ будетъ радоваться успѣху примадонны». Онъ ужъ и теперь радуется этому успѣху, этотъ гуманный, стоящій въ тѣни театральной рутины, незамѣтный работникъ. Расцвѣтъ театральнаго дѣла наступитъ тогда, когда всѣ служащіе искусству дружно, рука объ руку пойдутъ на общую работу, когда солнце искусства одинаково будетъ свѣтить и для примадонны, и для плотника, когда, наконецъ, «*театральная примадонна будетъ радоваться успѣху театральнаго плотника*».

Да простятъ мнѣ читатели это небольшое отступленіе, но нельзя было пройти молчаніемъ такое отрадное явленіе, какъ начавшееся движеніе къ реформѣ театральнаго дѣла. А теперь приступимъ къ повѣствованію. Первый мѣсяцъ начавшагося сезона ознаменовался постановкой всего лишь одного новаго оригинальнаго драматическаго произведенія. На сценѣ Новаго театра поставлена была «Глухая стѣна», др. г-жи О. Шапиръ. Изъ иностранныхъ новинокъ мы познакомились съ «Извозчикомъ Геншелемъ» Гауптмана и съ «Забавой» комедіей Шницлера. Затѣмъ слѣдовалъ рядъ возобновленій. Въ Маломъ театрѣ возобновлены были «Макбетъ» и Гётевскій «Эгмонтъ» и комедія П. Боборыкина «Старые счеты», въ Новомъ театрѣ драматическая хроника Островскаго «Кузьма Мининъ Сухорукъ» и, наконецъ, въ Художественно-Общедоступномъ театрѣ сезонъ начался постановкой трагедіи гр. А. Толстого «Смерть Іоанна Грознаго».

Въ только что перечисленномъ порядкѣ мы и начнемъ нашъ обзоръ. Какъ бы ни было слабо драматическое произведеніе, принадлежащее перу современнаго намъ автора, обязанность наша съ особенною чуткостью слѣдить за современною намъ работой нашихъ русскихъ писателей. Къ сожалѣнію, первая новинка нашей отечественной драматургіи оказалась произведеніемъ крайне слабымъ. «Глухая стѣна», это видите ли наше необразованное, некультурное провинціальное купечество. Повидимому, по мнѣнію автора, «темное царство» московскихъ купцовъ миновало и отодвинулось глухою стѣной вглубь провинціи. Объ эту-то глухую стѣну раз-

бивается въ безплодной борьбѣ жизнь молодой дѣвушки Маши, дворянскаго происхожденія, вырвавшейся изъ глухого провинціальнаго болота на свѣтъ, проведшей пять лѣтъ въ заграничномъ университетѣ и вернувшейся на свою погибель въ свой родной городъ. Взятая въ такой первооснове мысль автора могла бы быть разработана въ очень и очень интересную драму, несмотря даже на отсутствіе новизны въ этой мысли. Но г-жа О. Шапиръ совершенно испортила эту основу драмы введеніемъ въ весьма крупной дозѣ любовно-романтическаго элемента. Маша возвращается на родину, чтобы выйти замужъ за купца Василія Бѣлоусова, котораго она полюбила еще когда была гимназисткой. Вы видите, конечно, на чемъ построилъ драму авторъ—на розни, которая глубокимъ рвомъ легла между ней, докторомъ медицины иностраннаго университета, и Василіемъ Бѣлоусовымъ, богатымъ купцомъ, торгующимъ хлѣбомъ. И надо отдать справедливость автору рознь эта изображается имъ крайне наивными пріемами. Основнымъ пріемомъ является недоговариваніе. Въ теченіе четырехъ дѣйствій вплоть до самой катастрофы герои драмы топчутся на одномъ мѣстѣ и не только не могутъ толкомъ объясниться, но даже двухъ словъ по существу гнетущей ихъ розни сказать не могутъ. Василій Бѣлоусовъ хочетъ обнять свою невѣсту, она отстраняетъ его объятья; Маша только начинаетъ говорить о своей будущей докторской дѣятельности, Василій Бѣлоусовъ перебиваетъ ее крикомъ, что этому не бывать,—онъ совершенно превратно думаетъ,—хотя авторъ вовсе не намѣревался выставить его дуракомъ,—что докторская практика Маши цѣликомъ отниметъ у него Машу-жену, и Маша ни словомъ не выводитъ его изъ этого глупаго заблужденія. Маша получаетъ письмо изъ-за границы отъ своего бывшаго товарища по университету Привалова; Василій Бѣлоусовъ, не зная ни отъ кого это письмо, ни въ чемъ его содержаніе, начинаетъ терзаться муками отчаянія. Въ концѣ концовъ предъ зрителями развертывается вовсе не картина борьбы темнаго царства (глухой стѣны—по выраженію г-жи О. Шапиръ) съ царствомъ свѣта, а такъ сказать, одно сплошное недоразумѣніе. Въ довершеніе этого недоразумѣнія зритель только въ 3-мъ дѣйствіи начинаетъ догадываться, что рознь между Машей и Василіемъ Бѣлоусовымъ основана менѣе всего на розни убѣжденій, а имѣетъ подъ собой амурную подкладку. Приватъ-доцентъ Приваловъ; заграничный другъ Маши, просто-на-просто влюбленъ въ Машу и хочетъ помѣшать браку съ Бѣлоусовымъ, а сама героиня Маша, докторъ иностраннаго университета, своего жениха Василія Бѣлоусова разлюбила, а начинаетъ любить Привалова. Въ концѣ концовъ основа драмы совершенно теряется и вырождается въ шаблонно-буржуазное столкновеніе обезумѣвшаго отъ слѣпой ревности мужчины съ нелюбящей его женщиной, и Василій Бѣлоусовъ въ припадкѣ аффекта, подготовленнаго безпутно проведенною ночью, зарѣзываетъ Машу. «Глухая стѣна» сѣраго некультурнаго купечества, Маша-докторъ медицины, приватъ-доцентъ Приваловъ—все это оказалось только внѣшними аксессуарами, украсившими шаблонно-наивно написанную драму. Исполнители драмы—«молодыя силы»

казеннаго театра (такъ принято ихъ называть со времени существованія «Новаго театра») разыграли драму г-жи О. Шапиръ прекрасно.

Г-жа Яблочкина, съ каждымъ сезономъ выдвигающаяся въ первые ряды артистическихъ силъ, повидимому, поняла всю безсодержательность роли Маши и постаралась вдохнуть въ нее жизнь живую. Г. Рыжовъ, одинъ изъ самыхъ «искреннихъ» артистовъ нашихъ Императорскихъ театровъ, съ большимъ одушевленіемъ и прочувствованнымъ драматизмомъ провелъ роль Василія Бѣлоусова. Тепло, хотя съ нѣкоторымъ слишкомъ подчеркнутымъ мрачною краской страданіемъ сыграла г-жа Нечаева эпизодическую роль Глаши, безнадежно любящей Василія Бѣлоусова и глубоко несчастной его несчастіемъ. Благодаря исполнителямъ прежде всего, а затѣмъ и благодаря тому, что драма поставлена на сценѣ Новаго театра, посѣщаемаго публикой, менѣе критически относящейся, чѣмъ публика Малаго театра, драма О. Шапиръ имѣла успѣхъ, но врядъ ли ей суждено надолго продержаться въ репертуарѣ хотя и Новаго театра.

Отъ драматической новинки «собственнаго» производства перейдемъ къ новинкамъ иностраннаго репертуара. Тутъ передъ нами крупное драматическое произведеніе — драма Гергардта Гауптмана «Извозчикъ Геншель» и чрезвычайно оригинально задуманная драма Артура Шницлера, переведенная подъ двумя заглавіями: «Забава» и въ скобкахъ «Безъ любви». Въ подлинникѣ драма эта называется «Liebelei».

Начнемъ съ Геншеля. Драма эта поставлена была почти одновременно на двухъ московскихъ сценахъ въ двухъ различныхъ переводахъ, въ театрѣ Корша и Маломъ театрѣ. Въ октябрѣ «Геншель» предстанетъ въ третьемъ переводѣ на сценѣ Художественнаго театра. Фактъ почти безпримѣрный въ лѣтописяхъ театра. Объясняется онъ, конечно, прежде всего, притягательной силой имени автора. Послѣ «Ганеле» и «Потонувшаго колокола» Гауптманъ сталъ чрезвычайно популяренъ. Гауптманъ написалъ новую драму, надо ее поставить. Такъ думали, очевидно, лица стоящія во главѣ театровъ. Между тѣмъ «Fuhrman Henschel» менѣе всѣхъ драматическихъ произведеній этого автора заслуживалъ того, чтобы три театра въ одномъ городѣ устроили нѣчто вродѣ состязанія и открыли бы сезонъ именно этой, а не другой новинкой иностраннаго репертуара. Среди драматическихъ произведеній того же Гауптмана можно было бы выбрать другое произведеніе, не знакомое нашей публикѣ, хотя бы, напримѣръ, драму «Einsame Menschen», но погоня антрепренеровъ за новинками не даетъ имъ времени ознакомиться съ тѣмъ, что уже написано нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

«Извозчикъ Геншель», несмотря на всѣ свои крупныя достоинства, не могъ разсчитывать на особенно крупный успѣхъ. Переводъ, который въ рѣдкихъ, рѣдкихъ случахъ можетъ передать всѣ достоинства подлинника, для Fuhrman'a Henschel'я былъ прямо губителенъ.

Драма разыгрывается на фонѣ бытовой картины жизни нѣмецкихъ крестьянъ. Всѣ разговоры дѣйствующихъ лицъ въ оригиналѣ чрезвычайно колоритны, въ говорѣ крестьянъ содержится масса совершенно непереводимыхъ

выраженій. Для того, чтобы перевести эту драму на русскій языкъ, необходимо было не только знать превосходно нѣмецкій языкъ, но и владѣть талантомъ передать всѣ разговоры русскимъ народнымъ говоромъ. Переводчикъ драмы на русскій языкъ долженъ былъ, однимъ словомъ, сдѣлать ту же сложную работу, которую сдѣлалъ самъ Гауптманъ, написавшій первоначально «Геншеля» на силезскомъ нарѣчіи и переведшій его съ этого нарѣчія на нѣмецкій народный языкъ.

Ничего подобнаго русскіе переводчики не сдѣлали. Г. Саблинъ — перевелъ драму литературнымъ языкомъ, а мѣста непереводимыя вовсе не перевелъ. Г. Арбенинъ «дополнилъ» Гауптмана, вложивъ въ уста дѣйствующихъ лицъ цѣлый ассортиментъ грубыхъ, ругательныхъ выраженій, вѣроятно, для того, чтобы придать имъ характеръ «пейзановъ». Содержаніе драмы не сложно, какъ вообще всѣхъ драмъ Гауптмана. У самостоятельнаго крестьянина Геншеля, владѣльца постоялаго двора въ маленькомъ Силезскомъ курортѣ, умираетъ жена. Съ женой своей Геншель жилъ душа въ душу. Смерть жены перевернула вверхъ дномъ всю его несложную духовную жизнь. Еще при жизни его жены, въ домѣ ихъ жила работница Ганна, бойкая работница. Она продолжаетъ вести хозяйство вдовца, присматриваетъ за маленькой дочерью Геншеля. Но роль простой работницы не по сердцу властолюбивой служанкѣ. Она мѣтитъ попасть въ госпожи. И Геншель не прочь пойти навстрѣчу стремленіямъ служанки. Онъ думаетъ, что въ бракѣ съ ней онъ найдетъ вновь ту гармонію, ту дружную работу, которая царила въ домѣ при жизни его жены. Но Геншель не можетъ рѣшиться на этотъ бракъ,—онъ далъ умирающей женѣ слово не жениться именно на Ганнѣ, къ которой жена Геншеля чувствовала безотчетную ненависть. Какъ нарушить слово, данное умершей? И Геншель, глубоко-вѣрующій крестьянинъ, мучается въ этихъ неразрѣшимыхъ для него тенетахъ коллизіи чувства собственнаго земного благополучія и мистическаго страха нарушить данный покойницѣ обѣтъ. Онъ идетъ на могилу жены, горячо молится ей, умоляетъ ее явиться ему и какимъ-либо знаменіемъ указать, какъ онъ долженъ поступить. Но знаменія нѣтъ, покойница молчитъ, и грустный возвращается онъ съ кладбища. Тутъ приходитъ къ нему въ гости домовладѣлецъ Зибенгофъ, другъ его дома, знавшій его жену. Зибенгофъ—образованный человѣкъ. Онъ быстро разбиваетъ волнующія душу Геншеля сомнѣнія; да, онъ помнитъ, что умирающая жена Геншеля потребовала отъ мужа обѣщанія не жениться на служанкѣ Ганнѣ, но развѣ можно придавать серьезное значеніе словамъ больной женщины. «Вы взрослый человѣкъ,—говоритъ онъ Геншелю,—вы должны устроить вашу жизнь такъ, какъ вы того желаете. Зачѣмъ вамъ ждать знаменій и чудесъ». И Геншель сдается на увѣщанія своего болѣе образованнаго друга и женится на Ганнѣ. Въ третьемъ дѣйствіи мы застаемъ Геншеля женатымъ на Ганнѣ. Но бракъ этотъ не принесъ ему счастья. Послѣ брака умерла его дѣвочка, Геншель остался бездѣтнымъ. Ганна, добившись своей цѣли, сразу проявила всѣ свои пороки. Она и до выхода замужъ не отличалась безупречнымъ поведеніемъ и

даже имѣла отъ одной изъ своихъ связей дѣвочку, которую бросила на попеченіе своего пьяницы отца, теперь она завела себѣ любовника лакея Георга. Геншель чувствуетъ, что неладное что-то творится въ его домѣ, но онъ еще не знаетъ послѣдняго слова. Въ четвертомъ актѣ драмы, происходящемъ въ пивной, онъ узнаетъ всю глубину своего позора. Старый работникъ Гауфе, вѣрой и правдой прослужившій въ домѣ Геншеля тридцать лѣтъ и выгнанный Ганной, открываетъ глаза Геншелю. Первый порывъ Геншеля—дикая расправа, месть невѣрной женѣ. Но этотъ порывъ проходитъ такъ же быстро, какъ онъ пришелъ. Въ немъ совершается духовный переворотъ. И Геншель вновь стоитъ передъ мучившей его до женитьбы на Ганнѣ мыслью. Онъ *не долженъ* былъ жениться на ней, онъ не имѣлъ права нарушить даннаго покойницѣ обѣта. Сознаніе содѣяннаго грѣха укрѣпляется въ немъ, овладѣваетъ всѣмъ его существомъ, грѣхъ Ганны противъ него отодвигается на послѣдній планъ, и на первомъ планѣ остается *его* грѣхъ. И Геншель все болѣе и болѣе проникается мистическимъ чувствомъ власти покойной жены надъ нимъ. Она зоветъ его, прегрѣшившаго передъ ней, «она перевѣсила часы, она стучитъ въ стѣну, она царапается въ запертыя ставни», говоритъ Геншель, объятый мистическимъ ужасомъ. Онъ дольше не можетъ оставаться здѣсь на землѣ, онъ долженъ идти туда, къ покойницѣ, чтобы искупить свой грѣхъ. И Геншель безтрепетно, примиренный, кончаетъ жизнь самоубійствомъ: онъ вѣшается. Таковъ сюжетъ драмы. Роль Геншеля—трудная роль, требующая отъ артиста долгой вдумчивой работы. Наиболѣе отвѣтственнымъ актомъ, по которому мы безошибочно можемъ опредѣлить, понялъ ли, проникся ли артистъ идеей драмы, является послѣдній актъ,—актъ просвѣтленія Геншеля и суда надъ самимъ собой. На казенной сценѣ роль Геншеля исполняетъ г. Рыбаковъ. Нельзя сказать, чтобъ исполненіе этой роли талантливымъ артистомъ было полнымъ воплощеніемъ идеи автора. Но мы должны быть особенно благодарны г. Рыбакову за то, что онъ помогъ намъ въ значительной степени правильно истолковать эту идею своей превосходной игрой именно въ наиболѣе трудномъ—пятомъ актѣ.

Роль служанки Ганны въ Маломъ театрѣ играла г-жа Лешковская. Роль эта не удалась артисткѣ. Г-жа Лешковская точно стѣснялась показать во всей неприглядной наготѣ этотъ глубоко-эгоистическій типъ развратной служанки.

Второю новинкой, принадлежащей перу тоже нѣмецкаго автора, была «Забава» А. Шницлера, поставленная на сценѣ Новаго театра. Въ этой драмѣ не новы ни типы, выведенные авторомъ, ни сюжетъ. Но что заслуживаетъ несомнѣннаго вниманія, это смѣлая, совершенно оригинальная композиція драмы.

Весь узелъ драмы сосредоточенъ авторомъ въ одномъ первомъ дѣйствіи. Студенты Фрицъ и Теодоръ завели любовную интригу съ двумя молоденькими дѣвушками; одна изъ нихъ Христина дѣлаетъ, кажется, цвѣты и переписываетъ ноты, другая Мици—модистка. Молодые люди устраиваютъ пирушку en partie carrée. Въ самый разгаръ пирушки раздается звонокъ

Къ Фрицу (пирушка происходитъ у него на квартирѣ) является мужъ той женщины, съ которой Фрицъ состоялъ или, быть можетъ, и теперь состоитъ въ любовныхъ отношеніяхъ. Мужъ узналъ объ измѣнѣ и требуетъ удовлетворенія. Появленіе этого мужа (въ драмѣ онъ названъ просто «ein Herr») разрушаетъ веселое настроеніе пирующихъ. Надо замѣтить, что гости Фрица не присутствовали при разговорѣ его съ таинственнымъ господиномъ,—Фрицъ благоразумно ихъ удалилъ въ сосѣднюю комнату. Фрицъ не можетъ отдѣлаться отъ тягостнаго впечатлѣнія только что бывшаго объясненія. Напрасно Христина, искренно, всею душой полюбившая Фрица, хочетъ вывѣдать причину его грусти. Ей это не удается. Дѣвушки уходятъ въ сопровожденіи Теодора, съ улицы доносится въ открытое окно беззаботный смѣхъ и пѣніе веселой подруги Теодора Мици, а Фрицъ, оставшійся одинъ, рыдая, падаетъ въ кресло. Слѣдующіе два акта развиваютъ лишь душевную драму, переживаемую Христиной. Она чувствуетъ, что отъ нея что-то скрываютъ. Фрицъ обѣщалъ прійти на слѣдующій день на бульваръ и не пришелъ. Грустно возвращается она домой. Но вотъ приходитъ Фрицъ. Плохо скрывая свое волненіе, онъ говоритъ Христинѣ, что долженъ уѣхать дня на два. Фрицъ сознаетъ всю гадкую ложь своихъ отношеній къ любящей его всѣмъ сердцемъ Христинѣ. Она для него была простою минутною забавой, онъ полюбилъ ее, любя одновременно другую, полюбилъ, какъ любятъ праздные молодые люди, встрѣтивъ на своемъ пути красивое молодое личико. Онъ не трудился заглянуть глубже въ сердце молодой дѣвушки. Вотъ почему часъ приближающагося разсчета за его легкомысленную ложь гнететъ его. Въ третьемъ дѣйствіи Христина узнаетъ, наконецъ, правду, ея возлюбленный убитъ, убитъ *изъ-за другой* женщины. Она хочетъ бѣжать къ нему, чтобы въ послѣдній разъ посмотрѣть на него, хотя мертваго. Но поздно. Его уже схоронили. Она хочетъ бѣжать на кладбище, чтобы на могилѣ своего любовника выплакать свою душу, но и тутъ между ней и имъ встаетъ призракъ той счастливой соперницы, изъ-за которой онъ погибъ и которая, можетъ быть, теперь стоитъ и молится у его могилы... И Христина бѣжитъ изъ дому. «Она не вернется больше»,—шепчетъ обезсилѣвшій отъ горя ея старикъ отецъ.

Послѣдній актъ даетъ прекрасный матеріалъ для артистки, играющей роль Христины. Въ этой роли выступила дебютантка г-жа Селиванова. Много искренности, много задушевнаго чувства внесла молодая артистка въ исполненіе этой роли. И если исполненіе ея страдало нѣкоторой, мы бы сказали, лихорадочностью, то это легко объясняется волненіемъ, испытываемымъ каждою дебютанткой. Остальные артисты, участвующіе въ «Забавѣ», играютъ прекрасно. Благодаря сценичности драмы и прекрасному исполненію, пьеса Шницлера смотрится съ большимъ интересомъ.

На этомъ заканчивается обзоръ новинокъ за первый мѣсяцъ сезона.

Къ весьма симпатичнымъ нововведеніямъ этого сезона слѣдуетъ отнести рѣшеніе дирекціи Малаго театра по средамъ—ставить пьесы иностраннаго классическаго репертуара. Первая среда, если не совпавшая, то

слѣдовавшая непосредственно за празднованіемъ стопятидесятилѣтія со дня рожденія Гете, была посвящена возобновленію трагедіи знаменитаго поэта «Эгмонтъ». Въ роли Клерхенъ дебютировала вторая молодая артистка, принятая въ этомъ году на сцену Малаго театра, г-жа Домашева. Поэтическая роль Клерхенъ была передана молодою дебютанткой съ большимъ вкусомъ, съ несомнѣннымъ артистическимъ тактомъ. Посмотримъ артистку въ другихъ роляхъ. Намъ кажется, что и въ лицѣ г-жи Домашевой дирекція сдѣлала счастливое пріобрѣтеніе и что изъ нея можетъ выработаться хорошая артистка. Роль Эгмонта исполнена была г. Южинымъ съ присущимъ этому прекрасному артисту изяществомъ. Роль герцога Оранскаго была сыграна г. Ленскимъ нѣсколько шумно, бравурно. Исполнителю этой роли не слѣдуетъ забывать основной черты Оранскаго, такъ мѣтко охарактеризованной его современниками эпитетомъ: «молчаливый». Изъ остальныхъ исполнителей слѣдуетъ упомянуть о г. Айдаровѣ, игравшемъ роль герцога Альба. Намъ не хотѣлось бы произносить суроваго приговора молодому артисту, но мы не можемъ не отмѣтить, что роль герцога Альба ему играть еще рано. Въ исполненіи г. Айдарова герцогъ Альба превратился въ какого-то крикливаго мелодраматическаго героя. Намъ кажется, что отвѣтственность за такое несогласное съ исторической и художественной правдой по справедивости должны раздѣлить съ г. Айдаровымъ и тѣ лица, отъ которыхъ зависитъ распредѣленіе ролей.

Вторая классическая среда посвящена была Шекспиру. Возобновили «Макбета» съ г. Южинымъ въ роли Макбета и г-жей Ермоловой въ роли леди Макбетъ. Позвольте мнѣ на этотъ разъ ограничиться лишь этимъ краткимъ занесеніемъ въ настоящую хронику факта возобновленія Макбета, а рѣчь о главныхъ исполнителяхъ и въ особенности о г-жѣ Ермоловой въ новой для нея роли леди Макбетъ отложить до слѣдующей книжки. Пора закончивать бесѣду и чтобы подвести окончательный итогъ истекшему мѣсяцу, сказать нѣсколько словъ объ открытіи сезона въ Художественно-Общедоступномъ театрѣ постановкою трагедіи А. Толстого «Смерть Іоанна Грознаго».

Прошлогодній сезонъ Художественнаго театра познакомилъ насъ въ достаточной степени съ характеромъ артистической работы этого театра. Въ основѣ новаго театральнаго дѣла легла такая свѣжая сила искренней любви къ театру, такая дружная работа, направленная къ одной общей для всѣхъ участниковъ театра цѣли—беззавѣтнаго служенія искусству, что смѣло можно сказать, Художественно-Общедоступный театръ покорилъ насъ. Мы съ особенною любовью и интересомъ слѣдимъ уже за каждымъ шагомъ его дѣятельности, каждая новая постановка въ этомъ театрѣ становится для насъ выдающимся театральнымъ событіемъ.

Такимъ выдающимся событіемъ была и постановка трагедіи А. Толстого «Смерть Іоанна Грознаго».

Да не подумаютъ читатели, что мы слѣпо восторгаемся Художественно-Общедоступнымъ театромъ. Въ дѣятельности его есть и крупные недостат-

ки, но недостатки эти объясняются не косностью, не рутиной театральной, которая въ этомъ молодомъ дѣлѣ отсутствуетъ совершенно, недостатки эти объясняются тою же страстною любовью всѣхъ участниковъ этого театра къ одному общему для нихъ дорогому дѣлу. Молодой театръ переживаетъ періодъ борьбы съ рутиной, погубившей многія хорошія начинанія, много театральныхъ силъ, а въ періодъ борьбы возможно и увлеченіе страсти. Пройдетъ этотъ періодъ, улягутся страсти, и наступитъ время плодотворной строго-художественной работы.

Недостатки новаго театра могутъ быть характеризованы кратко. Преслѣдуя художественность въ работѣ, театръ переходитъ границы этой художественности. Такъ было и въ постановкѣ трагедіи «Смерть Іоанна Грознаго». Она слишкомъ пестрѣла «театральными эффектами». Въ каждомъ отдѣльномъ театральномъ эффектѣ, пожалуй, нѣтъ еще ничего противохудожественнаго, но когда передъ зрителями эти эффекты чередуются одинъ за другимъ, то зритель невольно отвлекается отъ внутренняго содержанія драмы и вниманіе его приковывается почти исключительно къ внѣшней ея формѣ. То что происходитъ съ зрителемъ, переживаютъ и артисты. И для нихъ внутреннее содержаніе уходитъ куда-то вдаль, а на первомъ планѣ остается забота о созданіи внѣшняго эффекта.

Приведемъ для примѣра только хотя бы первое дѣйствіе трагедіи. Занавѣсъ подымается и зрители видятъ опочивальню грознаго царя. Іоаннъ въ рясѣ схимника стоитъ въ молельнѣ и молится. Зрителямъ видна лишь спина, слышатся вздохи, стоны, рыданія Іоанна. Вся эта сцена *придумана*, присочинена, — въ трагедіи А. Толстого сцена начинается просто: Іоаннъ сидитъ въ креслахъ. Вотъ вамъ эффектъ первый. Эффектъ второй. Сцена чтенія посланія Курбскаго. Іоаннъ въ гнѣвѣ выхватываетъ изъ рукъ читавшаго письмо и мнетъ его; лицо Іоанна искажается судорогами. Такъ у А. Толстого. Іоаннъ Грозный на сценѣ Художественнаго театра пронизываетъ письмо ударомъ посоха. Зрители вздрагиваютъ отъ этого удара и нѣкоторые наивно думаютъ, что Іоаннъ пригвоздилъ острымъ посохомъ руку чтеца. Но читалъ вѣдь письмо не Василій Шибановъ, вѣрный слуга Курбскаго, а Нагой, вѣрный слуга Іоанна. Объявляютъ о приходѣ бояръ. Іоаннъ ложится въ кровать и одѣвается одѣяломъ. Опять эффектъ, придуманный артистами. Въ трагедіи Іоаннъ остается сидѣть въ креслѣ и т. дал., и т. дал., эффекты слѣдуютъ одинъ за другимъ, вплоть до дикой сцены травли голоднымъ народомъ и разрыванія на части на глазахъ у публики Кикина. А какъ прекрасно поставлено начало этой сцены, разграбленіе голодною толпой хлѣбныхъ лабазовъ, какъ просто было закончить эту сцену такъ, какъ ее написалъ гр. А. Толстой. Народъ набрасывается на Кикина, а Битяговскій, натравившій народъ на несчастнаго, заложивши руки за поясъ, съ холоднымъ цинизмомъ говоритъ: «Что, дурень, взялъ? Впередъ смотри, откуда вѣтеръ дуетъ!» Искренній нашъ совѣтъ артистамъ и руководителямъ Художественно-Общедоступнаго театра, отказаться отъ ненужныхъ, а подчасъ

и вредныхъ сценическихъ эффектовъ. За этою стѣной эффектовъ пропадаетъ, теряется духовное творчество артистовъ, а между тѣмъ видно, ясно видно, что это духовное творчество было предметомъ серьезной работы всѣхъ артистовъ, работы, которую они сами же потомъ закрываютъ почти непроницаемымъ завѣсомъ «театральныхъ эффектовъ».

На этотъ разъ мы ограничимся этими общими замѣчаніями, а о работѣ отдѣльныхъ исполнителей трагедіи поговоримъ въ слѣдующей книжкѣ.

Грустною нотой приходится намъ закончить первую хронику начавшагося сезона. Скончалась Н. М. Медвѣдева, въ теченіе 50-ти лѣтъ служившая вѣрой и правдой русскому театру. Память о Н. М. Медвѣдевой долго будетъ жить среди насъ и среди ея товарищей по искусству. Имъ она много помогала и совѣтомъ, и дѣломъ. Миръ ея праху.

—инъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Итакъ, жребій брошенъ: грозная Британская имперія вступила въ войну съ Трансваальскою республикой, участь которой добровольно рѣшила раздѣлить Оранжевая республика. Ультиматумъ, послѣ котораго наступили военныя дѣйствія, поставленъ былъ правительствомъ Трансвааля; но несомнѣнно, что буры были вынуждены къ этому крайнему шагу сосредоточеніемъ англійскихъ войскъ на границахъ республики и непрерывною присылкой изъ метрополіи и колоній все новыхъ и новыхъ подкрѣпленій. Не ждать же было президенту Крюгеру того момента, въ который англичанамъ всего удобнѣе было бы напасть на Трансвааль.

Британскій левъ озадаченъ ультиматумомъ буровъ: англійскія газеты говорятъ, что даже Наполеонъ I никогда не осмѣливался на такой вызовъ. А вотъ маленькій свободный народъ осмѣлился это сдѣлать, не желая лишиться независимости. И сочувствіе европейскаго общественнаго мнѣнія на сторонѣ буровъ. Разъ нельзя было предотвратить безобразныхъ ужасовъ войны, всѣ сочувствующіе установленію справедливости въ международныхъ отношеніяхъ не могутъ не пожелать англичанамъ нравственно заслуженнаго пораженія.

Въ самой Англіи раздаются голоса благородныхъ вождей либеральной партіи, какъ Джонъ Морлей, протестующихъ противъ насильственной и корыстной политики Чемберлена. Но, думается намъ, потокъ шовинизма широко разольется въ Англіи, искусно направленный руководителями имперіалистическихъ идей. Англія настойчиво стремится имѣть свой непрерывный рельсовый путь отъ Александріи до мыса Доброй Надежды. Англичане въ большомъ числѣ проникли въ Трансвааль и вмѣстѣ съ другими пришельцами (уитлендерами) занялись разработкой богатыхъ золотыхъ копей. Англійское правительство и хочетъ поэтому наложить свою тяжелую руку на Трансвааль, подчинить его себѣ. Мы давно уже указывали, что нѣкоторыя требованія англичанъ, предъявленныя Крюгеру, были справедливы: не слѣдуетъ лишать политическихъ правъ иностранцевъ, которые давно уже поселились въ странѣ и желаютъ въ ней натурализоваться. Но задачи, которыя преслѣдуются Чемберленомъ, далеко переходятъ разумныя нормы международнаго права и являются актомъ насилія и захвата.

Трудно предположить, чтобы буры остались побѣдителями въ столь неравной борьбѣ. На помощь имъ не подымется ни одна держава. Императоръ Вильгельмъ II, поздравлявшій недавно Крюгера съ рѣшительнымъ отпоромъ, даннымъ имъ британскимъ притязаніямъ, теперь краснорѣчиво молчитъ. Но, во всякомъ случаѣ, побѣда будетъ стоить англичанамъ очень дорого, и неизвѣстно еще, чѣмъ осложнится несправедливо вызванная ими война.

Своекорыстіе и лицемѣріе политиковъ, какъ Чемберленъ, которому въ данномъ вопросѣ принадлежитъ главная роль, свидѣтельствуется отказомъ Англіи отъ третейскаго суда, защитницею котораго она многократно выступала. И по странной ироніи судьбы, въ то время, какъ разразилась война въ Южной Африкѣ, въ Парижѣ благополучно постановилъ рѣшеніе международный третейскій судъ, разбиравшій споръ между тою же Англіей и Венецуэльскою республикой. Споръ шелъ объ опредѣленіи границы между британскою Гвіаною и Венецуэлою. И тутъ оказалось много золота, да и вообще страна богатая.

Судьями были высшіе представители судебной магистратуры въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ и въ Великобританіи, предсѣдателемъ былъ избранъ нашъ знаменитый ученый, профессоръ Мартенсъ.

Корреспондентъ *Петербургскихъ Вѣдомостей,* бывшій въ концѣ сентября въ засѣданіи этого трибунала, вынесъ самое отрадное впечатлѣніе. Если будущность,—говоритъ онъ,—принадлежитъ голосу разума и чувству справедливости, то она принадлежитъ, стало быть, третейскому суду *).

Приговоръ выпалъ не въ пользу Англіи, хотя и явился нѣкоторымъ компромиссомъ.

Во внутренней жизни Германіи продолжается глухой кризисъ. Аграріи, отвергнувшіе правительственный законопроектъ о каналѣ, продолжаютъ оставаться въ оппозиціи. Но правительство не рѣшается открыто порвать съ ними, потому что имѣетъ такіе планы, на которые не пойдутъ либеральныя партіи. Оно не отказалось, напримѣръ, отъ *каторжнаго законопроекта,* направленнаго противъ рабочихъ коалицій и отвергнутаго рейхстагомъ. Съ помощью нѣкоторыхъ передѣлокъ въ самомъ законопроектѣ и уступокъ по другимъ вопросамъ, германское правительство надѣется перетянуть на свою сторону католическій центръ парламента, который вмѣстѣ съ консерваторами и образуетъ большинство.

Противъ законопроекта съ очень сильною рѣчью выступилъ на съѣздѣ соціалъ-политиковъ знаменитый профессоръ политической экономіи Люйо Брентано. Его поддержалъ не менѣе извѣстный профессоръ Зомъ, и съѣздъ единогласно и рѣшительно высказался противъ *каторжнаго законопроекта.* Это постановленіе поддержитъ оппозицію рейхстага, если въ него будетъ вновь внесенъ законопроектъ. Общественное мнѣніе много значитъ въ Гер-

*) *Петербургскія Вѣдомости,* № 257.

маніи, и вождямъ центра придется сильно подумать и искусно лавировать, чтобы въ данномъ случаѣ въ концѣ концовъ поддержать непопулярную и несправедливую законодательную мѣру.

Немаловажное значеніе для внутренней жизни Германіи имѣетъ расколъ, возникшій въ средѣ соціалъ-демократической партіи, между Бернштейномъ и Кауцкимъ и ихъ сторонниками, и въ печати, и въ засѣданіяхъ на сентябрьскомъ (ганноверскомъ) съѣздѣ соціалъ-демократовъ. Мы имѣемъ въ виду въ ближайшемъ будущемъ помѣстить статью о книгѣ Бернштейна, а теперь укажемъ только на нѣкоторые отзывы объ этомъ расколѣ въ иностранной печати.

Frankfurter Zeitung считаетъ Бернштейна лучшимъ другомъ рабочихъ, чѣмъ Кауцкій. Послѣдній настаиваетъ на томъ, что самодѣятельная экономическая сила пролетаріата создаетъ экономическое развитіе; а франкфуртская газета напоминаетъ о каторжномъ законопроектѣ и говоритъ, что нынѣшнему рабочему было бы полезнѣе, если бы выросла политическая мощь прогрессивныхъ партій *). Такъ какъ Кауцкій ждетъ всего отъ самодѣятельнаго развитія, отъ неустранимаго, по его мнѣнію, хода вещей, то онъ, въ противоположность Бернштейну, вовсе не политикъ, а между тѣмъ соціалъ-демократы составляютъ политическую партію. *Frankfurter Zeitung* высоко цѣнитъ Кауцкаго и какъ ученаго, и какъ человѣка, но не видитъ въ немъ достоинствъ практическаго общественнаго дѣятеля, какимъ былъ, наприм., Фердинандъ Лассаль. Къ этому слѣдуетъ прибавить искреннее убѣжденіе Кауцкаго въ непогрѣшимости и всеобъемлемости ученія Карла Маркса.

Бернштейнъ приводитъ рядъ фактовъ и соображеній, указывающихъ на непримѣнимость марксовской теоріи концентраціи капитала къ земледѣлію **), Кауцкій не признаетъ этого, но его доказательства возбуждаютъ недоумѣнія даже у единомышленниковъ.

Кауцкій упрекаетъ Бернштейна въ томъ, что онъ не понялъ Маркса,— упрекъ, который черезчуръ часто слышится и въ русской полемикѣ о марксизмѣ. По этому поводу *Frankfurter Zeitung* напоминаетъ діалектическаго внушителя Маркса, Гегеля, который сказалъ: Только одинъ меня понялъ, да и тотъ невѣрно («Nur Einer hat mich verstanden, und der hat mich miss verstanden»). И этотъ единственный по отношенію къ Марксу, вѣроятно, Кауцкій.

Въ иностранномъ обозрѣніи мы не можемъ долго останавливаться на этомъ важномъ спорѣ и упомянемъ лишь кстати о статьѣ въ *Corriere della Sera* о соціалистической схизмѣ (*La Scisma Socialista*). Эта газета плохо освѣдомлена и считаетъ Кауцкаго несогласнымъ съ теоріей Маркса. «Схизма» обнаружилась и во Франціи, совсѣмъ по другому поводу: здѣсь оказался глубокій разладъ между Гедомъ, Вальяномъ и Лафаргомъ съ одной

---

*) *Frankfurter Zeitung*, 2 october.

**) У насъ эту мысль особенно настойчиво защищалъ Н. А. Каблуковъ (*Объ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства въ Россіи*).

и Жоресомъ и Мильераномъ—съ другой стороны. Намъ приходилось уже упоминать, что первая группа признавала дѣло Дрейфуса безразличнымъ, съ точки зрѣнія партіи, споромъ сторонъ, которыя обѣ принадлежатъ къ буржуазіи, защищаютъ ея интересы. Мы тогда же замѣтили, что, по меньшей мѣрѣ, странно справедливость и правосудіе считать буржуазнымъ, а не однимъ изъ основныхъ и величайшихъ интересовъ всѣхъ партій, заслуживающихъ этого названія, всѣхъ добросовѣстныхъ гражданъ государства.

Другимъ поводомъ раскола среди французскихъ соціалистовъ послужило вступленіе одного изъ ихъ вождей, Мильерана, министромъ въ кабинетъ Вальдека-Руссо, который взялъ на себя трудную и тягостную задачу спасти Францію отъ корыстныхъ клерикально-цезаріанскихъ происковъ и замысловъ. Въ *Aurore* сторону Жореса и Мильерана горячо поддерживаетъ Прессансе.

Современное состояніе Австріи чешская *Politik* называетъ анархическимъ. И это не преувеличеніе. Министерство графа Туна принужено было подать въ отставку вслѣдствіе непримиримой оппозиціи и обструкціи нѣмцевъ-централистовъ, сдѣлавшихъ невозможною парламентскую дѣятельность и возобновленіе соглашенія съ Венгріей. Новое, дѣловое министерство отмѣнило знаменитыя распоряженія графа Бадени объ языкахъ (т.-е. о равноправности въ Богеміи чешскаго и нѣмецкаго языковъ) и стремится къ соглашенію съ нѣмецко-централистическою партіей. Австро-нѣмецкіе клерикалы, составлявшіе съ славянами большинство, легко могутъ, на выгодныхъ для себя условіяхъ, выйти изъ этого большинства. Поляки постараются, конечно, ничего не потерять при новыхъ комбинаціяхъ, и опасность грозитъ стало быть только мужественному чешскому народу и тѣмъ славянамъ, которые не отступятся отъ начала равноправности всѣхъ племенъ Габсбургской имперіи.

Politik въ упомянутой статьѣ взываетъ къ спокойному и твердому охраненію закона; но его-то и не признаютъ національныи страсти. Справедливость меркнетъ въ Австріи передъ злымъ высокомѣріемъ нѣмцевъ-централистовъ и реакціонными стремленіями клерикаловъ. Газеты видятъ въ новомъ поворотѣ австрійскихъ дѣлъ, въ уклоненіи въ сторону отъ недавняго большинства въ рейхсратѣ вліяніе и германскаго правительства. Въ этомъ нѣтъ ничего неправдоподобнаго, но кабинетъ Клари все-таки не выведетъ Цислейтанію изъ анархическаго состоянія.

Потрясенная въ основаніяхъ своей мощи, Габсбургская монархія продолжаетъ настойчиво вести свою эгоистическую политику на Балканскомъ полуостровѣ. Соглашеніе съ нашимъ правительствомъ, о которомъ ходили въ печати смутныя извѣстія, очевидно, сдерживаетъ Австрію. Но безобразія, творимыя въ Сербіи эксъ-королемъ Миланомъ, прямыя злодѣйства и хищенія, имъ совершаемыя, не были бы мыслимы безъ попустительства австро-мадьярскаго правительства. Читатели знаютъ изъ газетъ, что̀ происходитъ въ Сербіи, и мы не будемъ останавливаться на этихъ прискорбныхъ фактахъ.

Въ тяжелый періодъ исторіи родной страны скончался знаменитый сербскій государственный дѣятель Іованъ Ристичъ.

Медленно, но твердо работалъ Ристичъ надъ внутреннимъ успокоеніемъ страны, надъ развитіемъ въ ней силъ для самостоятельной жизни въ тяжелую пору турецкаго владычества. Ристичъ не прибѣгалъ къ той опасной политикѣ, которую усвоило себѣ большинство послѣдующихъ правителей Сербіи: онъ не старался о тѣсномъ сближеніи съ Австро-Венгріей въ ущербъ русскому вліянію; онъ честно и спокойно защищалъ интересы сербскаго народа, изыскивая средства поскорѣе вывести его на столбовую дорогу европейской цивилизаціи.

Въ 1876 году Сербія отважилась объявить Турціи войну за независимость. Несмотря на поддержку русскихъ добровольцевъ, силы были черезчуръ различны, и Сербіи грозилъ разгромъ, предотвращенный ультиматумомъ нашего правительства. Благодаря въ значительной мѣрѣ искусству Ристича и заступничеству Россіи, Сербія вышла изъ войны не униженною, а увеличенною въ территоріи и независимою. Позорная дѣятельность Милана разрушила многіе изъ результатовъ, достигнутыхъ дальновидною политикой Ристича, и освобожденіе Сербіи отъ владычества Милана, столь же пагубнаго, какъ и турецкое, было уже не по силамъ престарѣлому государственному дѣятелю.

Politik, восхваляя Ристича, говоритъ, что не можетъ згинуть народъ, выдвинувшій изъ своей среды такую величину, какъ Іованъ Ристичъ. Чешская газета выражаетъ надежду, что Сербія благополучно выйдетъ изъ нынѣшняго тяжелаго кризиса.

Въ послѣдніе годы Ристичъ, утомленный и больной, былъ въ сторонѣ отъ дѣлъ. Онъ вынужденъ былъ отказаться отъ поѣздки на пушкинскія празднества и писалъ по этому поводу, что онъ уже не прежній Ристичъ.

Neue Freie Presse называетъ Ристича панславистомъ, почему при немъ не могло быть прямыхъ и искреннихъ отношеній между Австро-Венгріей и Сербіей. Газета напоминаетъ, какъ девятнадцать лѣтъ тому назадъ угрожающая нота вѣнскаго кабинета потребовала удаленія Ристича отъ должности министра-президента. Это свидѣтельствуетъ о томъ значеніи, какое имѣлъ Ристичъ.

Намъ приходилось часто говорить объ антисемитизмѣ, но мы до сихъ поръ не останавливались на сіонизмѣ. Это послѣднее движеніе сильно распространяется между евреями всѣхъ частей свѣта. Несчастливому народу является заманчивая надежда вернуть себѣ свое древнее отечество.

Во главѣ движенія стоитъ въ настоящее время Теодоръ Герцль (о третьемъ конгрессѣ сіонистовъ мы даемъ особую статью). Противъ этого вождя уже раздаются отдѣльные голоса. Такова, напримѣръ, статья г. Сакера въ *Одесскихъ Новостяхъ*. «Герцль,—говоритъ г. Сакеръ,—повидимому, боится соприкосновенія съ толпой; онъ, кажется, полонъ того ницшеанскаго *па-*

ѳоса разстоянія, которое будто отдѣляетъ его отъ толпы. Ему не по себѣ на аренѣ политической борьбы».

Г. Сакеръ, признавая поэтичность въ стремленіяхъ сіонизма, указываетъ на его малую распространенность: число сіонистовъ-шекеледателей (т.-е. платящихъ шекель—40 к.) достигаетъ лишь ста тысячъ, т.-е. равняется $1/_2$ проценту или $3/_4$ процента всѣхъ разсѣянныхъ по свѣту евреевъ *). Авторъ прибавляетъ: «Неосіонизмъ обѣщаетъ народу матеріальное обезпеченіе, но дастъ ли онъ его? Іудеи еще въ древности были скептиками».

Г. Сакеръ не вѣритъ въ возможность образованія еврейскаго государства въ Палестинѣ, онъ противъ этого проекта во всякомъ случаѣ: «Тамъ,—пишетъ онъ,—безъ сомнѣнія, скоро возгорится борьба съ азіатскимъ режимомъ, вводить же еврейство въ страну, которая вскорѣ станетъ ареной внутренней борьбы, это значитъ предназначать ихъ къ той же участи, которую они испытали въ другихъ странахъ». Евреи, по мнѣнію г. Сакера, должны осуществлять великую цѣль всеобщаго международнаго равенства и братства, уничтожать національную и расовую ненависть. Лишенные территоріи, евреи въ особенности призваны къ этому.

Таковы два новыхъ теченія мысли, раздѣляющія современное культурное еврейство. Г. Сакеръ все-таки высказывается за территорію, т.-е. противъ самого себя, только территорія эта должна быть свободною страною, надъ которой не тяготѣетъ ни прошлое, ни настоящее. «Ближайшій лозунгъ *для части еврейства*,—говоритъ онъ,—это основаніе общинной жизни на свободной землѣ. Кипръ или Аргентина — въ обсужденіе этого мы въ настоящее время не входимъ, но то или другое во много разъ лучше, чѣмъ Сирія и Палестина».

Мы считаемъ умѣстнымъ привести по данному вопросу отзывъ серьезной газеты, издающейся въ мѣстности, сильно населенной евреями, житомірской *Волыни*. «Сіонизмъ,—говоритъ газета,—какъ извѣстно, раздѣляется на два толка: восточный, или духовный, и западный, или политическій сіонизмъ. Духовный сіонизмъ возникъ у насъ въ Россіи (почему и называется восточнымъ) и зародился самобытно, въ зависимости отъ условій, создавшихъ еврейскую эмиграцію и колонизацію. Онъ былъ чуждъ какихъ-либо политическихъ и территоріальныхъ завоеваній. Сущность и цѣль его стремленій заключались въ возрожденіи еврейской культуры и духа націи, въ подъемѣ и совершенствованіи всѣхъ національныхъ даровъ прошлаго, въ сохраненіи національной самобытности и удержаніи народа отъ *насильственной* ассимиляціи съ другими народами, — все это на почвѣ самобытнаго духовнаго развитія, независимо отъ мѣста и историческихъ условій. Колонизаціонное движеніе и переселеніе въ Палестину являлись только однимъ изъ условій, облегчающихъ задачу національнаго обновленія.

«Напротивъ, политическій (западный) сіонизмъ, несравненно болѣе независимый отъ условій, заставляющихъ евреевъ эмигрировать, задается болѣе широкими и съ внѣшней стороны болѣе опредѣленными цѣлями.

*) *Одесскія Новости*, 4 сентября.

«Вполнѣ конкретный проектъ основанія въ Палестинѣ новаго царства находитъ наибольшее сочувствіе именно у западныхъ сіонистовъ - теоретиковъ» *).

Волынь относится къ неосіонизму такъ же отрицательно, какъ и г. Сакеръ въ *Одесскихъ Новостяхъ*, которыя оговариваются, что сіонизмъ—движеніе сложное и что газета охотно помѣститъ и статьи, иначе относящіяся къ нему.

Въ общемъ итогѣ надо признать, что образованіе еврейскаго государства въ Палестинѣ—задача весьма трудная; въ осуществленіи этой задачи мало заинтересованы и крупные еврейскіе капиталисты (если, конечно, они не руководствуются національно- и религіозно-филантропическими цѣлями), и масса бѣднаго трудящагося люда. Но движеніе растетъ и, дѣйствительно, вызывается сложными причинами, въ которыхъ играетъ и антихристіанское движеніе противъ семитовъ (т.-е. исключительно евреевъ).

В. Г.

---

*) *Волынь*, 10 сентября.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Процессъ кіевскаго губернскаго тюремнаго инспектора Прокоповича.—Процессъ начальника моздокской тюрьмы Максимова. — Процессъ графа Капниста. — Процессъ московскаго городского кредитнаго общества. — Допущеніе реалистовъ въ военно-медицинскую академію и отмѣна экзаменовъ въ кадетскихъ корпусахъ. — Ходатайство костромского дворянства объ уравненіи дочерей въ правѣ наслѣдованія съ сыновьями.—Рѣчь директора Сумской гимназіи.—Тридцатипятилѣтіе педагогической дѣятельности В. П. Острогорскаго. — Двадцатипятилѣтіе литературной дѣятельности Г. А. Джаншіева.

Сентябрь мѣсяцъ ознаменовался обиліемъ громкихъ судебныхъ процессовъ, дающихъ богатый матеріалъ для характеристики нашей общественной жизни. Процессъ кіевскаго губернскаго тюремнаго инспектора Прокоповича, процессъ начальника моздокской тюрьмы Максимова, процессъ графа Капниста и, наконецъ, процессъ московскаго городского кредитнаго общества—вотъ краткій перечень уголовныхъ дѣлъ, которыя, по своему выдающемуся интересу, достойны вниманія обозрѣвателя нашей внутренней жизни.

Остановимся раньше всего на дѣлѣ о злоупотребленіяхъ по службѣ бывшаго кіевскаго губернскаго тюремнаго инспектора, д. с. с. Прокоповича, и бывшаго помощника начальника кіевскаго исправительнаго отдѣленія, губ. секр. Шварца. Процессъ этотъ представляетъ такую яркую картину самыхъ беззастѣнчивыхъ хищеній и беззаконій, систематически, въ теченіе многихъ лѣтъ, практиковавшихся въ кіевскомъ губернскомъ тюремномъ управленіи, что положительно не вѣрится, что все это происходило не въ дореформенной Россіи, а въ Россіи конца XIX столѣтія, въ которой царствуютъ благодѣтельный свѣтъ гласности, просвѣщеніе и прочія блага цивилизаціи...

Обстоятельства этого дѣла, разбиравшагося въ кіевской судебной палатѣ съ участіемъ сословныхъ представителей, заключаются въ слѣдующемъ.

6 мая 1897 г. дѣлопроизводитель тюремнаго отдѣленія кіевскаго губернскаго правленія Преображенскій послалъ на имя начальника главнаго тюремнаго управленія о преступныхъ дѣйствіяхъ кіевскаго губернскаго тюремнаго инспектора, д. с. с. Прокоповича. Въ заявленіи было указано, что соучастникомъ Прокоповича въ различныхъ преступныхъ дѣйствіяхъ былъ помощникъ начальника кіевскаго исправительнаго арестантскаго отдѣленія Шварцъ. Произведеннымъ по распоряженію министра юстиціи разслѣдова-

ніемъ заявленіе Преображенскаго подтвердилось, вслѣдствіе чего министръ ордеромъ на имя прокурора судебной палаты предложилъ возбудить противъ Прокоповича уголовное преслѣдованіе. Предварительное слѣдствіе дало обильный обвинительный матеріалъ противъ обвиняемыхъ. Приводимъ изъ этого матеріала наиболѣе характерные факты.

Въ виду плачевнаго положенія тюремъ Кіевской губерніи въ пожарномъ отношеніи, кіевскій губернскій тюремный комитетъ возбудилъ въ 1892 г. предъ главнымъ тюремнымъ управленіемъ ходатайство объ отпускѣ 1,500 р. для снабженія тюремъ необходимыми пожарными инструментами. Деньги были отпущены въ распоряженіе Прокоповича, который, однако, никакихъ инструментовъ для тюремъ не купилъ. Когда же черезъ пять лѣтъ послѣ этого кіевская контрольная палата поинтересовалась узнать, какъ Прокоповичъ употребилъ отпущенные ему на инструменты 1,500 р., то онъ отвѣтилъ, что изъ разъѣздовъ по губерніи убѣдился въ томъ, что тюрьмы въ пожарномъ отношеніи поставлены превосходно, вслѣдствіе чего онъ не нашелъ надобности въ пріобрѣтеніи пожарныхъ насосовъ, «болѣе годныхъ для поливки цвѣтовъ, чѣмъ для тушенія пожаровъ», какъ игриво докладывалъ тюремный инспекторъ; поэтому онъ внесъ отпущенные ему 1,500 р. въ кіевское казначейство. Контрольная палата убѣдилась, что деньги, дѣйствительно, внесены въ казначейство, но только уже послѣ полученія Прокоповичемъ запроса отъ контроля. Изъ показаній же начальниковъ уѣздныхъ тюремъ выяснилось, что тюрьмы Кіевской губерніи и въ настоящее время находятся въ самомъ безпомощномъ положеніи въ пожарномъ отношеніи.

Далѣе, на арендуемомъ у г. Кіева исправительнымъ арестантскимъ отдѣленіемъ огородѣ есть прудъ. Прудъ этотъ былъ взятъ въ аренду крестьяниномъ Жихаревымъ за 210 р. Деньги эти были присвоены Прокоповичемъ; когда же контрольная палата потребовала въ нихъ отчета, онъ занялъ у своихъ подчиненныхъ 210 р. и внесъ ихъ въ казначейство, объяснивъ, что удержалъ у себя деньги съ цѣлью купить лѣтній экипажъ для служебныхъ разъѣздовъ. Точно также Прокоповичъ присвоилъ себѣ деньги, вырученныя отъ продажи капусты съ огорода. Деньги эти начальникъ исправительнаго отдѣленія долженъ былъ внести въ казначейство, но Прокоповичъ потребовалъ ихъ себѣ подъ угрозой увольненія со службы.

Еще безцеремоннѣе обращался тюремный инспекторъ съ деньгами, отпускавшимися на содержаніе канцеляріи его. Изъ этихъ денегъ Прокоповичъ, а иногда и Шварцъ, брали разныя суммы для собственныхъ надобностей, причемъ взятыя деньги записывались въ качествѣ авансовъ за служащими въ канцеляріи.

Кромѣ того, Прокоповичъ забиралъ себѣ и 400 р., отпускавшіеся на канцелярскіе расходы. Чтобъ обмануть контроль, онъ представлялъ въ израсходованіи этихъ денегъ фиктивные отчеты съ приложеніемъ оправдательныхъ документовъ въ видѣ расписокъ, которыя выдавались служащими въ канцеляріи. Такимъ образомъ хищеніе здѣсь совершалось вполнѣ открыто. Вся канцелярія возмущалась беззастѣнчивостью, съ какой Прокопо-

вичъ составлялъ свои фиктивные отчеты, но служащіе, боясь потерять мѣсто, выдавали требовавшіяся отъ нихъ расписки. Случалось, что къ концу года въ канцеляріи не хватало денегъ на пріобрѣтеніе письменныхъ принадлежностей; тогда Прокоповичъ приказывалъ выдавать меньше жалованья писцамъ. Одинъ изъ писцовъ, которому стали выдавать 20 р. вмѣсто 30, вздумалъ было объясниться по этому поводу съ начальствомъ, но былъ немедленно прогнанъ со службы.

Не довольствуясь этимъ, Прокоповичъ присвоивалъ себѣ суммы, отпускавшіяся ему на разъѣзды. Получивъ деньги на разъѣзды, онъ запирался у себя дома, приказывалъ говорить всѣмъ, что уѣхалъ, а самъ писалъ фантастическіе отчеты о своихъ поѣздкахъ по разнымъ городамъ.

Независимо отъ этого Прокоповичъ сдѣлалъ себѣ особый источникъ доходовъ изъ «займовъ» у подчиненныхъ начальниковъ тюремъ. Такъ, онъ «занялъ» чрезъ посредство Шварца 300 руб. у начальника васильковской тюрьмы Палкова. Однако, это не спасло Палкова отъ гоненій Прокоповича и вотъ почему. Палковъ узналъ, что губернскій инспекторъ беретъ взятки съ начальниковъ тюремъ, а при ревизіи имѣетъ обыкновеніе забирать часть денегъ изъ тюремной кассы. Въ виду этого, когда Прокоповичъ явился въ 1891 г. для ревизіи васильковской тюрьмы, Палковъ только показалъ инспектору деньги, хранившіяся въ кассѣ, и сейчасъ же ихъ спряталъ. Послѣ этого и начались на Палкова гоненія. Гоненіямъ подвергся и начальникъ каневской тюрьмы за то, что не далъ Прокоповичу взятки въ 150 р. Особенно испыталъ на себѣ склонность Прокоповича къ «займамъ» начальникъ кіевской тюрьмы Дзбановскій. Интересенъ въ этомъ отношеніи слѣдующій фактъ. Въ январѣ 1896 г. Дзбановскому было выдано 300 р. на ремонтъ сушильни при тюремной прачечной, и въ тотъ же день деньги эти были взяты у него Прокоповичемъ для поѣздки въ Петербургъ. Принимая же во вниманіе, что зимой указаннаго ремонта нельзя было дѣлать, Дзбановскій полагаетъ, что ремонтъ былъ измышленъ Прокоповичемъ исключительно съ цѣлью получить 300 р. Деньги Дзбановскому не были возвращены, и онъ вынужденъ былъ весною ремонтировать сушильню за свой счетъ.

Вообще изобрѣтательность, съ какой Прокоповичъ изыскивалъ всякіе источники доходовъ, положительно заслуживаетъ удивленія. Остается только сожалѣть, что этотъ человѣкъ, въ сравнительно узкой сферѣ тюремнаго управленія, не могъ найти достаточнаго примѣненія своему таланту.

Само собою разумѣется, что при тѣхъ отношеніяхъ, какія существовали между Прокоповичемъ и начальниками тюремъ, въ тюрьмахъ Кіевской губерніи свили себѣ прочное гнѣздо всякія злоупотребленія и беззаконія. Такъ, наприм., въ кіевской тюрьмѣ работы по ассенизаціи, для чего отпускалось до 1,200 руб., производились арестантскимъ трудомъ, причемъ арестанты обсчитывались на рабочихъ дняхъ; ремонтъ тюрьмы производился изъ стараго матеріала, который въ отчетахъ превращался въ новый; дрова для отопленія больницы совсѣмъ не доставлялись, къ отчетностямъ прилагались фиктивные счеты и т. д.

Кромѣ злоупотребленій корыстнаго характера, Прокоповичъ обвинялся въ оскорбленіи подчиненныхъ ему должностныхъ лицъ, съ которыми онъ обращался высокомѣрно и невыносимо грубо. Тюремныхъ надзирателей онъ не только ругалъ, но и билъ. При этомъ причины, вызывавшія гнѣвъ Прокоповича, поражаютъ своей незначительностью. Билъ онъ за то, что увидѣлъ крошку на полу, билъ курьера за то, что тотъ ему недостаточно ловко подалъ фуражку, билъ почтальона за то, что тотъ ему не поклонился, билъ и безъ всякаго повода. Вообще, по показаніямъ свидѣтелей, одно появленіе Прокоповича въ тюрьмѣ или канцеляріи наводило на всѣхъ ужасъ.

Любопытная подробность: по разсказу бывшаго начальника кіевской тюрьмы, Прокоповичъ прежде былъ человѣкъ привѣтливый и симпатичный, но съ тѣхъ поръ, какъ получилъ чинъ д. с. с. и орденъ Станислава 1-й ст., сталъ кичливымъ самодуромъ.

Что же касается Шварца, котораго свидѣтели единогласно аттестовали какъ въ высшей степени грязную и безнравственную личность, то онъ, будучи братомъ особы, съ которой Прокоповичъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ, не упускалъ никогда случая выгодно учесть это «родство», занимаясь систематическими вымогательствами. Онъ бралъ «взаймы», направо и налѣво, у всѣхъ начальниковъ тюремъ. Дававшіе могли разсчитывать на награду и повышеніе, не дававшіе подвергались гоненіямъ. На имя Шварца то и дѣло приходили съ почты повѣстки на 22, 50 и 100 р.

Показаніями свидѣтелей въ палатѣ были подтверждены въ общемъ всѣ данныя предварительнаго слѣдствія. Нѣкоторыя изъ этихъ показаній очень любопытны. Такъ, начальникъ каневской тюрьмы Позняковъ разсказалъ, что Прокоповичъ въ 1894 г. пріѣхалъ ревизовать тюрьму. Ревизію онъ началъ съ повѣрки денежныхъ суммъ. Послѣ повѣрки онъ написалъ на листѣ бумаги: «дайте мнѣ 150 руб.». Свидѣтель притворился, что не понимаетъ, и отвѣтилъ: «ваше превосходительство, у меня не 150 въ наличности, а 550». Тогда Прокоповичъ раздражительно повторилъ: «дайте мнѣ 150 руб.». Приказаніе не было исполнено, вслѣдствіе чего Прокоповичъ все въ тюрьмѣ нашелъ не въ порядкѣ. Скоро послѣ этого Позняковъ былъ переведенъ въ Таращу, причемъ Прокоповичъ, которому свидѣтель представлялся при переводѣ въ Таращу, предупредилъ его, чтобъ онъ не вмѣшивался въ производящуюся тамъ постройку тюремной бани: на это-де есть инженеръ. По пріѣздѣ въ Таращу Позняковъ убѣдился, что баня строится изъ совершенно негоднаго матеріала. Чрезъ нѣкоторое время онъ получилъ отъ Прокоповича актъ о пріемѣ этой бани съ требованіемъ подписать его. Свидѣтель отказался. Послѣ этого тюремный инспекторъ снова прислалъ ему актъ съ требованіемъ подписать его, но свидѣтель вторично отказался, за что и подвергался впослѣдствіи всяческимъ непріятностямъ.

Поручикъ Центяловичъ, бывшій помощникъ начальника кіевской тюрьмы, нарисовалъ картину вопіющихъ безпорядковъ, какіе царили при Прокоповичѣ въ кіевской тюрьмѣ. Дисциплины не было никакой. Прокоповичъ при

арестантахъ билъ тюремныхъ надзирателей и ругалъ площадной бранью помощниковъ начальника тюрьмы, чѣмъ совершенно ронялъ ихъ авторитетъ въ глазахъ арестантовъ. Дѣло доходило до того, что арестанты постоянно били своихъ надзирателей, оставаясь совершенно безнаказанными. Отношеніе начальника тюрьмы къ заключеннымъ было беззаконное: богатымъ арестантамъ оказывалось явное покровительство и дѣлались всякія поблажки. О Шварцѣ свидѣтель отозвался, какъ о человѣкѣ въ корень испорченномъ, и утверждалъ, что это былъ настоящій агентъ Прокоповича по торговлѣ мѣстами.

О торговлѣ мѣстами, взяточничествѣ и беззаконіяхъ, творившихся въ тюрьмахъ Кіевской губерніи, говорили и другіе свидѣтели.

Судебная палата признала Прокоповича виновнымъ въ хищеніи казенныхъ денегъ, въ совершеніи подлоговъ и въ оскорбленіи дѣйствіемъ подчиненныхъ при исполненіи служебныхъ обязанностей; въ обвиненіи же въ вымогательствѣ оправдала его. Шварцъ признанъ виновнымъ въ растратѣ казенныхъ денегъ, но оправданъ по обвиненію въ совершеніи подлоговъ и въ вымогательствѣ. На основаніи этого и въ виду двухъ Всемилостивѣйшихъ манифестовъ, дѣйствіе которыхъ распространяется на совершенныя подсудимыми преступленія, Прокоповичъ приговоренъ къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и ссылкѣ въ Тобольскую губернію, а Шварцъ—къ лишенію правъ и тюремному заключенію на 8 мѣсяцевъ. Приговоръ этотъ палата рѣшила, прежде приведенія его въ исполненіе, подвергнуть на благоусмотрѣніе Его Императорскаго Величества.

Въ дѣлѣ Прокоповича, помимо высокаго служебнаго положенія обвиняемаго, насъ поражаетъ, что хищенія и злоупотребленія по службѣ совершались имъ систематически въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, съ 1892 г. И какъ совершались! Самымъ беззастѣнчивымъ образомъ, открыто, у всѣхъ на глазахъ, съ пріемами, описанными еще Гоголемъ въ *Ревизорѣ*. Вся канцелярія тюремнаго инспектора возмущается совершаемыми имъ беззаконіями, о нихъ знаютъ всѣ тюремные начальники, надзиратель и вообще всѣ лица, такъ или иначе прикосновенныя къ управленію инспектора, въ тюрьмахъ цѣлой губерніи творятся вопіющія беззаконія. И что же? Служащіе канцеляріи безпрекословно выдаютъ фиктивныя расписки для того, чтобы прикрыть своего начальника предъ контролемъ, начальники тюремъ чрезъ посредство Шварца даютъ Прокоповичу «взаймы», тюремные надзиратели почтительно получаютъ отъ инспектора зуботычины, и среди всѣхъ лицъ, окружающихъ Прокоповича, не нашлось ни одного человѣка съ настолько развитымъ чувствомъ служебнаго дѣла, чтобъ указать на его злоупотребленія, не нашлось ни одного человѣка съ настолько развитымъ чувствомъ своего человѣческаго достоинства, чтобы привлечь тюремнаго инспектора къ отвѣтственности за оскорбленіе. Въ этой атмосферѣ царили только трепетъ и страхъ, да полное попраніе закона. Только чрезъ нѣсколько лѣтъ систематически совершавшихся беззаконій нашелся человѣкъ, который изъ чувства мести, какъ онъ самъ сознался, донесъ на Прокоповича. Все это

доказываетъ, что не только Прокоповичъ, но и вся среда, окружавшая его, была испорчена и не имѣла никакого представленія о чувствѣ долга и законности. Эти люди, призванные бороться со злой волей нарушителей закона, сами совершали беззаконія, а ихъ начальникъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ совершалъ такія же преступленія, за которыя въ подвѣдомственныхъ ему тюрьмахъ сидѣли въ заключеніи арестанты.

Интересно, что, въ бытность въ 1896 г. министра юстиціи въ Кіевѣ, Прокоповичъ такъ ловко сумѣлъ показать ему казовую сторону мѣстныхъ тюремныхъ учрежденій, что министръ въ особомъ приказѣ выразилъ ему благодарность за блестящее состояніе ихъ.

Впрочемъ, давно извѣстно, что оффиціальная формула «все обстоитъ благополучно» далеко не всегда соотвѣтствуетъ реальной дѣйствительности.

Вѣроятно, «все обстояло благополучно» и въ моздокской тюрьмѣ до тѣхъ поръ, пока совершенно случайно не открылся фактъ истязанія арестантовъ начальникомъ и надзирателями этой тюрьмы. Дѣло о начальникѣ моздокской тюрьмы Максимовѣ и пяти тюремныхъ надзирателяхъ разсматривалось во владикавказскомъ окружномъ судѣ.

26 октября 1897 г. подслѣдственный арестантъ моздокской тюрьмы Михайловъ, обвиняемый въ убійствѣ нѣкоего Козіева, заявилъ товарищу прокурора владикавказскаго окружнаго суда Лащенку, что въ ночь на 2 октября начальникъ тюрьмы, хорунжій Максимовъ, войдя къ нему въ камеру съ двумя тюремными надзирателяли, повалилъ его на полъ и билъ безъ всякаго съ его стороны повода, нанесъ ему тяжкіе побои плетью и подборами сапоговъ. Произведя разслѣдованіе, товарищъ прокурора убѣдился въ справедливости заявленія Михайлова и кромѣ того обнаружилъ еще фактъ избіенія Максимовымъ еще одного арестанта, Ткачева.

Дѣлу данъ былъ законный ходъ. Предварительное слѣдствіе установило, что случай истязанія Максимовымъ арестантовъ Михайлова и Ткачева былъ не единственный, что Максимовъ, человѣкъ жестокій по характеру и притомъ подверженный спиртнымъ напиткамъ, съ самаго назначенія его на должность тюрьмы обращался съ арестантами безчеловѣчно, не останавливаясь ни предъ какими мѣрами насилія надъ ихъ личностью. Обыкновенно онъ являлся въ тюрьму съ хлыстомъ, обтянутымъ мѣдной проволокой. Ударовъ этого хлыста избѣгалъ рѣдкій арестантъ. Количество наносимыхъ ударовъ часто доходило до 50, такъ что избитый терялъ сознаніе.

Свидѣтелей было вызвано по дѣлу 23. Потерпѣвшій Михайловъ показалъ, что въ ночь на 2 октября Максимовъ вошелъ въ его камеру съ двумя надзирателями и потребовалъ у него сознанія въ томъ, что онъ убилъ Козіева. Когда же тотъ отказался это сдѣлать, Максимовъ началъ наносить ему побои кулакомъ по лицу. Затѣмъ онъ велѣлъ надзирателямъ раздѣть Михайлова догола и повалить на нары. Одинъ надзиратель держалъ арестанта за голову, другой за ноги, а Максимовъ билъ его хлыстомъ разъ до 50. Наконецъ, онъ сказалъ: «усталъ», — и приказалъ надзирателямъ:

«бейте и плюйте ему въ морду». Тѣ исполнили приказаніе. Послѣ ухода своихъ мучителей, Михайловъ долго лежалъ безъ чувствъ, а когда очнулся, то оказалось, что лицо его страшно опухло. Онъ попросилъ надзирателей позвать къ нему фельдшера, но тѣ отказались.

Изъ показаній другихъ свидѣтелей выяснилось, что Максимовъ особенно жестоко обращался съ арестантами изъ туземцевъ. Каждаго вновь прибывшаго туземца начальникъ тюрьмы спрашивалъ объ имени Государя Императора, а когда тотъ, не зная русскаго языка, отзывался молчаніемъ, Максимовъ билъ его.

Съ баптистами Максимовъ обращался не такъ. Когда ихъ приводили въ тюрьму, онъ спрашивалъ ихъ, вѣруютъ ли они во Христа и, получивъ отвѣтъ, что вѣруютъ, приказывалъ креститься. Всѣ отказывались, и Максимовъ набрасывался на нихъ съ кулаками.

Арестанта Горбачева Максимовъ избилъ плетью, посадилъ на 3 мѣсяца въ секретную и 10 дней не давалъ горячей пищи за то, что тотъ тайно написалъ отцу письмо съ просьбой подать жалобу на порядки, существующіе въ моздокской тюрьмѣ. За это же письмо, перехваченное Максимовымъ, на Горбачева были надѣты наручные кандалы.

Но особенно нещадно били арестанта Дмитріева. Били его регулярно черезъ день, билъ начальникъ тюрьмы, билъ старшій надзиратель, били младшіе надзиратели, всѣ били. Кромѣ того, на Дмитріева также были надѣты наручные кандалы.

Максимовъ въ послѣднемъ своемъ словѣ отрицалъ свою виновность и утверждалъ, что лишь старался «возвратить арестантовъ на путь истины». Надзиратели ссылались на то, что исполняли приказанія своего начальника.

Всѣ обвиняемые были признаны виновными. Максимовъ былъ приговоренъ къ лишенію нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ и къ тюремному заключенію на два года; изъ надзирателей четверо были приговорены къ тюремному заключенію на 3 мѣсяца, а одинъ на 2 мѣсяца.

Какъ бы ни удовлетворялъ общественную совѣсть такой приговоръ, все же дѣла, подобныя настоящему или дѣлу Прокоповича, всегда оставляютъ горькій осадокъ въ видѣ сомнѣній о томъ, составляетъ ли то, что творилось въ кіевскомъ тюремномъ управленіи и моздокской тюрьмѣ, явленіе исключительное, или, наоборотъ, явленіе если и не заурядное, то не такъ уже рѣдкое...

Если истязанія, совершавшіяся Максимовымъ и тюремными надзирателями, и возмущаютъ глубоко наше нравственное чувство, то все же они находятъ себѣ нѣкоторое объясненіе въ нашемъ представленіи о тюремщикахъ, какъ людяхъ, которые по роду своихъ занятій едва ли и могутъ отличаться особой мягкостью характера. Но что сказать объ интеллигентномъ человѣкѣ, дворянинѣ, истязавшемъ при помощи полицейскихъ урядниковъ свободнаго человѣка?

Такое именно дѣло разсматривалось въ Симферополѣ выѣздной сессіей

одесской судебной палаты. Въ истязаніи обвинялись землевладѣлецъ Ѳеодосійскаго уѣзда, графъ Михаилъ Ростиславовичъ Капнистъ, молодой человѣкъ 30 лѣтъ, и два бывшихъ урядника, Кардашевъ и Каминскій.

14 ноября 1898 г. въ экономіи графа Капниста при дер. Каргалыкъ, Ѳеодосійскаго уѣзда, по случаю принятія новобранцевъ на военную службу, произошло буйство, во время котораго была причинена экономическому приказчику Паршикову рана въ голову, а также выбиты были окна въ экономическомъ домѣ. Узнавъ объ этомъ, графъ немедленно прибылъ въ экономію въ сопровожденіи урядника Каминскаго, командированнаго по просьбѣ графа становымъ приставомъ для помощи мѣстному уряднику Кардашеву. Урядники привели въ экономическій домъ крестьянина Никифорова, причинившаго рану Паршикову. Желая расправиться съ Никифоровымъ собственнымъ судомъ, графъ сначала приказалъ его бить урядникамъ, а затѣмъ самъ ударилъ его по спинѣ нагайкой. Послѣ этого всѣ трое обвиняемыхъ сняли съ Никифорова платье и повалили его на полъ. Кардашевъ держалъ Никифорова за ноги, а графъ одной рукой держалъ его за голову, а въ другой держалъ револьверъ, угрожая стрѣлять, если онъ окажетъ сопротивленіе. Каминскій наносилъ Никифорову удары нагайкой, а графъ громко считалъ ихъ до тѣхъ поръ, пока Никифоровъ не потерялъ сознанія. Когда онъ очнулся и одѣлся, Кардашевъ сдалъ его сотскому со словами: «Возьми его, негодяя, веди правой рукой въ холодную, а лѣвой рукой бей».

На судѣ врачъ-экспертъ показалъ, что побои длились около 5 минутъ. Благодаря тому, что Никифорова держали, когда били, онъ долженъ былъ особенно сильно страдать. При той обстановкѣ, въ которой происходила экзекуція, физическія страданія Никифорова, несомнѣнно, были очень тяжки и нанесенные ему побои представляются чрезвычайно тяжкими.

Молодой графъ, вздумавшій возстановить у себя въ экономіи порядокъ «добраго» стараго времени, приговоренъ палатой къ лишенію нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ и ссылкѣ въ Томскую губернію, а урядники — къ лишенію нѣкоторыхъ правъ и тюремному заключенію на 1 годъ 4 мѣсяца. Приговоръ этотъ палата рѣшила подвергнуть на благоусмотрѣніе Государя Императора съ просьбой о замѣнѣ графу Капнисту наказанія тюремнымъ заключеніемъ на 4 мѣсяца безъ лишенія правъ, а урядникамъ—также однимъ лишь тюремнымъ заключеніемъ.

Мы остановимъ вниманіе читателей еще на процессѣ московскаго городского кредитнаго общества, вызвавшемъ столько шума въ Москвѣ. Дѣятельность городского кредитнаго общества давно уже вызывала нареканія; давно уже въ обществѣ носились слухи, что въ «Кредиткѣ» не все обстоитъ благополучно. Эти слухи находили себѣ реальное подтвержденіе въ томъ, что запасный капиталъ общества, одно время достигавшій до милліона руб., исчезъ, и общество стало терпѣть убытки, съ каждымъ годомъ возраставшіе. Разстройство дѣлъ нѣкогда процвѣтавшаго общества вызвало двѣ правительственныя ревизіи, констатировавшія массу неправильностей въ дѣя-

тельности общества. Неправильности эти ревизіи приписывали правленію, систематически нарушавшему, изъ личныхъ цѣлей, уставъ общества. «Противоуставныя льготы и преувеличенныя ссуды,—доносилъ въ 1895 г. первый правительственный ревизоръ г. Шванебахъ министру финансовъ,—оказываются въ рукахъ правленія средствомъ обезпеченія себѣ въ общихъ собраніяхъ послушнаго большинства и услужливыхъ избирателей. Настоящій составъ управленія, связанный долголѣтними традиціями ненормальной дѣятельности, а также, какъ видно изъ нѣкоторыхъ приведенныхъ въ отчетѣ дѣлъ, чисто-личными цѣлями, едва ли въ состояніи будетъ проявить искреннее стремленіе къ упорядоченію дѣлъ общества. Но едва ли также надлежащіе исполнители необходимой реформы найдутся въ средѣ общества, въ виду преобладанія въ общихъ собраніяхъ элементовъ, извлекающихъ изъ существующихъ безпорядковъ личную выгоду». Это предположеніе какъ нельзя лучше подтвердилось на дѣлѣ. Когда министръ финансовъ предложилъ правленію общества передать на обсужденіе уполномоченныхъ отчетъ о ревизіи, собраніе отвѣтило на это предложеніе тѣмъ, что утвердило безъ всякихъ измѣненій отчетъ правленія за 31-й годъ существованія общества и назначило служащимъ въ правленіи и предсѣдателю его Цвѣтухину дополнительное вознагражденіе въ количествѣ 35,936 руб., въ то время какъ вся прибыль за этотъ годъ составляла 2,000 руб. Еще ярче выразилась услужливость уполномоченныхъ въ послѣдующихъ двухъ собраніяхъ, происходившихъ подъ предсѣдательствомъ прис. пов. Шмакова. Принявъ докладъ наблюдательнаго комитета, признававшаго правильными объясненія правленія относительно вопросовъ, возбужденныхъ ревизіей, собраніе отклонило требованіе г. Пржевальскаго и меньшинства уполномоченныхъ относительно постановки вопроса о преданіи суду правленія общества. Тогда маленькая интеллигентная кучка уполномоченныхъ, истощившая всѣ мѣры въ борьбѣ съ правленіемъ, подала въ декабрѣ 1895 г. прокурору московской судебной палаты жалобу на неправильныя дѣйствія правленія общества. Предварительнымъ слѣдствіемъ, ограничившимся, въ силу закона о давности, разслѣдованіемъ обстоятельствъ, имѣвшихъ мѣсто лишь послѣ 30 апрѣля 1889 г., а также показаніями свидѣтелей въ судебной палатѣ, установлены слѣдующія злоупотребленія въ дѣятельности правленія.

Дома, которые закладывались въ кредитномъ обществѣ, часто оцѣнивались значительно выше своей стоимости, такъ что при продажѣ ихъ общество терпѣло крупный убытокъ. Такъ, наприм., съ 1889 по 1895 г. общество продало 541 имущество, и всѣ они были проданы ниже оцѣнки. Такимъ образомъ, преувеличенныя оцѣнки составляли не случайность, а систему Бывали случаи, что имущество, за которое общество выдавало десятки тысячъ, продавалось за какихъ-нибудь нѣсколько тысячъ. Вообще общество не стѣснялось выдачей ссудъ и часто безъ всякихъ измѣненій принимало валовую доходность, заявленную заемщиками. Достаточно было дать оцѣнщику взятку, и домъ, представлявшій собою ветхую лачугу, превращался въ хорошій каменный домъ. Такъ, по разсказу свидѣтеля г. Се-

менковича, нѣкій Платоповъ купилъ на торгахъ домъ, значившійся по описи каменнымъ хорошимъ домомъ, а когда пріѣхали на мѣсто, такого дома вовсе не оказалось: на мѣстѣ его стояла какая-то лачуга; другой разъ домъ, подъ который правленіе выдало ссуду на 25 лѣтъ, черезъ три года былъ заколоченъ полиціей по ветхости. О томъ, что оцѣнщики брали взятки, разсказывали свидѣтели Семенковичъ, Серебряковъ, бывшій членъ наблюдательнаго комитета и другіе. По поводу показанія г. Семенковича на судѣ произошелъ любопытный эпизодъ. Свидѣтелю былъ предложенъ защитою вопросъ, не произошло ли у него столкновенія съ предсѣдателемъ наблюдательнаго комитета Шмаковымъ? «Да,— отвѣтилъ г. Семенковичъ,— произошло: я назвалъ его мерзавцемъ».

По показанію правительственнаго ревизора г. Михалева, кредитное общество, благодаря преувеличеннымъ оцѣнкамъ, понесло убытокъ въ 2 милліона рублей.

Взысканіе долговъ производилось по той же упрощенной системѣ послабленій и отступленій отъ устава, какъ и выдача ссудъ. По требованію устава, имущество должно было немедленно поступать въ продажу въ случаѣ непогашенія недоимокъ въ четырехмѣсячный срокъ; правленіе же допускало накопленіе недоимокъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, что также вело къ крупнымъ убыткамъ. Мало того, правленіе часто выдавало неисправнымъ заемщикамъ дополнительныя ссуды, съ явною цѣлью уменьшить количество недоимокъ и отдалить необходимость продажи имущества. Оставляя въ своемъ пользованіи и владѣніи множество домовъ, правленіе сдавало управленіе ими своимъ агентамъ, которые получали крупныя суммы на ремонты, на самомъ дѣлѣ не производившіеся. По уставу, отвѣтственной за убытки, происшедшіе отъ неправильной оцѣнки, является оцѣночная коммиссія. Правленіе же ограничивалось посылкой къ членамъ коммиссіи формальнаго запроса о желаніи ихъ принять убыточное имущество въ свое завѣдываніе и совершенно удовлетворялось, когда оцѣнщики отказывались отъ этого даже безъ объясненія причинъ.

Однимъ изъ самыхъ ненормальныхъ явленій въ жизни общества были коммиссіонеры по продажѣ имуществъ. Это были лица, которыя доставляли обществу покупателей на дома, накопившіеся въ рукахъ правленія. Коммиссіонеръ, получая за доставку покупателей вознагражденіе, дѣлился имъ съ членами правленія и членами наблюдательнаго комитета. При дѣлежѣ добычи часто происходили отвратительныя сцены. Такъ, свидѣтель кн. Долгоруковъ присутствовалъ при томъ, какъ два коммиссіонера и три члена наблюдательнаго комитета ссорились изъ-за того, что никакъ не могли подѣлить между собою коммиссіонное вознагражденіе. Сцена, по словамъ свидѣтеля, была грязная и неприличная. Самой интересною личностью изъ коммиссіонеровъ былъ нѣкто Генераловъ, близкій къ директору правленія Шильдбаху. Это — типъ дѣльца, выбившагося изъ ничтожества въ люди. Генераловъ началъ свою карьеру половымъ въ трактирѣ, находившемся въ домѣ покойнаго отца Шильдбаха. Въ моментъ производства слѣдствія по

настоящему дѣлу онъ былъ несостоятельнымъ должникомъ, причемъ въ конкурсѣ, учрежденномъ по его дѣламъ, главнымъ кредиторомъ былъ обвиняемый Шильдбахъ, имѣвшій его вексель въ 10,000 руб. Въ настоящее время онъ является обладателемъ милліоннаго состоянія, по собственному скромному заявленію его на судѣ. Близкій къ нему директоръ Шильдбахъ называетъ его извѣстнымъ мошенникомъ, а другой обвиняемый, директоръ Герике, говоритъ, что его можно купить за 3 рубля.

Вотъ этотъ-то Генераловъ и былъ самымъ дѣятельнымъ коммиссіонеромъ общества. Онъ такъ часто получалъ коммиссіонныя, что это становилось уже неловко, и потому, по совѣту Шильдбаха, Генераловъ скрывается за спиной подставныхъ лицъ, подписывавшихся въ полученіи коммиссіонныхъ, но передававшихъ ихъ Генералову. Чтобы не затруднять каждый разъ своихъ знакомыхъ, Генераловъ бралъ изъ канцеляріи общества чистые бланки ордеровъ и давалъ подписывать своимъ друзьямъ. Затѣмъ уже въ ордера вставлялись суммы, которыя надлежало получить. И хотя ордера были на другое имя, ни касса, ни правленіе не дѣлали Генералову препятствій въ выдачѣ денегъ. Нерѣдко Генераловъ и другіе коммиссіонеры получали вознагражденіе и тогда, когда, собственно, никакой услуги при продажѣ дома не оказывали. Обвиняемый Герике объяснилъ суду, что вознагражденіе въ такихъ случаяхъ выдавалось коммиссіонерамъ для того, чтобъ они не прогоняли покупателей. По его словамъ, всѣ эти Генераловы, ловившіе рыбу въ мутной водѣ, управляющіе заложенными домами и всякіе маклаки, точно голодная и жадная свора собакъ, окружали правленіе, отдѣляя его отъ покупателей. Чтобы прогнать этихъ собакъ, нужно было выбросить имъ коммиссіонный кусокъ.

Обыкновенно коммиссіонеры перехватывали покупателей по дорогѣ въ правленіе. Коммиссіонеры имѣли особые столики на площадкахъ лѣстницы, ведущей въ правленіе. Внизу сидѣла за столикомъ Ида Шильдбахъ, тетушка директора, противъ нея сидѣлъ Лукашевичъ, а на верхней площадкѣ—Генераловъ.

Кромѣ тетушки Шильдбаха, среди дѣятелей кредитнаго общества изъ фамиліи Шильдбаховъ находились К. К. Шильдбахъ, послѣ котораго мѣсто директора занималъ сынъ его, А. К. Шильдбахъ; послѣдняго замѣнилъ братъ его, С. К. Шильдбахъ. Когда С. К. Шильдбахъ становится директоромъ общества, А. К. Шильдбахъ становится предсѣдателемъ общихъ собраній и контролируетъ брата. Это обиліе Шильдбаховъ въ обществѣ дало поводъ повѣренному гражданскаго истца кн. Урусову указать въ своей рѣчи на наслѣдственность должностей и торжество семейнаго начала въ кредитномъ обществѣ. Семейное начало торжествовало не только въ лицѣ Шильдбаха, но и въ лицѣ Генералова. На имя матери послѣдняго Шильдбахъ пріобрѣлъ домъ, который потомъ заложилъ въ частныхъ рукахъ, доставивъ обществу убытокъ въ 27,000 руб., а себѣ пользу въ 80,000 руб. Такимъ же путемъ Шильдбахъ пріобрѣталъ дома и на имя служившей у него въ домѣ гувер-

нантки Соколовой, причемъ дѣло опять не обходилось безъ убытка для общества и прибыли для директора его.

Очень интересны открытыя предварительнымъ и судебнымъ слѣдствіемъ подробности относительно того, какъ составлялись и происходили общія собранія, контролировавшія дѣятельность правленія. Уже при приглашеніи членовъ на общее собраніе принимались всѣ мѣры къ тому, чтобы подобрать дружественную правленію партію. Члены угодные правленію или такіе, на которыхъ оно въ данный моментъ могло разсчитывать, получали не только по одному, но и по три билета и иногда не знали, что съ ними дѣлать. Насколько дружно составлялась сочувствующая правленію партія, видно изъ того, что задолго до собранія по всѣмъ трактирамъ съ увѣренностью сообщали о томъ, кто будетъ избранъ предсѣдателемъ. Такъ, напримѣръ, за три недѣли до собранія было извѣстно, что предсѣдателемъ будетъ г. Шмаковъ. Еще любопытнѣе фактъ, переданный свидѣтелемъ Щепкинымъ, извѣстнымъ городскимъ дѣятелемъ. Однажды были получены изъ Петербурга въ 10 час. утра свѣжіе облигаціонные листы для выдачи заемщикамъ, а *черезъ часъ* они уже были представлены въ кассы отъ лица членовъ-облигаціонеровъ, какъ свидѣтельства на право допущенія ихъ въ общее собраніе. Какимъ образомъ была продѣлана эта фантастическая операція продажи въ теченіе одного часа облигаціонныхъ листовъ десяткамъ лицъ, такъ и не разъяснилось. Другой случай, разсказанный свидѣтелемъ, не менѣе интересенъ. Директоръ Шильдбахъ выдалъ нѣкоему Титову удостовѣреніе, что у него есть облигацій на пять тысячъ, и онъ, слѣдовательно, имѣетъ право избираться. Основываясь на этой распискѣ Шильдбаха, Титовъ потребовалъ отъ общества *свои* пять тысячъ. Пытались пойти съ нимъ на мировую, давали тысячу рублей, но Титовъ отъ *своихъ* денегъ отказаться не хотѣлъ и дѣло дошло до суда.

Картинно изобразили самый ходъ общихъ собраній свидѣтели Вишняковъ, Дриттенпрейсъ и Семенковичъ. Съ внѣшней стороны, на человѣка непосвященнаго въ «тайны кредитнаго общества» собранія эти должны производить впечатлѣніе чего-то шумнаго и безпорядочнаго. На самомъ дѣлѣ шумѣли не зря, а такъ сказать, съ чувствомъ, съ толкомъ и разстановкой. Толпа заемщиковъ была строго дисциплинирована и слушалась команды кредитныхъ воротилъ. По данному, заранѣе условленному, знаку толпа поднимаетъ неистовый шумъ, заглушая голосъ непріятнаго для правленія оратора, или, наоборотъ, радостно апплодируетъ какому-нибудь угодному человѣку. Составъ собранія, разумѣется, былъ самый сѣрый. Въ виду безграмотности большинства, составлявшаго опору правленія, были созданы особые порядки баллотировокъ, предохранявшіе его отъ нежелательныхъ ошибокъ. Баллотировочные ящики ставились не по алфавиту, а по достоинству избираемыхъ: чѣмъ дальше ящикъ, тѣмъ меньше онъ достоинъ благосклоннаго вниманія избирателей. Границей, отдѣлявшей лицъ, угодныхъ правленію, отъ неугодныхъ былъ шандалъ со свѣчами; за этимъ шандаломъ гдѣ находились ящики гг. Пржевальскаго, Расторгуева, Найденова и

др., всегда царила пустота. Самая баллотировка производилась подъ наблюденіемъ, такъ называемыхъ, водильщиковъ, указывавшихъ, куда класть шары.

По остроумному выраженію кн. Урусова, это были не собранія уполномоченныхъ, а комедія «Свои люди—сочтемся», поставленная въ народномъ театрѣ подъ фирмой «Развлеченіе и польза».

Процессъ кредитнаго общества продолжался съ 21 сентября по 4 октября. Приговоромъ судебной палаты виновными признаны директора правленія Цвѣтухинъ, Шильдбахъ и Герике, а Грачевъ и Михайловъ оправданы.

Въ виду этого Шильдбахъ и Герике приговорены къ лишенію всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ и къ ссылкѣ на житье въ Олонецкую губернію.

Кромѣ того, палата постановила ходатайствовать передъ Его Императорскимъ Величествомъ о помилованіи обвиняемаго Герике.

Гражданскіе иски оставлены безъ разсмотрѣнія.

Таковы четыре громкихъ процесса, имѣвшихъ мѣсто въ истекшемъ мѣсяцѣ. Мы не станемъ, конечно, утверждать, что эти процессы даютъ полную картину современной дѣйствительности, но это, безспорно, очень интересные этюды для цѣлой картины. Этотъ молодой графъ-землевладѣлецъ, позволяющій себѣ самое грубое надругательство надъ человѣческой личностью; этотъ тюремный начальникъ, призванный исправлять арестантовъ, а на самомъ дѣлѣ подающій имъ примѣръ безчеловѣчной жестокости; этотъ чиновникъ занимающій видное положеніе, стоящій во главѣ такого отвѣтственнаго дѣла въ цѣлой губерніи и систематически въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ производившій самымъ беззастѣнчивымъ образомъ хищенія и совершенно деморализировавшій своихъ подчиненныхъ; наконецъ, эта плеяда столичныхъ дѣльцовъ, такъ ловко ловившихъ рыбу въ мутной водѣ и такъ нагло, у всѣхъ на глазахъ, совершавшихъ свои операціи, имѣвшія цѣлью перевести общественное достояніе въ ихъ собственные карманы—все это характерные и довольно печальные показатели современной дѣйствительности.

Газеты сообщили двѣ интересныя новости изъ области народнаго просвѣщенія. По инициативѣ военнаго министра ген.-лейт. Куропаткина, особое совѣщаніе изъ профессоровъ военно-медицинской академіи, подъ предсѣдательствомъ начальника ея, проф. Пашутина, обсуждало вопросъ о томъ, возможно ли къ слушанію лекцій въ военно-медицинской академіи допустить также и воспитанниковъ реальныхъ училищъ. Совѣщаніе единогласно высказалось не только за возможность допущенія реалистовъ въ число студентовъ военно-медицинской академіи безъ ущерба научной высотѣ ея занятій, но и за предпочтеніе реалистовъ воспитанникамъ классическихъ гимназій, какъ болѣе подготовленныхъ къ успѣшному слушанію курса военно-медицинской академіи. Что же касается латинскаго языка, то знаніе этого предмета вполнѣ достаточно въ размѣрѣ трехъ классовъ гимназій, въ чемъ и предполагается производить испытанія при поступленіи реалистовъ въ академію.

Другая новость состоитъ въ отмѣнѣ экзаменовъ почти во всѣхъ классахъ кадетскихъ корпусовъ. Экзамены будутъ производиться лишь въ послѣднихъ трехъ классахъ.

Какъ извѣстно, это не первый разъ, что инипіатива различныхъ мѣропріятій въ области народнаго просвѣщенія исходятъ у насъ отъ военнаго министра. Достаточно вспомнить въ этомъ отношеніи примѣръ гр. Милютина.

Впрочемъ, въ настоящемъ случаѣ иниціатива военнаго министерства идетъ навстрѣчу стремленіямъ самого министерства народнаго просвѣщенія, поставившаго на очередь вопросъ о реформѣ средняго образованія. Въ прошлой книжкѣ мы отмѣтили циркуляръ министра народнаго просвѣщенія, предложившій учебнымъ округамъ высказаться по этому вопросу. Въ настоящее время уже извѣстно, въ общихъ чертахъ, мнѣніе коммиссіи, созванной при московскомъ учебномъ округѣ. Коммиссія признала желательнымъ открыть доступъ въ университетъ оканчивающимъ курсъ въ реальныхъ училищахъ, хотя бы на факультеты физико-математическій, естественный и медицинскій, и на всѣ факультеты тѣмъ изъ окончившихъ, которые сдали бы дополнительный экзаменъ по латинскому языку. Кромѣ того, коммиссія рекомендуетъ типъ восьмикласснаго учебнаго заведенія, въ которомъ до 5 класса классики и реалисты учились бы вмѣстѣ, а послѣдующіе три года проводили бы въ спеціальныхъ отдѣленіяхъ. Латинскій языкъ нѣкоторые педагоги предлагаютъ начинать съ 3-го, а греческій съ 5-го класса.

Допущеніе реалистовъ на медицинскій факультетъ и оба отдѣленія физико - математическаго характера является мѣрой какъ нельзя болѣе своевременной. Что реалисты гораздо болѣе подготовлены къ слушанію лекцій на этихъ факультетамъ, чѣмъ гимназисты, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, и недопущеніе ихъ въ студенты можетъ быть объяснено лишь тѣмъ слѣпымъ преклоненіемъ передъ классицизмомъ, которое до сихъ поръ у насъ господствовало. Полная несостоятельность нынѣшней системы признана теперь и самимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, указавшимъ въ недавно изданномъ циркулярѣ, что недостаточное преподаваніе русскаго языка, русской исторіи и русской литературы и слабое ознакомленіе съ окружающей природой, съ одной стороны, и излишнее преобладаніе древнихъ языковъ, не достигающее притомъ цѣлей классическаго образованія, съ другой стороны, лишаютъ школу ея живого и національнаго характера и не даетъ учащимся той подготовки, какая необходима для успѣшнаго слушанія лекцій въ университетѣ.

Мы еще надѣемся вернуться къ вопросу о средней школѣ, а теперь ограничимся горячимъ пожеланіемъ, чтобы нынѣшней системѣ мертвящаго классицизма былъ положенъ конецъ въ ближайшемъ же будущемъ.

Недавно закрывшееся костромское губернское дворянское собраніе постановило возбудить цѣлый рядъ ходатайствъ, изъ которыхъ мы отмѣтимъ только два: о сокращеніи въ гимназіяхъ преподаванія древнихъ языковъ

и расширеніи взамѣнъ этого преподаванія новыхъ языковъ и математики и объ уравненіи наслѣдственныхъ долей сыновей и дочерей.

Какъ извѣстно, нынѣшніе наши законы о наслѣдованіи женщинъ ведутъ свое происхожденіе отъ помѣстной системы. Помѣстная система давно пала, давно исчезли и причины вызвавшія ее, въ видѣ необходимости раздавать служилымъ людямъ, за отсутствіемъ денегъ, помѣстья, а созданный въ то время законъ о наслѣдованіи женщинъ еще продолжаетъ существовать. Несправедливость этого закона, признающаго ближайшими наслѣдниками послѣ родителей сыновей и предоставляющаго дочерямъ лишь «указныя части» въ размѣрѣ $^1/_{14}$ изъ недвижимаго имущества и $^1/_8$ изъ движимаго, очевидна. Онъ не соотвѣтствуетъ ни правовымъ понятіямъ общества, ни тому положенію, которое занимаетъ женщина въ современной семьѣ. Западно-европейское законодательство давно уже уравняло дочерей въ правѣ наслѣдованія съ сыновьями, и нашъ законъ является явнымъ анахронизмомъ, отмѣна котораго будетъ встрѣчена обществомъ съ живѣйшимъ сочувствіемъ.

Газеты много говорятъ о рѣчи вновь назначеннаго директора сумской гимназіи. «Выпускные воспитанники,—сказалъ директоръ,—должны знать, что не всѣ изъ нихъ попадутъ въ университеты по окончаніи гимназическаго курса: попавшіе три раза въ кондуитную книгу окажутся за бортомъ академической жизни. По отношенію къ оканчивающимъ будутъ примѣняться чрезвычайныя мѣры строгости: то, что позволено воспитанникамъ другихъ классовъ, можетъ быть запрещено имъ; за малѣйшее проявленіе критическаго отношенія къ распоряженіямъ начальства имъ грозитъ исключеніе изъ учебнаго заведенія или, въ лучшемъ случаѣ, занесеніе въ кондуитъ».

По этому поводу *Биржевыя Вѣдомости* замѣчаютъ, что директоръ сумской гимназіи такъ дополнилъ и разъяснилъ циркуляръ министра народнаго просвѣщенія о доставленіи въ высшія учебныя заведенія подробныхъ *характеристикъ* кончающихъ курсъ молодыхъ людей. Газета надѣется, однако, что «нѣкоторыя указанія директора предназначены лишь для устрашенія гимназистовъ и являются собственнымъ выводомъ его изъ чтенія циркуляра, а вовсе не категорически выраженнымъ взглядомъ министерства на пріемъ учащихся въ высшія учебныя заведенія.

«Зная, какъ легко попасть въ кондуитъ, нельзя допустить, чтобы троекратная запись фамиліи въ этой гимназической книгѣ живота навсегда лишала человѣка доступа къ высшему образованію, стремленіе къ которому выразилось у ученика съ достаточной ясностью въ многолѣтнихъ усиліяхъ одолѣть бездну классической премудрости. Въ кондуитную книгу попадаютъ и за куреніе, и за ослушаніе, и за посѣщеніе увеселительнаго сада, и за всякую другую провинность, хотя бы и не имѣющую существеннаго значенія. Придать этимъ и подобнымъ проступкамъ принципіальный характеръ, усмотрѣть въ нихъ злую волю и чуть ли не опасность виновныхъ для государства,—ибо чѣмъ же иначе объяснить воспрещеніе имъ доступа

въ университетъ,—значитъ идти какъ разъ въ противоположную сторону отъ тѣхъ воспитательныхъ задачъ, которыя поставилъ себѣ новый глава министерства народнаго просвѣщенія.

«Не надо забывать, что министерство выразило порицаніе формальному отношенію педагоговъ къ воспитываемымъ. Не противорѣчитъ ли этому строго нормированное число кондуитныхъ записей?

«Наконецъ, «малѣйшее проявленіе критическаго отношенія къ распоряженіямъ начальства,—какъ говорилъ директоръ сумской гимназіи,—будетъ грозить исключеніемъ или только въ лучшемъ случаѣ занесеніемъ въ кондуитъ». А между тѣмъ у взрослаго, а особенно у юноши, это «критическое отношеніе» къ тому или другому распоряженію, иногда и въ самой безобидной формѣ, является простымъ порывомъ.

«Если гимназія не только учитъ, но и воспитываетъ, нельзя примѣнять въ ней драконовскихъ мѣръ по одному расписанію. Если студенты признаются незрѣлыми для государственной и общественной жизни, то тѣмъ болѣе мягкія педагогическія мѣры, лишенныя чиновничьяго формализма и узкой педантичности, должны найти себѣ мѣсто въ средней школѣ» *).

Мнѣніе *Биржевыхъ Вѣдомостей* раздѣляютъ *Русскія Вѣдомости* (№ 271) и *Сынъ Отечества* (№ 268), да и нельзя ихъ не раздѣлять людямъ, не пренебрегающимъ Амосомъ Коменскимъ, Локкомъ, Песталоцци, Пироговымъ... Директоръ сумской гимназіи желаетъ обратить восьмой классъ гимназіи въ какую-то исправительную роту; но это желаніе находится въ полномъ противорѣчіи съ призывомъ министерства народнаго просвѣщенія къ единенію школы съ семьею. Любопытно знать, запись въ кондуитъ съ такими уголовными послѣдствіями будетъ ли производиться съ вѣдома родителей, будетъ ли имъ предоставлено право представлять объясненія въ защиту своихъ дѣтей?

Въ газетахъ появилось извѣстіе, что 13 октября исполняется тридцатипятилѣтіе педагогической и литературной дѣятельности Виктора Петровича Острогорскаго. Отсылаемъ читателей, недостаточно знакомыхъ съ заслугами этого почтеннаго дѣятеля, къ прекрасной статьѣ Д. И. Тихомирова **). Какъ сообщаетъ *Курьеръ*, въ Петербургѣ среди учениковъ и учѳницъ В. П. Острогорскаго возникла мысль образовать общество попеченія о народной школѣ въ г. Валдаѣ (съ мастерскими), основанной на средства заслуженнаго педагога, для обезпеченія существованія и расширенія этой школы,—мысль въ высшей степени симпатичная. *Русская Мысль* желаетъ стойкому борцу за гуманные воспитательные идеалы долгихъ лѣтъ плодотворнаго труда.

---

4 октября исполнилось 25 лѣтъ съ начала публицистической дѣятельности одного изъ наиболѣе даровитыхъ и симпатичныхъ нашихъ писателей, Григорія Аветовича Джаншіева. Въ отвѣтъ на многочисленныя привѣтствія,

*) *Биржевыя Вѣдомости*, № 267.

**) *В. П. Острогорскій. Педагогическій Листокъ*, октябрь 1899 г.

имъ полученныя, г. Джаншіевъ напечаталъ въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* и въ *Курьерѣ* слѣдующее письмо:

„Въ послѣдніе дни получено мною, по случаю исполнившагося 4 октября двадцатипятилѣтія моей литературной работы, изъ Москвы и съ разныхъ концовъ Россіи значительное количество привѣтствій и благопожеланій. Не имѣя, къ сожалѣнію, возможности отвѣчать каждому въ отдѣльности, позвольте черезъ посредство вашей газеты сказать два слова лицамъ и учрежденіямъ, почтившимъ меня своимъ вниманіемъ.

Я далекъ отъ мысли понимать буквально и „расписаться въ полученіи" тѣхъ преувеличенныхъ восхваленій, панегирическихъ оцѣнокъ, кои обычны и даже, смѣю сказать, извинительны въ подобныхъ случаяхъ. Къ юбилярамъ, мнѣ кажется, еще болѣе чѣмъ къ покойникамъ примѣнимо правило: aut bene, aut nihil. А затѣмъ, право же, недуренъ обычай въ 25 лѣтъ разъ давать человѣку пережить нѣсколько мгновеній иллюзію порядочно исполненнаго общественнаго долга. Сердечное спасибо моимъ поздравителямъ, давшимъ мнѣ возможность предаться на время этому сладкому, но „насъ возвышающему обману" или, вѣрнѣе, самообману.

Особо долженъ я упомянуть о горячихъ привѣтствіяхъ, полученныхъ мною въ качествѣ редактора *Братской помощи пострадавшимъ въ Турціи армянамъ* и въ частности отъ турецкихъ армянъ-переселенцевъ, нашедшихъ временный покой въ Россіи послѣ ужасающаго турецкаго разгрома. По долгу чести я, согласно правилу suum cuique, вмѣняю себѣ въ пріятную обязанность эти глубоко-прочувствованныя привѣтствія передать по принадлежности: русской интеллигенціи и всѣмъ добрымъ людямъ, отозвавшимся на безмѣрныя бѣдствія многострадальныхъ армянъ. Трудомъ и просвѣщеннымъ сочувствіемъ русскихъ публицистовъ, ученыхъ, литераторовъ страница за страницей созидался, при немаловажныхъ препятствіяхъ, обширный литературный матеріалъ, составившій громадный томъ *Братской помощи* въ 1,000 страницъ, пролившій свѣтъ на положеніе армянъ. Нашлось, къ счастію, достаточно безпристрастныхъ и добрыхъ людей, которые, несмотря на обильно распространяемые, по невѣжеству и злобѣ, насчетъ армянъ злостныя обвиненія, протянули руку помощи 50,000 сиротъ, оставленныхъ страдальцами за вѣрность вѣрѣ христіанской.

Отъ этихъ доброхотныхъ даяній накопилась сумма, хотя и ничтожная сравнительно съ необъятными размѣрами бѣдствія, но сама по себѣ достаточно великая (валовой сборъ достигъ 66,870 р. 26 к., чистый—53,175 р. 95 к.), чтобы хотя отчасти облегчить бѣдствія жертвъ безпримѣрныхъ злодѣяній. Вотъ къ нимъ собственно, къ этимъ добрымъ участникамъ *Братской помощи*, трудами и пожертвованіями своими способствовавшимъ ея цѣли (35,000 руб. высланы въ россійское посольство въ Константинополѣ для устройства семи армяно-русскихъ пріютовъ и 15,840 руб. для пропитанія голодающихъ) и должны относиться тѣ выраженія горячей признательности, коими преисполнены привѣтствія отъ турецкихъ армянъ. „Взоры наши и упованія покинутыхъ нами на разоренной родинѣ нашей родныхъ братьевъ и сестеръ нашихъ,—пишутъ пріютившіеся въ Крыму переселенцы,—обращены къ сѣверу; отъ васъ и отъ вашихъ великодушныхъ и человѣколюбивыхъ интеллигентныхъ сотрудниковъ, отъ русскихъ братьевъ добросердечной Россіи ждемъ истинно-братской помощи; вѣдь только по мановенію руки могущественной Россіи водворился въ нашемъ злосчастномъ отечествѣ наружный миръ и спокойствіе... Но если наше невыносимое положеніе продлится еще, то армянское населеніе обречено на гибель"...

Въ заключеніе считаю долгомъ принести живѣйшую благодарность поздравителямъ, коимъ угодно было внести по случаю моей литературной годовщины болѣе или менѣе значительныя пожертвованія въ пользу армянскихъ сиротъ, призрѣваемыхъ въ армяно-русскихъ пріютахъ *Братской помощи* въ Турціи, и тѣмъ сдѣлать для меня воспоминаніе о моемъ скромномъ праздникѣ вдвойнѣ радостнымъ.

Покорнѣйше прошу изданія, сочувствующія цѣлямъ *Братской помощи*, не отказать въ перепечаткѣ настоящаго моего заявленія".

Гр. Джаншіевъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Октябрь 1899 года.

Содержаніе. I. **Книги:** Беллетристика.—Публицистика.—Философія, психологія, педагогика.—Исторія.—Антропологія.—Политическая экономія, статистика.—Сельское хозяйство.—Медицина.—Книги для народа.—Справочныя книги. II. **Періодическія изданія:** Сборникъ журнала «Русское Богатство».—«Русское Богатство», *августъ.*—«Вѣстникъ Европы», *сентябрь.* **III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1-го сентября по 1-е октября 1899 г.**

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Мечты и жизнь“. *Райскаго.*—„Повѣсти и разсказы“. *Н. Телешева.*

Мечты и жизнь. Райскій. Спб., 1899 г. Ц. 1 р. Въ сборникъ подъ этимъ заглавіемъ вошло двадцать разсказовъ разной величины и достоинства. Языкъ и юморъ автора не отличаются безукоризненностью. Дѣйствующія лица перваго разсказа *Друзья* называются, напримѣръ, Яковомъ Ивановичемъ Вихляевымъ и Иваномъ Яковлевичемъ Слюняевымъ. Таланты героя разсказа *Эффи* „побѣдили ея робкую натуру, предназначавшую себя для одного труда“; „Потъ выступилъ на лбу Ильи, а у Матрены прошибли слезы“; „Прошелъ день, другой, къ нему вернулся покой, а съ нимъ и волненіе“; „Но, подъѣзжая къ дому, къ радости этой стала примѣшиваться грусть разлуки одиночества“, и т. д. Разсказы читаются легко, съ интересомъ, яркихъ образовъ авторъ не даетъ, но нѣкоторыя лица, напримѣръ жена Сергѣя Петровича Звягина *(Осенніе идеалы)*, Сергѣй Щелчковъ *(Непомнящій родства)* очерчены живо и не безъ таланта. Но серьезно разбирать книгу г. Райскаго нѣтъ основанія.

Повѣсти и разсказы. Н. Телешева. М., 1899 г. Ц. 1 р. Значительное число разсказовъ г. Телешева посвящено жизни переселенцевъ, которую онъ хорошо знаетъ и тепло описываетъ. Передъ читателемъ встаютъ несчастныя дѣти, покинутыя родителями или оставшіяся на пути круглыми сиротами. Таковъ Семка, убѣжавшій изъ барака (родители его умерли отъ тифа) и шагающій въ *Расею* (онъ не зналъ ни губерніи, ни уѣзда, въ которомъ лежитъ его родное село). Еще болѣе тяжелое впечатлѣніе производитъ разсказъ *Нужда.* На берегу сибирской рѣки въ семьѣ переселенца опасно боленъ ребенокъ. Давно уже переселенцы ждутъ парохода съ баржами. Онъ, наконецъ, приходитъ. Но съ больнымъ ребенкомъ на баржу не пропустятъ, остаться же значитъ пропустить очередь, ждать еще недѣли, голодать, въ конецъ разориться. И отецъ съ матерью покидаютъ больного ребенка...

Грустное впечатлѣніе производитъ разсказъ совсѣмъ изъ другого быта *Дуэль.* Сильнѣе всякихъ разсужденій говоритъ онъ противъ этой

звѣрски регулированной мнимой защиты чести. Немного растянутъ, но оригиналенъ и талантливо написанъ *Маленькій романъ*. Къ богатому холостяку зять его привозитъ двухъ маленькихъ дѣтей, а самъ уѣзжаетъ (мамаша убѣжала за границу съ какимъ-то, по выраженію брошеннаго мужа, нигилистомъ, и рыцаремъ, и негодяемъ, и порядочнымъ человѣкомъ). Мало-помалу ребятки притягиваютъ къ себѣ дядю, передѣлываютъ его жизнь, очищаютъ душу. Но и дѣвочка, и мальчикъ умираютъ отъ дифтерита, и это является тяжкимъ ударомъ для Березина. Онъ уѣзжаетъ за границу съ своею любовницею, доброю и хорошею, запутавшеюся въ холостой кутящей компаніи женщиною, и впереди предстоитъ серьезная семейная жизнь этой пары.

Очень хорошъ разсказъ *Ошибка барина*. Баринъ Василій Ивановичъ по ошибкѣ взялъ изъ крестьянской семьи не своего незаконнаго сына и началъ его по-барски воспитывать. Ошибка обнаружилась и изъ ея жертвы вышелъ несчастный пропойца. Нѣсколькими чертами талантливо изображенъ въ этомъ разсказѣ монахъ отецъ Досиѳей.

Менѣе удаются г. Телешеву разсказы на психологическія темы, на философскія проблемы *(Жертвы жизни)*. Въ общемъ книга г. Телешева оставляетъ очень пріятное впечатлѣніе литературною порядочностью и искреннею гуманностью. Обращаемъ вниманіе автора на нѣкоторые недостатки его языка: „Онъ не хотѣлъ вѣрить словамъ зятя, и *подозрѣніе сестры* его возмущало“ (подозрѣвала не сестра: ее подозрѣвали); „*По пріѣздѣ къ квартирѣ*, Александръ Ивановичъ“... „а глаза онъ *вертѣлъ* кулаками“. Авторъ скажетъ, что это мелочи, къ которымъ не стоитъ придираться. Мы и не придираемся, а замѣчаемъ только, что долгъ писателя беречь чистоту родного языка.

ПУБЛИЦИСТИКА.

„Трудовая помощь, ея основанія, задачи и важнѣйшія формы“. *Филантропа*.— „Отчетъ дирекціи херсонской общественной библіотеки за 1898 г. и протоколы общихъ собраній“.—„Отчетъ общества по устройству народныхъ чтеній въ г. Тамбовѣ и Тамбовской губ. за 1897—98 г. и докладъ о нормальныхъ каталогахъ для народныхъ библіотекъ“.

Трудовая помощь, ея основанія, задачи и важнѣйшія формы. Филантропа. Изъ журнала „Трудовая Помощь“ (октябрь, ноябрь и декабрь 1898 г.). Въ небольшой книжкѣ, служащей предметомъ нашего разбора, авторъ сумѣлъ сжато и сильно скомбинировать тѣ данныя, на которыхъ зиждется современная трудовая помощь. Чтобы выяснить помощь и неотложную ея необходимость, г. Филантропъ воспользовался статьей г. Тернера въ іюльской книжкѣ *Вѣстника Европы* и съ ея помощью даетъ яркую картину экономическаго положенія низшихъ классовъ въ городѣ и деревнѣ. Собственно говоря, эта тема уже въ значительной степени разработана. Увеличивающаяся податная задолженность, уменьшенное потребленіе хлѣба, уменьшеніе скотоводства, тяжелое во всѣхъ отношеніяхъ положеніе сельско-хозяйственныхъ рабочихъ на отхожихъ промыслахъ — все это настолько извѣстно, что автору оставалось только по возможности кратко повторить главнѣйшія данныя по этимъ вопросамъ. Между прочимъ, онъ указываетъ на то, что „средній заработокъ на фабрикахъ и заводахъ центральнаго района опредѣляется въ 179 руб. въ годъ на рабочаго. Для большинства послѣднихъ эта сумма составляетъ единственный рессурсъ всей семьи. При среднемъ же составѣ семьи въ странѣ въ 6 душъ выходитъ, что

на ѣдока приходится всего 30 р. въ годъ". Между тѣмъ „фунтъ хлѣба стоитъ 2—3 коп.; слѣдовательно, весь заработокъ долженъ уходить только на одинъ хлѣбъ" (стр. 16). Слѣдствіемъ такого по-истинѣ ужаснаго положенія является повышеніе процента смертности отъ медленнаго истощенія. Земельные надѣлы уменьшаются; количество скота тоже; средняя продолжительность жизни и „рабочаго періода" очень значительно сокращается; число людей непригодныхъ къ военной службѣ возрастаетъ съ каждымъ годомъ; каждый новый сборъ урожая вызываетъ опасенія громадныхъ бѣдствій. Все это заставляетъ вдумчиво и серьезно отнестись къ вопросу о трудовой помощи, искать вѣрныхъ средствъ для борьбы съ призракомъ обѣднѣнія и нищеты цѣлой націи. Авторъ вполнѣ справедливо замѣчаетъ, что въ этомъ дѣлѣ необходимо соединеніе государственныхъ мѣропріятій и общественной самодѣятельности въ широкомъ смыслѣ, тѣмъ болѣе, что между тѣмъ и другимъ нѣтъ принципіальнаго различія: мѣры общественной и частной благотворительности часто незамѣтно переходятъ въ мѣры соціальныя и наоборотъ. Разумѣется, въ данномъ случаѣ необходимо помнить о томъ, что простая благотворительность и радикальное измѣненіе условій, порождающихъ явленія крайней нужды—двѣ совершенно различныя вещи; но какъ бы то ни было авторъ вполнѣ правъ, утверждая, что между дѣятельностью государственной и общественной иниціативой при правильномъ пониманіи ихъ задачъ не должно быть никакого антагонизма, что „государство необходимо должно оказывать извѣстное довѣріе общественнымъ силамъ и предоставлять имъ возможность иниціативы въ этомъ дѣлѣ.

Приводя историческія справки и параллельныя указанія на постановку трудовой помощи на Западѣ, г. Филантропъ приходитъ къ заключенію, что благотворительность все болѣе и болѣе переходитъ въ мѣры предупредительныя, что она уже не довольствуется простою раздачей милостыни, которая не только не является мѣрою радикальной, но даже часто оказывается вредной.

Безработица, одно изъ страшнѣйшихъ и опаснѣйшихъ явленій въ современномъ промышленномъ строѣ, нуждается въ цѣломъ рядѣ мѣропріятій для искорененія (хотя бы лишь отчасти) порождающихъ ее условій. Для этой цѣли служатъ: 1) Посредническія по найму рабочихъ бюро и конторы; дома трудолюбія; общественныя работы и мастерскія. 2) Учрежденія для выдачи въ ссуду или безвозвратно рабочихъ инструментовъ и матеріаловъ; организація сбыта произведеній и заказовъ.

Многія изъ этихъ средствъ, какъ показалъ опытъ, бываютъ удачны лишь тогда, когда примѣняются къ мѣстнымъ потребностямъ и условіямъ и когда дѣятелями въ этомъ исправленіи являются люди компетентные, такъ сказать, знатоки характерныхъ особенностей извѣстнаго района. Вообще средства эти дѣйствительны именно при полной солидарности государства и общества. Авторъ говоритъ: „Крупныя общественныя работы едва ли могутъ сдѣлаться предметомъ частной благотворительности; скорѣе онѣ должны входить въ кругъ дѣятельности земскихъ и городскихъ учрежденій, которыя, однако, при недостаткѣ своихъ средствъ могутъ осуществлять ихъ лишь при содѣйствіи центральныхъ государственныхъ учрежденій.

Къ перечисленнымъ формамъ трудовой помощи, возстанавливающимъ и поддерживающимъ трудовую жизнь, необходимо присоединить другія: устраненіе условій, препятствующихъ этой жизни. Эти условія распадаются на внѣшнія, такъ сказать, физическія и внутреннія, по пре-

имуществу моральныя; къ первымъ принадлежитъ санитарная и гигіеническая обстановка рабочаго населенія, ко вторымъ нужно отнести главнымъ образомъ тѣ отрицательныя вліянія, которыя разрушаютъ жизнь путемъ алкоголизма, разврата и проч. Для борьбы съ первыми авторъ указываетъ цѣлый рядъ учрежденій уже существующихъ у насъ и на Западѣ, гдѣ нѣкоторыя успѣли развиться широко и плодотворно. Таковы, наприм., дома дешевыхъ и здоровыхъ квартиръ, временные бараки для переселенцевъ и отхожихъ промышленниковъ, питательныя станціи, дешевыя столовыя, чайныя и проч. Для борьбы съ неблагопріятными моральными условіями существуетъ сильное оружіе—устройство разумныхъ и дешевыхъ развлеченій. Въ этомъ отношеніи очень интересна и поучительна приводимая г. Филантропомъ „Исторія петербургскаго Невскаго общества".

При современныхъ условіяхъ трудовая жизнь требуетъ, кромѣ того, закрѣпленія и развитія такихъ организацій, которыя помогли бы рабочему населенію переносить временныя затрудненія и кризисы: необходима широкая организація взаимопомощи: потребительныя общества, похоронныя кассы, кассы взаимопомощи, потребительныя и другія ассоціаціи и т. д.

Трудовая помощь необходима, путь намѣченъ. Нужны только люди, нужна любовь и преданность хорошему дѣлу.

Можемъ смѣло рекомендовать интересующимся книгу г. Филантропа. Теоретическія положенія и практическое ихъ осуществленіе, рядъ историческихъ справокъ и указаній собраны въ этомъ трудѣ въ ясное и стройное цѣлое, одушевленное глубокою любовью автора къ своей нелегкой задачѣ.

Отчетъ дирекціи Херсонской общественной библіотеки за 1898 г. и протоколы общихъ собраній. Истекшій 1898 годъ дирекція Херсонской общественной библіотеки признаетъ наиболѣе удачнымъ изъ всѣхъ 26 лѣтъ ея существованія. Благодаря новому, открытому 21 декабря 1897 года собственному помѣщенію съ обширнымъ читальнымъ заломъ дѣятельность библіотеки значительно расширилась: число посѣщеній достигло 26,173 (на 4,473 больше, чѣмъ въ самомъ благопріятномъ въ этомъ отношеніи 1896 году), доходы возросли до 2,200 руб. и пріобрѣтено значительное количество новыхъ книгъ.

Въ настоящее время Херсонская общественная библіотека можетъ считаться одною изъ самыхъ дѣятельныхъ и богатыхъ въ провинціи. Она выписываетъ по нѣскольку экземпляровъ всѣхъ русскихъ періодическихъ изданій и нѣсколько иностранныхъ. Судя по отчету, администрація тщательно слѣдитъ за читателями, такъ сказать, изучаетъ ихъ и стремится по возможности удовлетворить всѣ требованія.

Отчетъ общества по устройству народныхъ чтеній въ г. Тамбовѣ и Тамбовской губерніи за 1897—98 гг. и докладъ о нормальныхъ каталогахъ для народныхъ библіотекъ. Тамбовская губернія въ дѣлѣ народнаго образованія считается въ числѣ передовыхъ. Внѣшкольное образованіе сосредоточено главнымъ образомъ въ вѣдѣніи названнаго общества, состоящаго изъ 139 членовъ и располагающаго довольно значительными средствами. Дѣятельность общества разнообразна и широка. Не довольствуясь простымъ выполненіемъ одной задачи — устройства народныхъ чтеній, оно завѣдуетъ „Нарышкинскою безплатною народною читальней", „выдачной" библіотекой при этой читальнѣ, „особой библіотекой", ея художественнымъ отдѣленіемъ, музеемъ и книжнымъ складомъ, устраиваетъ безплатныя библіотеки при

сельскихъ школахъ. Выборомъ книгъ и ихъ распредѣленіемъ по учрежденіямъ общества завѣдуетъ редакціонная коммиссія, разсмотрѣвшая въ истекшемъ году 174 книги. Другой отдѣлъ—справочный, занимается изученіемъ дѣла народнаго образованія въ Россіи, изыскиваетъ средства и пріемы, пригодные для района Тамбовской губерніи. Судя по даннымъ отчета, дѣятельность этого отдѣла, расширяясь, становится все болѣе плодотворной. Въ настоящее время онъ занимается „изслѣдованіемъ всего, что дѣлается въ Тамбовской губерніи для внѣшкольнаго образованія народа". Это изслѣдованіе производится путемъ особыхъ бланковъ, заключающихъ 32 вопросныхъ пункта. Къ нимъ прибавляются другіе бланки для опроса читателей объ отдѣльныхъ книгахъ беллетристическаго содержанія. Такимъ путемъ общество получитъ возможность составить полную картину внѣшкольнаго образованія въ Тамбовской губерніи.

Особенно интересны свѣдѣнія, собранныя отъ посѣтителей чтеній, которыхъ въ 1897—98 г. на 92 чтеніяхъ въ г. Тамбовѣ было 54,582 мужчинъ и женщинъ. Число слушателей на 1,969 чтеніяхъ въ деревняхъ не указано.

Къ отчету приложенъ докладъ о нормальныхъ каталогахъ для народныхъ библіотекъ,—трудъ 8 лицъ изъ редакціонной коммиссіи. Составлены каталоги на разныя цѣны и по различнымъ отдѣламъ.

ФИЛОСОФІЯ, ПСИХОЛОГІЯ, ПЕДАГОГИКА.

„Aphorismes et fragments choisis par Henri Lichtenberger. Friedrich Nietzsche".—„Общественные идеалы Рёскина". *Дж. Гобсона.* Изд. т—ва „Знаніе".—„Джонъ Рёскинъ какъ соціальный реформаторъ". *Дж. Гобсоса.* Изд. Солдатенкова.—„Очерки психологіи". *Э. Б. Тиченера.*—„Новое воспитаніе". *Э. Демолена.*

Aphorismes et fragments choisis par Henri Lichtenberger, professeur de littérature étrangère à l'Université de Nancy. Friedrich Nietzsche. Paris, 1899. Pr. 2 fr. 50. Эта книга, выпущенная авторомъ вслѣдъ за его извѣстной монографіей о философіи Ницше, представляетъ собою сборникъ афоризмовъ и избранныхъ мѣстъ изъ сочиненій геніальнаго безумца. Отрывки выбраны очень искусно, всѣ они хорошо переведены и даютъ въ общемъ яркіе и типичные образчики мышленія и стиля Ницше. Имъ предшествуютъ краткій, но содержательный очеркъ о жизни и внутреннемъ мірѣ творца Заратустры. Мы намѣтимъ въ крупныхъ штрихахъ его существенное содержаніе.

Спокойно и тихо протекала юность Ницше въ университетской атмосферѣ Бонна и Лейпцига. Тамъ онъ учился, а затѣмъ, съ 1869 г., въ качествѣ профессора Базельскаго университета, сталъ учить другихъ. Десять лѣтъ провелъ онъ на каѳедрѣ, въ мирномъ уголкѣ знанія, создавалъ свои первыя философскія и литературныя творенія, отдыхалъ въ путешествіяхъ по Швейцаріи и Италіи. Эту жизнь труда и науки прервала только война 1870 г.: Ницше принялъ въ ней добровольное участіе какъ санитаръ, и онъ, будущій врагъ состраданія, ухаживалъ за ранеными, за тѣми, кто страдалъ. Но это продолжалось немного времени, потому что онъ самъ заболѣлъ предвѣстницей той болѣзни глазъ и желудка, которая въ 1879 г. заставила его отказаться отъ должности профессора.

Характеръ Ницше вполнѣ гармонировалъ тогда съ его скромнымъ существованіемъ ученаго труженика. Не было въ немъ ничего рево-

люціоннаго, никакого протеста, была только искренность и доброта, глубокое религіозное чувство, тонкій вкусъ и любовь къ красотѣ, отвращеніе ко всякой физической и нравственной вульгарности. Непобѣдимая моральная опрятность дѣлала его очень осторожнымъ въ знакомствахъ, и онъ жилъ уединенно, съ матерью и сестрой, съ избранными друзьями. Въ этомъ тѣсномъ кругу находила себѣ проявленіе нѣжность, которой всегда было богато его сердце; въ этомъ кругу и онъ встрѣчалъ родную женскую ласку, которую всегда цѣнилъ выше всего на землѣ. Его внутреннее развитіе совершалось безбурно, и ничто не предвѣщало о грядущемъ переворотѣ. Отдѣльные инстинкты и влеченія его природы не вступали въ борьбу между собою; въ его утонченной, но вполнѣ нормальной душѣ не было анархіи и раскола; аккордомъ равновѣсія и единства сливались его интересы ученаго и его симпатіи художника.

И вдругъ—умственная катастрофа, и цѣльный міръ разбитъ въ дребезги. Ослѣпительный фейерверкъ парадоксовъ, разверзается глубина дерзновенной мысли, звучитъ неподражаемая мелодія чарующаго слова, потомъ надвигается безуміе, какъ огни послѣ пира гаснутъ одна за другою смѣлыя идеи, наступаетъ полная и безнадежная тьма.

Ницше одинаково страстно утверждалъ и отрицалъ, вѣрилъ и кощунствовалъ. Онъ жаждалъ любить и покланяться, горячо молился своему идеалу, восторженно защищалъ свои упованія; но съ такой же энергіей и паѳосомъ выступалъ онъ и противъ людей, и противъ ученій, никогда не льстилъ, зналъ высокій героизмъ откровенности. Ему были равно близки и панегирикъ, и сатира, гимнъ и поношеніе. Шопенгауэръ раскрылъ передъ нимъ новыя страны духа, Вагнеръ далъ ему упоеніе своею музыкой, и Ницше благоговѣйно склонился передъ ними. Но потомъ, когда онъ разочаровался въ мысляхъ философа и въ звукахъ композитора, не было той насмѣшки, которой онъ не бросалъ бы въ лицо своимъ прежнимъ кумирамъ.

Міросозерцаніе Ницше вышло изъ нѣдръ шопенгауэрской метафизики, но въ знаменательную противоположность ей оно завершилось не безотрадною проповѣдью пессимизма, а юношескимъ призывомъ къ жизни и ея утѣхамъ. Дѣйствительно, утверждаетъ Ницше, человѣкъ высокаго развитія всегда будетъ интеллектуальнымъ пессимистомъ: онъ не подчинится никакой утѣшительной иллюзіи, онъ узнаетъ, что природа—грубая и часто злобная сила, что исторія жестока и безсмысленна, что люди фатально осуждены на горе. Но это обладаніе истиной не выродится въ безсиліе и жажду смерти: нѣтъ, такой человѣкъ увидитъ благо не въ томъ, что уменьшаетъ сумму міровыхъ страданій, а въ томъ, что дѣлаетъ жизнь болѣе яркой, интенсивной, прекрасной, болѣе достойной жизни. И не въ помощи слабымъ и низкимъ заключается наша миссія: напротивъ, мы должны способствовать тому, чтобы надъ сѣрою массой посредственности поднялась геніальная личность, чтобы изъ милліонной человѣческой толпы выдвинулся одинъ великій индивидуумъ. Ибо для нихъ, для этихъ единичныхъ экземпляровъ, для этого цвѣта человѣчества, существуетъ міръ, и въ нихъ имѣетъ онъ свой смыслъ и оправданіе. Если рожденіе геніальности должно быть куплено цѣною страданія; если культура требуетъ жертвъ, то во имя прогресса мы должны равнодушно отнестись и къ своему собственному, и къ чужому страданію. Пессимизмъ Шопенгауэра и связанная съ нимъ мораль состраданія создали анемичныхъ, жалкихъ, вырождающихся людей, которые боятся боли, боятся яркой жизни и думаютъ только

о томъ, чтобы не ушибиться о какой-нибудь выступъ судьбы. Филистеры и декаденты, современные люди окутали дѣйствительность мглою пессимизма, работаютъ надъ уменьшеніемъ зла, вмѣсто того, чтобы жить всею полнотой жизненныхъ силъ и влеченій. Здоровый человѣкъ долженъ вырвать изъ своей души бурьянъ пессимизма, какъ онъ долженъ удалить изъ своего тѣла всѣ ядовитые соки.

Во всемъ, въ христіанствѣ и аскетизмѣ, въ соціальномъ движеніи, въ культѣ науки, во всемъ чувствовалъ Ницше какой-то привкусъ пессимизма. И желая уничтожить его, желая усилить жизненный пульсъ своихъ современниковъ, онъ поневолѣ долженъ былъ разрушать, а не строить, онъ долженъ былъ ниспровергать освященные вѣками идолы общества. Вотъ почему онъ и казался какимъ-то демономъ отрицанія, Мефистофелемъ современности, и почти никто не видѣлъ, какъ подъ этой обманчивою пеленой бьется горячая любовь къ жизни.

Этотъ періодъ ожесточенной борьбы съ аскетическимъ и мрачнымъ воззрѣніемъ на дѣйствительность нашелъ себѣ особенно яркую литературную форму въ годы 1876—1882, когда Ницше сильно страдалъ отъ своей болѣзни и когда онъ въ то же время окончательно переходилъ по ту сторону добра и зла. Три года, начиная съ 1879, былъ онъ между жизнью и смертью, затѣмъ поправился и одну за другой сталъ посылать въ міръ свои зажигательныя книги. „Великій вопрошающій въ философіи", какъ его назвалъ Риль, Ницше подвергалъ тогда осмѣянію и безпощадной критикѣ всѣ авторитеты и мужественно призывалъ къ независимости. Но и тогда не изсякала его нѣжность и его привязанность къ людямъ. Будьте тверды, будьте жестоки—училъ Заратустра—будьте тверды, какъ алмазъ, какъ рѣзецъ ваятеля, если вы хотите достигнуть истиннаго величія. Но въ этомъ завѣтѣ не слышится злобы и себялюбія. Ницше не эгоистъ, онъ скорѣе—антиподъ эгоизма. Онъ потому противникъ состраданія, что оно часто бываетъ искушеніемъ и опасностью, надъ которыми надо возвыситься,—иначе они погубятъ и субъектъ, и объектъ жалости. Изъ воска состраданія нельзя вылѣпить той твердыни, которая необходима для жизни. Не отсутствіе, а избытокъ настоящей любви къ людямъ заставлялъ Ницше бороться противъ изнѣживающей власти состраданія. Его кроткое сердце никогда не ожесточалось до такой степени, чтобы призывать горе и муки на дорогое для него человѣчество.

Въ своихъ тревожныхъ исканіяхъ, въ своемъ разладѣ между утвержденіемъ и отрицаніемъ, между строеніемъ и критикой, Ницше дошелъ до положительной религіи — религіи сверхчеловѣка. Этотъ грандіозный образъ онъ противопоставлялъ той средней человѣческой величинѣ, которой измѣряются всѣ люди. Нынѣшнія цѣнности должны быть перечеканены, и это будетъ сдѣлано въ дальнѣйшемъ ходѣ міровой эволюціи. Не по прямой линіи, а по неизмѣримой окружности совершается эта эволюція, и мы обречены будемъ снова пережить во всѣхъ деталяхъ нашу жизнь, какъ и теперь мы живемъ не въ первый разъ. Но пусть не пугаетъ насъ это, пусть не страшитъ насъ теорія Пиѳагора, которая гласитъ, что небесныя тѣла опять соединятся въ прежнія, когда-то уже сіявшія созвѣздія и на землѣ повторится то, что уже было, со всѣмъ единичнымъ и мелкимъ; да, все повторится, и человѣкъ повторится, но человѣкъ не конечная ступень мірозданія,—оно будетъ имѣть своимъ вѣнцомъ сверхчеловѣка.

Видѣніе сверхчеловѣка настойчиво являлось Ницше въ послѣдніе годы его сознательной жизни. Болѣзнь заставляла его мѣнять одинъ го-

родъ на другой, и это бродячее существованіе нигдѣ не позволяло ему пустить корни. Для него наступила пора одиночества. Отъ него отшатнулись друзья, изумленные дерзостью его мысли, неспособные слѣдовать за нимъ по крутизнѣ его идей. Сестра его вышла замужъ и уѣхала въ Южную Америку, и начиная съ 1886 г. Ницше не съ кѣмъ было подѣлиться мыслью, некому было повѣдать свои желанія. Въ письмахъ къ сестрѣ онъ горько жалуется, что между нимъ и людьми разверзлась пропасть: „мнѣ не съ кѣмъ посмѣяться, не съ кѣмъ выпить чашку чаю". Въ Германіи его имя было точно похоронено въ систематическомъ замалчиваніи, какъ нѣкогда имя его учителя Шопенгауэра. Только нѣсколько друзей за границей поддерживали съ нимъ переписку: Буркгартъ въ Швейцаріи, Тэнъ во Франціи, Брандесъ въ Даніи. Пытка одиночества и покинутости довела его, наконецъ, до экзальтаціи; ему стало казаться, что эти муки ниспосланы ему, какъ спасителю человѣчества, онъ видѣлъ самого себя въ золотомъ нимбѣ, онъ чувствовалъ себя вознесеннымъ на недостижимую высоту и послѣднія написанныя о себѣ строки озаглавилъ: ecce homo...

Неожиданно, повидимому, безъ переходовъ объяла его полная ночь безумія. Въ Туринѣ, въ первыхъ числахъ января 1889 г., онъ помѣшался, и съ тѣхъ поръ сознаніе не возвращалось къ нему и, по приговору врачей, никогда не вернется. Какая трагическая судьба постигла этого мыслителя, который умеръ для умственной работы какъ разъ въ тотъ моментъ, когда его дарованіе достигло своей зрѣлости и когда нѣсколькихъ штриховъ недоставало для того, чтобы окончательно и полно выразилось его міровоззрѣніе и вылилась его послѣдняя формула: воля въ мощи! И какая жестокая иронія въ томъ, что Ницше, во время расцвѣта своей мысли такъ долго страдавшій подъ бременемъ одиночества и неизвѣстности, всѣми покинутый и забытый, теперь знаменитъ, и его читаютъ, и о немъ спорятъ всѣ образованные люди Европы, а онъ не сознаетъ своей славы, не слышитъ отзвука своихъ рѣчей, рѣчей Заратустры,—безмолвный и пассивный зритель своего собственнаго апоѳеоза!... Есть какая-то меланхолическая и кроткая прелесть въ тихомъ закатѣ этого страстнаго любителя жизни, этого пророка сверхчеловѣчества. Рѣдкіе посѣтители, проникающіе на высокую веранду, откуда Ницше со своего кресла разсѣяннымъ взоромъ смотритъ на панораму Веймара, которая простирается у его ногъ, или на мирные холмы Тюрингіи, которые замыкаютъ его горизонтъ,—эти посѣтители не выносятъ грустнаго или тяжелаго впечатлѣнія. Страданія и болѣзнь, конечно, наложили свое клеймо на лицо Ницше, но не лишили его благородства. По прежнему прекрасенъ его лобъ, по прежнему его глаза, какъ будто обращенные внутрь души, имѣютъ какое-то неуловимое и глубоко-трогательное выраженіе. Что происходитъ въ немъ? Быть можетъ, онъ сохранилъ въ себѣ смутное воспоминаніе о своей прошлой жизни, жизни мыслителя и поэта. „Вѣдь и я писалъ хорошія книги", сказалъ онъ недавно, когда ему подали какое-то новое произведеніе. Во всякомъ случаѣ, онъ несомнѣнно сознаетъ ту внимательность, которой его окружаетъ его сестра, г-жа Ферстеръ-Ницше. Когда она проходитъ по верандѣ, онъ все время смотритъ ей вслѣдъ. Когда она приближается къ его креслу, онъ трогательнымъ, неловкимъ жестомъ пытается взять руку своей сестры, которая когда-то была другомъ его молодости, а теперь утѣшаетъ его закатъ. Подъ этой верандой, въ прекрасной и свѣтлой комнатѣ нижняго этажа виллы, помѣщается библіотека, и въ ней, окруженная книгами, письмами, манускриптами своего брата, ра-

ботаетъ г-жа Ферстеръ-Ницше и при помощи своихъ сотрудниковъ съ благоговѣйнымъ усердіемъ возстановляетъ или заканчиваетъ твореніе, прерванное безжалостной судьбой. И въ то время, какъ въ этой комнатѣ, не окаменѣвшей въ мертвой неподвижности и суровомъ порядкѣ музея, а сохранившей всю уютность и тепло рабочаго кабинета, изъ котораго только что вышелъ его хозяинъ, въ то время какъ здѣсь, внизу, мысль Заратусты продолжаетъ бросать въ міръ свои тропическіе лучи,—тамъ, вверху, на тихой верандѣ сидитъ Ницше съ полузакрытыми глазами, какъ будто погруженный въ какую-то смутную думу, какъ будто сосредоточенный на какомъ - то успокоительномъ размышленіи, сидитъ и словно дожидается, когда ему можно будетъ навѣки отдохнуть отъ своихъ физическихъ страданій и умственныхъ тревогъ въ объятіяхъ доброй смерти.

Общественные идеалы Рёскина (John Ruskin: Social Reformer). Дж. Гобсона. Редакція Д. Протопопова. Переводъ съ англ. Н. Кончевской и В. Либина. Изданіе т-ва „Знаніе". Спб., 1899 г. Ц. 1 р. 50 к. Джонъ Рёскинъ, какъ соціальный реформаторъ. А. Гобсонъ. Переводъ съ англ. П. Николаева. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва, 1899 г. Ц. 1 р. Эти два перевода книги Гобсона, посвященной выясненію соціальныхъ идеаловъ Рёскина, изданы одновременно... Несомнѣнно, они окажутъ большую услугу въ дѣлѣ ознакомленія русской читающей публики съ своеобразными теченіями англійской общественной мысли... Представителемъ одного изъ этихъ теченій является Джонъ Рёскинъ, имѣющій неоспоримое право на почетное мѣсто въ ряду проповѣдниковъ - реформаторовъ текущаго столѣтія.

Но къ такимъ людямъ, которые, подобно Л. Н. Толстому или Рёскину, возстаютъ противъ основъ современной жизни во имя идеала и призываютъ человѣчество къ покаянію и исправленію,—къ нимъ не приложима обычная узкая мѣрка логичности. Это не холодные изслѣдователи, безстрастно взвѣшивающіе на вѣсахъ объективной истины добро и зло, „спокойно зря на правыхъ и виновныхъ"... Прежде всего они вдохновенные пророки, бичомъ сатиры и негодованія казнящіе ужасы современной „культурной" жизни. Поэтому нельзя оцѣнивать ни гр. Толстого, ни Рёскина съ точки зрѣнія научной основательности: не тѣмъ велика заслуга этихъ свѣточей человѣчества, что они создаютъ стройныя и практичныя системы,—нѣтъ, они будятъ дремлющую общественную совѣсть, заставляютъ съ содроганіемъ смотрѣть на мучительную картину окружающаго насъ, созданнаго и поддерживаемаго нами соціальнаго порядка... Рёскинъ былъ именно изъ тѣхъ людей, которые, говоря словами Гобсона, проходятъ жизнь „ногами касаясь земли, головой достигая облаковъ и пристально ища въ туманной небесной дали проблесковъ блаженнаго видѣнія"...

Гобсонъ понялъ невозможность оцѣнивать взгляды Рёскина обычнымъ путемъ; но пониманіе свое примѣнилъ къ дѣлу, по нашему мнѣнію, совершенно неправильно: онъ счелъ своею обязанностью написать нѣчто вродѣ апологіи взглядовъ Рёскина, пытаясь примирить непримиримое въ произведеніяхъ разбираемаго автора. Это проявляется особенно ясно, когда Гобсонъ защищаетъ почти безусловную правильность экономическихъ убѣжденій Рёскина; между тѣмъ, какъ самъ долженъ былъ признать въ заключительной главѣ, что „Рёскинъ ненамѣренно вводилъ многихъ въ заблужденіе и задѣвалъ ихъ за живое тѣмъ, что *называлъ свое ученіе о правильной жизни политической экономіей*; при-

этомъ онъ иногда расширялъ значеніе этого термина до его крайнихъ предѣловъ, такъ что онъ обнималъ всю теорію и практику соціальной жизни; иногда же, ради боевыхъ цѣлей, онъ суживалъ терминъ до предѣловъ, установленныхъ ортодоксальной политической экономіей". (Изданіе т-ва „Знаніе", стр. 214, курсивъ нашъ). Въ этихъ строкахъ Гобсонъ прекрасно раскрываетъ основной недостатокъ экономической теоріи Рёскина, вмѣстѣ съ тѣмъ подтверждая высказанную нами мысль: Рёскина прежде всего и болѣе всего интересуетъ сложная и разнообразная общественная жизнь въ ея цѣломъ; онъ органически не можетъ понять необходимости разсматривать матеріальную сторону общественнаго быта отдѣльно отъ духовной, несомнѣнно высшей и благороднѣйшей...

Повторяемъ: Рёскинъ великъ не своими планами соціальной реформы, не научными и общественными взглядами, зачастую совершенно невѣрными (хотя и въ этой средѣ внимательный читатель найдетъ массу драгоцѣннаго),—онъ великъ своимъ негодованіемъ, своимъ отрицаніемъ. Поэтому крайне легкомысленно поступаютъ доказывающіе ничтожество Рёскина, ссылаясь на то, что онъ наивно ждалъ лучшаго будущаго отъ дѣятельности самихъ заинтересованныхъ въ современномъ строѣ лицъ, надѣясь на ихъ нравственное просвѣтленіе; что онъ ненавидѣлъ демократическія учрежденія, защищалъ войну, насмѣхался надъ освободительными стремленіями женщинъ, отрицалъ пользу пера и и желѣзныхъ дорогъ и т. д., и т. д... Рискуя подвергнуться обвиненію въ парадоксальности, мы думаемъ, что все это quantité negligeable: все это вполнѣ искупаетъ жестокая и безпощадная критика современнаго общественнаго строя...

Мы позволимъ себѣ привести два образца этой критики...

„Таковы факты,—писалъ Рёскинъ:—трудолюбивые бѣдняки производятъ средства существованія своимъ трудомъ, а богачи завладѣваютъ посредствомъ различныхъ способовъ правомъ распоряжаться этими средствами существованія". (Изданіе Солдатенкова, стр. 193). Въ другомъ мѣстѣ Рёскинъ говоритъ объ общемъ историческомъ законѣ экономической несправедливости слѣдующее: „Народъ начинаетъ подозрѣвать, что частная форма дурного управленія въ прошломъ состояла въ томъ, что его повелители заставили его исполнять всю работу, а сами забрали всѣ заработки. Однимъ словомъ, то, что называется управленіемъ народомъ, означаетъ въ сущности просто носить изящныя одежды и роскошествовать на счетъ народа. И къ сожалѣнію, я долженъ сказать, что такое мнѣніе народа вполнѣ справедливо. Если вы изслѣдуете существеннѣйшіе факты, вы увидите, что именно въ этомъ и состоялъ строй европейскаго общества при тысячелѣтнемъ существованіи феодальной системы... и когда народная мысль вполнѣ ясно пойметъ этотъ фактъ, она, конечно, не потерпитъ, чтобы дѣла и дальше шли такимъ же путемъ" (изданіе Солдатенкова, 208). Держась столь печальнаго взгляда на существующую общественную жизнь, въ которой господствуетъ законъ „свободной" конкурренціи, Рёскинъ требуетъ коренной реформы во всѣхъ сферахъ, начиная съ отношеній хозяина и работника въ производствѣ и кончая искусствомъ вообще, архитектурой въ частности... Онъ защищаетъ при этомъ не только право на трудъ, но и обязанность труда, требуя, чтобы всякая работа была пріятна и красива: „жизнь безъ труда есть воровство, а работа безъ искусства есть скотство", замѣчаетъ Рёскинъ на своемъ энергичномъ языкѣ...

Въ общемъ, несмотря на указанный выше крупный недостатокъ, Гобсонъ сумѣлъ мѣтко, рельефно и остроумно схватить наиболѣе выдающіяся черты духовнаго облика Рёскина... Поэтому мы рекомендуемъ вниманію читателей его интересную работу.

Что касается сравнительныхъ достоинствъ изданій г. Солдатенкова и т-ва „Знаніе“, то мы должны сказать, что каждое изъ нихъ имѣетъ свои преимущества и свои недостатки. Московское—дешевле и полнѣе (въ изданіи т-ва „Знаніе“ пропущено нѣсколько чрезвычайно любопытныхъ страницъ въ главѣ „Соціализмъ и аристократія“); но зато переводъ петербургскаго сдѣланъ болѣе литературно, да и само изданіе немного изящнѣе...

Очерки психологіи. Э. Б. Тиченера, профессора Корнелльскаго университета въ Соединенныхъ Штатахъ. Переводъ со второго англійскаго изданія. Чепинской. Изд. Павленкова. Спб., 1898 г. Цѣна 1 р. Трудъ Тиченера заслуживаетъ большого вниманія. Не говоря уже о строгости, съ которою авторъ придерживается наиболѣе свойственнаго психологіи интроспективнаго метода и осторожнаго отношенія къ соприкасающимся съ психологическимъ знаніемъ метафизическимъ вопросамъ, — что также имѣетъ значительную цѣнность, — въ книгѣ встрѣчаемъ и очень оригинальныя воззрѣнія, идущія въ разрѣзъ съ ученіями многихъ современныхъ психологовъ. Чтобы яснѣе выставить различіе, проведемъ, не выходя изъ предѣловъ рецензіи, параллель между нѣкоторыми взглядами Тиченера и взглядами одного изъ видныхъ представителей европейской психологической науки, проф. Гефдинга, „Очерки психологіи“ котораго пользуются у насъ большой извѣстностью и приняты, какъ руководство, въ университетахъ.

Какъ извѣстно, Гефдингъ придерживается раздѣленія сознательной жизни на три области — познаніе, чувство и волю. Это подраздѣленіе играетъ у него значительную роль и служитъ основаніемъ для болѣе или менѣе естественной классификаціи психическихъ процессовъ. Посмотримъ, насколько велико разнорѣчіе у обоихъ психологовъ по каждой изъ данныхъ областей.

Разумѣется, мы не можемъ встрѣтить сколько-нибудь значительнаго разнорѣчія въ области познанія, такъ какъ относящіеся къ ней душевные процессы извѣстны довольно точно и потому находятся внѣ спора. Укажемъ только на одинъ пунктъ. Обсуждая отношеніе ощущенія къ воспріятію и идеѣ, Тиченеръ говоритъ: „Отдѣльное ощущеніе, разсматриваемое независимо отъ другихъ ощущеній, есть продуктъ научнаго анализа, есть отвлеченіе, абстракція отъ дѣйствительной душевной жизни: *простѣйшее явленіе дѣйствительной душевной жизни есть идея*“ (стр. 118). Гефдингъ не видитъ вообще ничего невозможнаго въ существованіи самостоятельнаго ощущенія, хотя бы характеръ послѣдняго и опредѣлялся при этомъ отношеніемъ его къ предшествовавшимъ ощущеніямъ. Мы даже прямо встрѣчаемъ такое мѣсто: „Музыканты-ригористы даже требуютъ, чтобы музыкальнымъ композиціямъ не давать названія, такъ какъ отъ этого можетъ возникнуть рядъ господствующихъ представленій, который ослабитъ дѣйствіе *непосредственныхъ ощущеній*“ („Очерки психологіи“, 2-е русск. изд., стр. 134). Разнорѣчіе это находится въ связи съ вопросомъ объ апперцепціи: въ то время, какъ Гефдингъ считаетъ, что апперципируются уже отдѣльныя ощущенія (стр. 127—132), Тиченеръ находитъ, что апперцепція имѣетъ мѣсто при ассоціаціи идей: „Узнаваніе означаетъ образованіе въ высокой степени сложной одновременной ассоціаціи“ (стр. 208).

Бо̀льшая разница — въ оцѣнкѣ значенія аффективной стороны сознанія. Гефдингъ, слѣдуя *Руссо,* энергично защищаетъ права чувства на повсевременное существованіе въ сознаніи, хотя часто и въ слабой формѣ. „Не бываетъ,—говоритъ онъ,—мышленія безо всякаго чувства" (стр. 97). Этой связью онъ объясняетъ и значеніе представленій для волевыхъ движеній. Тиченеръ смотритъ на дѣло иначе: „Идеи могутъ являться однѣ, помимо аффектовъ" (стр. 169); „часто повторяемыя впечатлѣнія становятся безразличными" (стр. 170); „оно (рефлекторное дѣйствіе) относится къ импульсивному дѣйствію, *какъ безразличная идея относится къ идеѣ съ оттѣнкомъ аффекта*" (стр. 198). Такому различію во взглядахъ надо придать значеніе, такъ какъ оно вліяетъ на психологическія системы обоихъ авторовъ.

Но самое значительное противорѣчіе, гдѣ Гефдингъ и Тиченеръ совершенно расходятся, это — въ вопросѣ о волевой области сознанія. Между тѣмъ какъ Гефдингъ кладетъ волевую активность въ основаніе всей жизни сознанія, считаетъ волевые элементы первичными въ развитіи психическаго міра, Тиченеръ совсѣмъ отвергаетъ волю, какъ психическое начало активности. Ни вниманіе, ни хотѣніе, ни выборъ не даютъ права, по его мнѣнію, видѣть въ сознаніи какіе-либо другіе процессы, кромѣ происходящихъ отъ ощущеній и аффектовъ. „Во вниманіи нѣтъ слѣдовъ третьяго элементарнаго процесса сознанія,—процесса, подобнаго ощущенію и аффекту" (стр. 106). Указавъ, что хотѣніе есть, въ сущности, усиліе, онъ говоритъ: „усиліе не обнаруживаетъ существованія третьяго сознательнаго элемента (кромѣ ощущенія и аффекта), а именно—предполагаемаго элементарнаго процесса активности" (стр. 98). Выборъ Тиченеръ сводитъ отчасти къ борьбѣ различныхъ представленій между собою, отчасти къ усилію (стр. 202). Движеніе организма Тиченеръ объясняетъ, конечно, физіологическими и біологическими причинами, равно какъ и Гефдингъ, но въ то время, какъ послѣдній говоритъ, что движенію соотвѣтствуетъ въ сознаніи нѣкоторый особый процессъ, отличный отъ ощущенія и аффекта, Тиченеръ утверждаетъ, что самонаблюденіе его не обнаруживаетъ.

Съ біологической стороны взгляды Тиченера могутъ быть оспариваемы. Такъ, всѣ рефлекторныя движенія, даже животныхъ, онъ производитъ отъ произвольныхъ (§ 66), дѣлаетъ не совсѣмъ ясное различіе между инстинктивными дѣйствіями и инстинктомъ. „Важно усвоить тотъ фактъ, что *инстинктъ* возникаетъ позднѣе, чѣмъ *инстинктивное движеніе*" (стр. 201). Но, разумѣется, съ психологической точки зрѣнія это не представляетъ особеннаго значенія.

Въ книгѣ встрѣчается много досадныхъ опечатокъ, до замѣны одного слова другимъ включительно (стр. 121, строка 6). Языкъ перевода тоже оставляетъ желать многаго.

Новое воспитаніе. Реформа средняго образованія съ замѣной классицизма болѣе практическимъ обученіемъ, имѣющимъ въ виду всестороннее развитіе духовныхъ и физическихъ способностей ученика. Э. Демоленъ. Перев. съ французск. подъ ред. В. Н. Линда. Ц. 80 к. Изд. магазина „Книжное Дѣло". 1900 г. Цѣлью печатанія книги Демолена въ русскомъ переводѣ издатели поставили мысль, высказанную въ эпиграфѣ изданной К. П. Побѣдоносцевымъ книги „Новая школа":—*Mutato nomine, de te fabula narratur.* Для Россіи въ настоящую минуту вопросы образованія,—вопросы глубокой, коренной реформы школьнаго дѣла имѣютъ огромное значеніе: жизнь выдвинула ихъ на очередь и ждетъ немедленнаго ихъ рѣшенія. Сама

высшая администрація, въ лицѣ министра народнаго просвѣщенія, высказалась прямо и открыто, что реформа необходима, что дѣло народнаго просвѣщенія поставлено у насъ неудовлетворительно. И педагоги, даже тѣ, которые являлись усерднѣйшими проводниками и осуществителями толстовско-катковской классической системы, заговорили словами Грибоѣдовскаго резонирующаго комика, что „радикальныя потребны тутъ лѣкарства,—желудокъ больше не варитъ".

Необходимость существенныхъ измѣненій въ строѣ современнаго школьнаго воспитанія пропагандируется громко и настоятельно и на Западѣ. Во Франціи особенное вниманіе обратили на себя въ послѣднее время двѣ книги Эдмонда Демолена. Одна изъ нихъ: *A quoi tient la supériorité des Anglo-Saxons*—вышла въ 1897 г., другая: *L'Education nouvelle* въ прошломъ году. Въ первой авторъ задается вопросомъ: чѣмъ объясняется такой высокій культурный, политическій и особенно экономическй торговый успѣхъ Англіи во всемъ мірѣ? Почему она такъ удачно конкуррируетъ со всѣми народами на рынкѣ обмѣна и грандіозныхъ коммерческихъ предпріятій на аренѣ колоссальныхъ богатствъ? Демоленъ отвѣчаетъ: потому, что народъ этотъ обладаетъ такими высокими чертами характера и развитія *личности*, какими не можетъ похвастать ни одна другая нація. Энергія, выдержка, способность къ широкой иниціативѣ—вотъ источникъ всѣхъ благъ, всѣхъ удачъ англичанина.

Къ этому ведетъ англійское воспитаніе, главною задачей котораго поставлено развитіе въ человѣкѣ самостоятельности и умѣнья практически пользоваться всѣми своими способностями въ борьбѣ за существованіе. И если французскій народъ не хочетъ быть отодвинутымъ Англіей на второстепенное мѣсто въ обще-міровой борьбѣ и конкурренціи, то онъ долженъ серьезно подумать о томъ, какъ измѣнить всю свою систему воспитанія приспособительно къ этой важной цѣли. Вторая книга Демолена и обсуждаетъ обстоятельно этотъ практическій вопросъ о задачахъ истиннаго воспитанія и о мѣрахъ осуществленія ихъ.

Оказывается, что авторъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ педагоговъ-мыслителей, которые только мечтаютъ о лучшихъ порядкахъ, да предаютъ тисненію свои сладостныя мечтанія. Онъ словно по пословицѣ: „сказано-сдѣлано",—взялся привести въ исполненіе свои проекты и планы, онъ хочетъ показать справедливость своей идеи на живомъ примѣрѣ, на дѣлѣ. И вотъ онъ заинтересовываетъ своею счастливою мыслью многихъ образованныхъ и даже высокопоставленныхъ лицъ и вмѣстѣ съ ними принимается за постройку новой школы, организованной въ новомъ духѣ. Они купили въ Нормандіи, около Вернайля, помѣстье, называемое Chateau des Roches, съ двадцатью десятинами земли и домомъ, который былъ потомъ увеличенъ и приспособленъ для помѣщенія будущей школы. Въ началѣ октября предполагается ея открытіе.

Въ изданной „Книжнымъ дѣломъ" книгѣ авторъ описываетъ устройство этой школы и ея программы обученія, причемъ сравниваетъ старые порядки школьнаго дѣла съ новыми. Книга эта состоитъ изъ перевода наиболѣе интересной для насъ части трактата Демолена *A quoi tient la supériorité des Anglo-Saxons*, и изъ перевода, съ нѣкоторыми выпусками, другой книги того же автора *L'Education nouvelle*.

Прежде всего Демоленъ подымаетъ вопросъ: образуетъ ли людей французская школа? Оказывается, что она образуетъ только государ-

ственныхъ чиновниковъ. Свободную профессію избираютъ только тѣ изъ окончившихъ курсъ ученія, которымъ не посчастливилось найти казенное теплое мѣстечко. Такъ какъ на службу берутся и мѣста получаютъ только сообразно съ аттестатами и дипломами, которые даются на основаніи экзаменныхъ результатовъ, то подготовка къ экзамену составляетъ главную заботу молодежи. Съ этою цѣлью учителя дрессируютъ своихъ учениковъ такъ, чтобъ они въ возможно краткій срокъ получили поверхностное знаніе, научающее „коснуться до всего слегка".

Демоленъ напоминаетъ о справедливыхъ жалобахъ германскаго императора на несостоятельность современнаго воспитанія. Утомляющія обильныя вечернія занятія, отсутствіе движенія, отвлеченный, книжный характеръ знанія,—все это ведетъ только къ отвращенію отъ школы, къ невѣжеству и къ хилости организма. Школа не удовлетворяетъ своему назначенію—подготовкѣ къ борьбѣ за существованіе. Она выпускаетъ только плохихъ лингвистовъ, учившихся по преимуществу древнимъ языкамъ, но не научившихся имъ почти вовсе.

Интересна та школа, которая построена въ новомъ духѣ и по образцу которой организуетъ дѣло Демоленъ въ своемъ новомъ питомникѣ будущихъ здоровыхъ и развитыхъ людей, подготовленныхъ къ борьбѣ.

Вотъ уже десять лѣтъ существуетъ школа д-ра Редди въ Абботсгольмѣ, въ Дербиширѣ. Она помѣщается въ деревнѣ. Школы въ городѣ — возмутительная аномалія: дѣти должны учиться обязательно на лонѣ природы, на чистомъ воздухѣ, вдали отъ суеты и сутолоки городовъ. Д-ръ Редди нарочно выбралъ такое мѣсто, откуда до города было бы большое разстояніе, и съ гордостью заявляетъ въ своемъ prospectus'ѣ: „Большого города нѣтъ въ сосѣдствѣ". По примѣру этой школы уже устроена въ другой мѣстности, на югѣ Англіи и другая школа. И обѣ онѣ пользуются огромнымъ успѣхомъ и симпатіями просвѣщенныхъ людей.

Поучительно описаніе этихъ обѣихъ школъ. Онѣ не похожи на обычный европейскій типъ учебнаго заведенія,—типъ мрачной, непривѣтливой казармы, съ ея искусственной, казенной обстановкой. Это—скорѣе семейный домъ, уютный и симпатичный, изъ котораго не стремишься бѣжать, какъ изъ учебной тюрьмы, а напротивъ—тамъ легко, какъ дома, чувствуешь себя. Вмѣсто узкихъ дворовъ, окруженныхъ высокими стѣнами, здѣсь кругомъ воздухъ, свѣтъ, просторъ и зелень.

Семейный характеръ придаетъ школѣ и близкая связь наставниковъ и школьнаго начальства съ учащимися: и учителя, и директоръ, и его жена и дочери обѣдаютъ вмѣстѣ съ воспитанниками.

Какъ разумно, гигіенично ведется весь режимъ жизни въ этомъ заведеніи, объ этомъ даетъ понятіе расписаніе часовъ:

6 ч. 15 м.: встаютъ (зимою въ 7 час.), легкій завтракъ.

6 ч. 30 м.: физич. упражненія и фехтованіе.

6 ч. 45 м.: первый урокъ.

7 ч. 30 м.: молитва.

7 ч. 45 м.: сытный завтракъ по-англійски: яйца, ветчина и т. д. Затѣмъ уборка комнатъ: каждый ученикъ самъ оправляетъ свою постель.

8 ч. 30 м.: второй урокъ.

10 ч. 45 м.: легкая закуска; если погода хороша, упражненіе легкихъ на открытомъ воздухѣ съ тѣломъ, обнаженнымъ до пояса.

11 ч. 45 м.: третій урокъ.

12 ч. 45 м.: пѣніе или плаваніе въ рѣкѣ, сообразно съ временемъ года.

1 ч.: обѣдъ.

1 ч. 30 м.: упражненіе на органѣ или фортепіано.

1 ч. 45 м.: игры и садовыя работы или прогулки пѣшкомъ и на велосипедѣ.

4 ч.: работа въ мастерской.

6 ч.: чай.

6 ч. 30 м.: пѣніе, репетиціи для спектаклей, музыка, концерты и т. д.

8 ч. 30 м.: ужинъ и молитва.

9 ч.: ложатся спать.

Въ этомъ распредѣленіи времени, которое мы нарочно привели въ виду его необыкновенной оригинальности по сравненію съ обычными порядками у насъ и въ другихъ государствахъ, поражаетъ, прежде всего, принципъ разнообразія, вложенный въ основу воспитанія, видна забота о томъ, чтобъ избѣгнуть переутомленія и развивать всесторонне всѣ естественныя способности посредствомъ обученія наукамъ, физическому труду и искусствамъ. Особенно назидательно то, что на вечеръ не откладываются самыя тяжелыя работы,—приготовленіе къ урокамъ,—напряженная умственная работа ведется днемъ, до обѣда; послѣобѣденное время идетъ на ручной трудъ въ мастерскихъ или въ полѣ, а вечеръ посвящается искусствамъ, музыкѣ и общественнымъ развлеченіямъ.

И чувствуютъ себя ученики въ этой школѣ бодро, весело, счастливо и непринужденно, ежедневно на все у нихъ хватаетъ времени: и на ученье, и на веселье, и на эстетическія наслажденія. По вечерамъ школа не напоминаетъ школу, а прямо семейный домъ, гдѣ ведутся оживленные разговоры, разыгрываніе музыкальныхъ и драматическихъ пьесъ, чтеніе вслухъ Шекспира, засѣданія ученическихъ обществъ съ чтеніемъ рефератовъ и преніями и т. д., ученики издаютъ свою газету, родъ хроники школьныхъ событій, съ иллюстраціями и литературнымъ отдѣломъ. „Это изданіе развиваетъ литературныя и артистическія наклонности и даетъ ученикамъ понятіе объ ихъ школѣ, какъ объ особомъ, цѣльномъ міркѣ“.

Г. Демоленъ отдалъ своего сына учиться въ новую англійскую школу, и въ восторгѣ отъ ея вліянія на его сына. Онъ призываетъ французскихъ родителей взяться за реформированіе воспитанія въ своей странѣ въ духѣ новой англійской школы. Но прежде, чѣмъ приступить къ реформѣ, надо выяснить себѣ отчетливо принципы преобразованія. И главный принципъ долженъ заключаться въ томъ, что обученіе слѣдуетъ вести преимущественно практически, наглядно, не книжно, безъ затверживанія по учебнику. Родной и новые языки, серьезно, непремѣнно практически изучаемые, должны замѣнить классическую мертвую лингвистику. Исторія и географія не должны состоять изъ перечня названій, а, насколько допускаетъ та степень умственнаго развитія учащихся, изъ выясненія великихъ политическихъ и соціальныхъ событій, исторіи учрежденій, нравовъ и біографіи великихъ людей, причемъ преподаваніе должно сопровождаться чтеніемъ изъ сочиненій знаменитыхъ историковъ. Особенное вниманіе слѣдуетъ посвятить и географіи, которую естественно связать со свѣдѣніями по космографіи, геологіи и политической экономіи. Далѣе слѣдуютъ главнѣйшія, интереснѣйшія и нужнѣйшія для практической жизни свѣдѣнія изъ алгебры, геометріи, физики, химіи и естественной исторіи, а вмѣстѣ съ ними—и біографіи изобрѣтателей, всегда интересныя и частью героическія.

Необходимы также игры, гимнастика, экскурсіи, посѣщенія мастерскихъ и заводовъ.

Школы непремѣнно должны устраиваться не въ городѣ, а въ деревнѣ—conditio sine qua non, и вмѣсто одной огромной казармы строится рядъ квартиръ, флигелей, домиковъ вокругъ общаго большого зданія школы. Въ этихъ строеніяхъ будутъ жить въ каждомъ — учитель съ своей семьей и нѣсколькими учениками. А на уроки и общія занятія всѣ будутъ сходиться въ общее зданіе. А какъ же быть родителямъ? И имъ селиться около зданія школы?

ИСТОРІЯ.

„Религія въ Римѣ при Северамъ“. *Ж. Ревилля.*—„Іезуиты, ихъ исторія, ученіе, организація и практическая дѣятельность въ сферѣ общественной жизни, политики и религіи“. Сост. *Ж. Губеръ.*—„Учебникъ исторіи древняго Востока“. Сост. *А. Н. Гренъ.*

Религія въ Римѣ при Северахъ. Ж. Ревилля. Пер. съ франц. подъ ред. В. Н. Линда. Москва, 1898 г. Изданіе магазина „Книжное дѣло“. Переводъ книги Ревилля является очень кстати для заполненія пробѣла между эпохами, описанными въ переведенныхъ уже по-русски сочиненіяхъ Г. Буассье—*Римская религія отъ Августа до Антониновъ* и *Паденіе язычества на Западѣ.* Книга Ревилля изображаетъ религіозное движеніе въ Римской имперіи первой половины III вѣка. Написана она, пожалуй, основательнѣе, но суше сочиненій Буассье. Послѣдняго не безъ основанія упрекаютъ въ загроможденіи своихъ книгъ массою данныхъ, имѣющихъ собственно мало отношенія къ исторіи религіозной мысли, а больше принадлежащихъ къ исторіи литературы. Ревилль, напротивъ, грѣшитъ тѣмъ, что слишкомъ мало останавливается на характеристикѣ той культурной обстановки, среди которой происходило описываемое имъ движеніе. Но, во всякомъ случаѣ, книга его заслуживаетъ самой теплой рекомендаціи.

Ядро ея распадается на три части: описательную, аналитическую и повѣствовательную. Изъ нихъ наиболѣе важна аналитическая, гдѣ разсматривается синкретическое язычество и религіозное чувство въ римскомъ обществѣ III вѣка; а всего интереснѣе—часть повѣствовательная, излагающая попытки религіозной реформы при дворѣ Северовъ. Авторъ совершенно вѣрно указываетъ на характеризующее эту эпоху усиленіе религіознаго чувства, но оставляетъ въ сторонѣ вопросъ о причинахъ такой перемѣны, проявившейся, впрочемъ, уже въ первые два вѣка нашей эры. Къ синкретизму онъ относится безпристрастнѣе другихъ: отмѣчая его неудачу и разбирая причины его, онъ не оставляетъ безъ вниманія и положительныхъ результатовъ всѣхъ этихъ попытокъ.

Переводъ въ общемъ исполненъ удовлетворительно, но при сличеніи его съ оригиналомъ оказывается пропускъ на стр. 249 и слѣд. въ отдѣлѣ, посвященномъ сравненію Аполлонія Тіанскаго со Христомъ. Языкъ перевода особенной легкостью не отличается. Какъ яркій примѣръ неловкаго построенія рѣчи можно указать длинную фразу на стр. 6, конецъ которой гласитъ: М. Аврелій допустилъ гоненіе на христіанъ, „представляя такимъ образомъ необыкновенный примѣръ моралиста, одушевленнаго самыми возвышенными чувствами, просвѣщенно-благочестиваго, *и который* изъ всѣхъ религіозныхъ сектъ, наполнявшихъ имперію, избралъ, *чтобы ее преслѣдовать,* именно ту, нравственные принципы *которой* были всего ближе къ его собственнымъ“. Досадно также встрѣчать въ переводѣ хорошей книги невѣрную передачу собственныхъ именъ: съ одной стороны, Макробъ, Орозъ, Авлу-Геллъ,

Галіенъ вм. Галена, Папіанъ вм. Папиніана, съ другой—Суидасъ, Фирмикусъ, Матернусъ, Янусъ (не богъ, а издатель Плинія, стр. 27). Иные термины прямо оставлены безъ перевода: лектистерны, гинекей, нуменъ, Юпитеръ Оптимусъ Максимусъ; другіе переданы прямо въ иностранной формѣ: богъ *Sol*, Дивы *(Divi)*, *Deipnosophistes*, *Archiereus*, лидійцевъ (ликійцевъ?), *Pronunciamento*, *vide supre*=см. выше. Наконецъ, нельзя не указать на сильную неисправность корректуры, тогда какъ списка хотя бы главныхъ опечатокъ не приложено. Самое заглавіе книги, пожалуй, правильнѣе было бы перевести не такъ буквально: *Религіозное движеніе въ Римѣ при Северахъ*.

Іезуиты, ихъ исторія, ученіе, организація и практическая дѣятельность, въ сферѣ общественной жизни, политики и религіи. Сост. Ж. Губеръ, проф. Мюнхенск. университ. Переводъ съ 6-го изданія В. И. Писаревой. Спб., 1899 г. Изд. Павленкова Книжка представляетъ собою живо написанный популярный очеркъ, но на большее претендовать едва ли можетъ: для этого матеріалъ ея слишкомъ мало проработанъ. Въ ней слишкомъ много частностей и слишкомъ мало общихъ характеристикъ. Съ другой стороны, въ описаніи ордена слишкомъ мало исторіи, движенія, оттѣнковъ: онъ выростаетъ изъ католической церкви сразу вполнѣ сформировавшимся, какъ Минерва изъ головы Юпитера, и остается неизмѣннымъ съ начала до конца. Авторъ слишкомъ выдвигаетъ тѣневыя стороны его дѣятельности, такъ что у читателя невольно является вопросъ: если точно таково было могущество ордена, какъ могло оно вырости на такихъ основахъ, какъ изображаемыя авторомъ? Для правильной оцѣнки морали и политики іезуитовъ слѣдовало сопоставить ту и другую съ моралью и политикою проповѣдниковъ протестантизма и современнаго имъ общества, а этого авторъ и не пытался сдѣлать. За іезуитами, конечно, много грѣховъ, но именно поэтому незачѣмъ сваливать все на нихъ однихъ. Наконецъ, въ изложеніи различныхъ сторонъ дѣятельности ордена авторъ нерѣдко сопоставляетъ факты, рѣзко раздѣленные хронологически или топографически, наприм.—раздѣлъ Польши въ 1772 г. и дѣятельность Поссевина (стр. 108), дѣйствія іезуитовъ въ Индіи и Японіи (стр. 115) или въ Парагваѣ и Индіи (стр. 125).

Переводъ въ общемъ удовлетворителенъ. Напрасно только переводчица называетъ Подолію—Подоломъ (стр. 108), а патріарха Іоакима—Іоахимомъ (стр. 109); Бароніуса правильнѣе было бы называть Баронiемъ, а Янсеніуса—Янсеномъ; на стр. 191 пророкъ Іеремія стоитъ вмѣсто бл. Іеронима; напрасно также оставленъ безъ перевода терминъ иммакулатное зачатіе.

Учебникъ исторіи древняго Востока. Пособіе для государственнаго экзамена въ русскихъ университетахъ. Сост. приватъ-доцентъ исторіи Востока университета св. Владиміра А. Н. Гренъ. Кіевъ, 1899 г. Уже предисловіе къ книжкѣ настолько характерно и по формѣ, и по содержанію, что мы позволимъ себѣ привести изъ него нѣкоторыя выписки. Перечисливъ немногія русскія пособія по исторіи Востока, авторъ продолжаетъ: „И вотъ, такъ какъ изъ всего нашего перечисленія получается полное ничто и такъ какъ *на подобномъ же основаніи* (?) въ нѣкоторыхъ университетахъ исторія Востока даже и не читается, мы рѣшили составить небольшое, но возможно полное руководство по нашему предмету и тѣмъ дать возможность какъ нашимъ слушателямъ подготовляться къ государственному экзамену, такъ *и сдѣлать восточную исторію доступною для публики и для самихъ*

преподавателей (!). Составляя же такое руководство, мы не взяли для себя въ образецъ ни одинъ изъ заграничныхъ учебниковъ, а старались быть по возможности оригинальными. Мы желали *скомуникировать* (?) въ нашей книгѣ все намъ необходимое и *даже не отдавали предпочтенія тому или другому мнѣнію, но соединяли ихъ всѣ* и затѣмъ излагали свое собственное... Оканчивая эти слова, должны, *конечно,* мы сознаться, что подобное руководство, какъ первое въ своемъ родѣ у насъ въ Россіи, *конечно,* не можетъ обойтись безъ ошибокъ и недочетовъ. Сознавая ихъ всѣ, мы однако были бы весьма благодарны всякому указанію, въ какой бы формѣ и каково оно *не* было, отлично понимая, что такое новое дѣло требуетъ многихъ силъ и многихъ совѣтовъ особенно со стороны тѣхъ, кому приходилось читать нашъ предметъ студентамъ". Въ такомъ же родѣ, если еще не хуже, изложеніе всей книжки. Въ общемъ она производитъ впечатлѣніе очень плохого перевода съ нѣмецкаго. Вотъ еще нѣсколько образчиковъ изложенія автора: „Вслѣдствіе же подобной *(раньше объ этомъ ничего не говорилось)* полной *непроизводительности* для хозяевъ *доходовъ* съ земли, Египетъ наполнялся мастерами и ремесленниками. Такимъ образомъ явились спеціальные охотники, промышлявшіе *этимъ занятіемъ* (?), купцы, ремесленники, пастухи и рыболовы" (стр. 34). Или: „Рыба вмѣстѣ съ пальмою составляла матеріалъ для кушаній населенія" (стр. 54). Далѣе, можно привести рядъ такихъ выраженій: конфедерація во главѣ монарховъ Крита (стр. 87), внутренній и политическій апогей величія (стр. 15), сборъ большого гешефта (стр. 95). Затѣмъ у автора встрѣчается масса варваризмовъ: деффектный (стр. 2), эрозіальный (стр. 5), *pontifex maximus* вм. первосвященника (стр. 34), адеальтраса (стр. 36), коалиціонеръ (стр. 109). Авторъ очень любитъ фамильярныя выраженія: тіара въ видѣ современной поповской камилавки (стр. 114); церемонія оканчивалась генеральною попойкой (стр. 102); карманная аристократія (стр. 92); какъ завзятые мясники фараоны вели на убой *пролетаріатъ* (стр. 17). Послѣднее выраженіе приводитъ насъ къ вопросу о злоупотребленіи чисто-внѣшними историческими параллелями, которыя, ничего не объясняя, могутъ только сбивать съ толку; чего-чего только мы ни встрѣчаемъ на древнемъ Востокѣ? Царевну Софію и покореніе Кавказа (стр. 18), Каталаунскую битву (стр. 23), преторіанцевъ (стр. 25), феодаловъ и кондотьеровъ (стр. 30), принца Уэльскаго (стр. 67), германцевъ въ роли гиксовъ (стр. 67), антисемитизмъ какъ продолженіе вѣковой борьбы семитовъ и аріевъ (стр. 91), архонта аріевъ и майордома Лидіи (стр. 105). Авторъ упрекаетъ Масперо за щедрость на собственныя имена, а между тѣмъ самъ даетъ, не смущаясь, цѣлые списки городовъ Месопотаміи (стр. 55), провинцій Ассиріи (стр. 74), *48* (!) классическихъ авторовъ, затрогивающихъ „между прочимъ" исторію Сиріи (стр. 80), областей Вендидада (стр. 109), персидскихъ сатрапій (стр. 112). Изложеніе спорныхъ вопросовъ ограничивается больше простымъ перечисленіемъ разныхъ мнѣній безъ ихъ мотивировки (стр. 16, 19, 22, 27, 31, 56, 93, 110), что̀ представляетъ очень мало поучительнаго. Къ числу источниковъ авторъ страннымъ образомъ относитъ также сочиненія современныхъ изслѣдователей (стр. 51). Религію онъ разсматриваетъ отдѣльно отъ культуры; той и другой онъ отводитъ столько же мѣста, сколько одной внѣшней исторіи. Отдѣлы о культурѣ представляютъ собою хаотическій наборъ разнородныхъ мелкихъ фактовъ безъ всякой объединяющей мысли.

Отъ души жалѣемъ бѣдныхъ студентовъ, которымъ выпадетъ на

долю готовиться къ экзамену по этой книжкѣ, при ея небольшомъ объемѣ (115 стр.), оцѣненной къ тому же по меньшей мѣрѣ вдвое дороже обыкновеннаго (1 р. 50 к.).

АНТРОПОЛОГІЯ.

„Очерки первобытнаго міра“· *Г. Н. Гетчинсона.*

Очерки первобытнаго міра. Г. Н. Гетчинсона. Перев. съ англійскаго З. Н. Журавской. Съ прилож. библіографич. указателя книгъ и статей по исторіи мірозданія. Спб. 1899 г. Изд. общества „Издатель“. Книга Гетчинсона, извѣстнаго уже русской публикѣ по своимъ болѣе раннимъ работамъ („Автобіографія земли“ и „Вымершія чудовища“), во многомъ не похожа на обычный типъ популяризаціи по исторіи первобытнаго человѣка, хотя и разсчитана подобно имъ на широкій кругъ читателей. Начать съ того, что обыкновенно составители популярныхъ книжекъ стараются суммировать въ болѣе или менѣе догматической формѣ уже добытые результаты науки и высказываютъ лишь такія мнѣнія, которыя являются болѣе распространенными среди спеціалистовъ въ данной области. Гетчинсонъ очень далекъ отъ этого и не столько подводитъ итоги чужимъ взглядамъ, сколько старается обосновать принадлежащіе ему лично или высказывавшіеся и раньше, но не раздѣляемые большинствомъ ученыхъ. Предполагая среди своихъ читателей нѣкоторое знакомство съ предметомъ, онъ старается главнымъ образомъ очистить ходячія мнѣнія, искоренить въ нихъ то, что, по его мнѣнію, является ложнымъ. Благодаря этому, спорные и нерѣшенные вопросы привлекаютъ его особенное вниманіе, иногда даже больше того, чѣмъ это требуется важностью предмета. Такъ, напримѣръ, онъ удѣляетъ цѣлую главу на доказательство, что преданія о карликахъ и гномахъ не простой вымыселъ, а воспоминаніе о первобытномъ низкорослому народѣ, населявшемъ Европу и оставившемъ послѣ себя курганы съ камерами внутри и имъ подобныя постройки. Соображенія Гетчинсона по этому поводу безспорно остроумны и даже не всегда являются новинками, но, тѣмъ не менѣе, то, что намъ извѣстно по данному вопросу, еще настолько мало, что поневолѣ приходится ограничиваться одними догадками и предположеніями, не имѣющими сами по себѣ большого значенія. Вопросу о древности человѣка Гетчинсонъ удѣляетъ цѣлыхъ двѣ главы и самыми разными аргументами старается опровергнуть ходячую теорію, согласно которой возрастъ человѣчества измѣряется приблизительно 80—100,000 лѣтъ, и сократить въ нѣсколько разъ этотъ возрастъ. Нечего и говорить, что вопросъ о древности человѣка одинъ изъ самыхъ коренныхъ вопросовъ въ наукѣ, и все же мы думаемъ, что Гетчинсонъ удѣлилъ ему слишкомъ много мѣста. Ходячая теорія, конечно, доступна возраженіямъ со многихъ сторонъ, но и противоположные взгляды имѣютъ за себя тоже очень немного данныхъ. Въ общемъ къ этому вопросу приходится относиться какъ къ открытому и потому не отводить ему больше мѣста въ популярныхъ книгахъ. Подобныя же замѣчанія можно сдѣлать и о IV и V главахъ книги („Миѳъ о великомъ ледяномъ покровѣ и теорія потопа“ и „Перемѣны климата и причины ихъ“). Быть можетъ особый интересъ автора ко всѣмъ этимъ вопросамъ объясняется тѣмъ, что они больше всего находятся въ связи съ геологіей и палеонтологіей, предметомъ его болѣе раннихъ изслѣдованій.

Вообще можно сдѣлать не мало замѣчаній по поводу общаго плана *Очерковъ*. Съ одной стороны подробность, съ какою Гетчинсонъ останавливается на отдѣльныхъ вопросахъ, не всегда обусловливается одною ихъ важностью, а съ другой—порядокъ изложенія не всегда удовлетворителенъ. О датскихъ кухонныхъ отбросахъ Гетчинсонъ трактуетъ послѣ свайныхъ построекъ, тогда какъ послѣднія характерны для позднѣйшихъ эпохъ неолита, первые же для болѣе раннихъ и потому и въ изложеніи должны предшествовать свайнымъ постройкамъ. Составленная англичаниномъ, книга Гетчинсона съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на англійскихъ памятникахъ, и въ этомъ ея слабая сторона для русскаго читателя, для котораго, напримѣръ, не можетъ имѣть какого-нибудь особеннаго значенія вопросъ о стонгендтѣ, которому въ *Очеркахъ* отведена цѣлая глава.

Несмотря на все сказанное, за книгой Гетчинсона нельзя отрицать большихъ достоинствъ. Имѣя въ виду дать не простую популяризацію, а отчасти самостоятельное рѣшеніе вопросовъ, авторъ, благодаря этому, отнесся съ большимъ увлеченіемъ и интересомъ къ своей задачѣ, что не замедлило отразиться на изложеніи. Въ общемъ *Очерки* написаны несравненно живѣе и читаются съ большимъ интересомъ, чѣмъ, напримѣръ, популярныя книжки Гёрнеса, Клодда и т. д. Сосредоточивая свое вниманіе преимущественно на отдѣльныхъ моментахъ, авторъ даетъ рядъ довольно широко и живо написанныхъ картинъ; описаніе доисторическихъ памятниковъ иногда дополняется заимствованными изъ этнографіи описаніями еще живущихъ народовъ. Сама полемика, которой въ *Очеркахъ* отведено очень много мѣста, не мало оживляетъ изложеніе. Благодаря всему этому, разбираемая нами книга скорѣе всего можетъ заинтересовать читателя первобытнымъ міромъ, хотя иногда и даетъ ему не совсѣмъ основательныя мнѣнія по отдѣльнымъ вопросамъ.

Можно сдѣлать автору кое-какія замѣчанія и по частнымъ вопросамъ; такъ напрасно онъ настаиваетъ на полномъ отсутствіи глиняной посуды у палеолитическаго человѣка (стр. 61); и нѣкоторыя новѣйшія находки опровергаютъ это общепринятое прежде мнѣніе, и теперь за существованіе гончарнаго искусства въ четвертичную эпоху высказался такой остроумный авторъ, какъ Нидерле. Точно также теперь необходимо отказаться отъ прежняго мнѣнія о перерывѣ между палеолитической и неолитической эпохами,—мнѣнія, раздѣляемаго Гетчинсономъ (стр. 63, 94). Далѣе автору, судя по стр. 218, остались неизвѣстны скульптурныя изображенія, украшающія дольмены и нѣкоторые другіе мегалитическіе памятники Франціи.

Что касается до перевода, то онъ читается легко, хотя и встрѣчаются шероховатыя мѣста Не удалось переводчицѣ справиться только съ терминами; такъ она пишетъ „Челійская“ эпоха вмѣсто „Шельская“ (стр. 62) (Chelles—во Франціи), „краножи“ (стр. 151, 156, 160) вмѣсто „кранноги“ (встрѣчается, впрочемъ, и правильная транскрипція), „кромлечи“ (стр. 214, 230, 250) вмѣсто „кромлехи“, „трилитонъ“ (стр. 232) вмѣсто „трилитъ“ (аналогично — „монолитъ“). На стр. 216 оставлено безъ перевода „cup-markings“ (чашеобразныя углубленія), какъ будто это какой-нибудь спеціальный терминъ. Транскрипція собственныхъ именъ тоже небезупречна и страдаетъ отсутствіемъ единообразія, такъ на стр. 214 мы встрѣчаемъ „Кхасье-Гильсъ“, на стр. 219 „холмы Khasia“, на стр. 224 „Khasia-Hills“ и на стр. 226—227 „холмы Кхасья“. Судя по примѣчаніямъ, носящимъ помѣтку „Прим. ред.“, пе-

реводъ былъ кѣмъ-то редактированъ, но, повидимому, редакція была не особенно тщательная и въ одномъ изъ редакторскихъ примѣчаній сообщается, что Киренаика и Большой Сиртъ находились къ востоку (?) отъ Египта (стр. 217).

Къ переводу приложенъ объемистый „Библіографическій указатель книгъ и статей по исторіи первобытнаго міра“, указывающій только русскія оригинальныя и переводныя изданія и тѣмъ не менѣе занимающій 71 страницу. Читатель, конечно, удивленъ такому богатству русской литературы по первобытному міру, но дѣло не въ богатствѣ, а въ томъ, что составитель указателя началъ издалека и рѣшивъ, что для изученія даннаго предмета необходимо вооружиться знакомствомъ съ „основными принципами и методами точнаго знанія“, даетъ на 8 страницахъ указатель литературы по философіи и исторіи философіи. Предполагая возможность, что кому-нибудь, можетъ быть, покажется мало и этого списка, составитель предусмотрительно отсылаетъ желающаго болѣе подробныхъ указаній къ переводу книги Ибервега Гейнце. Далѣе слѣдуютъ не менѣе подробные указатели по „Исторіи солнечной системы“, по геологіи, по біологіи и т. д., причемъ отведенъ особый параграфъ „русскимъ противникамъ дарвинизма“ (Данилевскому, Страхову и Ціоны). Первобытному человѣку удѣлено менѣе половины указателя (35 стр.), причемъ нѣкоторыя книги (Леббока, Тэйлора и др.) повторяются разъ по десяти, если не болѣе; кромѣ того, размѣры указателя увеличиваются включеніемъ въ него такого никому ненужнаго хлама, какъ „Бѣлорусскія древности“ Сементовскаго и др., или такихъ книгъ, касательство которыхъ къ первобытному міру очень сомнительно, какъ „Всеобщая исторія литературы“ Шерра, „Иллюстрированная исторія искусствъ“ Гнѣдича. На-ряду съ этимъ, конечно, много пропусковъ необходимыхъ книгъ и статей,—нѣтъ, напримѣръ, указаній на „Шаманство“ В. М. Михайловскаго, „Очерки первобытнаго права I. Семья и родъ“ Н. Харузина, „О методѣ изслѣдованія развитія учрежденій“ Тэйлора (*Этногр. Обозр.* 1890 г., кн. 2-я) и др.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ, СТАТИСТИКА.

„Земская статистика“. Справочная книга, сост. *С. Н. Велецкимъ.*—„Промышленное развитіе Польши“. *Розы Люксембургъ.*—„Экономическій подъемъ Германской имперіи“. *Ж. Блонделя.*—„Обзоръ положенія и дѣятельности потребительныхъ обществъ Россіи по даннымъ 1897 г.“. Сост. *Н. А. Рейтлингеръ.*

Земская статистика. Справочная книга по земской статистикѣ въ двухъ частяхъ. Ч. 1. Исторія и методологія. Ч. 2. Программы изслѣдованій. Отд. I. Программы изслѣдованій крестьянской жизни. Сост. С. Н. Велецкій съ предисл. проф. А. И. Чупрова. М., 1899 г. Предъ нами одно изъ очень цѣнныхъ изданій, хотя пока оно еще не кончено, и мы съ нетерпѣніемъ будетъ ждать окончанія этой работы. Авторъ даетъ въ этой работѣ подробную исторію и современное положеніе всѣхъ отраслей земско-статистическихъ изслѣдованій; онъ знакомитъ съ организаціей статистическихъ учрежденій, даетъ пріемы изслѣдованій и разработки, которыя примѣнялись за все время существованія земско-статистическихъ учрежденій. Второй томъ представляетъ изъ себя собраніе программъ, инструкцій, бланковъ, употреблявшихся при собираніи и сводкѣ статистическихъ данныхъ въ разныхъ губерніяхъ. Эта часть на нашъ взглядъ самая

цѣнная. Собрать эту массу программъ стоило огромнаго труда, и за этотъ трудъ большое спасибо скажутъ всѣ русскіе статистики и всѣ лица, интересующіяся судьбами русской статистики. Кромѣ того авторъ даетъ библіографію общей статистической литературы и въ частности земско-статистической по губерніямъ. Но авторъ не только даетъ намъ сводку матеріаловъ по земской статистикѣ, но въ первомъ томѣ и много критическихъ замѣчаній, почерпнутыхъ имъ какъ изъ собственнаго опыта, такъ и изъ общей земско-статистической литературы. Въ виду такого богатства содержанія работы проф. Чупровъ вполнѣ правъ, когда говоритъ въ своемъ предисловіи къ этому труду, что пользуясь этою книгой „каждый можетъ не только узнать, какъ велись и разрабатывались изслѣдованія въ разныхъ отдѣлахъ земской статистики, но напередъ оцѣнить значеніе каждой потребности предстоящихъ работъ, узнать ожидаемыя трудности и усвоить способы ихъ устраненія. Книга г. Велецкаго,—продолжаетъ далѣе проф. Чупровъ,—до нѣкоторой степени замѣняетъ для мыслящаго развитого работника практическую школу статистики". Этотъ трудъ несомнѣнно принесетъ серьезную пользу для всѣхъ лицъ, имѣющихъ дѣло съ изученіемъ той или иной стороны хозяйственной жизни Россіи.

Промышленное развитіе Польши. Розы Люксембургъ. Редакція Д. Протопопова. Переводъ Ф. Гуревича. Спб., 1899 г. Ц. 50 к. Книга г-жи Р. Люксембургъ тотчасъ по своемъ выходѣ въ оригиналѣ обратила на себя вниманіе на Западѣ и у насъ. При небольшомъ объемѣ, она отличается серьезными достоинствами, именно—въ ней приведены всѣ факты русской экономической политики относительно Польши и связаны одной общей идеей; это—далеко не груда сырого матеріала, а стройное цѣлое, объединенное единствомъ теоретическаго анализа. Очертивъ условія развитія промышленности въ Россіи и въ Польшѣ, Роза Люксембургъ вскрываетъ намъ общую руководящую нить въ экономической политикѣ Россіи относительно Польши (снятіе таможенной черты, отдѣлявшей Россію отъ Польши, содѣйствіе къ развитію промышленности въ Польшѣ и т. д.), въ стремленіи выгодами русскаго рынка привязать Польшу къ Россіи. Дѣйствительно, съ развитіемъ польской промышленности многочисленные интересы все болѣе и болѣе связываютъ польскую буржуазію съ Россіей авторъ иллюстрируетъ это свое положеніе многочисленными примѣрам гдѣ польскіе фабриканты шли рука объ руку съ русскими предпринимателями въ отстаиваніи общихъ имъ интересовъ. При нивелирующемъ вліяніи развивающейся промышленности все болѣе и болѣе на мѣсто національныхъ интересовъ выступаютъ другія, болѣе прочныя нити—экономическіе интересы. „Пока,—говоритъ авторъ,—обѣ страны были преимущественно земледѣльческими, а хозяйство ихъ натуральнымъ,—слѣдовательно до 60-хъ годовъ,—до тѣхъ поръ онѣ оставались въ экономическомъ отношеніи чуждыми другъ другу и составляли каждая сама по себѣ замкнутое цѣлое, съ особыми экономическими интересами" (стр- 98). Теперь же, съ развитіемъ промышленности, „обмѣнъ и раздѣленіе труда связываютъ Россію и Польшу тысячью нитей и разнообразные экономическіе интересы такъ переплетаются между собою, что польское и русское народное хозяйство представляютъ въ настоящее время лишь одинъ производственный механизмъ..." Польская промышленность въ настоящее время идетъ быстрыми шагами и польскіе товары начинаютъ проникать въ Азію, содѣйствуя такимъ образомъ экономическому завоеванію Россіей азіатскихъ странъ, что въ данное время составляетъ пред-

метъ русской экономической политики въ этихъ странахъ; здѣсь мы имѣемъ какъ бы договоръ, покоющійся на принципѣ do ut des. Классъ крупныхъ землевладѣльцевъ, носитель прежнихъ національныхъ тенденцій, подъ вліяніемъ паденія цѣнъ на хлѣбъ,—паденія, обусловливаемаго общимъ земледѣльческимъ кризисомъ, а также и наплывомъ хлѣба изъ Россіи съ установленіемъ желѣзнодорожнаго дифференціальнаго тарифа, все болѣе и болѣе теряетъ свое вліяніе. И здѣсь опять сказывается расколъ между представителями земледѣльческой Польши и промышленной: въ то время какъ первая вопитъ противъ наплыва хлѣба изъ Россіи, вторая видитъ въ этомъ фактѣ свой интересъ (стр. 70). Затѣмъ авторъ описываетъ самые пріемы промышленной дѣятельности и торговли русскихъ и польскихъ предпринимателей. Въ то время, какъ польскіе предприниматели энергично ищутъ себѣ новыхъ рынковъ, представители московскаго района, которымъ и безъ того слишкомъ хорошо, остаются со своей прадѣдовской вѣрой въ тріединство: гарантію, премію и субсидію (стр. 96). Эту неподвижность представителей промышленнаго міра центральнаго района авторъ сводитъ къ болѣзни, очень удачно окрещенной ею „гипертрофіей прибыли"... Мы не будемъ останавливаться на другихъ сторонахъ интересной работы г-жи Люксембургъ: пусть кое-что не совсѣмъ такъ освѣщено или можетъ быть объяснено иначе, чѣмъ это дѣлаетъ авторъ, но, во всякомъ случаѣ, попытка свести всѣ мѣры экономической политики въ одно цѣлое и объяснить взаимныя политическія отношенія, притомъ столь сложныя, какъ мы это имѣемъ дѣло въ данномъ случаѣ, изъ экономическихъ интересовъ общественныхъ классовъ, заслуживаетъ полнаго вниманія. Книжка важна уже по умѣлой постановкѣ задачи даже безотносительно къ качеству добытыхъ результатовъ, и въ этомъ отношеніи чтеніе ея уже даетъ извѣстные плоды, пусть даже читатель вовсе не соглашается съ выводами автора: книжка дѣйствуетъ „anregend", какъ говорятъ нѣмцы...

Экономическій подъемъ Германской имперіи. Ж. Блонделя. Перев. Абрамова. Спб., 1899 г. Брошюра Блонделя интересна тѣмъ, что, несмотря на незначительный объемъ, прекрасно иллюстрируетъ фактъ необыкновеннаго развитія за послѣднее 25-лѣтіе, съ 1873 г. по 1897 г., промышленности и торговли Германіи. Она состоитъ изъ двухъ частей.

Въ первой части авторъ свидѣтельствами компетентныхъ лицъ и умѣло подобранными цифровыми данными сначала рисуетъ намъ вообще картину экономическаго подъема Германской имперіи; затѣмъ отмѣчаетъ успѣхи отдѣльныхъ отраслей промышленности—горнопромышленной, металлургической, прядильной, ткацкой, химической, стеклянной, фарфоровой, мебельной, бумажной, кожевенной и игрушечной. Такъ, добыча угля въ 1872 г. достигала 20 мил. тоннъ, въ 1897 г. она превосходила 100 мил. Отъ промышленности Блондель переходитъ къ торговлѣ и здѣсь указываетъ на особенный успѣхъ морской торговли, на громадное развитіе желѣзныхъ дорогъ и водныхъ путей сообщенія.

Необыкновенное развитіе авторъ сопоставляетъ (что составляетъ цѣль работы) съ развитіемъ Франціи и также цифрами доказываетъ ея отсталость. „За 25-лѣтіе,—говоритъ онъ,—съ 1873 г. по 1897 г., морская торговля Германіи возросла въ пропорціи со 100 на 265, тогда какъ во Франціи—лишь со 100 на 132.

Во второй части Блондель разсматриваетъ причины такого быстраго развитія Германіи. Главнѣйшія изъ нихъ—характеръ германской расы, практическое и серьезное воспитаніе, даваемое молодымъ нѣмцамъ, и науч-

ный методъ и знаніе, съ помощью которыхъ они дѣйствуютъ. Для насъ интереснѣе послѣднія двѣ причины, подъ которыя авторъ подводитъ тѣ особые пріемы нѣмецкихъ фабрикантовъ и торговцевъ, благодаря которымъ ихъ товары проникаютъ всюду и вытѣсняютъ съ рынка товары другихъ націй. „Нѣмецъ,—говоритъ Блондель,—не пренебрегаетъ мелочами, чтобъ угодить своему кліенту. Съ удивительнымъ практическимъ смысломъ онъ угождаетъ его вкусамъ и манерамъ". Прежде организаціи дѣла въ странѣ, нѣмцы изучаютъ вкусы покупателей, мѣстныя потребности, обычаи и нравы. Нѣмецкіе промышленники усвоили также привычку посылать своихъ представителей непосредственно къ мелкимъ торговцамъ; они не удовлетворяются коммиссіонерами, поселившимися на главныхъ рынкахъ и распредѣляющими образцы и товары болѣе или менѣе случайно. Нѣмцы понимаютъ, что при наступленіи сезона покупатели не придутъ стучаться, какъ то было раньше, въ дверь промышленника; они знаютъ, что коммерческіе обычаи измѣняются, что кліенты уже не безпокоятся, что ихъ нужно посѣщать самимъ, выслушивать ихъ желанія и принимать къ свѣдѣнію ихъ замѣчанія.

Мы съ намѣреніемъ остановились на послѣднихъ причинахъ, которыми авторъ брошюры объясняетъ быстрый подъемъ Германіи, такъ какъ его упреки французскимъ промышленникамъ и торговцамъ съ гораздо большей справедливостью могутъ быть посланы по адресу нашихъ. Если французы не получаютъ достаточно практическаго и серьезнаго образованія для того, чтобы съ успѣхомъ поддерживать и развивать промышленность и торговлю, то что сказать о нашемъ торгово-промышленномъ классѣ, который, за рѣдкими исключеніями, не получаетъ почти никакого образованія. „Изъ всѣхъ завѣдующихъ нашими заводскими и фабричными предпріятіями, только 7,6% обладаютъ какимъ-либо техническимъ образованіемъ, да и изъ этихъ лицъ $^1/_4$ иностранцы" (*Соболевъ:* „Коммерческая географія Россіи" стр. 94).

Благодаря строго-протекціонной политикѣ и обширнымъ внутреннимъ рынкамъ, наши промышленники не знаютъ, что значитъ завоевывать себѣ рынки, и не хотятъ понять, что прошли тѣ времена, когда покупатели сами стучались къ нимъ въ дверь, что обстоятельства измѣнились что польскія фабрики и нѣмецкія, благополучно перенесенныя на русскую почву, мало-по-малу отнимаютъ у нихъ рынки, въ то время какъ правительство тщетно старается открыть имъ сношенія съ Востокомъ, а сами они пальцемъ, какъ говорится, не тронутъ Вмѣсто того, чтобы пользоваться уроками своихъ конкуррентовъ, они осаждаютъ правительство жалобами на вторженіе иностранныхъ капиталовъ и просьбами о законодательной защитѣ отъ нѣмецко-польской промышленности.

Брошюра Блонделя очень интересна, и мы желаемъ ей широкаго распространенія.

Обзоръ положенія и дѣятельности потребительныхъ обществъ Россіи по даннымъ 1897 года. Составилъ Н. А. Рейтлингеръ, секретарь постоянной коммиссіи по дѣламъ потребительныхъ Обществъ. Изданіе постоянной коммиссіи. Спб., 1899 г Ц. 4 р., съ перес. 4 р 50 к. Уставъ перваго русскаго потребительнаго общества былъ утвержденъ тридцать пять лѣтъ назадъ (въ 1865 году), и съ того времени дальнѣйшее развитіе этого рода Обществъ, вызываемыхъ къ жизни насущными потребностями трудовой части населенія, въ теченіе первыхъ десятилѣтій, подвергалось сильнымъ колебаніямъ: число ихъ то росло, то падало. Въ послѣдніе годы значительный толчокъ къ быстрому росту потребительныхъ обществъ на нашей родинѣ былъ

сообщенъ изданнымъ въ маѣ 1897 г. нормальнымъ уставомъ, въ значительной степени облегчившимъ процедуру ихъ разрѣшенія властями. Однако вполнѣ правильный ходъ этого полезнаго дѣла до сего времени еще тормозится отсутствіемъ какихъ-либо организованныхъ средствъ для постояннаго ознакомленія съ жизнью и дѣятельностью существующихъ обществъ (нѣтъ печатнаго органа, посвященнаго потребительскому дѣлу, не осуществляются періодическіе съѣзды представителей обществъ, не издаются ежегодныя обзоры и т. д.). Вышедшій теперь въ свѣтъ трудъ г. Рейтлингера является если не первой у насъ, то единственной по сравнительной полнотѣ матеріала работой, дающей возможность сдѣлать нѣкоторые выводы о характерѣ русскихъ потребительныхъ обществъ и составить себѣ представленіе объ ихъ положеніи и дѣятельности. Авторъ располагалъ матеріаломъ, поступившимъ въ названную выше коммиссію въ видѣ отвѣтовъ на цѣлую програму вопросовъ, выработанныхъ ею и разосланныхъ, въ апрѣлѣ 1897 года, въ 220 обществъ, которыя были извѣстны коммиссіи. Только сто обществъ своевременно прислали просимыя свѣдѣнія, вошедшія цѣликомъ въ настоящую книгу (главнѣйшія изъ нихъ въ обработанномъ видѣ). Въ видѣ общей характеристики дѣла, первыя главы „Обзора“ посвящены также даннымъ о числѣ потребительныхъ обществъ въ Россіи, продолжительности ихъ дѣйствія и географическомъ распредѣленіи, вмѣстѣ съ небольшой сравнительной таблицей объ отношеніи числа такихъ обществъ къ числу населенія въ Швейцаріи, Великобританіи, Италіи, Франціи и Германіи. По вычисленіямъ г Рейтлингера, 307 русскихъ обществъ относятся къ числу жителей Россіи, какъ 1:417,271, въ то же время Швейцарія даетъ 1 общество на 15,111 челов. мѣстныхъ жителей, Великобританія—1 общество на 27,122 чел., Италія—1 на 29,000, Франція—1 на 35,209 и Германія—1 на 38,250 человѣкъ. Тѣ же общія данныя показываютъ, что около трети (99) приведеннаго числа русскихъ обществъ основаны въ городахъ, нѣсколько менѣе трети (91)—при фабрикахъ и заводахъ, 56—въ селахъ, 25—при желѣзныхъ дорогахъ, 23—при военныхъ частяхъ и 13—при казенныхъ и частныхъ учрежденіяхъ. Что касается до ста обществъ, приславшихъ о себѣ свѣдѣнія, соотвѣтствующія программѣ коммиссіи, то всѣ они имѣютъ 55,294 членовъ, съ значительнымъ преобладаніемъ фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ и мастеровыхъ, 19,477 офицеровъ и проч. служащихъ военнаго и морского вѣдомствъ (10,308) и желѣзнодорожныхъ служащихъ (13,095); сельское населеніе даетъ всего 2,650 чл., или только 4,8% всего числа членовъ ста обществъ. Капиталы тѣхъ же обществъ на 1 января 1897 г. выражались въ слѣдующихъ суммахъ: паевой (98 общ.)—2.358,379 р., запасный и резервный вмѣстѣ—425,852 руб., страховой (у 1 общ.) 3,919 р. и пенсіонный (у 2 общ.)—11,854 руб. всего 2,800,005 р., въ среднемъ на одно общество по 28 000 руб и на одного члена по 50 р. Долги 98-ми обществъ равнялись 2,464,033 р., въ среднемъ на каждое 25,143 руб. и на одного члена по 44 р. 60 к. Всѣ общества, кромѣ двухъ, занимаются продажей товаровъ изъ 202-хъ торговыхъ заведеній, причемъ обороты за годъ равнялись: по покупкѣ товаровъ 14.854,791 руб. и по продажѣ—15 814,276 руб. По заключенію изслѣдователя, наши потребительныя общества, въ общемъ, пріобрѣтаютъ товары „на довольно маловыгодныхъ условіяхъ“, благодаря незначительности оборотовъ большинства изъ нихъ и „въ связи съ *полною разрозненностью ихъ дѣйствій*“. Такъ, на вопросъ о совмѣстныхъ покупкахъ, 87 обществъ дали отри-

цательный отвѣтъ, 7 — никакого отвѣта; только 7 — 10 обществами производились совмѣстныя закупки мануфактурныхъ товаровъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Авторъ отмѣчаетъ, что на помощь обществамъ въ этомъ отношеніи должны будутъ прійти: учрежденный въ 1898 году московскій Союзъ потребительныхъ обществъ и проектируемое въ Петербургѣ „Всероссійское общество оптовыхъ операцій“. Наиболѣе распространенною системой продажи товаровъ является продажа *по цѣнѣ стоимости*, оказавшаяся, по словамъ г. Рейтлингера, „столь пагубной для потребительныхъ обществъ на Западѣ“. Чистая прибыль отъ операцій получалась большинствомъ обществъ (58) въ размѣрѣ отъ 1 до 5%, 30 обществъ имѣли прибыли отъ 5 до 10% и болѣе 10%—2 общества; убытокъ имѣли только 3 общества. Производительныя предпріятія изъ ста обществъ оказались только у 24-хъ, имѣющихъ 32 заведенія, главнымъ образомъ хлѣбопекарни (14 завед.); затѣмъ имѣются мастерскія: обмундировальныя и офицерскихъ вещей, квасоварни (2), столовыя (2), паровыя мельницы (2), булочная и бараночная, колбасная, бойня, портновская мастерская и перчаточная. Характерно, что среди обществъ не установился еще обычай дѣлать изъ своихъ прибылей отчисленія на общеполезныя или благотворительныя цѣли. Приведенныя въ книгѣ данныя по этому вопросу отмѣчаютъ только 46 случаевъ отчисленій этого рода, изъ которыхъ въ 18-ти случаяхъ отчислены суммы на нужды образованія, въ 10-ти случаяхъ—на благотворительныя дѣла, въ 8-ми—на церкви и проч. Въ высшей степени интересную главу „Обзора“ представляютъ собою данныя о вліяніи потребительныхъ обществъ на мѣстныя цѣны. Они показываютъ, что хорошо организованная дѣятельность каждаго подобнаго общества имѣетъ полезное значеніе не только для его членовъ, но и для всего мѣстнаго населенія, слѣдовательно, представляетъ собою крупное общественное явленіе, особенно въ болѣе глухихъ и отдаленныхъ отъ крупныхъ центровъ поселеніяхъ. Отвѣты обществъ констатируютъ тотъ фактъ, что вслѣдъ за открытіемъ потребительской торговли мѣстные торговцы тотчасъ же понижаютъ цѣны (иногда совершенно произвольныя) на свои товары. Максимумъ пониженій достигаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ до 100% и даже до 150%. Въ приложеніяхъ къ „Обзору“ помѣщены: списокъ обществъ дѣйствующихъ въ Россіи на 1 января 1898 года, тотъ же списокъ въ алфавитномъ порядкѣ названій обществъ (307 общ.). Списокъ вновь утвержденныхъ въ 1897 году обществъ (41), списокъ обществъ, прекратившихъ свои дѣйствія, распредѣленіе обществъ по губерніямъ и уѣздамъ, по районамъ, сводъ отвѣтовъ 100 обществъ, отвѣты ихъ о вліяніи на мѣстныя цѣны, програма вопросовъ для изслѣдованія обществъ, составленная И. Х. Озеровымъ, и вопросный листъ постоянной коммиссіи. Имѣется кромѣ того интересная діограмма, показывающая постепенное развитіе числа обществъ съ 1865 г. по 1897 г., и карта Европейской Россіи съ нагляднымъ изображеніемъ (красками) распредѣленія обществъ по губерніямъ

Уже изъ приведенныхъ нами вкратцѣ общихъ итоговъ, характеризующихъ дѣятельность нашихъ потребительныхъ обществъ, видно, какъ много интереснаго и цѣннаго матеріала заключается въ этомъ изданіи постоянной коммиссіи. Несомнѣнно, конечно, что выработанная ею программа изслѣдованія страдаетъ нѣкоторыми недочетами (наприм., не былъ поставленъ вопросъ о сравнительныхъ данныхъ, касающихся суммъ вырученныхъ отъ продажи товаровъ членамъ и постороннимъ лицамъ, не затронутъ вопросъ о способахъ вознагражде-

нія членовъ правленій и ревизіонныхъ коммиссій, о способахъ выборовъ въ члены тѣхъ же органовъ обществъ и т. дал.), но справедливость требуетъ сказать, что наши общества вообще туго отзываются на всѣ подобные письменные запросы и потому, естественно, что коммиссія стремилась насколько возможно сократить свою программу. Чтобы выяснить картину жизни нашихъ обществъ во всей ея цѣлости, слѣдовало бы употребить экскурсіонный способъ изслѣдованія. Пока же будемъ благодарны петербургской коммиссіи и за то, что она сдѣлала.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

„Почвовѣдѣніе". Періодич. изданіе подъ ред. *П. В. Отоцкаго.* №№ 1—2, 1899 г.— „Бесѣды сельскаго хозяина". *В. И. Пихно.* — „Международная торговля птицей и птичьими продуктами". Сост. *Ст: Гулишамбаровъ.*

Почвовѣдѣніе. Періодическое изданіе почвенной коммиссіи Имп. Вольн. Экон. Общества. Подъ ред. П. В. Отоцкаго. Спб., 1899 г. №№ 1 и 2. Цѣна за годъ (4 книжки) 5 рублей. Съ нынѣшняго года при почвенной коммиссіи Вольн. Экон. Общества сталъ издаваться новый журналъ, спеціально посвященный вопросамъ почвовѣдѣнія. Журналъ редактируется геологомъ П. В. Отоцкимъ, зарекомендовавшимъ себя въ литературѣ нѣсколькими изслѣдованіями и полезною библіографическою работою. Въ составѣ редакціоннаго комитета значатся Н. П. Адамовъ, П. Ѳ. Бараковъ, Н. А. Богословскій, К. Д. Глинка, П. А. Земятченскій, Д. О. Ивановскій, П. С. Коссовичъ, Н. И. Сибирцевъ, Г. И. Танфильевъ и А. Р. Ферхминъ.

Въ двухъ вышедшихъ книжкахъ кромѣ библіографіи и хроники имѣются статьи Г. Ф. Морозова—„О почвовѣдѣніи и лѣсоводствѣ", Г. Н. Высоцкаго—„О почвенныхъ зонахъ и о Великомъ Анадолѣ", Г. И. Тамфильева „О Влацимірскомъ черноземѣ", П. В. Отоцкаго—„О вліяніи лѣсовъ на грунтовыя воды", П. А. Земятченскаго—„О латеритѣ" К. Д. Глинки—„О новѣйшихъ бонитировочныхъ работахъ".

Выборъ статей, хроника и библіографія позволяютъ думать, что журналъ будетъ вестись живо и послужитъ широкому распространенію знаній о русскихъ почвахъ. А въ такомъ распространеніи сильно нуждаются агрономы, гигіенисты, хозяева и земскіе дѣятели.

Въ дальнѣйшемъ теченіи изданія пожелаемъ большаго вниманія къ санитарнымъ изслѣдованіямъ почвы. Вѣдь въ этой области въ Россіи дѣлалось и дѣлается не мало; достаточно вспомнить рядъ диссертацій на доктора медицины и лучшую на русскомъ языкѣ (хотя теперь, конечно, устарѣвшую) работу по лабораторному изслѣдованію почвъ, принадлежащую профессору гигіены А. Я. Щербакову (Казань, 1882 года *).

Бесѣды сельскаго хозяина. В. И. Пихно. Съ чертежами. Изданіе въ пользу Кіевскаго общества грамотности. Посмертное изданіе. Кіевъ, 1899 г. Цѣна 40 коп. Какъ видно изъ введенія къ книжкѣ, принадлежащаго перу ея издателя—проф. Д. И. Пихно, издана она въ память покойнаго его брата, написавшаго ее во время тяжкой болѣзни, сведшей автора въ могилу. Работа эта предназначалась покойнымъ для чтенія преимущественно въ сельскихъ школахъ. „Онъ на-

---

*) Кстати отмѣтимъ, что эта работа пропущена въ указателѣ П. В. Отоцкаго.

дѣялся, что учитель дополнитъ живымъ словомъ, а молодые читатели будутъ заниматься работами, которыя въ книгѣ описаны, и изучать болѣе подробно предметы, о которыхъ онъ написалъ кратко“ Книга посвящена слѣдующимъ отраслямъ сельскаго хозяйства: полеводству, огородничеству, садоводству и пчеловодству. Начатая печатаніемъ глава о домашнихъ животныхъ является неоконченною за смертью автора. Изложеніе книги начинается съ главы: „Наука нашихъ дѣдовъ и прадѣдовъ и книжная наука“, въ которой авторъ, отдавая должное важному значенію опыта дѣдовъ и прадѣдовъ, популярно и убѣдительно доказываетъ необходимость пользованія и совѣтами книжными, какъ средоточіемъ опыта и знаній многихъ дѣдовъ и прадѣдовъ Въ книгѣ проводится, между прочимъ, и мысль о пользѣ и этическомъ значеніи взаимопомощи и работы артелью, скопомъ, причемъ авторъ по возможности оттѣняетъ отдѣльныя сельско-хозяйственныя работы, которыя болѣе приспособлены къ осуществленію артельнымъ трудомъ, міромъ сообща и могутъ дать при этомъ наиболѣе плодотворные результаты. Изъ перечисленныхъ цѣлыхъ главъ наиболѣе полно разработана глава о пчеловодствѣ („Пасѣка“), снабженная чертежами, и затѣмъ глава по садоводству; менѣе подробною представляется глава о полеводствѣ; довольно много мѣста удѣлено также вреднымъ насѣкомымъ и борьбѣ съ ними. Книга написана не только съ знаніемъ, но и съ несомнѣнною любовью къ дѣлу, отвѣчая такимъ образомъ словамъ издателя, что „любовью къ людямъ и ко всякому Божьему созданію благоухаетъ эта книга, какъ полевой цвѣтокъ чистымъ ароматомъ“. Внѣшность изданія и печать не оставляютъ желать лучшаго.

Международная торговля птицей и птичьими продуктами. Составилъ Ст. Гулишамбаровъ. Спб., 1899 г. Ц 1 р Монографія С. О. Гулишамбарова вызвана международною выставкой птицеводства и международнымъ съѣздомъ птицеводовъ, происходившими въ Петербургѣ въ маѣ 1899 г. Автору пришлось продѣлать нелегкую работу, такъ какъ продукты птицеводства иногда не легко разыскать въ регистраціи привоза и вывоза.

Яйца показываютъ такое колоссальное увеличеніе вывоза, какого не знаетъ ни одинъ товаръ русскаго отпуска, кромѣ нефти. Въ 1870 г изъ Россіи вывозилось только 11 милліоновъ штутъ яицъ на 110 тыс. рублей, въ 1898 г. было вывезено безъ малаго 2 милліарда штукъ на 31 милліонъ рублей. Яйца не испытывали того паденія цѣны, которое отразилось на большинствѣ сельскохозяйственныхъ продуктовъ. По абсолютному количеству поставляемыхъ на международный рынокъ яицъ Россія занимаетъ первое мѣсто. Это обстоятельство имѣетъ серьезное значеніе въ русскомъ недоѣданіи: извѣстно, какъ слабо распространено потребленіе животныхъ продуктовъ въ русскомъ населеніи.

Матеріалъ въ книгѣ С. О. Гулишамбарова сгруппированъ и по продуктамъ и по странамъ. Отдѣльный очеркъ описываетъ международный птичій рынокъ за 1897 годъ. Заключительная глава перечисляетъ ввозные и вывозные тарифы разныхъ государствъ на птицу и птичьи продукты.

МЕДИЦИНА.

„Чахотка, какъ соціальное явленіе“. *В. Клея.*

Чахотка, какъ соціальное явленіе. В. Клея. Перев. и дополненіе д-ра медицины А. Яроцкаго. Изд. О. Н. Поповой. 1899 г. Цѣна 50 к. Чахотка принадлежитъ къ числу такихъ болѣзней, которыя оказываютъ огромное вліяніе на экономическій и соціальный строй культурныхъ странъ, уменьшая ихъ благосостояніе и способствуя дегенераціи человѣчества, такъ что предлагаемая брошюра, изобилующая статистическимъ матеріаломъ, должна заинтересовать всякаго, способнаго взглянуть прямо на міровое зло. Характеризуя вкратцѣ современное развитіе чахотки, авторъ даетъ вѣрныя средства для борьбы съ ней и заключаетъ любопытный очеркъ упованіемъ на соціально-политическій строй. Вопросъ о борьбѣ съ чахоткой неразрывно связанъ съ выполненіемъ всей соціально-политической программы: расширенія охраны рабочихъ, уменьшенія рабочаго времени, упорядоченія полученія работы, улучшенія народнаго питанія, гигіеническихъ улучшеній. Нужно бодро идти впередъ уже по начатому нами пути мирной соціальной реформы! Неустанно идущее впередъ время, со своимъ видоизмѣняющимъ и творческимъ духомъ будетъ все болѣе и болѣе приводить въ исполненіе великую соціально-политическую программу, хотя полное осуществленіе ея не можетъ и не будетъ достигнуто. Прежде всего слѣдуетъ во всякомъ случаѣ преградить непосредственными мѣрами черезчуръ сильное распространеніе чахотки, внести просвѣщеніе въ массу народа, возбудить въ немъ самодѣятельность, въ дѣлѣ борьбы съ чахоткой, главнымъ же образомъ сдѣлать извѣстнымъ успѣшность лѣченія въ санаторіяхъ и сдѣлать послѣднее доступнымъ, увеличивъ число санаторій. Каждый обязанъ сообразно со своими силами участвовать въ этой борьбѣ. Уничтоженіе опаснѣйшаго врага человѣчества—чахотки будетъ великой, прекрасной побѣдой (стр. 91). Въ „Приложеніи“ д-ръ Яроцкій (переведшій брошюру) дополняетъ картину развитія чахотки въ Россіи, статистическій матеріалъ взятъ имъ, преимущественно, изъ свѣдѣній медицинскаго департамента за 1895 годъ и XIII съѣзда московскаго губернскаго земства. Многаго приходится желать для улучшенія положенія чахоточныхъ у насъ. „Сопоставленіе крупныхъ результатовъ, достигнутыхъ Германіей по этому вопросу, съ почти полнымъ отсутствіемъ мѣропріятій въ этомъ направленіи у насъ въ Россіи, можетъ дать почву для извѣстнаго рода пессимистическаго настроенія. И въ печати, и въ обществѣ нерѣдко приходится слышать сожалѣнія объ отсутствіи у насъ умѣнья работать, выдержки и систематичности въ самой работѣ,—однимъ словомъ, длинный рядъ сѣтованій, сводящихъ отрицательныя стороны нашей жизни на недостатки отдѣльныхъ индивидуумовъ. Сравненіе трудное дѣло. Но кто знакомъ съ дѣятельностью земства въ медицинѣ и даже въ народномъ образованіи, тотъ не станетъ обвинять русскаго человѣка въ отсутствіи способности къ общественной работѣ; наоборотъ, проникаешься глубокимъ уваженіемъ къ умѣнью организовать дѣло, беззавѣтно отдавать ему всѣ свои силы, неуклонно годами стремиться къ намѣченной цѣли, несмотря на всѣ тяжелыя условія, среди которыхъ приходится работать. Какъ ни коротка въ сущности исторія земства при старомъ земскомъ Положеніи (до закона 1890 г.), она даетъ достаточно фактовъ, чтобы можно было съ свѣтлой вѣрой смотрѣть на будущее. И какъ ни мало

дѣлается сейчасъ у насъ городами и земствами для борьбы съ чахоткой, мы не должны забывать, что сейчасъ наше городское и земское самоуправленіе переживаетъ тяжелый періодъ своего существованія, и что въ этомъ вопросѣ, какъ и во многихъ другихъ, залогъ свѣтлаго будущаго заключается въ томъ, чтобы въ нашемъ обществѣ сохранялись живыми традиціи земства“ (стр. 114).

Брошюра по цѣнѣ средняя. „Образовательная библіотека“ О. Н. Поповой обогатилась еще лучшимъ, полезнымъ нумеромъ.

КНИГИ ДЛЯ НАРОДА.

Изданіе Спб. акц. общ. „Издатель“. Говоря въ одномъ изъ предыдущихъ обзоровъ народной литературы объ оживленіи, которое замѣчается за послѣднее время въ дѣлѣ изданія книгъ для народа, мы высказали предположеніе, что это оживленіе не остановится, а будетъ продолжаться, такъ какъ запросъ на книги постоянно возрастаетъ, — жизнь требуетъ своего, и, какъ бы ни былъ тернистъ путь интеллигентныхъ издателей, дѣло ихъ не можетъ остановиться. Временно оно можетъ затихнуть, измѣнить свое направленіе, но это будетъ лишь сонъ, а не смерть, и достаточно незначительнаго толчка, чтобы опять показать признаки жизни. Въ самомъ дѣлѣ: съ закрытіемъ комитетовъ грамотности года два-три наблюдается полное затишье въ издательскомъ дѣлѣ, но вотъ годъ тому назадъ выходитъ серія изданій О. Н. Поповой, выпускаетъ въ свѣтъ свои изданія Московское Общество грамотности, затѣмъ выходитъ серія народныхъ изданій *Родного Слова*, рядъ популярно-научныхъ брошюръ для народнаго чтенія издаетъ Павленковъ; въ настоящее время намъ приходится констатировать фактъ появленія еще новой издательской фирмы, на этотъ разъ цѣлаго акціонернаго общества „Издатель“ Передъ нами первая серія изданій этого общества, заключающая въ себѣ 21 книжку произведеній Мамина-Сибиряка, Засодимскаго, Станюковича, Немировича-Данченко и Позднякова. Скажемъ нѣсколько словъ о каждой изъ вновь вышедшихъ книжекъ.

Изъ произведеній Мамина-Сибиряка въ серію вошли слѣдующія 10 книжекъ: „Малиновыя горы“ (7 коп.), „Зимовье на Студеной“ (5 коп.) „Пріемышъ“ (3 коп.), „Старый воробей“ (3 коп.), „Постойко“ (3 коп.), „Конь Разбойникъ“ (7 коп.), „Савка“ (5 коп.), „Горяй“ (5 коп.), „Исповѣдь“ (3 коп.), „Васька - Забалуй“ (3 коп.). Первые три разсказа нѣсколько сходны по содержанію, это—лишь разныя варіаціи на одну и ту же тему. Старикъ сторожъ и собака—вотъ немногочисленный персонажъ этихъ чудныхъ разсказовъ-картинокъ, принадлежащихъ перу нашего художника-беллетриста. Но зато какой прелестью и задушевностью вѣетъ съ каждой страницы этихъ разсказовъ, въ силу своей художественности одинаково интересныхъ для читателя любого возраста. Въ разсказахъ „Конь - Разбойникъ“ „Савка“ и „Горяй“ авторъ описываетъ свои впечатлѣнія и встрѣчи на охотѣ въ Уральскихъ лѣсахъ. Типы, выведенные имъ, интересны, а описаніе уральской природы напоминаетъ страницы изъ „Записокъ охотника“. Разсказъ „Исповѣдь“ по содержанію близко подходитъ къ „Хозяину и работнику“ Л. Толстого. Здѣсь замерзаютъ трое: купецъ-золотопромышленникъ, его приживальщикъ и кучеръ киргизъ... Близость смерти пробуждаетъ у каждаго изъ нихъ воспоминанія о темныхъ дѣлахъ въ прошломъ и

сразу измѣняютъ ихъ взаимныя отношенія: издѣвавшiйся передъ тѣмъ надъ приживальщикомъ богачъ-золотопромышленникъ теперь исповѣдуетъ ему свои грѣхи и проситъ о прощенiи; спокойнѣе умираетъ фаталистъ кучеръ. Содержанiе разсказа „Васька Забалуй“ взято изъ жизни петербургской прислуги. Разсказъ пригоденъ только для взрослыхъ. Въ немъ много горькихъ, хотя и старыхъ истинъ. Разсказы „Старый воробей“ и „Постойко“ назначаются главнымъ образомъ для дѣтскаго чтенiя. Изъ нихъ второй, по нашимъ наблюденiямъ, дѣтямъ нравится больше.

Засодимскому принадлежатъ пять книжекъ: „Черные вороны“ (4 к.), „Отъ сохи къ ружью“ (5 коп.), „Ѳедька Базлаенокъ“ (10 коп.), „Весь вѣкъ для другихъ“ (3 коп.), „Дождалась тетка Аксинья“ (7 коп.) и „Мiрское дитё“ (5 коп.). Содержанiе всѣхъ шести книжекъ взято изъ народной жизни и близко затрогиваетъ интересы крестьянина. Въ первой изъ нихъ выведенъ типъ деревенскаго хищника-кулака, смѣнившаго собою дореформеннаго барина; какъ паукъ опуталъ онъ своею сѣтью темный мужицкiй мiръ и держитъ въ своихъ крѣпкихъ рукахъ населенiе цѣлаго околотка. Просто и тепло написанъ разсказъ „Отъ сохи къ ружью“. Тихое семейное счастье работящей крестьянской семьи разрушается призывомъ на войну отца семейства. Тяжелое впечатлѣнiе производитъ повѣсть „Ѳедька Базлаенокъ“: въ ней разсказывается одна изъ тѣхъ кровавыхъ исторiй, которыхъ такъ много разыгрывается у насъ на почвѣ народной грубости и невѣжества. Дѣтямъ эту книжку давать не слѣдуетъ. „Весь вѣкъ для другихъ“—простой, безхитростный разсказъ про крестьянскую дѣвушку, посвятившую всю свою жизнь служенiю ближнему. Въ разсказѣ „Дождалась тетка Аксинья“ изображаются тѣ невзгоды и бѣдствiя, которыя наноситъ деревнѣ фабрика, отрывая отъ земли часто лучшiя силы, которыя гибнутъ или подъ колесомъ машины или тонутъ въ омутѣ разврата городской и фабричной жизни. Деревенскимъ старикамъ фабрика представляется страшнымъ, ненасытнымъ чудовищемъ. „Гдѣ-то тамъ, далеко, притаилось оно и какими-то злыми чарами да пустыми посулами заманиваетъ къ себѣ довѣрчивыхъ, простыхъ деревенскихъ людей, портитъ, калѣчитъ ихъ, губитъ ихъ тѣло и душу, убиваетъ на смерть. Оно жретъ ихъ на мѣстѣ или выпивъ ихъ кровь, вымотавъ изъ нихъ силушку, выбрасываетъ ихъ въ деревню умирать“. Такъ разсуждаетъ тетка Аксинья, у которой фабрика отняла почти всю семью Небольшой разсказъ „Мiрское дитё“ раньше былъ изданъ „Посредникомъ“, онъ хорошо извѣстенъ всѣмъ, кто слѣдилъ за народными изданiями. Переизданными также являются: разсказъ Немировича-Данченко—„Забытый рудникъ“ (6 коп.), (раньше издавался нѣсколько разъ „Посредникомъ“) и „Смерть на кораблѣ“ Станюковича (5 коп.), изданный раньше фирмой „Правда“. Жаль, что всѣ эти три разсказа въ новомъ изданiи стоятъ вдвое и втрое дороже, чѣмъ они стоили въ первыхъ изданiяхъ.

Позднякову принадлежатъ три разсказа: „Залямъ“ (3 коп.), „На бѣдность“ (3 коп.) и „Переполохъ“ (5 коп.).

Съ внѣшней стороны книжки „Издателя“ являются безупречными: хорошая бумага, четкая печать, очень хорошенькая виньетка на оберткѣ. Къ сожалѣнiю цѣна книжекъ должна быть признана очень высокою: обыкновенная листовая книжка у „Издателя“ стоитъ 6 коп., т.-е. втрое дороже, чѣмъ такая же книжка стоитъ у „Посредника“. Мы увѣрены, что это обстоятельство послужитъ тормозомъ при ихъ распространенiи. Значительное большинство ихъ въ библiотеки не допущены,

слѣдовательно единственный путь, которымъ онѣ могутъ достигнуть до деревенскаго читателя, это непосредственная продажа ихъ по деревнямъ; тутъ-то вотъ дорогая расцѣнка и отразится на ихъ распространеніи. Не нужно зебывать, что еще очень и очень много книгъ, гораздо больше, чѣмъ черезъ всѣ другіе пути, распространяется у насъ черезъ офеней, преслѣдующихъ, конечно, меркантильныя цѣли. Листовку „Издателя“ офеня покупаетъ по 3 р 50 к. за сотню (мы считаемъ 30% уступки), листовку „Посредника“ онъ покупаетъ по 90 к. за сотню, а обыкновенную лубочную книжку въ листъ ему уступаютъ по 60—65 к. за сотню. Если мы представимъ теперь, что на мѣстѣ каждую изъ этихъ трехъ листовокъ онъ будетъ продавать по 5 коп. за экземпляръ, то само собой будетъ понятно, почему произведенія Никольскаго рынка („Чортъ въ дуплѣ“, „Савоська грязный носъ“ и т. п. перлы) ежегодно проходятъ сотнями тысячъ каждая (это фактъ), произведенія Мамина-Сибиряка и Засодимскаго пройдутъ по двѣ, по три тысячи въ годъ. Вѣдь могутъ же лубочники съ хорошимъ барышомъ для себя продавать листовки по 65 коп. за сотню, почему же интеллигентные издатели не могутъ довести до такой же дешевизны свои изданія? Надъ этимъ вопросомъ у насъ еще мало думали, а между тѣмъ это вопросъ чрезвычайной важности въ дѣлѣ распространенія хорошихъ книгъ, и надъ нимъ слѣдуетъ призадуматься Издать хорошую книжку—это только половина дѣла, нужно еще позаботиться о ея распространеніи, и притомъ и тѣми же путями, какими изстари распространяется у насъ народная книжка. Пути эти выработаны самой жизнью и пренебрегать ими было бы смѣшно, если мы хотимъ серьезно конкуррировать съ лубочниками Никольскаго рынка.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

„Настольная книга по народному образованію“. Сост. *Г. Фальборкомъ и И. Чарнолусскимъ.*—„Энциклопедическій словарь“. Изд. *Ф. Павленкова.*

Настольная книга по народному образованію. Составлена Г. Фальборкомъ и В. Чарнолусскимъ. Въ двухъ томахъ. Томъ I. Спб. Изданіе товарищества „Знаніе“ 1899 г Давно уже чувствуется потребность имѣть справочникъ по народному образованію, по которому всякій, такъ или иначе интересующійся животрепещущимъ вопросомъ, могъ бы найти оффиціальное на него разрѣшеніе. Гг. Фальборкъ и Чарнолусскій, предлагая свой кропотливый трудъ всѣмъ „чающимъ“ и „жаждущимъ“, не будутъ, конечно, въ претензіи на насъ за то, что мы укажемъ какъ на его достоинства, такъ и недостатки (которыхъ весьма мало).

Прежде всего, трудъ имѣетъ страничку въ исторіи нынѣ упраздненнаго С.-Петербургскаго комитета грамотности. Въ періодъ симпатичной дѣятельности комитета гг. Фальборкъ и Чарнолусскій надумали предложить одной изъ его коммиссій для изданія „составить полный сводъ дѣйствующихъ узаконеній и распоряженій по народному образованію“. Предложеніе приняли съ охотой. Но дѣятельные труженики „по народному образованію“ не увидѣли осуществленія своихъ завѣтныхъ мечтъ комитетомъ, и только спустя почти пять лѣтъ съ начала работы книгоиздательство „Знаніе“ выпустило въ свѣтъ удачно составленный ихъ трудъ

Передъ нами объемистый 1-й томъ „Настольной книги по народно-

му образованію". Онъ составляетъ только часть труда, предполагается къ печатанію еще 2-й томъ, навѣрное не меньшихъ размѣровъ, чѣмъ первый.

Въ этотъ томъ вошли „узаконенія и распоряженія, вышедшія до времени печатанія соотвѣтствующихъ отдѣловъ", во второмъ печатаются „узаконенія и распоряженія о службѣ государственной и общественной, объ учебныхъ заведеніяхъ для приготовленія учителей народныхъ училищъ, о низшихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ разрядовъ, о внѣшкольномъ образованіи и т. д." Кромѣ того, желая сдѣлать „Настольную книгу по народному образованію" отвѣчающей требованіямъ современности, составители намѣреваются выпускать каждый годъ „Ежегодники по народному образованію", благодаря чему трудъ не потеряетъ своего существеннаго значенія и по истеченіи многихъ лѣтъ.

Первый томъ разбивается на два отдѣла: въ первомъ разсматривается „Завѣдываніе народнымъ образованіемъ", во второмъ—„Общія узаконенія и распоряженія, имѣющія отношеніе къ народному образованію".

Составители включили въ первую часть законныя постановленія о всѣхъ учрежденіяхъ Россіи, непосредственно и въ отдаленности соприкасающихся съ народнымъ образованіемъ, городскимъ и сельскимъ, причемъ даже есть маленькія излишества, наприм., намъ кажется, статейки „О полиціи" слишкомъ полны и врядъ ли понадобятся дѣятелю по народному образованію.

Вторая часть заключаетъ въ себѣ извлеченія изъ всевозможныхъ законовъ: военныхъ, гражданскихъ и административныхъ, имѣющихъ прямое или косвенное отношеніе къ народному образованію. Здѣсь излишествъ не попадается. Между прочимъ, помѣщены программы на званія народныхъ учителей новаго типа и нѣкоторыя относящіяся сюда необходимыя замѣчанія.

Однимъ словомъ, предполагаемая справочная книга по народному образованію, обильная всевозможными свѣдѣніями и статистическими данными, является, дѣйствительно, необходимой принадлежностью рабочаго стола для лицъ, заинтересованныхъ въ дѣлѣ народнаго образованія въ Россіи. Недостатки ея заключаются, преимущественно, въ обширности взятаго матеріала, подчасъ совершенно лишняго и имѣющаго отдаленное отношеніе къ главной цѣли, достоинства же книги неоспоримы. Можно смѣло сказать (судя по первому тому), предпринятый благородный трудъ гг. Фальборкомъ и Чарнолусскимъ дастъ намъ въ цѣломъ полную картинку народнаго образованія въ Россіи. Желательно, чтобъ издатели озаботились скромной цѣной на это изданіе, которое могло бы оказать значительную услугу и скромному труженику „на нивѣ народной"—учителю, часто принужденному искать законности и справедливости среди темноты и невѣжества.

Несомнѣнно, полный справочникъ по народному образованію, полезный дѣятелямъ, окажетъ также пользу и дѣлу школьной реформы, насущному вопросу нашихъ дней.

Энциклопедическій словарь. Издателя Ф. Павленкова. Спб., 1899 г. *Словарь* г. Павленкова—большой томъ въ полторы почти тысячи страницъ (въ два столбца). Стóитъ онъ (въ хорошемъ переплетѣ) только три рубля. Въ книгѣ много политипажей, портретовъ и картъ. Объясненія, конечно, кратки, но количество ихъ достаточно полно. О нѣкоторыхъ пробѣлахъ можно пожалѣть (нѣтъ, напримѣръ, русскихъ

повременныхъ изданій). Нѣкоторые портреты неудовлетворительны: мало похожи. Къ словарю приложены „слова и выраженія, сохраняющія въ русской печати свое иностранное написаніе“ (наприм., *ad hominem*, *Allright*, и т. д.).

ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

Сборникъ журнала „Русское Богатство“.—„Русское Богатство“, *августъ*.—„Вѣстникъ Европы“, *сентябрь*.

Среди журналовъ, вышедшихъ за послѣдніе два мѣсяца, довольно большое мѣсто отводится беллетристикѣ. Къ этимъ журналамъ слѣдуетъ отнести и *Сборникъ Русскаго Богатства,* выпущенный въ свѣтъ въ августѣ и замѣняющій собою май, іюнь и іюль названнаго журнала, такъ какъ именно съ мая по августъ *Русское Богатство* не выходило. Въ *Сборникѣ* также достаточно беллетристики; мало того: здѣсь напечатано произведеніе, которое по справедливости можетъ быть поставлено гораздо выше многаго изъ новыхъ романовъ, повѣстей и разсказовъ. Такимъ произведеніемъ является, къ сожалѣнію, только часть изъ романа *Карьера Оладушкина* г. Михайловскаго; во всякомъ случаѣ, эта часть полна настолько захватывающаго интереса, что читатель начавшій читать *Карьеру Оладушкина,* едва ли разстанется съ книгою ранѣе, чѣмъ прочтетъ все напечатанное изъ этого романа до конца. Авторъ умѣетъ проникнуть въ самый тайникъ человѣческой души оттѣнить тѣ или иныя движенія и побужденія человѣческаго сердца, привести и движенія эти и побужденія въ связь съ той средой въ которой данному человѣку приходится дѣйствовать, умѣетъ, иначе говоря, нарисовать полный и яркій портретъ человѣка со всѣми его характерными особенностями. Таковъ именно портретъ Оладушкина. Типъ мстителя-неудачника за себя, за свои собственныя неудачи, принадлежитъ, безспорно, къ числу самыхъ сложныхъ и запутанныхъ типовъ, и впасть въ каррикатуру при изображеніи подобнаго типа очень легко. какъ очень легко не подыскать объясненія многимъ подчасъ отвратительнымъ его свойствамъ. Но г. Михайловскій даетъ въ Оладушкинѣ именно означенный типъ, причемъ подробно и выразительно изслѣдуетъ не только всѣ элементы, изъ которыхъ онъ слагается, но и условія и исторію возникновенія типа. Получается очень тяжелая картина. Начать съ того, что у Оладушкина нѣтъ принциповъ и убѣжденій, но при всемъ томъ онъ влюбленъ въ себя и постоянно любуется собственной особой. Какъ человѣкъ чуждый убѣжденіямъ, Оладушкинъ, по его словамъ, „впутался въ непріятную исторію, результатомъ которой были для него годъ тюрьмы и высылка въ Тмутаракань“, только *„по бездѣлью“*, а какъ влюбленный въ себя человѣкъ, онъ постоянно позируетъ: позируетъ и тогда, когда мечтаетъ въ молодые годы „о роли революціонера“ и о „ночныхъ совѣщаніяхъ“, позируетъ и тогда, когда въ разговорахъ съ своей хозяйкой, у которой онъ поселился на время, Евгеніей Павловной Зимогоровой, онъ жалуется ей, что онъ „трупъ, нравственный трупъ“, такъ какъ „все пережилъ, все прожилъ, во всемъ разочаровался“ (стр. 50), позируетъ и тогда, когда въ разсказѣ изъ своей жизни той же Евгеніи Павловнѣ „о бѣдствіяхъ на сушѣ и на моряхъ“, дочь петербургскаго чиновника, съ которою у него былъ романъ, онъ превращаетъ въ великосвѣтскую даму съ аристократически-тонкими чертами лица, причемъ въ свой раз-

сказъ онъ не стѣсняется ввести такую интимную подробность, что Евгенія Павловна „взглянула на него съ недоумѣніемъ и потомъ покраснѣла“; даже и тогда позировалъ Оладушкинъ, когда въ лунную ночь „любовался, пожалуй, всѣмъ, что было передъ балкономъ и на балконѣ, но больше всего ему нравилось въ картинѣ ночи то, чего онъ, за отсутствіемъ зеркала, видѣть не могъ: онъ самъ“. Поза являлась стихіей Оладушкина, недаромъ „вся его жизнь была рядомъ художественныхъ произведеній, въ которыхъ онъ рисовалъ себя то свѣтскимъ львомъ, то политическимъ заговорщикомъ, то во всемъ разочарованнымъ“. Въ соотвѣтствіе съ этой основной чертой характера Оладушкина, онъ поклонялся красотѣ и, конечно, совершенно отвлеченно отъ другихъ сторонъ жизни, почему и „не оскорблялся ея сочетаніями съ нравственной грязью“, такъ какъ стройнаго міросозерцанія у него не было при отсутствіи какихъ бы то ни было убѣжденій. Надо сказать, что онъ былъ сыномъ „безпутнаго отца и безпутной матери, разорившихся помѣщиковъ“, и росъ „безо всякаго призора“. Когда обнаружилось, что, несмотря ни на что, Оладушкину не повезло, что онъ оказался неудачникомъ, такъ какъ онъ не имѣлъ никакой возможности удовлетворять своимъ врожденнымъ аппетитамъ, т.-е. не могъ добыть денегъ и власти, онъ начинаетъ мстить за себя, и, конечно, въ ближайшемъ будущемъ долженъ пуститься во всѣ тяжкія. Разумѣется, зависть неоднократно заявляла о себѣ въ Оладушкинѣ, и это особенно ясно обнаружилось на балу, данномъ Евгеніей Павловной Зимогоровой. Здѣсь онъ весьма прозорливо догадался, что одинъ изъ гостей, Разстановъ, сосланный, бѣжавшій „изъ отдаленныхъ мѣстъ“ и назвавшійся Соломірскимъ, не тотъ, за кого онъ себя выдаетъ; Оладушкину, въ сущности, не было никакого дѣла до Соломірскаго, но такъ какъ этотъ Соломірскій имѣлъ большой успѣхъ въ обществѣ и еще раньше возбудилъ въ немъ ревность, то въ Оладушкинѣ заговорилъ „какой-то темный, злобный и мстительный инстинктъ“. Послѣ этого Оладушкинъ ясно намѣчаетъ свою карьеру, обращаетъ на себя вниманіе вліятельнаго Фонъ-Моренбурга своею объемистою рукописью „Истинные рыцари духа“, и съ этихъ поръ ради цѣли не будетъ выбирать средствъ. На этомъ г. Михайловскій и обрываетъ свой разсказъ, но читатель знаетъ, чѣмъ будетъ Оладушкинъ. Если онъ окажется шпіономъ, — никто не удивится: повторяемъ, г. Михайловскій надѣлилъ своего героя живою плотью и кровью. И кромѣ Оладушкина, въ разбираемомъ произведеніи все сплошь неприкрытая правда русской жизни. И учитель географіи Суровской, надѣленный эпитетомъ „мудрецъ“, который для большей убѣдительности въ разговорѣ на каждомъ шагу употребляетъ слово „фактъ“, и сестра его Зимогорова, или „мудрица“, и мужъ ея, и жена Цезаря Моренбурга, и всѣ второстепенныя и даже третьестепенныя лица произведенія, равно какъ ихъ жизнь и обстановка, поразительны со стороны ихъ жизненности и правдивости. Нельзя еще разъ не пожалѣть, что романъ напечатанъ только частично, иначе получилось бы крупное произведеніе беллетристики.

Нельзя того же сказать о разсказѣ г. Короленка *Маруся,* напечатанномъ также въ *Сборникѣ*. Конечно, въ этомъ разсказѣ изъ жизни бродягъ и бѣглыхъ каторжниковъ въ Якутской области талантъ даровитаго писателя то и дѣло заявляетъ о себѣ, такъ что цѣлый рядъ страницъ не оставляетъ желать ничего лучшаго, но въ общемъ едва ли произведеніе можетъ назваться стройнымъ; идея же разсказа про-

изводитъ впечатлѣніе нѣкоторой предвзятости. Во всякомъ случаѣ, произведеніе г. Короленка страдаетъ такими длинными отступленіями, что нить его не разъ ускользаетъ отъ самаго внимательнаго читателя. Съ другой стороны, трудно допустить, что Маруся, повѣнчавшаяся „бродяжьимъ бракомъ“ съ удалымъ щеголеватымъ красавцемъ Степаномъ, могла промѣнять его на некрасиваго работника Тимоху, которому уже за сорокъ и у котораго „пыль на лицѣ и шеѣ размокла отъ пота, рукавъ грязной рубахи былъ разорванъ, истертый, измызганный оленій треухъ беззаботно покрывалъ его голову, придавая ему какой-то архаическій видъ“. Вышло это, какъ объясняетъ г. Короленко, потому, что Маруся, „ломанная и смятая бурей, стремилась возстановить въ себѣ женщину и хозяйку“, а для такого возстановленія ей нуженъ былъ хозяинъ, какимъ не могъ быть стремящійся „на пріиска“ Степанъ. Однако, подобное объясненіе трудно считать удовлетворительнымъ вполнѣ. Ни откуда не видно, что Маруся именно та женщина, въ которой рано или поздно должны заговорить инстинкты хозяйки. Правда, когда Тимоха разсказываетъ о приключеніи съ полоской, которую онъ распахалъ, но на которой якуты въ теченіе ночи „всѣ борозды, какъ есть, до-чиста руками назадъ повывернули, травой, понимаешь, кверху, а кореньемъ-то опять книзу“, Маруся обнаруживаетъ самый неподдѣльный интересъ, вздыхаетъ, жадно вслушивается въ разсказъ, словно онъ ее задѣваетъ за живое и напоминаетъ ей о чемъ-то близкомъ ей, но вѣдь со Степаномъ она прошла всю Сибирь и, судя по разсказу, страстно была къ нему привязана. Можетъ быть г. Короленко именно этимъ обстоятельствомъ и желаетъ подчеркнуть силу стремленія Маруси къ домашнему очагу, но для читателя и стремленіе это, и самый образъ Маруси остаются непонятными. Прошлое Маруси извѣстно очень мало; неизвѣстно даже, какъ и за что она попала въ каторгу, о томъ же, какъ жила до каторги, не говорится ни слова. Такимъ образомъ, въ ея инстинктахъ хозяйки нѣтъ, по всѣмъ даннымъ, никакой внутренней необходимости, и читатель остается въ недоумѣніи.

Есть въ разсматриваемомъ *Сборникѣ* и эскизъ г. Мамина-Сибиряка, подъ названіемъ *У святыхъ могилокъ*. Содержаніе эскиза очень несложно. Отставной сибирскій исправникъ Платонъ Шмаровъ, направляющій по узкому степному проселку свои стопы въ Петербургъ, остановился отдохнуть у святыхъ башкирскихъ могилъ. Тутъ онъ встрѣчается съ мужичкомъ-старичкомъ изъ Рязанской губерніи Ильей Моисеевымъ Гладкимъ, и разговоръ его съ этимъ мужичкомъ и составляетъ содержаніе эскиза. Профессіональная искалѣченность бывшаго исправника выступаетъ въ эскизѣ замѣчательно ясно. Уже 9 лѣтъ въ отставкѣ Платонъ Шмаровъ, но исправникъ все еще живетъ въ немъ. Повстрѣчавшись съ Ильей Гладкимъ на дорогѣ, онъ прежде всего задаетъ ему вопросъ: „Что за человѣкъ?“ и далѣе: „А паспортъ есть?“ Онъ этимъ даже не ограничивается, и когда Гладкій показываетъ ему паспортъ, онъ начинаетъ провѣрять примѣты мужика. Вопросъ о паспортѣ снова появляется на сцену, какъ только Гладкій называетъ въ разговорѣ другого мужика, какого-то отсутствующаго Сплантія. Но и этого мало. Шмаровъ ложится и засыпаетъ; разбуженный ударомъ грома и еще не понимая спросонья, въ чемъ дѣло, онъ вскакиваетъ и строгимъ голосомъ бормочетъ: „Что-о? Паспортъ имѣешь? Куда, откуда? Зачѣмъ?“. Всѣ мечты Шмарова сводятся къ возможности возвратить утраченное благосостояніе, которымъ онъ обладалъ въ дни исправничества. Онъ радъ

Гладкому просто какъ живому человѣку, который слушаетъ его и передъ которымъ онъ можетъ сколько угодно фантазировать. Экспромтомъ онъ тутъ же сочиняетъ фантастическій разсказъ о томъ, какъ за него въ Петербургѣ замолвитъ словечко его тетка „полная генеральша", у своихъ знакомыхъ „тоже полныхъ генераловъ". Результатъ этого словечка, по его мнѣнію, не замедлитъ осуществиться, а онъ опять будетъ начальствовать въ Сибири. При чтеніи эскиза, во многихъ мѣстахъ невозможно удержаться отъ смѣха, до такой степени онъ полонъ глубокаго и тонкаго юмора. И смѣшно на Шмарова, и жалко этого получеловѣка. Гладкій тоже очень хорошъ.

Послѣ эскиза г. Мамина-Сибиряка нельзя обойти молчаніемъ и разсказа г. Мельшина *На службѣ обществу*. Дѣло происходитъ на Аргуни въ селеніи Шиходаркѣ. Въ селеніи живетъ мужикъ Павелъ Амплѣичъ Лагуновъ. Онъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ мѣстнымъ докторомъ Ѳеодоромъ Ивановичемъ и считаетъ его своимъ учителемъ, разспрашивая его обо всемъ на свѣтѣ, неся къ нему всѣ свои думы и мысли и совѣтуясь съ нимъ. Подъ вліяніемъ доктора же Лагуновъ сдѣлался „радѣтелемъ объ общественномъ благѣ" и собирается послужить обществу въ качествѣ писаря, на что испрашиваетъ какъ бы благословенія у Ѳедора Ивановича. Вскорѣ послѣ того, какъ должность сельскаго писаря была занята имъ, по деревнѣ Шиходаркѣ разнесся сенсаціонный слухъ, что новымъ писаремъ открыта большая растрата общественныхъ суммъ, найдены доказательства стачки между бывшимъ писаремъ, кабатчикомъ Бѣляевымъ и торговцемъ Коровинымъ, и что всѣ они должны пойти подъ судъ". Такъ обнаружилась служба Лагунова обществу,—какое же возмездіе получилъ онъ за эту службу? „Кабатчикъ Бѣляевъ выкатилъ народу цѣлую бочку водки", къ Лагунову явились мірскіе депутаты, чуть ли не силой затащили его въ кабакъ, и тамъ одинъ „сгребъ его за грудь", другой „подскочилъ и началъ лупить", а черезъ нѣсколько часовъ онъ отдалъ Богу душу. Г. Мельшинъ даетъ полную картину жизни въ деревнѣ Шиходаркѣ, и если разсказанное поведеніе этой деревни относительно Лагунова представляетъ собою „старую исторію", самъ Лагуновъ и его чуткое отношеніе къ доктору Ѳеодору Ивановичу во всякомъ случаѣ нѣчто новое, и вполнѣ правдивое. Въ заключеніе, авторъ очерка *На службѣ обществу* произноситъ прекрасныя слова. Характеризуя мѣстность, гдѣ произошло приключеніе съ Лагуновымъ, онъ называетъ ее „страннымъ сказочно-тихимъ міромъ" и продолжаетъ: „онъ не мертвъ, этотъ странный сказочно-тихій міръ, онъ только спитъ и видитъ страшные сны. Тамъ, глубоко внутри таится еще мало сознательная, но уже дѣятельная работа мысли, рвущейся къ свѣту... Пробьется наружу небольшой, нѣжный ростокъ жизни и тотчасъ же завянетъ подъ холоднымъ дуновеніемъ могучихъ чаръ... Когда же и кто развѣетъ, кто побѣдитъ власть этихъ темныхъ силъ?"

Изъ остальной беллетристики *Сборника* разсказъ г. Сѣверова *Современная Миньона* довольно шаблоненъ, хотя написанъ и не безъ теплоты; тѣмъ не менѣе, однако, какъ это видно изъ предшествующаго, *Сборникъ* со стороны беллетристики чрезвычайно содержателенъ, и въ этомъ отношеніи августъ *Русскаго Богатства* значительно уступаетъ ему. Тутъ прежде всего мы находимъ эскизъ г-жи О. Шапиръ *Мимо*. Хотя это и эскизъ только, но и отъ эскиза позволяется требовать чего-либо болѣе или менѣе уловимаго. Между тѣмъ въ эскизѣ *Мимо* авторъ на 25 страницахъ разсказываетъ только о томъ, какъ какая-то мать Боба (имя ребенка) встрѣтилась на пароходѣ съ какимъ-

то неизвѣстнымъ пассажиромъ, и какъ оба, заинтересовавшись другъ другомъ, проводятъ незамѣтно время на пространствѣ отъ Одессы до Севастополя. Для читателя остается неизвѣстнымъ, кѣмъ былъ пассажиръ: автору кажется, быть можетъ, что для читателя, какъ и для героини даже нѣтъ надобности знать, кто такой этотъ таинственный незнакомецъ: инженеръ ли онъ, адвокатъ, докторъ, писатель или землевладѣлецъ; не нужно знать и его фамиліи. Точно также и о героинѣ эскиза, кромѣ того, что она мать Боба, изъ произведенія можно заключить только о томъ, что она была въ сѣрой шапочкѣ. Мораль разсказа, повидимому, та, что иногда человѣку необходимо переживать „чистыя радости", по крайней мѣрѣ, когда пассажиръ увидалъ, какъ юные глазки матери Боба „застѣнчиво и неумѣло прячущіе какое-то большое горе, оживились надеждой, засіяли восторгомъ" отъ его разговора и обращенія, онъ „пережилъ чистую радость" и остался доволенъ собой. Это очень мимолетно, конечно, но и, по мнѣнію пассажира, и по мнѣнію г-жи О. Шапиръ, это очень необходимо иногда. Пусть такъ, но, по нашему мнѣнію, изъ-за этого все-таки не стоило писать эскиза въ 25 страницъ.

Другой разсказъ *Русскаго Богатства* носитъ названіе *На заводѣ* и принадлежитъ г. Серафимовичу. Разсказъ этотъ представляетъ изъ себя выдержку изъ записной книжки и не содержитъ въ себѣ ничего такого, о чемъ десятки разъ и гораздо удачнѣе не писали бы другіе писатели. Конечно, стóитъ лишній разъ указать на то, что на заводахъ бываютъ люди „безъ отдыха" въ буквальномъ смыслѣ этого слова, потому что они въ теченіе трехсотъ шестидесяти пяти дней стоятъ на одной и той же площадкѣ, поворачиваютъ однѣ и тѣ же рукоятки, ѣздятъ изъ конца въ конецъ вдоль однѣхъ и тѣхъ же печей, „и это не годъ и не два, а цѣлыхъ одиннадцать лѣтъ"; но г. Серафимовичъ только указываетъ и разсуждаетъ по этому поводу, картинъ же и образовъ даетъ чрезвычайно мало. Такимъ образомъ, какъ беллетристическое произведеніе, выдержка изъ записной книжки г. Серафимовича не очень высокихъ достоинствъ, и это особенно подтверждается началомъ его произведенія. Вся I глава посвящена довольно детальному изображенію „купчины", сидѣвшаго въ вагонѣ визави съ г. Серафимовичемъ, но къ „дѣлу" это изображеніе имѣетъ очень мало отношенія. Правда, „купчина" зналъ заводъ, куда направлялся разсказчикъ, но разговоръ попутчиковъ только слегка коснулся завода, и читатель недоумѣваетъ, зачѣмъ эпизоду съ „купчиной" отведено мѣсто въ разсматриваемомъ произведеніи.

Кончились, наконецъ, въ сентябрѣ *Вѣстника Европы Каникулы* г-жи Бердяевой. Помимо того, что эту „повѣсть", какъ называетъ г-жа Бердяева свое произведеніе, слѣдовало бы сократить, по крайней мѣрѣ, вдвое, она удивительно какъ оправдываетъ поговорку: „началъ за здравіе, а кончилъ за упокой". Сначала все идетъ чинъ-чиномъ и честь-честью. Двѣ барышни Караваевы, Алла и Женя, изъ которыхъ первая очень умна, а вторая—очень красива, пріѣзжаютъ, послѣ окончанія курса въ гимназіи, домой, въ провинціальный городъ. У нихъ мать Ирина Васильевна и отецъ Николай Ивановичъ, люди, что называется, стародавніе, съ предразсудками, причемъ мать, сверхъ того, довольно крутого и невоздержаннаго нрава. Все это, разумѣется, бываетъ, и вы читаете обо всемъ этомъ съ нѣкоторымъ интересомъ. Интересны и всѣ остальные члены семьи Караваевыхъ, и общество, окружающее ихъ, такъ что изъ книги *Вѣстника Европы*, гдѣ только на-

чаты *Каникулы*, вы выносите желаніе читать дальше. Однако почти съ первыхъ же страницъ второй книги (іюля) и вплоть до послѣдней включительно (сентября) вамъ не остается ничего другого, какъ почти каждую минуту пожимать плечами. По всей справедливости, это не литературное произведеніе, а какая-то стряпня! Даже и разсказать-то мало-мальски послѣдовательно, что такое происходитъ въ „повѣсти“ *Каникулы*, трудно. Тутъ есть и „двоюродный братъ“ сестеръ Караваевыхъ, Гриша, который сочувствуетъ Аллѣ въ ея поползновеніяхъ учиться медицинѣ, есть и пьяница докторъ Михайловъ, который появляется, повидимому, для обрисовки провинціальнаго общества и въ концѣ концовъ повѣсился ночью у себя на квартирѣ, есть и товарищи Гриши, Перель, Лошинскій и другіе, которые очень много говорятъ и философствуютъ, но очень мало понятны читателю, есть и Леля, подруга Караваевыхъ по гимназіи, которая довольно неожиданно пріѣзжаетъ къ Караваемымъ съ тѣмъ, чтобы вскружить голову Гришѣ, также неожиданно сойти со сцены „повѣсти“ и остаться совершенно неопредѣленною личностью, есть и Николай Александровичъ, у котораго былъ обыскъ и котораго выслали въ двадцать четыре часа изъ губерніи, такъ какъ, „кромѣ обвиненія въ устройствѣ школы безъ разрѣшенія начальства, его еще подозрѣвали въ близкомъ знакомствѣ съ рабочими“, есть и многіе другіе, которые, каждый въ своемъ родѣ, представляютъ загадку для читателя.

Таковы дѣйствующія лица повѣсти; что же до фактовъ, то они не менѣе удивительны, хотя ихъ гораздо меньше, чѣмъ дѣйствующихъ лицъ, такъ какъ эти послѣднія только и дѣлаютъ, что разговариваютъ, а не дѣйствуютъ. Впрочемъ, безъ фактовъ, разумѣется, дѣло не обходится, и изъ этихъ фактовъ особенно замѣчательны два: во-первыхъ, балъ, а, во-вторыхъ, пожаръ. Зачѣмъ случился балъ,—это еще можно какъ-нибудь себѣ объяснить, хотя онъ больше заполняетъ страницы „повѣсти“, чѣмъ является естественнымъ и необходимымъ моментомъ „повѣсти“, но зачѣмъ понадобился пожаръ,—на это можетъ быть только одинъ отвѣтъ: авторъ почувствовалъ, что пора кончать, а какъ кончать, онъ не зналъ, и вотъ пожаръ сослужилъ службу въ лучшемъ видѣ. Работавшій на этомъ пожарѣ Гриша, спасая одну безногую старуху, получаетъ такіе серьезные ушибы во всемъ тѣлѣ, что черезъ нѣсколько дней умираетъ. Передъ смертью онъ отдаетъ Аллѣ деньги, которыя онъ скопилъ для своего пребыванія въ университетѣ, и Аллѣ открывается возможность удовлетворить своей жаждѣ учиться и приносить пользу обществу, чего такъ не желала ея мать и за что подвергала дочь жесточайшимъ оскорбленіямъ. Какъ видно, въ концѣ концовъ г-жѣ Бердяевой удается вложить тенденцію въ свое произведеніе: погибъ Гриша, но воспрянула духомъ Алла. Относительно совершенствъ этой тенденціи предоставляется судить читателю, мы же, съ своей стороны, не можемъ удержаться отъ того замѣчанія, что смыслъ указанной тенденціи очень плохо вяжется со всѣмъ, что насовано г-жей Бердяевой въ ея произведеніе. Во всякомъ случаѣ, улучшеніе участи Аллы, которая занимаетъ, какъ надо думать, г-жу Бердяеву больше всѣхъ другихъ персонажей въ ея „повѣсти“, такъ дорого автору, что онъ забылъ довести до свѣдѣнія читателя, въ какомъ же положеніи остались всѣ остальныя дѣйствующія лица его повѣствованія.

Въ томъ же сентябрѣ *Вѣстника Европы* помѣщенъ „дневникъ незамѣтной женщины“, озаглавленной *Одиночество* и написанный Р. М.

Хинъ. Какое это теплое и задушевное произведеніе! Въ истинномъ одиночествѣ, также какъ и въ искренности „незамѣтной женщины“ никто не станетъ сомнѣваться. Что до того, что у нея есть мужъ, есть и дочь: и тотъ, и другой, благодаря условіямъ и обстоятельствамъ жизни, одинаково далеки отъ нея. Мужъ со своимъ стремленьемъ владѣть и покорять, и со своимъ барствомъ вполнѣ чуждъ женѣ, дочь похожа на отца: она хороша собой, но такъ же, какъ и онъ, холодна, безстрастна и разсчетлива. Такимъ образомъ, оставшейся въ одиночествѣ женщинѣ приходится многое таить въ душѣ или довѣрять строчкамъ дневника. И то, что попадаетъ въ этотъ дневникъ, дышитъ такой грустью и такой печалью, что читатель сердечно жалѣетъ ту, которая писала его. Само собою разумѣется, что у одинокаго, но глубоко чувствующаго и упорно мыслящаго человѣка должна развиться тонкая наблюдательность, и съ этой стороны „дневникъ незамѣтной женщины“ блещетъ въ своемъ родѣ перлами: то и дѣло встрѣчаешься здѣсь съ глубоко вѣрными замѣчаніями. Еслибъ описанное въ „дневникѣ“ можно было считать исключительнымъ явленіемъ, цѣнность его, разумѣется, значительно бы уменьшилась, но въ томъ-то и дѣло, что записки незамѣтной женщины касаются очень типичныхъ случаевъ жизни.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 сентября по 1 октября 1899 г.

Битнеръ, В. В. Вѣрить или не вѣрить? Экскурсія въ области таинственнаго. Спб., 1899 г. Ц. 1 р. 50 к. Изд. Ф. Павленкова.

Вагнеръ, Р. Персифаль. Драма-мистерія. М., 1899 г. Ц. 40 к.

Варлихъ, В. К. Русскія лѣкарственныя растенія. Вып. III. Спб., 1899 г. Подп. ц. за 5 вып. 9 руб. Изд. А. Ф. Девріена.

Вейнбергъ, Б. П. Работа и энергія. Спб., 1899 г. Ц. 35 к.

Воскресенскій, Н. Обзоръ дѣятел. ворон. окружн. правленія Император. Россійск. общ. спасанія на водахъ за 25-лѣтіе 1873—1898 гг. Воронежъ, 1899 г.

Второй сборникъ публичныхъ лекцій, читанныхъ въ 1897 и 1899 гг. въ Ново-Александрійскомъ институтѣ сельскаго хоз. и лѣсов. въ пользу недост. студ. этого института. Варшава, 1899 г. Ц. 1 р 25 к.

Ганнушкинъ, М. Народонаселеніе, какъ самостоятельный факторъ въ экономической эволюціи. М., 1899 г.

Гейерстамъ, Густавъ, Погибшая жизнь. Спб., 1899 г. Изд. О. Н. Поповой.

Гётте, А. Зоологія. Наука о животныхъ. Изд. 2-е. Одесса, 1899 г. Ц. 50 к.

Гиляровъ, А. Н. Что такое философія и что она можетъ и чего не можетъ дать. Кіевъ, 1899 г.

Глинка, О. Нѣсколько данныхъ о франц. жел. дор. Кіевъ, 1899 г.

Гольцманъ, Оскаръ. Паденіе іудейскаго государства. Пер. съ нѣм. М., 1899 г. Ц. 2 р.

Гопа, Антони. На скользкомъ пути. Ром. съ англ. М., 1899 г. Ц. 1 р. 50 коп. Изд. кн. скл. Д. П Ефимова.

Грабине, А. Т. Дивоче сердце. Шутка въ 1 дѣйствіи. Кіевъ, 1899 г.

Градовскій, А. Д. Собраніе сочиненій. Т. III. Спб., 1899 г. Ц. 3 р.

Гриммъ, О. А. Бесѣды о прудовомъ хозяйствѣ. 4-е изд. съ 34 рисунк. въ текстѣ. Спб., 1899 г. Ц. 75 коп. Изд. А. Ф. Девріена.

Деберль, Альфредъ. Исторія Южной Америки отъ завоеванія до нашего времени, съ картой Южной Америки. Спб., 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Доклады VI очеред. общ. собр. членовъ общ. взаимн. вспомощ. учителямъ и учительницамъ Нижегородской губ. и отчетъ правленія за 1898 г., съ прил. доклада А. П. Лебедева о положеніи народ. учителей въ Нижегородской губ. Н.-Новгородъ, 1899 г.

Ежъ. На разсвѣтѣ. Спб., 1899 г. Ц. 60 коп.

Елагинъ, П. Н. Практическое птицеводство. Изд. 2-е съ 120 рис. Спб., 1899 г. Ц. 2 р. Изд. А. Ф. Девріена.

Журналы уржумск. уѣздн. земск. собранія XXII-й очередной сессіи 1898 г. Т. I и II-й Вятка, 1899 г.

Журналы малмыжскаго уѣзднаго собранія XXXII очередн. сессіи 1898 г. Малмыжъ, 1899 г.

Золя, Эм. Напа. М., 1899 г. Ц. 1 р. Изд. кн. скл. Д. П. Ефимова.

Зомбертъ, Вернеръ. Очерки промышленнаго развитія Германіи. 1) Германія наканунѣ экономическаго переворота. Спб., 1900 г. Ц. 60 к. Изд. О. Н. Поповой.

Зубаревъ, Ѳ. XX вѣкъ. Человѣчество на пути къ истинѣ. Варшава, 1899 г. Ц. 40 к. Изд. автора.

Ивакинъ, И. М. и Гилякъ, И. И. Пер. съ чешск. Янъ Гусъ. Драма въ 5 дѣйств. Москва, 1899 г. Ц. 50 к.

Карамзинъ, Д. Вредныя насѣкомыя для сада, огорода и оранжерей и способы ихъ истребленія. Спб. 1899 г. Ц. 40 к Изд кн. маг. „Деревня".

Книжки для деревни: 1) Лѣчебникъ домашнихъ животныхъ, ц 15 к. 2) Борьба съ пожарами въ деревнѣ, ц. 10 к. 3) Стельная корова, ц. 7 к. М., 1899 г. Изд. Д. М. Городецкаго.

Короленко, В. Г. 1) Сонъ Макара, ц. 8 к 2) Лѣсъ шумитъ, ц. 6 к. Спб., 1899 г. Изд. М. Дорошенко.

Котельниковъ, В Г. Воздѣлываніе простого табака-махорки. Изд 2-е съ 7-ю политип. въ текстѣ Спб., 1899 г. Ц. 50 к Изд. А. Ф. Девріена

Кутше, Н. Отчетъ о состояніи елабужскаго городского трехкласснаго училища 1888—1899 г. Елабуга, 1899 г.

Леманнъ. Иллюстр. исторія суевѣрій и волшебства в. IV М., 1899 г. Подп. ц. 4 р Изд. маг. „Книжно Дѣло".

Ленсъ, И. А. Состояніе народ. образованія въ Казанскомъ у. за 1898—9 учебный годъ. Казань, 1899 г.

Лермонтовъ, М. Ю. 1) Пѣсня про купца Калашникова. ц. 4 к. 2) Бояринъ Орша, ц. 5 к. Владиміръ, 1899 г. Изд. М Ѳ. Тихомірова.

Маминъ-Сибирякъ, Д Н. Озорникъ. Спб., 1899 г Ц. 8 к.

Матеріалы къ оцѣнкѣ земель Нижегородской губ. Экономическая часть, в. XIV. Н.-Новгородъ, 1899 г.

Мачтетъ Г. Не выдержалъ. Повѣсть. Спб., 1899 г. Изд. О. Н. Поповой.

Мериме Проспера. Маттео Фальконе. Спб., 1899 г. Ц. 5 к.

Мигулинъ, П. П. Русскій государственный кредитъ (1769—1899 г.). Т. I. Харьковъ, 1899 г. Ц. 2 р.

Мопассанъ. 1) Пышка (изъ франк.-прусск. войны). 2) Потѣхи войны (изъ франк.-прусск. войны). Спб., 1899 г. Изд. О. Н. Поповой.

Мура, Ф. Милліонеры. Ром. съ англ М., 1899 г Ц 1 р. Изд. Д. П. Ефимова.

Новицкій, А. П. Исторія русскаго искусства. Вып. IV. М., 1899 г. Изд. маг. „Книжное Дѣло".

Нордау, Максъ. Комедія чувства М., 1899 г. Ц. 1 р. Изд Д. П. Ефимова.

Отчетъ о дѣятельности союза взаимопощи русскихъ писателей за 1897 и 1898 гг. Спб., 1899 г.

Отчетъ о дѣятельн учебн. отдѣла общ. распр. технич. знаній, состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Его Императ. Высочества Вел. Кн. Алексѣя Александровича за 1898 г. М., 1899 г.

Павловъ, Н. Опытъ систем. сборника задачъ и численныхъ примѣровъ для начал. обученія ариѳметики. Ч. 1 и 2. Казань 1899 г. Ц. 1 ч. 15 к., ц. 2 ч. 20 коп.

Петровъ, К. Ѳ. Пушкинъ, какъ учитель молодого поколѣнія. Спб., 1899 г. Ц. 30 к.

Погосскій, А Ѳ. Полное собраніе сочиненій въ 4 т. Т. I. Спб., 1899 г.

Позняковъ, Н. 1) Было бы болото... 2) Соловьиный садъ и др. разсказы, ц. 1 р. 3) Въ лучшіе годы, ц 2 р. Спб., 1900 г.

Потапенко, И. Н. 1) Ахметка саратовскій. 2) Остроумно. Спб., 1899 г. Изд. О. Н. Поповой.

— Черезъ любовь. М., 1899 г. Ц. 1 р. Изд. кн. маг. Д. П. Ефимова.

Потебня, А. Изъ записокъ по русской грамматикѣ. Т. III. Харьковъ, 1899 г. Ц. 6 р.

Пружанскій, Н. 1) Необыкновенная исторія обыкновенныхъ событій и др. разсказы, ц. 1 р. 30 к. 2) Между фантазіей и дѣйствительностью, ц. 1 р. 30 коп. Спб., 1900 г.

Пти-де-Жюльвилль, Л. Иллюстр. исторія новѣйшей французской литературы. Пер. съ франц. Ю. А. Веселовскаго со вступит. статьей проф. Имп. Моск. универ. А. Н. Веселовскаго. М., 1899 г. Подп ц. 8 р. 50 к. Изданіе маг. „Книжное Дѣло".

Регель, А. Э. Типы теплицъ, оранжерей, грунтов. сараевъ и шампиньонницъ для сѣвернаго климата. Изд. 3-е съ 45 рис. въ текстѣ. Спб., 1899 г. Ц. 60 к. Изд. А. Ф. Девріена.

Риббингъ, С. Какъ слѣдуетъ выбирать мужа и жену? М., 1899 г. Ц. 30 к.

Руководство къ плодоводству для практиковъ по Гоше. Подъ ред. проф. А. Ф. Рудзкаго съ 800 полиг. Спб., 1899 г. Подп. ц. за 10 вып. 9 р. Изд. А. Ф. Деріена.

Саловъ. И. А. Мелочи жизни. М., 1898 г. Ц. 1 р. 25 к. Изд. ред. журн. „Читатель".

Сборникъ статистическихъ свѣдѣній начальнаго народнаго образованія въ Орловской губ. за 1896—7 учебн. годъ съ 10 картогр. и 7 діагр. Орелъ, 1899 г.

Сельско-хозяйственный обзоръ за десятилѣтіе 1886—1895 гг. съ діаграммами и картограммами. Орелъ, 1899 г.

Сидней и Беатриса Веббъ. Теорія и практика англ. трэдъ-юніонизма. Т. I. Подъ ред. П. Струве. Спб., 1899 г. Ц. 2 р. 50 к.

Скрамъ, А. Мужъ и жена (Сіюръ Габріэль). Спб., 1899 г. Изданіе О. Н. Поповой.

Соболевъ, Н. М. Коммерческая географія Россіи. Очеркъ хозяйствен. статистики и географіи Россіи сравнительно съ иностран. государств. М, 1900 г. Ц. 1 р. 25 к. Изд. маг. „Книжное Дѣло".

Стенографическій отчетъ очер. твер. губ. земск. собр. сессіи 1898 г. засѣданій 8, 9, 11—16, 18—23 января 1899 г. Тверь, 1899 г.

Томсонъ, І. А. Жизнь животныхъ. Ч. I съ 15 рис. въ текстѣ. М., 1900 г. Ц. 30 к. Изд. маг. „Книжное Дѣло“.

Труды отдѣла ботаники Императорскаго русскаго общества акклиматизаціи животныхъ и растеній. Т. I, вып. I подъ ред. Н. Ѳ. Золотницкаго. М., 1899 г.

Фальборкъ, Г. и Чарнолускій, В. Настольная книга по народному образованію. Т. I. Спб., 1899 г. Изд. Т-ства „Знаніе“.

Филипповъ, Т. Три замѣчательные старообрядца. Спб., 1899 г. Ц. 50 к.

Флери, Морисъ. Патологія души. Популярныя бесѣды съ 14 рисунк. въ текстѣ. Спб., 1899 г. Ц. 1 р.

Франко, И. Къ свѣту. Разсказъ. Спб., 1899 г. Изд. О. Н. Поповой.

Френе, Ф. Сборникъ задачъ по анализу безконечно-малыхъ. Ч. I. Дифференціальное исчисленіе. Пер. А. П. Ненашева. М., 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Художественно-Общедоступный театръ. Отчетъ о дѣят. за 1-й годъ. М., 1899 г.

Choodnovsky, Z. English Grammar, Letter, Prose and Poetry for Russian Schools. Одесса, 1900 г. Ц. 1 р. 50 к. безъ перес.

XII международный съѣздъ врачей. Русская земская медицина съ картами, планами и діаграммами М., 1899 г. Ц. 3 р.

Чеплеевскій, К. Б. Тайга и золото, съ 12 рис. и картою Восточной части Сибири. Спб., 1899 г. Ц. 2 р. 50 к.

Череповъ, А. Р. 1) Что долженъ знать хозяинъ о молочной коровѣ, выборъ молочной коровы. Съ рис. 2) Кормленіе по нормамъ. Спб., 1898 г. Ц. 20 к.

Чешихинъ, Всев. „Парсиваль“. Драма-мистерія Рих. Вагнера. Критич. этюдъ. Спб., 1899 г. Ц. 30 к.

Шарковъ. Календарь земледѣльца на 1900 г. Спб., 1899 г. Ц. 6 к.

Шпильгагенъ, Фр. Одинъ въ полѣ не воинъ. Пер. съ нѣм. М. Лихтенштедтъ. Спб., 1899 г. Ц. 1 р. 25 к. Изд. Ф. Павленкова.

Этико-художественная библ. 1) Янжулъ, И. И.—Сосѣдскія гильдіи, ц. 20 коп. 2) Киплингъ.—Чудо пуранъ Багата, ц. 15 к. 3) Больтонъ-Голль. — Истинная жизнь, ц. 20 к. 4) Потапенко И.—Забытый пономарь, ц. 20 к. 5) Меньшиковъ, М. О.—Дѣти, ц. 20 к. М., 1899 г.

Яковлева, З. Повѣсти и разсказы. Спб., 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

„Библіографическаго отдѣла“.

I. Книги.

II. Періодическія изданія.

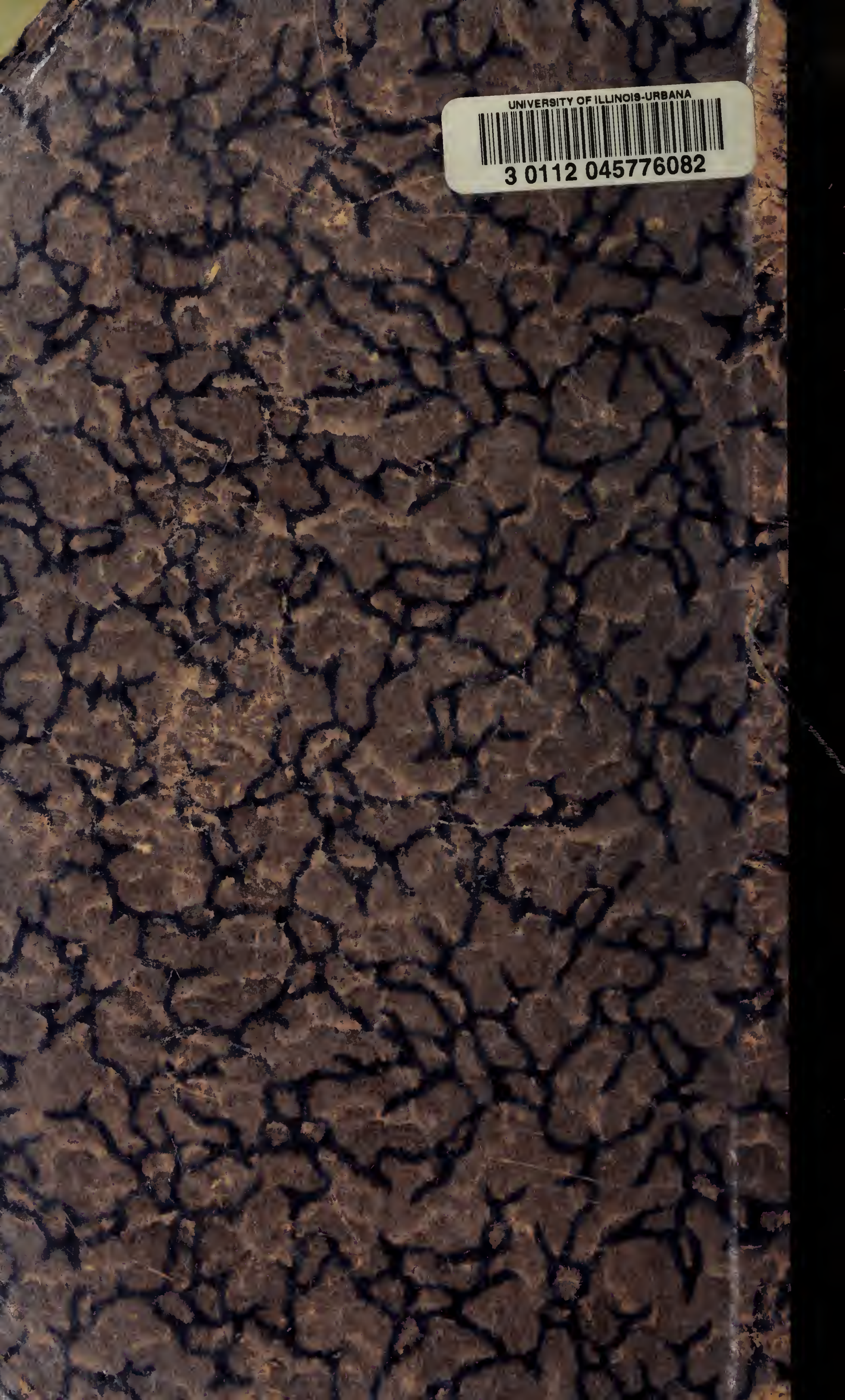
III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 сентября по 1 октября 1899 г.

53

Для личныхъ переговоровъ, пріема и выдачи рукописей редакція «Русской Мысли» открыта по средамъ и субботамъ отъ 1—3 часовъ дня.

Непринятыя редакціей рукописи хранятся въ теченіе 6 мѣсяцевъ со дня отправки извѣщенія автору; по истеченіи этого срока уничтожаются.

Непринятыя стихотворенія редакціей не сохраняются. Авторы, въ теченіе 3 мѣс. не получившіе утвердительнаго отвѣта, могутъ располагать стихотвореніями по своему усмотрѣнію. По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не входитъ въ переписку.


UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 045776082